ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том IX

Книга 1

Беседы на Деяния Апостольские

БЕСЕДА 1 (на Деян.1:1-2). Значение книги Деяний Апостольских. – Почему о божестве Христа не говорится в Деяниях с ясностью. – Почему крещение во время Златоуста не совершалось в Пятидесятницу. – О тех, которые отлагают крещение. – Крещение не должно быть отлагаемо.

БЕСЕДА 2 (на Деян.1:6). Против манихеев.

БЕСЕДА 3 (на Деян.1:12). Должность епископа. – Его достоинство.

БЕСЕДА 4 (на Деян.2:1-2). Почему в Пятидесятницу сошел Дух Святый. – Дух Святой сошел на молящихся. – Об ап. Петре. – Сравнение апостолов с философами.

БЕСЕДА 5 (на Деян.2:14). Нужно избегать лести. – Что значит – луна превратится в кровь. – В чем истинная польза епископа. – Христос установил новые законы.

БЕСЕДА 6 (на Деян.2:22). Достоинство Петра. – Что значит – любить Христа. – Чем отличается незлобивая душа. – Вред, причиняемый гневом.

БЕСЕДА 7 (на Деян.2:37). Кротость – великое благо. Нечестивый – сам для себя враг.

БЕСЕДА 8 (на Деян.3:1)**.** Петр не искал славы. – Добродетель всегда полезна. – Грехи подобны терниям. – Твердость духа святителя. – Толпа, не исполняющая воли Божией, ничего не стоит.

БЕСЕДА 9 (на Деян. 3:12). Скромность говорящего приносит большую пользу слушающему. – Свойство речи Петра. – Бог и злодеяния направляет к благу. – Против употребления клятвы.

БЕСЕДА 10 (на Деян. 4:1). Сила речи Петровой. – Доблесть апостолов. – Твердость Петра. – Суетность зрелищ. – Против клятвы.

БЕСЕДА 11 (на Деян. 4:23). Знамения воскресения. – Богатство, население Константинополя и милостыня. – Против клятвы.

БЕСЕДА 12 (на Деян. 4:36-37). Из каких противоположностей слагалась жизнь апостолов. – О святотатцах времени Златоуста. – Удивительная жизнь первых христиан. – Много согрешающим следует много бояться.

БЕСЕДА 13 (на Деян. 5: 17-18). Радость страдающих за Христа. - Бедность - надежная защита. - Против клятвы.

БЕСЕДА 14 (на Деян. 5:34). Что такое - ежедневное служение. - Когда появилось название пресвитеров и диаконов. - Любовь и милосердие к врагам. - Никто не может нас обидеть кроме нас самих.

БЕСЕДА 15 (на Деян. 6: 8). При рукоположении нисходит Дух Снятый. - Как нужно укрощать гнев. - Гнев постыден.

БЕСЕДА 16 (на Деян. 7: 6-7). Предъизображение воскресения в ветхом завете. - Промысл Божий. - Скорбь - благо. - В чем настоящая радость. - Сластолюбие - бремя для души.

БЕСЕДА 17 (на Деян. 7: 35). Безумие иудеев.

БЕСЕДА 18 (на Деян. 7: 54). Почему крещенные Филиппом не получили Духа Святого. - Нечестие Симона. - Какие блага получены от смерти Стефана. - Храмы по деревням.

БЕСЕДА 19 (на Деян. 8: 26-27). Благоразумие евнуха. - Почему обращение Павла произошло после воскресения Христова.

БЕСЕДА 20 (на Деян. 9: 10-12). Христианин должен заботиться о спасении других.

БЕСЕДА 21 (на Деян. 9: 26-27). Примирение изречений Павла. - Посещение верующих Петром. - Кротость и смирение Петра. - Милостыня приносит пользу умершим. - Приношение за умерших.

БЕСЕДА 22 (на Деян. 10: 1-4). О милостыне.

БЕСЕДА 23 (на Деян. 10: 23-24). Бог не есть причина грехов. - Не нужно откладывать крещения.

БЕСЕДА 24 (на Деян. 10: 44-46). Покаяние - великое врачество. - Из многих жителей Константинополя не более 100 спасаемых. - Против театральных зрелищ.

БЕСЕДА 25 (на Деян. 11:19). Отчего произошел голод. - Всякий грех очищается милостыней. - Виды милостыни.

БЕСЕДА 26 (на Деян. 12:1-3). Скорбь - великое благо. - Нужно бодрствовать. - Молитва уничтожает грехи.

БЕСЕДА 27 (на Деян. 12:18-19). Значение поста. - Вред сластолюбия.

БЕСЕДА 28 (на Деян. 13:4-5). О том, как иногда страсть побеждается страстью. - Какой нужно искать славы. - Способ обуздания страстей.

БЕСЕДА 29 (на Деян. 13:16-17). Одно благочестие служит для церкви похвалой. - Врачество против порока должно быть почерпаемо из Писания.

БЕСЕДА 30 (на Деян. 13:42). Восхваление смиренномудрия. - Нужно учить более делами, чем словами. - Как нужно относиться к рукоплесканиям.

БЕСЕДА 31 (на Деян. 14:14-15). Ревность Павла. - О перенесении оскорблений. - Изображение гневливого.

БЕСЕДА 32 (на Деян. 14:28, 15: 1). Нужно избегать гнева. - Как излечивается гордость и откуда она происходит.

БЕСЕДА 33 (на Деян. 15:13-15). Церковь чужда надменности. - Не бывает добра без примеси зла.

БЕСЕДА 34 (на Деян. 15: 35-36). О разногласии Павла и Варнавы. - Различие между видениями и снами. - Любомудрие бессловесных животных. - Всего более нужно украшать душу.

БЕСЕДА 35 (на Деян. 16: 13-14). Павел иудействует. - Любомудрие и смирение Лидии. - Ничего нет бесполезнее праздности. - Роскошный стол предосудителен.

БЕСЕДА 36 (на Деян. 16: 25-26). Нужно молиться ночью. - Об истинном призывании Бога.

БЕСЕДА 37 (на Деян. 17: 1-3). Почему Павел входил в синагоги. - В большом городе бывает много худых людей.

БЕСЕДА 38 (на Деян. 17: 16-17). Какие Павел терпел искушения от иудеев и как он был чужд гордости. - Как нужно понимать слова - Неведомому Богу. - Случай с больным отроком и с запрещенными книгами.

БЕСЕДА 39 (на Деян. 17: 32-33). Почему Павел отведен в Рим в узах. - Кротость достохвальна. - Оскорбляющий подвергается большему осуждению, нежели оскорбляемый.

БЕСЕДА 40 (на Деян. 18: 18). Преимущества Христова крещения пред Иоанновым. - Значение любви. - Действия любви.

БЕСЕДА 41 (на Деян. 19: 8). Почему Павел часто входил в синагоги. - Ослепление иудеев. - Землетрясение в Константинополе. - Грех лютее демона. - Случай с найденным сокровищем.

БЕСЕДА 42 (на Деян. 19: 21-23). Влияние скорби. - Сравнение дома пирующих на браке с домом сетующих. - Что такое человек. - Сравнение темницы с зрелищами.

БЕСЕДА 43 (на Деян. 20: 1). Все нужно претерпевать за братий. - Чем дольше отсрочивается воздаяние, тем больше дар.

БЕСЕДА 44 (на Деян. 20: 11-27) Смирение Павла. - Заботы святителя о своей пастве.

БЕСЕДА 45 (на Деян. 20: 32). Спасение достигается благодатию. - Путешествия Павла. - Добродетель страннолюбия. - Свойства страннолюбия. - Нужно иметь попечение о своих домашних.

БЕСЕДА 46 (на Деян. 21: 18-19). Обольщения волхвов служили к большему прославлению апостольских чудес. - Иудейские секты. - Случай с оглашением отроковицы.

БЕСЕДА 47 (на Деян. 21: 39-40). Речь Павла в узах. - Против корыстолюбцев и хищников. - Вредные последствия нечестивой жизни

БЕСЕДА 48 (на Деян. 22: 17-20). Побуждение к кротости. - Истинное великодушие. - Призыв к милостыне.

БЕСЕДА 49 (на Деян. 23: 6-8). Твердость Павла. - Какую нужно выбирать жену.

БЕСЕДА 50 (на Деян. 23: 31-33). Как нужно переносить оскорбления. - Как нужно искать примирения.

БЕСЕДА 51 (на Деян. 24: 22-23). Смелость Павловой речи. - Никто не может нам повредить кроме нас самих.

БЕСЕДА 52 (на Деян. 25: 23). Блага верующих. - Не нужно стремиться к тому, чтобы нас боялись люди. - Добродетель - великое благо.

БЕСЕДА 53 (на Деян. 26: 30-32). Мудрость Павла. - Вера - надежная пристань.

БЕСЕДА 54 (на Деян. 28: 2-3). Искушения служат к великому благу. - Польза от бедствий.

БЕСЕДА 55 (на Деян. 28: 17-20). Предусмотрительность и мудрость Павла.

СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО БЕСЕДЫ НА ДЕЯНИЯ АПОСТОЛЬСКИЕ

(Настоящие беседы произнесены святителем в Константинополе. в 400 или 401 гг.)

БЕСЕДА 1

"Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал" (Деян.1:1,2).

Многие не знают даже и того, что эта книга существует, – (не знают) ни самой книги, ни того, кто ее написал и составил. Поэтому-то в особенности я и решился заняться этим произведением, чтобы и научит незнающих, и не допустить, чтоб такое сокровище таилось и оставалось в неизвестности. Эта книга может принести нам пользы не меньше самого Евангелия: такого исполнена она любомудрия, такой чистоты догматов и такого обилия чудес, в особенности совершенных Духом Святым. Не будем же оставлять ее без внимания, но станем тщательно исследовать. Здесь можно видеть исполнение на деле тех пророчеств, какие Христос возвещает в евангелиях, истину, сияющую в самых событиях, и большую в учениках перемену к лучшему, произведенную в них Духом Святым. Христос говорил ученикам: всяк "**верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин.14:12), и предсказывал им, что "**поведут вас к правителям и царям**", что их станут бить "**в судилища и в синагогах их**" (Мф.10:17,18), что они подвергнутся жесточайшим мукам и над всем восторжествуют, и что "**проповедано будет сие Евангелие Царствия**" во всем мире (Мф.24:14): все это, равно как и еще большее другое, что Он говорил, обращаясь с ученикам, представляется в этой

книге исполнившимся со всею точностью. Здесь же увидишь и то, как сами апостолы как бы на крыльях обтекали землю и море, как они, боязливые и немудрые, вдруг сделались иными людьми, стали презирать богатство, сделались нечувствительны к славе, недоступны ни гневу, ни вожделению, и оказались решительно выше всего; (увидишь), что они имели великое единомыслие, и что между ними никогда уже не было, как прежде, ни зависти, ни спора о первенстве, а, напротив, в них водворилась всякая совершенная добродетель, и в особенности начала сиять любовь, о которой и (Христос) много заповедовал им словами: "**по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**" (Ин.13:35). Можно также найти здесь и догматы, которые, если бы не было этой книги, никому не были бы так хорошо известны; да и то, что составляет основание нашего спасения, – как по отношению к жизни, так и по отношению к догматам, – было бы темно и неясно. Но преимущественно здесь описываются деяния Павла, более всех потрудившегося. Это потому, что составителем книги был его ученик, блаженный Лука, которого добродетель можно усмотреть как из многого другого, так в особенности из того, что он неразлучно пребывал с учителем и постоянно за ним следовал. Так, когда Димас и Гермоген оставили Павла, и один пошел в Галатию, а другой в Далматию, – послушай, что апостол говорит о нем: "**один Лука со мною**" (2Тим.4:10). И в послании к Коринфянам о нем же говорит: "**во всех церквах похваляемого за благовествование**" (2Кор.8:18). Также, когда повествует, что (Христос) "**явился Кифе**", потом двенадцати, и говорит: по благовествованию, "**которое вы и приняли**" (1Кор.15:1,5), – то разумеет евангелие Луки. Поэтому не погрешит тот, кто ему припишет это творение; а когда я говорю: ему, разумею – Христа. Если же кто скажет: почему же (Лука) не все описал, оставаясь с Павлом до конца? – то я отвечу, что и этого достаточно было для тех, кто хотtл быть внимательным, что (апостолы) всегда заняты были делами нужнейшими, и что главная забота их состояла не в том, чтобы писать книги, так как они многое сообщили и посредством неписанного предания.

Таким образом все, что заключается в этой книге, достойно удивления, но в особенности – то снисхождение апостолов, которое внушал им Дух Святый, приготовляя их на служение слову о домостроительстве спасения. Поэтому-то, сообщив столько о Христе, они немногое сказали о рожестве Его, а больше говорили о Его человечестве, страдании, воскресении и вознесении. Теперь им прежде всего нужно было удостоверить в том, что Он воскрес и вознесся на небеса. Поэтому, как и сам Христос преимущественнее всего старался доказать, что Он пришел от Отца, так и Лука (в особенности доказывает), что Он воскрес и вознесся, и отошел к Отцу, и от Него пришел. Если не верили этому прежде, то тем более теперь, когда присоединилось воскресение и вознесение, все учение (о Христе) казалось иудеям невероятным. Потому-то постепенно и мало-помалу возводит их к высшему. А в Афинах Павел назвал Его даже просто человеком (Деян.17:31), не сказав ничего больше, и – поступил правильно. Ведь, если (иудеи) часто покушались побить камнями самого Христа, когда Он говорил о равенстве Своем с Отцом, и называли Его за то богохульником, то они едва ли бы приняли слово об этом от рыбарей, и особенно тогда, когда уже предшествовал крест.

2. Но зачем говорить об иудеях, когда и сами ученики, внимая высшим догматам, тогда часто смущались и соблазнялись? Поэтому Христос и говорил: "**еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить**" (Ин.16:12). Если же не могли они, не смотря на то, что столько времени обращались с Ним, были участниками стольких таин и, видели столько чудес, – то как могли люди, только что отставшие от капищ, идолов и жертвоприношений, от кошек и крокодилов (таково именно было языческое богопочтение) и от прочих скверн, тотчас принять высокие речи о догматах? Да и сами иудеи, которых ежедневно учит и которым внушает закон: "**слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть**", и кроме Его нет другого (Втор.6: 4), которые видели

Христа пригвожденным к древу крестному, которые даже сами и распяли, и погребли Его, но не видели воскресшим, – иудеи, слыша, что Он-то и есть Бог и что Он равен (Отцу), не должны ли были скорее всех отступить и удалиться? Потому-то (апостолы) постепенно и мало-помалу возводят их к понятиям высшим и, с одной стороны, выказывают великое снисхождение, а с другой – пользуются обильнейшею благодатию Духа и именем (Христа) творят чудеса еще большие, нежели какие Он сам сотворил, чтобы посредством того и другого воздвигнуть лежащих долу и удостоверить слово о воскресении. Настоящая книга и содержит в себе по преимуществу это, именно доказательства воскресения, так как уверовавшему в последнее уже легко было принять и все остальное. Итак, вот в чем говоря вообще, преимущественно состоит содержание и вся цель этой книги. Послушаем же теперь самое ее вступление. "**Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала** " (ст. 1). Для чего (Лука) напоминает Феофилу о Евангелии? Чтобы показать свою точность, так как в начале той книги он говорит: "**рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил**" (Лук.1:3), и не довольствуется своим только свидетельством, но все возводит к апостолам, говоря: "**до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал**" (ст. 2). Поэтому-то, сделав достоверным свое слово там, он и не нуждается здесь в новом удостоверении, так как однажды приобрел уже себе доверие (Феофила) и тем произведением показал ему свою точность и истинность. А кто был достоин веры и кому действительно верили, когда он писал то, что слышал, тому тем справедливее верить, когда он излагает не то, что принял от других, но что сам видел и слышал. Если, говорит, ты принял (мое повествование) о Христе, то тем больше (примешь повествование) об апостолах. Что же? Разве то его произведение (Евангелие) есть только (обыкновенная) история, и слово его не причастно Духа? Отнюдь нет. Почему? Потому, что то, что передали ему "**то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова**", было от Духа. Но почему же он не сказал: "**как передали нам**" удостоившиеся Духа Святого, но: "**бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова**"? Потому, что это, то есть, знание от самовидцев, всего боле придает достоверность (повествованию), а то для людей неразумных показалось бы даже гордостью и хвастовством. Потому-то и Иоанн так говорил: "**и я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий**" (Ин.1:34). Да и Христос также говорит Никодиму, когда тот был еще груб: "**мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства Нашего не принимаете**" (Ин.3:11). И опять, доказывая, что о многом можно свидетельствовать, основываясь и на данных зрения, Он говорил ученикам: "**также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною**" (Ин.15:27). И сами апостолы часто так говорят: свидетели мы и Дух Святый, Которого Бог дал повинующимся Ему (Деян.2:32). А Петр впоследствии, чтобы уверить в воскресении, говорил: "**с Ним ели и пили**" (Деян.10:41). Вообще (иудеи и язычники) скорее принимали свидетельство людей, которые обращались (со Христом), – потому что были еще очень далеки от познания Духа. Поэтому и Иоанн в своем Евангелии, повествуя о крови и воде, говорит, что он сам это видел (Ин.19:35), выставляя им свое видение, как самое достоверное свидетельство. Конечно, внушения Духа несомненнее (свидетельства) зрения, но – не у неверных. А что Лука был причастен Духа, это видно из многого: из знамений, которые теперь совершаются, из того, что в то время и простые: люди получали Духа Святого, из свидетельства Павла, который говорит о нем: "**во всех церквах похваляемого за благовествование**" (2Кор.13:18), наконец из того, что он был удостоен рукоположения, так как Павел, сказав эти слова, прибавил: "**и притом избранного от церквей сопутствовать нам для сего благотворения, которому мы служим во славу Самого Господа и в соответствие вашему усердию**" (ст. 19),

3. И смотри, как он далек от хвастовства. Не говорит: первое евангелие, которое я благовестил, но "**первую книгу написал я**", – считая наименование евангелия слишком высоким для себя. Апостол (Павел) именно за евангелие и прославляет его, говоря: "**во всех церквах похваляемого за благовествование**"; но сам он смиренно говорит: "**первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала**". Не просто говорит: о всех, но – (о всем) от начала до конца: "**до того дня**", говорит, "**в который Он вознесся**". Но ведь Иоанн разъясняет, что невозможно было описать всего, и чтобы раскрыть это, говорит: "**но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить**" (прибавляет) "**написанных книг**" (Ин. 21:25). Как же, скажешь, Лука говорит о всем? Но он не сказал: все, а: "**о всем**", а это значит тоже, что – вообще и сокращенно; или иначе: он говорит обо всем, что особенно важно и нужно. Далее показывает, в чем именно состоит это все; "**что Иисус делал и чему учил**", – чем указывает на Его чудеса и учение, а также и на то, что Он учил самим делом. Заметь еще и то, как человеколюбива апостольская душа его, если и для одного человека он столько потрудился, что написал целое евангелие: "**чтобы ты узнал**", говорит, "**твердое основание того учения, в котором был наставлен**" (Лк.1:4), – так как он слышал слова Христа: "**нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих**" (Мф.18:14). Но почему он составил не одну книгу, между тем как посылал к одному Феофилу, а разделил ее на две части? Для ясности, а также и для того, чтобы дать слушателю возможность отдохнуть; притом же, эти писания различны и по самому содержанию. Но смотри, как Христос делами придавал достоверность Своим словам. Он наставлял в кротости и – говорил: "**научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**" (Мф.11:29). Учил быть нестяжательными и показывал это самыми делами: "**Сын Человеческий**", говорил Он, "**не имеет, где приклонить голову**" (Мф.8:20). Опять, заповедовал любить врагов, и наставлял этому, молясь на кресте за распинателей. Говорил: "**и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду**" (Мф.5:40), а сам отдал не только Свои одежды, но и кровь. Так повелел Он поступать и ученикам. Поэтому и Павел говорил: "**по образу, какой имеете в нас**" (Флп.3:17). В самом деле, нет ничего бесполезнее учителя, который любомудрствует только на словах. Это свойственно не учителю, а лицемеру. Потому апостолы прежде учили жизнью, а потом словами; да им даже и не нужны были слова, потому что громко говорили их дела. Не ошибется также и тот, кто самое страдание Христа назовет действием: ведь чрез страдание Он сотворил великое и чудное дело – разрушил смерть и совершил все прочее. "**До того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал**" (ст. 2). "**Дав повеления Святым Духом**", то есть, сказав им слова духовные, (в которых не было) ничего человеческого. Или так надобно понимать эти слова, или же так, что Он заповедал им по внушению Духа. Видишь, как еще уничижение (Лука) выражается о Христе? Так и сам Христос говорил о Себе: "**если же Я Духом Божиим изгоняю бесов**" (Мф.12:28), – так как и Дух Святый действовал в том храме. Что же Он заповедал? "**Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам**" (Мф.28:19-20). Великую для апостолов похвалу составляет то, что им поручено было такое дело, то есть, спасение вселенной, что им вверены были слова, исполненные Духа, – как на это и указывает (Лука), когда говорит: "**Святым Духом**", разумея (слова Христовы): "**слова, которые говорю Я вам, суть дух**" (Ин. 6:63). А говорит он это для того, чтобы возбудить в слушателе желание – узнать заповеди, и чтобы сделать апостолов заслуживающими доверия, так как они будут возвещать слова Духа и заповеди Христовы. "**Дав повеления**", – говорит он, – "**вознесся**" (ανελήφθη). Не сказал (Лука): восшел (ανέβη), потому что все еще говорит о Нем, как о человеке. Итак, Христос учил учеников и после воскресения, но никто не изложил нам с подробностью всего, что произошло в то время. Более же других повествуют об этом Иоанн и писатель настоящей книги, но всего никто не рассказал ясно, – потому что все заботились о другом. Узнали же мы об этом от

апостолов, так как они, что слышали, то и сообщили. " **Которых Он избрал, которым и явил Себя живым**" (ст. 3). Сказавши сначала о вознесении, говорит теперь и о воскресении. После того, как сказал: "**вознесся**", – чтобы ты не подумал, что Он вознесен был другими, – прибавил: "**которым и явил Себя живым**". Ведь, если Он сам совершил дело большее, то тем более мог совершить меньшее.

4. Видишь, как незаметно (повествователь) привсевает эти великие догматы? "**В продолжение сорока дней являясь им**" (ст. 3). В то время Христос уже не постоянно был с апостолами, – не так, как до воскресения. Заметь, не сказал: четыредесять дней: но: "**в продолжение сорока дней являясь им**", так как Христос являлся и опять скрывался. Для чего же так? Чтобы возвысить мысли учеников и не допустить их обращаться с Ним по прежнему. И не без причины Он делал это, но потому, что тщательно заботился об устроении двух вещей, – о том, чтобы поверили воскресению, и чтобы, наконец, думали о Нем выше, чем о простом человеке. Хотя эти (два дела) были противоположны одно другому, – так как, для уверения в воскресении надлежало случиться многому человеческому, а для убеждения в том (что Он выше человека) – напротив, – тем не менее, однако, и то, и другое произошло в надлежащее время. Почему же Он явился не всем, а только апостолам? Потому, что народу, не знавшему неизреченного таинства, Он показался бы привидением. Если и сами ученики сначала не верили, приходили в смущение и нуждались в прикосновении рукою и в общении трапезы, то чего естественно следовало ожидать от народа? Потому-то воскресение неопровержимо и доказывается чудесами, чтобы оно было несомненным не только для тогдашних людей, но и для всех последующих родов. Что у первых происходило оттого, что они видели чудеса, то у всех последующих должно было происходить от веры. Поэтому отсюда мы заимствуем доказательства и против неверных. В самом деле, если Он не воскрес, но остается умершим. то каким образом апостолы совершали знамения Его именем? Или они не совершали знамений? В таком случае, каким образом возник наш (христианский) род? Этого неверные, конечно, уже не станут отвергать, и не будут спорить против того, что видят; а потому, когда они говорят, что знамений не было, то тем еще больше бесчестят сами себя. В самом деле, то было бы величайшее чудо, если бы без чудес вся вселенная прибегла (ко Христу), будучи уловлена двенадцатью бедными и неучеными людьми. Не множеством богатства, не мудростью слов, не другим чем-нибудь подобным победили рыбари, так что по неволе должно признать, что в них была сила Божественная, так как невероятно, чтоб сила человеческая когда-либо могла столько сделать. Поэтому-то и сам (Христос) оставался (на земле) после воскресения сорок дней, давая видеть Себя в течение продолжительного времени, чтобы (ученики) не сочли видимого привидением. Да и этим Он не удовольствовался, но присовокупил еще и трапезу, о чем далее и говорит (Лука): "**и ел с ними**"[1] (ст. 4). Это всегда и сами, апостолы считали доказательством воскресения, говоря: "**которые с Ним ели и пили**" (Деян.10:41). А что Христос делал во время Своих явлений, это показано в последующих словах: "**являясь им и говоря о Царствии Божием**" (ст. 3). А так как апостолы были опечалены и устрашены тем, что уже совершилось, а между тем им надлежало выступить на великие подвиги, то Он, ободряя их словами о будущем, "**собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня**" (ст. 4). Сначала, когда они еще боялись и страшились, Он извел их в Галилею, чтобы они без страха могли выслушать слова Его. Потом, когда они выслушали и провели с Ним сорок дней, – "**повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима**". Для чего так? Как воинам, намеревающимся напасть на неприятеля, никто не позволит выступить прежде, чем они вооружатся; как коням не позволять выбежать на ристалища прежде, чем у них будет возница, – так и им (Господь) не дозволял выступить, на борьбу прежде сошествия Св. Духа, чтобы множество (врагов) легко не одолело и не пленило их. И не только поэтому (повелевает не отлучаться от Иерусалима), но и потому, что там многие имели уверовать.

К тому же, чтобы не говорил кто-нибудь, что они, оставив своих знаемых, пошли хвалиться к иноземцам, – для этого они перед теми самыми людьми, которые умертвили (Христа), представляют доказательства Его воскресения, – пред теми самыми, которые распяли и погребли Его, в том самом городе, в котором дерзновенно совершено было это беззаконное дело, так что чрез это заграждены были уста и всем иноземцам. В самом деле, если сами распявшие Его явятся в числе уверовавших, то, очевидно, это будет явным знаком и креста, и беззакония поступка (иудеев), и великим доказательством воскресения. А чтобы ученики не говорили: как мы, когда нас так мало и мы так ничтожны, в состоянии будем жить среди такого множества людей нечестивых и дышащих убийством? – смотри, как Он избавляет их от этого страха словами: "**но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня**" (ст. 4). Когда же, скажешь, они слышали? Тогда, когда Он говорил: "**лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не приидет к вам**" (Ин.16:7). И опять: "**Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек**" (Ин.14:16).

5. Но почему (Дух Святый) пришел не тогда, как Христос был еще (на земле), и не тотчас после Его отшествия, но, между тем, как Христос вознесся в сороковой день, Дух Святый пришел, "**при наступлении дня Пятидесятницы**" (Деян. 2:1)? И каким образом, когда Духа еще не было, Христос говорил: "**примите Духа Святаго**" (Ин.20:22)? Это для того, чтобы приготовить учеников и сделать их способными к Его принятию. Ведь если Даниил пришел в изнеможение от того, что должен был увидеть ангела (Дан.8:17), то тем больше (изнемогли бы) они, имевшие принять столь великую благодать. Или в таком смысле нужно понимать эти слова, или же так, что Христос сказал о будущем, как уже о совершившемся, подобно тому, как говорил: наступайте "**на змей и скорпионов и на всю силу вражью**" (Лк.10:19). Но почему же Дух Святый не тотчас тогда пришел? Апостолы должны были воспламениться желанием этого события, и тогда уже получить благодать. Поэтому Дух Святый пришел тогда, когда Христос отошел. А если бы Он пришел в то время, когда (Христос) был еще (на земле), – в них не было бы такого ожидания. По той же причине Он пришел и не тотчас после вознесения Христова, но спустя восемь или девять дней. Так и мы тогда особенно обращаемся к Богу, когда бываем поставлены в какую-нибудь нужду. Поэтому и Иоанн тогда в особенности посылает учеников ко Христу, когда они должны были нуждаться в Иисусе, так как сам он был уже в темнице. А с другой стороны, надлежало, чтобы сначала наше естество явилось на небесах, и вполне совершилось примирение, а потом бы уже и пришел Дух, и (ученики) исполнились бы чистой радости. Если бы по пришествии Духа Святого Христос удалился, а Дух Святый пребыл (на земле), то в этом не было бы для них столько утешения, так как они были очень привязаны ко Христу, – почему Он и говорил, утешая их: "**лучше для вас, чтобы Я пошел**" (Ин.16:7). Поэтому Он и отлагает на несколько дней (ниспослание Св. Духа), чтобы они, немного испытав печаль и почувствовав, как я сказал, нужду, насладились полною и чистою радостью. А если бы Дух был меньше Его, то этого утешения было бы недостаточно. Да и, как бы, Он мог говорить: "**лучше для вас**"? Для этого и предоставлена Духу Св. большая часть учения, чтобы не сочли Его меньшим. Заметь, в какую необходимость – быть в Иерусалиме – Христос поставил учеников тем, что обещал даровать там Духа. Чтобы они опять не разбежались после Его вознесения, – этим ожиданием, как бы некоторыми узами, Он всех их там удерживает. Сказавши же: "**но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня**", прибавил: "**ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым**" (ст. 5). Здесь, наконец, Он показываете различие, между Собою и Иоанном, и уже не прикровенно, как прежде. Прежде Он очень затенил Свою речь, сказав: "**но меньший в Царстве Небесном больше его**" (Мф.11:11); но теперь говорит гораздо яснее: "**Иоанн крестил водою, а вы будете крещены Духом Святым**". Уже не приводит самого свидетельства его (Мф.3:11,12), но только указывает на его лицо и тем самым

напоминает о том, что было им сказано, и показывает, что они стали уже выше Иоанна, так как и сами они имели крестить Духом. И не сказал: вас же Я крещу Духом Святым, но: "**будете крещены**", – научая нас смиренномудрию. А что именно Он крестил, это уже очевидно было из свидетельства Иоанна, который сказал: "**Он будет крестить вас Духом Святым и огнем**" (Лк.3:16),– почему Христос и упомянул о нем одном. Итак, Евангелия повествуют о том, что сделал и сказал Христос, а Деяния – о том, что сказал и сделал другой Утешитель. Конечно, Дух Св. многое совершал и прежде, подобно тому, как Христос действует и ныне, как (действовал) прежде; но прежде – чрез храм, а теперь – чрез апостолов. Тогда Он вошел в девственную утробу и образовал, (в ней) храм, а теперь – в души апостольские; тогда (нисшел) в виде голубя, а теперь – в виде огня. Почему так? Там показывал кротость, а здесь строгость, и напоминая благовременно о суде. Когда надлежало простить грехи, нужна была великая кротость; а как скоро мы получили этот дар, – время уже суда и испытания. Но почему Христос говорит: "**будете крещены**", когда в горнице не было воды? Потому что более главное (в крещении) есть Дух, чрез Которого действует и вода. Подобным образом и о самом Христе говорится, что Он был помазан, хотя Он никогда не был помазан елеем, а получил Святого Духа. Впрочем, можно найти, что они были крещены и водою, и (крещены) в различные времена. У нас то и другое (крещение, т.е., водою и Духом) бывает вместе, а тогда (было) раздельно. В начале они крещены были от Иоанна, – и это неудивительно. Ведь, если блудницы и мытари шли к тому крещению, то тем скорее (пришли) те, которые после этого должны были креститься Духом Святым. Потом, чтобы они не говорили: "это все еще только обещание", – так как Он и прежде много говорил об этом, – и чтобы не подумали, что это действие не осуществимое, – Он отклоняет их от такого предположения словами: "**через несколько дней**". Когда именно, этого не объявил, чтобы они всегда бодрствовали; сказал, что будет скоро, чтобы они не ослабели, однако, не присоединил, когда именно, чтобы всегда были бдительны. И не этим только уверяет их, то есть, не краткостью только времени, но и словами: "**о чем вы слышали от Меня**" (ст. 4). Его слова значат: не теперь только Я сказал вам, но уже и прежде обещал это, – что непременно и исполню. Итак, зачем же ты удивляешься тому, что Он не сказал дня кончины (мира), когда и этого дня, столь близкого, не восхотел объявить? И это Он сделал вполне естественно, – чтобы они всегда бодрствовали, ожидали и заботились.

6. Невозможно, поистине невозможно сподобиться благодати тому, кто не бодрствует. Разве не знаешь, что говорит Илия своему ученику? "**Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так**" (4Цар.2:10), – то есть, будет тебе то, чего ты просишь. И Христос всегда говорил приходящим к Нему: веруешь ли? – потому, что, если мы не освоимся с тем, что даруется, то не будем сильно чувствовать и благодеяния. Так и на Павла не тотчас сошла благодать, но наперед прошло три дня, в которые он оставался слепым, томился страхом и приготовлялся. Как те, которые окрашивают багряницу, сначала некоторыми другими веществами подготовляют материю, назначаемую для окраски, чтобы цвет вышел не линючий, так и здесь Бог сначала приготовляет бодрственную душу, и тогда уже изливает благодать. Поэтому-то и не тотчас Он послал Духа, но в пятидесятницу.

Если же кто станет говорить: почему и мы не крестим в это время? – то я отвечу, что благодать и в пятидесятницу, и ныне – одна и та же; по ум теперь бывает возвышеннее, потому что предуготовляется постом. Да и время пятидесятницы имеет также не несообразное с этим некоторое значение. Какое же именно? Отцы наши считали крещение достаточною уздою для злого вожделения и великим уроком – жить целомудренно и во время самого веселия. Поэтому, как бы вкушая с самим Христом и участвуя в Его трапезе, не станем ничего делать просто, но пребудем в постах, молитвах и в великом воздержании. Если тот, кто хочет получить мирское начальство, приготовляет себе все

необходимое для жизни и, чтобы достигнуть какого-либо достоинства, тратит деньги, не жалеет времени, переносит бесчисленные труды, то чего достойны мы, когда с таким нерадением приступаем к царству небесному, не заботимся о нем прежде, чем получим, и нерадим, когда получим? А оттого мы и бываем нерадивы после получения, что не были бдительны до получения. Поэтому-то многие тотчас после получения и возвратились на "**свою блевотину**" (2Петр.2:22), сделались худшими и навлекли на себя тягчайшее наказание. Они освободились от прежних грехов, но потому-то особенно и прогневали Судию, что, и освободившись от такого недуга, не исправились, но потерпели то, чем Христос угрожал расслабленному, говоря: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**" (Ин.5:14), и что Он предсказывал об иудеях, показывая, что они неисцельно пострадают за свою неблагодарность: "**если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха**" (Ин.15:22). Так грехи, совершаемые после (крещения), делаются вдвое и вчетверо тяжелее. Почему? Потому что, сподобившись, чести, мы являемся неблагодарными и злыми. Поэтому-то купель (крещения) нисколько не облегчает для нас наказания. Заметь: имел ли кто тяжкие грехи (до крещения), совершил ли, например, убийство, или прелюбодеяние, или сделал что-нибудь другое, еще более тяжкое, – все это отпускается чрез купель крещения. В самом деле, нет, подлинно нет никакого греха и нечестия, которое бы не уступило этому дару и не было его ниже, потому что это – божественная благодать. Но, если кто опять впал в прелюбодеяние и совершил убийство, то, хотя прежнее прелюбодеяние разрешено и то убийство отпущено, и уже не воспоминается, так как "**дары и призвание Божие непреложны**" (Рим.11:29), – тем не менее за эти грехи, совершенные после крещения, мы подвергаемся такому же наказанию, как если бы и прежние были приняты во внимание, и даже гораздо большему. Это уже не просто грех, но грех двойной и тройной. А что за эти грехи (ожидает) большее осуждение, – послушай, что говорит Павел: "**если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет?** " (Евр.10:28,29).

Может быть, я многих отвлек теперь от принятия крещения? Но я сказал это не с этою целью, а для того, чтобы принявшие (крещение) пребывали в целомудрии и усиленно вели честную жизнь. Но я боюсь, скажет кто-нибудь? Если бы ты боялся, то принял бы и стал бы хранить. Но потому-то самому, скажешь, я и не принимаю, что боюсь (не сохранить)? А так (без крещения) отойти не боишься? Бог, скажешь, человеколюбив? Потому-то и прими крещение, что Он человеколюбив и помогаете нам. Но ты, когда нужно бы позаботиться (о крещении), не представляешь себе этого человеколюбия; а когда хочешь отложить его, тогда о нем вспоминаешь, между тем, как это человеколюбие имеет место в первом случае, и к нам оно будет проявлено в особенности тогда, когда и с своей стороны привнесем, что следует. Кто во всем положился на Бога, тот, если и согрешит, как то свойственно человеку, после крещения, чрез покаяние сподобится человеколюбия; а кто, как бы мудрствуя о человеколюбии Божием, отойдет (отсюда) чуждым благодати, тот подвергнется неизбежному наказанию. Зачем же ты поступаешь так против своего спасения? Невозможно, совершенно невозможно, как я, по крайней мере, думаю, чтобы человек, который отлагает (крещение), обольщая себя такими надеждами, совершил что-нибудь возвышенное и доброе. Для чего ты принимаешь на себя такой страх и прикрываешься неизвестностью будущего? Почему не переменяешь этого страха на труд и старание, чтобы стать великим и достойным удивления? Что лучше – бояться, или трудиться? Если бы кто-нибудь посадил тебя без всякого дела в разваливающемся доме и сказал: "ожидай, что может упасть на твою голову потолок, так как он уже сгнил (может быть, он упадет, а может быть, и не упадет); если же ты не хочешь этого, то трудись и живи в здании более безопасном", – то что бы ты предпочел? Праздность ли ту,

соединенную со страхом, или этот труд, – с уверенностью в безопасности? Поступай же так точно и теперь. Неизвестное будущее – это как бы некоторый истлевший дом, всегда угрожающий падением; а этот труд, соединенный с утомлением, обещает безопасность.

7. Итак, не дай Бог, чтобы мы подверглись столь великому несчастию – грешить после купели. Но, если бы и случилось что-нибудь подобное, то и при таких обстоятельствах не будем отчаиваться. Бог человеколюбив и предоставил нам много путей к получению прощения и после (крещения). И как те, которые грешат после купели, по этой самой причине наказываются больше оглашенных, так и те, которые знают; что есть врачество покаяния и не хотят им воспользоваться, подвергнутся тягчайшему наказанию, потому что чем больше умножается человеколюбие Божие, тем больше усиливается и наказание, если мы должным образом не воспользуемся им. Что ты говоришь, человек? Ты был исполнен такого множества зол, ты был без всякой надежды на спасение, – и внезапно сделался другом (Божиим) и возведен на высшую почесть, не за свои подвиги, но по дару Божию. Ты опять возвратился к прежним постыдным делам, за что и заслуживал бы тяжкого наказания; но Господь и при этом не отвратился от тебя, а дал бесчисленные средства ко спасению, чрез которые (опять) можешь сделаться Его другом. Так (поступает) Бог, а ты и при этом не хочешь потрудиться? Какого же, наконец, ты будешь достоин прощения? И не справедливо ли будут смеяться над тобою язычники, как над каким-нибудь трутнем, живущим попусту и напрасно? Если ваше любомудрие, скажут они, имеет силу, то объясните, что значит это множество непосвященных? Прекрасны и вожделенны таинства, но пусть никто не принимает крещения, когда уже разлучается с душою. Тогда – время не таинств, но завещаний; а время таинств – здравое состояние ума и целомудрие души. Скажи мне: если никто не решается написать завещание, находясь в таком состоянии, а если и напишет, то этим даст возможность впоследствии опровергнуть его, – почему и начинают завещания вот этими словами: "я, при жизни, находясь в полном и здравом разуме, делаю распоряжение о своем имуществе", – то как возможно тому, кто потерял сознание, быть правильно посвященным в таинства? Если мирские законы не позволяют составлять завещания о житейских вещах человеку, не вполне владеющему разумом, – не позволяют, несмотря на то, что он здесь распорядился бы своим имуществом, то как ты, наставляемый (в учении) о небес-ном царствии и о тех неизреченных благах, в состоянии будешь ясно все узнать, когда от болезни часто теряешь и рассудок? Да и как ты скажешь Христу, спогребаясь с Ним, те слова, когда ты уже отходишь? Ведь и в делах, и в словах надобно выказывать к Нему расположение. А ты делаешь тоже, как если бы кто захотел записаться в число воинов, когда война уже оканчивается, или как если бы борец стал снимать с себя платье, когда бывшие на зрелище уже встали. Ты берешь орудие не для того, чтобы тотчас отступить, но чтобы, взявши, одержать победу над противником. Пусть никто не считает слова об этом неблаговременным потому, что теперь не четыредесятница. О том-то я и сокрушаюсь, что вы наблюдаете время в подобных делах. Ведь евнух тот (Деян.8: 27), несмотря на то, что был варваром, что путешествовал и находился среди большой дороги, – не рассуждал о времени. Так точно (поступил) и темничный страж (Деян.16:29), хотя находился среди узников, видел учителя избитым и связанным, и полагал, что он еще останется в темнице. А теперь многие, несмотря на то, что живут не в темнице и не в пути находятся, отлагают (свое крещение), и отлагают до последнего издыхания.

8. Итак, если ты еще сомневаешься в том, что Христос есть Бог, то стой вне (церкви), не слушай божественных слов и не считай себя в числе оглашенных. Если же не сомневаешься и ясно знаешь это, то зачем медлишь? Зачем уклоняешься и откладываешь? Боюсь, говоришь, как бы не согрешить. А же боишься того, что страшнее, – как бы не отойти туда со столь тяжким бременем? Ведь не все равно – не принять благодати предлагаемой и, решившись жить добродетельно, погрешить. Скажи мне: если станут

обвинять тебя, зачем, ты не приступил (к крещению), почему не жил добродетельно, – что ты скажешь? Там ты еще можешь, пожалуй, сослаться на тяжесть заповедей и добродетели; но здесь нет ничего такого, здесь – благодать, даром дающая свободу. Но ты боишься, как бы не согрешить? Говори это после крещения, тогда имей этот страх, – для того, чтобы сохранить дерзновение, которое ты получил, а не для того, чтобы уклоняться от такого дара. А то, до крещения ты благочестив, после же крещения – легкомыслен. Но ты ожидаешь времени четыредесятницы? Для чего? Разве то время имеет что-нибудь особенное? Апостолы не в пасху удостоились благодати, но в другое время; также не пасхальное было время, когда крестились три тысячи и пять тысяч, равно как Корнилий, евнух и очень многие другие. Итак, не будем выжидать времени, чтобы чрез медленность и отлагательство не лишиться столь великих благ и не отойти без них. Как, подумайте вы, я скорблю всякий раз, как слышу, что кто-нибудь отошел отсюда, не будучи посвящен в таинства, и всякий раз, как представляю себе те нестерпимые муки и неизбежное наказание! Как опять я сокрушаюсь, когда вижу других, дошедших до последнего издыхания, но и тем не вразумляющихся! Потому-то и происходит многое, недостойное этого дара. Следовало бы веселиться, ликовать, радоваться и украшаться венками, когда кто-нибудь посвящается в таинства; а (у нас) жена больного, когда услышит, что врач присоветовал это, сокрушается и плачет, как о каком-нибудь несчастье; везде в доме вопли и стенания, как бы по осужденным, отводимым на казнь. Да, в свою очередь, и сам больной тогда в особенности печалится; а если выздоровеет, то еще больше сокрушается, как будто ему сделали великое зло. Так как он не был приготовлен к добродетели, то ленится и уклоняется от следующих затем подвигов. Видишь, какие козни устрояет диавол, какому (подвергает) стыду, какому посмеянию? Освободимся же от этого посмеяния! Будем жить, как Христос заповедал! Не для того Он дал крещение, чтобы мы, приняв его, отошли (в вечность), но чтобы, поживши, показали плоды. Как скажешь: "приноси плоды" тому, кто уже отходит, кто уже отсечен? Не слышал ли, что "**плод же духа: любовь, радость, мир**" (Гал.5:21)? Как же происходит противное? Жена стоить в слезах, когда бы следовало радоваться; дети рыдают, когда бы нужно было веселиться; сам больной лежит мрачен, в страхе и смущении, когда бы должен было торжествовать: он в сильной печали от мысли о сиротстве детей, о вдовстве жены, о запустении дома. Так ли, скажи мне, приступают к таинствам? Так ли приобщаются священной трапезы? Можно ли это снести? Если царь пошлет указ об освобождении узников из темницы, то бывает веселие и радость; а когда Бог посылает с небес Духа Святого и прощает не денежные недоимки, но все вообще грехи, то вы все плачете и сокрушаетесь? Что это за несообразность? Не говорю еще о том, что и на мертвых была, изливаема вода, и на землю была повергаема святыня; но не мы в этом виноваты, а люди безрассудные. Поэтому умоляю вас, – оставим все, обратимся к себе самим и со всею ревностью приступим ко крещению, чтобы, показав и в настоящей жизни, великую ревность, получить и будущее дерзновение, которого и да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь славянский текст: "с нимиже и ядый" (Деян.1:4) полностью соответствует толкованию Златоуста, в отличие от синодального: "и собрав их".

БЕСЕДА 2

"Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?" (Деян.1:6).

1. Ученики, намереваясь о чем-нибудь спросить (Господа), приступают к Нему все вместе, – и это делают для того, чтобы самою многочисленностью своею склонить Его к ответу. Они знали, что прежние слива Его – "**о дне же том и часе никто не знает**" (Мф.24:36) – сказаны были Им для отклонения от Себя вопроса, – не по незнанию, но по нежеланию отвечать. Поэтому-то опять приступают к Нему и спрашивают; а они не спросили бы, если бы действительно были убеждены (в Его незнании). Так как они услышали, что получат Духа Святого, то хотели узнать (то время), как уже достойные того и готовые избавиться (от бед). Они не хотели повергнуть себя в опасности, но насладиться покоем, так как не маловажно было то, что уже с ними случилось, а напротив, они находились в крайней опасности. Поэтому-то, ничего не сказав Ему о Духе, они спрашивают: "**не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?**" Не сказали: когда? но: "**не в сие ли время**"? – так желали они узнать этот день. Поэтому-то и приступают с великою почтительностью. А мне кажется, что они не совсем ясно и понимали, что такое было это царствие, так как еще не были научены Духом. И не сказали: когда это будет? – но что? "**Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?**" – как будто оно уже разрушилось. Так спрашивали они потому, что все еще привязаны были к предметам чувственным, хотя и не в такой мере, в какой прежде. Они еще не сделались лучшими; впрочем, о Христе думали уже выше. А так как они возвысились, то и Он беседует с ними возвышеннее; уже не говорит им, что "**о дне же том**" даже и Сын не знает (Мк.13:32), – но что? "**Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти**" (ст. 7). Слишком многого, говорит, домогаетесь, – хотя, впрочем, они знали уже и то, что было гораздо важнее. А чтобы ты точно понял это, – смотри, сколь многое я перечислю. Скажи мне, что важнее того, что им было открыто? Они узнали, что Христос есть Сын Божий, и что Бог имеет Сына равночестного; узнали, что будет воскресение; узнали, что Христос вознесся и воссел одесную Отца. Узнали и то, что еще изумительнее этого, – что плоть седит горе и что ей поклоняются ангелы. Узнали, что Господь опять придет судить весь мир и что тогда и они сядут судиями двенадцати колен Израилевых; узнали, что иудеи отвержены, а что вместо них войдут в царствие Божие язычники. Знать, что это будет, – дело великое; а постигнуть, что кто-нибудь или когда-нибудь будет царствовать, – в этом нет ничего великого. Павел узнал то, чего "**человеку нельзя пересказать**" (2Кор.12:4), узнал все, что предшествовало, этому миру. Что труднее узнать: начало или конец? Очевидно, – первое. А это узнал Моисей и, исчисляя годы, показывает, когда (это было) и за сколько времени. Знал это и Соломон, почему и говорил: "**не забуду исчислить то, что от века**" (Притч.8:21). Итак, что (то время) близко, об этом впоследствии узнали и апостолы, как и Павел говорит: "**Господь близко. не заботьтесь ни о чем**" (Фил.4:5-6); но тогда еще не знали, хотя им и были указаны признаки. И Христос, как (прежде) сказал: "**через несколько дней**" (ст. 5), но точно не обозначил времени, желая, чтобы они бодрствовали, так поступает и теперь. С другой стороны, и они здесь спрашивают не о кончине (мира), но о царствии, почему и говорили: "**не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?**" Но Он и этого не открыл им. А о конце (мира) они также спрашивали Его еще прежде этого; но тогда Он отвечал им с большею суровостью, чтобы они не думали, что освобождение их близко, и подверг их опасностям, а теперь не так, но – с большею кротостью. И чтобы (слова Его) не показались им обидными и только отговоркою, – послушай, как Он тотчас обещает даровать им то, чему они обрадовались бы, – и именно, Он прибавил: "**но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли**" (ст. 8). Затем, чтоб они снова не стали спрашивать Его, Он тотчас вознесся. Поэтому, как там Он омрачил их страхом и тем, что сказал: не знаю, так и здесь – тем, что после этих слов вознесся. Они имели сильное желание знать об этом и не отступили бы (от Христа), а между тем было весьма нужно, чтобы они не узнали. Скажи мне: чему больше не веруют язычники, – тому ли, что будет кончина, или тому, что Бог соделался Человеком, произошел из утробы Девы и явился к людям с плотью? Не

последнему ли? Без сомнения, так скажешь и ты. Но я стыжусь постоянно говорить об этом, как о каком-нибудь безразличном предмете. А чтобы они в свою очередь не сказали: для чего Ты так высоко ценишь это дело, – Он говорит: "**Отец положил в Своей власти**". Но ведь власть Отца и власть Его одна и та же, как это видно из того, что Он говорит: "**как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (Ин.5:21). Если там, где должно действовать, Он действует с тою же властью, как и Отец, то ужели там, где надобно знать, Он знает не с тою же властью? Воскрешать мертвых, – очевидно, дело гораздо большее, чем узнать тот день. Если же Он совершает со властью дело важнейшее, то не гораздо ли скорее – дело другое, менее значительное?

2. Но, чтобы сделать это для вас понятным, я объясню примером. Подобно тому, как мы, когда видим, что дитя плачет и постоянно просит у нас какой-нибудь ненужной ему вещи, подальше спрятав эту вещь, показываем пустые руки и говорим: видишь, у нас нет, – так и Христос поступил с апостолами. Но то дитя, хотя мы и не показываем (просимой вещи), продолжает плакать, зная, что его обманули. Тогда мы оставляем его и уходим, говоря: меня зовет такой-то, а ему даем взамен просимого что-нибудь другое, чтобы отвлечь его от избранной им вещи, причем хвалим эту свою вещь больше той, и, давши ее, удаляемся. Так поступил и Христос. Ученики просили; Он сказал, что у Него нет, и на первый раз даже устрашил их. Когда же они снова стали просить, Он опять сказал, что у Него нет, но только теперь не устрашает их, а, показав то, что сделал, высказывает и благовидную причину, именно: "**Отец положил в Своей власти**". Что же? Ты не знаешь того, что принадлежит Отцу? Его самого знаешь, а того, что принадлежит Ему, не знаешь? Ты сам сказал: "**Отца не знает никто, кроме Сына**" (Мф.11:27). Притом (сказано): "**Дух все проницает, и глубины Божии**" (1Кор.2:10); а Ты и этого не знаешь? Отнюдь нет. Он сказал это не для того, чтоб мы так подумали; Он показывает Себя незнающим, чтобы отвлечь учеников от неуместного вопроса. Снова спросить они побоялись, чтобы не услышать: "**неужели и вы так непонятливы?**" (Мк.7:18)? – потому что теперь они страшились Его гораздо больше, нежели прежде. "**Но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый**". Как там Он отвечал не на то, о чем спрашивали, – потому что дело учителя – учить не тому, что хочет знать ученик, а тому, что полезно для него, – так и теперь предсказывает то, что им нужно было знать, чтоб не бояться. Они были еще немощны, и, чтобы внушить им дерзновение, Он ободрил их души и прикрыл трудности. Так как Он скоро уже должен был оставить их, то, беседуя с ними, не говорит прямо ничего скорбного; но как? К словам скорбным присоединяет похвалу, как бы говоря: не бойтесь, потому что вы "**но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли**". Прежде Он сказал: "**на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите**" (Мф.10:5), а теперь хочет, чтобы они проповедовали "**во всей Иудее и Самарии**"; поэтому, чего тогда не сказал, то теперь присовокупил, говоря: "**и даже до края земли**". И после того, как сказал им о том, что всего страшнее, – чтобы они опять не стали спрашивать Его, – "**поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их**" (ст. 9). Видишь ли, что они проповедали и исполнили евангелие? Поистине, великое дело Он даровал им! Где, говорит, вы боялись, в Иерусалиме, там сначала проповедуйте, а потом – "**даже до края земли**". Затем опять удостоверение в сказанном: "**в глазах их**", говорит (писатель), "**и облако взяло Его**". Они не видели, когда Он воскрес, но видели, когда "**облако взяло Его**", так как и здесь зрение могло постигнуть не все. Воскресения они увидели конец, но не видели начала; а вознесения увидели начало, но не видели конца. Излишне было видеть начало воскресения, когда присутствовал сам возвещавший его, и когда гроб показывал, что Его там нет; а что последовало за вознесением, то надобно было узнать из слова. Так как глаза не могли проникнуть в высоту и показать, вознесся ли Он точно на небо, или – только как бы на небо, то смотри, что совершается. Что это был именно Иисус, они знали из того, что Он беседовал с ними, – так как зрением, по

дальности расстояния, они не могли уже распознавать Его; а что Он взимается на небо, это уже объяснили им сами ангелы. Смотри, как устраивается, чтобы не все известно было от Духа, но (нечто) – и от зрения. Для чего же "**облако взяло Его**"? И это служит знаком, что Он вознесся на небо. Не огонь, не колесница огненная, как было с Илиею, но "**облако взяло Его**"; а это было символом неба. Так и пророк говорит: "**облака делаешь колесницею Своею**" (Пс.103:3), – хотя это сказано об Отце. Поэтому выражение: "**облако взяло**" значит: на символе Божественной силы, так как на облаке нигде не представляется никакая другая сила. Послушай опять, что говорит другой пророк: "**Господь восседит на облаке легком**" (Ис.19:1). 3. Это случилось тогда, когда вопрос касался предмета важного, когда ученики были очень внимательны к тому, что говорилось, когда они были возбуждены и не дремали. И на горе (синайской), когда Моисей вошел в мрак (Исх.24:15), облако было также ради Христа, а не ради Моисея. (Христос) не сказал только: Я отхожу, чтобы ученики опять не стали сетовать; но вместе с тем сказал: Я посылаю Духа. А что Он отходил на небо, это они видели своими глазами. О, какого видения удостоились они! "**И когда**", сказано, "**они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо**" (ст. 10, 11). Употребляют слово указательное: "**Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо**" (ст. 11). Опять светлый образ! Некие ангелы, облекшись в человеческий образ, внезапно предстали и говорят: "**мужи Галилейские**". Потому самому, что сказали: "**мужи Галилейские**", они уже казались ученикам достойными веры. А если бы не это было их целью, то к чему бы им нужно было указывать ученикам на их отечество, им известное? И самым видом своим они привлекли к себе учеников и показывали, что они – с неба. Почему же не сам Христос говорит это ученикам, но ангелы? Он сам обо всем беседовал с ними прежде, так что через ангелов только напоминает им то, что они уже слышали. И не сказали (ангелы): кого вы видели вознесенным, но: кого видели "**восходящим на небо**", - чтобы показать, что Его вознесение есть восшествие; а плоти свойственно быть вознесенной. Поэтому говорят: "**вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом**", – не послан будет, но "**придет**". Где же меньшинство (Сына)? "**Облако взяло Его**". Прекрасно, – так как Он сам восшел на облако, почему восшедший есть Тот же самый, Который и нисшел (Еф.4:10). Но ты смотри, как одно говорится применительно к их мыслям, а другое – сообразно с достоинством Божиим. Впрочем, и ум смотревших теперь возвысился; Господь даровал им не малое познание второго пришествия. Слова: "**придет таким же образом**" означают то, что Он придет с телом, – так как это они желали услышать, и что опять придет на суд таким же образом, – на облаке. "**Вдруг предстали им**", сказано, "**два мужа в белой одежде**". Почему сказано: "**мужа**"? Потому, что (ангелы) приняли совершенный образ мужей, чтобы (ученики) не испугались. "**И сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо?**" Такими словами они и обнаруживают приветливость, и не позволяют им тотчас же ожидать Его возвращения. Что важнее, о том они говорят, а о менее важном умалчивают. Что Он "**придет таким же образом**", и что Его должно ожидать с неба, это говорят; а когда, о том умалчивают. Таким образом они отвлекли учеников от того зрелища и обратили их к своей речи, чтобы ученики, не имея уже возможности видеть Христа, не подумали, что Он не вознесся, но остановились мыслью на их словах. Если и прежде ученики говорили: "**куда Ты идешь?**" (Ин.13:36), то тем больше сказали бы теперь. "**Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?**" Столько знали они Его кротость, что и после страданий спрашивают Его: "**не в сие ли время, Господи, восстановляешь**"? Правда, Он уже прежде сказал им: "**смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец**", и Иерусалим еще не будет пленен (Мф.24:6); но теперь они спрашивают о царствии, а не о

кончине. Впрочем, после воскресения Он уже не продолжительное простирает к ним слово. Они спрашивают, полагая, что и сами окажутся в славе, если это сбудется; но Он не объявил, устроит ли (это царство), или нет. Для чего им нужно было знать о том? Поэтому-то, убоявшись, они уже не сказали: "**какой признак Твоего пришествия и кончины века?**" (Мф.24:3) но: "**восстановляешь Ты царство Израилю**"? Они думали, что оно уже открылось; между тем, Он и в притчах показал, что оно не близко; и когда спросили Его, то отвечал не на вопрос, а следующее: "**примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый**". Смотри: не сказал, что (Дух) будет послан, но: "**сойдет**", – чтобы показать Его равночестность. Как же ты, духоборец, дерзаешь называть Его тварью? "**И будете Мне свидетелями**". Сделал намек на вознесение, – или лучше, и теперь снова напомнил им о том, о чем они уже слышали раньше. Уже было показано, что Он восшел на небо. "**Облако**", сказано, "**мрак под ногами Его**" (Пс.96:2; 17:10); а это и значат слова: "**и облако взяло Его**", то есть, Владыку неба. Как колесница царская указывает царя, так и к Нему послана была царская колесница, чтобы ученики не говорили ничего скорбного и не потерпели того же, что Елисей, растерзавший ризу, когда учитель его вознесся. Что же говорят (ангелы)? "**Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом**". Притом (сказано): "**предстали им два мужа**". Так и следовало, потому что "**при устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово**" (2Кор.13:1). Так именно они и говорят. "**В белой**", сказано, "**одежде**". Как прежде при гробе (жены) уже видели ангела "**в**

одеждах блистающих" (Лк.24:4), который и возвестил им то, о чем они думали, так и свидетелем вознесения Христова является ангел. Впрочем, об этом, как и о воскресении, многократно предсказывали и пророки.

4. Ангелы везде являются вестниками, например, при рождестве Христовом, опять при (благовещении) Марии, как и при воскресении; так точно – и при вознесении; да и при втором пришествии ангелы явятся предтечами. Так как они сказали: "**Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо**", то, чтобы не привести учеников в недоумение, – присовокупили: "**придет таким же образом**". Ученики несколько успокоились, услышав, что Он опять придет, и придет так же, и не будет недоступен. Не без причины поставлено и слово: "**от вас**", но оно показывает любовь Христа к ученикам, их избрание, и то, что Он не оставит тех, кого избрал. Таким образом, о воскресении свидетельствовал сам Христос, так как после рождества, или лучше, и до рождества всего удивительнее было то, что Он воскресил сам Себя: "**разрушьте**", говорил Он, "**храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Ин.2:19); а о будущем пришествии свидетельствуют ангелы, говоря: "**придет таким же образом**". Итак, если кто желает увидеть Христа, если кто скорбит, что не видел Его, тот, услышав об Его будущем пришествии, пусть ведет совершенную жизнь, и тогда непременно увидит Его, и не обманется в надежде. Он придет с большею славою, но также на облаке, также с телом; и гораздо удивительнее увидеть Его сходящим с неба, чем восходящим от земли. Что Он придет, ангелы сказали; но – для чего, этого не присовокупили. Это служит подтверждением воскресения, потому что если Он с телом вознесся, то тем более с телом воскрес. Где неверующие воскресению? Кто они, скажи мне? Язычники, или христиане? Я не знаю, или лучше, я вполне знаю. Это – язычники, неверующие в самое создание твари. Это именно их дело – не допускать, что Бог творит что-нибудь из ничего, и не признавать, что Он воскресит погребенное. Но они стыдятся, что не признают силы Божией, и отсюда, во избежание упрека за это, говорят: не потому мы это говорим, но потому, что нет нужды в теле. Поистине благовременно сказать: "**невежда говорит глупое**" (Ис.32:6). Вы не стыдитесь, когда не допускаете, что Бог творит из ничего? Но, если Он творит из чего-либо существующего, то чем различается от людей? Но откуда, говорят, зло? Ужели же потому, что не знаешь, откуда зло, ты должен привносить другое зло – в познании зла? Здесь две несообразности: первая – та, что ты дерзаешь говорить так; ведь если ты не признаешь, что Бог творил существующее из

ничего, то тем более не узнаешь, откуда зло; а вторая – та, что, говоря так, ты вводишь зло нерожденное. Подумай, как худо – желать найти источник зла, но, не узнав его, привнесть еще другой! Ищи, откуда зло, и не хули Бога. Но как, скажешь, я хулю? Что ты говоришь? Разве ты не хулишь, когда вводишь нерожденное зло, когда допускаешь, что оно равномощно Богу, что оно имеет такую же силу, что оно нерожденно? Смотри$_{г}$ что говорит Павел: "**невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы**" (Рим.1:20); а диавол напротив, сказал, что то и другое из вещества, чтобы мы ни откуда уже не познали Бога. Что труднее, скажи мне: злое ли по естеству сделать прекрасным (если только оно существует: говорю сообразно с вашим мнением, потому что нельзя сделать ничего, по естеству злого, содействующим добру), или – сотворить из ничего? Что легче – говорю о качестве – ввести ли несуществующее качество, или существующее превратить в противоположное ему? Что легче – не существующий дом построить, или дом разоренный вновь перестроить? Очевидно, – первое. Но это (по вашему мнению) невозможно. Следовательно, как невозможно это, так невозможно и то, то есть – превращать что-нибудь в противоположное ему.

5. Скажи мне: что труднее – приготовить ли міро, или заставить грязь производить действия міра? Что из двух удобоисполнимее, скажи мне (мы подчиняем Бога нашим умозаключениям, но это не мы – нет, а вы): устроить ли глаза, или сделать, чтобы слепой, оставаясь слепым, видел, был острее зрячего, пользовался слепотою для того, чтобы видеть, и глухотою, чтобы слышать? Мне кажется, первое. Значит, что труднее, то, скажи мне, предоставляешь ты Богу, а что легче, того – нет? Но что я говорю об этом? И сами души, по их мнению, происходят из существа Божия. Но смотри, сколько (в их учении) нечестивого и бессмысленного. Во-первых, желая показать, что зло от Бога, они вводят другое зло, более нечестивое, чем это: говорят, что зло современно Богу, и что Бог нисколько не старше его, – дерзая таким образом приписывать и злу столь великое преимущество. Во-вторых, говорят, что зло и бессмертно, потому что нерожденное не погибает. Видите, какая хула? Отсюда необходимо (следует) или то, что от Бога ничто не произошло, или то, что и Бога нет. В-третьих, этим, как я уже сказал, они противоречат и сами себе и воздвигают на себя еще больший гнев Божий. В-четвертых, веществу, которое не может само по себе существовать (υλη αστατος), они приписывают такую великую силу. В-пятых, говорят, что причиной благости Божией было зло, и что без него Благий не был бы Благим. В-шестых, они преграждают для нас пути к богопознанию. В-седьмых, Бога низводят в людей, в растения и деревья. Ведь если, наша душа из существа Божия, а при переселении она переходит и в тыквы, и в дыни, и в луковицы, то, следовательно, существо Божие будет и в тыквах. Если мы скажем, что Дух Святый образовал храм в Деве, – они смеются; если скажем, что Он обитал в храме духовном, – опять смеются; а сами не стыдятся низводить существо Божие в тыквы, дыни, в мух, гусениц и ослов, изобретая некоторый новый образ идолослужения. "Но не луковица (говоришь) в Боге, а Бог в луковице, – да не будет луковица Богом". Отчего ты не допускаешь переселения Бога в тела? "Низко", говоришь. В таком случае еще более низко то (что ты говоришь). "Нет, не низко". Так ли? По крайней мере, у нас, – если бы это было, – поистине низко. Видите ли скопище нечестия? Но почему не хотят они, чтобы тело воскресло? Что они скажут? Что тело – зло? Откуда же, скажи мне, знаешь ты Бога? Откуда имеешь познание о сущем? Каким образом и философ бывает философом, если тело нисколько ему не содействует? Повреди чувства и узнай что-нибудь из того, что нужно знать. Что было бы несмысленнее души, если бы она с самого начала имела поврежденные чувства? Если повреждение одного только члена, то есть, мозга, бывает для нее совершенно пагубно, то к чему она будет годна, если и другие будут повреждены? Покажи мне душу без тела. Разве не слышишь, что говорят врачи: постигшая болезнь совершенно омрачает душу? Долго ли вы не повеситесь? Скажи мне: тело из вещества? Хорошо. Поэтому следовало

бы ненавидеть его. Зачем же ты питаешь его, зачем греешь? Тебе бы поэтому должно было умертвить себя; должно было бы освободить себя из узилища. Притом еще (говорят): Бог не может победить вещества (υλη), если не смешается с ним; Он не может повелевать ему, доколе не будет вместе с ним и не распространится по всему его составу. Какое бессилие! И царь все делает, давая повеления; а Бог не может повелевать злом? Вообще же, если бы вещество не было причастно какому-нибудь добру, – оно не могло бы существовать. Ведь зло, по своей природе не может существовать, если не будет соединено с каким-нибудь добром; поэтому, если бы оно раньше не было смешано с добром, то давно бы погибло, -таково уже свойство зла. Пусть кто-нибудь будет сластолюбив и пусть нисколько не сдерживает себя: проживет ли он десять дней? Пусть будет кто разбойником, бессовестным в отношении ко всем, даже и в отношении к другим разбой-никам: останется ли он жив? Пусть будет кто бесстыдным за вором, который, не краснея, публично ворует: сохранит ли такой свою жизнь? Зло не может существовать само по себе, если не будет в нем, хотя не много, чего-нибудь доброго; следовательно, по их учению, оно получило свое начало от Бога. Пусть будет город, населенный людьми злыми: может ли он существовать? И пусть эти люди будут злы не для добрых только, но и для себя самих: очевидно, (такому городу) невозможно существовать. Поистине, "**называя себя мудрыми, обезумели**" (Рим.1:22). Если тело – зло, то и все без различия видимое – и вода, и земля, и солнце, и воздух – также зло, потому что и воздух – тело, хотя не плотное и не твердое. Поэтому благовременно сказать: "**поведали мне законопреступники (свои) рассуждения**" (Пс.118:85). Но не будем внимать им; напротив, заградим от них слух. Есть, подлинно есть воскресение тел. Это показывает гроб в Иерусалиме; это (показывает) древо, к которому Христос был привязан, когда был бичуем. "**С Ним**", говорили (о Христе апостолы), "**ели и пили**" (Деян.10:41). Будем же веровать воскресению и поступать достойно его, чтобы сподобиться и будущих благ во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу, со Св. Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 3

"Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути" (Деян.1:12).

1. "**Тогда возвратились**". Когда же – "**тогда**"? Когда выслушали (слова ангелов). Ученики вообще не перенесли бы (разлуки с Господом), если б им не было обещано, что Он придет в другой раз. И мне кажется, что это случилось в субботу: иначе писатель не обозначил бы таким образом расстояния, не сказал бы: "**с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути**", – если бы не в день субботний прошли они определенное для этого дня пространство пути. "**И, придя, взошли в горницу, где и пребывали**" (ст. 13). Значит, уже в Иерусалиме они оставались после воскресения. "**Петр**", сказано, "**и Иаков, Иоанн**". Уже упоминаются не один Иоанн с братом, но и Андрей с Петром: "**Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова**". Не без причины упомянул поименно об учениках: так как один из них сделался предателем, другой отрекся, третий не поверил, то он показывает, что, кроме одного предателя, все были целы. "**Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами**" (ст. 14). Прекрасно! Молитва – сильное оружие среди искушений. Этому, с одной стороны, они уже были достаточно научены самим Учителем, а с другой – к тому же их располагало и настоящее искушение: потому они и восходят на горницу, что сильно боялись иудеев. "**С женами**", – говорит (писатель), так как (в Евангелии) он сказал, что они следовали за Христом. "**И Мариею, Материю Иисуса, и с братьями Его**". Но как же (Иоанн) говорит, что тогда "**ученик взял ее к себе**" (Иоан.19:27)? После того, как Христос снова собрал

учеников, и она была опять с ними. "**С братьями Его**", – говорит о тех, которые прежде не верили Христу. "**И в те дни Петр, став посреди учеников, сказал**" (ст. 15). Петр всегда первый начинает говорить, частью по живости своего характера, а частью потому, что Христос вверил ему Свое стадо и он был первым в лике (апостолов). "**(Было же собрание человек около ста двадцати): мужи братия! Надлежало исполниться тому, что в Писании предрек Дух Святый**" (ст. 16). Почему он не от своего только лица просил Христа дать ему кого-нибудь вместо Иуды? Или почему апостолы (все вместе) не делают выбора сами собою? Петр сделался теперь лучше, чем был прежде: так можно ответить на первый вопрос. Что же касается до того, почему не просто, а посредством откровения они просят восполнить свое собрание, – на это я укажу две причины: первая – та, что они заняты были другим делом; а другая – та, что это служило наибольшим доказательством, что Христос пребывал с ними. Он, и отсутствуя (видимым образом), сам избрал так же точно, как и тогда, когда был с ними: а это служило для них немаловажным утешением. Но смотри, как Петр все делает с общего согласия и не распоряжается ничем самовольно и как начальник. И он не сказал просто так: "на место Иуды мы избираем такого-то"; но, чтобы успокоить учеников относительно совершившегося, посмотри, как начинает свою речь. Это событие, действительно, произвело в них не малое недоумение; и в этом нет ничего удивительного: если и теперь многие рассуждают о нем, то что естественно следовало говорить им тогда? "**Мужи**", говорит он, "**братия**". Если Господь назвал их братиями, то тем приличнее было такое обращение Петру, потому-то он и восклицает так в присутствии всех. Вот достоинство церкви и ангельское ее состояние! Никто тогда не был отделен от других, ни мужчина, ни женщина. И мне желательно, чтобы таковы были церкви и теперь. Никто тогда не заботился о чем-либо житейском, никто не беспокоился о доме. Вот как полезны искушения! Вот какое благо – напасти! "**Надлежало исполниться**

тому, что в Писании предрек Дух Святый". Постоянно утешает их пророчеством. Так при всяком случае поступает и Христос. Таким же точно образом и Петр показывает, что в этом событии нет ничего странного, но что оно уже было предсказано. "**Надлежало**", говорит он, "**исполниться тому, что в Писании предрек Дух Святый устами Давида**". Не говорит: сказал Давид, но: Дух чрез него. Вот заметь уже в самом начале книги, каким пользуется он учением. Видишь ли, я не напрасно сказал в начале настоящего произведения, что эта книга (изображает) устроение (πολιτεία) Духа. "**Предрек Дух Святый устами Давида**"; Смотри, как усвояет себе пророка и выставляет на вид его наречение, зная, что для них будет полезно то, что это изречение принадлежит Давиду, а не другому пророку. "**Об Иуде, бывшем вожде**". Заметь и здесь любомудрие этого человека: он не поносит и не бесчестит (Иуду), не говорит, что он был злодей и самый ужасный злодей, но просто поясняет, что произошло. Не называет даже его и предателем, а старается, сколько это было для него возможно, сложить вину на других. Впрочем, и тех не сильно обвиняет: "**бывшем**", говорить, "**вожде тех, которые взяли Иисуса**". И прежде, чем указал место, где находится это изречение Давида, напоминает об участи, постигшей Иуду, чтобы чрез настоящее удостоверить и в будущем и показать, что (Иуда) уже получил наказание. "**Он был сопричислен к нам и получил жребий служения сего; но приобрел землю неправедною мздою**" (ст. 17, 18). Изображает нрав (Иуды) и неприметно обнаруживает (его) вину, достойную наказания. Не говорит: "иудеи (стяжали)", но: "**приобрел землю неправедною мздою**". И так как люди со слабой душою смотрят не столько на будущее, сколько на настоящее, – он рассказывает о наказании, постигшем его в настоящей жизни. "**И когда низринулся**". Прекрасно поступил, остановив свою речь не на преступлении Иуды, а на постигшем его наказании. "**Расселось чрево его, и выпали все внутренности его**". Это служило для них утешением. "**И это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном их наречии названа Акелдама, то есть земля крови**" (ст. 19).

2. Иудеи дали такое название селу не ради села, а ради Иуды; а Петр перенес его на самое село и в свидетели привел самих врагов. И тем, что сказал: "**названа**", и тем, что присовокупил: "**на отечественном их наречии**", – он, действительно, хочет это выразить. Затем, указав сначала на событие, он прилично приводит пророчество и говорит: "**в книге же Псалмов написано: да будет двор его пуст, и да не будет живущего в нем; и достоинство его да приимет другой**" (ст. 20; Пс.68:26). Это (говорится) о селе и о доме. "**И достоинство его да приимет другой**", т.е., начальство, священство. Следовательно, не по моей мысли это совершается, а по воле Того, Кто это предрек. Чтобы не показалось, будто он берется за дело слишком великое, за такое, какое совершал Христос, – он в свидетели привел пророка. "**Итак надобно**", говорит, "**чтобы один из тех, которые находились с нами во всё время**" (ст. 21). Зачем он советуется с ними? Чтобы это дело не сделалось предметом спора, чтобы между ними не вышло распри. Ведь если это случилось с самими (апостолами), то тем скорее (могло случиться) с теми людьми. Этого он всегда избегает; потому и говорил в самом начале: "**мужи братия**", нужно избрать из нас. Он предоставляет это дело на суд большинства, а чрез то и избираемых выставляет достопочтенными, и от себя отклоняет вражду со стороны других, так как подобные дела всегда порождают большое зло. И вот, что надобно так поступить, (избрать), этому в свидетели он приводит пророка; а из каких лиц надобно (сделать выбор), это он объясняет сам, говоря: "**один из тех, которые находились с нами во всё время**". Если бы он сказал: надобно, чтобы это были люди способные, – он оскорбил бы остальных; а теперь он дело предоставил времени, сказав не просто: "**находились**", но: "**во всё время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его**" (ст. 21, 22). Для чего это? Чтобы лик (апостольский) не оставался не полным. Что же? Разве самому Петру нельзя было избрать? Очень можно. Но он этого не делает, чтобы не показаться пристрастным; а с другой стороны, – он не получил еще и Святого Духа. "**И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом, и Матфия**" (ст. 23). Не сам Петр поставил их, но – все; а мнение подал он, показав, впрочем, что и оно принадлежит не ему, а издревле уже (возвещено) в пророчестве, так что он был лишь толкователь, а не наставник. "**Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом**". Писатель поставил и то, и другое название, быть может, потому, что (у Иосифа) были соименники, так как и между апостолами было много соименников, например: Иаков Зеведеев и Иаков Алфеев, Симон Петр и Симон Зилот, Иуда Иаковлев и Иуда Искариотский. С другой стороны, это название могло быть дано ему и вследствие перемены жизни, а, может быть, и по его желанию. "**И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом, и Матфия; и помолились и сказали: Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место**" (ст. 23-25). Прилично упоминают о преступлении Иуды и тем показывают, что ищут свидетеля не для того, чтоб увеличивать число (апостолов), но для того, чтобы не дать ему уменьшиться. "**И бросили о них жребий**", так как Святого Духа еще не было с ними, "**и выпал жребий Матфию, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам**" (ст. 26). "**Тогда**", сказано, "**они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути**" (ст. 12). Так говорит (писатель), желая показать, что они не дальний предпринимают путь, чтобы не подвергнуться какой-либо опасности, так как они все еще трепетали и боялись. "**И, придя, взошли в горницу**" (ст. 13). Они не смели появиться в городе и не напрасно взошли на горницу, но за тем, чтобы не легко было захватить их врасплох.

"**Все они единодушно пребывали в молитве и молении**" (ст. 14). Видишь ли, как они бодрствовали, "**пребывали в молитве**", и притом, "**единодушно пребывали**", как бы

одною душою? В этих словах заключается свидетельство о том и другом. Иосифа, может быть, уже не было в живых; поэтому о нем (здесь) и не упоминается. Невозможно, чтобы этот человек, который прежде всех уверовал (во Христа), не был верующим теперь, когда и братья уверовали. Поэтому-то, конечно, нигде и не видно, чтобы он когда-либо смотрел на Христа, как на (простого) человека, между тем как Мать говорила: "**отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя**" (Лк.2:48). Итак, он познал Его прежде всех; а братьям Христос говорил: "**мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит**" (Ин.7:7). Посмотри и на скромность Иакова: он принял епископство в Иерусалиме, и, однако – в настоящем случае не говорит ничего. Заметь также глубокое смирение и остальных учеников: они уступают ему престол и не спорят уже между собою, так что та Церковь была, как бы на небе; в ней не было ничего житейского; она блистала не стенами и не мрамором, но ревностью лиц, ее составлявших. "**Было же собрание человек около ста двадцати**", сказано, было их. В том числе, вероятно, были семьдесят учеников, которых избрал сам Христос, а равно и другие из числа ревностнейших по вере, напр. Иосиф и Матфий; были и многие жены, которые следовали за Ним и всегда были вместе.

3. Такова заботливость наставника! Он первый поставил учителя. Не сказал: достаточно и нас, – так он был чужд всякого тщеславия, и стремился лишь к одной цели, хотя и не одинаковое со всеми имел значение. Впрочем, это было совершенно естественно по причине добродетели этого человека, а также и потому, что в то время начальство составляло не честь, а заботу о подчиненных. Отсюда происходило, что и те, кого избирали, не гордились, потому что были призываемы на опасности; и те, кто не был избран, не скорбели, потому что не считали этого для себя бесчестием. Но теперь уже бывает не так, а совершенно напротив. Смотри: их было сто двадцать человек, а из всего этого множества он требует (чтобы они избрали) одного, – и (требует) справедливо. Он первый распоряжается в этом деле, так как ему вверены все. Ведь ему сказал Христос: "**и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих**" (Лк.22:32). "**Он был сопричислен**", говорит, "**к нам**"; а потому надобно назначить другого, чтобы он сделался свидетелем на место Иуды. И смотри, как он подражает своему Учителю: всюду рассуждает на основании Писания и отнюдь ничего не говорит о Христе, что Он часто это предсказывал. Не указывает и на те места Писания, где упоминается о предательстве Иуды, напр.; "**уста грешника и уста льстивого открылись против меня**" (Пс.108:2); но приводит только то место, где упомянуто об его наказании, так как теперь только об этом и полезно было им узнать. Здесь опять особенно видно человеколюбие Господа. "**Он был сопричислен**", говорит, "**к нам и получил жребий служения сего**". Везде называет его жребием и тем показывает, что здесь все – дело благодати Божией и дело избрания, – и вместе напоминает им о временах древних, выражая мысль, что Бог сделал его Своим жребием так же, как и левитов. Затем, продолжая говорить о нем, замечает, что награда за его предательство сделалась торжественною вестницею и его наказания. "**Но приобрел**", говорит, "**землю неправедною мздою**". Заметь, как это событие совершилось по устроению Божию. "**Неправедною**". Много неправд; но никогда не было ничего неправеднее этой неправды; это – по преимуществу дело неправедное. И это сделалось известным не одним лишь современникам, но и всем жившим после того. Иудеи невольно, сами того не зная, дали название (селу), подобно тому, как и Каиафа предрек, не зная сам о том. Бог побудил их назвать его по-еврейски: Акелдама. Отсюда уже можно было предусматривать и те бедствия, какие имели постигнуть иудеев. Далее показывает, что отчасти уже сбылось предсказание, которое говорит: "**лучше было бы этому человеку не родиться**" (Мф.26:24). Это же самое можно приложить и к иудеям, потому что, если бывший вождь (подвергся такой участи), то еще с большею справедливостью (должны были испытать ее) эти люди. Но (Петр) пока еще не говорит ничего такого. Затем, чтобы показать, что (это поле) по всей справедливости названо Акелдама, он приводит изречение пророка: "**да будет двор его пуст**". И что, в самом деле, может быть

пустыннее села, обращенного в кладбище? И это село естественно может быть названо его селом. Кто внес следующую за него плату, тот справедливо и должен считаться господином этого великого запустения, хотя бы и другие купили его. Это запустение, – если внимательно вникнуть в дело, – служит уже началом иудейского запустения. Известно, что иудеи губили себя голодом и многих умертвили, и что город их обратился в кладбище для чужестранцев, для воинов: им не позволяли погребать (умерших), потому что их считали недостойными даже погребения. "**Итак надобно**", говорит, "**чтобы один из тех, которые находились с нами**". Смотри, – он хочет, чтобы это были очевидные свидетели. Хотя и имел придти к ним Дух Святый, при всем том, на это дело была обращена крайняя заботливость. "**Итак надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами**", говорит, "**во всё время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус**". Этим показывает, что они жили вместе с Ним, а не просто только находились при Нем, как Его ученики. Действительно, и с самого начала тогда многие следовали за ним. Смотри, как на это указывает (Иоанн), когда говорит: "**один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним**" (Ин.1:40). "**Во всё время**", говорит, "**когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова**". Прекрасно; так как, что было прежде этого, о том никто не знал чрез научение, но узнали от Святого Духа "**до того дня**", говорит, "**в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его**" (ст. 22). Не сказал: "**свидетелем**" остального, но: "**свидетелем**" одного только "**воскресения**", потому что тот (свидетель) был достовернее, кто мог сказать, что Тот самый воскрес, Кто ел, пил, был распят. Не надобно было свидетеля ни для того, что было прежде, ни для того, что было после, ни для чудес вопрос заключался именно в воскресении, так как то было явно и всеми признано, а воскресение произошло тайно и только им одним было известно. И они не говорят: нам сказали ангелы, но: мы видели Откуда это ясно? Из того, что мы творим чудеса. Поэтому тогда-то особенно им и следовало быть достоверными. "**И поставили**", говорит (писатель), "**двоих**". Зачем не больше? Чтобы не увеличивать между ними уныния, и не распространять этого дела на многих. И не без причины он ставит (Матфия) после (Иосифа), но этим показывает, что, кто пользуется почтением у людей, тот часто бывает меньшим пред Богом. И все вместе молятся таким образом: "**Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи**" (ст. 24). Ты, говорят, а не мы. Благовременно призывают и Сердцеведца: надлежало, чтобы Он сделал избрание, а не посторонние люди. Так они были уверены, что одному непременно следовало быть избранным. И не сказали: избери; но: "**покажи**", говорят, избранного, "**которого Ты избрал**", они знали, что у Бога все наперед определено. "**Покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий сего служения и Апостольства**" (ст. 24, 25), – потому что было и другое служение. "**И бросили о них жребий**" (ст. 26). Они еще не считали себя достойными того, чтобы самим сделать выбор; поэтому и хотят узнать посредством какого-нибудь знака.

4. С другой стороны, если там, где не было ни молитвы, ни достойных людей, жребий имел столь великую силу, потому что был следствием справедливого, по отношению к Ионе, решения, то гораздо более здесь, где нужно было восполнить лик, восстановить чин (апостольский). И другой (Иосиф) не опечалился (тем, что не был избран): иначе апостолы сказали бы об этом, так как они не скрывали своих недостатков. Ведь и о самых даже первоверховных апостолах они не преминули заметить, что иногда они были недовольны; и это не однажды, но и дважды, и даже чаще. Будем же я мы подражать им. Слово мое относится не ко всем еще, а к тем лишь, кто домогается власти. Если ты веришь, что выбор делается Богом, то не негодуй: иначе ты Им бываешь недоволен, против Него раздражаешься, потому что Он избрал. Если же, несмотря на Его избрание, ты дерзаешь огорчаться, то ты поступаешь так же, как Каин. Ему надлежало бы одобрить (приговор Божий), а он из-за того, что жертве брата сделано предпочтение, опечалился; вознегодовал, когда бы следовало умилиться. Но, впрочем, не об этом речь, а о том, что

Бог знает, как лучше устроить дела. Часто бывает, что по характеру, например, ты скромнее, но не соответствуешь цели. Опять, – жизнь твоя безукоризненна и характер у тебя благородный, но не это только нужно в Церкви. А притом, и пригоден бывает один к одному, а другой к другому. Разве не видишь, как много об этом сказано в Священном Писании?

Но я скажу, отчего это дело сделалось предметом домогательств: причина – в том, что мы домогаемся его, не как обязанности управлять другими и заботиться о братиях, а как чести и покойной жизни. А если бы ты знал, что епископ должен принадлежать всем и носить тяготы всех, что остальным, когда они гневаются, прощают, а ему – никогда, что прочих, если они согрешат, охотно извиняют, а его – нет, – ты не добивался бы этого начальства, не стремился бы к нему. Епископ подлежит приговору всякого, суду всех – и мудрых, и неразумных; каждый день, каждую ночь он изнуряется в заботах; у него много недоброжелателей, много завистников. Не говори мне о тех, которые во всем угождают, которые хотят спать, которые идут на это дело, как на покой, – не о них речь, но о тех, которые бдят о душах ваших, которые спасение подчиненных предпочитают своему собственному. Скажи мне: если тот кто имеет десятерых детей, которые подвластны ему и всегда живут вместе с ним, принужден бывает непрестанно о них заботиться, – то каким следует быть тому, у кого так много лиц, не подчиненных ему, не живущих вместе с ним, но свободно располагающих собою? За то, скажешь, он пользуется честью. Какою честью? Самые последние нищие поносят его на площади. Так зачем же он не заставляешь их замолчать? Хорошо; но ведь это уж не дело епископа. И опять, не подавай он всякому, – и тем, кто (проводит время) в праздности, и тем, кто трудится, – тысячи упреков со всех сторон; никто не боится обвинить и оклеветать его. Осуждать (мирских) начальников боятся; а этих (епископов) – нет, потому что страх Божий у таких людей не имеет никакой силы. А что сказать касательно заботы о слове и об учении? О трудности при рукоположениях? Или, быть может, я уж крайне немощен, жалок и ничтожен, или дело обстоит действительно так, как я говорю. Душа священника ничем не отличается от корабля, обуреваемого волнами; со всех сторон она уязвляется от друзей, от врагов, от своих, от чужих. Не вселенною ли управляет царь, между тем как епископ – одним только городом? Но заботы последнего настолько же больше, насколько воздымающееся и беснующееся море различается от речной воды, приводимой в движение лишь ветром. Отчего бы это так? Оттого, что там много помощников, и все делается по закону и по указу; а здесь нет ничего такого, и нельзя приказать по своему усмотрению. Но, если будешь действовать сильно, прослывешь жестоким; а если не сильно, – холодным. Надобно совмещать и то, и другое, так, чтобы и не быть в пренебрежении, и не заслужить ненависти. С другой стороны, и самые дела здесь особенно трудны. Как многих (епископ) вынужден бывает огорчать, волею или неволею! Как со многими вынужден бывает поступать сурово, хотел бы того, или не хотел! Говорю не иначе, а именно так, как думаю и чувствую. Не думаю, чтоб в среде священников было много спасающихся; напротив – гораздо больше погибающих, и именно потому, что это дело требует великой души. У епископа много нужд, которые заставляют его выходить из своего дома; ему нужны тысячи глаз со всех сторон. Не видишь ли, как много нужно иметь ему? Он должен быть учительным, терпеливым, твердо держаться "**истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении**" (Тим.3:2; Тит. 1:9 и др.). А как это трудно! И тогда, когда прочие грешат, – вина падает на него. Не говоря ни о чем другом, скажу только, что, если только и один кто отойдет (из этой жизни) без посвящения в таинства, – не ниспровергнешь ли это всего его спасения? Ведь погибель и одной души составляет такую потерю, которой не может выразить никакое слово. Если спасение ее имеет такую цену, что и Сын Божий сделался для этого человеком и столько претерпел, то подумай, какое наказание повлечет за собою ее погибель! Если тот, чрез кого гибнет другой, достоин в настоящей жизни смерти, то гораздо боль- ше – там. Не говори мне:

согрешил пресвитер или диакон, – вина всех их падает на главу рукоположивших. Укажу еще на нечто другое: случится кому-нибудь из людей нехороших быть принятым в клир, – является недоумение: какое надобно принять решение касательно его прежних грехов? Здесь две пропасти: следует и его не оставить без наказания, и остальным не подать соблазна. Так надобно ли его извергнуть? Но в настоящее время нет повода. Или оставить его без наказания? Да, скажешь, потому что виноват рукоположивший. Так что же? Не нужно, по крайней мере, рукополагать его и возводить в другую степень? Но тогда для всех будет ясно, что он – какой-то дурной человек, и, следовательно, отсюда опять произойдет соблазн. Или возвести его на высшую степень? Но это гораздо хуже.

5. Итак, если бы все стремились к архиерейству, как к обязанности заботиться о других, то никто не решился бы скоро принять его. А то мы гоняемся за ним так же точно, как за мирскими должностями. Из-за того, чтобы быть в славе, чтобы достигнуть почестей у людей, мы погибаем пред очами Божиими. И что пользы в почести? Как ясно доказано, что она – ничто! Когда ты сильно возжелаешь священства, то противопоставь геенну, противопоставь отчет, какой там нужно дать, противопоставь покойную жизнь, противопоставь степень наказания. Если ты согрешишь просто, как человек, ты не потерпишь ничего подобного; если же согрешишь, будучи священником, – ты погиб. Подумай, сколько перенес, сколько любомудрствовал, сколько доброго выказал в себе Моисей; и, однако, за то, что сделал один только грех, потерпел строгое наказание. И справедливо, – потому что это соединено было со вредом для остальных. Итак, он наказан был с особенной строгостью не потому только, что его грех был явный, но и потому, что был грех священника. А ведь не одинаковому подвергаемся мы наказанию за грехи явные и за грехи тайные. Грех один и тот же, но вред от него не одинаков, или лучше сказать – и грех не одинаков, потому что не все равно – грешить тайно и незаметно, и грешить явно. А епископу нельзя грешить тайно. Хорошо уже и то, если он свободен от упреков, когда не грешит; а уж нечего говорить о том, когда он грешит. Рассердится ли он, посмеется ли, захочет ли дать себе отдых сном, – является много насмешников, много соблазняющихся, много законодателей, много таких, которые припоминают прежних (епископов) и охуждают настоящего; и это делают не потому, что хотят похвалить тех, – нет, – вспоминают о прежних епископах и пресвитерах только для того, чтобы уязвить этого. Приятна, говорят, война для тех, кто не испытал ее. Это же прилично сказать и теперь; или лучше, мы так и говорим, пока не вступили в подвиг; а как скоро вступим, мы не бываем даже известны народу. Теперь у нас уже нет борьбы с теми, кто угнетает бедных; мы не берем на себя труда ратовать за свое стадо, но, подобно тем пастырям, о которых упоминается у Иезекииля (34:2), мы лишь закалаем и едим. Кто из нас выказывает такую же заботливость о стаде Христовом, какую имел Иаков о стадах Лавана? Кто может похвалиться чем-нибудь таким, что могло бы равняться перенесению ночного холода? Не называй мне всенощных бдений наравне с этою великою заботливостью. Нет, теперь все совсем иначе. Начальники округов и местные правители не пользуются такою большою честью, какою – начальствующий в Церкви. Войдет ли он в царский дворец, – кому первое место? Будет ли у женщин, или в знатных домах, – никому другому нет большего перед ним почета. Все погибло, все испорчено! Это говорю я не для того, чтобы вас пристыдить, а для того, чтобы удержать вас от этой страсти. С какою ты будешь совестью, если ты домогался (этого сана) или сам собою, или чрез кого-нибудь другого? Какими глазами будешь смотреть на того, кто был твоим сообщником? Какое будешь иметь оправдание? Кто (принял этот сан) по неволе, по принуждению, против желания, тот имеет еще некоторое оправдание; хотя и ему по большей части отказывают в прощении, но все же он имеет некоторое извинение. Подумай, чему подвергся Симон? Что нужды, что ты не даешь серебра, но, в замен серебра, льстишь и употребляешь разного рода происки и хитрости? "**Серебро твое да будет в погибель**" (Деян.8:20), – сказано было ему; и этим людям также будет сказано: домогательство ваше да будет с вами в погибель

за то, что вы вздумали приобресть дар Божий происками человеческими. Но таких нет никого? О, если б и не было! Ведь я вовсе и не желаю, чтобы слова мои относились к вам; и теперь только по ходу речи мне пришлось сказать об этом. Да когда я говорю и против любостяжания, слова мои также не относятся к вам, и даже ни к одному из вас. Дай Бог, чтобы мы понапрасну приготовляли лекарства. И желания врачей точно таковы же: не другого чего они хотят, а именно того, чтобы, после значительного их труда лекарства были брошены даром. Того же и мы желаем, то есть, чтобы наши слова говорились просто – на воздух, так, чтобы оставались только словами. Я готов снести все, лишь бы не быть поставлену в необходимость говорить об этом. Впрочем, если угодно, мы и замолчим; только пусть наше молчание будет безопасно: я и не думаю, чтобы кто-либо, как бы ни был он тщеславен, захотел говорить без всякой надобности и только для того, чтобы себя выказать. Мы предоставим вам учить; учение делами – это более важное учение. И лучшие врачи, несмотря на то, что недуг больных приносит им доходы, желают, чтобы их друзья были здоровы; так и я хочу, чтобы все вы были здоровы. Я не желаю, чтобы меня хвалили, а вас осуждали. Я желал бы, если возможно, самим взором выказать ту любовь, какую питаю к вам: тогда уже никто не стал бы упрекать меня ни в чем, если бы даже слово мое было и слишком жестко. Что говорится между друзьями, то легко переносится, хотя бы тут было что-нибудь и обидное, – потому что "**искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего**" (Притч.27:6). Для меня нет ничего дороже вас, – не дороже даже и этот свет. Тысячи раз я желал бы сам лишиться зрения, если бы только чрез это можно было обратить ваши души, – так спасение ваше для меня приятнее самого света. Да и что мне пользы от лучей солнечных, когда скорбь из-за вас наводить глубокий мрак на мои очи? Свет тогда хорош, когда он является во время радости; а для скорбной души он кажется даже тягостным. А что я не лгу, – в этом не дай Бог когда-нибудь убедиться на опыте! Но, впрочем, если бы случилось, что кто-нибудь из вас грешит, – придите ко мне спящему: пусть я погибну, если я не похожу на расслабленных, если не похожу на исступленных; тогда, по словам пророка, "**свет очей моих - и того нет у меня**" (Пс.37:11). Какая для вас надежда, когда вы не показываете успехов? А если вы заслуживаете похвалу, какая возможна печаль? Мне кажется, я летаю (от радости), когда услышу о вас что-нибудь хорошее. "**Дополните мою радость**" (Флп.2:2). Об этом только я прошу вас, потому что я желаю вам успеха: А я со всеми буду спорить относительно того, что люблю вас, что я сроднился с вами, что вы для меня все – и отец, и мать, и братья, и дети. Так не подумайте же, что хоть что-нибудь говорится мною по неприязненности к вам; нет, – (я говорю) для вашего исправления. "**Брат**", - говорит Писание, - "**от брата вспомоществуемый – как город крепкий**" (Притч.18:19). Итак, не пренебрегите моими словами. Ведь и я не отказываюсь слушать вас; нет, я хотел бы, чтоб вы исправляли меня, хотел бы учиться у вас. Ведь мы все братья, и один у нас Наставник; но и между братьями надобно, чтобы один давал приказания, а остальные слушались. Так не пренебрегите же моими словами, но да будем делать все во славу Бога, так как Ему слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 4

"При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились" (Деян.2:1-2).

1. Что это за пятидесятница? Это – время, когда нужно было серпом срезывать жатву, когда надобно было собирать плоды. Видел образ? Смотри, в свою очередь, и на саму истину. Когда надобно было пустить в дело серп слова, когда нужно было собирать жатву, – тогда, как изощренный серп, прилетает Дух. Послушай, в самом деле, что говорит Христос: "**возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к**

жатве" (Ин.4:35); и еще: "**жатвы много, а делателей мало**" (Лк.10:2). Итак, Христос сам первый наложил серп; Он вознес на небеса начатки плодов, восприяв наше естество; потому-то Они называет это жатвою. "**При наступлении**", сказано, "**дня Пятидесятницы**", то есть, не прежде Пятидесятницы, но около самой, так сказать, Пятидесятницы. Надлежало, чтобы и это совершилось также во время праздника, чтобы те, которые присутствовали при кресте Христовом, увидели и это событие. "**И внезапно сделался шум с неба**". Почему это событие не совершилось без всяких чувственных явлений? Потому, что, если и при этом иудеи говорили, "**они напились сладкого вина**", то чего не сказали бы, если бы ничего такого не случилось? И не просто произошел шум, но – "**с неба**". А своею внезапностью он возбудил учеников. "**И наполнил весь дом**". Это показывает великую стремительность Духа. Заметь: здесь все были собраны, для того, чтобы и присутствующие уверовали, и ученики оказались достойными. И не только это (говорит Лука), но присовокупляет и то, что гораздо поразительнее: "**и явились им разделяющиеся языки, как бы огненные**" (ст. 3). Прекрасно везде прибавлено: "**как бы**", чтобы о Духе ты не подумал ничего чувственного: "**как бы огненные**", сказано, и: "**как бы от несущегося сильного ветра**". Значит, это был не ветер, обыкновенно разливающийся в воздухе. Когда Иоанну нужно было узнать Святого Духа, – Он сошел на главу Христову в виде голубя; а теперь, когда надлежало обратиться всему народу, Он является в виде огня. "**И почили по одному на каждом из них**", т.е., остановился, почил: сесть значит утвердиться, остаться на месте. Что же? На одних лишь двенадцать учеников сошел (Святый Дух), а не на остальных? Нет, – Он сошел и на всех сто двадцать человек. Петр не без основания привел свидетельство пророка, говоря: "**И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут**" (ст. 17). И заметь: так было, чтобы не только поразит их, но и исполнит благодати; поэтому и (сказано): "**Духом Святым и огнем**" (Мф.3:11). "**И исполнились**", прибавляется далее, "**все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать**" (ст. 4). Прежде всякого другого знамения получают они именно это, так как оно было необыкновенно, и не было нужды в другом знамения. "**И почили**", сказано, "**по одному на каждом из них**", – следовательно, и на том, кто не был избран; потому-то он уже и не скорбит, что не избран подобно Матфию. Сказано: "**и исполнились все**". Не просто приняли благодать Духа, но исполнились. "**И начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать**". Не сказал бы: "**все**", хотя тут были и апостолы, если б и остальные не участвовали. С другой стороны, сказав о них прежде отдельно и поименно, он и теперь не сказал бы о них на ряду с прочими. Если там, где нужно было сказать только, что тут апостолы, он упоминает о них отдельно, то тем больше (упомянул бы) здесь.

Но заметь, прошу тебя, как Дух приходит именно тогда, когда они пребывают в молитве, когда имеют любовь. А слова: "**как бы огненные**" напомнили им и о другом видении, потому что, как огонь, Он явился и в купине. "**Как Дух давал им провещевать**"; их слова, действительно, были провещаниями (αποφθέγματα). Сказано: "**в Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные**" (ст. 5). Что они были благоговейны, свидетельством тому служит именно то, что они тут жили. Каким образом? Принадлежа к столь многим народам и оставив свое отечество, свои домы, своих родственников, они жили тут. "**В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришел в смятение**" (ст. 5, 6). Так как это событие случилось в доме, то, естественно, сбежались находившиеся вне дома. "**Народ, и пришел в смятение**". Что значит: "**в смятение**"? Смутился, удивился. Затем (писатель), разъясняя, чему удивлялись, прибавляет: "**ибо каждый слышал их говорящих его наречием**". Итак, собрался народ "**говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне?**" (ст. 6-7) Тотчас же обратили взоры на апостолов. "**Как же**",

говорят, "**мы слышим каждый собственное наречие**, **в котором родились. Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих? И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит?**" (ст. 8-12). Видишь, как они стремятся от востока к западу? "**А иные, насмехаясь, говорили: они (γλεύκους) напились сладкого вина**" (ст. 13).

2. Какое безумие! Какая великая злоба! Теперь было вовсе не время для молодого вина (γλεύκους), потому что была Пятидесятница. И что еще хуже, – в то время, как все признают (чудо), и римляне, и пришельцы, и, может быть, даже и те которые распяли (Господа), – они и после всего этого говорят, "**они напились сладкого вина**". Но возвратимся к тому, что сказано выше. "**И наполнил весь дом**". Бурное дыхание было как бы купелью водною; а огонь служит знаком именно обилия и силы. Этого никогда не случалось с пророками; так было только теперь – с апостолами; а с пророками – иначе. Например, Иезекиилю дается свиток книжный, и он съедает то, что должен был говорить: "**и было**", говорит он, "**в устах моих сладко, как мед**" (Иез.3:3). Или еще: рука Божия касается языка другого пророка (Иер.1:9). А здесь (все делает) сам Дух Святой и таким образом является равночестным Отцу и Сыну. Опять и в другом месте (пророк) говорит: "**плач, и стон, и горе**" (Иез.2:10). Пророкам естественно (подавалась благодать) в виде книги, для них еще нужны были образы; притом, они имели дело с одним только народом, с людьми своими, а апостолы – с целой вселенной, с людьми, которых никогда не знали. Елисей получает благодать чрез посредство милоти; другой, как например Давид, посредством елея; Моисей же призывается посредством горящей купины; но здесь – не так, а сам огонь "**почили**" на апостолах. Почему огонь не наполнил дома? Потому что это поразило бы их ужасом. Впрочем, из слов (писателя) видно, что это так и было; обрати только внимание не на эти слова: "**и явились им разделяющиеся языки**", а на другие: "**как бы огненные**". Такое множество огня может объять пламенем огромный лес. И прекрасно сказано: "**разделяющиеся**"; ведь они были от одного корня, – чтобы ты узнал, что это – сила, посланная Утешителем. Но смотри: и апостолы сначала показали себя достойными, и тогда уже сподобились Духа. Так и Давид: как поступал он, когда еще находился при стадах, так же точно вел себя и после победы и после торжества, чтобы показать свою простую веру. Посмотри опять на Моисея: и он (сначала) презирает царские палаты, а спустя сорок лет получает управление народом; или – на Самуила, воспитывавшегося в храме; или – на Елисея, покинувшего все; или опять – на Иезекииля. А что действительно так было (и с апостолами), это ясно из последующего: они именно оставили все, что было у них. Поэтому они тогда получают Святого Духа, когда обнаружили свою добродетель. Они узнали и человеческую немощь из того, что испытали; узнали, что не напрасно совершены ими эти подвиги. Равным образом и Саул сначала имел о себе свидетельство, что он – хорош, и потом уже получил Святого Духа. Но никто, даже и больший из пророков – Моисей, не получил так, как апостолы. Моисей, когда нужно было другим сделаться духовными, сам претерпевал уменьшение; а здесь – не так. Напротив, как огонь, сколько бы кто ни захотел зажечь от него светильников, нисколько не уменьшается, так произошло тогда и с апостолами. Посредством огня показывалось не только обилие благодати, а и каждый получил (неиссякаемый) источник Духа, как и сам (Христос) сказал, что верующие в Него будут иметь источник воды, текущей в живот вечный (Ин.4:14). И это весьма естественно, – потому что они шли не говорить с фараоном, а сражаться с диаволом. И, что более удивительно: будучи посылаемы, они нисколько не противоречили, и не сказали, что они худогласны и косноязычны, – в этом вразумил их Моисей, – не сказали, что они слишком молоды, – в этом умудрил их Иеремия. Хотя они слышали много страшного, и гораздо больше, чем те (пророки), однако, боялись противоречить. Отсюда видно, что это были ангелы света и

высших дел служители. Пророкам никто не является с неба, потому что они еще заботятся о том, что на земле; но после того, как человек восшел на высоту, – и Святой Дух сходит с высоты: "**как бы от несущегося**", сказано, "**сильного ветра**". Это показывает, что им ничто не в состоянии будет противиться, но что они развеют, как прах, своих противников. "**И наполнил весь дом**". Дом служил символом мира. "**Собрался народ, и пришел в смятение**". Видишь благочестие этих людей, – как они не тотчас произносят приговор, но недоумевают? А те неразумные произносят приговор, говоря: "**они напились сладкого вина**". Так как по закону можно было им три раза в год являться в храме, то тут жили благочестивые люди от всех народов. Заметь из настоящего случая, как писатель не льстит им: не сказал, что они подали свой голос, – но что? "**Собрался народ, и пришел в смятение**". Это и естественно; они думали, что настоящее событие грозит им погибелью за то, что они дерзнули сделать против Христа. А с другой стороны, и совесть потрясала их души, так как убийство было еще, так сказать, у них в руках, и все их пугало. "**Сии говорящие не все ли Галилеяне?**" Хорошо это сказано; значит, они признавали это. И до такой степени поразил их этот шум, что сюда собрались люди из большей части вселенной. Между тем, для самих апостолов это служило подкреплением; они не знали, что значило говорить по-парфянски, а теперь от этих людей узнавали. А о народах им враждебных, – критянах, аравитянах, египтянах, персах, – писатель упоминает для того, чтобы показать, что они одолеют их всех.

3. Так как иудеи были в то время и в плену, то, вероятно, вместе с ними тогда явились сюда и многие из язычников; а с другой стороны, и слух о догматах в это время уже распространился между народами, а потому многие и из них присутствовали здесь, по воспоминанию о том, что слышали. Таким образом свидетельство со всех сторон было непререкаемое, – со стороны граждан, со стороны иноземцев, со стороны пришельцев. "**Слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих**". Они не просто говорили, но говорили нечто дивное; и потому справедливо эти люди недоумевали, так как никогда еще не было ничего подобного. Заметь рассудительность этих людей: они изумлялись и недоумевали, говоря: "**друг другу: что это значит? А иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина**" (ст. 12, 13). Какое бесстыдство, если они из-за этого смеялись! И что же, впрочем, тут удивительного, если и о самом Господе, когда Он изгонял бесов, они говорят, что "**имеет в Себе веельзевула**" (Мк.3:22)? Где господствует наглость, там заботятся лишь о том одном, чтобы что-нибудь сказать; не о том, чтобы сказать что-нибудь разумное, а – лишь бы что-нибудь сказать. "**Они напились сладкого вина**". Верно, так, – потому что люди, окруженные столькими опасностями, трепещущие за саму жизнь, находящееся в такой печали, смеют говорить подобное! И смотри: так как это было невероятно, то, чтобы ввести в заблуждение слушателей и показать, что (апостолы) действительно пьяны, – все приписывают качеству (напитка) и говорят: "**они напились сладкого вина**". "**Петр же, став с одиннадцатью, возвысил голос свой и возгласил им**". Там ты видишь его попечительность, а здесь мужество. Пусть они удивлялись, пусть они были поражены; но и при этом не подать голос среди такого множества народа? Если и тогда, когда говоришь между своими, приходишь в смущение, то тем больше – когда говоришь между врагами, между людьми, дышащими убийством. А что (апостолы) не пьяны, это сейчас же сделалось очевидным из их голоса, потому что они не пришли, подобно одержимым, в исступление, и не были лишены свободы владеть собою. Но что значит: "**с одиннадцатью**"? Это значит, что они защищались общим голосом: Петр служил устами всех, а прочие одиннадцать (учеников) предстояли, подтверждая его слова своим свидетельством. "**Возвысил голос свой**", т.е., заговорил с великим дерзновением.

А поступает он так для того, чтобы познали благодать Духа. В самом деле, прежде он не вынес вопроса ничтожной служанки, а теперь среди толпы народной, когда все дышат

убийством, говорит с таким дерзновением! Это было несомненным свидетельством воскресения, потому что он поступает с такою смелостью среди людей, которые смеялись и глумились над таким великим событием. Подумай, сколько нужно наглости, сколько нечестия, сколько бесстыдства, чтобы необыкновенный дар языков считать делом опьянения! Но все это нисколько не смутило апостолов и не отняло у них смелости, хотя они и слышали эти насмешки. С пришествием Духа они уже изменившись и стали выше всего плотского, – потому что, где является Дух Святый, там и бренные становятся золотыми. Посмотри, например, прошу тебя, на Петра и узнай в нем того человека – боязливого, неразумного, как и Христос сказал: "**неужели и вы еще не разумеете?**" (Мф.15:16), – человека, который после известного своего дивного исповедания назван был сатаною (Мф.16:23). Обрати также внимание и на единодушие апостолов: они уступают ему говорить к народу, потому что не следовало говорить всем. "**Возвысил**", сказано, "**голос свой**" и стал говорить к ним с великим дерзновением. Вот что значит сделаться мужем духовным! Сделаем же и мы себя достойными вышней благодати, и тогда все для нас будет легко. Как огненный человек, попав в солому, не потерпит никакого вреда, а напротив, сам причинит вред, потому что сам нисколько не страдает, а стебли, которые приражаются к нему, губят сами себя, так было и теперь. Или лучше: как человек, у которого в руках огонь, смело вступает в борьбу с тем, кто несет на себе сено, так точно и апостолы выступали против этих людей с большим мужеством. И какой, в самом деле, вред причинила им эта многочисленная толпа? Скажи мне: не боролись ли они с нищетою и голодом? Не сражались ли с бесчестием и дурною славою? Ведь их считали за обманщиков. Не подвергались ли они насмешкам и ругательствам со стороны присутствующих? Ведь на них обрушилось и то и другое: одни смеялись над ними, а другие и ругались. Не были ли они подвержены ярости и неистовству целых городов, восстаниям и злоумышлениям? Не угрожали ли им огонь, и железо, и звери? Не со всех ли сторон предстояла им борьба с бесчисленными врагами? Не в таком ли они были состоянии, как будто бы видели эти бедствия во сне или на картине? И что же? Не истощили ли они ярости врагов? Не поставили ли их самих в затруднение? Не были ли эти люди больше всех одержимы и гневом, и страхом? Не были ли они в беспокойстве, в боязни и трепете? В самом деле, послушай, что говорят они: "**хотите навести на нас кровь Того Человека**" (Деян.5:28).

И, что удивительно, – апостолы, совершенно безоружные, ополчались против вооруженных, против начальников, имевших власть над ними; неопытные, неискусные в слове и совершенно простые, они противостояли и вели борьбу с искусниками, обманщиками, с толпою софистов, риторов, философов, перегнивших в академии и в школе перипатетиков. И тот, кто прежде упражнялся лишь около озер, одолел их так точно, как будто бы вел борьбу с безгласными рыбами; да, он победил всех так, как истый рыболов – безгласных рыб. И Платон, который так много бредил – умолк; а этот говорит, и не перед своими только, а и перед парфянами, перед мидянами, перед эламитянами, и в Индии, и повсюду на земле даже до последних пределов вселенной. Где ныне гордость Греции? Где слава Афин? Где бред философов? Галилеянин, вифсаидянин, простолюдин, победил их всех. Не стыдно ли вам, скажите мне, при одном имени той страны, которая была отечеством вашего победителя? А если вы услышите и имя его, и узнаете, что его звали Кифа, – вам будет еще стыднее. Вот то-то именно и погубило вас, что вы считаете это для себя унизительным, что вы находите всю славу в красноречии, а неискусство в даре слова считаете позором. Не по тому пути вы шли, по какому следовало идти; но вы оставили царский путь – удобный и ровный, и пошли по пути неровному, крутому и трудному. Потому-то вы и не достигли царствия небесного.

4. Но почему же, скажешь, Христос действовал не чрез Платона и не чрез Пифагора? Потому, что душа Петра была гораздо способнее к любомудрию, чем душа тех людей. Те

были настоящие дети, которые всюду увлекались пустою славою; а Петр был муж любомудрый и способный к принятию благодати. А если ты смеешься, когда слышишь это, – в том нет ничего удивительного. Ведь и иудеи тогда также смеялись и говорили, будто апостолы напились молодого вина. Но после, когда потерпели те тяжкие и самые жестокие бедствия, когда увидели, что город гибнет, что огонь разливается и стены падают на землю, когда увидели и те разные неистовства, которых никто не может изобразить словом, – тогда уже больше не смеялись. Так и вы тогда не будете смеяться, когда наступит время суда, когда будет возжен огонь геены. Но для чего я говорю о будущем? Хочешь ли, я покажу, каков Петр и каков Платон? Исследуем пока, если угодно, их нравы и посмотрим, чем занимался тот и другой. Этот последний употребил все время жизни на занятия предметами бесполезными и пустыми. В самом деле, какая польза знать, что душа философа становится мухою? Подлинно (душа Платонова) – муха; не в муху превратилась, но муха вошла в душу, обитавшую в Платоне. Что это за пустословие! Откуда могло придти в голову – говорить подобный вздор? Это был человек полный насмешливости и всем завидовавший. Он как будто бы старался о том, чтобы ни от себя не произвести, ни от другого не позаимствовать ничего полезного; таким образом, от другого он заимствовал переселение душ, а сам представил учение о гражданском обществе, где предписал гнуснейшие правила. Пусть, говорить он, жены будут общие, пусть обнаженные девицы борются на глазах любовников, пусть будут общими и отцы, и рождающиеся дети. Не выше ли это всякого безумия? Но таков Платон со своим учением. Здесь же не природа делает отцов общими, а любомудрие Петра. Что же касается до учения (Платонова), то оно даже уничтожало (общих отцов), потому что оно ничего другого не производило, кроме того, что настоящего отца почти не знали, а ненастоящего признавали отцом. Платон поверг душу в какое-то опьянение и в грязь. Пусть все, говорит он, без всякого опасения пользуются женщинами. Потому я не стану разбирать учения поэтов, чтобы не сказали, будто я занимаюсь баснями; но я поговорю о других баснях, которые гораздо смешнее этих. Сказали ли где-нибудь поэты какую-либо подобную нелепость? А тот, кто почитался главою философов, облекает женщин даже в оружие, в шлемы и поножи, и утверждает, что род человеческий ничем не разнится от собак. Так как между собаками, говорит он, и самка и самец имеют одинаковое участие в делах, то пусть и женщины также принимают участие во всем, и пусть все перевернется вверх дном. Диавол всегда старался через посредство этих людей доказать, что наш род не имеет никакого преимущества перед бессловесными животными. В самом деле, некоторые из них дошли до такого суемудрия, что утверждали, будто и между бессловесными животными есть разумные. И смотри, как разнообразно диавол неистовствовал в их душах. Главные между ними говорили, будто наша душа переходит и в мух, и в собак, и в животных; а их преемники, устыдившись этого, впали в другую гнусность, приписали животным всякое разумное знание и постоянно доказывали, что существа, созданные для нас, по достоинству выше нас. И не это только говорят они, но и то, будто у животных есть предведение и благочестие. Ворон, говорят они, знает Бога, равно как и ворона; и они имеют дары пророчества и предвещают будущее; есть, говорят, у животных правосудие, есть общество, есть законы, и собака между ними, по мнению Платона, завистлива. Вы, может быть, не верите словам моим? Это и естественно, потому что вы воспитаны в здравых догматах: кто вскормлен этою пищею, тот не может поверить, что есть человек, который с удовольствием поедает нечистоты. А между тем, когда говоришь им, что все это басни и совершенное безумие, – они отвечают: вы не поняли. Да никогда и не захотим понимать столь смешного вашего учения. Да, очень смешного! Ведь не нужно глубокого ума для того, чтобы постигнуть, что значит все это нечестие и эта путаница. Уж не по вороньи ли, безумные, говорите вы, как делают мальчики? Поистине, вы настоящие дети, как и те! Но Петр не сказал ничего подобного; напротив, он подал голос, который, как обильный свет, просиявший в каком-нибудь темном месте, рассеял мрак вселенной. А как кроток, как скромен его нрав! Как он стоял выше всякой пустой славы! Как он имел в

виду лишь одно небо и был чужд хвастовства, не смотря на то, что даже воскрешал мертвых! Случись кому-нибудь из этих неразумных людей совершить что-нибудь подобное, хотя бы даже только призрачно, не тотчас ли он стал бы требовать себе жертвенника и храма, не захотел ли бы быть в числе богов? Ведь и теперь, когда нет ничего такого, они всегда мечтают об этом. Что, в самом деле, значат у них Афина и Аполлон и Гера? Это у них – роды духов. Есть у них и царь, который хотел умереть для того, чтобы его почитали равным Богу. Но апостолы (поступают) не так, а совершенно наоборот. Послушай, что говорят они при исцелении хромого: "**мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?**" (Деян.3:12); и в другом месте: "**и мы – подобные вам человеки**" (14:15). Но там – великое хвастовство, великая гордость; все – только для почестей от людей и ничего – для любомудия. А когда что-либо происходит для славы, тогда все бывает низко: пусть человек имеет все, но не владеет этим (презрением славы), – он совершенно чужд любомудрия и одержим сильнейшею и гнуснейшею страстью. Презрение славы может научить всему доброму и изгнать из души всякую губительную страсть. Поэтому убеждаю и вас – проявлять великую ревность о том, чтобы исторгнуть эту страсть с корнем; иначе и нет возможности благоугодить Богу и снискать благоволение перед этим неусыпным оком. Итак, будем всячески стараться о том, чтобы снискать себе небесную помощь, чтобы не испытать и настоящих горестей, и сподобиться будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 5

"Мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! сие да будет вам известно, и внимайте словам моим"(Деян.2:14).

1. Здесь апостол обращает свою речь к тем, которых выше называл иноземцами; говорит, по-видимому, только к ним, а между тем исправляет и тех, которые смеялись. А что некоторые смеялись, это было устроено (Богом) для того, чтобы (Петр) начал говорить в защиту (апостолов) и, защищая их, научил других. Итак, эти люди считали для себя великою похвалою и то, что они жили в Иерусалиме. "**Сие да будет вам**", говорит, "**известно, и внимайте словам моим**". Этим пока возбуждает их внимание, а далее начинает уже защищать. "**Они не пьяны, как вы думаете**" (ст. 15). Видишь, как скромна его защита? Хотя он имел на своей стороне большую часть народа, однако говорит с ними весьма кротко; и сперва опровергает их лукавое предположение, а затем уже приступает к защите. Потому-то он и не сказал: как вы говорите, издеваясь и смеясь над нами; но: "**как вы думаете**", – желая показать, что они говорят это неумышленно, и приписывая это скорее их неведению, нежели злому умыслу. "**Они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня**" К чему он говорит это? Разве нельзя быть пьяным и в третьем часу? Конечно, можно; но он не хотел долго на этом останавливаться, так как (апостолы) были совсем не в таком положении, как говорили в насмешку эти люди. Отсюда, следовательно, мы научаемся, что без нужды не надобно много говорить. А с другой стороны, и дальнейшие слова его служат этому подтверждением. Теперь речь его обращается уже вообще ко всем. "**Но это есть предреченное пророком Иоилем: и будет в последние дни, говорит Бог**" (ст. 16, 17). Пока нигде еще (не видно) имени Христа, и обетование это – не Его обетование, а – Отца. Заметь благоразумие (апостола). Он не опустил (этого обстоятельства) и не стал тотчас же говорить о том, что касается собственно Христа, – именно, что Он обещал это после Своего распятия: иначе, если бы он сказал так, то все бы испортил. Но ведь этого, скажешь, было бы достаточно для доказательства Его Божества. Так, – когда этому веруют, пока же о том только была еще забота, чтобы этому

поверили; а когда не веруют, то следствием этого было бы то, что их побили бы камнями. "**Излию от Духа Моего на всякую плоть**". Подает и им благие надежды, если только они сами того захотят. И не допускает их до мысли, что это лишь преимущество апостолов, – так как отсюда возникло бы неудовольствие, – и таким образом устраняет зависть. "**И будут пророчествовать**", говорит, "**сыны ваши**". Не вам, говорит, принадлежит это великое дело и не вам эта похвала; к вашим детям перешла благодать. Детьми называет себя вместе с прочими апостолами, а их – отцами. "**И юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать**" (ст. 17, 18). Продолжает показывать, что апостолы снискали благоволение (Божие), так как удостоились Святого Духа, а те – нет, потому что распяли Христа. Так и Христос, желая укротить их гнев, говорил: "**сыновья ваши чьею силою изгоняют?**" (Мф.12:27) Не сказал: Мои ученики, так как показалось бы, что Он льстит Себе. Равным образом, и Петр не сказал, что они не пьяны, но что они говорят по внушению Духа, и не просто (сказал это), а прибегнул к пророку и, оградившись им, говорит с совершенною уверенностью. Таким образом от обвинения он освободил их сам, а касательно благодати приводит в свидетели пророка. "**Излию от Духа Моего на всякую плоть**". Так сказано потому, что на одних благодать изливалась во сне, а на других наяву. Ведь и во сне пророки имели видения и получали откровения. Затем (апостол) продолжает пророчество, которое заключает в себе нечто и страшное. "**И покажу**", говорит, "**чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу**" (ст. 19). Этими словами намекает и на будущий суд, и на разрушение Иерусалима. "**Кровь и огонь и курение дыма**". Смотри, как изобразил разрушение. "**Солнце превратится во тьму, и луна – в кровь**" (ст. 20). Это он сказал применительно к положению страждущих. Впрочем, рассказывают, что много такого и действительно было на небе, как свидетельствует Иосиф (Флавий). В тоже время (апостол) этим и устрашил их, напомнив им о бывшем мраке и заставив ожидать того, что будет. "**Прежде нежели наступит день Господень, великий и славный**". Если теперь, говорит, вы грешите безнаказанно, так еще не считайте себя в безопасности. Ведь это начало некоторого великого и тяжкого дня. Видишь ли, как он потряс и поколебал их душу, и смех обратил в оправдание? В самом деле, если это начало того дня, то необходимо следует, что им угрожала величайшая опасность. Что же? Продолжает ли он говорит о том, что наводило страх? Нет. А что? Он снова дает им отдохнуть и говорит: "**и будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется**" (ст. 21). Это сказано о Христе, как говорит Павел (Рим.10:13); однако Петр не решается высказать этого ясно. Но возвратимся к тому, что сказано выше. Прекрасно восстает Петр против смеющихся и издевающихся, говоря: "**сие да будет вам известно, и внимайте словам моим**". А в начале он говорил: "**мужи Иудейские**", называя, как мне кажется, иудеями тех, которые жили в Иудее. Предложим, если угодно, и сами слова Евангелия, чтобы ты узнал, каким вдруг сделался Петр. Вышла, говорит (евангелист), рабыня, "**и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином**"; а он отвечал: "**не знаю, что ты говоришь**", и когда снова спросили его, – "**тогда он начал клясться и божиться**" (Мф.26:69-74).

2. А здесь смотри, с каким говорит он дерзновением, с какою великою свободою. Он не похвалил тех, которые сказали: "**слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих**"; а, напротив, на ряду с другими отягощает и их своими словами, желая сделать их более ревностными и представить свое слово чуждым лести. Это и всегда прекрасно наблюдать, так, чтобы при снисходительности слово было чуждо всякой лести, равно как и всякого оскорбления, что – не легко. Не без причины также устроено и то, что это совершилось в третьем часу: когда показывается блеск света, тогда люди еще не заняты бывают хлопотами об обеде, тогда – ясный день, тогда все на площади. Видишь ли слово, исполненное свободы? "**И внимайте словам моим**". Сказав это, Петр ничего не прибавил (от себя), а присовокупил: "**но это есть предреченное пророком Иоилем: и**

будет в последние дни". Этим показывает, что уже близка и кончина. Оттого-то слова: "**в последние дни**" имеют некоторую особенную выразительность. Затем, чтобы не подумали, будто это дело касается только сынов, он присовокупляет: "**и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут**". Заметь порядок: сначала сыны, как и Давид говорит: "**вместо отцов Твоих были сыновья Твои**" (Пс.44:17); и в свою очередь, Малахия: "**и он обратит сердца отцов к детям**" (Мал.4:6). "**И на рабов Моих и на рабынь Моих**". И это – знак добродетели, – потому что мы стали рабами Божиими, освободившись от греха. Да обилен и дар, когда дарование переходит и на другой пол и не ограничивается одним или двумя лицами, как было в древности, например – Девворою и Олданою. И не сказал (Петр), что это – Дух Святой, и не истолковал слов пророка, но привел лишь одно пророчество, предоставив ему говорить самому за себя. Ничего пока не говорит он и об Иуде, потому что всем было известно, какая казнь его постигла. Но он молчит, зная, что ничто на них так сильно не действует, как то, когда беседуют с ними на основании пророчества; это сильнее даже самих дел. Когда Христос творил чудеса, Ему часто противоречили; а когда Христос привел им следующие слова из пророчества: "**сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня**" (Пс.109:1), – они умолкли, так что не могли уже сказать Ему в ответ ни одного слова. Да и во многих местах Он напоминает им Писания, – например, когда говорит: "**Он назвал богами тех, к которым было слово Божие**" (Ин.10:35), а лучше – это всякому можно встретить везде. Потому-то и Петр здесь говорит: "**излию от Духа Моего на всякую плоть**", т.е., на народы; но еще не раскрывает и не объясняет (пророчества), потому что это не было полезно. Так точно не ясны и эти слова: "**и покажу чудеса на небе вверху**", потому что своею неясностью они еще больше устрашали их. Если бы он объяснил им, – он более вооружил бы их против себя. Потому-то он и обходит его, как будто бы оно было ясно, желая внушить такое понятие. Конечно, после он объясняет им, когда беседует с ними о воскресении, когда приготовил их к тому своим словом. Потому он охотно и обходит (это пророчество), что благодеяния не в силах были привлечь их: этого никогда не было. Ведь тогда никто не спасся; а теперь верные спаслись при Веспасиане. Вот это и означают слова (Спасителя): "**и если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть**" (Мф.24:22). Что было более тяжко, то случилось наперед, так как сначала жители были взяты в плен, и тогда город был разрушен и сожжен.

Затем (Петр) останавливается на иносказании, чтобы ближе представить пред взорами слушателей разорение и плен. "**Солнце превратится во тьму, и луна – в кровь**". Что значит выражение: луна превратится в кровь? Мне кажется, он означает чрез это чрезмерность кровопролития и намеренно говорит так, чтобы внушить им великий страх. "**И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется**". "**Всякий**", говорит, будет ли то священник (хотя этого еще не высказывает), или раб, или свободный, потому что "**нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе**" (Гал.3:28). И справедливо: это различие, действительно, имеет место лишь здесь, где все – тень. Если в царских чертогах нет ни благородного, ни неблагородного, но всякого обозначают его дела; если и в искусствах каждый ценится по своему произведению, то тем больше – в том состоянии. "**Всякий, кто призовет**". "**Призовет**" не просто, – потому что "**не всякий**", говорит (Христос), "**говорящий Мне: Господи! Господи!**" (Мф.7:21), – но призовет с усердием, при хорошей жизни, с должным дерзновением. Таким образом, слово его пока еще не тягостно, так как он вводит речь о вере, хотя не скрывает и страха наказания. Почему? Потому что показывает, что есть спасение в призывании.

3. Что ты говоришь, скажи мне? Вспоминаешь о спасении после распятия? Потерпи немного. Человеколюбие Божие велико; и то самое, что Господь их призывает, доказывает Его Божественность не меньше воскресения, не меньше чудес. Ведь в чем выражается

чрезвычайная благость, то по преимуществу и свойственно Богу. Потому-то и говорит (Христос): "**никто не благ, как только один Бог**" (Лк.18:19). Но эту благость не станем обращать для себя в повод к беспечности, потому что Он и наказывает, как Бог. Так вот и это сделал Тот самый, Кто сказал: "**всякий, кто призовет имя Господне, спасется**", – говорю о том, что совершилось над Иерусалимом, – о том тягчайшем наказании. Об этом я желаю сказать вам немного слов, которые будут полезны вам и для обличения маркионитов, и многих других еретиков. Так как они утверждают, что Христос – Бог благий, а тот (который наказывает) – злой, то посмотрим, кто это сделал. Кто же это сделал? Злой ли в отмщение за Него? Не может быть; иначе как же он будет чужд Ему? Или добрый? Но (из Писания) оказывается, что это совершил и Отец, и Сын. Касательно Отца, это видно из многих мест, например, где говорится, что Он посылает в виноградник Свои воинства, а касательно Сына – из слов: "**врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо мною**" (Лк.19:27). А с другой стороны, и сам Христос говорит о предстоящих скорбях, которые, по своей жестокости, превосходят все, что только когда-либо было сделано, и сам же возвестил о них. Хочешь ли послушать, что было? Их пронзали рожнами. Может ли быть зрелище более ужасное? Или хочешь, я расскажу о страданиях женщины, – о том печальном событии, которое выше всякого бедствия? Или сказать о голоде и заразе? Я опускаю, что еще ужаснее этого. Тогда люди не признавали природы, не признавали закона, зверей превзошли жестокостью; и все это совершилось вследствие необходимостей войны, потому что так угодно было Богу и Христу. На это прилично будет указывать и маркионитам, и тем, которые не верят геенне: этого будет довольно, чтобы обуздать их бесстыдство. Эти бедствия не ужаснее ли тех зол, какие были в Вавилоне? Этот голод не гораздо ли невыносимее тогдашнего? Об этом и сам Христос сказал так: "**тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет**" (Мф.14:21). Как же некоторые говорят, будто Христос простил им грех? Может быть, этот вопрос считается обыкновенным; но вы в состоянии разрешить его. Никто нигде не может указать вымысла подобного тому, что было на самом деле. И если бы писавший это был христианин, – слова его еще могли бы быть подозрительными; если же это иудей, и иудей самый ревностный, явившийся уже после евангелия, то эти события не должны ли быть достоверны для всех? Ведь ты всюду увидишь, как он превозносит все иудейское. Итак, и геенна есть, и Бог благ. Не ужаснулись ли вы, услыша о тех страданиях? Но страдания здешние – ничто в сравнении с тем, что будет там. Я опять вынужден казаться вам неприятным, тягостным и несносным. Но что ж мне делать? Я на то и поставлен. Как строгий воспитатель, по самой обязанности своей, неизбежно навлекает на себя ненависть воспитанников, так точно и мы. Иначе, не странно ли будет, если люди, назначенные царями на какую-нибудь должность, будут исполнять данные им приказания, хотя бы они были и неприятны, а мы, для избежания упреков с вашей стороны, станем пренебрегать обязанностью, на которую поставлены?

У всякого свой долг: из вас многие обязаны иметь сострадание и человеколюбие, быть любезными и ласковыми с теми, кому вы оказываете благодеяние; а мы, с своей стороны, для пользы тех, кому служим, являемся тягостными, жестокими, несносными и неприятными, так как мы приносим пользу не тем, чем нравимся, а тем, чем уязвляем. Таков и врач. Но он еще не слишком неприятен, потому что он сейчас же дает чувствовать пользу своего искусства; а мы – в будущем. Таков и судья: он тягостен для преступников и мятежников. Таков и законодатель: он неприятен тем, которые должны подчиняться его законам. Но не таков тот, кто призывает к удовольствиям, кто устрояет общественные празднества и торжества, кто увенчивает народ; нет, эти люди нравятся, потому что увеселяют города разнообразными зрелищами, не жалея расходов и издержек. Потому-то получившие от них удовольствие и награждают их с своей стороны похвалами, занавесами, множеством светильников, венками, ветвями, блистательною одеждою.

Между тем больные, лишь только увидят врача, становятся печальны и унылы. Равным образом и мятежники, как скоро увидят судью, приходят в уныние, а не радуются и не торжествуют, разве когда и сам тот перейдет на их сторону. Теперь посмотрим, кто всего больше приносит пользы городам, – те ли, которые устраивают эти празднества, эти пиршества, роскошные обеды и разнообразные увеселения, или те, которые, отвергнув все это, приносят с собою палку и бичи, приводят палачей и страшных воинов, произносят грозные слова, делают строгие выговоры, наводят печаль и разгоняют палкой народ на площади. Посмотрим, говорю, на которой стороне бывает выгода. Ведь этими последними тяготятся, а тех очень любят. Что же бывает от тех, которые увеселяют народ? Одно пустое удовольствие, которое остается лишь до вечера, а на следующий день пропадает, – бесчинный смех, неприличные и невоздержные слова. А что от этих? Опасение, воздержность, скромность в образе мыслей, кротость души, удаление от беспечности, обуздание внутренних страстей, ограждение себя от тех, которые извне вторгаются. Благодаря этим, каждый из нас владеет своим имуществом, а чрез те празднества мы теряем его, и, притом, со вредом для себя, – теряем не потому, что к нам вторглись разбойники, но потому, что, к нашему же удовольствию, нас грабит тщеславие. Всякий видит, как этот грабитель выносит все его имущество, и этим наслаждается. Вот нового рода грабеж, заставляющий веселиться тех, кто ему подвергается!

4. Но там нет ничего подобного; там мы ограждены Богом, как общим Отцом, от всего видимого и невидимого: "**Смотрите**", говорит Он, "**не творите милостыни вашей пред людьми**" (Мф.6:1). Там душа научается избегать неправды. Ведь неправда заключается не в одной только преступной жадности к деньгам, но и в том, когда мы даем чреву пищи больше, чем нужно, и в наслаждении удовольствиями преступаем свойственную им меру и доходим до неистовства. Там душа научается целомудрию, а здесь – распутству. Ведь распутство состоит не в совокуплении только с женщиною, но и в том, если мы смотрим бесстыдными глазами. Там научается кротости, а здесь – надменности: "**все мне позволительно**", говорит (апостол), "**но не все полезно**" (1Кор.6:12); там – благопристойности, здесь – бесстыдству. Умалчиваю уже о том, что бывает на зрелищах; здесь даже нет и никакого удовольствия, а скорее – печаль. Укажите мне по прошествии одного дня праздничного и на тех, которые несли издержки (по устройству праздника), и на тех, кого увеселяли зрелищами, – и мы увидим, что все они унылы, а особенно тот, кто тратил деньги. Это и естественно. В предшествующий день он забавлял простолюдина, и простолюдин, действительно, был счастлив и наслаждался большим удовольствием, потому что его радовала блистательная одежда; но он не мог ею пользоваться всегда и оттого скорбел и снедался печалью, когда видел, что ее с него снимают. Что же касается того, кто тратился, то, по-видимому, и счастье его было мало в сравнении с счастьем первого. Потому-то на следующий день они меняются друг с другом, и большее недовольство достается на долю последнего. Если же в делах людских то, что радует, имеет в себе столько неприятного, а что тягостно – приносит такую пользу, то тем больше – в делах духовных. Потому-то никто не жалуется на законы, напротив, все считают их общеполезными, так как не со стороны пришедшие иноземцы и не враги постановили их, но сами же граждане, надзиратели, попечители. И это считается знаком благоденствия и благожелательства, когда постановлены законы, несмотря на то, что законы наполнены наказаниями, и нельзя найти закона без наказания. Не странно ли после этого, если людей, излагающих те законы, будете называть спасителями, благодетелями, заступниками, а нас будете считать какими-то жестокими людьми и несносными, хотя мы говорим о законах Божиих? Ведь, когда беседуем мы о геенне, мы приводим те самые законы. И как светские законодатели излагают законы об убийствах, покражах, о браках и о всем подобном, так и мы приводим законы о наказаниях, законы, которые постановил не человек, но сам единородный Сын Божий. Безжалостный, говорит Он, да потерпит наказание; эта именно означает притча (о должнике) (Мф.18:23-35); злопамятный да подвергнется крайнему

мучению; гневающийся понапрасну да будет ввержен в огонь; злословящий да потерпит казнь в геенне.

Если же вам думается, что вы слышите законы странные, – не смущайтесь. Зачем было бы и приходить Христу, если бы Он не имел постановить законы необыкновенные? Ведь то уже известно нам, что убийцу и прелюбодея надобно наказывать; следовательно, если бы мы должны были услышать тоже самое, то какая была бы нужда в небесном Учителе? Потому-то Он не говорит: прелюбодей да будет наказан, но – тот, кто смотрит бесстыдными глазами, и присовокупляет также и то, где и когда он подвергнется наказанию. И не на досках. и не на столпах изобразил Он Свои законы; и не столпы медные поставил Он, и не на них начертал письмена; нет, Он воздвиг для нас двенадцать душ апостольских и на них Духом Святым написал эти письмена. И мы, по всей справедливости, читаем их вам. Если у иудеев это было законно, чтобы никто не мог отговариваться незнанием, то тем больше у нас. Если же кто скажет: я не слушаю, и не буду отвечать перед судом, то за это подвергнется особенно большему наказанию. В самом деле, если бы никто не учил, то еще можно было бы этим отговариваться; но если есть учителя, то – уже нельзя. Посмотри, как Христос отнимает у иудеев это извинение, когда говорит: "**если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха**" (Ин.15:22). Опять и Павел (говорит): "**но спрашиваю: разве они не слышали? Напротив, по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их**" (Рим.10:18). Тогда бывает прощение, когда никто не говорит; но когда сидит надзиратель и имеет это своею обязанностью, тогда уже нет прощения. А между тем, Христос не того хотел, чтобы мы только смотрели на эти столпы, но – чтобы и сами были столпами. А так как мы сделали себя недостойными этих письмен, то будем, по крайней мере, смотреть на эти столпы. Как столпы другим угрожают, а сами не подлежат ответственности, равно как и сами законы, – так точно и блаженные апостолы. И смотри: не на одном месте стоит такой столп, но везде распространены эти письмена. Пойдешь ли в Индию, – ты услышишь о них; пойдешь ли в Испанию или до самых крайних пределов земли, – не встретишь никого, кто бы не слыхал о них, разве по собственному своему нерадению. Так не сердитесь же, а будьте внимательны к тому, что здесь говорится, чтобы вы были в состоянии приняться за дела добродетели и получить вечные блага о Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

"Мужи Израильские! выслушайте слова сии" (Деян.2:22).

1. Не из лести это сказано (апостолом): но, так как выше он сильно обличил иудеев, то теперь делает им послабление и благовременно напоминает о Давиде. Он опять начинает вступлением, чтобы они не пришли в смятение, так как он намерен был напомнить им об Иисусе. До сих пор они были спокойны, потому что слушали пророка; но имя Иисуса тотчас вооружило бы их. И не сказал: поверьте, но: "**выслушайте**", – что было не тягостно. И заметь, как он ничего не говорит высокого, а начинает свою речь с крайне уничиженного. "**Иисуса**", говорит, "**Назорея**", – сейчас же упоминает об отечестве, которое считалось презренным. И ничего пока еще не говорит о Нем великого, даже и того, что иной сказал бы о пророке. "**Иисуса**", говорит, "**Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога**". Заметь, как много значило сказать, что он послан от Бога. Это всегда и везде старались доказать и сам (Христос), и Иоанн, и апостолы. Послушай, например, что говорит Иоанн: "**сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым**" (Ин.1:33). А сам Христос даже и по преимуществу внушает это, говоря: "**Я не Сам от Себя пришел,**

но Он послал Меня" (Ин.8:42). Да и везде в Писании об этом преимущественная забота. Потому-то и этот святой вождь в блаженном лике, приверженец Христов, пламенный ученик, которому вверены были ключи небес, который принял духовное откровение, смирил их страхом, показал, что (апостолы) сподобились великих даров, и сделал их достоверными, а тогда уже беседует и о Иисусе. Ах, как он осмелился среди убийц сказать, что Он воскрес! Впрочем, не тотчас говорит: Он воскрес, а сначала: Он пришел к вам от Бога. Это же видно из того, что Он сделал. И не говорит: Он (сделал), а: Бог через Него, – для того, чтобы скромностью лучше привлечь их, при чем их же самих призывает в свидетели и говорит: "**Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете**" (ст. 22). Потом, когда дошел до того их ужасного преступления, – смотри, как старается освободить их от вины. Ведь, не смотря на то, что это было предопределено, все же они были душегубцы. "**Сего**", говорит он, "**по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили**" (ст. 23). Говорит почти теми же самыми словами, как и Иосиф, который также говорил своим братьям: не бойтесь; не вы меня продали, но Бог меня послал сюда (Быт.45:5). А так как он сказал, что на это была воля Божия, то, чтобы не сказали: значит, мы хорошо поступили, – он предупреждает эту мысль тем, что присовокупил: "**пригвоздив руками беззаконных, убили**". Здесь намекает на Иуду и вместе с тем показывает им, что они не в силах были бы это сделать, если бы Бог не попустил и сам не предал Его. Это и значит слово: "**преданного**". Таким образом, всю вину слагает на голову Иуды предателя, так как он предал Его лобзанием. Или это означают слова: "**руками беззаконных**", или он говорит здесь о воинах, выражая такую мысль: не просто вы убили Его, а чрез посредство беззаконных людей. Заметь, как повсюду (апостолы) заботятся о том, чтобы, прежде всего, были признаны Его страдания. Что же касается до воскресения, – так как это было дело великое, – (Петр) до времени прикрывает его и уже потом выставляет на вид. Страдания, именно крест и смерть, были всеми признаны, а воскресение еще нет; потому-то он и говорит о нем после, присовокупляя: "**но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его**" (ст. 24). Здесь он указал на нечто великое и высокое. Слова: "**невозможно**" – показывают, что Христос сам и позволил (смерти) удержать Себя, и что сама смерть, держа Его, мучилась как бы болезнями рождения и тяжко страдала. Известно, что болезнью смертною Писание повсюду обыкновенно называет опасность. Вместе с тем здесь выражается мысль, что Он воскрес так, что больше уже не умрет. Или словами: "**потому что ей невозможно было удержать Его**" – (апостол) показывает, что воскресение Христово было не таково, как воскресение прочих людей. Затем прежде, чем в уме их могла родиться какая-нибудь мысль, он выставил им Давида, отстраняющего всякий помысл человеческий. "**Ибо Давид говорит о Нем**" (ст. 25). И смотри, какое опять уничиженное свидетельство! Для того он и привел его сначала, сказав то, что более уничиженно, чтобы показать, что смерть (Христова) не была событием горестным. "**Видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался. Ибо Ты не оставишь души моей в аде**" (ст. 25, 27). Затем, докончив свидетельство пророческое, присовокупляет: "**мужи братия!**" (ст. 29). Когда намерен говорить что-нибудь особенно важное, всегда употребляет такое вступление, чтобы тем возбудить их внимание и привлечь в себе. "**Да будет позволено**", говорит, "**с дерзновением сказать вам о праотце Давиде**" (ст. 29). Какая великая скромность! Так он всегда снисходит, когда это было безвредно. Потому и не сказал: это сказано о Христе, а не о Давиде; напротив, весьма благоразумно выказывает глубокое уважение к блаженному Давиду, чтобы тем тронуть их; и о том, что всеми признано, говорит так, как будто это было дерзко сказать, стараясь расположить их в свою пользу теми похвалами (Давиду), какие незаметно вводит в свою речь. Потому и не просто говорит: о Давиде, но: "**о праотце Давиде**". "**Что он и умер и погребен**". Не говорит пока: и не воскрес; но другим образом сейчас же высказывает и это, говоря: "**и гроб его у**

нас до сего дня" (ст. 29). Теперь он дока-зал то, что желал; но и после этого не перешел еще ко Христу, а снова говорит с похвалою о Давиде: "**будучи же пророком и зная, что Бог с клятвою обещал ему**" (ст. 30).

2. Так говорит он с тою целью, чтобы они, по крайней мере, хоть из уважения к Давиду и к его роду, приняли слово о воскресении, – так как будто бы в противном случае пострадает пророчество и их честь. "**И зная**", говорит, "**что Бог с клятвою обещал ему**" (ст. 30). Не сказал просто: обещал, но, что было сильнее: "**с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его**" (ст. 30). Смотри, как опять указал на высокую истину. Так как он смягчил их своими словами, то смело предлагает это изречение пророка и беседует о воскресении. "**Что не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления**" (ст. 31). Это опять удивительно; отсюда видно, что воскресение (Христово) не было похоже на воскресение прочих людей. Смерть держала Его и в то же время не сделала того, что ей свойственно делать. Таким образом о грехе (иудеев) Петр прикровенно сказал, а о наказании ничего не присовокупил; показал, что они умертвили (Христа), и вслед затем переходит к знамению Божию. Но, когда доказано, что умерщвленный был праведник и друг Божий, то, хотя бы ты и умолчал о наказании, грешник сам себя осудит еще больше, чем ты. Итак, (Петр) все приписывает Отцу, для того, чтобы они приняли его слова. Затем приводит из пророчества выражение: "**невозможно**". Поэтому, посмотрим снова на то, что сказано выше, "**Иисуса**", говорит (Петр), "**Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога**", т.е., Человека, о Котором не может быть никакого сомнения, но за Которого говорят дела. Так и Никодим говорил: "**таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить**" (Ин.3:2). "Силами", говорит, "**и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас**" (Деян.2:22); значит, не тайно, если – "**среди вас**". Сначала говорит о том, что им известно, и потом уже переходит к неизвестному. Затем словами: "**которые Бог сотворил**" – показывает, что не они могли (это сделать), но что это было делом премудрости и смотрения Божия, так как было от Бога. И что было для них неприятно, то он прошел скоро. Апостолы везде старались показать, что (Христос) умер. Хотя бы вы, говорит (Петр), стали отрицать, – они засвидетельствуют. А Кто привел в затруднение саму смерть, Тот, конечно, гораздо больше бед мог причинить тем, которые Его распяли. Однако, Петр не говорит ничего такого, например: Он мог вас умертвить, а просто только дает им понять это. Между тем, из этих слов узнаем и мы, что значит то, что смерть держала Его. Кто мучится тем, что держит что-нибудь, тот уже не держит и не действует, а страдает и старается скорее бросить (что держит). Прекрасно также сказал (Петр): "**Давид говорит о Нем**", – чтобы ты не отнес этих слов к самому пророку. Видишь ли, как он, наконец, объясняет и разоблачает пророчество, показывая, каким образом Христос воссел на престоле Своем? Ведь царство духовное – на небесах. Заметь, как вместе с воскресением он указал и на царство, сказав, что (Христос) воскрес. (Далее) показывает, что пророк был поставлен в необходимость (говорить так), потому что это было пророчество о Христе. Почему же он не сказал: о царстве Его, но: "**воскресил**" (ст. 31)? Это было слишком высоко (для них). Но как Он воссел на престоле? Будучи царем над иудеями. А если – над иудеями, то тем больше над теми, которые Его распяли. "**И плоть Его**", говорит, "**не видела тления**" (ст. 31). Это, по-видимому, меньше воскресения, но на самом деле это – одно и то же. "**Сего Иисуса Бог воскресил**". Смотри, как (всегда) не иначе называет Его. "**Чему все мы свидетели. Итак Он, быв вознесен десницею Божиею**" (ст. 32, 33). Опять обращается к Отцу, хотя довольно было и того, что сказал уже прежде; но он знал, насколько это важно. Здесь он намекнул и на вознесение, и на то, что Христос пребывает на небесах; но ясно и этого не высказывает. "**И приняв от Отца обетование Святаго Духа**" (ст. 33). Смотри: вначале сказал, что не Христос послал Его (Святого Духа), но Отец; а когда напомнил им об Его чудесах и о том, как поступили с Ним иудеи, когда сказал о воскресении, то уже смело начинает говорить и об этом и опять

их самих приводит в свидетели, ссылаясь на то и другое их чувство (т.е., на зрение и слух – ст. 33). И о воскресении упоминает часто, а об их преступлении только однажды, чтобы не быть для них тягостным. "**И приняв**", говорит, "**от Отца обетование Святаго Духа**". Это опять – (истина) великая; и я думаю, что он говорит теперь о том обетовании, которое было до страдания. Смотри, как, наконец, все это он усвояет Христу, делая это очень незаметно. В самом деле, если Он излил (Святого Духа), то, очевидно, о Нем сказал пророк выше: "**в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши**" (ст. 17 и след.). Смотри, какие (истины) он незаметно влагает в свои слова! Но так как это было дело великое, то он опять прикрывает его, сказав, что Христос принял от Отца. Он сказал об оказанных Им благодеяниях и о чудесах; сказал, что Он – Царь и что Он пришел к ним; сказал, что Он дает Святого Духа. Но ведь что бы кто ни сказал, – все будет напрасно, если он не будет иметь в виду пользы. Подобно Петру поступает и Иоанн, когда говорит: "**Он будет крестить вас Духом Святым**" (Мф.3:11). Вместе с тем (Петр) показывает, что крест не только не умалил Христа, а напротив, еще более прославил Его, так как, что издревле Бог обещал Ему, то теперь даровал. Или иначе: Петр говорит здесь о том обетовании, которое Он нам дал. Таким образом, Он наперед уже знал о будущем обетовании и после креста даровал нам еще большее. "**Излил**". Здесь (апостол) показывает Его достоинство, равно как и то, что Он не просто (даровал Духа), но – в изобилии. Отсюда, чтобы сделать и это (достоинство) очевидным, – присовокупляет дальнейшие слова. Сказав о даровании Святого Духа, он теперь уже смело беседует и о вознесении (Христовом) на небеса, и не просто, но опять приводит свидетеля и напоминает о том самом лице, на которое и Христос указывал. "**Ибо Давид не восшел**", говорит, "**на небеса**" (ст. 34).

3. Здесь (апостол) говорит уже без стеснения, одушевляясь тем, что сказал выше; уже не говорит: "**да будет позволено**" (ст. 29) или что-нибудь подобное; но говорить ясно: "**сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**" (ст. 34, 35). А если Он – Господь Давида, то тем более – их. "**Седи одесную Меня**". Этим высказал все. "**Доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**". Этими словами возбудил в них великий страх, подобно тому, как и в на- чале показал, как Бог поступает со Своими друзьями, и как – с врагами. А чтобы они лучше ему поверили, он опять власть приписывает Отцу. И так как он сказал истину высокую, то теперь опять низводит слово свое к уничиженному. "**Итак твердо знай**", говорит, "**весь дом Израилев**" (ст. 36), т.е., не сомневайтесь и не возражайте. А затем говорит уже со властью: "**что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса**" (ст. 36). Это он припомнил из псалма Давидова (Пс.2:2). Ему следовало бы сказать: "**итак твердо знай, весь дом Израилев**", что Он седит одесную; но так как то было слишком высоко, то он, оставив это, приводить другое, что гораздо уничиженнее, – говорит: "**соделал**", т.е., поставил. Следовательно, он здесь ничего не говорит о существе, но все об этом предмете (т.е., о воплощении). "**Сего Иисуса, Которого вы распяли**" (ст. 36). Прекрасно этим заключил свое слово, чтобы чрез то потрясти их ум. Сначала показал, как велико это преступление, и потом уже открыто сказал о нем, чтобы лучше представить его важность и преклонить их страхом. Ведь люди не столько привлекаются благодеяниями, сколько вразумляются страхом. Но дивные и великие мужи и друзья Божии ни в чем этом не нуждаются. Таков, например, был Павел: он не говорил ни о царстве, ни о геенне.

Вот это значит любить Христа; это значит не быть наемником, не смотреть (на благочестивую жизнь), как на промысел и на торговлю, а быть истинно добродетельным и делать все из одной любви к Богу. Каких же достойны мы слез, когда на нас лежит такой великий долг, а мы не стараемся, как бы купцы, приобресть царство небесное? Так много нам обещано, а мы и при всем том не слушаем? С чем сравнить такую неприязнь? Люди, одержимые безумною страстью к деньгам, кого бы ни встретили, врагов ли, или рабов,

или самых злых своих противников, самых негодных людей, – если только надеются получить чрез них деньги, – решаются на все, и льстят, и услуживают, и становятся рабами, и считают их самыми почтенными людьми, лишь бы что-нибудь получить от них: надежда получить деньги производит то, что они ни о чем таком не думают. А царство не имеет того значения у нас, какое имеют деньги; или лучше, – не имеет и ничтожной доли того значения. Между тем, и обещано оно не каким-нибудь обыкновенным лицом, а Тем, Кто несравненно выше и самого царства. Если же и обещано царство, и дает его сам Бог, то, очевидно, уже много значит и получить его от такого Лица. А теперь, между тем, происходит то же, как если бы царя, который, после бесчисленного множества других благодеяний, хочет сделать (нас) своими наследниками и сонаследниками собственного своего сына, мы стали презирать; а начальнику разбойников, который был причиною весьма многих бед и для нас, и для наших родителей, который сам исполнен бесчисленного зла и посрамил и нашу славу, и наше спасение, – стали кланяться, если он покажет нам хотя один овол. Бог обещает нам царство, и мы пренебрегаем Его; диавол готовит нам геенну, и мы чтим его! То – Бог, а это – диавол! Но посмотрим на самую разность их заповедей. Ведь, если бы даже ничего этого не было, – если бы, то есть, то не был Бог, а это – диавол. если бы первый не уготовлял нам царства, а последний – геенны, – самого свойства их заповедей не довольно ли было бы для того, чтобы побудить нас быть в союзе с первым? Что же заповедует тот и другой? Один – то, что покрывает нас стыдом, а другой – то, что делает нас славными; один – то, что подвергает бесчисленным бедствиям и бесславию, другой – то, что доставляет великую отраду. В самом деле, посмотри: один говорит: "**научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим**" (Мф.11:29); а другой говорит: будь жесток и суров, гневлив и раздражителен, будь лучше зверем, чем человеком. Посмотрим же, что полезнее, что благотворнее. Но не это только (имей в виду), а помысли о том, что один из них диавол. Тогда в особенности обнаружится то (что полезнее), да и торжество будет больше. Ведь не тот заботлив, кто дает повеления легкие, а кто заповедует полезное. И отцы дают приказания тягостные, равно как и господа своим слугам; но потому-то именно одни из них – отцы, а другие – господа; а поработители и губители заповедуют все противное.

Впрочем, что (заповеди Божии) доставляют и удовольствие, это ясно из следующего. Каково, по твоему мнению, состояние человека раздражительного, и человека незлобивого и кроткого? Не правда ли, что душа последнего похожа на некоторое уединенное место, где царствует великая тишина, а душа первого – на шумную площадь, где страшный крик, где погонщики верблюдов, лошаков, ослов кричат изо всей силы на проходящих, чтобы их не задавить? Или еще, не походит ли душа последнего на средину городов, где сильный шум то с той стороны от серебренников, то с другой – от медников, и где одни обижают, а другие терпят обиду? А душа первого похожа на некоторую вершину горы, где веет легкий ветер и куда падает чистый луч (солнца), откуда льются прозрачные струи потоков и где встречаешь множество прелестных цветов, как на весенних лугах и в садах, красующихся растениями, цветами и струящимися ручейками. Если здесь и бывает какой звук, то это – звук приятный, доставляющий большое удовольствие тому, кто его слышит. Здесь или певчие птицы сидят вверху на ветвях дерев, и кузнечики, соловьи и ласточки стройно воспевают какой-то один концерт; или тихий ветер, слегка касаясь ветвей дерев, часто производит звуки, похожие на звук флейты или на крик лебедя; или луг, покрытый розами и лилиями, которым склоняются друг к другу и отливают синевою, представляет как бы синее море в минуту легкого волнения. Одним словом, здесь всякому можно найти много подобий: когда посмотришь на розы, – подумаешь, что видишь радугу; а посмотришь на фиалки, – подумаешь, что видишь волнующееся море; посмотришь же на лилии, – подумаешь, что видишь небо. И не зрением только наслаждаешься здесь при виде такого зрелища, но и самим телом. Здесь

человек по преимуществу находит для себя отраду и отдых, так что скорее считает себя на небе, чем на земле.

4. Есть здесь и другой звук, – когда вода непринужденно катится с вершины по расселинам и, слегка ударяясь о встречающиеся камешки, тихо журчит и такую разливает сладость по нашим членам, что скоро и сон, от которого невольно опускаются члены, нисходит на глаза наши. Вы с удовольствием слушали мой рассказ и, может быть, даже пленились пустынною местностью? А ведь душа великодушного человека еще несравненно приятнее, чем эта пустынная местность. И я не с тем коснулся этого подобия, чтобы описать вам луг, или чтобы похвалить это красноречием, но, чтобы вы, увидев из описания, как велико наслаждение людей великодушных, – увидев, что и обращение с человеком великодушным доставляет несравненно больше и удовольствия, и пользы, чем жизнь в подобных местностях, старались подражать таким людям. В самом деле, если от такой души не выходит и дыхание бурное, но одни кроткие и приветливые слова, истинно подобные тихому веянию легкого ветра, одни убеждения, в которых нет ничего грубого, а напротив слышится нечто похожее на пение птиц, то неправда ли, что это лучше? Веяние слова ведь уж не на тело падает, а оживляет души. Не так скоро врач, какое бы он ни прилагал старание, освободит больного от горячки, как человек великодушный дуновением слов своих охлаждает человека и раздражительного, и пламенеющего гневом. Но что я говорю о враче? И раскаленное железо, опущенное в воду, так скоро не потеряет своей теплоты, как человек вспыльчивый, если встретится с душою терпеливою. Но как певчие птицы на рынке не имеют почти никакой цены, так точно и наши убеждения считаются пустыми словами у людей раздражительных. Итак, кротость приятнее, чем гнев и ярость. Но не это только (нужно иметь в виду), но и то, что одно заповедано диаволом, а другое – Богом. Видите, – я не напрасно сказал, что, если бы то не был диавол и Бог, сами заповеди были бы уже достаточны для того, чтобы отвлечь нас (от диавола).

Человек кроткий и сам себе приятен, и остальным полезен: а гневливый – и сам себе неприятен, и прочим вреден. Действительно, ничего нет хуже человека гневливого, ничего нет тягостнее, ничего несноснее, ничего постыднее; равно как и наоборот, – нет ничего приятнее человека, который не умеет гневаться. Лучше жить со зверем, чем с таким человеком: зверя только раз укротишь, и уж он навсегда остается таким, каким его приучили быть; а этого, сколько ни укрощай, он опять ожесточается, потому что только на один раз смирится. Как отличен ясный и светлый день от времени ненастного и крайне печального, так и душа человека гневающегося от души человека кроткого. Но мы теперь еще не будем рассматривать тот вред, который происходит (от людей раздражительных) для остальных, а посмотрим на вред, какой они причиняют самим себе. Конечно, и то уже не маловажный вред, если мы сделаем какое-либо зло другому; но на это мы пока не будем обращать внимания. Какой палач может истерзать до такой степени бока? Какие раскаленные рожны могут так исколоть тело? Какое сумасшествие может настолько лишить нас здравого смысла, сколько (лишают) гнев и бешенство? Я знаю многих, которые сделались больными от гнева; и жестокие горячки всего более бывают от гнева. А если (эти страсти) так вредны для тела, то подумай, (как вредны) для души. Не бери в соображение того, что ты этого не видишь; но подумай, что если и то, что воспринимает зло, терпит такой вред, – какой же вред получит то, что его рождает? Многие (от гнева) потеряли глаза, многие впали в самую тяжкую болезнь. Между тем, человек великодушный легко перенесет все. Но, не смотря на то, что (диавол) дает нам такие тягостные повеления и в награду за то предлагает геенну, не смотря на то, что он – диавол и враг нашего спасения, все же мы больше слушаем его, чем Христа, хотя Христос – наш Спаситель и благодетель, и предлагает нам такие заповеди, которые и приятнее, и полезнее, и благотворнее, которые приносят величайшую пользу и нам, и тем, кто с нами живет. Нет ничего хуже гнева, возлюбленный; нет ничего хуже неуместной

раздражительности. Гнев не терпит дальнего отлагательства; это – бурная страсть. Часто случается, что в гневе иной скажет такое слово, для вознаграждения которого нужна целая жизнь; или совершит такое дело, которое ниспровергнет всю его жизнь. Ведь то-то и ужасно, что в короткое время, чрез один поступок, чрез одно даже слово, (эта страсть) часто лишает нас вечных благ и делает напрасными бесчисленные труды. Поэтому умоляю вас, употребите все меры к тому, чтобы обуздывать этого зверя. Это я сказал о кротости и гневе. Но, если кто станет рассуждать и об остальных (качествах), напр., о любостяжании и презрении богатства, о распутстве и целомудрии, о зависти и добродушии, и сравнит их одно с другим, – тот узнает, что и здесь есть различие. Видели вы, как ясно из одних только заповедей открывается, что один – Бог, а другой – диавол? Будем же повиноваться Богу и не станем ввергать себя в бездну, но, пока есть еще время, постараемся омыть все, что оскверняет душу, чтобы сподобиться вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 7

"Услышав это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братия?" (Деян.2:37).

1. Видишь ли, какое великое благо – кротость? Она больше жестокости уязвляет сердца наши и причиняет рану более чувствительную. Как тот, кто наносит удар телам затверделым, производит ощущение не столь сильное, а кто наперед смягчит их и сделает нежными, тот поражает сильнее, так точно и здесь – прежде надобно смягчить, и тогда уже поразить. Смягчает же не гнев, и не сильное обвинение, и не порицания, но кротость: гнев еще увеличивает ожесточение, а кротость уничтожает. Итак, если хочешь тронуть кого-либо обидевшего тебя, обращайся к нему с большою кротостью. Вот смотри, и здесь что делает кротость. Петр кротко напомнил иудеям об их преступлениях и ни чего более не прибавил; сказал о даре Божием, указал на благодать, как на свидетельство о минувших событиях, и еще далее простер слово, иудеи устыдились кротости Петра, потому что он с людьми, распявшими его Владыку и замышлявшими убийство против самих (апостолов), беседовал, как отец и заботливый учитель. Они не просто убедились, но и осудили самих себя, – пришли в сознание того, что сделали. Это потому, что он не дал им увлечься гневом и не допустил их разума до омрачения, но своим смиренномудрием рассеял, как некоторый мрак, их негодование, и тогда уже выставил на вид их преступление. Ведь так обыкновенно бывает: когда мы скажем, что нас обидели, обидевшие стараются доказать, что они не обижали; а когда скажем, что нас не обидели, но скорее мы сами обидели, – те поступают напротив. Поэтому, если хочешь привесть обидевшего в затруднение, – не обвиняй его, но вступись за него, и он сам будет обвинять себя: род человеческий любит спорить. Так сделал Петр. Он не осудил (иудеев) со всею силою, а напротив, постарался еще с возможною кротостью почти защитить их и потому тронул их душу. Откуда же видно, что они умилились? Из их слов. Что именно говорят они? "**Что нам делать, мужи братия?**" Тех, которых называли обманщиками, теперь называют братьями, не столько для того, чтобы сравнить себя с ними, сколько для того, чтобы расположить их к любви и попечению. А с другой стороны, так как апостолы удостоили их этого названия, то они и говорят: "**что нам делать**"? Не сказали тотчас: итак, покаемся; но предали себя на их волю. Как человек, застигнутый кораблекрушением или болезнью, увидя кормчего или врача, все предоставляет ему и во всем слушается его, – так и они признались, что находятся в крайнем положении и не имеют даже надежды на спасение. И смотри: не сказали они: как мы спасемся, но: "**что нам делать**"? Что же Петр? Здесь опять, хотя спрошены были все (апостолы), отвечает Петр. "**Покайтесь**", говорит он, "**и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа**" (ст. 38). И еще не говорит: уверуйте, но: "**да**

крестится каждый из вас", – потому что веру они получали в крещении. Потом показывает и пользу (крещения): "**для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа**" (ст. 38). Если вы получите дар, если крещением дается "**прощение**" (грехов), то зачем медлите? Потом, чтобы сделать свое слово убедительным, присовокупил: "**ибо вам принадлежит обетование**" (ст. 39). И здесь разумеет то же обетование, о котором говорил и выше. "**И детям вашим**". Значит, более велик дар, когда у них есть и наследники благ. "**И всем дальним**": если дальним, то тем более вам – близким. "**Кого ни призовет Господь Бог наш**" (ст. 39). Смотри, когда говорит: "**дальним**"? Тогда, когда они были уже расположены к нему и осудили себя; ведь душа, когда осудит себя, уже не может завидовать. "**И другими многими словами он свидетельствовал и увещевал, говоря**" (ст. 40). Смотри, как везде (писатель) говорит кратко, как далек честолюбия и хвастовства. "**Свидетельствовал**", говорит, "**и увещевал, говоря**". Вот совершенное учение, внушающее и страх и любовь! "**Спасайтесь**", говорит (Петр), "**от рода сего развращенного**" (ст. 40). Ничего не говорит о будущем, но – о настоящем, чем люди всего более и руководятся; и показывает, что проповедь освобождает и от настоящих, и от будущих зол. "**Итак охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч**" (ст. 41). Как думаешь, во сколько раз больше знамения это одушевило апостолов? "**И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении**" (ст. 42). Две добродетели: и то, что терпели, и то, что – единодушно. "**В учении**", говорит, "**Апостолов**", для того, чтобы показать, что и после апостолы учили их долгое время. "**В общении и преломлении хлеба и в молитвах**". Все, говорит, делали вместе, все – с терпением. "**Был же страх на всякой душе; и много чудес и знамений совершилось через Апостолов в Иерусалиме**" (ст. 43). Это и естественно. Они уже не презирали их, как каких-нибудь простых людей, и внимали уже не тому, что видели, но ум их очистился. А как выше Петр говорил весьма многое, излагал обетования и показывал будущее, то они справедливо поражены были страхом; свидетельством же тому, что говорил он, служили чудеса. Как у Христа – прежде знамения, потом учение, затем чудеса, так и теперь. "**Все же верующие были вместе и имели всё общее**" (ст. 44). Смотри, какой тотчас успех: не в молитвах только общение и не в учении, но и в жизни. "**И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого**" (ст. 45). Смотри, какой страх появился у них. "**И разделяли всем**". Это сказал, чтобы показать, как они распоряжались имуществом. "**Смотря по нужде каждого**". Не просто (раздавали), как у язычников философы, из которых одни оставили землю, а другие много золота бросили в море: это было не презрением к деньгам, но глупостью и безумием. Диавол всегда и везде старался оклеветать создания Божии, как будто нельзя хорошо пользоваться имуществом. "**И каждый день единодушно пребывали в храме**" (ст. 46). Здесь указывает на то, каким образом они принимали учение.

2. Заметь, как иудеи ничего другого не делали, ни малого, ни великого, а только пребывали в храме. Так как они сделались ревностнее, то и к месту имели больше благоговения; и апостолы пока еще не отвлекли их, чтобы не причинить им вреда. "**И, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа**" (ст. 46, 47). Когда говорит: "**хлеб**", то, мне кажется, указывает здесь и на пост, и па строгую жизнь, – так как они принимали пищу, а не предавались роскоши. Отсюда пойми, возлюбленный, что не роскошь, но пища приносит наслаждение и что роскошествующие (живут) в печали, а не роскошествующие – в радости. Видишь ли, что слова Петра приводили и к этому – к воздержанию в жизни? Так-то не может быть радости, если нет простоты. Почему же, скажешь, они имели "**любовь у всего народа**"? По своим делам, по своей милостыне. Так не смотри же на то, что архиереи восстали на них по зависти и ненависти, но – на то, что они имели "**любовь у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви**" (ст. 47). "**Все же верующие были вместе**". Так везде прекрасно – единомыслие. "**И другими многими**

словами он свидетельствовал". Это сказал (апостол), показывая, что не достаточно было сказанного; или еще: прежние слова были сказаны для того, чтобы привести к вере, а эти показывали, что должен делать верующий. И не сказал: о кресте, но: "**и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа**". Не напоминает им постоянно о кресте, чтобы не показалось, будто он поносит их; но просто говорит: "**покайтесь, и да крестится каждый**

из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов". В здешних судах закон относится иначе; но в (деле) проповеди грешник спасется тогда, когда сознается во грехах. Смотри, как Петр не пропустил того, что более важно; но, сказав сначала о благодати, присовокупил потом и это: "**и получите дар Святаго Духа**". И слово его было достоверно потому, что сами (апостолы) получили (Духа). Сначала говорит о том, что легко и что подает великий дар, и потом уже ведет к жизни, зная, что для них поводом к ревности будет то, что они уже вкусили столько благ. А так как слушатель желал узнать, что составляло сущность его очень многих слов, – он присоединяет и это, показывая, что это – дар Святого Духа. Таким образом те, которые приняли слово его, одобрили сказанное им, хотя слова его и были исполнены страха, и после одобрения приступают к крещению. Но посмотрим, что сказано выше. "**И они постоянно пребывали в учении**". Из этого видно, что не один день, и не два, и не три, но в течете многих дней они учились, так как перешли к другому образу жизни. "**Был же страх на всякой душе**". Если "**на всякой**", то – и на неуверовавших. Вероятно, они чувствовали страх, видя столь внезапное обращение, а может быть, (это происходило) и от знамений. Не сказал (Лука): вместе, но – "**единодушно**", потому что можно кому-либо быть и вместе, но не единодушно, разделяясь в мыслях. "**В молитвах**". И здесь не излагает учения, заботясь о краткости слова, хотя отсюда можно видеть, что (апостолы) питали их, как детей, духовною пищею, и вот они вдруг сделались ангелами. "**И разделяли всем, смотря по нужде каждого**". Они видели, что духовные блага общи и что никто не имеет больше другого, – и потому скоро пришли к мысли разделить между всеми и свое имущество. "**Все же верующие были вместе**". А что не по месту они были "**вместе**", видно из следующих затем слов: "**и имели всё общее**". "**Все же**", говорит; а не так, что один имел, а другой нет. Это было ангельское общество, потому что они ничего не называли своим. Отсюда исторгнут был корень зол, и своими делами они показали, что слышали (слово проповеди). Говорил же (апостол) вот что: "**спасайтесь от рода сего развращенного. Итак охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч**" (ст. 40-41). Так как их было теперь три тысячи, то (апостолы) уже извели их вон, и они с дерзновением уже великим ежедневно приходили в храм и пребывали в нем. Так точно, не много после, поступают и Петр с Иоанном, потому что они еще не отвергали ничего иудейского; да и самое почтение к месту переходило к Владыке храма. Видел ли ты успех благочестия? Отказывались от имущества и радовались, и велика была радость, потому что приобретенные блага были больше. Никто не поносил, никто не завидовал, никто не враждовал; не было гордости, не было презрения; все, как дети, принимали наставления, все были настроены, как новорожденные. Но зачем я говорю в темном образе? Помните, как все были скромны, когда Бог поколебал наш город? В таком же точно состоянии находились тогда они: не было коварных, не было лукавых. Вот что значит страх, вот что значить скорбь! Не было холодного слова: мое и твое; поэтому была радость при трапезе. Никто не думал, что есть свое; никто (не думал), что ест чужое, хотя это и кажется загадкою. Не считали чужим того, что принадлежало братьям, – так как то было Господне; не считали и своим, но – принадлежащим братьям. Ни бедный не стыдился, ни богатый не гордился: вот что значит – радоваться! И тот считал себя облагодетельствованным и чувствовал, что он больше пользуется благодеяниями, и эти находили в том свою славу; и все были сильно привязаны друг к другу. Ведь случается, что при раздаянии имущества бывает и обида, и гордость, и скорбь; поэтому апостол и говорил: "**не с огорчением и не с**

принуждением" (2Кор.9:7). Смотри, как многое (Лука) прославляет в них: искреннюю веру, правую жизнь, постоянство в слушании, в молитвах, в простоте, в радости.

3. Две (вещи) могли повергнуть их в печаль: пост и раздаяние имущества. Но они радовались и тому, и другому. Кто же людей с такими чувствами не полюбил бы, как общих отцов? Никакого зла не замышляли они друг против друга и все предоставляли благодати Божией. Не было страха между ними, не смотря на то, что они находились среди опасностей. Но всю их добродетель, гораздо высшую и презрения к имуществу, и поста, и постоянства в молитвах, (апостол) выразил (словом): "**в простоте**". Таким-то образом они неукоризненно хвалили Бога; или лучше: в этом-то и состоит хвала Богу. Но смотри, как они тотчас же получают здесь и награду: то, что они "**находясь в любви у всего народа**", показывает, что они были любимы и были достойны любви. Да и кто не изумился бы, кто не подивился бы человеку, простому нравом? Или кто не привязался бы к тому, в ком нет ничего коварного? Кому другому, как не этим, принадлежит спасение? Кому, как не им – великие блага? Не пастыри ли первые услышали евангелие? Не Иосиф ли, этот простой человек – чтобы подозрение в прелюбодеянии не устрашило его и не побудило сделать какое-либо зло? Не простых ли поселян избрал (Господь в апостолы)? Сказано ведь: "**благословенна всякая простая**[1] **душа**" (Притч.11:25). И опять: "**кто ходит просто**[2]**, тот ходит уверенно**" (10:9). Так, скажешь, но надобно и благоразумие. Да что же иное и простота как не благоразумие? Ведь когда не подозреваешь ничего злого, тогда не можешь и замышлять зла. Когда ничем не огорчаешься, тогда не можешь быть и злопамятным. Обидел ли кто тебя? Ты не опечалился. Оклеветал ли? Ты ничего не потерпел. Позавидовал ли тебе? И от этого ты нисколько не пострадал. Простота есть некоторый путь к любомудрию. Никто так не прекрасен душою, как человек простой. Как по отношению к телу человек печальный, унылый и угрюмый, хотя бы он был и красив собою, теряет много красоты, а беззаботный и кротко улыбающийся увеличивает красоту, так точно и по отношению к душе. Угрюмый, хотя бы имел тысячи добрых дел, отнимает у них всю красоту; а открытый и простой – напротив. Такого человека можно безопасно сделать и другом, а если он станет врагом, с ним (не опасно) примириться. Не нужны для такого (человека) ни стражи и караулы, ни узы и оковы; он и сам будет пользоваться великим спокойствием, и все живущие с ним. Что же, скажешь, если такой человек попадет в общество дурных людей? Бог, повелевший нам быть простыми, прострет ему руку. Что проще Давида? Что лукавее Саула? А между тем, кто остался победителем? Что (сказать) об Иосифе? Не в простоте ли сердца пришел он к госпоже своей, а та не имела ли злого намерения? И, однако, скажи мне, потерпел ли он какой-либо вред? Что проще Авеля? Что коварнее Каина? И тот же, опять, Иосиф не просто ли обращался с своими братьями? Не потому ли он прославился, что все говорил с доверчивостью, между тем как братья принимали с злым умыслом? Он раз сказал о сновидениях, сказал и в другой раз, и не остерегался. И он же опять пошел к ним отнести пищу, и нисколько не остерегался, полагаясь во всем на Бога. Но чем больше они поступали с ним, как с врагом, тем больше он обходился с ними, как с братьями. Бог мог и не допустить, чтобы он впал (в руки братьев), но допустил для того, чтобы показать чудо и то, что, хотя они и поступят с ним, как враги, он будет выше их. Таким образом, если (простой человек) и получает рану, то получает не от себя, а от другого.

Лукавый же наносит удар прежде всего себе и больше никому. Таким образом он враг самому себе. Душа такого человека всегда полна печали, в то время, как мысли его всегда угрюмы. Если он должен выслушать или сказать что-нибудь, то все делает с нареканиями, все обвиняет. Дружба и согласие очень далеки от таких людей; у них ссоры, вражда и неприятности; такие люди и себя подозревают. Им даже и сон неприятен, равно как и ничто другое. Если же они имеют жену, – о! тогда они становятся всем врагами и неприятелями: бесконечная ревность, постоянный страх! Лукавый (πονηρός) потому так и

называется, что он находится в труде (παρὰ τὸ πονεῖν). Так и Писание всегда называет лукавство трудом, когда, например, говорит: "**на языке его мучение и злоба**" (Пс.9: 28); и еще в другом месте: "**и то большая часть их - труд и болезнь**" (Пс.89:10). Если же кто удивляется, почему вначале (христиане) были такими, а теперь уже не таковы, – тот пусть узнает, что причиною тому была скорбь, учительница любомудрия, мать благочестия. Когда было раздаяние имущества, тогда не было и лукавства. Так, скажешь; но об этом именно я и спрашиваю: отчего теперь такое лукавство? Отчего эти три и пять тысяч вдруг решились избрать добродетель и таким образом все сделались любомудрыми, а теперь едва находится один? Отчего тогда так были они согласны? Что сделало их ревностными и возбужденными? Что неожиданно воспламенило их? Это – потому, что они приступили с великим благоговением; потому, что (тогда) не было почестей, как теперь; потому, что они переселились мыслью в будущее, и не ожидали ничего настоящего. Душе воспламененной свойственно жить в скорбях: это считали они христианством, – они, но не мы; а мы теперь ищем здесь покойной жизни. Поэтому нам и не достигнуть, хотя бы и следовало, тех (добродетелей). "**Что нам делать?**" – спрашивали они, считая себя в отчаянном положении. Вы же, напротив: что сделаем? – говорите, – хвастаясь пред присутствующими и много думая о себе. Они делали то, что следовало делать, а мы поступаем напротив. Они обвинили себя, отчаялись в своем спасении; поэтому и сделались такими. Они оценили, какой великий дар получили.

4. Как же вам быть такими, когда вы все делаете не так, как они, а напротив? Они, как скоро услышали, тотчас крестились. Не сказали этих холодных слов, которые мы теперь говорим, и не думали об отсрочке, хотя выслушали еще не все оправдания, а только это: "**спасайтесь от рода сего**". Они не стали из-за этого медлить, но приняли эти слова, и что приняли, доказали делами и показали, каковы они были. Они, лишь только вступили в борьбу, тотчас сняли с себя одежды; а мы, вступая, хотим бороться в одеждах. Поэтому противник наш не имеет нужды в трудах, и мы, запутавшись в своих (одеждах), часто падаем. Мы делаем так же, как если бы кто, увидев настоящего борца, запыленного, черного, обнаженного, покрытого грязью и от пыли, и от солнца, и облитого маслом, потом и грязью, вышел сразиться с ним, а сам, между тем, издавал бы запах благовонных мазей, надел бы на себя шелковые одежды и золотую обувь, платье, ниспадающее до пят, и золотые украшения на голову. Такой человек не только будет препятствовать себе, но и, обращая всю свою заботу на то, чтобы не замарать и не разорвать одежд, тотчас падет от первого натиска и, чего боялся, то сейчас потерпит, будучи поражен в главные части тела. Наступило время борьбы, – а ты одеваешься в шелковые одежды? Время упражнения, время состязания, – а ты украшаешь себя, как на торжестве? Как же остаться тебе победителем? Не смотри на внешнее, но на внутреннее: ведь заботами о внешнем, как тяжкими узами, душа отовсюду связывается, так что мы не можем ни поднять руки, ни устремиться на врага, я делаемся слабыми и изнеженными. Хорошо было бы, если бы мы, и освободившись от всего (этого), могли победить ту нечистую силу. Поэтому и Христос, – так как не довольно отвергнуть только имущество, – смотри, что говорит: "**пойди, всё, что имеешь, продай и раздай нищим: и приходи, последуй за Мною**" (Мк.10:21). Если же и тогда, когда оставим имущество, мы еще не безопасны, но имеем нужду в некотором другом упражнении и в неусыпных трудах, – то тем более, владея (имуществом), не сделаем ничего великого, но будем осмеяны и зрителями, и самим духом злобы. Ведь если бы даже не было диавола, если бы и никто не ратовал против нас, – и в таком случае бесчисленные пути отовсюду ведут сребролюбца в геенну. Где же теперь говорящие: зачем сотворен диавол? Вот здесь диавол ничего не делает, но все (делаем) мы. И пусть бы говорили это живущие в горах, – те, которые, по целомудрию, по презрению к богатству и по пренебрежению остальных благ, тысячи раз решились бы оставить отца, и дом, и поля, и жену, и детей. Но они-то всего более и не говорят этого, а говорят те, которым никогда бы не следовало говорить. Там, поистине, борьба с диаволом: а сюда не

следует и вводить его. Но это сребролюбие, скажешь, внушает диавол. Убегай же от него и не принимай его, человек! Ведь если ты увидишь, что кто-нибудь из-за какой-либо ограды выбрасывает нечистоту и что (другой), видя, как его обливают, стоит и все принимает на свою голову, – ты не только не пожалеешь о нем, но еще будешь негодовать на него и скажешь, что он справедливо страдает. Да и всякий скажет ему: не будь безумен, и не столько будет обвинять того, кто бросает, сколько того, кто принимает. Между тем, ты знаешь, что сребролюбие – от диавола; знаешь, что оно – причина бесчисленных зол; видишь, что диавол бросает, как грязь, нечистые и постыдные помыслы, – и, с обнаженною головою принимая нечистоту его, ты не думаешь о том, между тем как следовало бы, посторонившись несколько, освободиться от всего этого. Как тот, если бы посторонился, избавился бы от грязи, так и ты не принимай подобных помыслов, и избегай греха, отвергни пожелание. Да как же, скажешь, мне отвергнуть? Если бы ты был язычником и ценил бы только настоящее, – может быть, это было бы весьма трудно, хотя и язычники делали это. Но ты – человек, ожидающей неба и того, что на небесах, – и говоришь: как отвергнуть? Если бы я говорил противное, тогда бы следовало затрудняться. Если бы я говорил: пожелай денег, ты мог бы сказать: как мне пожелать денег, когда я вижу такие (блага)? Скажи мне: если бы в то время, когда лежат пред тобой золото и драгоценные камни, я говорил тебе: пожелай олова, – разве не было бы затруднения? Ты, конечно, сказал бы: как могу я (желать этого)? А если бы я говорил: не пожелай, – это было бы легче. Не удивляюсь тем, которые пренебрегают (деньгами), но (удивляюсь) тем, которые не пренебрегают. Это – признак души, исполненной крайней лености, – души, ничем не отличающейся от мух и комаров, привязанной к земле, валяющейся в грязи, не представляющей себе ничего великого. Что ты говоришь? Хочешь наследовать жизнь вечную, и говоришь: как буду презирать для нее настоящую? Ужели можно это сравнивать? Хочешь получить одежду царскую, и говоришь: как презреть рубище? Ожидаешь, что тебя введут в дом царя, и говоришь: как презреть настоящую бедную хижину? Подлинно, мы виновны во всем, потому что не хотим сколько-нибудь возбудить себя. Все же, которые хотели, поступали, как должно, и делали это с большою ревностью и легкостью. Дай Бог, чтоб и вы, послушавшись нашего увещания, исправились и стали ревностными подражателями поживших добродетельно, – по благодати и человеколюбию единородного Его Сына, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] У проф. Юнгреова – "верная".

[2] У проф. Юнгерова – "прямо".

БЕСЕДА 8

"Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый" (Деян.3:1).

1. Везде являются Петр и Иоанн в великом между собою согласии. Иоанну Петр подает знак (на вечери); вместе идут они ко гробу; об Иоанне (Петр) говорит Христу: "**а он что?**" (Ин.21:21) Прочие знамения опустил писатель этой книги, а о том, которое произвело великий ужас и всех поразило, говорит. И заметь опять, что (апостолы) шли собственно не для того, чтобы совершить это (чудо): так они были свободны от честолюбия и подражали своему Учителю. Зачем же они шли в храм? Разве они жили еще по-иудейски? Нет; однако, этот поступок их сопровождался пользою. Опять происходит чудо, которое и их

утверждает, и остальных привлекает, – чудо, какого они еще не совершали. Болезнь (хромого) происходила от природы и превышала врачебное искусство. Уже более сорока лет он прожил в хромоте, как говорится далее, я во все это время никто не исцелил его. Ведь вы знаете, что те (болезни) особенно трудны, которые бывают от рождения. Болезнь была столь ужасная, что (хромой) не мог даже доставать себе необходимую пищу. И он был всем известен как по месту, так и по болезни. А как (совершилось чудо), – слушай. "**И был человек**", сказано, "**хромой от чрева матери его, которого носили и сажали каждый день при дверях храма, называемых Красными, просить милостыни у входящих в храм**" (ст. 2). Следовательно, он желал получить милостыню и не знал, кто были – Петр и Иоанн. "**Он, увидев Петра и Иоанна перед входом в храм, просил у них милостыни. Петр с Иоанном, всмотревшись в него, сказали: взгляни на нас**" (ст. 3, 4). Он слышит это, но и при этом не встает, а все еще продолжает просить. Такова бедность: когда и отказываются дать, она настаивает и понуждает. Устыдимся же мы, так поспешно удаляющиеся при просьбах! Смотри, какую кротость тотчас выказал Петр, сказав: "**взгляни на нас**". Так сам внешний вид их обнаруживал их душевное свойство. "**И он пристально смотрел на них, надеясь получить от них что-нибудь. Но Петр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе**" (ст. 5, 6). Не сказал: я дам тебе то, что гораздо лучше сребра; но что? – "**Во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи. И, взяв его за правую руку, поднял**" (ст. 6, 7). Так поступал и Христос. Часто Он исцелял словом, часто делом, а часто простирал и руку, где были более слабые в вере, – чтобы не подумали, что (чудо) совершалось само собою. "**И, взяв его за правую руку, поднял**". Этим показал воскресение, так как это было образом воскресения. "**И вдруг укрепились его ступни и колени, и вскочив, стал, и начал ходить**" (ст. 7, 8). Может быть, он испытывал себя и много раз пробовал, действительно ли это сделалось? Ноги у него были слабы, но не отняты; а некоторые говорят, что он и не умел ходить. "**И вошел с ними в храм, ходя**" (ст. 8). Поистине, это достойно удивления! Не они ведут его за собою, но он сам следует за ними и тем, что следует, показывает благодетелей, а тем, что, вскочив, хвалит Бога, прославляет не их, но Бога, чрез них действовавшего. Так благодарен был этот человек! Но посмотрим, что сказано было выше. "**Шли вместе в храм в час молитвы девятый**". Может быть, в это время приносили и полагали хромого (при храме) потому, что теперь особенно много людей входило в храм. А чтобы кто не подумал, что его приносили для чего-нибудь другого, а не для получения (милостыни), – смотри, как (писатель) ясно представил это словами: "**которого носили и сажали каждый день при дверях храма, называемых Красными, просить милостыни у входящих в храм**". Для того упоминает и о месте, чтобы представить доказательство на то, о чем пишет. Почему же, скажешь, не привели его (хромого) ко Христу? Может быть, сидевшие при храме были люди неверующие, так как они не привели его и к апостолам, хотя видели, что они входят (в храм) и уже сотворили столько чудес. "**Просить**", говорит, "**милостыни**". Может быть, по виду, он принял их за людей благочестивых, а потому и "**просил у них милостыни**".

Но смотри, как Иоанн везде молчит, а Петр отвечает и за него. "**Серебра**", говорит, "**и золота нет у меня**". Не сказал: не имею при себе, как мы говорим; но – совсем не имею. Что же хромой? Ужели (говорит) презираешь мою просьбу? Нет, отвечает (Петр); но из того, что я имею, то и возьми. Видишь ли, как Петр чужд надменности, как он не тщеславится даже пред тем, кто получает от него благодеяние? И вот (его) слово и рука сделали все. Таковы-то были и хромавшие иудеи! В то время, как надлежало просить здоровья, – они лежат на земле, и лучше просят денег. Для того они и сидели при храме, чтобы собирать деньги. Что же Петр? Он не презрел (хромого); он не стал искать человека богатого, и не сказал: если не над таким человеком совершится чудо, то не будет ничего великого; не ожидал от него никакой почести и не в чьем-либо присутствии исцелил его, так как этот человек был при входе, а не внутри храма, где находился народ. Ничего

такого Петр не искал и, когда вошел (в храм), не объявил (чуда), но одним только видом своим он расположил хромого к просьбе. И удивительно, что хромой быстро уверовал. Ведь освободившиеся от продолжительных болезней с трудом верят даже самому зрению. И получив исцеление, хромой находился уже с апостолами и благодарил Бога. "**И вошел**", сказано, "**с ними в храм, ходя и скача, и хваля Бога**".

2. Смотри, как он не остается в покое, частью от удовольствия, а частью для того, чтобы заградить уста иудеям. А мне кажется, что он скакал и для того, чтобы не подумали, будто он притворяется, так как это уже не могло быть делом притворства. В самом деле, если прежде он не мог даже просто ходить, несмотря на то, что его принуждал (к тому) голод, – иначе он не захотел бы делить милостыню с носившими его, если бы сам мог ходить, – то тем более (не мог скакать) тогда. Да и к чему он стал бы притворяться в пользу тех, которые не подали милостыни? Нет, это был человек благодарный и по выздоровлении. Итак, и то, и другое обстоятельство являет его верным, – и его благодарность, и то, что с ним случилось. Не всем, конечно, он представлялся известным, почему и старались узнать, кто он. "**И весь народ видел его ходящим и хвалящим Бога; и узнали его, что это был тот, который сидел у Красных дверей храма**" (ст. 9, 10). И хорошо сказано: узнавали, так как после того, что случилось с ним, можно было и не узнать его. Это выражение мы обыкновенно употребляем о тех, кого едва узнаем. Итак, следовало поверить тому, что имя Христово отпускает грехи, если оно совершает и такие дела. "**И как исцеленный хромой не отходил от Петра и Иоанна, то весь народ в изумлении сбежался к ним в притвор, называемый Соломонов**" (ст. 11). По благорасположению и любви к ним, (хромой) не разлучался с ними, а может быть, и благодарил и прославлял их. "**Увидев это, Петр сказал народу**" (ст. 12). Опять Петр и действует, и проповедует. Прежде возбудило иудеев к слушанию чудо (огненных) языков, а теперь – это. И тогда Петр начал речь с их обвинений, а теперь – с их тайной мысли. Посмотрим же, чем эта проповедь отличается от той и что имеет общего с нею. Та была в доме, когда никто еще не присоединился (к апостолам) и когда они ничего еще не совершили, а эта – когда все удивлялись, когда подле стоял исцеленный, когда никто не сомневался, как в то время, в которое говорили, "**они напились сладкого вина**" (Деян.2:13). И тогда Петр говорил, находясь вместе со всеми апостолами; а теперь – с одним Иоанном: он уже не боится и говорит сильнее.

Такова-то добродетель: получив начало, она идет вперед и нигде не останавливается. Смотри же, как (Промыслом) устроено было и то, что чудо произошло при храме, чтобы и другие стали дерзновенны. Не в сокровенном каком-либо месте совершают его или не тайно; но также – и не внутри храма, где было много народа. Почему же, скажешь, этому поверили? Потому, что сам исцеленный возвещал о благодеянии. А он, конечно, не стал бы лгать и не пришел бы к каким-либо посторонним людям. Итак, апостолы или потому совершили там чудо, что, то место было пространное, или потому, что то было место отделенное. И заметь, как это случилось. Пришли они по одному поводу, а делают другое. Так и Корнилий, постясь, молился об одном, а видит другое. До сих пор они везде называют Христа Назореем: "**во имя Иисуса Христа Назорея**", говорит (Петр), "**встань и ходи**", потому что пока еще они только заботились о том, чтобы уверовали в Него. Но не будем утомляться началом рассказа, а напротив, если бы кто, сказав о каком-либо великом деле, остановился, – станем снова повторять начало. Если так всегда будем поступать, то скоро придем к концу, скоро станем на вершине, потому что от усердия, как говорят, родится усердие, а от лености – леность. Кто сделал, как должно, что-либо малое, тот получил побуждение приступить к делу более важному, а отсюда – идти и гораздо далее. И как огонь, чем больше объемлет дров, тем сильнее становится, так и ревность, чем больше возбуждает благочестивых помыслов, тем больше вооружается против остального рода мыслей. Скажу пример. Есть в нас, подобно терниям, клятвопреступление, ложь,

лицемерие, коварство, обман, злословие, насмешки, смехотворство, срамословие, кощунство; с другой стороны – любостяжание, грабительство, несправедливость, клевета, наветы; далее – похоть злая, нечистота, сладострастие, блуд, прелюбодеяние; а также – зависть, ревность, гнев, ярость, злопамятство, мстительность, хула и тысячи подобных пороков. Если мы исправимся от первых, то мы уже исправимся не только от них, но чрез них – и от следующих за ними, потому что наша душа приобретает от того большие силы к уничтожению их. Например, если тот, кто часто клянется, оставит эту диавольскую привычку, то в нем не только исправится этот порок, но появится и другого рода благоговение. Мне кажется, никто из не клянущихся не захочет легко сделать какое-либо другое зло, но устыдится той добродетели, которой он уже достиг. Как носящий прекрасную одежду стыдится валяться в грязи, так точно – и он. А отсюда он придет к тому, что не будет ни сердиться, ни драться, ни браниться. Так, если только однажды будет сделано и малое доброе дело, то уже будет сделано все. Часто, впрочем, случается и противное: поступив однажды хорошо, мы по лености опять впадаем в прежние пороки, так что от этого и самое исправление становится даже невозможным. Например, мы положили себе закон не клясться; в течение трех или даже четырех дней мы исполняли его; но потом встретилась какая-либо нужда – и мы расточили всю собранную прибыль. Тогда мы впадаем в беспечность и отчаяние, так что даже не хотим снова коснуться того же. И это естественно. Кто построит себе какое-либо здание и потом увидит, что его строение обрушилось, тот с меньшим старанием приступает вновь к строению. Но и в этом случае не следует быть беспечным, а напротив, надобно опять употреблять все старание.

3. Итак, положим себе ежедневные законы и начнем пока с легкого. Отсечем от уст своих частую клятву, обуздаем язык, – пусть никто не клянется Богом. Не требует это издержек, не требует труда, не требует продолжительного обучения: достаточно захотеть и – все окончено, потому что это – дело привычки. Да, прошу и умоляю, приложим к этому старание. Скажи мне: если бы я велел (вам) внести (за меня) деньги, – не с готовностью ли каждый из вас принес бы по мере сил своих? Если бы вы увидели меня в крайней опасности, не отдали бы вы даже часть своего тела, если бы можно было отнять ее? И теперь я в опасности, и в большой, так что, если бы я был в темнице, или получил тысячи ударов, или находился в рудниках, – и тогда я не скорбел бы более. Прострите же руку помощи. Подумайте, как велика опасность, когда вы не можете сделать и этого крайне малого дела: называю его весьма малым по труду, какого оно требует. Что скажу тогда в ответ на обвинения? Отчего не обличил? Отчего не повелел? Отчего не положил закона? Отчего не удержал непослушных? Не достаточно будет, если я скажу: я увещевал. А надобно было, сказано будет мне, употребить и более сильное порицание. Ведь увещевал и Илий, – но не дай Бог сравнивать вас с детьми его! И он увещевал, и он говорил: "**дети мои, нехороша молва, которую я слышу**" о вас (1Цар.2:24); а между тем, Писание далее говорит, что он не вразумлял сыновей своих (1Цар.3:13), и говорит так потому, что он вразумлял не строго и не с укоризною. Не странно ли, что в иудейских синагогах законы имеют такую силу, хотя все заповедует тот, кто учит, а здесь мы в таком пренебрежении и презрении? Не о своей славе забочусь я (моя слава – ваша добрая жизнь); но – о вашем спасении. Каждый день мы вопием, возглашаем в слух вам, и, между тем, как никто не слушает, мы не выказываем никакой строгости. Боюсь, чтобы за это неуместное и большое снисхождение не дать нам ответа в день будущего суда. Поэтому громким и ясным голосом объявляю всем и умоляю, чтобы те, которые виновны в этом преступлении и произносят слова, происходящие от неприязни (Мф.5:37), – а это и есть клятва, – не переступали за порог церковный. Но настоящий месяц пусть будет назначен вам для исправления. Не говори мне: меня заставляет необходимость, потому что мне не верят. Оставь пока клятвы, произносимые по привычке. Знаю, что многие будут смеяться над нами, но лучше нам быть осмеянными теперь, чем плакать тогда. Да и смеяться будут

люди безумные; в самом деле, скажи мне, кто с здравым умом станет смеяться над тем, что соблюдается заповедь? Если же и будут смеяться, то такие люди станут смеяться не над нами, а над Христом. Вы ужаснулись этих слов? Я вполне верю этому. Ведь, если бы я ввел этот закон, то смех относился бы ко мне; если же есть другой Законодатель, то осмеяние переходит на Него. Некогда и плевали на Христа, и били Его по ланите, и заушали: так и теперь Он терпит это, и нет здесь ничего не сообразного. Поэтому-то уготована геенна, поэтому – червь нескончаемый.

Вот я опять говорю и свидетельствую. Пусть, кто хочет, смеется; пусть, кто хочет, издевается: на то мы поставлены, чтобы над нами смеялись и издевались, и чтобы мы все претерпели. Мы "**мы как сор для мира, как прах**", по слову блаженного Павла (1Кор.4:13). Если кто не желает исполнить этого приказания, то я настоящим словом, как бы некоторою трубою, запрещаю такому человеку переступать за порог церковный, хотя бы то был начальник, хотя бы сам носящий диадему. Или отнимите у меня эту власть, или, если я остаюсь с нею, не окружайте меня опасностями. Я не могу восходить на этот престол, не совершая (ничего) великого. А если это невозможно, то лучше стоять внизу, потому что нет ничего хуже начальника, который не привносит подчиненным никакой пользы. Постарайтесь же еще, прошу вас, и будьте внимательны; или лучше сказать: станем стараться вместе, и тогда непременно будет какая-либо польза. Поститесь, молите Бога, а вместе с вами (будем молиться) и мы, чтобы Он уничтожил в нас эту гибельную привычку. Великое дело – сделаться учителями вселенной; не мало значит, когда везде услышат, что в этом городе никто не клянется. Если это будет, то вы получите награду не только за свои подвиги, но и за попечение о братьях: вы сделаетесь тем же для вселенной, чем я теперь для вас. Тогда, наверно, и другие поревнуют вам, и вы поистине будете светильником, стоящим на свещнице. И это, скажешь, все? Нет, это не все, но это начало прочих (добродетелей). Кто не клянется, тот волею или неволею, из стыда или боязни, но непременно придет и к другим делам благочестия.

Но многие, скажешь, не согласятся и отступят? Но лучше один творящий волю Господню, нежели тысячи беззаконных (Сир.16:3). Оттого-то все ниспровержено, все в крайнем беспорядке, что мы, как на зрелищах, ищем множества людей, а не множества людей добрых. Какую пользу, скажи мне, может принесть тебе толпа народа? Хочешь ли знать, что народ составляют святые, а не толпа людей? Выведите на войну сотни тысяч и одного святого: посмотрим, кто сделает больше? Иисус Навин вышел на брань и один сделал все; и таким образом остальные не принесли никакой пользы. Толпа людей, возлюбленный, когда они не творят воли Божией, ничем не разнится от тех, кого нет совсем. Я молюсь и желаю, чтобы Церковь украшалась множеством людей, но – множеством людей добрых: ради этого я охотно позволил бы растерзать себя на части. Если же это невозможно, то я желаю, чтобы немногие были добрыми. Не видите ли, что лучше иметь один драгоценный камень, нежели тысячи мелких монет? Не видите ли, что лучше иметь здоровый глаз, нежели, потеряв его, отяготить себя тучностью тела? Не видите ли, что лучше иметь одну овцу здоровую, нежели тысячи шелудивых? Не видите ли, что лучше немного детей добрых, чем много дурных? Не видите ли, что в царстве – немногие, а в геенне – многие? Что мне от множества людей? Какая польза? Пользы никакой, а скорее вред для прочих. Ведь это то же, как если бы кто, при возможности иметь или десять здоровых, или тысячи больных, привел эти тысячи к тем десяти. Большинство, когда они не делают ничего доброго, не принесут нам ничего другого, кроме наказания там и бесславия здесь. Ведь никто не скажет, что нас много, но (всякий) будет порицать за то, что мы бесполезны. Так именно (язычники) всегда говорят нам, когда слышат от нас, что нас много: много вас, – говорят, – да худых. Вот я опять запрещаю и громким голосом возвещаю вам: пусть никто не считает этого шуткою. Я удалю и не допущу непослушных. И пока я буду сидеть на этом престоле, – я не откажусь

ни от одного из прав его. Если кто низвергнет меня, я буду уже невинен. А пока я подлежу ответственности, до тех пор не могу пренебрегать, не ради собственного наказания, но ради вашего спасения, так как я пламенно желаю вам спасения. Об этом я терзаюсь и болезную. Но послушайтесь меня, чтобы и здесь, и в будущем (веке) вы получили великую награду, и мы (все) вместе насладились вечными благами, по благодати и человеколюбию единородного Сына Божия, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

"Увидев это, Петр сказал народу: мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?" (Деян.3:12).

1. В настоящей речи больше смелости (чем в прежней). Это – не потому, чтобы прежде (апостол) боялся, но потому, что те люди – насмешники и ругатели – не снесли бы (подобной смелости). Поэтому-то, начиная ту речь, он тотчас же и возбуждает их внимание предисловием, говоря: "**сие да будет вам известно, и внимайте словам моим**" (Деян.2:14). А здесь ему нет нужды в таком приготовлении. Эти люди не были беспечны; чудо сделало всех их внимательными, – почему они и были объяты страхом и ужасом. Поэтому-то апостол и не имел нужды начинать (здесь) с того же, но (начал) с другого, чем всего более и расположил их к себе, отклонив от себя то мнение, какое они себе составили. Ведь ничто так не полезно и не приятно для слушателей, как то, если говорящий не только не говорит о себе ничего великого, но даже уничтожает и мысль о том. Таким-то образом (апостолы) больше прославили себя тем, что презрели славу и показали, что то было дело не человеческое, а Божие, и что они также, наравне с другими, должны удивляться, а не служить предметом удивления. Видишь ли, как (Петр), будучи чужд честолюбия, отвергает от себя славу? Так поступали и древние. Например, Даниил говорил: "**мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих**" (Дан.2:30). И еще Иосиф: "**не от Бога ли истолкования?**" (Быт.40:8) И Давид: "**когда, бывало, приходил лев или медведь**", во имя Господа я разрывал их руками (1Цар.17:34,35). Так теперь и апостолы: "**что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?**" И это, говорят, принадлежит не нам, потому что не своим достоинством привлекли мы на себя благодать Божию. "**Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших**" (ст. 13). Смотри, как часто обращается к предкам, чтобы не подумали, будто он вводит какое-нибудь новое учение: и там он упомянул о патриархе Давиде, и здесь – об Аврааме и других патриархах. "**Прославил Сына Своего Иисуса**" (ст. 13). Опять (говорит) смиренно, как в предисловии. Затем уже останавливается на их преступлении и ясно выставляет на вид то, что они сделали, а не прикрывает, как прежде. Поступает же так для того, чтобы лучше привлечь их, потому что, чем больше показывал, что они виновны, тем больше достигал этого. "**Прославил**", говорит, "**Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись перед лицом Пилата, когда он полагал освободить Его**". Два обвинения: и то, что Пилат хотел отпустить, и то, что, когда он пожелал, вы не захотели. "**Но вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать вам человека убийцу, а Начальника жизни убили. Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели**" (ст. 14, 15). Он как бы так говорил: вместо Его вы просили о разбойнике. Представил их поступок в самом страшном виде. Так как они были уже в его власти, то он и поражает их сильно. "**Начальника**", говорит, "**жизни**". Этим приготовляет веру в воскресение. "**Сего Бог воскресил из мертвых**". Чтобы не сказал кто-нибудь: откуда это видно? – для этого он ссылается теперь уже не на пророков, а на самого себя, потому что уже заслуживал веру. Прежде, сказав, что (Христос) воскрес, он привел в свидетели Давида, а теперь, сказав

тоже, (сослался на) лик апостольский: "**чему**", говорит, "**мы свидетели**". "**И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие перед всеми вами**" (ст. 16). Стараясь доказать это событие, тотчас упоминает и о чуде: "**перед всеми**", говорит, "**вами**". Так как он сильно укорил их и показал, что Распятый воскрес, то опять смягчает свою речь, давая им возможность покаяться, и говорит: "**впрочем я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению**" (ст. 17). "**По неведению"**: это – одно оправдание; а другое: "**как и начальники ваши**". Что Иосиф говорил братьям: "**Бог послал меня перед вами**" (Быт.45:5), или лучше, что сам он прежде сказал кратко: "**по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли**" (Деян.2:23), – то же самое говорит теперь пространнее. "**Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил**" (ст. 18). Доказав, что это произошло по воле Божией, вместе с тем уже показывает, что это не их дело. А словами: "**как предвозвестил**" намекает на те слова, которыми они поносили (Христа) при кресте, когда говорили: "**пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын**" (Мф.27:43,42). Ужели же то – пустые слова, безумные? Нет, но тому надлежало быть, и этому свидетели пророки. Следовательно, Он не по немощи Своей не сошел (со креста), но по Своей силе. Таким образом (апостол) представляет это, как оправдание для иудеев, для того, чтобы и они приняли (слова его). "**Так**", говорит, "**и исполнил**". Видишь ли, как все приписывает Богу? "**Итак покайтесь**", говорит, "**и обратитесь**"; не говорит: от грехов ваших, но: "**чтобы загладились грехи ваши**" (ст. 19), чем показывает тоже самое. Потом говорит и о пользе: "**да придут времена отрады от лица Господа**" (ст. 20). Этим показывает, что они несчастны и удручены многими бедствиями. Потому-то он и сказал так, зная, что это слово вполне сообразно с состоянием человека, страждущего и ищущего утешения.

2. И смотри, как он мало-помалу идет вперед. В первой речи он незаметно указал на воскресение и сидение на небе, а здесь ясно (говорит) и о Его пришествии. "**И да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа**" (ст. 20). "**Которого небо должно было принять**", то есть, необходимо, "**до времен совершения всего**" (ст. 21). Почему не приходит теперь, – причина очевидна. "**Что**", говорит, "**говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века**" (ст. 21). "**Моисей сказал отцам: Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня, слушайтесь Его во всем, что Он ни будет говорить вам**" (ст. 22). Там упомянул о Давиде, а здесь о Моисее. "**Всех**", говорит, "**что говорил Бог**". Не говорит: "**что говорил**" Христос, но: "**что говорил Бог**", чтобы прикровенною речью лучше привлечь их мало-помалу к вере. Затем обращается к тому, что достоверно, и говорит: "**Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня, слушайтесь Его во всем, что Он ни будет говорить вам**" (ст. 22). Далее (указывает) и великое наказание. "**И будет**", говорит, "**что всякая душа, которая не послушает Пророка того, истребится из народа. И все пророки, от Самуила и после него, сколько их ни говорили, также предвозвестили дни сии**" (ст. 23, 24). Здесь кстати сказал о погибели. Обращаясь (всегда) к пророкам, – когда говорит что-нибудь великое, – он представил (здесь) свидетельство, в котором содержится и то и другое. Так сказал и там: "**доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**" (Пс.109:1). И удивительно, что в одном месте (говорится) о том и другом – и о подчинении, и о преслушании, и о наказании. "**Как**", говорит, "**меня**". Итак, чего вы боитесь? "**Вы сыны пророков**" (ст. 25). Следовательно, вам они говорили и все было для вас. А так как, по своему преступлению, они считали себя отчужденными, – ведь не естественно думать, чтобы Тот, Кого они распяли, стал заботиться о них, как о своих, – то (апостол) показывает, что и то, и это согласно с пророчеством. "**Вы**", говорит, "**сыны пророков и завета, который завещевал Бог отцам вашим, говоря Аврааму: и в семени твоем**

благословятся все племена земные" (ст. 25). "**К вам первым**", говорит, "**Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, послал Его благословить вас**" (ст. 26). Значит, и к другим; но прежде – к вам, распявшим Его. "**Благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших**" (ст. 26). Но посмотрим тщательнее на то, что выше прочитано. Сначала (апостол) внушает, что не они сделали чудо, сказав: "**что дивитесь**"? А чтобы не дать возможности сомневаться в словах своих и чтобы сделать их более достоверными, – предупреждает суд этих людей. "**На нас**", говорит, "**что смотрите, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то**"? Если это беспокоит и смущает вас, то поймите, кто сделал это, и не ужасайтесь. И смотри, как всегда безбоязненно порицает их, когда прибегает к Богу и говорит, что все – от Него. Поэтому и выше говорил: "**Мужа, засвидетельствованного вам**" (Деян.2:22). И везде напоминает им об их злодеянии, чтобы и показать чудо, и подтвердить воскресение. А здесь присоединил и нечто другое. Не называет уже (Христа) Назореем, но – как? "**Бог**", говорит, "**отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса**".

Заметь и скромность его: не обвинил их и не сказал тотчас: и ныне веруйте, – вот человек, сорок лет бывший хромым, встал о имени Иисуса Христа. Не сказал так, – потому что чрез это сделал бы их еще более упорными; но сначала хвалит их за то, что они дивились случившемуся. И опять дает им название от (имени) предка. И не говорит: Иисус исцелил хромого, – хотя, действительно, Он исцелил его. А чтобы не говорили: как это возможно, чтобы (Бог) прославлял законопреступника? – для этого напоминает им о суде пред Пилатом, показывая, что, если бы они захотели быть внимательными, то (узнали бы, что) Он – не законопреступник: иначе Пилат не пожелал бы освободить Его. И не сказал: когда тот хотел, но: "**просили даровать вам человека убийцу**", – т.е. вы просили отпустить того, кто убивал других, а Того, который оживотворяет убитых, – не захотели. А чтобы они еще не сказали: как теперь прославляет Его Тот, Кто тогда не помог Ему? – приводит пророков, свидетельствующих, что тому надлежало быть. Затем, чтобы они не подумали, что оправданием для них служит определение Божие, – прежде всего упрекает их. Да и то, что они отреклись (от Христа) пред лицом Пилата, когда тот хотел освободить Его, не было делом случайным. Вам невозможно отречься от этого, потому что вас обвиняет тот, кого вы испросили вместо Его. Таким образом и в этом было великое смотрение (Божие). Здесь (апостол) показывает их бесстыдство и наглость, так как язычник, который, притом, видел Его тогда лишь в первый раз, освобождал Его, хотя ничего великого о Нем не слышал; а они, воспитанные среди чудес, поступили напротив. А что он по справедливости решил освободить Его, а не по милости делал это, – послушай, что говорит он в другом месте: "**есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху; хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?**" (Ин.18:39; Мф.27:15) "**Но вы от Святого и Праведного отреклись**". Не сказал: предали, но везде – "**отреклись**". И справедливо, потому что так и говорили они: "**нет у нас царя, кроме кесаря**" (Ин.19: 15). И не сказал: вы не просили невинного; не (сказал) только: "**отреклись**", но и – "**убили**". Пока они были в ослеплении, он не сказал им ничего такого; а когда души их были в особенности потрясены и когда они могли уже чувствовать, тогда поражает их с большою силою. Как мы людям пьяным не говорим ничего, а когда они отрезвятся и очнутся от опьянения, тогда укоряем их, так точно и Петр. Когда они могли понимать его слова, тогда уже он изощряет язык и исчисляет многие их преступления, именно, что они предали Того, Кого Бог прославил, что от Того, Которого Пилат освобождал, они отреклись пред лицом его, (Христу) предпочли разбойника.

3. Смотри опять, как прикровенно говорит об Его силе, показывая, что Он сам Себя воздвиг (из мертвых). Как в прежней проповеди говорил: "**потому что ей невозможно было удержать Его**" (Деян.2:24), так и здесь говорит: "**Начальника жизни убили**". Следовательно, не от другого лица Он получил жизнь. Как начальником злобы должен

быть тот, кто родил злобу, а начальником человекоубийства – тот, кто первый ввел последнее, так точно и начальник жизни – Тот, Кто имеет жизнь от самого Себя. "**Сего**", говорит, "**Бог воскресил**".

Сказав это, присовокупил: "**и ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление**". Но, если все сделала вера в Него, потому что (хромой) уверовал в Него, то отчего (апостол) не сказал: именем, но: "**во имя**"? Оттого, что еще не осмеливались сказать: вера в Него. А чтобы выражение: "**и ради веры**" не было унизительно, он присоединил: "**и ради веры во имя Его**". И сначала сказав это, он затем говорит: "**и вера, которая от Него, даровала ему исцеление**". Смотри, как он показывает, что и те слова сказал по снисхождению к ним. Действительно, чье имя воздвигло хромого, ничем не отличного от мертвого, Тот не имел нужды в другом для своего воскресения. Заметь, как везде указывает на их свидетельство. Так выше говорил: "**как и сами знаете**"; и: "**среди вас**" (Деян.2:22); и опять: "**которого вы видите и знаете, сие перед всеми вами**" (3:16). Хотя они не знали, что (хромой) стоит здрав о имени Христа, но знали то, что он был хром. Да и сами сделавшие это исповедовали, что он укрепился не их силою, но Христовою. А если бы это было не так и если бы они не были действительно уверены в том, что (Христос) воскрес, то не захотели бы славу мертвого поставить выше своей, и особенно тогда, когда иудеи смотрели на них (как на виновников чуда). Затем апостол тотчас успокоил устрашенные их души, назвав их братьями и сказав: "**мужи братия!**" Там он ничего не говорил о себе, но только о Христе: "**твердо знай, весь дом Израилев**" (Деян.2:36); здесь же предлагает и увещание. Там ожидал, что иудеи скажут, а здесь, когда уже так многое (апостолы) сделали, – знал, что они были способнее к принятию слов его. Без сомнения, и то, что сказано выше, происходило не от неведения. Ведь они просили о разбойнике, не приняли Того, Кого (Пилат) решил освободить, захотели даже убить Его: какое же тут неведение? Но, несмотря на все это, он дает им возможность отречься и раскаяться в том, что они сделали, даже представляет за них и благовидное оправдание и говорит: что вы убили невинного, это вы знали, а что (убили) Начальника жизни, – этого, может быть, не знали. И таким образом не их только оправдывает от преступлений, но и главных виновников зла. А если бы он обратил речь в обвинение, он сделал бы их более упорными. Ведь когда обвиняют кого-нибудь, совершившего что-либо ужасное, то он, пытаясь оправдываться, становится упрямее. И не говорит уже: вы распяли, убили, но: "**сделали**", чем ведет их к прощению. Если те (сделали) по неведению, то тем более эти; если тем прощается, то гораздо скорее этим. Но удивительно, что он, сказав и выше, и здесь, – там: "**по определенному совету и предведению**", а здесь: "**предназначенного вам Иисуса Христа**", – нигде не приводит свидетельства, потому что каждое из последних вместе с сильными обвинениями возвещает и о наказании преступников. "Ему", сказано, "**назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого**" (Ис.53:9). И опять: "**как**", говорит, "**предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил**". Этим показывает важность определения, так как все говорили это, а не один только. Значит, хотя это сделано по неведению, но совершилось не против воли Божией.

Смотри, какова премудрость Божия, когда и злодеяния других направляет к тому, чему следует быть! "**Исполнил**". Чтобы не подумали, что еще остается что-нибудь, он присовокупил это (слово), показывая, что совершилось все, что (Христу) надлежало претерпеть. Но не подумайте, что вам для оправдания достаточно того, что об этом сказали пророки, и что вы сделали это по неведению. Впрочем, он говорит не так, а с большею кротостью: "**итак покайтесь**". Для чего? – "**чтобы загладились грехи ваши**". Не говорю о том, на что вы дерзнули при кресте, – то было, может быть, по неведению; но – да очистятся другие ваши грехи. Потом прибавляет: "**да придут времена отрады**". Здесь прикровенно беседует о воскресении, так как то, поистине, времена отрады,

которых желал и Павел, когда говорил: "**ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем**" (2Кор.5:4). Затем, показывая, что Христос – виновник времен отрады, говорит: "**и да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа**". Не сказал: загладится грех ваш, но: "**грехи**", намекая и на тот (грех). "**И да пошлет**". Сказав это, он не говорит, откуда (пошлет), но только прибавляет: "**Которого небо должно было принять**". Еще только "**принять**". Отчего же он не сказал: которого небо приняло? Это потому, что он, беседуя, сказал как бы о временах древних: так, говорит, было определено, так было положено. О вечном же бытии Его еще не говорит, но останавливается на домостроительстве нашего спасения и говорит: "**Моисей сказал отцам: Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка**". Таким образом сначала сказал: "**до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века**", – и затем, наконец, вводит самого Христа. Ведь, если Он многое предсказал и Его надобно слушать, то не погрешит тот, кто скажет, что это сказали пророки.

4. С другой стороны (апостол) желает показать, что то же самое предсказали и пророки. И если кто тщательно вникнет, тот найдет, что и в ветхом (завете) сказано об этом, хотя не ясно, так что в этом нет ничего особенно нового. "**Предназначенного**". Этим и устрашает их, так как многому остается еще быть. Как же он говорил: "**исполнил**" то, что надлежало (Христу) претерпеть? Сказал: "**исполнил**", а не: исполнилось, – показывая, что (Бог) исполнил то, что надлежало (Христу) претерпеть, но еще не исполнил того, чему следует быть потом. "**Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня**". Говорит то, что особенно привлекало их. Видишь ли, как он вместе сеет и низкое, и высокое? В самом деле, и низко и высоко, – если имеющий взойти на небеса подобен Моисею; впрочем, в то время это и было (делом) великим. Ведь к Моисею не идут уже эти слова: "**и будет, что всякая душа**", кто не послушает, "**истребится**". Да он сказал весьма многое и другое, из чего видно, что (Христос) не подобен Моисею. Таким образом он коснулся великого свидетельства. "**Бог**", говорит, "**воздвигнет**" Его "**из братьев ваших**". И сам Моисей грозил тем, которые не слушали его. Все это имело силу привлекать их. "**И все**", говорить, "**пророки, от Самуила**". Не захотел выводить каждого (пророка) отдельно, чтобы не сделать речи слишком длинною; но, упомянув о важнейшем свидетельстве Моисеевом, опустил свидетельства прочих. "**Вы сыны**", говорит, "**пророков и завета, который завещевал Бог**". Вы, говорит, сыны, то есть, наследники завета. Чтобы они не подумали, что получают это по милости Петра, – показывает, что это издревле должно было принадлежать им, чтобы они лучше поверили, что это угодно и Богу. "**К вам первым**", говорит, "**Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, послал**". Не просто сказал: к вам послал Отрока Своего, но именно: по воскресении, после того, как Он был распят. Чтобы не думали, что Сын даровал это, а Отец – нет, для этого присовокупил: "**благословить вас**". Если Он брат ваш и благословляет вас, то это и есть обещание, т.е., вы не только имеете участие в этих (благах), но Он хочет, чтобы и для остальных вы стали их виновниками. Итак, не считайте себя отринутыми и отверженными. "**Отвращая каждого**", говорить, "**от злых дел ваших**". Вот в каком случае Он благословляет вас, а не просто. Какое же тут благословение? – Великое. Обращения от грехов недостаточно и для того, чтобы разрешить их. Если же этого недостаточно было и для разрешения (грехов), то как могло это дать благословение? Ведь кто поступил несправедливо, тот получает прощение в своих грехах, но еще не благословляется. А выражение: "**как меня**", если не принять его в смысле законоположения, ни в каком другом значении не будет иметь основания. Того, говорит, "**слушайтесь**". И не просто, но как? "**И будет, что всякая душа, которая не послушает Пророка того, истребится из народа**". Когда показал, что они согрешили, когда даровал им прощение и обещал блага, тогда показывает, что и Моисей говорит то же. Но что за последовательность – сказать: "**до времен совершения всего**", и затем приводит Моисея,

который заповедует слушать все, что скажет Христос, – и притом не просто, но с страшною угрозою? (Последовательность) строгая. Апостол показывает, что и поэтому они должны повиноваться Христу. Что значит: "**сыны пророков и завета**"? Значит – наследники, преемники. Итак, если вы сыны, то зачем вы к своему относитесь, как к чужому? Конечно, вы совершили достойное осуждения; но, несмотря на это, вы можете получить прощение. Сказав таким образом, он вслед за тем справедливо уже говорит: "**к вам первым послал Его благословить вас**". Не сказал: спасающего, но – что важнее – "**благословить**", показывая, что Распятый благословляет распявших. Будем же и мы подражать Ему! Отвергнем от себя убийственное и враждебное расположение души. Не достаточно не мстить (это было и в Ветхом Завете); но будем делать все для обидевших нас, как для искренних друзей, как бы для себя самих. Мы – подражатели, мы – ученики Того, Который по распятии употребляет все меры для (спасения) распявших и посылает (к ним) апостолов. Да притом, мы часто страдаем и справедливо, а Его (подвергли страданиям) не только несправедливо, но и нечестиво: иудеи распяли благодетеля, Того, Кто ничем (их) не обидел. За что? – скажи мне. Из-за славы ли? Но Он выставлял их достойными уважения. Каким образом? "**На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают**" (Мф.23:2,3). И опять в другом месте: "**пойди, покажи себя священнику**" (Мф.8:4). В то время, как мог погубить их, Он спасает. Станем же подражать Ему, и пусть никто не будет чьим-либо врагом, никто – неприятелем, разве только – диавольским.

5. Не мало способствует этому и то, если мы не клянемся и не гневаемся. Когда мы не будем гневаться, – не будем иметь и врага. Отними у человека клятву, – и ты отнял крылья у гнева, погасил всю ярость. Клятва – это как бы ветер для гнева. Распусти паруса: парус ни к чему не служит, когда нет ветра. Итак, если мы не будем кричать и клясться, – мы отнимем всю силу у гнева. Если же вы не верите этому, то сделайте опыт, и тогда узнаете, что это действительно так. Положи гневливому закон никогда не клясться, и тебе не будет нужды говорить ему о кротости. В этом случае все будет успешно: вы не станете нарушать клятв, да и совсем не будете клясться. Не знаете ли, в какие несообразности впадаете вы от этого? Вы сами на себя налагаете узы и (сами же) всеми средствами стараетесь о том, чтобы освободить от них свою душу, как будто бы это было какое-либо неизбежное зло. Но так как вы не можете (сделать этого), то уже по необходимости проводите жизнь в скорби и распрях и предаетесь гневу. А между тем, все это бывает без нужды и напрасно. Итак, грози, предписывай, делай все – без клятвы. Тогда можно, если хочешь, отменить и сказанное, и сделанное. Вот сегодня (мне) необходимо беседовать с вами более кротко. Так как вы послушались (слов моих), то и сделались гораздо лучше. Итак, скажем, если угодно, отчего появилась клятва и для чего она допущена. Рассказав о первоначальном ее происхождении, о том, когда она возникла, и как, и от кого, мы этим рассказом возблагодарим вас за послушание. Тому, кто поступает, как должно, необходимо и любомудрствовать; а кто еще не (таков), тот недостоин и слушать (наше) слово. Авраам и бывшие с ним заключили много договоров, заклали жертвы, сделали приношения, а клятвы еще не было. Откуда же явилась клятва? Когда умножились беззакония, когда все пришло в крайний беспорядок, когда (люди) склонились к идолослужению, вот тогда-то, – тогда, когда они уже оказались недостойными веры, стали призывать Бога в свидетели, представляя как бы верного поручителя в том, что говорили. Ведь клятва в этом и состоит, – в поручительстве, – потому что уже не доверяют честности. Следовательно, она, прежде всего, служит обвинением тому, кто клянется, если ему не верят без поручителя и, притом, без поручителя великого, потому что от великого недоверия происходит то, что требуют в свидетели не человека, но Бога. Во-вторых, столько же виновен бывает и тот, кто принимает клятву, если он, споря об условиях, влечет Бога в поручительство и говорит, что не поверит, если не будет иметь

Его (поручительства). Какая чрезвычайная бесчувственность! Какое поругание! Ты – червь, земля, пепел и дым, влечешь к поручительству Владыку своего и принуждаешь Его быть (поручителем). Скажи мне: если бы в то время, как ваши слуги спорят между собою и не доверяют друг другу, один из рабов сказал, что он не поверит до тех пор, пока не будет иметь поручителем общего господина, то не получил бы он тысячи ударов и не узнал ли бы, что господином надобно пользоваться для других дел, а не для этого? Что я говорю о рабе (и господине)? Если бы даже он избрал (и другого) почтенного человека, то не счел ли бы тот такой выбор позором для себя? Но я, скажешь, не хочу. Прекрасно! В таком случае не принуждай и Бога, когда и между людьми бывает так, что, если кто скажет: я представлю такого-то в поручители, ты не берешь на себя (этого поручительства). Что же, скажешь, ужели мне потерять то, что я дал? Не говорю этого; но (утверждаю), что ты оскорбляешь Бога. Поэтому-то принуждающий (к клятве) еще неизбежнее, чем тот, кто клянется, подвергнется наказанию, равно как и тот, кто клянется, когда никто не требует. И, – что особенно тягостно, – каждый клянется из-за одного овола, из-за малой выгоды, из-за несправедливости. Это (я говорю о тех случаях), когда не будет клятвопреступления; если же последует клятвопреступление, то все окажется в крайнем беспорядке, и виною всего будет и тот, кто принял, и тот, кто дал (клятву). Но иногда бывает, скажешь, нечто неизвестное? А ты предусматривай это и не делай ничего легкомысленно; если же делаешь что-либо легкомысленно, то сам с себя и взыскивай за вред. Лучше так потерпеть вред, чем как-нибудь иначе. Скажи мне, когда ты требуешь от человека клятвы, – чего ты ожидаешь? Того ли, что он нарушит клятву? Но это крайнее безумие, потому что наказание обратится на твою голову. Лучше тебе потерять деньги, чем тому погибнуть. Для чего делаешь это во вред себе и в оскорбление Бога? Это свойственно душе зверской и человеку нечестивому. Но я (скажешь) надеюсь, что он не нарушит клятвы? В таком случае поверь ему и без клятвы Но многие, скажешь, без клятвы решались на обман, а после клятвы – нет. Обманываешься, человек! Кто привык красть и обижать ближнего, часто решается попрать и клятву. Кто благоговеет пред клятвою, тот тем более побоится нанести обиду. Но он сделает это по неволе? В таком случае он достоин прощения. Но что я говорю об этих клятвах, оставляя клятвы, (бывающие) на рынке? Там ты не можешь сказать ничего подобного, потому что из-за десяти оволов бывают клятвы и клятвопреступления. Так как не падает с неба молния, так как не все ниспровергается, то ты стоишь и держишь (при себе) Бога. Для чего же? Чтобы получить несколько огородной зелени, чтобы (взять) башмаки. Из-за нескольких серебряных монет ты призываешь Его во свидетельство. Но если мы не подвергаемся наказанию, то не будем думать, что и не грешим. Это происходит от человеколюбия Божия, а не от нашей добродетели. Клянись своим сыном, клянись самим собою; скажи: пусть палач приступит к бокам моим. Но ты (этого) боишься. Так ужели Бог бесчестнее боков твоих? Ужели Он ничтожнее головы твоей? Скажи: пусть я ослепну! Но Христос так щадит нас, что запрещает нам клясться даже и собственною головою; а мы до того не щадим славы Божией, что всюду привлекаем Его. Разве не знаете, что такое – Бог и какими устами надобно призывать Его? Рассуждая о каком-нибудь добродетельном человеке, мы говорим: умой уста твои и тогда вспоминай о нем; а между тем, имя досточтимое, которое выше всякого имени, – имя, чудное по всей земле, слыша которое, трепещут демоны, – мы всюду произносим безрассудно.

6. О, привычка! От нее-то произошло то, что (это имя) пренебрегается. Ведь, если бы ты заставил кого-нибудь поклясться святым домом, – ты, без сомнения, считал бы это за страшную клятву. А отчего это кажется столь страшным, как не оттого, что ту (клятву) мы употребляем без разбора, а эту – нет? Иначе не следовало ли содрогаться, при произнесении имени Божия? У иудеев это имя было столь священно, что его писали на дощечках, и никому не позволялось носить эти буквы, кроме одного только первосвященника; а мы теперь везде произносим это имя, как обыкновенное. Если и

просто называть Бога не всем дозволено, то, скажи мне, какая дерзость, какое безумие – призывать Его во свидетельство? Ведь, если бы и все надлежало бросить, – не следовало ли бы охотно согласиться на то? Вот я говорю и настоятельно требую: оставьте эти клятвы, бывающие на площади, а всех, которые не слушаются, приведите ко мне. Вот, в вашем присутствии, я заповедую тем, которые отделены на служение молитвенным домам, внушаю им и объявляю, что никому не дозволяется клясться безрассудно, а лучше сказать – и как бы то ни было. Итак, ведите ко мне (клянущегося), кто бы он ни был, – потому что и это должно доходить до нас, как будто бы вы были малые дети. Но не дай Бог, чтобы это случилось! Стыдно, если вы еще имеете нужду чему-нибудь учиться. Осмелишься ли ты, не будучи посвящен в тайны, прикоснуться к священной трапезе? Но, что еще хуже, – ты, посвященный в тайны, дерзаешь прикасаться к священной трапезе, которой и не всем священникам позволено касаться, – и таким образом клянешься! Ты не коснешься, по выходе (из дома), и головы дитяти, а касаешься трапезы, – и не трепещешь, и не боишься? Веди ко мне таких (людей)! Я произведу суд и отпущу обоих с радостью. Делайте, что хотите: я полагаю закон – отнюдь не клясться. Какая надежда спасения, когда мы все так унижаем? Ужели для того записи, для того обязательства, чтобы ты принес им в жертву свою душу? Приобретаешь ли ты столько же, сколько теряешь? Нарушишь ли клятву (тот, кого ты обязал ею)? Ты погубил и его, и себя. Не нарушил? И в этом случае ты погубил его, принудив его преступить заповедь. Удалим от души эту болезнь. Прежде всего будем гнать ее с рынка, из лавок и из всех прочих торговых заведений. Нам будет от этого больше прибыли. Не подумайте, что от нарушения божественных законов житейские дела идут лучше. Но мне, скажешь, не верят? Действительно, мне случалось иногда слышать от некоторых и это, что если я не произнесу тысячи клятв, то мне не верят. Ты сам причиной этому, потому что легкомысленно клянешься. А если бы этого не было и если бы всем было известно, что ты не клянешься, то поверь словам моим, что ты сделал бы только знак, и тебе поверили бы больше, чем тем, которые употребляют тысячи клятв. Вот, скажи мне, кому вы больше верите: мне ли, хотя я не клянусь, или тем, которые клянутся? Но ты, – скажете вы, – начальник и епископ? Что же, если я докажу, что не поэтому только (верите мне)? Отвечайте мне со всею искренностью, прошу вас: если бы я часто и всегда клялся, помогло ли бы мое начальственное положение? Отнюдь нет. Видишь ли, что не поэтому (верите мне)? Да и какую, скажи мне, приобретаешь ты, наконец, выгоду? Павел терпел голод; решись и ты лучше терпеть голод, чем преступить какую-либо из заповедей Божиих. Отчего ты так неверен? Ужели тогда, как ты решишься все сделать и претерпеть для того, чтобы не клясться, – Бог не вознаградит тебя? Ведь Он каждый день питает клятвопреступников и (людей) часто клянущихся: ужели предаст голоду тебя за то, что ты послушал Его? Пусть все знают, что из собирающихся в эту церковь никто не клянется! Пусть мы будем известны и этим, а не верою только! Пусть будет это нашим отличием от язычников и от всех (людей)! Пусть примем печать с небес, чтобы нам везде являться как бы царским стадом! Пусть тотчас же узнают нас, как варваров, по речам и языку, и пусть отличаемся этим от варваров, подобно знающим по-гречески! Скажи мне: по чему узнают так называемых попугаев? Не по тому ли, что они говорят по-человечески? Так пусть же и нас узнают по тому, что мы говорим, как апостолы, говорим, как ангелы. Если кто скажет: поклянись, то пусть услышит, что Христос заповедал не клясться, и я не клянусь. Этого довольно, чтобы ввести всякую добродетель. Это – некоторая дверь к благочестию, путь, ведущий к благоговейному любомудрию, это – некоторого рода училище. Будем соблюдать это, чтобы сподобиться и настоящих и будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Когда они говорили к народу, к ним приступили священники и начальники стражи при храме и саддукеи" (Деян.4:1).

1. Еще не отдохнули (апостолы) от прежних искушений, а уже тотчас впали в другие. И смотри, как это устрояется. Сначала они были осмеяны все вместе: это – не малое искушение; а потом сами верховные впадают в опасности. Но эти два (события) произошли не сряду одно за другим и не просто; а сначала (апостолы) прославились в речах, потом сделали великое чудо, и затем уже, по допущению Божию, с дерзновением вступают в борьбу. Ты же заметь, прошу тебя, как те, которые при Христе искали предателя, теперь уже сами налагают руки, сделавшись после креста более дерзкими и более бесстыдными. Так-то грех, пока только еще рождается, бывает несколько стыдлив; но когда совершится, тогда делает бесстыднейшими тех, которые совершают его. Но для чего же приходит и воевода? Ведь сказано: "**к ним приступили священники и начальники стражи при храме**". Для того, чтобы опять представить государственным преступлением то, что происходило, и наказать за это, не как за (дело) частное: так везде они стараются поступать. "**Досадуя на то, что они учат народ**" (ст. 2). Они досадовали не только на то, что (апостолы) учили, но и на то, что говорили, что (Христос) не только сам воскрес, но что и мы воскреснем чрез Него. "**Досадуя на то, что они учат народ**", сказано, "**и проповедуют в Иисусе воскресение из мертвых**" (ст. 2). Воскресение Его было так действенно, что и для других Он соделался виновником воскресения. "**И наложили на них руки и отдали их под стражу до утра; ибо уже был вечер**" (ст. 3). О, бесстыдство! Еще прежней кровью были исполнены их руки, а они тем не удовольствовались, но снова наложили их, чтобы обагрить другою кровью. Или, может быть, они и боялись, так как учеников было уже много, и поэтому явился вместе с ними воевода: "**ибо уже**", сказано, "**был вечер**". Итак, они это делали и стерегли (апостолов), желая ослабить их, а апостолам эта отсрочка времени придавала более смелости. И смотри, кто подвергается задержанию: это – верховные из апостолов, которые таким образом и для прочих послужили указанием, чтобы они впредь не искали друг друга и не домогались быть вместе. "**Многие же из слушавших слово уверовали; и было число таковых людей около пяти тысяч**" (ст. 4).

Что это значит? Разве они видели (апостолов) в славе? Не видели ль, напротив, что их связали? Как же уверовали? Видишь ли явную силу (Божию)? Ведь и тем, которые уже уверовали, надлежало бы сделаться (от этого) немощнее, но они не сделались. Речь Петра глубоко бросила семена и тронула их душу. А те (священники и саддукеи) гневались потому, что нисколько не убоялись их и за ничто считали настоящие бедствия. Если Распятый, говорили они, делает такие (чудеса) и если Он воздвиг хромого, то мы не боимся и их. Итак, и это было делом Промысла Божия. Поэтому уверовавших было теперь больше, чем прежде. Вот этого (священники с саддукеями) и боялись, и потому-то в их глазах и связали апостолов, чтобы и на них навести больший страх; но случилось совсем не то, чего они хотели. Поэтому-то они и допрашивают и апостолов не при них, но отдельно, чтобы слушатели не получили пользы от их дерзновения. "**На другой день собрались в Иерусалим начальники их и старейшины, и книжники, и Анна первосвященник, и Каиафа, и Иоанн, и Александр, и прочие из рода первосвященнического**" (ст. 5-6). Опять сходятся вместе, – а в числе прочих зол было и то, что уже не соблюдались постановления закона. Опять придают собранию вид суда, чтобы обвинить их неправедным судом. "**И, поставив их посреди, спрашивали: какою силою или каким именем вы сделали это?**" (ст. 7) Но они уж знали (это), потому что досадовали, как сказано, на то, что (апостолы) проповедуют в Иисусе воскресение. Поэтому-то именно они и задержали их. Для чего же спрашивают? Они ожидали, что (апостолы), убоясь множества, отрекутся, и думали, что этим все исправят. И заметь, что они говорят: "**каким именем вы сделали это? Тогда Петр, исполнившись Духа**

Святаго, сказал им" (ст. 8). Припомни же теперь слова Христовы и то, как сбылось, что Он говорил: "**когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить, ибо Святый Дух научит вас в тот час, что должно говорить**" (Лк.12:11,12; ср. Мф.10:19). Следовательно, они уже пользовались великим содействием Божиим. Что же именно говорит (Петр), – послушай. "**Начальники народа и старейшины Израильские!**" (ст. 8). Заметь любомудрие мужа: будучи исполнен дерзновения, он не произносит ничего оскорбительного, но говорит почтительно: "**начальники народа и старейшины Израильские! Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен, то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому**" (ст. 8-10). С великим мужеством напал на них с самого начала и уязвил их; а притом и напомнил им о прежнем, так как они судят их за благодеяние. Он как бы так говорил: за это, конечно, всего более надлежало бы увенчать нас и провозгласить благодетелями, а между тем нас судят за благодеяние человеку немощному, небогатому, немогущественному и неславному. Кто мог бы позавидовать (нам) в этом?

2. Много тягостного заключаюсь в себе слова (Петра); но из них видно, что иудеи сами навязывались на зло. "**Что именем Иисуса Христа Назорея**" (ст. 10). Что особенно опечалило их, то (апостол) и прибавляет. Вот это именно и значили слова Христовы: "**и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях**" (Мф.10:27). "**Что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав**" (ст. 10). Не подумайте, говорит, что мы скрываем Его отечество или страдание. "**Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав**". Опять – страдание, опять – воскресение. "**Он есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла**" (ст. 11). Напомнил им и о слове, которого достаточно было, чтоб устрашить их, так как сказано: "**и тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит**" (Мф.21:44). "**И нет ни в ком ином спасения**" (ст. 11). Какие, думаешь, раны получили они от этих слов? "**Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись**" (ст. 12). Здесь возвещается и (нечто) возвышенное. Когда не было нужды чего-либо достигнуть, а надлежало только показать дерзновение, тогда (апостол) не щадит, потому что не боялся поразить их. И не сказал просто: чрез другого, но: "**и нет ни в ком ином спасения**", – этим показывая, что Он может спасти нас, а в то же время желая и устрашить их. "**Видя смелость Петра и Иоанна и приметив, что они люди некнижные и простые, они удивлялись, между тем узнавали их, что они были с Иисусом**" (ст. 13). Но каким же, скажешь, образом люди неученые победили красноречием и их, и первосвященников? Это – потому, что не они говорили, а чрез них – благодать Духа. "**Видя же исцеленного человека, стоящего с ними, ничего не могли сказать вопреки**" (ст. 14). Велика смелость этого человека, как видно из того, что он не оставил апостолов в самом суде. Следовательно, если бы они сказали, что (дело) не так было, он обличил бы их.

"**И, приказав им выйти вон из синедриона, рассуждали между собою, говоря: что нам делать с этими людьми?**" (ст. 15-16) Видишь, как они недоумевают и как опять все делают по страху человеческому. Как при Христе они не могли ни опровергнуть, ни скрыть событий, а, напротив, от их противодействия вера еще более возрастала, – так точно и теперь. "**Что нам делать с этими людьми?**" Какое безумие, если они думали устрашить тех, которые уже вкусили подвигов, особенно же, если они, не будучи в состоянии ничего (сделать) сначала, надеялись сделать что-либо после такого красноречия! Чем больше они хотели препятствовать, тем дела шли вперед успешнее. "**Ибо всем, живущим в Иерусалиме, известно, что ими сделано явное чудо, и мы не можем отвергнуть сего; но, чтобы более не разгласилось это в народе, с угрозою**

запретим им, чтобы не говорили об имени сем никому из людей. И, призвав их, приказали им отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса" (ст. 16-18). Заметь и бесстыдство их, и любомудрие апостолов. "**Но Петр**", сказано, "**и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали. Они же, пригрозив, отпустили их, не**

находя возможности наказать их, по причине народа" (ст. 19-21). Знамения заградили им уста, и они уже не позволили апостолам окончить слово, но весьма оскорбительно прервали их во время самой речи. "**Потому что все прославляли Бога за происшедшее. Ибо лет более сорока было тому человеку, над которым сделалось сие чудо исцеления**" (ст. 21, 22). Но посмотрим снова на то, что сказано выше. "**Что нам делать с этими людьми?**" Прежде они все делали для славы человеческой; а теперь присоединилась и другая (забота), именно о том, чтобы не сочли их убийцами, как после и говорили они: "**хотите навести на нас кровь Того Человека**" (Деян.5:28). "**Чтобы более не разгласилось это в народе, с угрозою запретим им, чтобы не говорили об имени сем никому из людей**". Какое безумие! Убежденные, что (Христос) воскрес, и имея в этом доказательство Его Божества, они надеялись своими кознями утаить Того, Кто не был удержан смертью. Что сравнится с этим безумием? И не удивляйся, что они опять замышляют дело несбыточное. Таково уж свойство злобы: она ни на что не смотрит, но всюду производит смятение. Будучи посрамляемы, они поступают так, как будто бы введены были в обман: так обыкновенно бывает с теми, которые, не достигнув чего-либо, подвергаются посмеянию. Но ведь (апостолы) для того везде и говорили, что Бог воздвиг (Иисуса) и что о имени Иисуса хромой стоит здоровым, чтобы показать, что Иисус воскрес. А с другой стороны, и сами они признавали воскресение: хотя в пустом и ребяческом виде, но все же – признавали; а теперь не верят и находятся в смущении, советуясь, что делать с апостолами. Да уже одно только то, что они говорили с такою смелостью, недостаточно ли было для убеждения – ничего не делать с ними? Почему ты не веришь, скажи мне, иудей? Ведь надлежало внимать происшедшему чуду и словам (апостолов), а не злобе толпы. Но почему же (иудеи) не предают их римлянам? Потому что уже были ненавистны для них тем, что сделали со Христом. Таким образом они больше вредили сами себе, откладывая их обвинение. Со Христом (было) не так; но схватив Его среди ночи, они тотчас же повели Его на суд и не откладывали, сильно боясь парода. А с апостолами не смели поступить так: не ведут их и к Пилату, боясь и опасаясь за прежнее, чтобы и за то не обвинили их. "**На другой день собрались в Иерусалим начальники их и старейшины, и книжники**".

3. Опять собрание в Иерусалиме и проливается там кровь. Не устыдились и города. (Тут были), сказано, Анна и Каиафа Петр не перенес (некогда) и вопроса служанки Каиафы и отрекся, тогда как другой был задержан; а теперь, явившись среди их, смотри, как говорит: "**если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен, то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому**". А они говорят: "**каким именем вы сделали это?**" Зачем же не называешь этого (имени), но скрываешь? "**Каким именем вы сделали это?**" Но ведь (Петр) говорил: не мы сделали это. Заметь благоразумие. Не сказал тотчас: мы сделали именем Иисуса, но как? "**Им поставлен он перед вами здрав**". Не говорит также: сделался здоров от нас. И опять: "**если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному**". Укоряет их, как людей, всегда осуждающих за благодеяния, и напоминает о прежнем, именно – что они стремятся к убийствам, и не только обнаруживают это, а еще и обвиняют за благодеяния. Видишь ли, как тяжки и слова (Петра)? (Апостолы) уже упражнялись в этом и стали, наконец, неустрашимы. Здесь (Петр) доказывает им, что они сами против воли проповедуют Христа, что они сами, судя и исследуя, распространяют учение (о Нем). "**Которого вы распяли**". О, какая смелость! "**Которого Бог воскресил из мертвых**". А

это – знак еще большего дерзновения. Слова его значат вот что: не подумайте, что мы скрываем (что-нибудь) позорное; нет, мы не только не скрываем, а напротив, говорим с дерзновением. Так говорит (апостол) и тем почти порицает их, и не просто, но и останавливается на этом, говоря: "**Он есть камень, пренебреженный вами зиждущими**". Затем, показывая, что они поступили так с камнем драгоценным, прибавляет: "**но сделавшийся главою угла**", то есть, камень по природе драгоценный и неподдельный, он пренебрежен вами. Так-то чудо сообщило им великую смелость. Но ты заметь, как они, когда надобно учить, приводят много пророчеств, а когда нужно говорить с дерзновением, представляют лишь свое мнение. "**Ибо нет**", говорит (апостол), "**другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись**", потому что всем людям, а не им одним, дано было это имя. И в свидетели этому он приводит их самих. Так как они говорили: "**каким именем вы сделали это?**" – то отвечает: "**именем Иисуса Христа Назорея**", – другого имени нет. Как же вы спрашиваете? Так это везде очевидно! "**Ибо нет**", говорит, "**другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись**". Это – слова души, презирающей настоящую жизнь, как это видно из той великой смелости, с какой они произносятся. Отсюда явно, что и в то время, когда говорил о Христе уничиженно, (говорил) не из боязни, но по снисхождению. А так как теперь было удобное время, то он говорит столь возвышенно, что этим самым устрашил даже и всех слушателей. Вот и другое доказательство, не меньшее прежнего. "**Узнавали их**", сказано, "**что они были с Иисусом**". Не без цели евангелист поместил эти слова, но – чтобы показать и то, где они были (с Иисусом), то есть, при страдании. Действительно, они одни только были тогда со Христом, и тогда их видели смиренными, униженными. Вот почему особенно и удивляла (священников) эта внезапная перемена; ведь и там были Анна и Каиафа с клевретами, и пред ними предстояли и апостолы. Теперь же они были изумлены их чрезвычайною смелостью, так как не словами только показывали, что не заботятся о том, что их судят за такие дела и что им угрожает крайняя опасность, но и видом, и голосом, и взором, и всем вообще выказывали пред народом смелость в то время, как говорили. А удивлялись (священники), может быть, потому, что (апостолы) были люди и неученые и простые, так как можно быть кому-либо неученым и, однако, не быть еще простым, или быть простым и, тем не менее, не неученым. Этим (писатель) показывает, что (в апостолах) соединилось то и другое. "**Удивлялись**", сказано. Из чего? Из того, что они говорили. Немного (Петр) произносит слов, но самым выражением и составом речи показывает смелость. И (священники) обвинили бы апостолов, если бы не было с ними этого человека (хромого). "**Узнавали их**", сказано, "**что они были с Иисусом**". Отсюда они приходили к убеждению, что научились этому от Иисуса и что они все делали, как Его ученики. И самое чудо и знамение издавало не мене громкий голос, чем голос апостолов: оно-то именно больше всего и заградило им уста. "**Судите**", говорят, "**справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?**". Когда страх уменьшился, – так как заповедать (не говорить о Иисусе) не что другое значило, как отпустить их, – тогда и говорят с большею кротостью: так они далеки были от дерзости. "**Мы не можем не говорить того, что видели и слышали**". Следовательно, они отреклись бы, если бы оно было не таково, если бы не было свидетельства многих. А оно, действительно, было известно всем. Но такова-то злоба, – дерзка и нагла! "**С угрозою запретим им**". Что вы говорите? Ужели вы надеетесь угрозою остановить проповедь? Так везде начальство трудно и неудобно! Вы убили Учителя и не остановили (проповеди), ужели же теперь своими угрозами надеетесь удержать нас от нее? Узы не заставили нас говорить с меньшим дерзновением, и вы ли заставите, когда мы считаем за ничто и угрозы ваши? "**Судите**", говорят, "**справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?**" Здесь вместо Христа именуют Бога. Видишь ли, как теперь сбылось то, что (Христос) сказал им: "**вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: не бойтесь же**" (Мф.10:16, 31)?

4. Затем опять подтверждают воскресение, присовокупив эти слова: "**мы не можем не говорить того, что видели и слышали**". Итак, мы – достоверные свидетели; а вы, присовокупляя угрозы к угрозам, напрасно опять грозите. Им, конечно, надлежало бы обратиться вследствие чуда, за которое народ прославлял Бога; а они грозят даже убийством: так они противились Богу! "**Они же, пригрозив, отпустили их**". Чрез это (апостолы) сделались более славными и более знаменитыми. "**Сила Моя**", сказано, "**совершается в немощи**" (2Кор.12:9); и это они уже засвидетельствовали, противостав всему. Что значит: "**мы не можем не говорить того, что видели и слышали**"? Это значит: если ложны наши слова, – обличи, а если истинны, то зачем препятствуешь? Таково-то любомудрие! Те в затруднении, а эти в радости; те исполнены великого стыда, а эти все делают с дерзновением; те в страхе, а эти безбоязненны. Кто в самом деле, скажи мне, боялся? Те ли, которые говорили: "**чтобы более не разгласилось это в народе**", или те, которые говорили: "**мы не можем не говорить того, что видели и слышали**"? Эти – и в удовольствии, и в дерзновении, и в величайшей радости; те – в печали, в стыде, в страхе, потому что боялись народа. Эти что хотели, то и сказали; а те не сделали того, чего хотели. Кто был в узах и опасностях? Не эти ли по преимуществу?

Итак, будем держаться добродетели! Пусть слова эти будут не для удовольствия только и какого-либо утешения! Здесь не театр, возлюбленный, не место играющих на цитре или представляющих трагедии, где плодом бывает только наслаждение, так что прошел день – и наслаждение исчезло. И пусть бы только было наслаждение и не было другого вреда вместе с наслаждением. Но, ведь, каждый идет оттуда домой, как из какого-нибудь зараженного места, усвоив себе многое из того, что бывает там. Так юноша, взяв оттуда некоторые звуки диавольских песней, какие только мог удержать в памяти, часто поет их дома, а старик, как более степенный, хотя не делает этого, но помнит все слова, какие там говорились. Отсюда же вы уходите ни с чем. Не стыдно ли это? Мы положили закон, или лучше – не мы положили, нет, так как сказано: не все учителя на земли (Мф.23:8-9), – Христос положил закон, чтобы никто не клялся. Что же, скажи мне, сделалось с этим законом? Я не перестану говорить об этом, "**когда опять приду**", по словам апостола, "**не пощажу**" (2Кор.13: 2). Подумали ли вы об этом? Позаботились ли? Было ли у вас какое-нибудь старание? Или мы опять должны говорить тоже? Впрочем, было ли или нет, мы опять станем говорить те же слова, чтобы вы имели о том попечение; а если вы уже позаботились, то – чтобы опять исполняли это постояннее, да и остальных склоняли к тому. Откуда же должно начать нам слово? Хотите ли – с ветхого завета? Но стыдно нам, что мы не соблюдаем даже того, что в ветхом завете и что надлежало бы нам превзойти. Ведь нам следовало бы слушать не об этом, – это предписания иудейской бедности, – а о (заповедях) совершенных, как например: брось деньги, стой мужественно, отдай душу за проповедь, смейся над всем земным, пусть не будет у тебя ничего общего с настоящей жизнью. Если кто обидит тебя, – окажи ему благодеяние; если обманет, – заплати благословением; если будет поносить, – окажи почтение. Будь выше всего. Вот о чем и о подобном нам следовало бы слушать.

А мы теперь говорим о клятве! Это то же, как если бы кто человека, который должен любомудрствовать, отвлек от учителей мудрости и заставил его читать еще по складам и (разбирать) буквы. Подумай, какой стыд для человека, имеющего длинную бороду, носящего палку и плащ, идти вместе с детьми к учителям и учиться тому же, чему они учатся! Не крайне ли смешно это? Но мы еще смешнее, потому что не столько различия между философией и азбукой, сколько между иудейским образом жизни и нашим: (здесь столько различия), сколько между ангелами и людьми. Скажи мне: если бы кто низвел ангела с неба и велел ему стоять здесь и слушать наши слова, как будто бы ему необходимо было поучаться в них, – не стыдно ли и не смешно ли было бы это? Если же смешно только еще учиться этому, то, скажи мне, какое осуждение, какой стыд – даже не

внимать этому? И в самом деле, как не стыдно, что христиане только еще учатся тому, что не должно клясться! Подчинимся, однако, этой необходимости, чтобы не подвергнуться еще большему стыду. Так станем же сегодня говорить вам из ветхого завета. Что же говорит он? – "**Не приучай уст твоих к клятве и не обращай в привычку употреблять в клятве имя Святаго**" (Сир.23:8-9). Почему? "**Ибо, как раб, постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся непрестанно именем Святаго не очистится от греха**" (Сир.23:10).

5. Заметь благоразумие этого мудреца. Не сказал: **не приучай к клятве** мысли своей, но: "**уст твоих**"; он знал, что все зависит от уст и легко исправляется. Это, наконец, обращается в невольную привычку, подобно тому, как многие, входя в бани, вместе с тем, как переступают дверь, кладут на себе (крестное) знамение. Это обыкновенно делает рука по привычке, когда даже никто не приказывает. Опять, и при возжжении светильника, часто рука творит знамение, между тем как мысль обращена на что-нибудь другое. Так точно и уста говорят не от души, но по привычке, и все заключается в языке. "**В клятве**", сказано, "**не обращай в привычку употреблять имя Святаго**". "**Как раб, постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся непрестанно именем Святаго не очистится от греха**". Не клятвопреступление осуждается здесь, но клятва, и за нее полагается наказание. Следовательно, клясться – грех. Такова, поистине, душа (клянущегося): много на ней ран, много язв. Но ты не видишь? В том-то и беда! Между тем, ты мог бы видеть, если бы захотел, потому что Бог дал тебе глаза. Такими глазами смотрел пророк, когда говорил: "**воссмердели и согнили раны мои от безумия моего**" (Пс.37:6). Мы презрели Бога, возненавидели благое имя, попрали Христа, оставили стыд, – никто не вспоминает с уважением имени Божия. Ведь, если ты кого любишь, ты встаешь и при его имени; а Бога часто призываешь так, как бы Он был ничто. Призови Его, когда благотворишь врагу; призови Его для спасения своей души. Тогда Он приблизится к тебе, тогда ты возвеселишь Его, а теперь ты прогневляешь Его. Призови Его, как призвал Стефан. Что говорил он? "**Господи! не вмени им греха сего**" (Деян.7:60). Призови Его, как призвала жена Елканова, со слезами, с плачем, с молитвою. Этого я не запрещаю, напротив, к этому особенно побуждаю. Призови Его, как призвал Моисей, когда взывал, молясь за тех, которые гнали его. Ведь, если бы ты безрассудно стал упоминать о каком-нибудь почтенном человеке, это было бы поношением; а упоминал в своих речах о Боге не только безрассудно, но и неуместно, считаешь это за ничто? Какого же был бы ты не достоин наказания? Я не запрещаю иметь Бога непрестанно в мыслях, – напротив, об этом и прошу и этого желаю, но не против воли Его, а для того, чтобы хвалить и почитать Его. Это доставило бы нам великие блага, если бы мы призывали Его только тогда, когда нужно, и в тех обстоятельствах, в каких нужно. Почему, скажи мне, при апостолах было столько чудес, а в наше время их нет, хотя Бог Тот же и имя то же? Это потому, что оно не одинаково (употребляется нами). Каким образом? Так, что они призывали Его только в тех случаях, о которых я сказал, а мы призываем не в этих, а в других. Если же тебе не верят, и ты поэтому клянешься, то говори: поверь, и даже, если хочешь, поклянись самим собою. Я говорю это не потому, чтобы хотел давать законы противные закону Христову, – отнюдь нет: сказано: "**да будет слово ваше: да, да; нет, нет**" (Мф.5:37); но по снисхождению к вам, чтобы больше побудить вас к этому и отвлечь от той ужасной привычки. Сколько людей, снискавших себе славу в прочих делах, погибло от этой привычки? Хотите ли узнать, почему древним позволялось клясться (нарушать клятву ведь и им было не дозволено)? Это потому, что они клялись идолами. Не стыдно ли вам оставаться при тех же законах, какими водились люди немощные? Ведь и теперь, если я приму язычника, я не тотчас заповедую ему это, но сначала убеждаю его познать Христа. Но, если верующий и познавший Его и слышавший о Нем станет требовать себе такого же снисхождения, какое оказывается язычнику, – что пользы в этом, какая прибыль? Но сильна привычка, и тебе трудно

оставить ее? Если так велика сила привычки, то перемени эту привычку на другую. Да как, скажешь, это возможно? Я часто уже говорил об этом и теперь скажу то же. Пусть многие следят за нашими словами, пусть исследуют и исправляют их. Нет стыда в том, когда нас другие исправляют; напротив, стыдно удалять от себя тех, кто исправляет нас, и делать это во вред собственному спасению. Ведь, если ты наденешь платье на изнанку, ты позволяешь и слуге поправить его и не стыдишься того, что он учит тебя, хотя это и очень стыдно; а здесь ты причиняешь вред душе своей и стыдишься, скажи мне, когда другой вразумляет тебя. Ты терпишь раба, который наряжает тебя в одежду и надевает на тебя обувь; а того, кто украшает душу твою, не терпишь? Не крайнее ли это безумие? Пусть будет и раб учителем в этом, пусть будет и дитя, и жена, и друг, и родственник, и сосед. Как зверь, когда его отовсюду гонят, не может убежать, так и тот, кто имеет стольких стражей и стольких порицателей и кого отовсюду поражают, не может не быть осторожен. В первый день это будет для него тяжело, равно и во второй и в третий, а потом будет легче, а после четвертого дня это не будет для него и делом. Сделайте опыт, если не верите. Позаботьтесь, прошу вас. Не маловажен этот грех, не маловажно и исправление от него; напротив, важно и то, и другое, – и зло, и добро. Но дай Бог, чтобы было добро, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"Быв отпущены, они пришли к своим и пересказали, что говорили им первосвященники и старейшины" (Деян.4:23).

1. Не из тщеславия рассказывают об этом, – как это возможно? – но здесь свидетельствуют они о явлении благодати Христовой. Поэтому, что первосвященники и старейшины сказали им, то они пересказывают; а свои (слова), хотя опускают, однако, и при этом случае являют еще большее дерзновение. Посмотри, как они опять прибегли к истинной помощи, к непреоборимому Поборнику, и опять единодушно и со тщанием, потому что молитва (их) не просто совершается. "**Они же, выслушав, единодушно возвысили голос к Богу и сказали**" (ст. 24). Смотри, как мудры молитвы их. Когда они просили показать им достойного апостольства, тогда взывали: "**Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи**" (Деян.1:24), – потому что там нужно было предведение; а здесь, когда надлежало заградить уста противникам, говорят о владычестве. Потому и начали так: "**Владыко Боже, сотворивший небо и землю и море и всё, что в них! Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал Духом Святым: что мятутся язычники, и народы замышляют тщетное? Восстали цари земные, и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его**" (ст. 24-26). Они приводят пророчество, как бы требуя от Бога обещанного и вместе утешая себя тем, что враги все замышляют тщетно. Таким образом, слова их значат: приведи все это к концу и покажи, что они замыслили тщетное. "**Ибо поистине собрались в городе сем на Святаго Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским, чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой. И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое**" (ст. 27-29). Видишь ли любомудрие и то, как они не ропщут здесь? Они подробно не перечисляют угроз, а говорят только, что им угрожали, – потому что писатель говорит сокращенно. И смотри: не сказали они: сокруши их, низложи их, – но что? "**И дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое**" (ст. 29). Так научимся молиться и мы. Правда, кто не исполнился бы гнева, попав к людям, ищущим его смерти и дышащим такими угрозами? И какого не исполнился бы он негодования? Но не (так поступают) эти святые. "**Тогда как Ты простираешь руку Твою на исцеления и на соделание знамений и чудес именем Святаго Сына Твоего Иисуса**" (ст. 30). Если

именем Его будут совершаться чудеса, то велико будет дерзновение, говорят они. "**И, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны**" (ст. 31). Это было знаком того, что они услышаны, и – посещения Божия. "**И исполнились все Духа Святаго**" (ст. 31). Что значит: "**исполнились**"? Значит – воспламенились Духом, и возгорелся в них этот дар. "**И говорили слово Божие с дерзновением**" (ст. 31). "**У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа**" (ст. 32). Видишь ли, как вместе с благодатью Божиею они отличались и своими (добродетелями)? Да и везде должно примечать, что вместе с благодатью Божиею они проявляли и свои (добродетели), как и Петр сказал: "**серебра и золота нет у меня**" (Деян.3:6). Впрочем, что сказал выше, в словах: "**все же верующие были вместе**" (Деян.2:44), тоже самое опять выражает, и здесь словами: "**у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа**". Сказав же, что они были услышаны, он говорит потом и об их добродетели, так как намеревается приступить к повествованию о Сапфире и Анании. Потому, желая показать их преступление, он и говорит сначала о добродетели прочих. Но скажи мне: любовь ли родила нестяжание, или нестяжание – любовь? Мне кажется, любовь – нестяжание, которое укрепляло ее еще более. Послушай же, что говорит (писатель): у всех "**было одно сердце и одна душа**". Вот сердце и душа – одно. "**И никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее**" (ст. 32). "**Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа**" (ст. 33). Выражает, что им как бы вверено было это (свидетельство), или говорит о нем, как о долге; то есть: они с дерзновением преподавали всем свидетельство о царствии. "**И великая благодать была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося**" (ст. 33, 34). Как в доме родительском все сыновья имеют равную честь, в таком же положении были и они, и нельзя было сказать, что они питали других; они питались своим; только удивительно то, что, отказавшись от своего, они питались так, что, казалось, они питаются уже не своим, а общим. "**Ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду**" (ст. 34, 35). Из великого уважения к апостолам они полагали не в руки, а к ногам их. "**Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, что значит – сын утешения**" (ст. 36). Это, мне кажется, не тот, который (поставлен был) вместе с Матфием; тот назывался и Иосиею, и Варсавою, а потом прозван был и Иустом, а этот был прозван от апостолов Варнавою – сыном утешения. И самое имя, кажется мне, получил от добродетели, к которой был способен и расположен. "**Левит, родом Кипрянин, у которого была своя земля, продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов**" (ст. 36, 37).

2. Заметь здесь, как (писатель) указывает на ослабление закона, когда говорит: "**левит, родом Кипрянин**". Значит, уже и в переселении были левиты. Но обратимся к вышесказанному: "**быв отпущены**", говорит, "**они пришли к своим и пересказали, что говорили им первосвященники и старейшины**". Смотри, (какое) смирение и любомудрие апостолов. Они не пошли везде хвастать и говорить, как они отвечали священникам, и при рассказе не тщеславились, но, пришедши, просто возвещают то, что слышали от старейшин. Отсюда мы узнаем, что они не подвергали сами себя искушениям, но мужественно переносили те, которые были им причиняемы. Иной кто-нибудь, надеясь на помощь народа, может быть, стал бы порицать и наговорил бы тысячу неприятностей. А эти любомудрые – не так, но во всем кротко и смиренно. "**Они же**", говорит, "**выслушав, единодушно возвысили голос к Богу**". Возвысили глас от радости и великого усердия. Такие именно молитвы и бывают успешны, - молитвы, исполненные любомудрия, совершаемые о таких (предметах), со стороны таких (людей), в таких обстоятельствах и таким образом; а все прочие недостойны и нечисты. Смотри, как они не говорят ничего лишнего, но – только о силе Господа; или лучше, как Христос говорил иудеям: "**если же Я Духом Божиим**" глаголю (Мф.12:28), так и они говорят: "**Духом**

Святым". Вот и Спаситель говорит о Духе. А что говорят они, послушай. "**Владыко Боже, Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал Духом Святым: что мятутся язычники, и народы замышляют тщетное?**" В Писании обычно говорится об одном, как о многих. Смысл же слов их следующий: не сами они (иудеи) превозмогли, но Ты соделал все, попустив это и приведши к концу, как благоискусный и премудрый, устроивший и с самими врагами по воле Своей; здесь указывают они на благоискусство и премудрость Его в том, что, хотя те сошлись с убийственным намерением, как враги и противники, но делали то, чего Ты, Однако, хотел, "**чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой**". Что значит: "**рука Твоя**"? Здесь, мне кажется, рукою называет как силу, так и совет. Тебе довольно, говорит, только захотеть, потому что никто не предопределяет силою. Итак выражение: "**рука Твоя**", значит: что Ты повелел. Или это говорит, или – что (Господь) совершил Своею рукою. Поэтому, как тогда они замыслили тщетное, так и теперь, говорят, сделай, чтобы они замыслили тщетное. "**И дай рабам Твоим**", то есть, чтобы угрозы их не исполнились на деле. Говорили же они так не потому, чтобы сами опасались претерпеть что-нибудь тяжкое, но (заботясь) о проповеди. Не сказали: и избавь нас от опасностей, но что? "**И дай рабам Твоим со всею смелостью**

говорить слово Твое". Ты сам, приведший к концу то, приведи и это. "**Помазанного Тобою**", говорят. Смотри, как и в молитве они разделяют (с Ним) страдание и все относят к Нему и называют Его виновником дерзновения. Видишь ли, как они всего просят для Бога и ничего для собственной славы и любочестия? А что касается их самих, то обещают, что они не устрашатся; просят также и о знамениях. "**Тогда как**", говорят, "**Ты простираешь руку Твою на исцеления и на соделание знамений и чудес**". И прекрасно, потому что без этого, сколь бы великую они ни проявили ревность, все делали бы напрасно. Господь склонился на прошение их и, поколебав место, показал, что Он присутствует при их молитве. "**И, по молитве их**", говорит, "**поколебалось место**". А что ради этого именно произошло, послушай, что говорит пророк: "**Он посмотрит на землю, и заставит ее трястись**" (Пс.103:32). И еще: "**от лица Господа подвинулась земля, от лица Бога Иаковлева**" (Пс.113:7). Бог делает это как для большего страха, так и для того, чтобы внушить апостолам бодрость после прежних угроз и чтобы расположить их к большему дерзновению. Тогда было начало (проповеди), и потому они имели нужду в видимом знамении для того, чтобы быть более уверенными, а после никогда этого не бывало. Итак, они получили много утешения от молитвы.

Естественно они испрашивают и благодати знамений, потому что не иным чем, как знамениями, они могли доказать, что (Христос) воскрес. И не безопасности своей только просили они, но и того, чтобы им не постыдиться, а говорить с дерзновением. Поколебалось место, – и это еще более утвердило их. А это иногда бывает знаком гнева, иногда посещения и промышления, теперь же гнева. Во время спасительного страдания (землетрясение) произошло чудно и сверхъестественно: тогда поколебалась вся земля. И сам Спаситель говорил: тогда "**и будут глады, моры и землетрясения по местам**" (Мф.24:7). И здесь, с одной стороны, это было знаком гнева на тех (иудеев), а их (апостолов) исполнило Духа. Смотри, как и апостолы после молитвы исполняются Духа: "**и исполнились**", говорит, "**все Духа Святаго**". "**Не было между ними никого нуждающегося**". Видишь, как велика сила этой добродетели (общения имений), если она была нужна и там. Действительно, она – виновница благ, и об ней-то упоминает он здесь в другой раз, внушая всем нестяжательность; говоря выше: "**и никто ничего из имения своего не называл своим**", здесь говорит: "**не было между ними никого нуждающегося**" (ст. 34).

3. А что это происходило не от знамений только, но и от их желания, показывают Сапфира и Анания. Не словом только, но и силою они засвидетельствовали о воскресении,

как и Павел говорит: "**и слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы**" (1Кор. 2:4). И не просто: силою, но – "**великою силою**". И хорошо сказал: "**и великая благодать была на всех их**", потому что благодать – в том, что никто не был беден, то есть, от великого усердия дающих никто не был в бедности. Не часть одну они давали, а другую оставляли у себя; и (отдавая) все, не (считали) за свое. Они изгнали из среды себя неравенство и жили в большом изобилии; притом делали это с великою честью. Так они не смели отдавать в руки (апостолов) и не с надменностью отдавали, но приносили к ногам их и предоставляли им быть распорядителями и делали их господами, так что издержки делались уже как из общего (имения), а не как из своего. Это предохраняло их и от тщеславия. Если бы так было и теперь, то мы жили бы с большею приятностью – и богатые, и бедные. Как бедным, так и богатым было бы приятно. И, если угодно, мы изобразим это, по крайней мере, словом, если не хотите (показать) делом, и от того уже получим удовольствие. Правда, это весьма ясно и из того, что было тогда, так как продающие не делались бедными, но и бедных делали богатыми.

Но изобразим теперь это словом: пусть все продадут все, что имеют, и принесут на средину, – только словом говорю; никто не смущайся – ни богатый, ни бедный. Сколько, думаете, было бы собрано золота? Я полагаю, – с точностью сказать нельзя, – что если бы все мужчины и все женщины принесли сюда свои деньги, если бы отдали и поля, и имения, и жилища (не говорю о рабах – их тогда не было, быть может, отпускали их на волю), то, вероятно, собралось бы тысяча тысяч литров золота или лучше сказать даже два и три раза столько. Скажите, в самом деле, сколько теперь вообще жителей в нашем городе? Сколько, думаете вы, в нем христиан? Думаете ли, что сто тысяч, а прочие язычники и иудеи? Сколько же тысяч золота было бы собрано? А как велико число бедных? Не думаю, чтобы больше пятидесяти тысяч. И чтобы кормить их каждый день, много ли было бы нужно? При общем содержании и за общим столом, конечно, не потребовалось бы больших издержек. Что же, скажут, мы будем делать, когда истратим свои средства? Ужели ты думаешь, что можно когда-нибудь дойти до этого состояния? Не в тысячи ли раз больше была бы благодать Божия? Не изливалась ли бы благодать Божия обильно? И что же? Не сделали бы мы землю небом? Если между тремя и пятью тысячами это совершалось с такою славою, и никто из них не жаловался на бедность, – то не тем ли более в таком множестве? Даже и из внешних (не-христиан) кто не сделал бы приношения? А чтобы видеть, что разделение сопряжено с убытками и производит бедность, представим себе дом, в котором десять человек детей, жена и муж: она, положим, прядет пряжу, а он получает доходы отвне. Скажи же мне, когда больше издержат они, вместе ли питаясь и живя в одном доме, или разделившись? Очевидно, что разделившись; если десятеро детей захотят разделиться, то понадобится десять домов, десять трапез, десять слуг и постольку же прочих принадлежностей. И там, где много рабов, не для того ли все они имеют общий стол, чтобы меньше было издержек? Разделение всегда производит убыток, а единомыслие и согласие – прибыль. Так живут теперь в монастырях, как (жили) некогда верные. И умер ли кто с голода? Напротив, кто не был удовлетворен с большим изобилием? А теперь люди боятся этого больше, нежели броситься в неизмеримое и беспредельное море. Но, если бы мы сделали опыт, тогда отважились бы на это дело. И какая была бы благодать? Если тогда, когда не было верных, кроме лишь трех и пяти тысяч, когда все по вселенной были врагами (веры), когда ни откуда не ожидали утешения, они столь смело приступили к этому делу, то не тем ли более это возможно теперь, когда, по благодати Божией, везде по вселенной (находятся) верные? И остался ли бы тогда кто язычником? Я, по крайней мере, думаю, никто: таким образом, мы всех склонили бы и привлекли бы к себе. Впрочем, если пойдем этим путем, то, уповаю на Бога, будет и это. Только послушайтесь меня, и устроим дела

таким порядком; и если Бог продлит жизнь, то, я уверен, мы скоро будем вести такой образ жизни.

4. Между тем, исполняйте и твердо храните закон о клятве: сохранивший пусть обнаруживает несохранившего, пусть увещевает и сильно обличает его. Срок близок (см. Беседу 8); я исследую дело и уличенного отлучу и не допущу (в церковь). Но дай Бог, чтобы ни одного такого не нашлось между нами, но чтобы все в точности сохранили это духовное условие! Как на войне по условному знаку узнают и своих и чужих, так пусть будет я теперь, – ведь и мы теперь на войне, – чтобы и нам узнавать своих братий. А каким благом для нас может быть этот знак и здесь, и в чужой стране! Каким оружием против козней диавола! Уста, не употребляющие клятвы, скоро и Бога преклонят в молитвах, и диаволу нанесут тяжкую рану. Уста, не употребляющие клятвы, не будут и поносить. Как бы из некоторого дома, извлеки этот огонь из языка и извергни вон. Дай языку отдохнуть несколько и сделай язву менее заразительною. Об этом умоляю вас, чтобы я мог преподать вам и другое наставление; а до тех пор, пока это еще не исполнено, я не смею перейти к чему-либо другому. Исполняйте это в точности; восчувствуйте наперед эту добродетель; а потом я предложу вам и другие правила, лучше же сказать, не я, но сам Христос. Насадите в душе вашей это доброе (древо), – и вы мало-помалу соделаетесь раем Божиим, гораздо лучшим первобытного рая, так как нет у нас ни змия, ни древа смертоносного, ни другого чего-нибудь тому подобного. Глубоко вкорените в себе этот навык. Если так будет, то не вы только, предстоящие здесь, получите пользу, но и все, живущие во вселенной; и не они только, но и те, которые будут жить после нас. Так, добрая привычка, вкоренившаяся и сохраняемая всеми, передается в отдаленные времена, и никакое время не будет в состоянии истребить ее. Если некто, собиравши дрова в субботу, был побит камнями (Числ.15: 35), то делающий гораздо хуже того собирания и собирающий бремя грехов (а таково множество клятв) чему не подвергнется, чего не потерпит? Вы получите от Бога великую помощь, когда это дело будет у вас исполнено. Если я скажу: не оскорбляй, ты (в оправдание свое) тотчас представишь гнев. Если скажу: не завидуй, ты назовешь другую причину. Но здесь не можешь сказать ничего такого. Поэтому я начал с легкого, так как и во всех искусствах делают тоже самое. Кто переходит к труднейшему, тот сначала уже изучил более легкое. Вы узнаете, как это легко, когда, исполнив это по благодати Божией, получите и другое правило. Доставьте мне дерзновение и пред язычниками, и пред иудеями, и прежде всего – пред Богом. Умоляю вас тою любовью, теми болезнями рождения, с которыми я родил вас. "**Дети мои**" А что далее – "**для которых я снова в муках рождения**", – не прибавлю. Не скажу и следующего: "**доколе не изобразится в вас Христос!**" (Гал.4:19), – так как я верую, что Христос уже изобразился в вас. Но окажу вам другое: "**братия мои возлюбленные и вожделенные, радость и венец мой**" (Флп.4:1)! Поверьте мне, что не скажу иначе. Если бы кто-нибудь возложил теперь на голову мою тысячи царских венцов, украшенных драгоценными камнями, то я не обрадовался бы столько, сколько радуюсь о вашем преуспеянии; даже и царь, я думаю, не радуется так, как я о вас. И что я говорю? Если бы (царь) возвратился, победивши все враждебные ему народы, и, кроме обычного венца, получил еще другие венцы и другие отличия в знак победы, то и он, я думаю, не радовался бы своим трофеям так, как я о вашем преуспеянии. Как будто у меня на голове тысячи венцов,– так я радуюсь; и естественно. Если вы по благодати Божией сохраните этот навык, то вы победите тысячи врагов, гораздо лютейших, чем тот; вы поборете и преодолеете лукавых и злых демонов, не мечом, но языком и волею. И смотрите, сколько будет сделано, если только вы сделаете это. Вы истребите, во-первых, дурную привычку; во-вторых – злой помысл, от которого все зло, т.е., мысль, будто это дело безразличное и нисколько невредное; в-третьих – гнев; в-четвертых – любостяжание: все это ведь производит клятва. А вместе с тем вы получите великое расположение и к прочим добрым делам. Как дети, изучая буквы, не их только изучают, но чрез них мало-помалу научаются

чтению, так точно и вы. Вас уже не прельстит злой помысл и не будете говорить, что это безразлично; уже не будете произносить (клятвы) по привычке, против всего этого будете стоять мужественно, чтобы, во всем исполнив божественную добродетель, сподобиться вам и вечных благ, – по благодати и человеколюбию едино-родного Сына Божия, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 12

"Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, что значит – сын утешения, левит, родом Кипрянин, у которого была своя земля, продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов" (Деян.4:36,37).

1. Теперь (писатель) намеревается повествовать об Анании с Сапфирой и, желая показать, что этот человек совершил тягчайший грех, наперед упоминает о том, который поступил, как должно. И когда столь многие поступали также, когда была такая благодать, такие знамения, он (Анания) при всем этом не исправился; но, будучи однажды ослеплен любостяжанием, навлек погибель на свою голову. "**У которого была своя земля**", – так сказал (писатель), выражая, что больше ничего у него и не было, – "**продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов**". "**Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфирою, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов**" (Деян.5:1,2). Важно то, что грех (совершен) по согласию, и никто другой не знал о случившемся. Откуда пришло (на мысль) этому несчастному и жалкому сделать это? "**Но Петр сказал: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли?**" (Деян.5:3) Смотри – и теперь совершилось великое знамение и притом гораздо большее того прежнего. "**Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось?**" (ст. 4) То есть, разве была какая-либо необходимость и принуждение? Разве мы привлекаем вас невольно? "**Для чего ты положил это в сердце твоем? Ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен**" (ст. 4-5). Видишь ли, чем это знамение больше (прежнего)? Тем, что (Анания) лишается жизни, и что (Петр) узнает сокровенное в мыслях и совершенное втайне. "**И великий страх объял всех, слышавших это. И встав, юноши приготовили его к погребению и, вынеся, похоронили. Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся. Петр же спросил ее: скажи мне, за столько ли продали вы землю?**" (ст. 5-8) Он хотел спасти ее, – так как муж был виновником греха, – и потому, может быть, дает ей время к оправданию и возможность к покаянно. Поэтому и говорит: "**скажи мне, за столько ли продали вы землю? Она сказала: да, за столько**" (ст. 8). "**Но Петр сказал ей: что это согласились вы искусить Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух. И юноши, войдя, нашли ее мертвою и, вынеся, похоронили подле мужа ее. И великий страх объял всю церковь и всех слышавших это**" (ст. 9-11). После этого страшного чуда (апостолы) совершали много знамений, а что именно, послушай. "**Руками же Апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса; и все единодушно пребывали в притворе Соломоновом. Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их**" (ст. 12, 13). Справедливо. Ведь Петр уже внушал страх, наказывая и обличая сокровенное в мыслях. К нему больше и прилеплялись, как по причине чуда, так и по причине первой, второй и третьей проповеди, – потому, что он совершил и первое чудо, и второе, и настоящее, которое мне кажется не просто одним только, но сугубым: первое – то, что он изобличил сокровенное в мыслях, а второе – то, то что повелением лишил жизни. "**Верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин, так что выносили**

больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них" (ст. 14, 15). При Христе этого не происходило, откуда и можно видеть, что теперь на деле исполнилось сказанное Им. Что же именно? "**Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин.14:12). "**Сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, которые и исцелялись все**" (ст. 16).

Заметь, прошу, как вся жизнь их слагается из противоположностей. Так, прежде была скорбь по причине вознесения Христа, потом радость по причине сошествия Духа; опять скорбь от поносивших, потом радость от верных и от чуда; снова скорбь, когда задержали их, потом радость после оправдания. И здесь опять и радость, и скорбь. Радость, потому что прославились и от Бога получили откровения; скорбь, потому что лишили жизни своих. Снова радость оттого, что сделались известными, и снова скорбь из-за первосвященника. И это везде можно замечать, подобно тому, как можно видеть это и на древних (святых мужах). Но обратимся к вышесказанному. Продавали, говорится, и "**приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов**". Смотри, возлюбленный, как они не апостолам поручали продавать, а сами продавали и цену им отдавали. Но не так Анания: он удерживает у себя нечто от цены проданного поля, потому и наказывается, как сделавший не хорошо и обличенный в похищении своего. Это замечание касается и нынешних священников, и даже весьма сильно. А так как и жена его соглашалась на его поступок, то (апостол) подвергает суду и ее.

2. Но, может быть, скажет кто-нибудь, что он поступил с нею слишком жестоко. Что говоришь ты? Какая жестокость, скажи мне? Если некто, собиравший дрова в субботу, был побит камнями (Числ.15:32-36), то тем более святотатец: ведь эти деньги были уже священные. И подлинно, кто решился продать свое и отдать, а потом удержал у себя, тот святотатец. Если же взявший из своего – святотатец, то гораздо более – взявший из чужого. Поэтому не подумайте, что, если теперь не бывает этого, если наказание не следует тотчас, то будто и остается без наказания. Видишь ли, как он обвиняется в том, что, сделав свои деньги священными, потом взял их? Разве не мог ты, говорит, продав, пользоваться ими, как своими? Разве кто препятствовал тебе? Почему берешь их после того, как обещал (отдать)? Вот как с самого начала диавол действовал среди столь великих знамений и чудес, или лучше, как тот (Анания) был ослеплен им. Подобное нечто случилось и в ветхом завете, когда сын Хармии уличен был в том, что похитил посвященное Богу; ты, однако, знаешь, каким наказанием окончилось и тогда это дело (Нав.7:1-26). Так, возлюбленный, святотатство – очень тяжко и исполнено великого неразумия. Мы, говорит, не принуждали тебя ни продавать, ни отдавать деньги после продажи; ты решился на это по собственной воле. Для чего же ты украл из священных денег? "**Для чего ты положил это в сердце твоем?**" А если сатана сделал это, то почему осуждается он? Он виновен в том, что воспринял действие сатаны и исполнил. Но следовало, скажут, исправить его. Нет, он не исправился бы, потому что, кто видел такие (чудеса) и не получил от них пользы, тот тем более не получил бы пользы от чего-нибудь другого. Итак, нельзя было оставить это дело без внимания, но надлежало отсечь (виновного), как гнилой член, чтобы не заразилось все тело. Теперь и он получил пользу, как не преуспевающий более во зле, и прочие сделались более ревностными; а тогда случилось бы напротив. Поэтому (апостол) сначала обличает и показывает, что это дело не укрылось от него, а потом и осуждает. Для чего, говорит, ты сделал это? Ты хотел удержать у себя? Надобно было удержать сначала и не давать обещания. А теперь, взяв после посвящения Богу, ты сделал тяжкое святотатство. Кто берет принадлежащее другим, тот берет, может быть, из желания чужого; но тебе можно было удержать свое. Для чего же ты сделал их священными и потом взял? Ты сделал это по великому неразумию. Это непростительно, неизвинительно.

Пусть же никто не соблазняется, если и теперь есть некоторые святотатцы. Если они были тогда, то тем более теперь, когда так много зол. Но обличим их пред всеми, чтобы и прочие имели страх. Иуда был святотатец, но это не соблазнило учеников. Видишь ли, сколько зол производит страсть к деньгам? "**И великий**", говорит, "**страх объял всех, слышавших это**". Тот был наказан, и другие получили пользу. Итак, не без цели это устрояется; прежде, хотя бывали другие чудеса, однако не было такого страха. Так истинно изречение: "**Господь познается, совершая суды**" (Пс.9:17). Так было и при кивоте: Оза был наказан, и других объял страх. Но там устрашенный царь отринул кивот; а здесь они делаются более внимательными. Видишь: Петр не призывал ее, но ждал, пока она сама придет; и из прочих никто не осмелился рассказать о случившемся. Это – страх пред учителем, это – почтение и послушание учеников. "**Часа через три после сего**" – и жена не узнала, и никто из присутствовавших не сказал об этом, хотя довольно было времени для того, чтобы разнеслась весть о том. Но они были в страхе. Об этом и писатель с изумлением говорит, что "**пришла и жена его, не зная о случившемся**". Отсюда уже можно было уразуметь, что он знал сокровенное. Почему он, не спросив никого, спрашивает вас? Не потому ли, конечно, что он знал? Но крайнее ослепление не позволило ей избавиться от осуждения, и она отвечала с великою дерзостью, думая, что говорит с (простым) человеком. Важно то, что они впали в грех по одному умыслу или как бы по некоторому соглашению. "**Что это согласились вы**", говорит, "**искусить Духа Господня?**" "**Вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут**". Прежде внушает, что она согрешила, а потом показывает, что она справедливо подвергнется одинаковой участи с мужем, так как и она согрешила в том же. И как, скажешь, "**вдруг она упала у ног его и испустила дух**"? Это потому, что она стояла близко. Таким образом сами они навлекли на себя наказание. Кто же не ужаснулся бы? Кто не убоялся бы апостола? Кто не удивился бы? "**И все**", говорит, "**единодушно пребывали в притворе Соломоновом**". Отсюда видно, что они пребывали не в доме, а в храме; также – что они уже не остерегались прикасаться к нечистым, но просто прикасались к мертвым. И смотри, как к своим они были строги, а в отношении к чужим не употребляли этой власти. "**Верующих же**", говорит, "**более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин, так что выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них**" (ст. 14, 15).

3. Велика вера приходивших, даже больше, чем при Христе! Отчего же это произошло? Оттого, что Христос предвозвестил, сказав: "**верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин.14:12). Они оставались там и не обходили (городов и весей), а между тем, все приносили к ним больных своих на постелях и одрах, и всюду они являли чудеса: на уверовавших, на исцеленных, на наказанном, в дерзновении пред теми (иудеями), в самой добродетели серьезно уверовавших, – все это происходило не от знамений только одних. Хотя они, по смирению, приписывают все не себе, говоря, что они делают это именем Христовым, но и жизнь, и добродетель их производили это. И смотри: (писатель) не говорит здесь о числе уверовавших, предоставляя судить о нем самому слушателю; так верующие возросли до бесчисленного множества. С тем вместе и воскресение (Христово) возвещалось более. "**Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их**" (ст. 13). Говорит это, выражая, что они уже не были презираемы, как прежде, и что в короткое время и в одно мгновение совершено столь многое рыбарем и простым человеком.

Итак, земля была уже небом, по (их) жизни, по дерзновению, по чудесам и по всему; и они, как ангелы, были предметом удивления, потому что нисколько не взирали ни на насмешки, ни на угрозы, ни на опасности. И не поэтому только, но и потому, что, как весьма человеколюбивые и попечительные, они помогали одним деньгами, а другим – врачеванием тел. "**Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое?**" Петр как бы

оправдывает себя, приступая к наказанию его, но вместе вразумляет и прочих. Так как случившееся могло показаться весьма тяжким, то он производит страшный суд и над ним, и над его женою. И если бы он не подверг их обоих, непростительно согрешивших, такому суду, то, какое отсюда не произошло бы пренебрежение к (делам) Божиим? А что именно потому (он так сделал), видно из того, что он не тотчас приступил к наказанию, а наперед обнаружил их грех. Потому-то никто не плакал, никто не рыдал, но все убоялись. И не удивительно, что, когда вера их распространялась, то и знамений было больше, и великий страх был между, своими, – потому что не столько беспокоит нас постороннее, сколько свое. Так, если и мы будем соединены друг с другом, то никто не станет восставать против нас; а если будем разделяться друг от друга, то, наоборот, все будут нападать на нас. Оттого и они были смелы и с дерзновением выходили на торжища посреди врагов, и одерживали победу; и исполнялось сказанное: "**господствуй среди врагов Твоих**" (Пс.109:2); тем большую силу (их) доказывало то, что они делали это, будучи задерживаемы и связываемы. Итак, если только солгавшие потерпели такое наказание, то чего не потерпят те, которые нарушают клятвы? Или лучше: если жена, сказавшая только: "**да, за столько**", подверглась такому наказанию и не избежала (его), то подумайте, какого наказания достойны вы, клянущиеся и нарушающие клятвы? Благовременно показать теперь и из ветхого завета тяжесть клятвопреступления. "**Свиток летящий**", говорит (пророк), "**ширина его десять локтей**" (Зах.5:1,2). Выражение: "**летящий**" означает чрезвычайную скорость наказания, следующего за клятвами; а то, что он был "**десять локтей**" в ширину и (двадцати) в длину, означает тяжесть и величину зол; то, что он летел с неба, значит, что определение исходит от вышняго судилища; а то, что он имел вид серпа, – неизбежность наказания. Как серп, вонзившись в шею, не прежде может быть извлечен из нее, как вместе с отсекаемою головою, так и наказание, постигающее клянущихся, бывает страшно и не прежде отступает от них, как окончив свое дело. Если же мы избегаем наказания, употребляя клятвы, то не будем на это полагаться; это бывает к нашему же несчастью. Что вы думаете? Что многие после Анании и Сапфиры дерзали делать тоже самое и не подверглись тому же наказанию? Почему, скажете вы, они не подверглись? Не потому, чтобы это прощено им было, но потому, что они соблюдаются для большего наказания.

4. Итак, много согрешающие должны больше бояться и страшиться, когда они не наказываются, нежели когда наказываются, потому что наказание их увеличивается от безнаказанности и долготерпения Божия. Поэтому будем смотреть не на то, что мы не наказываемся, но на то, не согрешили ли мы? Если же грешим и не наказываемся, то нам следует трепетать еще более. Скажи мне: если бы ты имел какого-либо раба и только угрожал бы ему, а не бил его, то когда он больше боялся бы, когда убегал бы, когда решился бы на бегство? Не тогда ли, когда бы ты только угрожал? Потому-то и мы внушаем не угрожать постоянно друг другу, чтобы страхом не смутить слишком душу, чтобы этим не мучить ее больше, чем ранами. В одном случае наказание бывает временное, а в другом – постоянное. Поэтому, если никто не страдает теперь от этого серпа, не смотри на то, но подумай, делаются ли такие дела? Многое и теперь делается такое, что было во времена потопа; но потопа нет, потому что предстоит геенна и мучение. Многие грешат подобно содомлянам, но огненный дождь не сходит на них, потому что уготована река огненная. Многие дерзнули сделать то же, что фараон, но не подверглись одинаковому с ним наказанию, не потоплены в Чермном море, потому что их ожидает море бездны, где наказание не будет сопровождаться бесчувствием и не окончится смертью, но где они будут мучиться, более и более подвергаясь наказанию, жжению и удушению. Многие дерзнули грешить подобно израильтянам, но змеи не угрызали их, потому что их ожидает червь нескончаемый. Многие дерзнули делать то же, что Гиезий, но не были поражены проказою, потому что вместо проказы им предстоит быть рассеченными пополам и подвергнуться одной участи с лицемерами (Мф.24:51).

Многие клялись и нарушали клятвы, но, если они и избежали (наказания), не будем полагаться на это, потому что их ожидает скрежет зубов. Да и здесь, может быть, они испытают и не избегнут (наказания), если не тотчас, то при других грехах, так что наказание будет более тяжким. И мы ведь часто, по поводу малых (проступков), воздаем вполне и за великие. Итак, когда заметишь, что с тобой случилось что-нибудь, вспомни этот грех свой. Так именно было с сыновьями Иакова. Помните братьев Иосифа: они продали брата, покушались лишить его жизни или, лучше сказать, уже и лишили, сколько это от них зависело; обманули и опечалили старца, – и ничего не потерпели. Но, спустя много лет, они подверглись крайней опасности и вспомнили об этом грехе. А что сказанное не выдумка, послушай, что сами они говорят: "**мы наказываемся за грех против брата нашего**" (Быт. 42:21). Так точно и ты, когда случится что-нибудь, скажи: да, мы во грехе, потому что не послушали Христа, потому что клялись; частые клятвы и клятвопреступления пали на мою голову. Таким образом исповедуйся, потому что и они исповедались и спаслись. Что из того, если не тотчас постигает наказание? Ведь и Ахав за Навуфея также не тотчас по преступлении потерпел то, что после испытал. Для чего же это бывает? Бог дает тебе время, чтобы ты омылся, а когда ты медлишь, Он посылает, наконец, наказание. Видели вы, что потерпели солгавшие? Отсюда поймите, чему подвергнутся и нарушающие клятвы, поймите и перестаньте. Кто клянется, тот не может не нарушать клятвы волею или неволею; а кто нарушает клятвы, тот не может спастись. Однократное нарушение клятвы может сделать все и навлечь на нас всецелое наказание. Поэтому, умоляю вас, будем внимательны к самим себе, чтобы, избегнув наказания здесь, удостоиться милости от Бога, по благодати и щедротам единородного Сына Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 13

"Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу" (Деян.5:17,18).

1. Нет ничего бесстыднее и дерзостнее злобы. По опыту узнав мужество апостолов из того, что сделали с ними прежде, (архиерей и саддукеи), не смотря на то, опять нападают и все вместе восстают на них. Что значит: "**Первосвященник же и с ним все**"? Значит: восстал против них, будучи возбужден случившимся. "**И наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу**". Теперь сильнее нападают на них; впрочем, не тотчас подвергли их суду, ожидая, что они станут более спокойными. Из чего видно, что нападали на них сильнее? Из того, что послали их в общественную темницу. Апостолы снова подвергаются опасностям и снова получают помощь от Бога; а каким образом – послушай далее: "**но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведя их, сказал: идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни**" (ст. 19, 20). Это совершилось и в утешение их (апостолов), и в пользу и назидание тех (иудеев). И смотри, – что бывало при Христе, то совершалось и теперь. Самого совершения чудес Он, конечно, не попускает видеть им (иудеям), а то, из чего они могли бы удостовериться, предоставляет им. Например, при воскресении Своем Он не попустил им видеть, как Он воскрес, потому что они были недостойны видеть воскресение, но показывает это делами Своими. Также и во время претворения воды в вино возлежавшие за столом не видели, потому что были упоены вином, и судить о том Он предоставляет другим. Так именно и здесь. Как были выводимы апостолы, они не видят; а доказательства, которыми могли удостовериться в случившемся, они увидели. Почему же (ангел) вывел их ночью? Потому, что в таком случае им могли поверить более, нежели в другом; в другом случае не стали бы и спрашивать их об этом; да тогда и сами они не

поверили бы. Так было и в древние времена, напр., при Навуходоносоре. Он увидел отроков в пещи восхвалявших Бога, и тогда изумился (Дан.3:91). Поэтому и саддукеям надлежало сначала спросить апостолов: как вы вышли? – а они, как будто ничего не было, обращаются к апостолам с таким вопросом: "**не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем?**" (ст. 28) Смотри, как о всем они узнают от других, – (от тех, которые) видели темницу тщательно запертою и стражу стоящею пред дверьми. "**Они, выслушав, вошли утром в храм и учили. Между тем первосвященник и которые с ним, придя, созвали синедрион и всех старейшин из сынов Израилевых и послали в темницу привести Апостолов. Но служители, придя, не нашли их в темнице и, возвратившись, донесли, говоря: темницу мы нашли запертою со всею предосторожностью и стражей стоящими перед дверями; но, отворив, не нашли в ней никого**" (ст. 21-23). Двоякое было ограждение, как при гробе (Христовом), – печать и люди. Смотри, как они враждовали против Бога! Скажите мне: свойственно ли людям то, что случилось с ними? Кто провел их сквозь запертые двери? Как прошли они при стоящих пред дверьми стражах? Подлинно, слова их – (слова) безумных и упившихся вином. Тех, кого не удержали ни темница, ни узы, ни запертые двери, тех они надеялись преодолеть, поступая подобно неразумным детям. Сами слуги их по этому поводу приходят и рассказывают о случившемся чтобы опровергнуть всякое их оправдание. Видишь ли различные знамения за знамениями, одни происходящие от них (апостолов), другие имеющие отношения к ним, – последние даже боле славные? Хорошо и то, что не вдруг было донесено об этом начальникам (иудейским); но сперва они были в недоумении, для того, чтобы, узнав все, уразумели действие силы божественной. "**Когда услышали эти слова первосвященник, начальник стражи и прочие первосвященники, недоумевали, что бы это значило. Пришел же некто и донес им, говоря: вот, мужи, которых вы заключили в темницу, стоят в храме и учат народ. Тогда начальник стражи пошел со служителями и привел их без принуждения, потому что боялись народа, чтобы не побили их камнями**" (ст. 24-26). О, безумие! "**Боялись**", говорится, "**народа**". Что пользы приносил им народ? Надлежало бояться Бога, Который постоянно исторгает из рук их апостолов, как птенцов; а они более боятся народа. "**Приведя же их, поставили в синедрионе; и спросил их первосвященник, говоря: не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем? и вот, вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас**

кровь Того Человека" (ст. 27, 28). Что же апостолы? Они опять беседуют с теми кротко, хотя могли бы сказать: "кто вы, повелевающие вопреки Богу?" Но они что? Опять в виде увещания и совета и весьма скромно отвечают: "**Петр же и Апостолы в ответ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам**" (ст. 29). Великое любомудрие (в словах их) и такое, что отсюда обнаруживается и вражда тех против Бога. "**Бог отцов наших воскресил Иисуса, Которого вы умертвили, повесив на древе. Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов**" (ст. 30, 31). "**Которого вы умертвили**", говорит, "**Бог отцов наших воскресил**". И смотри, как они опять все относят к Отцу, чтобы Сын не считался чуждым Отцу. "**Его возвысил Бог**", говорит, "**десницею Своею**". Этим указывается не на одно только воскресение, но и на возвышение, то есть, на вознесение. "**Дабы дать Израилю покаяние**".

2. Вот и еще приобретение, еще учение, высказанное в виде защиты! "**Свидетели Ему в сем мы**". Какое великое дерзновение! Затем для большей достоверности слов своих (Петр) прибавил: "**и Дух Святый, Которого Бог дал повинующимся Ему**" (ст. 32). Видишь, как апостолы представляют в свидетели не себя только, но и Духа? Они не сказали: **Его дал нам**, но: "**повинующимся**", и свое являя смирение, и показывая величие Духа, и выражая, что и тем (иудеям) можно получить Его. Заметь, как они были поучаемы и делами и словами, но не внимали; за то и постигнет их праведное осуждение. Бог для

того и попустил вести апостолов на суд, чтобы и те получили назидание, если бы захотели научиться, и апостолы явили дерзновение. "**Слышав это, они разрывались от гнева и умышляли умертвить их**" (ст. 33). Заметь крайнюю их злобу! Надлежало ужаснуться того, что они услышали; а они "**разрывались от гнева и умышляли**" без всякой вины "**умертвить их**". Впрочем, нужно повторить прочитанное выше: "**но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведя их, сказал: идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни**" (ст. 19, 20). "**Выведя**"; не сам он отводит их, но отпускает; так и из этого открывается неустрашимость их, что они сами ночью вошли в храм и учили. Когда бы их выпустили стражи, как те думали, то они, если бы только согласились выйти, обратились бы в бегство, а когда бы те их изгнали, то они не явились бы в храм, а удалились бы. Это понятно для всякого здравомыслящего. "**Не запретили ли**", говорят, "**мы вам накрепко учить**"? Так; если они дали слово послушаться вас, то вы справедливо обвиняете; если же они еще прежде отказались от этого, то излишни обвинения, излишни и запрещения. Вот непоследовательность и крайняя бессмысленность обвинений! Далее апостолы хотят показать убийственные намерения иудеев, действовавших здесь не за правду, но желавших отомстить за себя. Потому и отвечают им не резко, – ведь они были учители, – хотя иной, привлекши на свою сторону весь город и получив такую благодать, чего не сказал бы и не выказал ли бы слишком многого? Но апостолы не так; они не гневались, но сожалели и плакали о них, и имели в виду, как бы отклонить их от заблуждения и ярости. Они даже не говорят им: сами судите (Деян.4:19); но так говорят: "**Его возвысил Бог**", выражая этим, что все это происходит по воле Божией. Не сказали: не говорили ль мы вам прежде: "**мы не можем не говорить того, что видели и слышали**" (Деян.4:20)? – потому что они не тщеславны; но опять говорят об одном и том же, о кресте, о воскресении. Впрочем, они не говорят, почему (Христос) распят, – то есть, что распят за нас; но (только) намекают на это, и при том еще не ясно, желая возбудить в них страх. Скажи мне, есть ли здесь сколько-нибудь искусственного красноречия? Нисколько! Так без приготовления они возвещали евангелие жизни! Сказавши: "**возвысил**", (Петр) говорит и о том, с какою целью (это сделано); "**дабы дать Израилю покаяние**", прибавляет, "**и прощение грехов**". Но скажут: это казалось еще невероятным. Что ты говоришь? Как невероятно то, чему не могли противоречить ни начальники, ни народ, и от чего одним заграждались уста, а другие получали назидание? "**Свидетели Ему**", говорит, "**в сем мы**". Чего? Того, что (Христос) возвестил отпущение и покаяние, так как воскресение (Его) уже признано было несомненным. А что Он дарует отпущение, тому свидетели мы и Дух Святый, Который не снизошел бы, если бы не были сначала отпущены грехи, так что это несомненный знак. Ты же, окаянный, слышишь об отпущении грехов и о том, что (Христос) не требует тебя на суд, и хочешь умертвить (проповедников)? Не есть ли это дело величайшей злобы? Нужно было или обличить их, если они говорили неправду, или поверить им, если нельзя (обличить); если же не было желания уверовать, то (по крайней мере) не умерщвлять. За что, в самом деле, было умерщвлять их? Но они (иудеи) от ярости даже и не разобрали дела. Смотри, как здесь (апостолы), упомянув о злодеянии (иудеев), говорят об отпущении, показывая тем, что совершенное ими достойно смерти, но даруемое подается им, как раскаивающимся. Да и как иначе можно было кому-нибудь убедить их, если, не сказав, что они еще могут исправиться? А какова злоба! Они возбуждают против апостолов саддукеев, которые особенно заблуждались касательно воскресения. Но злоба нисколько не принесла им пользы. Однако, может быть, кто-нибудь скажет: какой человек, пользуясь тем, что (имели) апостолы, не сделался бы великим? Но заметь, прежде, нежели они получили благодать, как они единодушно пребывали в молитве и возлагали надежду на силу свыше! И ты, возлюбленный, надеешься получить царствие небесное; но имеешь ли терпение? И ты получил Духа; но испытываешь ли то же и подвергаешься ли тем же опасностям? Они раньше, чем успокоились от прежних бедствий, снова подверглись другим. И то самое, что они не возгордились, не тщеславились – как прекрасно! А что говорили с кротостью –

не есть ли это весьма полезное дело? Подлинно, не все это было делом благодати, но здесь много видно и их собственного усердия. Ведь и то, что в них сияли дары благодати, было плодом их ревности.

3. Посмотри и в самом начале, как был попечителен Петр, как он бодрствовал и заботился, как верующие оставляли имения, ничего не имели собственного, пребывали в молитве, проявляли единомыслие, постились. Скажи мне: это было действием какой благодати? Оттого-то и произошло, что обличили их (иудеев) сами их слуги, которые, как при Христе посланные говорили: "**никогда человек не говорил так, как Этот Человек**" (Ин.7:46), тоже возвратившись, возвестили, что видели. Заметь также здесь кротость апостолов, как они не противоречат, – и притворство первосвященника. Он говорит им с видом скромности, как будто чего боится, и готов скорее воспретить, нежели умертвить, так как этого он и не мог сделать. А между тем возбуждает всех и представляет им как бы крайнюю опасность: "**хотите**", говорит, "**навести на нас кровь Того Человека**" (ст. 28). Ужели еще он кажется тебе (простым) человеком? Сказал это потому, что считал необходимым сделать им побуждение. А Петр, посмотри, что говорит: "**Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов**" (ст. 31). Он здесь умалчивает о язычниках, чтобы не подать повода (к умерщвлению). "**И умышляли**", говорит (писатель), "**умертвить их**" (ст. 33). Заметь: они опять в недоумении и в печали, а те (апостолы) спокойны, благодушествуют и радуются. И не просто были печальны, но "**разрывались**".

Это значит: худо себя чувствовать и покушаться на зло, – как можно видеть и здесь. Апостолы были в узах, предстояли пред судилищем, а судьи были в недоумении и великом затруднении. И как бьющий по алмазу сам себе наносит удар, точно так и они. Они видели, что не только не уменьшается дерзновение апостолов, но что проповедь еще более усиливается, что они неустрашимы в слове, и между тем не подают никакого повода (к умерщвлению их). Будем, возлюбленные, подражать им и мы, будем неустрашимы при всех бедствиях. Нет ничего ужасного для того, кто боится Бога, но для небоящихся есть бедствия. Кто чрез добродетель становится выше страстей и на временные блага смотрит, как на тень, тот от чего потерпит бедствие? Чего будет бояться? Или что станет считать бедствием? Прибегнем же и мы к этой непоколебимой скале! Если бы кто-нибудь устроил для нас город и оградил его стеною, или лучше – если бы поселил нас на такую землю, где никто нас не беспокоил бы, и там доставлял бы нам изобилие во всем так, чтобы нам не нужно было ни с кем иметь никакого дела, то и он не дал бы нам такого спокойствия, какое ныне Христос. Пусть будет, если тебе угодно, этот город медный, огражденный со всех сторон твердою и неразрушимою стеною; пусть никто из неприятелей не нападает на него; пусть он будет иметь землю богатую и тучную, изобиловать и всеми остальными благами; пусть граждане его будут кротки и ласковы, и ни одного в нем злодея, ни вора, ни хищника, ни клеветника, ни судилища, но одни простые и мирные отношения, и в этом городе жили бы мы: и тогда мы не могли бы жить спокойно. Отчего? Оттого, что по необходимости возникнут у нас разногласия с прислугою, с женою, с детьми, и будут причиною многих неприятностей. Но здесь не было ничего такого; не было никакой причины к печали и неприятностям.

Но, что удивительно, – то самое, что, кажется, причиняет неприятности, было (для апостолов) источником всякой радости и веселия. Скажи мне: о чем им было печалиться, о чем скорбеть? Хочешь – представим кого-нибудь для сравнения. Пусть кто-нибудь из вельмож обладает большим богатством, живет в столице, никаких не имеет хлопот, только веселится, только в этом проводит время, и находится на высшей степени богатства, чести и могущества. Противопоставим ему Петра в узах и, если угодно, среди бесчисленных бедствий: и тогда мы найдем, что (Петр) имеет больше радости, – потому что если от

избытка радости он и в узах радуется, то представь, как велика радость! Как облеченные великою властью не чувствуют бедствий, сколько бы их ни случилось, но продолжают радоваться, – так и апостолы по причине самих бедствий еще более радовались. Нельзя, поистине нельзя выразить словом того удовольствия, какое случается испытывать страждущим за Христа. Они радуются более среди бедствий, нежели во время благоденствия. Если кто возлюбил Христа, – тот понимает, что я говорю. Но что? Могли ли они для собственной безопасности избегать бедствий? Кто, скажи мне, и владея несметным богатством, мог бы избежать великих опасностей, имея дело со столь многими народами для преобразования государства? А они все совершали, как будто по царскому повелению, а лучше сказать, даже гораздо удобнее. Ведь не столько (сделало бы) царское повеление, сколько сделали все их слова, потому что царское повеление налагает необходимость (повиноваться), а они (обращали) людей по их желанию, по доброй их воле и по чувству великой благодарности. Какой царский указ убедил бы отказаться от всего имения и самой жизни, оставить дом, отечество, родных и собственную безопасность? А внушения рыбарей и скинотворцев произвели это, и оттого они радовались, были могущественнее и сильнее всех. Да, скажут, оттого, что они творили знамения. Но уверовавшие в числе трех и пяти тысяч, скажи мне, какие творили знамения, а между тем и они жили в великой радости? Точно так, и это потому, что уничтожена была причина всех неприятностей – владение имуществом: а оно-то, оно бывает виною войн, несогласия, скорби, печали и всех зол; оно делает жизнь тягостною и более прискорбною. И гораздо больше причин к неприятностям найдешь у богатых, нежели у бедных. Если кому кажется это неверным, то лишь по его мнению, а не по существу дела. Если же и богатые имеют некоторые удовольствия, то и это нисколько не удивительно, потому что и пораженные чесоткою ощущают великое удовольствие. Богатые нисколько не отличаются от них, и душа их такова же, как видно из следующего: их мучат заботы, и, однако, они охотно предаются им из-за временного удовольствия. Но те, которые избавились от забот, здравствуют и благодушествуют.

4. Что приятнее, скажи мне, что безопаснее: заботиться ли об одном хлебе и одежде, или о множестве рабов и свободных, о себе же не заботиться? Как тот печется о себе самом, так и ты – обо всем, что навлек на свою голову. Отчего же, скажут, избегают бедности? Оттого же, отчего многие удаляются и прочих благ, – не потому, чтобы эти блага сами по себе, были достойны отвержения, а потому, что на опыте они представляются трудными. Так и бедность не сама по себе отвергается, но потому, что трудна на опыте, так что, если кто может ее перенести, тот не откажется от нее. Почему не гнушались ее апостолы? Почему многие избирают ее и не только не гнушаются, но еще и прибегают к ней? Ведь то, что поистине достойно отвержения, не избирается, исключая одних безумных.

Если же из людей любомудрые и высокие прибегают к ней, как к некоему безопасному и безболезненному убежищу, то вовсе не удивительно, что прочим она не кажется такою. Богатый, по моему мнению, есть не что иное, как город, не огражденный стенами, построенный в поле и со всех сторон привлекающий к себе неприятелей; а бедность есть безопасная крепость, огражденная большою медною стеною и недоступная. Но бывает, скажут, совсем напротив, потому что бедных часто влекут в судилище, их обижают и подвергают тяжким бедствиям. Нет, не просто бедных, но бедных, желающих быть богатыми. Да я не об них и говорю, а о тех, которые хотят жить в бедности. Скажи мне, отчего никто не влечет в судилище живущих в горах? Если бедность притеснять легко, то всего скорее надлежало бы предавать суду их, насколько они всех беднее. Отчего никто не влечет в судилище нищих? Отчего никто не притесняет их и не клевещет? Не оттого ли, что они находятся в более безопасном месте? А как многим это кажется невыносимым, т.е. быть в бедности и просить милостыню! В самом деле, скажи мне, хорошо ли просить милостыню? Хорошо еще, если есть люди сострадательные и милосердые, если есть, кто

бы стал подавать. Всякий знает, что такая жизнь чужда забот и безопасна. Впрочем, я не это хвалю, – да не будет! – но убеждаю не добиваться богатства. Скажи мне в самом деле, кого я назову более блаженными: тех ли, кто близок к добродетели, или тех, кто далек от нее? Без сомнения, близких. Но кто из них способнее усвоить что-либо полезное и отличаться любомудрием, – тот, или этот? Всякому ясно, что тот. Если же не веришь, то послушай. Пусть приведут с площади кого-нибудь из нищих, и пусть он будет слеп, хром, увечен; а другой кто-либо пусть будет красив на вид, крепок телом и вполне здоров, богат, знатен по происхождению и с великою властью. Приведем их в училище любомудрия и посмотрим, кто из них лучше усвоит предметы учения? Предложим первую заповедь: будь "**кроток и смирен**", так повелел Христос (Мф.11:29). Кто из них будет в состоянии лучше выполнить это, тот или этот? "**Блаженны плачущие**". Кто будет более внимателен к этому изречению? "**Блаженны кроткие**". Кто лучше выслушает?

"**Блаженны чистые сердцем, блаженны алчущие и жаждущие правды, блаженны изгнанные за правду**" (Мф.5-11). Кто из них скорее примет все это? И если хочешь, приложим все это к каждому из них. Не всегда ли гордится и надмевается один из них; а другой, напротив, не всегда ли бывает кроток и смиренно-мудр? Конечно, так. У внешних (язычников) есть на этот предмет такое изречение: Эпиктет – раб, по телу увечен, по бедности Ир, но друг (богов) бессмертных (Эпиктет – греческий философ. Ир – собст. имя нищего у Гомера). Таков бедный; но душа богатого исполнена всех зол: гордости, тщеславия, бесчисленных пожеланий, гнева, ярости, корыстолюбия, неправды и тому подобного. Очевидно, что душа первого способнее к любомудрию, нежели последнего. Но вы хотите узнать, что приятнее; о том именно, как я вижу, многие заботятся, какая жизнь приятнее? И в этом не должно быть сомнения; кто здоровее, тот и (живет) в большом удовольствии. А кто, скажи мне, более способен к исполнению правила, которое я хочу внушить, т.е. закона о клятве, бедный или богатый? Кто скорее будет клясться, тот ли, кто гневается на слуг, имеет сношение с бесчисленным множеством (людей), или кто просит только о хлебе или одной одежде? Последний даже не имеет и нужды в клятвах, если захочет, но всю жизнь проводит без забот. Или лучше сказать: всякий, научившийся не клясться, часто будет презирать и богатство и может увидеть как от этого блага открываются все пути к добродетели, – все, ведущие к кротости, к презрению богатства, к благочестию, к спокойствию души, к сокрушению.

Поэтому не будем беспечны, возлюбленные, но снова приложим большое усердие: исправившиеся – к тому, чтобы сохранить себя исправными, чтобы как-нибудь не отступить и не возвратиться вспять; а остающиеся еще позади – чтобы восстать и постараться восполнить недостающее. Между тем исправившиеся, простирая руки к еще не достигшим этого, как бы к плавающим в море, пусть примут их в пристань, чуждую клятв. Не клясться – это пристань поистине безопасная, пристань, в которой не утопают от поднимающихся ветров. Хотя бы вспыхнул гнев, вражда, ненависть, или что-нибудь подобное, душа остается в безопасности, так что не произнесет ничего такого, чего не должно произносить, потому что она не подчинила себя ни нужде, ни закону. Посмотри, что сделал из-за клятвы Ирод: он отсек главу Предтечи. "**Но ради клятвы**", говорит (Писание), "**и возлежавших с ним не захотел отказать ей**" (Мф.6:26). Что претерпели колена (израильские) из-за клятвы касательно колена Вениаминова (Суд.11:1-10)? Что потерпел из-за клятвы Саул (2Цар.21:2)? Он нарушил клятву, а Ирод совершил дело хуже клятвопреступления – убийство. Ты знаешь также, что потерпел Иисус (Навин) из-за клятвы касательно гаваонитян (Нав.9:15). Клятва, поистине, есть сеть сатанинская. Расторгнем же эти узы и устроим себя так, чтобы нам легко было воздерживаться от нее. Освободимся от этой сети сатанинской и убоимся заповеди Господа, приучим себя к лучшему, чтобы, простираясь вперед и исполнив эту и прочие заповеди, нам сподобиться благ, обещанных любящим Его, – по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса

Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 14

"Встав же в синедрионе, некто фарисей, именем Гамалиил, законоучитель, уважаемый всем народом, приказал вывести Апостолов на короткое время" (Деян.5:34).

1. Этот Гамалиил был учителем Павла и достойно удивления, как он, будучи так благоразумен и, притом, законоучитель, еще не уверовал. Не может быть, чтобы он остался совершенно неверовавшим, как видно и из слов его, в которых он предлагает свой совет. "**Приказал**", говорит (писатель), "**вывести Апостолов на короткое время**". Посмотри и на благоразумие его речи, и на то, как он тотчас привел их в страх. Чтобы не навлечь на себя подозрения в согласии с теми (апостолами), он обращается как бы к единомыслящим с ним, и выражается не слишком резко, но говорит им, как бы опьяневшим от ярости, так: "**мужи Израильские! подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать**" (ст. 35). Не поступайте, говорит, просто и как попало. "**Ибо незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли**" (ст. 36). Вразумляет их примерами, – именно, чтобы успокоить их, указывает на (человека), увлекшего за собою очень многих. Прежде указания на примеры, он говорит: "**подумайте сами с собою**"; а после указания выражает свое мнение так: "**после него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались. И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками**" (ст. 37-39). Как бы так говорил: погодите; если и эти явились сами по себе, то ничто не помешает и им рассеяться. "**Берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками**" (ст. 39). Отклоняет их и невозможностью, и бесполезностью. Не сказал, кем те были истреблены, но просто: "**рассыпались**", может быть, считая излишним (говорить о том). А последующими словами научает их: если это дело человеческое, то не будет нужды вам беспокоиться, а если Божие, то и при всех усилиях вы не в состоянии будете преодолеть. Речь его показалась разумною, так что они послушались и (решились) не убивать апостолов, а только подвергнуть бичеванию. "**Они послушались его**", говорит (писатель), "**и, призвав Апостолов, били их и, запретив им говорить о имени Иисуса, отпустили их**" (ст. 40). Смотри, после каких чудес они подвергаются бичеванию. Но, несмотря на то, проповедь их еще с большею силою продолжалась, и они учили и дома, и в храме. "**Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие. И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе**" (ст. 41, 42). "**В эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей**" (Деян.6:1). Не в те именно дни, о которых говорится (выше), но, как обыкновенно употребляется в Писании, об имевшемся случиться впоследствии времени (писатель) говорит, как бы о происходившем тогда же; потому он так и выразился. Эллинами, я думаю, он называет тех, которые говорили по-эллински, потому что тогда и евреи говорили по-эллински. Вот и еще искушение; или лучше сказать, если захочешь вникнуть, то и ты увидишь, что с самого начала (у них) была борьба и извнутри, и отвне. "**Тогда двенадцать Апостолов, созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах**" (ст. 2). Справедливо; необходимому нужно предпочитать более необходимое. Но смотри, как они тотчас же и об этом прилагают попечение, и проповеди не оставляют. А

как они были достопочтеннее (других), то поэтому и получают высшее назначение. "**Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости; их поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова. И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго**" (ст. 3-5). Так и эти исполнены были веры, – которых и избрали, чтобы не случилось того же, что было с Иудой, с Ананией и Сапфирою. "**И Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников; их поставили перед Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки. И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере**" (ст. 5-7). Но обратимся к вышесказанному. "**Мужи Израильские! подумайте сами с собою**". Посмотри, прошу, с какою кротостью здесь говорит Гамалиил и как кратко выражается пред ними; и не представляет древних примеров, хотя и имел их, но указывает на недавние, которые могли убедить особенно сильно. Потому и прикровенно выражается так: "**незадолго перед сим**", как бы говоря: за несколько дней. Если бы он прямо сказал: отпустите этих людей, то и на себя навлек бы подозрение, и речь его не имела бы такой силы; а при помощи примеров она получила надлежащую силу. Для того он и вспоминает не один пример, а и другой, хотя мог бы привести и третий, обилием их показывая и справедливость своих слов, и их отклоняя от убийственного намерения. "**Отстаньте от людей сих и оставьте их**".

2. Смотри, как он кроток. Он говорит не длинную речь, но краткую; и о тех (примерах) упоминает не с гневом: "**И все, которые слушались его, рассеялись и исчезли**". Говоря это, он вовсе не произносит хулы на Христа, но достигает того, чего преимущественно желает. "**Если это**", говорит, "**предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится**". Здесь, кажется мне, он предлагает им следующее умозаключение: если же не разорится, то, значит, это дело не человеческое. "**Берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками**". Сказал это с тем, чтобы удержать их и невозможностью и бесполезностью. "**Если от Бога, то вы не можете разрушить его**". Он не сказал: если Христос есть Бог, потому что самое дело доказывало это, не утверждал и того, что это дело не человеческое или что оно Божеское; но убедить их в этом предоставил будущему времени, и убедил. Если же он убедил их, то скажут, для чего они подвергли апостолов бичеванию? Неопровержимой справедливости слов его они не могли воспротивиться; но, несмотря на то, удовлетворили свою ярость; и, кроме того, опять надеялись таким образом устрашить (апостолов). К большему убеждению их ему способствовало и то, что он говорил это в отсутствии апостолов; и сладость его слов, и справедливость говоримого убеждали их. Он почти был для них проповедником евангелия; или лучше сказать, как бы обращается к ним с таким рассуждением: вы убедились, что вы не в силах разорить, – почему же вы не уверовали? Их проповедь так велика, что (получает) свидетельство и от врагов. Там восстали четыреста человек и затем много народа, а здесь первоначально было только двенадцать; следовательно, вам не нужно страшиться многочисленности, нападающей на вас. "**Если это дело – от человеков, то оно разрушится**". Он мог бы указать еще на другого египетского (возмутителя); но об этом говорить было бы уже излишне. Видел ли ты, как он в заключение речи своей устрашил их? Для того он и не высказывает своего мнения прямо, чтобы не показаться защитником апостолов; но выводит заключение из последствий дела. Он не решился прямо сказать, что это дело человеческое, или что оно от Бога; если бы он сказал, что оно от Бога, то они стали бы противоречить; а если бы (сказал, что оно) человеческое, то они тотчас бы восстали снова. Поэтому он советует им дождаться конца, сказав: "**отстаньте от людей сих и оставьте их**". А они опять угрожают апостолам, хотя и зная, что нисколько не будут иметь успеха, но все же настаивая на своем. Такова злоба: она часто домогается невозможного. После явился Иуда. Об этом подробнее можете узнать из книг Иосифа (Флавия), который

обстоятельно излагает историю этих событий (Иуд. древн. кн. 18, гл. 1, и кн. 20, гл. 2). Видел ли ты, какое Гамалиил имел дерзновение, когда сказал, что это "**от Бога**", так как из самих дел убедил их в этом уже после? Действительно, велико дерзновение, велико беспристрастие! "**Они послушались его**", говорит (писатель), "**и, призвав Апостолов, били их и, запретив им говорить о имени Иисуса, отпустили их**". Они устыдились мнения советника и потому оставляют намерение умертвить апостолов, только подвергнув бичеванию, отпускают их. "**Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие**" (ст. 41). Каких знамений это не удивительнее! Ничего такого не было с древними, хотя и Иеремия за слово Божие подвергался бичеванию, и Илии угрожали, и прочим; между тем, здесь и этим самым, а не одними только знамениями, они являли силу Божию. Не сказал (писатель), что они не скорбели, но что, и скорбя, они радовались. Откуда это видно? Из последующего их дерзновения, потому что и после бичевания они непрестанно проповедовали. Свидетельствуя об этом, (писатель) говорит: "**в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе**" (ст. 42). "**В эти дни**". В каких? Когда это происходило, т.е., когда их бичевали, им угрожали и когда увеличивалось число учеников, тогда "**произошел у Еллинистов ропот**" (Деян.6:1). Быть может, оно возникло по причине множества (учеников), потому что в таком случае не может не быть затруднения. "**И из священников очень многие покорились вере**" (ст. 7). Этим намекает и указывает на то, что и из тех, кто были виновниками смерти Христовой, многие уверовали.

"**Произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей**" (ст. 1). Следовательно, для вдовиц было ежедневное служение. И смотри, как он называет это служением, а не просто милостынею, возвышая чрез то и подающих, и приемлющих. Это (небрежение о вдовицах) происходило не от недоброжелательства, но, вероятно, от невнимательности по причине многолюдства. Потому это и поставлено было на вид, – а зло было немаловажное, – чтобы тотчас же исправить его. Видишь ли, как и в начале были неприятности не только отвне, но и внутри? Но ты смотри не на то только, что это исправлено, но и на то, что это было великое зло. "**Итак, братия, выберите из среды себя семь человек**" (ст. 3). Не по собственному усмотрению они поступают, но сначала оправдывают себя пред народом. Так и теперь надлежало бы поступать. "**Нехорошо нам**", говорят, "**оставив слово Божие, пещись о столах**" (ст. 2). Сперва писатель указывает на несовместимость (этих обязанностей) и разъясняет, что невозможно ревностно выполнять то и другое вместе. Ведь и тогда, когда они приступали к рукоположению Матфия, сперва указали на необходимость этого дела, потому что одного недоставало, а надлежало быть двенадцати. Так и здесь они выяснили необходимость. Впрочем, не прежде сделали это, как выждав, пока возник ропот; после же того уже не медлили, чтобы он не усилился.

3. Смотри, они представляют дело на суд их, а сами предуказывают, чтобы это были (мужи) угодные всем и одобряемые всеми. Когда нужно было избрать Матфия, тогда говорили: "**которые находились с нами во всё время**" (Деян.1:21); но здесь не так, потому что и дело было не таково. Поэтому они и не предоставляют избрания жребию, и сами не совершают его, хотя они, движимые Духом, и могли бы избрать; но настаивают на том более, что окажется по свидетельству народа. Определить число и рукоположить, когда была такая нужда, было их дело; но избрать мужей (достойных) они предоставляют всем, чтобы не навлечь на себя подозрения в лицеприятии. Так и Бог повелел Моисею избрать старейшин, кого он знал. Для подобных распоряжений требуется много мудрости. Не подумайте, чтобы, кому не вверено было слово (учения), тому не нужна была и мудрость; нет, нужна была, и великая. "**А мы**", говорит, "**постоянно пребудем в молитве и служении слова**" (ст. 4). И в начале и в конце речи они оправдывают себя. "**Пребудем**",

говорят. Так нужно было (в этих делах поступать), не просто и не как случилось, но постоянно пребывать. "**И угодно было**", говорит (писатель), "**это предложение всему собранию**" (ст. 5). Это достойно их мудрости; все одобрили сказанное: так оно было разумно! "**И избрали**", говорит, – и здесь все избирают, – "**Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников; их поставили перед Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки**" (ст. 5-6). Отсюда видно, что они отделили избранных от народа, и сами привели их, а не апостолы. Заметь, как писатель не говорит ничего лишнего; он не объясняет, каким образом; но просто говорит, что они рукоположены были молитвою, потому что так совершается рукоположение. Возлагается рука на человека; но все совершает Бог, и Его десница касается головы рукополагаемого, если рукоположение совершается, как должно. "**И слово**", говорит, "**Божие росло и число**

учеников весьма умножалось" (ст. 7). Не без намерения он прибавил это, но чтобы показать, как велика сила благотворительности и распорядительности. Затем, намереваясь приступить к повествованию о происходившем со Стефаном, он наперед представляет причины того. "**И из священников очень многие покорились вере**". Они видели, что то, о чем предлагал им свое мнение начальник и учитель, они испытывают уже на самом деле. И достойно удивления, как народ не разделился при избрании тех мужей, и как не были уничижены пред ними апостолы.

А какой именно сан имели они и какое получили рукоположение, это необходимо рассмотреть. Не диаконское ли? Но эти распоряжения в церквах предоставляются не диаконам, а пресвитерам; притом, тогда не было еще ни одного епископа, а только апостолы. Потому, кажется мне, наименования диаконов и пресвитеров тогда не различались ясно и точно. По крайней мере, они были рукоположены на это (служение) и не просто были назначены, но о них молились, чтобы им была сообщена сила (благодати). Заметь, прошу, если нужны были для этого семь мужей, то как умножилось их имущество, как много было вдов! И молитвы совершались не просто, но с великим тщанием: потому-то и это дело, подобно проповеди, имело такой успех, так как в очень многом они успевали молитвами. Таким образом, им сообщены были и духовные (дары); они были посылаемы и в другие места; им вверено было и слово (учения). Но (писатель) не говорит об этом и не превозносит их, (внушая тем), что не следует оставлять порученного дела. Так и Моисеем (избранные старейшины) были научены – не все делать самим по себе (Исх.18:26). Потому и Павел говорит: "**только чтобы мы помнили нищих**" (Гал.2:10). Пойми, как они избрали их (диаконов). Постились, пребывали в молитве (Деян.2:42). Так и теперь должно бы быть. Этих же (писатель) назвал не просто духовными, но исполненными Духа и премудрости, показывая, что нужно было иметь великое любомудрие, чтобы сносить жалобы вдовиц. Что пользы, если иной, хотя не крадет, но все расточает? Или будет дерзок и гневлив? В этом отношении Филипп был достоин удивления. О нем (писатель) говорит: "**войдя в дом Филиппа благовестника, одного из семи диаконов, остались у него**" (Деян.11:8). Видишь, как у них ничего не делалось по (обычаю) человеческому? "**И число учеников весьма умножалось в Иерусалиме**" (ст. 7). В Иерусалиме возрастало число (верующих). Удивительно, что, где Христос был предан смерти, там и распространилась проповедь (о Нем). И не только никто из учеников не соблазнился, видя, что апостолы подвергаются бичеванию, одни им угрожают, другие искушают Духа, а иные ропщут, но все более умножалось число веровавших. Так они были вразумлены происшествием с Ананиею, и очень большой был страх между ними. Заметь, прошу, каким образом увеличивалось число верующих. Оно увеличилось уже после искушений, а не прежде того. Посмотри, сколь велико и человеколюбие Божие. Из тех самых архиереев, которые возбуждали народ к убиению (И. Христа), которые взывали

и говорили: "**других спасал, а Себя Самого не может спасти**" (Мф. 27:42), из тех самых "**очень многие**", говорит, "**покорились вере**" (ст. 7).

4. Будем же подражать Ему и мы. Он принял их, а не отверг. Так будем воздавать и мы своим врагам, хотя бы они причинили нам бесчисленное множество зол. Всем, что есть у нас доброго, воздадим им; не преминем оказывать и им благодеяния. Ведь если, терпя зло, можно удовлетворить ярость их, то гораздо больше – благодетельствуя им. Первое меньше последнего, потому что не все равно – благодетельствовать врагу, и пожелать или быть готову претерпеть (от него) большее зло. От последнего перейдем и к первому, что (и составляет) преимущество учеников Христовых. Они (иудеи) распяли Его, пришедшего благотворить им, подвергли бичеванию учеников Его, и после всего этого Он удостаивает их такой же чести, как и учеников Своих, сообщая и тем Свои блага наравне с этими. Будем, увещеваю вас, подражать Христу; в этом должно подражать Ему; это делает (человека) равным Богу; это есть дело вышечеловеческое. Возлюбим милосердие: оно есть руководитель и учитель любомудрия. Тот, кто научился быть милосердым к несчастному, научится и не злопамятствовать; а, научившись этому, в состоянии будет и благодетельствовать врагам. Научимся сострадать несчастьям ближних; тогда научимся переносить от них и зло. Спросим самого того, кто враждует против нас: не осуждает ли он сам себя, не желал ли бы и он быть любомудрым, не скажет ли он, что все это происходит от гнева, от малодушия или от досады, не хотел ли бы и он быть лучше в числе оскорбляемых и молчаливо переносящих (обиды), нежели в числе оскорбляющих и неистовствующих, не с удивлением ли и он отходит от переносящего (обиды) терпеливо? Не подумай, будто это делает (людей) презренными. Ничто так не делает презренными, как нанесение обид; и ничто так не делает почтенными, как перенесете обид. Первый (причиняющий обиды) есть злодей, а последний (переносящий обиды) есть человек любомудрый; тот ниже человека, а этот равен ангелам. Хотя бы (оскорбляемый) был и меньше оскорбителя, однако и он, если бы захотел, мог бы мстить; а как он не делает этого, то все и сострадают ему, а того ненавидят. Чтож? Не гораздо ли поэтому он лучше первого? На того все будут смотреть, как на безумного, а на него, как на благоразумного. Поэтому, если кто станет побуждать тебя осудить кого-нибудь, скажи ему: я не могу сказать что-нибудь худое про него; боюсь, что он, быть может, не таков. Никогда не говори (худого о другом) даже и в уме, тем более пред другими. Не ропщи на него и перед Богом. Если узнаешь, что об нем отзываются худо, защити его; скажи: это слова страсти, а не человека, – гнева, а не друга, – исступления, а не души. Так будем рассуждать при всяком прегрешении. Не ожидай, пока огонь возгорится, но прежде этого потуши его; не раздражай дикого зверя, но удержи прежде, чем он раздражится; ты уже не в состоянии будешь потушить, когда пламя разгорится. И что о нем сказали? Что он безумен и глуп? Но к кому более относятся эти слова: к тому ли, о ком говорят, или – кто говорит? Последний, хотя бы был очень мудрый человек, заслуживает название глупого; а первый, хотя бы и не был умен, (заслуживает название) человека благоразумного и любомудрого. Кто глуп, скажи мне: тот ли, кто приписывает другому то, чего на самом деле нет, или тот, кто и при этом случае не смущается? Если оставаться спокойным, когда беспокоят, есть знак любомудрия, то раздражаться без всякого побуждения не есть ли великое безумие? Я уже не говорю о том, какое место наказания уготовано оскорбляющим и злословящим ближнего (Мф.5:22). Но еще что сказали о нем? Что он бесчестный из бесчестных, низкий из низких? Опять (говорящий это) обращает поношение на себя самого. Тот окажется честным и почтенным, а этот поистине низким. Поставлять в укоризну такие вещи, т.е. незнатность происхождения, подлинно свойственно душе низкой; а тот будет великим и достойным удивления, если он нисколько не думает об этом, но остается в таком положении, как будто бы о нем говорили, что он имеет нечто превосходное пред прочими. Скажут ли, что он прелюбодей, и тому подобное? В таком случае можно и посмеяться: когда совесть не укоряет, тогда не может быть места гневу. Поняв, какие дурные и

отвратительные произносят выражения, не следует скорбеть и от этого, потому что (произносящий их) уже открыл то, о чем всякий мог бы узнать впоследствии времени, а чрез то сделал себя для всех уже не заслуживающим доверия, как человек, не умеющий скрывать недостатков ближнего, и таким образом постыдил более себя самого, нежели другого, заградил для себя всякую пристань и подверг себя страшной ответственности на будущем суде. Все будут отвращаться не столько от того, сколько от его самого, как обнаружившего то, чего не следовало бы открывать. И ты не все говори, что знаешь, но об ином умолчи, если хочешь снискать себе добрую славу. Чрез это ты не только опровергнешь сказанное (другими) и прикроешь (недостатки ближнего), но сделаешь и другое доброе дело: не попустишь произносить суд против себя самого. О тебе худо отзывается кто-нибудь? А ты скажи: если бы он знал все, то и не это только сказал бы (обо мне). Вы изумляетесь и удивляетесь сказанному? Но так должно поступать. Все, сказанное вам, мы заимствуем отвне не потому, чтобы в Писаниях не было бесчисленных на то доказательств, но потому, что это скорее может пристыдить (вас). И Писание иногда имеет целью пристыдить, как, напр., когда говорит: "**не так же ли поступают и язычники?**" (Мф.5:47) Пророк Иеремия привел в пример сыновей Рихава, которые не согласились нарушить заповеди отца своего (Иер.25). Мариам и другие вместе с нею роптали на Моисея; но он своею молитвою немедленно избавил их от наказания и не попустил, чтобы кто-нибудь узнал, что они за него наказаны (Числ.12). А у нас не так; напротив, мы того особенно и хотим, чтобы все знали, что обида осталась не отомщенною. Доколе мы будем жить (жизнью) земною? Не может быть борьбы, когда только одна (противящаяся) сторона; если вооружишь ту и другую сторону неистовствующих, то еще более раздражишь их; а если (только) правую или левую, то укротишь ее ярость. Наносящий удары, когда имеет пред собою человека, сопротивляющегося ему, то еще более раздражается; а когда – покоряющегося, то скорее утихает и удары обращаются на него самого. Не столько укрощает силу врага человек искусный в борьбе, сколько человек оскорбляемый и не отвечающий тем же, потому что враг, наконец, отступает от него посрамленный и осужденный, во-первых – своею совестью, и, во-вторых – всеми видевшими. Есть одна пословица: почитающий (других) почитает самого себя. Следовательно, и посрамляющий (других) посрамляет самого себя.

Никто, снова скажу, не может обидеть нас, кроме нас самих; и бедным никто не сделает меня, кроме меня самого. Объясним это так: пусть будет у меня душа низкая и все жертвуют мне деньги. Что из этого? Пока душа не переменится, то все напрасно. Пусть будет у меня душа великая и все берут от меня деньги. Что из этого? Пока ты не сделаешь ее низкою, то нет никакого вреда. Пусть жизнь моя будет нечистая, а все говорят обо мне противное. Что из этого? Они хотя и говорят так, но в душе судят обо мне не так. Или пусть жизнь моя будет чистая, а все говорят обо мне противное. Что ж из этого? Ведь они сами себя осудят в своей совести, потому что говорят не по убеждению. Не нужно принимать к сердцу как похвал, так и порицаний. Что я говорю? Никто не в состоянии будет повредить нам клеветою или каким-нибудь порицанием, если мы захотим того. Объясним это так: пусть кто-нибудь влечет (нас) на судилище, пусть злословит, пусть, если хочешь, домогается лишить жизни. Чтож значит – несколько времени потерпеть это невинно? Но это самое, скажут, и есть зло. Напротив, пострадать невинно – это и есть добро. Что? Неужели нужно страдать не невинно? Так, скажу при этом, один философ из внешних (язычников), когда услышал, что такой-то лишен жизни, и когда один из учеников его сказал: жаль, что несправедливо, обратившись к нему, сказал: чтож, тебе хотелось бы, чтоб – справедливо (Сократ у Ксенофонта)? И Иоанн (Креститель) не несправедливо ли лишен жизни? Кого же ты более жалеешь, того ли, кто лишен жизни несправедливо, или кто напротив? Не считаешь ли ты последнего несчастным, а первому не удивляешься ли? Что же несправедливого потерпел человек, который и от самой смерти получил большую пользу, а не только что никакого вреда? Если бы (невинная

смерть) делала бессмертного смертным, тогда подлинно был бы вред. Если же смертного, которого по природе чрез несколько времени должна постигнуть смерть, кто-нибудь поспешил предать смерти со славою, то какой здесь вред? Итак, пусть будет у нас душа хорошо настроена, и тогда не будет нам никакого вреда отвне. Но ты не в славе? Чтож из этого? Что мы сказали о богатстве, тоже и, о славе. Если я велик, то ни в чем не буду нуждаться; а если тще- славен, то чем больше буду приобретать, тем большего буду желать. Тогда-то в особенности я и буду знатен и достигну большей славы, когда буду презирать славу. Итак, познав это, возблагодарим Христа Бога нашего, даровавшего нам такую жизнь, и будем проводить ее во славу Его, так как Ему подобает слава со безначальным Отцом и Святым Его Духом во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 15

"А Стефан, исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе" (Деян.6:8).

1. Смотри, как и в числе семи один был главный и имел первенство. Хотя рукоположение было общее, но он, однако, получил большую благодать. Он не творил знамений прежде, но когда уже сделался известным, чтобы явно было, что для этого не довольно одной благодати, но нужно еще рукоположение, которое умножало (дары) Духа. Они и прежде были исполнены Духа, но то от купели (крещения). "**Некоторые из так называемой синагоги**" (ст. 9). Восстанием (писатель) опять называет раздражение и гнев их. Посмотри, и здесь великое множество (восставших); но уже другой вид обвинения. Так как Гамалиил воспрепятствовал им судить апостолов за то (дело), то они взносят обвинение другого рода. "**Некоторые из так называемой синагоги Либертинцев и Киринейцев и Александрийцев и некоторые из Киликии и Асии вступили в спор со Стефаном; но не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил. Тогда научили они некоторых сказать: мы слышали, как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога**" (ст. 9-11). Для составления обвинения, утверждают, будто он говорит против Бога и Моисея. Для того и состязались с ним, чтобы вынудить его сказать что-нибудь подобное. Но он, хотя потом объяснялся очень прямо, но говорил только о прекращении закона, или даже не говорил ясно, а только намекал на это, потому что, если бы он сказал об этом ясно, то не было бы нужды ни в клеветниках, ни в лжесвидетелях. Синагоги были разные: либертинцев и киринейцев. Киринейцы – это те, которые имели синагоги по ту сторону Александрии, между тамошними народами; но, может быть, они жили и здесь (в Иерусалиме), чтобы не быть в необходимости часто приходить (сюда). А либертинцами называются римские вольноотпущенники. Так как здесь жило много иностранцев, то и они имели синагоги, в которых читали закон и совершали молитвы. Заметь, прошу, Стефан начинает учить, будучи вынужден к тому; а они со своей стороны возбуждаются ненавистью против него не только за знамения, но и потому, что он превосходил их в слове, и, как на (человека) нестерпимого для них, представляют лжесвидетелей. Они не хотели лишать (апостолов) жизни просто, но по судебному приговору, чтобы и славе их повредить, и тех, которые отступят от них, привлечь на свою сторону: они надеялись таким образом устрашить их. И не сказали: говорит; но: "**не перестает говорить**", чтоб усилить обвинение. "**И возбудили народ и старейшин и книжников и, напав, схватили его и повели в синедрион. И представили ложных свидетелей, которые говорили: этот человек не перестает говорить хульные слова на святое место сие и на закон**" (ст. 12, 13). "**Не перестает**", говорят, выражая тем, будто он (теперь же) делает это дело. "**Ибо мы слышали, как он говорил, что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей**" (ст. 14). "**Иисус**", говорят, "**Назорей**", – прибавляя для укоризны, – "**разрушит место сие и переменит обычаи**". Тоже говорили они, когда и Христа обвиняли: "**Разрушающий**

храм" (Мф.27: 40). Они весьма благоговели пред храмом, при котором и жить хотели, – также пред именем Моисея. Обвинение, заметь, двоякое: "**разрушит**", говорят, "**место сие и переменит обычаи**". И не только двоякое, но и тяжкое, и исполненное опасностей. "**И все, сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лице его, как лице Ангела**" (ст. 15). Так могут блистать находящиеся и на низшей степени (служения)! В самом деле, скажи мне, чего у него не доставало в сравнении с апостолами? Не творил ли и он знамений? Не явил ли и он великого дерзновения? "**Видели**", говорит (писатель), "**лице его, как лице Ангела**". Это была, следовательно, благодать; в этом состояла и слава Моисея. Бог соделал его исполненным такой благодати, кажется мне, для того, чтобы в то время, как он намеревался говорить, самим видом его тотчас поразить их. Могут, подлинно могут лица, исполненные духовной благодати, быть вожделенными для любящих и поразительными и страшными для ненавидящих. Или, быть может, (писатель) указал на это, как на причину, почему они дозволили ему говорить речь. Что же архиерей? "**Так ли это?**", говорит он (Деян.7:1). Видишь, как вопрос его кроток и не заключает в себе ничего оскорбительного? Поэтому и Стефан кротко начинает свою речь и говорит: "**мужи братия и отцы! послушайте. Бог славы явился отцу нашему Аврааму в Месопотамии, прежде переселения его в Харран**" (ст. 2). С самого начала он уже опровергает их мнение и этими словами несомненно доказывает, что и сам храм и обычаи – ничто, и что они не в состоянии остановить проповеди, а Бог всегда творит и устрояет все, что кажется невозможным. Посмотри, как последовательно в речи своей он доказывает, что те, которые всегда пользовались особенным благоволением (Божиим), воздали своему Благодетелю противным и замышляют невозможное. "**Бог славы явился отцу нашему Аврааму и сказал ему: выйди из земли твоей и пойди в землю, которую покажу тебе**" (ст. 2-3).

2. Не было ни храма, ни жертвоприношения, но Авраам сподобился Божественного видения, хотя имел предками персов (т.е. народ, живший в пределах Халдеи и Месопотамии) и жил на чуждой земле. И почему (Стефан) в начале своей речи назвал Бога "**Богом славы**"? Потому, что Он бесславных соделал славными; и для того, чтобы научить, что, если Он прославил тех, то тем более прославит их (апостолов). Видишь ли, как он отвлекает их от предметов чувственных и прежде всего от места, так как речь шла о месте? "**Бог славы**". Если Он – Бог славы, то, очевидно, Он не имеет нужды в прославлении от нас, или посредством храма; Он сам есть источник славы. Поэтому не подумайте прославлять Его таким образом. Как же, скажут, ведь Писание говорит это об отце Авраама (Быт.11:31)? Оно не говорит ничего лишнего, ничего кроме самого необходимого. Что полезно было узнать, тому только оно и научило нас, именно, что (Фарра) после откровения сыну вышел вместе с ним; а больше ничего не говорит о нем, потому что он вскоре по переселении в Харран скончался. "**Выйди из родства твоего**" (ст. 3). Этим Стефан показывает, что они не чада Авраама. Каким образом? Тем, что тот был послушен, а они непослушны; и из того, что он сделал по повелению (Божию), мы видим, что он претерпевал труды, а они лишь собирают плоды, между тем как все праотцы терпели озлобления. "**Тогда он вышел из земли Халдейской и поселился в Харране; а оттуда, по смерти отца его, переселил его Бог в сию землю, в которой вы ныне живете. И не дал ему на ней наследства ни на стопу ноги**" (ст. 4, 5). Смотри, как он отвлекает их от земли; не сказал: даст, но: "**не дал**", выражая тем, что все от Него и ничего от них. Ведь (Авраам) вышел, оставив родных и отечество. Почему же "**не дал**"? Потому что (эта земля) была образом другой, которую Бог и обещал дать ему. Видишь ли, что не просто Стефан ведет речь свою? "**Не дал ему**", говорит, "**а обещал дать ее во владение ему и потомству его по нем, когда еще был он бездетен**" (ст. 5). Опять отсюда открывается всемогущество Божие и то, как Он творит все, что (кажется) невозможным: когда Авраам был еще в Персии и на таком расстоянии, Бог сказал, что Он сделает его владыкою Палестины. Но обратимся к вышесказанному. "**Смотря на него**", говорится,

"**видели лице его, как лице Ангела**". Отчего в Стефане процвела такая благодать? Не от веры ли? Очевидно, что так; о нем выше засвидетельствовано, что он был исполнен веры. Следовательно, можно иметь благодать и кроме (благодати) исцелений; потому и апостол говорит: "**одному дается Духом слово мудрости, иному дары исцелений**" (1Кор. 12:8,9). Здесь словами: "**видели лице его, как лице Ангела**", кажется мне, намекается на то, что он был исполнен благодати, как говорится это и о Варнаве (Деян.4:36). Отсюда мы видим, что люди простые и незлобивые возбуждают к себе особенное удивление и преимущественно бывают исполнены благодати. "**И представили ложных свидетелей, которые говорили: этот человек не перестает говорить хульные слова**". Прежде об апостолах говорили, что они проповедовали воскресение, и что к ним стекалось множество народа; а теперь, – что они исцеляли. О, безумие! За что нужно было благодарить, за то осуждали, – и тех, которые были сильны делами, надеялись преодолеть словами (как поступали и со Христом) и постоянно старались уловить их в словах, потому что стыдились прямо схватить их, не имея ничего, в чем бы обвинить их. И посмотри, судьи не сами лжесвидетельствуют, – потому что их уличили бы, – а подкупают других, чтобы это дело не показалось насилием. Тоже самое, как видим, было и со Христом. Видел ли ты силу проповеди, как она действует, несмотря на то, что (проповедники) не только подвергаются бичеванию, но и побиваются камнями, не только ведутся на суд, но и отвсюду изгоняются? И здесь, несмотря на лжесвидетельство, (враги) не только не преодолевали, но и не в состоянии были противостоять, хотя были крайне бесстыдны; с такою силою она поражала их, хотя они делали много ухищрений, подобно как и против Христа, для умерщвления Которого употребляли все свои усилия, так что после того для всех стало ясно, что это была борьба не людей между собою, но борьба между Богом и людьми. Посмотри, что говорят лжесвидетели, поставленные теми, которые злодейски привлекли его в судилище. "**Мы слышали, как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога**". Бесстыдные! Вы сами совершаете дела хульные против Бога и не думаете об этом, а притворяетесь ревнующими за Моисея? Моисей потому и поставлен наперед, что о Божием они немного заботились; о Моисее упоминают и выше и ниже: "**Моисей**", говорят, "**который вывел нас**" (Деян.7:40), желая тем возбудить легкомыслие народа. Как человек богохульный мог бы остаться победителем? Как человек богохульный мог бы творить такие знамения в народе? Но такова зависть; она подвергшихся ей делает безумными, так что они даже не понимают, что говорят. "**Мы слышали**", говорят, "**как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога**"; и далее: "**этот человек не перестает говорить хульные слова на святое место сие и на закон**", и прибавляют: "**которые передал нам Моисей**", а не Бог (Быт.6:11-14).

3. Видишь ли, как обвиняют его в нарушении общественного порядка и в нечестии? Но что ему не свойственно было говорить это и быть так дерзким, это очевидно для всякого; и самое лицо его отличалось кротостью. Так, когда не клеветали (на апостолов), то Писание не говорит ничего подобного; а как здесь все – клевета, то Бог естественно опровергает ее и самым видом его. На апостолов не клеветали, но им запрещали; а на Стефана клевещут; потому прежде всего самое лице защищает его. Может быть, оно-то пристыдило и архиерея. Выражением: "**обещал**" Стефан указывает на то, что обетование дано было прежде места, прежде обрезания, прежде жертвы, прежде храма, и что они не по достоинству своему получили и обрезание, и закон, но что единственно за послушание (Авраамово) наградою была эта земля, и даже исполнение обетования произошло еще прежде установления обрезания; что все это были прообразы, и оставление отечества и родных по повелению Божию (там ведь и отечество, куда приведет Бог), и неполучение здесь наследия; что иудеи (отрасль) персов, если надлежащим образом исследовать; что словам Божиим должно повиноваться и без знамений, хотя бы и встретилось что-нибудь прискорбное, так как и патриарх оставил гроб отца и все из повиновения Богу. Если же отец его не сопутствовал ему при переселении его в Палестину, потому что не веровал (в

истинного Бога), то тем более потомки не будут участвовать в этом, хотя бы они прошли и большую часть пути, потому что не подражали добродетели праотца. "**Обещал**", говорит, "**дать ее во владение ему и потомству его по нем**". Здесь указывается и великое человеколюбие Божие, и вера Авраама. Уверенность Авраама в этом, еще "**когда еще был он бездетен**", доказывает и послушание, и веру его, хотя обстоятельства представляли противное, т.е., по пришествии он не получил ни "**на стопу ноги**", не имел и сына, что могло препятствовать вере. Зная это, будем и мы принимать все, что обещает Бог, хотя бы иногда и случалось противное; впрочем, у нас не бывает противного, но все совершенно последовательно. Где обещают (одно приятное), а между тем случается напротив, там действительно бывает противное; а у нас наоборот: здесь Он обещал скорби, а там блаженство. Зачем же смешивать (различные) времена? Зачем горнее делать дольним? Скажи мне, ты скорбишь, что живешь в бедности и смущаешься от этого? Не смущайся; достойно скорби то, если там тебе придется мучиться; а настоящая скорбь может быть причиною блаженства. "**Эта болезнь**", говорит (Господь), "**не к смерти**" (Ин.11:4). Будущая скорбь есть наказание, а настоящая – вразумление и исправление. Настоящая жизнь есть время борьбы; следовательно, нужно бороться; здесь война и брань. На войне никто не ищет покоя, на войне никто не думает об удовольствиях, никто не заботится об имуществе, никто не беспокоится о жене; но печется только об одном, как бы одолеть врагов. Так будем поступать и мы. И если мы победим и возвратимся с трофеями, то Бог подаст нам все. Об одном только нам надобно стараться, как бы одолеть диавола; а лучше сказать, и это не есть дело наших усилий, но все – благодати Божией. Об одном только нам надобно стараться, чтобы приобрести благодать Его, чтобы стяжать себе помощь Его. "**Если Бог за нас, кто против нас?**", говорится (Рим.8:31). Об одном только будем стараться, чтобы Он не стал врагом нашим, чтобы Он не отвратился от нас.

4. Не перенесение бедствий есть зло, но грех – зло. Он великое бедствие, хотя бы мы жили в удовольствиях; не говорю, в будущей жизни, но и в настоящей. Что, – думаешь, – значит испытывать угрызения совести? Не хуже ли это всякой пытки? Я хотел бы тщательно расспросить живущих во зле, не помышляют ли они иногда о своих грехах, не трепещут ли они при этом, не страшатся ли, не скорбят ли, не ублажают ли тех, которые живут в посте, в горах, в любомудрии. Ты хочешь получить блаженство там? Потерпи здесь ради Христа; ничто не может сравняться с этим блаженством. Апостолы радовались, когда их подвергали бичеванию. К этому увещевает и Павел, когда говорит: "**радуйтесь всегда в Господе**" (Флп.4:4). Как можно, скажут, радоваться там, где узы, где пытки, где судилища? Здесь-то в особенности и можно радоваться. А как можно радоваться при этих условиях, послушай. Кто ничего не знает за собою, тот всегда будет в великой радости, так что, чем больше будешь говорить ему о бедствиях, тем больше доставишь ему удовольствия. Вот, скажи мне, воин, получивший множество ран и окончивший брань, не с великим ли удовольствием будет возвращаться домой, имея в самых ранах основание к своему ободрению, славе и знаменитости? И ты, если бы мог сказать то же, что сказал Павел: "**я ношу язвы Господа Иисуса**" (Гал.6:17), то мог бы сделаться великим, славным и знаменитым. Но теперь нет гонений? Восстань против тщеславия; если кто скажет против тебя что-нибудь, не убойся выслушать о себе худое ради Христа. Восстань против тирании, гордости; восстань против нападений гнева, против мук вожделения; и это – раны, и это – мучения. Скажи мне, какое из мучений всех ужаснее? Не то ли, когда душа мучится и терзается? Там (в телесных мучениях) страдает больше тело, а здесь все относится к душе. Она болезнует, когда (человек) гневается, завидует или что-нибудь подобное делает, или лучше сказать – когда страдает: ведь иметь гнев, зависть, – не значит действовать, но страдать (πάσχειν); потому и называются страстями (πάθη) души, ранами, язвами. Подлинно, это страдание, и даже ужаснее страдания.

Поймите же, гневающиеся, что вы делаете это по страсти. Следовательно, кто не гневается, тот не страдает. Видишь ли, что не тот страдает, кто терпит обиды, а тот, кто наносит их, о чем я уже говорил? А что он действительно страдает, это видно и из того, что такое состояние называется страстью, и из самого тела его, так как от гнева рождаются болезни: тупость зрения, сумасшествие и многие другие. Но, скажешь, он оскорбил моего сына, моего слугу? Не подумай, что с твоей стороны будет слабость, если и сам ты не сделаешь того же. Скажи мне, хорошо ли это было бы? Нельзя, думаю, сказать, (что хорошо); поэтому не делай того, что не хорошо. Знаю, какие являются при этом гневные движения. А что, скажешь, если он окажет презрение, или опять будет досаждать? "**Обличай, запрещай, увещевай**" (2Тим.4:2); гнев побеждается кротостью; приди к нему и обличи. Впрочем, за себя самих и этого не должно делать, но за прочих делать это необходимо. Оскорбления, нанесенного твоему сыну, не считай обидой себе самому, пожалей также и о том, но не так, как бы ты сам был оскорблен; когда сын твой потерпел зло, то не ты пострадал, а тот, кто совершил зло. Укроти (гнев) – этот острый меч: пусть он остается в ножнах. Если мы обнажим его, то, увлекаясь им, часто будем употреблять его и безвременно; а если он будет скрыт, то хотя бы и случилась нужда, гнев укротится. Христос не желает, чтобы мы гневались даже за Него; послушай, что Он сказал Петру: "**возврати меч твой в его место**" (Мф.26:52); а ты гневаешься за сына? Научи и сына быть любомудрым; расскажи ему о страданиях Господа; подражай твоему Учителю. Когда апостолам предстояло терпеть поношения, Он не сказал: Я отомщу; но что? "**Меня гнали, будут гнать и вас**". Поэтому терпите мужественно; вы не больше Меня (Ин.15:20). Тоже скажи и ты своему сыну и рабу: ты не больше господина твоего. Но эти внушения любомудрия кажутся недостаточными? Увы, словом нельзя выразить так, как можно научиться самим опытом. Когда ты стоишь между двумя враждующими сторонами, то будь на стороне обижаемых, а не обижающих, – и узнаешь, не будет ли на твоей стороне победа, не получишь ли блистательных венцов. Посмотри, как Бог, будучи оскорбляем, отвечает кротко и милостиво: "**Где**", говорит Он, "**Авель, брат твой**"? Что же отвечает Каин? "**Не знаю; разве я сторож брату моему?**" (Быт.4:9) Что надменнее этого ответа? Если бы даже от сына кто-нибудь услышал это, или от брата, не принял ли бы такого поступка за оскорбление? Но Бог опять кротко отвечает: "**голос крови брата твоего вопиет ко Мне**". Но Бог, скажешь, выше гнева? Для того-то и снизошел Сын Божий, чтобы сделать тебя богоподобным, насколько это возможно для человека. Но это, скажешь, невозможно для меня, как для человека? Так мы представим тебе в пример людей же. И не подумай, что я укажу на Павла или Петра; нет, на людей меньше и гораздо ниже их. Раб Илия оскорбил Анну, сказав: "**доколе ты будешь пьяною?**". Что обиднее этого? Но что она? "**Я – жена, скорбящая духом**" (1Цар.1,14). Подлинно, нет ничего лучше скорби; она мать любомудрия. Эта самая жена, имея у себя соперницу, не оскорбила ее; но что? Прибегает к Богу и во время молитвы даже не вспоминает о ней, не говорит: меня оскорбляет такая-то, отомсти ей за меня; такого-то любомудрия была исполнена жена (устыдимся же мы – мужи), хотя вы знаете, что нет ничего равного ревности.

5. Мытарь, оскорбленный фарисеем, не воздал ему оскорблением, хотя бы и мог, если бы захотел; но с любомудрием перенес это, сказав: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**" (Лк.18:13). Мемфиваал, обвиненный и оклеветанный рабом, не сказал и не сделал ему ничего худого, даже пред самим царем (2Цар. 16:3; ср. 1Парал.8:35). Хочешь ли услышать о любомудрии и блудницы? Послушай, что говорил Христос, когда она отирала ноги Его волосами своими: "**мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие**" (Мф.21:31). Ты знаешь, как она стояла, плакала и омывала грехи свои? Посмотри же, как она не гневалась на фарисея, будучи им оскорбляема. "**Если бы**", говорит он, "**знал бы**", что эта жена есть "**грешница**", не допустил бы ее к Себе (Лк.7:39). Но она не сказала ему: что, скажи мне, сам ты чист ли от грехов? – а еще более сокрушалась, более

скорбела и проливала более горячие слезы. Если же и женщина, и мытари, и блудницы любомудрствуют, и, притом, прежде (получения) благодати, то какого прощения удостоимся мы, когда при такой благодати хуже диких зверей враждуем, угрызаем и терзаем друг друга?

Нет ничего постыднее гнева; ничего бесчестнее, ничего ужаснее, ничего неприятнее, ничего вреднее его. Говорю это не к тому, чтобы мы были кротки только в отношении к мужам, но чтобы ты терпел, если бы и жена досаждала тебе словами. Пусть и жена будет для тебя поприщем борьбы и училищем. Не безумно ли заниматься упражнениями, не приносящими никакой пользы и даже изнуряющими тело, а дом свой не делать училищем, которое доставляет нам венец прежде подвигов? Жена оскорбляет тебя? Не будь сам женщиной; ведь оскорблять свойственно женщине; это – болезнь души, порок. Не сочти бесчестным для себя, когда жена оскорбит тебя. Бесчестно, если ты оскорбляешь ее, а она любомудрствует; тогда ты поступаешь низко, тогда ты терпишь вред; если же ты, будучи оскорбляем, терпишь, то это – великое доказательство твоей силы. Говорю это не к тому, чтобы расположить женщин к нанесению обид, – да не будет! – но к тому, чтоб, если бы когда и случилось это по наущению сатанинскому, то вы терпели бы. Мужам, как сильным, свойственно переносить (обиды от) слабых. Если и слуга будет противоречить, ты перенеси с любомудрием; не то, чего он заслужил от тебя, говори и делай, но – что тебе нужно говорить и делать. Никогда, в оскорбление девицы, не произноси срамного слова; никогда не называй раба подлым, потому что этим ты унижаешь не его, а себя. Невозможно гневающемуся не выйти из себя, подобно морю, когда оно волнуется, или источнику остаться чистым, когда в него откуда-нибудь бросают грязь: так все здесь перемешивается, или, лучше сказать, все становится вверх дном! Если ты кого-нибудь ударил или разорвал на нем одежду, то причинил больше вреда себе самому; у него рана остается на теле и одежде, у тебя же на душе. Ее ты растерзал, ее ты поразил; всадника поверг под ноги лошадей, сделал то, что они влачат его, ниспровергнутого навзничь; и происходит тоже, как если возница, рассердившись на другого, сам потом влачится (по земле). Когда ты наказываешь или вразумляешь, или делаешь что-нибудь подобное, (делай) без ярости и гнева. Если наказывающий есть врач согрешающего, то как он может исцелить другого, причинив наперед зло себе и не исцеляя самого себя? Скажи мне, если какой-либо врач пойдет лечить другого, поранив наперед руку у себя или ослепив наперед свои глаза, – неужели в таком состоянии он исцелит другого? Нет, скажешь. Так точно и ты, когда кого наказываешь или вразумляешь, то пусть светло смотрят глаза твои. Не возмути ума своего, – иначе как совершишь ты исцеление? А он не может быть одинаково спокоен у человека не гнвающегося и разгневанного. Зачем, ниспровергнув учителя с его седалища, советуешься с ним, лежащим на земле? Не видишь ли, как судьи, намереваясь производить суд, садятся на своем седалище и в одежде благопристойной? Так поступи и ты: укрась душу свою одеждой судии (а она есть кротость), и тогда садись производить суд на своем седалище. Но, скажешь, не будет бояться? Нет, гораздо больше убоится. В противном случае, хотя бы ты сказал и правду, раб припишет это гневу, а если (скажешь) кротко, то он осудит сам себя; главное же, ты сделаешь угодное Богу, и таким образом сподобишься вечных благ, – по благодати, щедротам и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 16

"И сказал ему Бог, что потомки его будут переселенцами в чужой земле и будут в порабощении и притеснении лет четыреста. Но Я, сказал Бог, произведу суд над тем народом, у которого они будут в порабощении; и после того они выйдут и будут служить Мне на сем месте" (Деян.7:6, 7).

1. Смотри, за сколько лет (дано) это обетование и каков образ обетования, тогда как (не было) ни жертвы, ни обрезания. Здесь Стефан показывает, что сам Бог попустил иудеям пострадать и что (враги их) не останутся без наказания. "**Будут в порабощении и притеснении, произведу суд, сказал Бог**". Видишь ли? Обещавший и даровавший землю сперва попускает бедствия. Так и теперь: обещав царствие, Он попускает испытывать искушения. Если здесь чрез четыреста лет свобода, то что удивительного, если не иначе бывает и с царствием? Бог, однако, исполнил (Свое обетование) и от продолжительного времени слово Его не оказалось ложным, хотя они (иудеи) терпели не легкое рабство. Стефан не останавливается на одних наказаниях их, но возвещает и о дарованных им благах. Этим, кажется мне, он напоминает им о полученных ими благодеяниях. "**И дал ему завет обрезания. По сем родил он Исаака**" (ст. 8); и потом далее прибавляет: "**и обрезал его в восьмой день; а Исаак родил Иакова, Иаков же двенадцать патриархов. Патриархи, по зависти, продали Иосифа в Египет**" (ст. 8, 9). Тоже было и со Христом, так как Иосиф был прообразом Его. Это имея в виду, Стефан и излагает вполне его историю. Они не могли ни в чем обвинить его, но дурно поступили с ним, когда он пришел к ним с пищею. Посмотри, и здесь также обетование отдаленное, но, несмотря на то, наконец исполняется. "**Но Бог был с ним**"; и, притом, из-за них: "**и избавил его от всех скорбей его**" (ст. 10). Здесь он показывает, что они, сами того не зная, содействовали (исполнению) пророчества и сами были виновниками того, а бедствия обратились на них же самих. "**И даровал мудрость ему и благоволение царя Египетского фараона**" (ст. 10). "**Даровал мудрость ему и благоволение**", и это пред царем языческим, рабу и пленнику; его братья продали, а тот почтил. "**И пришел голод и великая скорбь на всю землю Египетскую и Ханаанскую, и отцы наши не находили пропитания. Иаков же, услышав, что есть хлеб в Египте, послал туда отцов наших в первый раз. А когда [они пришли] во второй раз, Иосиф открылся братьям своим**" (ст. 11-13). Они пришли купить (хлеба) и имели в нем нужду. Что же он? Он не только в этой нужде проявил им человеколюбие, но и объявил о том фараону и переселил их туда. "**И известен стал фараону род Иосифов. Иосиф, послав, призвал отца своего Иакова и все родство свое, душ семьдесят пять. Иаков перешел в Египет, и скончался сам и отцы наши; и перенесены были в Сихем и положены во гробе, который купил Авраам ценою серебра у сынов Еммора Сихемова. А по мере, как приближалось время исполниться обетованию, о котором клялся Бог Аврааму, народ возрастал и умножался в Египте, до тех пор, как восстал иной царь, который не знал Иосифа**" (ст. 13-18). Еще новая неожиданность: первая – голод, вторая – та, что они впали в руки брата, а третья – та, что царь издал повеление умерщвлять (потомков их); и, однако они спаслись от всего этого. Показывая (в этом) премудрость Божию, (Стефан) говорит далее: "**в это время родился Моисей, и был прекрасен пред Богом**" (ст. 20). Если удивительно, что Иосиф был продан братьями, то еще более удивительно, что царь воспитал того, кто впоследствии ниспроверг царство его, (воспитал) сам, долженствовавший погибнуть от него.

Видишь ли, как в (Писании) почти везде предъизображается воскресение мертвых? Подлинно, не все равно, совершается ли что-нибудь от самого Бога, или происходит от воли человеческой. А это произошло не от воли человеческой. "**И был силен в словах и делах**" (ст. 22). Этими словами выражает, что он был их избавитель, а они – неблагодарны к благодетелю. Как тогда (братья) были избавлены пострадавшим Иосифом, – так и теперь они избавлены пострадавшим, т.е., Моисеем. Что из того, если они не умертвили его самим делом? Они, подобно тем, умертвили его словом. Те продали (Иосифа) из своей страны в другую, чужую: а эти изгоняют (Моисея) из страны чужой в чужую; там – принесшего пищу, а здесь – руководившего их к Богу. Так и в этих событиях открывается справедливость сказанного Гамалиилом: "**если от Бога, то вы не можете разрушить его**" (Деян.5:39). Ты же видя, как гонимые бывают виновниками спасения гонителей, удивляйся премудрости и разуму Божию. Если бы первые не были гонимы, то последние

не спаслись бы. Настал голод, и они не погибли; и не только не погибли, но были спасены тем самым, кого хотели погубить. Вышло царское повеление, и не истребило их; но тогда более и умножались они, когда умер (царь), знавший их. Они хотели погубить своего избавителя, и не имели в этом успеха.

2. Видишь ли, как чрез то самое, чем диавол старался сделать тщетным обетование Божие, оно еще более исполнялось? Тогда-то и следовало им сказать, что Бог премудр и си-лен – извести нас оттуда. Премудрость Божия в том особенно открывалась, что и среди гонений народ умножался, будучи порабощен, озлобляем и умерщвляем. Так велика сила обетования! Ведь если бы они умножились в своей стране, то это было бы не столь удивительно. И не малое время они жили в чужой стране, – четыреста лет. Отсюда мы узнаем, сколь великое они обнаружили любомудрие, – потому что (египтяне) обращались с ними, не как господа с рабами, но как враги и притеснители. Поэтому Бог и предсказал им, что они получат совершенную свободу; это именно означают слова: "**будут служить Мне**" и "**и после того они выйдут**", и притом не без наказания (врагов их) (ст. 7). И посмотри, как Он, по-видимому, нечто предоставляет обрезанию, а между тем ничего не дарует ему; обетование (дано) прежде него, а оно после того. "**Патриархи**", говорит (Стефан), "**по зависти**"; Иосиф же не вредит им за то, а благодетельствует. "**Патриархами**" он называет праотцов, так как (иудеи) и ими много гордились; а с другой стороны, показывает этим, что и святые не были свободны от скорбей, но и среди скорбей получали помощь. Они же не только не облегчали (их скорбей), но еще содействовали врагам их, тогда как должны были бы, напротив, прекращать эти скорби. Как (те) сделали Иосифа очень знаменитым, продавши его, так и царь – Моисея, повелев умерщвлять младенцев. Если бы он не повелел этого, то и того не было бы.

И посмотри на действия Промысла Божия. Тот изгоняет Моисея, а Бог, устрояя будущее, не препятствует этому, чтобы он там сделался достойным (Божественного) видения. Так и проданного в рабство делает правителем там, где почитали его рабом. Как (Иосиф) делается правителем там, куда его продали, так и Христос являет силу в смерти; и это не было только знаком чести, но следствием собственного (Его) могущества. Впрочем, обратимся к вышесказанному. "**И поставил его начальником над Египтом и над всем домом своим**" (ст. 10). Смотри, что устрояет (Бог) посредством голода. В числе "**душ семьдесят пять**", говорит, "**Иаков перешел в Египет, и скончался сам и отцы наши; и перенесены были в Сихем и положены во гробе, который купил Авраам ценою серебра у сынов Еммора Сихемова**" (ст. 14-16). Этим показывает, что они дотоле не были владетелями гробницы. "**А по мере, как приближалось время исполниться обетованию, о котором клялся Бог Аврааму, народ возрастал и умножался в Египте, до тех пор, как восстал иной царь, который не знал Иосифа**" (ст. 17, 18). Заметь, что не в течение стольких лет Бог умножал их, но когда уже имел приблизиться конец, хотя всего они прожили в Египте четыреста и более лет. Это-то и удивительно. "**Сей**", говорит, "**ухищряясь против рода нашего, притеснял отцов наших, принуждая их бросать детей своих, чтобы не оставались в живых**" (ст. 19). Словами: "**ухищряясь против рода нашего**" указывает на тайное убийство; (царь) не хотел убивать их явно; для выражения этого он и прибавил: "**принуждая их бросать детей своих, чтобы не оставались в живых. В это время родился Моисей, и был прекрасен пред Богом**". То удивительно, что будущий избавитель рождается не прежде и не после, но среди самого бедствия. "**Три месяца он был питаем в доме отца своего**" (ст. 20). Когда же все человеческие надежды истощились, и когда он был брошен, тогда явилось во всем свете домостроительство Божие. "**А когда был брошен, взяла его дочь фараонова и воспитала его у себя, как сына**" (ст. 21). Еще не было нигде ни храма, ни жертвоприношения, хотя уже совершилось столько действий (Промысла Божия); и был он воспитан в доме языческом. "**И научен был Моисей всей мудрости Египетской, и был**

силен в словах и делах" (ст. 22). Меня удивляет то, как он, живя там сорок лет, не был узнан по обрезанию; а еще более, как и он и Иосиф, живя в безопасности, не заботились о себе самих, чтобы спасти других. "**Когда же исполнилось ему сорок лет, пришло ему на сердце посетить братьев своих, сынов Израилевых. И, увидев одного из них обижаемого, вступился и отмстил за оскорбленного, поразив Египтянина. Он думал,**

поймут братья его, что Бог рукою его дает им спасение; но они не поняли" (ст. 23-25). Заметь, (Стефан) доселе не делается нестерпимым (для слушателей своих), но когда говорит это, они продолжают слушать его: так увлекла их благодать на лице его! "**Он думал**", говорит, "**поймут братья его**". Хотя защита была оказана на самом деле, и здесь не нужно было рассуждать, но при всем том они не поняли. Видишь ли, как кротко он беседует и как, показав гнев (Моисея) на одного, выражает и кротость его в отношении к другому? "**На следующий день, когда некоторые из них дрались, он явился и склонял**

их к миру, говоря: вы братья; зачем обижаете друг друга? Но обижающий ближнего оттолкнул его, сказав: кто тебя поставил начальником и судьею над нами? Не хочешь ли ты убить и меня, как вчера убил Египтянина?" (ст. 26-28) В том же духе и почти тоже они говорили и против Христа: "**нет у нас царя, кроме кесаря**" (Ин.19:15). Так обычно всегда поступали иудеи, даже и когда получали благодеяния. Видел ли ты их безумие? Того, кто имел избавить их, укоряют, говоря: "**От сих слов Моисей убежал и сделался пришельцем в земле Мадиамской, где родились от него два сына**" (ст. 29). Убежал, но и бегство не воспрепятствовало домостроительству (Божию), равно как и (угрожавшая ему) смерть. "**По исполнении сорока лет явился ему в пустыне горы Синая Ангел Господень в пламени горящего тернового куста**" (ст. 30).

3. Видишь ли, как это домостроительство не останавливается временем? Когда он был беглецом и странником, когда уже много времени провел в чужой стране и имел уже двоих детей, когда уже и не надеялся возвращаться оттуда, тогда является ему ангел. Ангелом, равно как (иногда) и человеком, (Писание) называет Сына Божия. И где является? В пустыне, а не в храме. Видишь ли, какие совершаются чудеса, и еще нигде не было ни храма, ни жертвоприношения? И здесь, в пустыне, (является) не просто, но в купине. "**Моисей, увидев, дивился видению; а когда подходил рассмотреть, был к нему глас Господень**" (ст. 31); вот он удостоился и гласа. "**Я Бог отцов твоих, Бог Авраама и Бог Исаака и Бог Иакова**" (ст. 32). Этим (Стефан) выражает не только то, что явившийся Моисею Ангел был велика совета Ангел (Ис.9:6), но показывает и человеколюбие, какое Бог проявляет в этом видении. "**Моисей, объятый трепетом, не смел смотреть. И сказал ему Господь: сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая**" (ст. 32, 33). Храма нет, и, однако, это место свято от явления и действия Христова. Оно даже чудеснее места во святом святых, потому что здесь Бог никогда не являлся таким образом, и Моисей никогда не был так объят трепетом. Видел ли ты человеколюбие (Божие)? Посмотри затем и на промышление Его. "**Я вижу**", говорит, "**притеснение народа Моего в Египте, и слышу стенание его, и нисшел избавить его: итак пойди, Я пошлю тебя в Египет**" (ст. 34). Посмотри, как (Стефан) показывает, что (Бог) руководил их и благодеяниями, и наказаниями, и чудесами, а они остались теми же. Отсюда мы узнаем, что Бог вездесущ. Слыша это, будем и мы прибегать к Нему в скорбях. "**Стенание его**", говорит, "**слышу**". Не просто, говорит, "**слышу**", но по причине их страданий. Если же кто спросит: для чего Бог допустил им так страдать? – тот пусть знает, что всякий праведник в особенности за страдания бывает удостаиваем наград; или для того Он попустил им страдать, чтобы и свою силу явить чрез это во всем свете, и их этими страданиями научить – во всем любомудрствовать. Посмотри, когда они были в пустыне, тогда не только они "**утучнели, отолстели и разжирели**", но и "**оставили они Бога**" (Втор.32:15). Беззаботная жизнь,

возлюбленный, всегда есть зло! Потому и в начале (Бог) говорил Адаму: "**в поте лица твоего будешь есть хлеб**" (Быт.3:19). Итак, чтобы они, вместо великих страданий пользуясь беззаботною жизнью, не сделались порочными, Он попускает им претерпевать скорби: скорбь есть великое благо.

А что скорбь – благо, послушай Давида, который говорит: "**Благо мне, что Ты смирил меня**" (Пс.118:71). Если же скорбь есть великое благо для мужей великих и чудных, то тем более для нас. Если хотите, рассмотрим эту скорбь и саму по себе. Представим, что кто-нибудь чрезмерно радуется, веселится и заливается (смехом): что безобразнее, что безумнее этого? Другой кто-нибудь пусть печалится и скорбит: что любомудрее этого? Поэтому и Премудрый внушает: "**сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше. Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья**" (Еккл.7:3,4). Может быть, вы смеетесь над этими словами? Но вспомним, каков был Адам в раю, и каков после того; каков был Каин прежде (убийства), и каков после. Душа веселящегося не остается на своем месте; но, как бы каким ветром, увлекается удовольствием, становится легкомысленной и не имеет ничего твердого. Она бывает легка на вымыслы, скора на обещания, и великая в ней буря помыслов. Отсюда – неуместный смех, безотчетная веселость, излишний поток речей и большое пустословие. Но что я говорю о прочих? Представим кого-нибудь из святых и посмотрим, каков он был среди удовольствия и каков, в свою очередь, во время печали. Посмотрим, если хотите, на Давида. Когда он жил в удовольствии и радости по причине множества трофеев, побед, венцов, роскоши и самоуверенности, тогда, посмотри, что он сказал и сделал? "**Я сказал в благоденствии моем: не поколеблюсь во век**" (Пс.29:7). Когда же находился в скорби, то послушай, что он говорит: "**а если Он скажет так: "нет Моего благоволения к тебе", то вот я; пусть творит со мною, что Ему благоугодно**" (2Цар. 15:26). Что любомудрее этих слов? Пусть будет так, говорит, как угодно Богу. Также и Саулу он говорил: "**если Господь возбудил тебя против меня, то да будет это от тебя благовонною жертвою**" (1Цар. 26:19). Когда был в скорби, тогда щадил даже врагов, а после того ни друзей, ни тех, которые ничем не оскорбили его. Иаков, когда был в скорби, говорил: "**если Господь Бог даст мне хлеб есть и одежду одеться**" (Быт.28:20). И сын Ноя прежде ничего такого не сделал, а когда уверился в безопасности (от потопа), тогда, слышишь, как оказался дерзок (Быт.9:22). И Езекия, когда был в скорби, посмотри, что делал для своего спасения: облекся в рубище и сидел на земле; когда же стал жить в удовольствиях, тогда пал с высоты сердца своего. Поэтому и Моисей увещевает: "**будешь есть и насыщаться, берегись, чтобы не забыл ты Господа**" (Втор.6:11,12), потому что путь удовольствий скользок и ведет к забвению Бога. Когда израильтяне были в скорби, тогда более и более умножались; а когда (Бог) избавил их, тогда все погибли. Но для чего я привожу примеры древних? Обратимся, если угодно, к себе самим. Из нас очень многие, когда благоденствуют, бывают надменными, врагами для всех, гневливыми, пока имеют власть; а когда она отнята от них, то делаются кроткими, смиренными, тихими, и приходят в сознание собственной природы. А что это так, подтверждает и Давид, говоря: "**овладела ими гордость их совершенно: происходит, как из тука, неправда их**" (Пс.72:6,7). Это я говорю для того, чтобы мы не домогались удовольствий всеми средствами. Как же, скажут, Павел говорит: "**радуйтесь всегда**"? Он не просто сказал: "**радуйтесь**", но прибавил: "**в Господе**" (Флп.4:4).

4. Это – самая высокая радость; ею радовались и апостолы; это – радость, приносящая пользу; она имеет свое начало, корень и основание в узах, в бичеваниях, в гонениях, в худой молве, и вообще в предметах скорбных, но конец ее вожделенный. Радость же мирская, напротив, начинается удовольствием, а оканчивается скорбью. Я не возбраняю радоваться о Господе, но даже особенно убеждаю к тому. Апостолы были бичуемы – и радовались; были связываемы – и благодарили; были побиваемы камнями – и

проповедовали. Такой радости желаю и я; она берет свое начало не от чего-нибудь чувственного, а от предметов духовных. Невозможно, чтобы радующийся по мирскому радовался вместе и о Боге; всякий радующийся по мирскому радуется богатству, роскоши, славе, могуществу, почестям; а радующийся о Боге радуется бесчестию ради Его, бедности, нестяжательности, пощению, смиренномудрию. Видишь ли, как противоположны их предметы? Кто здесь не имеет радости, тот чужд и скорби (духовной); а кто здесь не имеет скорби, тот чужд и радости (о Боге). Несомненно, эти (предметы) доставляют истинную радость; а те носят только одно имя радости, в сущности же составляют скорбь. Сколько скорбей имеет (человек) высокомерный! Как он терзает сам себя от гордости, выдумывая себе тысячи оскорблений, (питая в себе) великую ненависть, сильную вражду, большую зависть и крайнее недоброжелательство! Если оскорбил его кто-нибудь из высших его, он досадует; если он еще не возвысился над всеми, терзается. Напротив, человек смиренный наслаждается великим удовольствием, не ожидая почестей ни от кого. Если ему оказывают честь, он радуется; если не оказывают, он не скорбит, но даже любит то, что ему не воздали почестей. Таким образом, не искать почестей и получать их, это – великое удовольствие. А у того наоборот: он ищет почестей и не получает их. И радуются почестям неодинаково ищущий их и не ищущий. Первый, сколько бы ни получал, думает, что ничего не получил; а последний, хотя и не много окажешь ему, принимает так, как если бы все получил. Также человек, живущий в роскоши, имеет множество богатства, и приобретения текут к нему легко, как бы из источника; но он страшится бедствий (происходящих) от роскоши и неизвестности будущего; а тот, кто приучил себя к скромному образу жизни, всегда спокоен и наслаждается удовольствием; не столько огорчает его то, что он не имеет роскошного стола, сколько услаждает то, что он не страшится неизвестности будущего. Всякому известно, сколько бедствий происходит от роскоши, но необходимо сказать об этом и теперь. От нее сугубая брань, т.е., и тела, и души, сугубая буря, сугубые болезни, и притом болезни неисцельные, сопровождающиеся великими несчастьями. Но не таковы плоды умеренности; (от нее) сугубое здоровье, сугубые блага. "**Здоровый сон**", говорит Премудрый, "**бывает при умеренности желудка**" (Сир.31:22). Умеренность всюду вожделенна, а неумеренность напротив. Например: положи на малую искру большую связку дров, и ты увидишь уже не светлый огонь, а только дым весьма неприятный.

Возложи на человека очень сильного и большого тяжесть, превышающую силы его, и увидишь его вместе с ношею поверженным и лежащим на земле. Навали слишком много груза на корабль, и причинишь страшное кораблекрушение. Таковы плоды и роскоши. Как на кораблях, слишком нагруженных, происходит большое смятение пассажиров, когда и кормчий, и сидящий на корме, и прочие плывущие на нем начнут бросать в море все и сверху и снизу, так и здесь: извергают и вверх, и вниз, и среди терзаний погибают. А что всего постыднее, сами уста исполняют дело задних частей и даже делаются срамнее их. Если же в таком срамном состоянии уста, то представь, каково на душе. Там все – мрак, все – буря, все – тьма, большая смутность в мыслях, мятущихся беспокойно и тяжко, и сама душа вопиет от стеснения. Тогда и сами чревоугодники обвиняют друг друга, досадуют и спешат извергнуть внутреннюю нечистоту. Однако и по извержении буря не прекращается, но являются горячки и другие болезни. Так, скажешь, подвергаются болезням и сраму; но напрасно описывать это и исчислять нам болезни; бываю болен я, страдаю я, подвергаюсь сраму я, который не имею, что есть: а эти, живущие в роскоши, как видишь, благодушествуют, цветут здоровьем, веселятся и катаются на конях. Увы, такие слова достойны слез! А кого, скажи мне, видим мы страждущими подагрой, носимыми на носилках, обвязанными? И если бы они не считали для себя обидным и не приняли слов моих за оскорбление, то я мог бы назвать их по именам. Но есть и такие, скажешь, которые остаются и здоровыми. Это потому, что они не предаются одним удовольствиям, (но занимаются) и трудами. Укажи мне хотя одного

человека, который бы, постоянно угождая чреву, лежа в бездействии и нисколько не трудясь, был бы здоров. Ты не найдешь (такого человека). Хотя бы собрались тысячи врачей, и они не в состоянии избавить от болезней того, кто постоянно пресыщается, потому что это противно свойству самого дела. А я предложу вам врачебное наставление: не все то, что принимается в чрево, обращается в пищу, потому что и в самом существе пищи не все питательно, есть в ней часть, поступающая на извержение, а другая на питание. Поэтому кто, приняв ее в меру, даст ей совершенно перевариться, с тем это и делается и она достигает своего назначения; все здоровое и полезное занимает свое место, а излишнее и бесполезное отделяется и извергается; если же она принята чрез меру, тогда и то, что в ней есть питательного, становится вредным. Чтобы яснее раскрыть вам это, представлю в пример следующее: в хлебе есть крупчатка, мука и отруби. Если в жернов насыплешь столько, сколько он может смолоть, то он отделяет все это; а если насыплешь больше, то все перемешивается. Также вино, если будет иметь надлежащее приготовление и благовременное брожение, то в нем сперва бывает все нераздельно, а потом одно обращается в дрожжи, другое в пену, а иное делается напитком усладительным для употребляющих его, и это последнее бывает полезно и не скоро портится, тогда как сначала не было ни вина, ни дрожжей, но все было смешано. Тоже можно видеть и на море, во время сильной бури. Как тогда мы видим, что рыбы плавают по поверхности мертвыми, не будучи в состоянии укрыться от стужи в глубине, так бывает и с нами. Когда низвергнется на нас сильный дождь пресыщения, все возмущающий, тогда производит то, что наши мысли, дотоле бывшие здравыми и спокойными, плавают как бы мертвыми на поверхности (души нашей). Итак, научившись этими примерами, как велик вред (от пресыщения), перестанем ублажать тех, которых следовало бы считать несчастными, и оплакивать себя за то, за что следовало бы называть блаженными, и возлюбим умеренность. Или вы не знаете изречения врачей, что скудость – мать здоровья? Я же скажу, что скудость есть мать здоровья не только телесного, но и душевного. Тоже внушает и Павел, этот истинный врач, когда говорит: "**имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1Тим.6:8). Будем же послушны ему, чтобы нам здоровыми делать то, что должно делать, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 17

"Сего Моисея, которого они отвергли, сказав: кто тебя поставил начальником и судьею? сего Бог чрез Ангела, явившегося ему в терновом кусте, послал начальником и избавителем" (Деян.7:35).

1. Это весьма близко относится к предложенному (Стефаном) предмету. "**Сего Моисея**", говорит. Какого – "**сего**"? Того, который подвергался опасности погибнуть, которого (евреи) презрели, которого они отвергли, сказав: "**кто тебя поставил начальником и судьею над нами?**", подобно тому, как и о Христе говорили: "**нет у нас царя, кроме кесаря**" (Ин.19:15). Сего Бог начальником и избавителем послал через Ангела, который сказал ему: "**Я Бог отца твоего, Бог Авраама**" (Исх.3:6). Этим он показывает, что бывшие (при Моисее) чудеса совершены были Христом. "**Сей**", т.е. Моисей (посмотри, как Стефан изображает славу его) "**вывел их, сотворив чудеса и знамения в**

земле Египетской, и в Чермном море, и в пустыне в продолжение сорока лет. Это тот Моисей, который сказал сынам Израилевым: Пророка воздвигнет вам Господь Бог ваш из братьев ваших, как меня; Его слушайте" (Деян.7:36,37), т.е., Которого они также презрят и подвергнут гонениям. Ведь и Его (Христа) Ирод хотел убить, но Он спасся в Египте, подобно тому, как и тот в детстве подвергался гонениям. "**Это тот, который был в собрании в пустыне с Ангелом, говорившим ему на горе Синае, и с**

отцами нашими, и который принял живые слова, чтобы передать нам" (ст. 38). Опять (это происходило, когда) еще не было ни храма, ни жертвоприношения. "**С Ангелом**", говорит, "**принял живые слова, чтобы передать нам**". Этим он показывает, что (Моисей) не только творил знамения, но и дал закон, как и Христос. И как он сначала творить знамения, потом дает закон, так точно и Христос. Но (евреи), привыкшие никогда не покоряться, не послушали его и после знамений и чудес, бывших в течение сорока лет. И не только не послушали, но сделали противное, на что указывая, Стефан и присовокупил: "**которому отцы наши не хотели быть послушными, но отринули его и обратились сердцами своими к Египту, сказав Аарону: сделай нам богов, которые предшествовали бы нам; ибо с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что случилось. И сделали в те дни тельца, и принесли жертву идолу, и веселились перед делом рук своих. Бог же отвратился и оставил их служить воинству небесному, как написано в книге пророков: дом Израилев! приносили ли вы Мне заколения и жертвы в продолжение сорока лет в пустыне? Вы приняли скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана, изображения, которые вы сделали, чтобы поклоняться им: и Я переселю вас далее Вавилона**" (ст. 39-43). "**Отвратился и оставил**" здесь значит: попустил. "**Скиния свидетельства была у отцов наших в пустыне, как повелел Говоривший Моисею сделать ее по образцу, им виденному**" (ст. 44). Хотя скиния была, но жертв еще не было. А что их не было, об этом ясно говорит пророк: "**приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары?**" (Ам.5:25) Скиния свидения была, но не принесла им никакой пользы, и они погибали. Также и знамения ни прежде того, ни после не принесли им никакой пользы. "**Отцы наши, взяв ее, внесли во владения**" (ст. 45). Видишь ли, что то место и свято, где присутствует Бог? Потому он и сказал: "**в пустыне**", чтобы сравнить одно место с другим. Затем (следовало) благодеяние. "**Отцы наши с Иисусом, взяв ее, внесли во владения народов, изгнанных Богом от лица отцов наших. Так было до дней Давида. Сей обрел благодать пред Богом и молил, чтобы найти жилище Богу Иакова**" (ст. 45, 46). Молил о построении (храма) Давид великий и чудный, но не получает просимого; а создает его отверженный Соломон. Потому (Стефан) и говорит: "**Соломон же построил Ему дом. Но Всевышний не в рукотворенных храмах живет**" (ст. 47, 48). Это уже доказано и предыдущими словами; но подтверждается еще и голосом пророческим; а каким образом, послушай далее: "**как говорит пророк: Небо – престол Мой, и земля – подножие ног Моих. Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего? Не Моя ли рука сотворила всё сие?**" (ст.49, 50) Не удивляйтесь, говорит, что Христос благотворит и тем, которые отвергают царствие Его: тоже было и при Моисее. Он не просто извел (евреев), но после того, как они пробыли в пустыне. Видишь ли, что и те знамения были для них? Кто беседовал с Богом, был спасен чудесным образом, столько сделал и имел такую силу, того пророчество, доказывает (Стефан), непременно должно исполниться, и он не может противоречить самому себе. Впрочем, обратимся к вышесказанному. "**Это тот**", говорит, "**Моисей, который сказал: Пророка воздвигнет вам Господь Бог как меня**". Мне кажется, на это изречение указывал и Христос, когда сказал: "**ибо спасение от Иудеев**" (Ин.4: 22), разумея самого Себя. "**Это тот, который был в собрании в пустыне с Ангелом, говорившим ему**". Вот и опять указывает, что (Христос) дал закон, так как Он был с ним (Моисеем) в собрании – в пустыне. Здесь же напоминает и о великом чуде, случившемся на горе (Синайской). "**И который принял живые слова**". Во всем чуден Моисей, но особенно, когда нужно было дать закон. Что значит: "**живые слова**"? Разумеет те, которых исполнение раскрывалось в словах его, или пророчества. Затем следует обвинение праотцов, которые после знамений и чудес, и по получении слов живых, "**не хотели**", говорит, "**быть послушными**". Хорошо он сказал: "**живые слова**", показывая тем, что есть слова и не живые, о которых упоминает и Иезекииль, когда говорит: "**и попустил им учреждения недобрые**" (Иез.20:25). В противоположность таким словам он прибавил: "**живы**". "**Но отринули его и обратились сердцами своими к**

Египту", где они стонали, где вопили, откуда призывали Бога. "**Сказав Аарону: сделай нам богов, которые предшествовали бы нам**".

2. О, безумие! "**Сделай**", говорят, которые "**предшествовали бы нам**". Куда? В Египет. Видишь ли, как неохотно они расставались с обычаями египетскими? Что ты говоришь? Не хочешь дождаться того, кто вывел, но отказываешься от благодеяния и убегаешь от благодетеля? И смотри, как они оскорбляют его. "**Моисеем, который вывел нас из земли Египетской**". Нигде не упоминают имени Божия, но все приписывают Моисею. Когда нужно было им быть благодарными, тогда они обвиняют Моисея; а когда нужно было исполнять закон, тогда не помнят уже и о Моисее. Он сказал им, что восходит (на гору) для получения закона: а они не подождали и сорока дней. "**Сделай нам**

богов". Не сказали: **Бога**, но "**богов**"; так они неистовствовали, что и сами не знают, что говорят. "**И сделали в те дни тельца, и принесли жертву идолу**". Видел ли ты крайнее безумие? Там, где Бог явился Моисею, они делают тельца и приносят ему жертву. "**И веселились**", говорит, "**перед делом рук своих**". Чего надобно было стыдиться, тому они радовались. И что удивительного, если вы не признаете Христа, когда (вы не признавали) ни Моисея, ни Бога, открывшегося в стольких знамениях? Но они не только не признавали, но еще иначе оскорбили их, сделав идолов. "**Бог же отвратился и оставил их служить воинству небесному**". Отсюда и произошли эти обычаи; отсюда эти жертвы. Они сначала приносили жертвы идолам, на что указывая, и Давид говорит: "**и сделали тельца у Хорива, и поклонились истукану**" (Пс.105:19). Так как прежде этого нигде не упоминается о жертвах, но (были) заповеди живые и "**живые слова**", – то нигде не было и (жертвенных) обрядов, а только чудеса и явление знамений. "**Как написано в книге пророков**". Здесь (Стефан) привел свидетельство не без цели, но для того, чтобы показать, что в жертвах нет нужды. И смотри, что он говорит: "**дом Израилев! приносили ли вы Мне заколения и жертвы в продолжение сорока лет в пустыне? Вы приняли скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана, изображения, которые вы сделали, чтобы поклоняться им**". Он сказал в виде обличения; а слова его означают следующее: вы не можете сказать, что вы стали приносить жертвы идолам, подобно тому, как приносили их Мне; и это было в пустыне, когда Бог особенно руководил их. "**Вы приняли скинию Молохову**". От нее и (получили) начало жертвы. "**И Я переселю вас далее Вавилона**". Так и плен есть наказание за нечестие. Но почему, скажут, скиния названа "**скиния свидетельства**" (μαρτυρίου)? Потому что она была для того, чтобы они имели Бога свидетелем (μάρτυρα). Для этого только она и существовала. "**По тому образцу, какой показан тебе на горе**" (Исх.25:40). Следовательно, образец ее показан был на горе, и она была носима в пустыне, а не стояла на месте. Скиниею же свидетельства называется не по чему-нибудь другому, как по чудесам и заповедям. Впрочем, ни она, ни они не имели храма. И сам образец ее показан был, следовательно, самим ангелом. "**Так было до дней Давида**", говорит. Следовательно, до того времени не было храма, хотя и были изгнаны (языческие) народы, о которых он говорит: "**изгнанных**

Богом от лица отцов наших". Это же он сказал опять с целью доказать, что тогда не было храма. Но что я говорю: было столько чудес и еще не было храма? Вот была и первая скиния, но еще не было храма. Давид молил обрести благодать пред Богом, – молил и не создал (храма). Следовательно, храм не составлял чего-нибудь важного, хотя некоторые и считали Соломона великим за построение храма, и даже за это ставили его выше отца. Но что он не был лучше отца и даже не равен ему, а только кажется таким во мнении толпы, это он объяснил, присовокупив: "**но Всевышний не в рукотворенных храмах живет, как говорит пророк: Небо – престол Мой, и земля – подножие ног Моих**". Да и эти (небо и земля) недостойны (быть жилищем) Бога, как творения, как дела руки Его. Смотри, как он убеждает их мало-помалу. Из пророка он доказывает, что даже и

эти (творения) нельзя назвать достойными (быть жилищем) Бога. Для чего же, скажут, он говорит потом так обличительно? У него было великое дерзновение, как (у человека) готового на смерть; я думаю, об этом он знал по откровению. "**Жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем и ушами!**"; и это также из пророка, а не собственные его слова; "**вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы**" (ст. 51). Когда Бог не желал, чтоб были жертвы, вы приносили жертвы; а когда желает, вы не приносите их; когда Он не хотел давать вам заповедей, вы требовали их; а когда получили, то нерадели о них. И еще, когда существовал храм, вы служили идолам; а когда Ему угодно, чтобы вы служили Ему без храма, вы делаете противоположное. Смотри, он не сказал: **Богу противитесь**, но: "**Духу**"; так он не полагает никакого различия (между Ними). И еще большее говорит: "**как отцы ваши, так и вы**". Так и Христос обличал их, потому что они всегда слишком много хвалились отцами. "**Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника**". Говорит: "**Праведника**", чтобы и этим вразумить их. "**Которого предателями и убийцами сделались ныне вы**" (ст. 52). Обличает их в двух делах: в том, что они не признали (пророков) и что убили их. "**Вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили**" (ст. 53).

3. Что это значит? Некоторые утверждают, что, по словам его, закон был составлен ангелами; но это несправедливо, потому что когда же ангелы являлись составляющими закон? Но он говорит "**приняли закон при служении Ангелов**", т.е. врученным Моисею ангелом, явившимся ему в купине, так как это был не человек. Итак, нет ничего удивительного, говорит, если вы совершили это, когда совершили и то; если вы умертвили возвещавших (о Христе), то тем более (могли умертвить) Его. Здесь он представляет их непокорными и Богу, и ангелам, и пророкам, и Духу, и всем, как и в другом месте Писание говорит: "**разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили**" (3Цар.19:10). Они, притворно защищая закон, говорили: "**говорил хульные слова на Моисея**" (Деян.6:11); а он показывает, что они сами еще более произносят хулу не только на Моисея, но и на Бога, и что они издревле так поступают; что они сами нарушили обычаи, в которых уже нет нужды; что они, обвиняя и называя его противящимся Моисею, сами противились Духу, и не просто, но даже и с совершением убийства, и что издревле они враждовали (против Бога). Видишь ли, как он доказывает, что они противились и Моисею, и всем, и не соблюдали закона? Моисей сказал: "**Пророка воздвигнет тебе Господь**" (Втор.18:15), и прочие предсказывали об Его пришествии; также и пророк говорит: "**где же построите вы дом для Меня**" (Ис.66:1)? И еще: "**приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары в пустыне в течение сорока лет?**" (Ам.5:25) Таково дерзновение мужа, несущего крест (Христов)! Будем же подражать ему и мы; хотя теперь и нет брани, но для дерзновения всегда есть время. "**И говорил**", говорит (Давид), "**об откровениях Твоих пред царями и не стыдился**" (Пс.118:46). Поэтому, встретимся ли мы с эллинами, будем таким образом заграждать им уста, но без гнева, без ожесточения. Если станем это делать с гневом, то это, кажется, уже не будет дерзновение, а страсть; если же кротко, то это и есть истинное дерзновение, потому что не могут быть вместе в одно и то же время и добродетель, и порок. Дерзновение – это добродетель, а гнев – порок. Итак, мы, если хотим иметь дерзновение, должны быть чистыми от гнева, чтобы кто-нибудь не приписал ему слов (наших). Если ты говоришь и правду, но с гневом, то все погубил, будешь ли ты обличать, или вразумлять, или делать что-нибудь другое. Посмотри на этого мужа (Стефана), как он беседует без гнева; ведь он не оскорбил их, а только напомнил им о слове пророческом. А что он не был в гневе, это сам он показал, когда его мучили, а он молился за них и говорил: "**Господи! не вмени им греха сего**" (ст. 60). Так он говорил это, не гневаясь на них, но сожалея и скорбя о них. И о лице его поэтому сказал (писатель): "**видели лице его, как лице Ангела**" (Деян.6:15), так что и оно могло привлечь их. Будем же чистыми от гнева. Дух Святый не обитает там, где гнев. Гневливый подлежит проклятию. И невозможно

быть чему-нибудь здравому там, откуда происходит гнев. Как во время бури на море происходит великое смятение и сильный крик, и никто тогда не имеет времени заниматься рассуждениями, так и во гневе. Если же душа хочет сказать или усвоить что-нибудь любомудрое, то наперед должна быть в (тихой) пристани. Не замечаешь ли, как мы, когда хотим рассуждать о чем-нибудь необходимом, избираем места, удаленные от шума, где спокойствие и тишина, чтобы нам не развлекаться? Если же внешний шум развлекает нас, то тем более внутреннее смятение. И станет ли кто молиться, он молится напрасно, если делает это во гневе и раздражении; станет ли говорить, будет смешным; станет ли молчать, опять тоже; будет ли есть, и тогда повредит себе; будет ли пить или не будет, будет ли сидеть или стоять, ходить или спать, ему и во сне представляется подобное же. И что у таких (людей) не беспорядочно? Глаза – отвратительны; рот – искривлен; члены тела напряжены и трясутся; язык не обуздан и не щадит никого; рассудок помешан; одежда в непристойном виде; (во всем) великое безобразие! Посмотри на глаза беснующихся, пьяных и неистовствующих (от гнева): чем они отличаются друг от друга? Не всюду ли безумие? Но ведь это бывает всегда только на время? Правда, неистовствующий бывает одержим (гневом) на время. Но что может быть хуже этого? И еще не стыдятся оправдываться: я не сознавал, говорят, что сказал. Почему же не сознавал этого ты, существо разумное, имеющее рассудок? Почему ты действуешь подобно неразумным животным, как бы дикий конь, увлеченный гневом и яростью? Это – оправдание, достойное осуждения. Желательно, чтобы ты знал, что говорил. Это – слова гнева, скажешь, а не мои. Как – гнева? Гнев не имеет силы, если не получит ее от тебя. Это подобно тому, как если бы кто сказал: это – раны руки (моей), а не мои. Где, кажется, больше всего нужен гнев, как не на войне и во время битвы? Но и там, если что будет делаться с гневом, то все будет испорчено и погублено. Воюющим в особенности и не следует гневаться; нападающим в особенности и не нужно раздражаться. Но, скажешь, как же иначе можно сражаться? Разумно, спокойно. Сражение есть стояние одной стороны против другой. Разве ты не видишь, что и сами войны подчинены закону, порядку и времени? А гнев есть не что иное, как безумное раздражение; безумный же не может сделать ничего разумного.

4. Так и он (Стефан) говорил это, и не гневался. И Илия говорил: "**долго ли вам хромать на оба колена?**" (3Цар. 18:21), но не гневался. И Финеес совершил убийство, но не гневался. Гнев не дозволяет видеть, но как бы во время ночной битвы, закрыв все, и глаза и уши, ведет туда, куда хочет. Избавим же себя от этого демона, сокрушим его, когда он нападает на нас, положим на перси знамение (креста), как бы некоторую узду на него. Гнев есть бесстыдный пес; но пусть он научится слушаться закона. Если пес при стаде так свиреп, что не будет слушаться приказаний пастуха и узнавать его голоса, то все потеряно и погублено. Он пасется вместе с овцами; но когда станет кусать овец, то делается вредным, и его убивают. Если пес научится слушаться тебя, то корми его: он полезен своим лаем против волков, разбойников и воров, а не против овец и не против домашних. Если же не слушается, то во всем вредит, и если не обращает внимания на приказания, то все губит. Итак, пусть не истощается кротость твоя, но сам гнев пусть хранит и питает ее; а он сохранит и в совершенной безопасности будет пасти ее тогда, когда будет истреблять нечистые и порочные помыслы, когда будет отовсюду отгонять диавола. Так кротость соблюдается тогда, когда мы не помышляем ничего худого против ближнего; так мы делаемся достойными уважения, когда не учимся поступать бесстыдно. Ничто не делает так бесстыдным, как порочная совесть. Отчего блудницы бесстыдны? Отчего девственницы стыдливы? Первые не от греха ли? А последние не от целомудрия ли? Ничто не делает так бесстыдным, как грех. Напротив, скажут, он производит стыд? Правда, в том, кто сознает себя; а бесстыдного он делает еще более дерзостным; кто не сознает себя, тот становится дерзким. "**С приходом**", говорит (Премудрый), "**нечестивого приходит и презрение**" (Прит.18: 3). Бесстыдный бывает дерзким, а дерзкий –

отчаянным. Хочешь ли узнать, когда истощается кротость? Когда сокрушают ее порочные помыслы. Но, если случится и то, что этот пес не будет стоять и громко лаять, то и тогда не должно отчаиваться. У нас есть и праща и камень, – вы знаете, что я говорю, – у нас есть и копье, и ограда, и затвор, где мы можем сохранить помыслы чистыми. Если пес ласков к овцам, но лает на чужих и не сонлив, то это – хорошие качества пса. Когда он голоден, то и тогда не кусает овец, когда и сыт, не щадит волков. Таков и гнев. Когда он раздражается, не (должен) отступать от кротости; и когда не раздражен, (должен) восставать против порочных помыслов своих, хотя бы и бьющих его, не оставлять, но признавать, а чужим, хотя бы и ласкающим его, не давать пощады. Диавол часто ластится, как собака; но пусть всякий знает, что он чужой (для нас). Так и мы будем любить добродетель, хотя бы она причиняла нам скорбь; а от порока, хотя бы он и доставлял нам удовольствие, будем отвращаться. Не будем хуже псов, которые не убегают (с своего двора), хотя бы их били и мучили; а чужому, хотя бы он и накормил их, скорее вредят. Так и гнев бывает полезен, когда он восстает против чужих. Что значит изречение: "**гневающийся на брата своего напрасно**" (Мф.5:22)? То же, что: не мсти за себя и не воздавай злом. Если видишь другого погибающим, протяни ему руку помощи; гнев не будет уже иметь места, когда ты будешь свободен от пристрастия к себе самому. Давид застиг Саула, но не разгневался и не вонзил копья, имея в руках своих врага (1Цар. 26:7); а отмстил диаволу (своею кротостью). Моисей, увидев, что чужой обижает (еврея), убил его; а когда свой (обижал своего), то не сделал этого; но братьев хотел примирить, а тех разделил (Исх.2:12). Хотя Писание и называет его самым кротким человеком (Числ.12:3), однако, и в нем иногда возбуждался гнев. Но мы не так; когда нужно показать кротость, то бываем свирепее всех зверей; а когда (нужно) гневаться, то (бываем) всех ленивее и беспечнее. Таким образом, употребляя свои силы не на то, на что должно, мы тратим и жизнь свою напрасно, подобно тому, как снаряды, когда употребляют их один вместо другого, портятся все. Так, например, если кто-нибудь, имея меч, не будет употреблять его, когда нужно употребить, но будет действовать рукою, не достигнет успеха; и напротив, если употребит меч там, где нужно действовать рукою, то испортит все. Также и врач, если не отрезывает там, где должно, а отрезывает, где не нужно, то портит все. Поэтому, умоляю, будем употреблять это орудие (гнев) в свое время. Для гнева – вовсе не время, когда мы должны помочь самим себе; а если нужно исправить других, тогда в особенности должно употреблять его, чтобы спасти других. Таким образом, всюду соблюдая себя от гнева, мы уподобимся Богу и сподобимся будущих благ по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 18

"Слушая сие, они рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами" (Деян.7:54).

1. Достойно удивления, как они, не найдя в словах (Стефана) повода к убиению его, еще беснуются и ищут этой причины. Так всегда бывают злобны (люди), поступающие неправедно. Подобно тому, как первосвященники недоумевали и говорили: "**что нам делать с этими людьми?**" (Деян.4:16), так и они терзаются. Кажется, он должен был бы негодовать, как не сделавший ничего несправедливого, и между тем подвергшийся участи (людей) неправедных и оклеветанный. Но этим-то более клеветники и обличаются; и так-то (оказывается) истинным то, о чем я всегда говорил, что делать зло – значит страдать. А он не произносит никакой клеветы, но говорил правду. Так, когда нас поносят за то, чего мы не сознаем за собою, мы от этого ничего не терпим. Они хотели убить его; но не (вдруг) делают это, а желают еще найти благовидную причину для своего злодеяния. Как? Разве обличение не было благовидною причиною? Но это было обличение не его собственное, а пророческое; или они нарочито отлагали (убиение), чтобы показать вид,

будто они убили его не за обличение их, – подобно тому, как было и со Христом, – но за нечестие. Между тем слова его были слова благочестия. Поэтому, намереваясь вместе с лишением жизни повредить и славе его, они "**рвались**", – так как они боялись, чтобы из-за него еще не случилось чего-нибудь нового. Затем, что они сделали со Христом, то (делают) и со Стефаном. Как там, когда Он сказал: "**узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы**" (Мф.26:64), они называли это богохульством и призывали народ во свидетели, так точно и здесь. Там растерзали одежды; здесь затыкали уши. "**Стефан же, будучи исполнен Духа Святаго, воззрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, и сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога. Но они, закричав громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него, и, выведя за город, стали побивать его камнями**" (ст. 55-58). И если бы даже он говорил неправду, то следовало бы отпустить его, как исступленного. Но он сказал это с тем, чтобы обратить их. Так как он сказал только о смерти (Христовой), а о воскресении не сказал ничего, то теперь благовременно присовокупляет учение и об этом предмете. Он говорит, что (Христос) явился ему так, как он рассказывает, чтобы, хотя таким образом расположить их к принятию слов его; сказать, что сидит (одесную Бога), было бы невыносимо для них; потому он проповедует только о воскресении и говорит, что Христос стоит (одесную Бога). Думаю, что и лицо его прославилось от этого (видения). Человеколюбец Бог чрез то самое и хотел призвать их к Себе, за что они негодовали, если бы и не было ничего более. "**И, выведя за город, стали побивать его камнями**". Опять смерть вне города, как (было) со Христом, и при самой смерти возвещается исповедание и проповедь. "**Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла, и побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! приими дух мой**" (ст. 58, 59). Этим он показывает и научает их, что он не погибает. "**И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего**" (ст. 60). Как бы в доказательство того, что и прежде сказанное им происходило не от гнева, говорит: "**Господи!**"; или таким образом он хотел обратить их: ведь простить гнев и ярость, (простирающуюся) до убийства, и показать душу, непричастную страсти, – это могло расположить к принятию слова его. "**Савл же одобрял убиение его. В те дни произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме**" (Деян.8:1). Не случайно, мне кажется, произошло это гонение, но по устроению (Божию). "**И все, кроме Апостолов, рассеялись**

по разным местам Иудеи и Самарии" (ст. 1). Видишь ли, как Бог опять попускает быть искушениям? Но посмотри здесь, прошу, как устрояются дела. Они были предметом удивления по причине знамений; будучи бичуемы, нисколько не скорбели; остались на местах; проповедь распространялась; но потом (Бог) попускает великое препятствие: происходит гонение не малое, но такое, что вместе и они должны были бежать (а их боялись, как сделавшихся более дерзновенными), и для всех стало явно, что те, которые боялись и бежали, были люди. Но, чтобы ты после не говорил, будто они все делали только благодатию и тогда, когда были гонимы, для того те оказались более робкими, а они более дерзновенными. И "**все**", говорит (писатель), "**рассеялись, кроме Апостолов**". Итак, я не напрасно говорил, что это гонение было по устроению (Божию); если бы его не было, ученики не рассеялись бы. "**Стефана же погребли мужи благоговейные, и сделали великий плач по нем**" (ст. 2). Они оплакивают его или потому, что они еще не были совершенны, или потому, что он был достоин любви и уважения. Вместе с тем и эта печаль, и плач, кроме страха, показывают, что они были люди.

2. И кто не заплакал бы, видя этого кроткого агнца, побитого камнями и лежавшего мертвым? Достойную его надгробную надпись оставил евангелист, сказав: "**и, преклонив колени, воскликнул громким голосом; и сделали великий плач по нем**". Но обратимся к вышесказанному. "**Стефан же, будучи исполнен Духа Святаго, воззрев на**

небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, и сказал: вот, я вижу небеса отверстые". И "**затыкали уши свои, и единодушно устремились на него**". Что здесь достойного осуждения? Но, несмотря на то, они (мужа) сделавшего такие знамения, победившего всех словом своим и так говорившего, взяли и, как хотели, так и удовлетворили над ним ярость свою. "**Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла**". Смотри, как обстоятельно (писатель) повествует о том, что касается Павла, чтобы показать тебе дело Божие, совершившееся над ним после. А теперь он не только не верует, но и предает Стефана в руки бесчисленных убийц; на что указывая, (писатель) и говорит: "**Савл же одобрял убиение его**". Молится же блаженный (Стефан) не просто, но внимательно: "**преклонив**", говорит, "**колени**". Потому и смерть его была Божественна; а до этого времени душам определено было пребывать во аде. "**И все рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии**". Без опасения входят в общение с самарянами те, которые слышали: "**на путь к язычникам не ходите**" (Мф.10:5). "**Кроме**", говорит, "**Апостолов**", показывая тем, что они, желая и при этом случае обратить иудеев, не оставили города; или же они хотели быть и для других образцами дерзновения. "**А Савл терзал церковь, входя в домы и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу**" (ст. 3). Великое исступление, как потому, что он был один, так и потому, что входил в дома: до такой степени он отдал душу свою за закон! "**Влача**", говорит, "**мужчин и женщин**". Посмотри и на смелость, и на озлобление, и на исступление. Всех попадавшихся ему он подвергал бесчисленным бедствиям, как будто после этого убийства (Стефана) сделавшись дерзостнее. Итак, "**между тем рассеявшиеся ходили и благовествовали слово. Так Филипп пришел в город Самарийский и проповедывал им Христа. Народ единодушно внимал тому, что говорил Филипп, слыша и видя, какие он творил чудеса. Ибо нечистые духи из многих, одержимых ими, выходили с великим воплем, а многие расслабленные и хромые исцелялись. И была радость великая в том городе. Находился же в городе некоторый муж, именем Симон, который перед тем волхвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого. Ему внимали все, от малого до большого, говоря: сей есть великая сила Божия**" (ст. 4-10). Заметь, прошу, и другое искушение, т.е. от Симона. "**А внимали ему потому, что он немалое время изумлял их волхвованиями. Но, когда поверили Филиппу, благовествующему о Царствии Божием и о имени Иисуса Христа, то крестились и мужчины и женщины. Уверовал и сам Симон и, крестившись, не отходил от Филиппа; и, видя совершающиеся великие силы и знамения, изумлялся. Находившиеся в Иерусалиме Апостолы, услышав, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна, которые, придя, помолились о них, чтобы они приняли Духа Святаго. Ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса. Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго. Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святый, принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святаго**" (ст. 11-19). Как, скажут, неужели они не получили Духа? Они получили Духа отпущения (грехов); но Духа знамений еще не получили. А что это так, что они не получили Духа знамений, ясно из того, что Симон, увидев это, пришел просить Его. Гонение тогда особенно и усилилось, но Бог опять избавлял их, оградив их знамениями. Так как смерть Стефана не укротила ярости (иудеев), но еще более усилила ее, то учители и рассеиваются, чтобы учение более распространилось. Но вот, обстоятельства их опять делаются благоприятными и они получают радость. "**И была**", говорит (писатель), "**радость великая в том городе**" (ст. 8), хотя (прежде) был великий плач. Так обыкновенно Бог всегда делает, соединяя радости со скорбями, чтобы быть еще более достойным удивления. Недуг был в Симоне с давнего времени. Оттого он и при этом (крещении) не освобождается от него. Как же крестили его? Так же, как и Христос избрал Иуду. Он, видя совершающиеся знамения, изумлялся, но еще не, смел испрашивать благодати знамений, так как видел, что и прочие еще не

получили ее. Почему же не лишили его жизни, подобно Анании и Сапфире? Потому, что и в древности собиравший дрова (в субботу) был лишен жизни в научение других, но никто другой уже не подвергался тому же самому. Так и теперь поступает Петр и, наказав тех, не наказывает этого, но говорит ему: "**серебро твое да будет в погибель с тобою, потому**

что ты помыслил дар Божий получить за деньги" (ст. 20).

3. И почему они по крещении не получили Духа Святого? Или потому, что Филипп не сообщил (Его), может быть, воздавая тем честь апостолам, или он сам не имел этого дарования, – потому что был из числа семи (диаконов); последнее можно сказать с большею вероятностью. Отсюда мне кажется, что этот Филипп был из числа семи, второй после Стефана. Он, крестя, не сообщал крещаемым Духа, так как не имел такой власти: это дарование принадлежало одним только двенадцати (апостолам). И заметь: эти (апостолы) не вышли, но по устроению (Божию) вышли (из Иерусалима) те, которые не имели этой благодати, потому что еще не получили Духа Святого. Они получили силу творить знамения, но не получили (силы) сообщать Духа другим. Следовательно, это исключительно принадлежало апостолам. Потому мы и видим, что делают это верховные (апостолы), а не другой кто-нибудь. "**Симон же, увидев**", говорит (писатель), "**что через возложение рук Апостольских подается Дух Святый**". Он не сказал бы так, если бы не происходило чего-нибудь подлежащего чувствам. Так и Павел выразился, когда (свидетельствовал, что) они говорили (разными) языками, Видел ли ты нечестие Симона? Он принес деньги, хотя и не видел, чтобы (апостол) делал это за деньги; следовательно, это не было делом неведения, но делом того, который искушал и хотел подвергнуть (его) осуждению. Поэтому и услышал: "**нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо пред Богом**" (ст. 21). Опять сокровенное в душе (Петр) обнаруживает, хотя тот и думал скрыть это. "**Итак покайся в сем грехе твоем, и молись Богу: может быть, опустится тебе помысел сердца твоего; ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды. Симон же сказал в ответ: помолитесь вы за меня Господу, дабы не постигло меня ничто из сказанного вами**" (ст. 22-24). Надобно было покаяться от сердца, надобно было плакать, а он только лицемерно делает это. "**Может быть, опустится тебе**". Это сказал (Петр) не в том смысле, что ему не простится, если бы он и плакал, но так обыкновенно и пророки только угрожают, и не говорят: если сделаешь это, то простится тебе; но (говорят), что наказание последует непременно. Но подивись, – прошу, – как они и во время бедствия не оставляют, а продолжают проповедь: и как подобно тому, как при Моисее (истинные) чудеса узнавались по сравнению (с ложными), так точно и здесь. Было волхвование, но эти знамения явно отличались; там не должно бы быть ни одного бесноватого, где (Симон) не малое время действовал на них волхвованиями; но как бесноватых было много и расслабленных много, то его (чудеса) не были истинны. Филипп же не только знамениями, но и словом приводил их (к вере), беседуя о царствии и о Христе. "**Симон**", говорит (писатель), "**крестившись, не отходил от Филиппа**", – пребывал не для веры, но для того, чтобы самому сделаться таким же. "**Которые, придя, помолились о них, чтобы они приняли Духа Святаго. Ибо Он не сходил еще ни на одного из них. Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго**". Видишь ли, (это делалось) не просто, но нужна была великая сила, чтобы сообщать Духа Святого? Не все ведь равно – получить отпущение (грехов), или получить такую силу. "**Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святый, принес им деньги**". Видел ли он, чтобы прочие делали это? Чтобы (делал) Филипп? Неужели он думал, что они не знали, с какою мыслью приступал он? Потому Петр хорошо называет это даром, говоря: "**серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги**". Видишь ли, как они были непричастны деньгам. "**Нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо пред**

Богом". Итак, он делал все неправо, а надлежало быть простым. "**Итак покайся: ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды**". Это – выражения сильного гнева. Впрочем, он не наказывает его для того, чтобы вера не происходила от необходимости, чтобы она не казалась делом жестоким, чтобы осталось место покаянию; или потому, что для исправления (его) достаточно было обличения, что достаточно было обнаружить (сокрытое) в сердце, чтобы он сознался, что он уличен. Словами: "**помолитесь вы за меня**" он это сознает и вместе исповедует. Посмотри, как он, хотя был нечестив, однако уверовал, когда был обличен, и теперь сделался смиренным, когда был снова обличен. "**Видя совершающиеся великие силы и знамения, изумлялся**", показывая тем, что все (дела его) – ложь. Не сказано: приступил, но: "**изумлялся**". Почему же он не сделал этого прежде? Он думал, что может укрыться; думал, что это было делом искусства. Но, так как он не мог укрыться от апостолов, то и приступил. "**Нечистые духи из многих, одержимых ими, выходили с великим воплем**". Этот (глас) был явным знаком того, что они исходили, а действия волхвов напротив еще более связывали (уста). "**Многие расслабленные и хромые исцелялись**". Здесь не было обмана; потому что (исцеленные) должны были ходить и действовать. "**Ему внимали все, от малого до большого, говоря: сей есть великая сила Божия**". Здесь исполняется сказанное Христом: "**восстанут лжехристы и лжепророки**" во имя Мое (Мк.13:22). Но почему они не тотчас обличили его? Они удовольствовались тем, что он сам обличил себя; и это было поучительно. Когда же он не мог противиться, то лицемерит, подобно волхвам, которые говорили: "**это перст Божий**" (Исх.8:19). А чтобы его опять не изгнали, для этого он и пребывал у Филиппа, и не отходил (от него).

4. Посмотри, прошу, сколько последствий произошло от смерти Стефана. Они рассеиваются по странам иудейской и самарийской; благовествуют слово, проповедуют Христа, совершают знамения; мало-помалу получают дар (Св. Духа). Здесь было сугубое знамение: им дать, а тому (Симону) не дать – это величайшее знамение. "**Они же, засвидетельствовав и проповедав слово Господне, обратно пошли в Иерусалим и во многих селениях Самарийских проповедали Евангелие**" (ст. 25). Прекрасно сказано: "**засвидетельствовав**". Они свидетельствуют, может быть, касательно того (Симона), чтобы (верующие) не прельстились, чтобы они были в безопасности, чтобы по неопытности не были часто увлекаемы. "**Обратно пошли в Иерусалим**". Зачем они опять идут туда, где было гонение, где было начало бедствий, где особенно пребывали убийцы? Как на сражениях поступают военачальники, устремляясь к той части войска, которая ослабевает, точно так делают и они. Смотри еще: ученики не прежде приходят в Самарию, но вследствие гонения, как и при Христе, а потом уже к уверовавшим из самарян посылаются апостолы. "**Находившиеся в Иерусалиме Апостолы**", говорит (писатель), "**услышав, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна**" (ст. 14). Для чего же посылаются? Для того, чтобы избавить их от волхвования, чтобы напомнить учение, которое они слышали от Христа, когда в начале уверовали. Итак, (Симону) напротив следовало попросить, чтобы самому получить Духа Святого; а он, не заботясь о Нем для себя, просит, чтобы (иметь силу) сообщать Его другим. И те (семь диаконов) не получили Его так, чтобы сообщать другим; а он захотел стать славнее Филиппа, будучи в числе учеников его. "**Серебро твое да будет в погибель с тобою**". Это – слова не надевающегося, но учащего. Так как он не употребил сребра, на что должно, то пусть, говорит, оно будет при тебе – таком (нечестивце). Или как бы так сказал: пусть оно погибнет вместе с твоим намерением, потому что ты так низко думаешь о даре Божием, считая его делом совершенно человеческим. Не таков этот дар. Если бы он пришел, как следовало придти, то был бы принят, или, по крайней мере, не был бы отвергнут, как зараза. Видишь ли, как тот грешит сугубо, кто думает низко о (предметах) высоких? Поэтому (апостол) повелевает ему два (дела): "**покайся и молись, может быть, опустится тебе помысел сердца твоего**". Так тот замыслил дело порочное; потому

(апостол) и сказал ему: "**может быть, опустится тебе**", – зная, что он неисправим. Он же, со своей стороны, опасался народа и не решился раскаяться. Если бы он не смутился, то сказал бы: я не знал, я поступил легкомысленно; но он был поражен, во-первых, тем, что пред ним совершались знамения, а во-вторых, тем, что сокровенное в душе его сделалось явным. Поэтому он и отправился далеко, в Рим, куда апостол еще не доходил. "**И во многих**", говорит, "**селениях Самарийских проповедали Евангелие**". Смотри, как и в самом путешествии они совершали свое дело; они и путешествовали не напрасно. Такие путешествия должно совершать и нам. Но что я говорю: путешествия? Многие имеют села и деревни, но не заботятся и нисколько не пекутся о них. О том, как бы устроить баню, как увеличить доходы, как устроить дворы и жилища, они заботятся много; а о том, как бы возделать души, нисколько. Когда ты видишь на поле терние, то исторгаешь, жжешь, уничтожаешь его, чтобы освободить землю от причиняемого им вреда; но, видя самих земледельцев, исполненных тернием, не исторгаешь его: неужели, скажи мне, ты не боишься и не трепещешь Того, Который потребует от тебя отчета за них? Не должен ли каждый из верующих построить церковь, пригласить учителя в помощь себе, и заботиться прежде всего о том, чтобы все были христианами? Каким образом, скажи мне, земледелец будет христианином, когда он видит, что ты так нерадишь о его спасении? Но ты не можешь творить знамений и убеждать? Убеждай их тем, чем можешь: человеколюбием, предстательством, кротостью, ласками и всем другим.

Рынки и бани строят многие, а церквей не строят, и скорее все (сделают), нежели это. Поэтому убеждаю, умоляю и прошу как милости, или лучше, поставляю даже законом, чтобы никто не имел села без церкви. Не говори мне: (церковь) есть близко, у соседей; (с нею) много расходов, не много доходов. Если ты имеешь что-нибудь уделять нищим, то употреби это на нее; лучше на это, нежели на то; содержи учителя, содержи диакона и священнослужительский чин. Подобно тому, как (ты делаешь), когда берешь жену или невесту, или отдаешь дочь, так поступи и с церковью. Удели ей приданое. Таким образом село твое исполнится благословения. Каких не будет там благ? Не важно ли, скажи мне, что гумно (твое) будет благословляться? Не важно ли, что от всех плодов твоих Бог прежде всех будет принимать часть и начатки? Это полезно для мира земледельцев. Затем и священник будет пользоваться уважением, и для села это послужит во спасение. Там (будут совершаться) за тебя постоянные молитвы, песнопения и торжества, и приношение (бескровной жертвы) в каждый день воскресный. Что более достойно хвалы – то ли, что другие строят великолепные гробницы, чтобы после них говорили: такой-то построил их, или то, что ты воздвиг церкви? Подумай, что, воздвигнув жертвенник Богу, ты будешь иметь воздаяние до самого пришествия Христова.

5. Скажи мне: если бы царь повелел тебе построить дом, чтобы ему жить там, не сделал ли бы ты всего? Но здание церкви есть царственное жилище Христа. Не смотри на расходы, но подумай о плоде. Те возделывают землю, – ты возделай их души; те приносят тебе плоды, – ты возводи их на небо. Кто полагает начало, тот (бывает) виновником и всего прочего. Так и ты будешь виновником (спасения) оглашаемых там и в ближайших селениях. Бани делают земледельцев очень изнеженными, корчмы – очень невоздержными; но, не смотря на то, вы строите их ради славы. Рынки и сходбища (делают их) бесстыдными; а здесь все напротив. Каково видеть священника, шествующего, подобно Аврааму, убеленного сединами, опоясанного, возделывающего землю и работающего своими руками! Что вожделеннее такого селения? Здесь добродетель гораздо больше. Здесь нет распутства: оно отвергнуто; нет пьянства и объядения: они изгнаны; нет тщеславия: оно погашено; здесь радушие больше сияет от простосердечия. Каково выходить и входить в дом Божий и сознавать, что сам построил его, лечь отдохнуть и после телесного отдыха присутствовать при вечерних и утренних молитвословиях, пригласить к своему столу священника, беседовать с ним, принимать

благословение, видеть, как и другие идут туда! Это – стена, это – безопасность селения. Это – та нива, о которой сказано: "**вот запах от поля [полного], которое благословил Господь**" (Быт.27:27). Если и без того село хорошо по тишине и спокойствию, в нем господствующему, то, когда оно будет иметь и это, с чем сравнится? Подлинно, село, имеющее церковь, подобно раю Божию. Нет там ни крика, ни шума, ни разных врагов, ни ересей: все являются друзьями, исповедующими одни и те же догматы. Тишина располагает тебя к любомудрию; священник, начав с этого любомудрия, легко уврачует тебя. Здесь все, что мы говорим, рассеивается на торжище; а там, что ты услышишь (от него), твердо напечатлеешь в душе своей, и оттого в селе ты будешь другим (человеком). Он и тех (поселян) станет руководствовать и будет для них стражем, как самым пребыванием (между ними), так и вразумлением их. А какие расходы, скажи мне? Ты построй сначала небольшой дом в виде храма; кто-нибудь после тебя построит притвор, а другой после него прибавит еще что-нибудь, и таким образом тебе вменится все. Ты даешь немногое, а получаешь воздаяние за все. Итак, сделай начало, положи основание, или лучше сказать, убеждайте друг друга, соревнуйте между собою в этом деле. Места, где надобно хранить мякину, рожь и все подобное, устрояют со всеми удобствами; а где надобно собирать плоды духовные, о том нисколько не заботятся, но принуждают себя проходить тысячи стадий и предпринимать дальние путешествия, чтобы придти в церковь. А как хорошо, когда священник с совершенным спокойствием приходит в церковь, чтобы приступить к Богу и каждый день молиться о селе, о создателе (храма)! Не важно ли, скажи мне, что твое имя будет постоянно поминаться в священнодействиях и каждый день будут совершаться о селе молитвы к Богу? Сколько это принесет тебе пользы и в прочих отношениях! Случается, что иные из твоих соседей имеют покровителей; к тебе – бедному – никто из них и придти не захочет, а священника, быть может, и пригласит, и посадит за стол вместе с собою. Видишь ли, сколько отсюда может произойти благ? Село будет свободно от всякого дурного нарекания; никто не станет обвинять его ни в убийстве, ни в воровстве, ни подозревать в чем-нибудь подобном. Будут иметь (поселяне) от этого и другое утешение, когда приключится с кем болезнь или смерть. Не без пользы и не как случилось будут там вести дружбу посещающие друг друга; и собрания будут гораздо приятнее, нежели на (народных) праздниках. И не только собрания, но и сами старейшины будут более уважаемы ради священника. Ты, конечно, слышал, что Иерусалим у древних был почитаем более остальных городов, – и не без причины, но потому, что (в нем) тогда господствовало благочестие. Где почитают Бога, там нет ничего худого; а напротив, где не почитают Его, там нет ничего доброго. Так будет (там) великое благосостояние и по отношению к Богу, и по отношению к людям. Поэтому увещеваю вас – не небрежно, но усердно приняться за это дело. "**Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста**" (Иер.15:19), то приносящий пользу и спасение столь многим душам, которые теперь существуют и которые еще будут до пришествия Христова, какого благоволения не удостоится от Бога! Устрой твердыню против диавола: это и есть церковь. Оттуда пусть простираются руки (поселян) на труд; прежде пусть они простирают их на молитвы, а потом идут на работу. Таким образом, будет у них и телесная сила, и земледелие будет успешно, и все бедствия будут им чужды. Невозможно выразить словом происходящего отсюда удовольствия, пока оно не будет испытано на деле. Не на то смотри, что церковь не приносит никакого дохода. Если так смотришь, то лучше совсем не приступай к делу, если ты не думаешь получать доход выше всякого селения. Если не так думаешь, то и не делай, если не считаешь этого дела выше всего. Что выше этого приобретения – возводить души в житницу небесную? Жаль, что вы не знаете, как важно приобретать души. Послушай, что говорит Христос Петру: "**Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих**" (Ин.21:16). Если бы ты, увидев, что царские овцы или лошади (скитаются) вне затвора и подвергаются опасности, сам построил для них затвор и конюшню, или даже приставил

пастуха к ним, то чем не вознаградил бы тебя царь? Здесь ты собираешь стадо Христово и приставляешь к нему пастыря, и неужели, думаешь, совершаешь дело не важное? Но что я говорю? Если соблазняющему и одного (человека) угрожает такое наказание (Лк.17:2), то спасающий столь многих людей, скажи мне, неужели не спасется? Без сомнения, спасется. Какой грех будет за ним? А если какой и будет, то не простится ли ему? Из наказания соблазняющему познай воздаяние спасающему. Если бы для Бога не было вожделенно спасение и одной души, то погубление ее не подвергалось бы такому гневу Его. Итак, зная это, примемся за это духовное дело; пусть каждый (из вас) пригласит и меня, и мы вместе устроим это по возможности. И если будут три владельца, то пусть делают это общими силами; а если один, то пусть убеждает к тому и прочих соседей. Только, увещеваю вас, постарайтесь сделать это, чтобы, во всем благоугождая Богу, сподобиться нам вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 19

"А Филиппу Ангел Господень сказал: встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пуста. Он встал и пошел" (Деян.8:26,27).

1. Мне кажется, что (Филипп) получил это повеление, находясь в Самарии, потому что из Иерусалима (в Газу) надобно идти не к полудню, а к северу, от Самарии же к полудню. "**Которая пуста**". Это сказано для того, чтобы он не опасался нападения со стороны иудеев. И он не спросил: для чего? – но "**он встал и пошел**". "**И вот**", говорит (писатель), "**муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ ее, приезжавший в Иерусалим для поклонения, возвращался и, сидя на колеснице своей, читал пророка Исаию**"(ст. 27, 28). Много похвального сказано о нем в этих словах; несмотря на то, что он жил в Ефиопии, занят был таким множеством дел, находился в суеверном городе, и праздника не было, он приезжал на поклонение в Иерусалим. Великое усердие его (видно) и из того, что, сидя на колеснице, он читал. "**Дух сказал Филиппу: подойди и пристань к сей колеснице. Филипп подошел и, услышав, что он читает пророка Исаию, сказал: разумеешь ли, что читаешь? Он сказал: как могу разуметь, если кто не наставит меня?**" (ст. 29-31). Вот и еще похвальное качество. Какое? То, что он, не понимая, читал. Но потом, по прочтении, старается уразуметь. "**И попросил Филиппа взойти и сесть с ним. А место из Писания, которое он читал, было сие: как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзает уст Своих. В уничижении Его суд Его совершился. Но род Его кто разъяснит? ибо вземлется от земли жизнь Его. Евнух же сказал Филиппу: прошу тебя сказать: о ком пророк говорит это? о себе ли, или о ком другом? Филипп отверз уста свои и, начав от сего Писания, благовествовал ему об Иисусе**" (ст. 31-35). Видишь ли, как устраивается дело его (обращения)? Сначала он читает и не понимает; притом читает то место, где повествуется о страдании, воскресении и даре (Господнем). "**Между тем, продолжая путь, они приехали к воде; и евнух сказал: вот вода; что препятствует мне креститься?**" (ст. 36) Видел ли ты готовность? Видел ли усердие? "**И приказал остановить колесницу, и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и крестил его. Когда же они вышли из воды, Дух Святый сошел на евнуха, а Филиппа восхитил Ангел Господень, и евнух уже не видел его, и продолжал путь, радуясь**" (ст. 38, 39). Зачем, скажешь, восхитил Филиппа Дух Господень? Затем, что ему предстояло идти и в другие города и проповедовать; и для того это сделано, чтобы он сам впоследствии, удивляясь этому, не считал случившегося с ним делом человеческим, но Божиим. "**А Филипп оказался в Азоте и, проходя, благовествовал всем городам, пока пришел в Кесарию**" (ст. 40). И отсюда видно, что он был из числа семи (диаконов); он же и впоследствии оказывается там в Кесарии. Не без цели восхитил его Дух; иначе евнух

стал бы просить его сопутствовать ему, и Филипп опечалил бы его, не согласившись и отказавши, так как еще не пришло время (для этого). Видел ли ты, как ангелы содействуют проповеди, однако не сами проповедуя, но призывая их (апостолов)? И здесь открывается достойное удивления: что прежде бывало редко и едва ли случалось, то здесь происходит весьма часто. Кроме того, это происшествие было некоторым предзнаменованием того, что (апостолы) обратят и иноплеменников. Достойное вероятия свидетельство могло расположить и других, узнавших об этом, к такой же ревности. Поэтому-то евнух и отправился "**радуясь**"; а если бы он не познал, то и не радовался бы. Но что, скажешь, препятствовало ему хорошо познать все это, сидя на колеснице и особенно в пустыне? То, что это не было ясно. Но обратимся к прочитанному выше. "**И вот, муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской**". Отсюда видно, что (ефиопляне) были управляемы ею; в древности и женщины управляли; таков был у них закон. Таким образом Филипп не знал, для чего он "**пошел**" в пустыню, так как не (прежде) ангел, но (после) восхищает его. Евнух же и ничего этого не видит, – потому ли что он был еще не совершен, или потому, что это – дело не телесных, но духовных очей, и еще не знает того, чему научает его Филипп. А почему ангел не является ему и не приводит его к Филиппу? Может быть, потому, что тогда он не послушался бы, но только был бы изумлен. Посмотри на любомудрие Филиппа: он не укорил, не сказал: ты не знаешь, я тебя научу; не сказал: я хорошо знаю это; не польстил и не сказал: блажен ты, читающий. Так, слова его были чужды и надменности, и лести, но более выражали попечение и человеколюбие. Ему самому нужно было спросить, самому нужно было пожелать. Сказав: "**разумеешь ли, что читаешь?**" он выражает, что ему известно, что тот ничего не знает, и вместе показывает, что великое сокровище заключается (в прочитанном).

2. Но смотри, как благоразумно отвечает и евнух: "**как могу**", говорит, "**разуметь, если кто не наставит меня?**" Он не посмотрел на (внешний) вид (Филиппа), не сказал: кто ты таков? – не укорял, не тщеславится, не говорил, что знает, но сознается, что не понимает; потому и получает наставление. Он показывает рану врачу; уразумел, что (Филипп) и знает это, и желает научить. Он заметил смирение (его), – так как он был не в блестящей одежде. Такое он имел желание слышать и внимать словам его, что и слова (Писания): "**ищущий находит**" (Мф.7:8) исполнились на нем. "**И попросил**", сказано, "**Филиппа взойти и сесть с ним**". Видел ли ты усердие? Видел ли желание? "**Попросил Филиппа взойти и сесть с ним**". Он еще не знал, что тот скажет ему, но просто думал услышать что-нибудь о пророчестве. Очень большая честь (Филиппу) и в том, что (евнух) не просто посадил его, но "**попросил**". "**Филипп подошел и, услышав, что он читает**". Приближение показывает (в Филиппе) желание говорить, а чтение – знак усердия (в евнухе). Он читал в то время, когда солнце производит сильнейший зной. "**А место из Писания, которое он читал, было сие: как овца, веден был Он на заклание**". И это служит доказательством его любомудрия, что он держал в руках такого пророка, который выше прочих. Потому и говорит (Филиппу) не с тщеславием, но спокойно, и притом говорит так не прежде, как будучи спрошен, когда тот спросил его. Точно также он и далее говорит: "**прошу тебя сказать: о ком пророк говорит это?**" Мне кажется, он не знал, что пророки говорят о других; или, если не так, то не знал, что о самих себе они говорят в другом лице. Устыдимся мы, и бедные, и богатые, этого хранителя сокровищ! Потом "**продолжая путь, они приехали к воде; и евнух сказал: вот вода**". Это – (знак) сильно пламенеющей души. "**Что препятствует мне креститься?**" Видишь ли его готовность? Не говорит: крести меня, и не молчит; но говорит нечто среднее, выражающее и желание, и благоговение: "**что препятствует мне креститься?**" Смотри, как он уже получил совершенное (познание) догматов; ведь пророчество содержало в себе все: воплощение, страдание, воскресение, вознесение и будущий суд; это-то в особенности и произвело в нем сильное желание (креститься). Устыдитесь вы, которые

остаетесь еще непросвещенными! "**И приказал остановить колесницу**". Сказал и в то же время повелел, прежде чем услышал (ответ). "**Когда же они вышли из воды, Филиппа восхитил Ангел Господень**". Хорошо (сделано), – чтобы явно было, что происходящее есть дело Божие, и чтобы (евнух) не подумал, что (Филипп) – простой человек. "**И продолжал путь, радуясь**". Это сказал (писатель), выражая, что он опечалился бы, если бы узнал (об удалении Филиппа); так от великой радости, по получении Духа, он и не заметил происходившего около него. "**А Филипп**", говорит, "**оказался в Азоте**". И Филипп получил от того великую пользу. Что он слышал о пророках, об Аввакуме, Иезекииле и прочих, увидел исполнившимся на себе, оказавшись прошедшим мгновенно далекий путь; "**и оказался в Азоте**", останавливается там, где ему и надлежало проповедовать. "**Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим**" (Деян.9:1,2). Благовременно (писатель) повествует о ревности Павла, чтобы показать, что он именно увлекался ревностью. Еще не насытившись убиением Стефана и не удовольствовавшись гонением и рассеянием Церкви, он приходит к архиерею. Здесь исполняются слова Христовы, сказанные к ученикам: "**всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу**" (Ин. 16:2). Так он поступал, но не так, как иудеи, – да не будет! Он поступал по ревности, как видно из того, что отправлялся и в чужие города; а они не заботились и о том, что происходило в Иерусалиме, но домогались одного только – насладиться честью. Зачем он отправлялся в Дамаск? Это был город большой, столичный; он боялся, чтобы и туда не проникли (верующие). И посмотри на его усердие и ревность, как он действовал по закону. Он не приходит к правителю, но к архиерею. "**Пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению**". "**Последующих**" называет (писатель) верующих, которых тогда все так называли, может быть, потому, что они шли по пути, ведущему на небо. Почему же он не получил власти наказать их там, но ведет в Иерусалим? Чтобы здесь с большею властью совершить наказание. И смотри, подвергая себя такой опасности, он, однако, боится, чтобы не потерпеть чего-нибудь худого; потому он берет с собою и других, может быть, из страха, или потому, что шел против многих, он и берет многих, чтобы смелее, "**кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим**". С другой стороны, этим путешествием он хотел показать всем им, что все это – его (дело); а те не заботились об этом. И заметь, он и прежде ввергал (в темницу). Так, чего те не могли, то он мог по ревности. "**Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" (ст. 3, 4).

3. Почему это случилось не в Иерусалиме? Почему не в Дамаске? Чтобы другие не могли иначе рассказать об этом, но чтобы сам, шедший с такою целью, рассказал и был достоин вероятия. Это он и рассказывает в защитительной речи пред Агриппою (Деян.26:10-18). Он страдал глазами, потому что чрезмерный свет обыкновенно ослепляет, зрение же имеет свою меру. Говорят, что и чрезмерный звук оглушает и поражает; но его (Господь) только ослепил и страхом угасил ярость его, так что он услышал слова: "**Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" Не говорит ему: уверуй, и ничего подобного; но укоряет, и в укоризне как бы говорит: за какую обиду от Меня, большую или малую, ты делаешь это? "**Он сказал: кто Ты, Господи?**" Здесь он признает себя рабом. "**Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь**" (ст. 5). Как бы так говорил: не подумай, что ты ведешь брань с людьми. "**Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша**" Павла "**голос, а никого не видя**" (ст. 7), кому он отвечал. Естественно, – потому что они удостоились слышать меньшее. Если бы они услышали тот глас (Господа), то и тогда не уверовали бы; а видя Павла отвечающего, изумлялись. Но "**встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать**" (ст. 6). Смотри, как (Господь) не тотчас

открывает ему все, но (прежде) только смягчает его душу; и повелевая, что делать ему, вместе с тем подает ему добрую надежду, что он опять получит зрение. "**Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя. Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел. И повели его за руки, и привели в Дамаск**" (ст. 7, 8). Вводят добычу, (отнятую) у диавола, сосуды его, как бы по взятии какого-нибудь города или столицы. И подлинно удивительно, что сами враги и противники вводили его пред глазами всех. "**И три дня он не видел, и не ел, и не пил**" (ст. 9).

Бывало ли что-нибудь подобное этому? Обращение Павла служит утешением, вознаграждающим за скорбь о Стефане, которая хотя и сама в себе имела нечто утешительное в том, что он так отошел (к Господу), но теперь получила и это (утешение); также и селения самарийские обращением (своим) принесли весьма много утешения.

Зачем, скажешь, это случилось не в начале, но после? Чтобы показать, что Христос воистину воскрес. Кто гнал Его, не веровал Его смерти и воскресению и преследовал учеников Его, тот каким образом, скажи мне, уверовал бы, если бы не была велика сила Распятого? Положим, что те (ученики) действовали из преданности к Нему; но что скажешь об этом? С другой стороны, он обратился после воскресения, а не тогда же, для того, чтобы вражда его обнаружилась яснее. Неистовствовавший до того, что проливал и кровь и ввергал в темницы, вдруг верует. Не достаточно было того, что он не обращался со Христом; но надлежало, чтобы он и жестоко преследовал верующих, и он достиг крайней степени неистовства и был жесточе всех. Но когда он лишился зрения, тогда познает знамения Его силы и человеколюбия. Или для того (это было), чтобы кто-нибудь не сказал, будто Савл притворялся. Как мог притворяться тот, кто жаждал крови, приходил к священникам, подвергал себя опасностям, преследовал и наказывал даже вне (Иерусалима)? И он после всего этого признает силу (Христову). Но почему не внутри города, а пред ним, свет облистал его? Потому что (тогда) многие не только не уверовали бы, но еще стали бы издеваться, подобно тому, как там, когда услышали глас, нисшедший свыше, говорили: "**это гром**" (Ин.12:29); а ему должны были поверить, когда он рассказывал о случившемся с ним. И вели его связанного, хотя не возложенными на него узами, вели того, кто сам надеялся вести других. Но почему он не ел и не пил? Он раскаивался в делах своих, исповедовался, молился, просил Бога. Если же кто скажет, что это было делом необходимости, – ведь и Елима тоже потерпел (Дян.13:11), – мы скажем: да, и тот потерпел, но остался, как был. Следовательно, не без принуждения ли он так поступал? Что могло быть разительнее землетрясения, бывшего при воскресении (Христовом), – воинов, возвестивших (об этом), – прочих знамений, – и того, что видели Его воскресшим? Но и это не было принуждением, а внушением. Иначе почему бы иудеи не уверовали, слыша обо всем этом? Очевидно, что он действовал искренно. Он не обратился бы, если бы не случилось этого, так что все должны были ему поверить. Он был не меньше проповедавших о воскресении (Христовом), даже еще и достовернее их, (как) обратившийся внезапно. Он не имел сношений ни с кем из верующих, но обратился в Дамаске, или, лучше сказать, это случилось с ним пред Дамаском. Я спрашиваю иудея: отчего, скажи мне, обратился Павел? Он видел столько знамений, и не обращался. Учитель его (Гамалиил) обратился, а он не обращался. Кто же убедил его? Или лучше – кто внезапно возбудил в нем такую ревность, что он желал и сам отлучен быть ради Христа (Рим.9:3)? Истина дела очевидна. Впрочем, (вспомним) о чем я говорил, и устыдимся евнуха, просвещаемого и читающего. Видите ли, какую он имел власть, какое богатство, и, однако, не отдыхал и на пути? Каков же он, следовательно, был дома, если и во время путешествия не позволял себе быть праздным? Каков он был ночью?

4. Вы, которые отличены почестями, послушайте и подражайте смирению и благочестию. Он, хотя возвращался домой, но не сказал самому себе: я возвращаюсь в отечество, там приму баню (крещения), – как сказали бы равнодушно многие. Не требовал знамений, не требовал чудес, но только от пророка уверовал. Потому и Павел, скорбя о себе, говорит: "**но для того я и помилован: Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии**" (1Тим. 1:13,16). И подлинно, достоин удивления этот евнух. Он не видел Христа, не видел знамений; видел Иерусалим еще стоящим (в целости), и поверил Филиппу. Отчего же он сделался таким? Он имел попечение о душе своей, внимал Писаниям, упражнялся в чтении (их). Ведь и разбойник видел знамения, и волхвы видели звезду; а он ничего такого не видел и уверовал: как полезно чтение Писаний! Что же Павел? Не поучался ли и он в законе? Но, мне кажется, он нарочито был оставлен (в таком состоянии) для того, о чем я сказал выше, по изволению Христа, желавшего всеми мерами привлечь к Себе иудеев. Если бы они имели ум, то ничто не принесло бы им столько пользы, как это (чтение Писаний). Ведь оно более знамений и всего другого могло бы привлечь их (ко Христу), равно как ничто столько не соблазняет обыкновенно людей более грубых. Итак, смотри, как и по рассеянии апостолов Бог творит знамения. иудеи обвинили апостолов, ввергли их в темницу; но Бог творит знамения. И посмотри, какие. Изведение из темницы было Его знамение: приведение Филиппа было Его знамение; обращение Павла было Его знамение; явление Стефану было Его знамение. И заметь, какая оказывается честь Павлу, и какая евнуху. Здесь (Павлу) даже является сам Христос, может быть, по причине ожесточения (его) и потому, что иначе он не уверовал бы. Внимая этим чудесам, и мы соделаем себя достойными. Но ныне многие даже не приходят в церковь и не знают, что (в ней) читается; евнух же на улице, и сидя на колеснице, внимательно читал Писания. Но вы не так; из вас никто не имеет в руках Библии, и скорее (возьмет) все другое, чем Библию. А почему он встречается с Филиппом не прежде (посещения) Иерусалима, а после того? Ему не следовало видеть апостолов гонимыми, потому что он был еще немощен; и прежде это было бы не так удобно, как тогда, когда пророк наставил его. Так и теперь, если кто из вас желал бы внимать пророкам, то он не будет нуждаться в знамениях. Но, если угодно, рассмотрим и самое пророчество, что говорит оно. "**Как овца, веден был Он на заклание, в уничижении Его суд Его совершился**". Отсюда он узнал, что (Христос) был распят, что была взята от земли жизнь Его, что Он не совершил греха, что мог и других спасти, что род Его неисповедим, что камни распались, что завеса раздралась, что мертвые восстали из гробов; или лучше, обо всем этом сказал ему Филипп, только по поводу (чтения) из пророка. Подлинно, важно чтение Писаний. Так исполнялось сказанное Моисеем: "**сидя в доме твоем и идя дорогою, и ложась и вставая**", помни Господа Бога твоего (Втор.6: 7). В особенности на пути, в пустыне, когда никто не препятствует, мы бываем способнее к размышлению. И евнух уверовал на пути, и Павел – на пути; но его (Павла) не другой кто привлек, а сам Христос. Это важнее того, что делали апостолы; важнее потому, что, тогда как апостолы находились в Иерусалиме, и ни один из них не был в Дамаске, он возвратился оттуда верующим; а находившиеся в Дамаске знали, что из Иерусалима он шел еще неверующим, так как он нес письма, чтобы связывать верующих. Как прекрасный врач (употребляет врачество), когда горячка еще в полной силе, так и Христос (в это время) подал ему немощь, потому что надлежало удержать его среди самого неистовства. Тогда лучше он смирился и раскаялся в своих жестоких предприятиях. Но опять нужно обратить слово к вам. Для чего, скажите мне, Писания? Если бы от вас зависело, то они все были бы уничтожены. Для чего Церковь? Зарой в землю книги: может быть, не такое (постигнет тебя) осуждение, не такое наказание. Если бы кто зарыл их в грязь и не слушал их, то и тогда не столько оскорбил бы их, как теперь. Что, скажи мне, оскорбительного там? То, что кто-либо зарыл их. А что здесь? То, что мы не слушаем их. Скажи мне: когда всего больше оскорбляет кто-либо, тогда ли, когда не отвечает

молчащему, или когда (не отвечает) говорящему? Конечно, когда говорящему. Так и теперь, большее оскорбление, большее пренебрежете (ты оказываешь), когда не слушаешь говорящего. "**Мы не слушаем от тебя**", говорили в древности иудеи пророкам (1Цар.8:19, Иер.44:16); вы же хуже делаете, говоря: не говорите, мы делать не будем. Те удерживали пророков, чтобы они не говорили, как бы по некоторому благоговению к словам их; а вы по крайнему небрежению и этого не делаете. Поверьте, если бы вы заградили нам уста, положив на них руки, то и тогда не столько оскорбили бы, сколько теперь. Скажи мне, слушающий ли и не повинующийся оказывает более пренебрежения, или тот, кто даже и вовсе не слушает?

5. Но вникнем в этот предмет касательно оскорбления. Если бы кто удерживал укоряющего и заграждал ему уста, чувствуя укоризны его, а другой нисколько не заботился бы и не обращал бы на него внимания, то кто из них показал бы более пренебрежения? Не последний ли? Ведь тот показывает, что он чувствует удар; а этот как бы заграждает уста самого Бога. Вас ужаснуло сказанное? Но послушайте, как это бывает. Уста, чрез которые вещает Бог, это – уста Божии. Как эти вот уста – уста нашей души, хотя собственно душа и не имеет уст, так и уста пророков – Божии. Послушайте и ужаснитесь. Диакон, от лица всех, стоит и, громко восклицая, говорит: **вонмем**; и это часто. Этот голос, который он издает, есть общий голос Церкви, но никто не внимает. После него чтец начинает: **пророчества Исаиина**, – и опять никто не внимает, хотя пророчество не содержит в себе ничего человеческого. Потом в слух всех вещает: **сия глаголет Господь**, – и также никто не внимает. Но что я говорю? Читается нечто страшное и ужасное; но и при этом никто не внимает. И что говорят многие? Всегда, говорят, читается одно и тоже. Это-то особенно и губит вас. Если бы вы знали все это, то тем более не следовало бы оказывать пренебрежение; и на зрелищах всегда бывает одно и то же, и, однако, вы не знаете (в них) сытости. О каком "одном и том же" ты дерзаешь говорить, когда не знаешь даже имен пророков? Не стыдно ли тебе говорить, что ты не слушаешь потому, что всегда читается одно и то же, когда не знаешь даже имен читаемых (писателей), хотя и слушаешь всегда одно и то же. Ты ведь сам сознался, что читается одно и то же. Если бы я говорил это к (твоему) осуждению, то тебе надлежало бы обратиться к другому оправданию, а не (к такому, которое служит) к твоему же осуждению. Скажи мне: не вразумляешь ли ты сына своего? Но, если бы он сказал, что всегда одно и то же, то не принял ли бы ты этого за оскорбление? Тогда можно было бы не говорить одно и то же, когда бы мы и знали это и показывали своими делами; или лучше, и тогда чтение (того же) не было бы излишне. Что может сравняться с Тимофеем? Но, однако, и ему в послании Павел говорил: "**занимайся чтением, наставлением, учением**" (1Тим.4:13). Невозможно, никогда невозможно исчерпать смысл Писаний. Это – некоторый источник, не имеющий предела. Говорят: я научился, – и этого довольно с меня. Но хотите ли, я покажу, что не все одно и то же? Сколь многие, полагаете вы, говорили о Евангелиях? И все они говорили нечто новое и особенное. Чем более кто занимается Писаниями, тем яснее видит, тем более созерцает чистый свет. А сколько я еще могу сказать? Что такое, скажите, пророчество? Что – повествования? Что – притча? Что – иносказание? Что – образ? Что – символ? Что – Евангелия? Скажите мне только о том, что ясно: почему Евангелия так названы? Хотя вы часто слышали, что благовестия (ευαγγέλια) не должны заключать в себе ничего прискорбного, однако, в них много прискорбного. "**Где червь их не умирает**", говорится в них, "**и огонь не угасает**" (Мк.9:44); также: "**и рассечет его, и подвергнет его одной участи с лицемерами**" (Мф.24:51); также: "**и тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие**" (Мф.7:23). Не станем же обольщать себя, воображая, что они называются так (только) у нас по-гречески, или будто это все не относится к нам. Но вы онемели, и, как изумленные, стоите, поникнув долу. Благовестия не должны заключать в себе ничего из (правил) деятельности, но только выражать благоприятное; и, однако, в них

множество правил деятельности, как, напр., следующие: "**кто не возненавидит отца своего и матери, тот не может быть Моим учеником**" (Лк.14:26); и еще: "**не мир пришел Я принести, но меч**" (Мф.10:34); и еще: "**в мире будете иметь скорбь**" (Ин.16:33). Прекрасные (внушения); но это – не благовестия. Благовестием было бы следующее: это будет для тебя хорошо, – как обыкновенно говорят люди друг другу. Что скажешь мне приятного? Придет отец твой, мать твоя. А не говорят: сделай то-то. Еще скажи мне: чем они отличаются от (книг) пророческих? Почему те не называются Евангелиями, хотя также содержат и благовестия, как, например: "**хромой вскочит, как олень**" (Ис.35:6); "**Господь дал слово благовествующим с великою силою**" (Пс.67:12); "**Я творю новое небо и новую землю**" (Ис.65:17). Почему те не называются Евангелиями, или они – пророчеством? Если же вы, не зная, что такое Евангелия, так пренебрегаете чтением Писаний, то, что я скажу вам? Спрошу еще и о другом: почему четыре Евангелия? Почему не десять, почему не двадцать? Почему не многие приступали к составлению Евангелий? Почему не один? Почему ученики (Христовы)? Почему не те, которые не были учениками? Почему вообще (священные книги называются) Писаниями? Между тем, напротив, в ветхом завете говорится: "**Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет**" (Иер.31:31). Где же те, которые говорят, что всегда (читается) одно и то же? Если бы вы знали, что хотя бы человек прожил тысячи лет, и тогда (для него) здесь не было бы одно и то же, – то вы не сказали бы этого. Поверьте, я не стану более говорить вам об этом ничего ни наедине, ни всенародно; но, если кто будет спрашивать, то не откажусь (отвечать); если же нет, то оставлю. И то уже мы причинили вам скорбь, говоря всегда обо всем прямо и не оставляя того, что нужно. Вот вы слышали довольно вопросов: рассмотрите и скажите причину: почему Евангелия (так называются)? Почему не пророчествами? Почему в Евангелиях есть правила деятельности? Если один будет недоумевать, то пусть подумает другой, и свои (мысли) сообщайте друг другу. А мы затем замолчим. Если сказанное не принесло вам никакой пользы, то тем более (будет бесполезно), если бы мы прибавили что-нибудь другое. Подлинно, мы вливали бы (воду) в дырявую бочку; а вас оттого (постигло бы) и большее наказание. Поэтому мы замолчим. А чтобы этого не произошло, зависит от вас. Если мы увидим вашу ревность, то, может быть, опять станем говорить, чтоб и вы более и более преуспевали, и мы радовались о вас, во всем славя Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, держава, величие, честь со безначальным Отцом и Святым Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 20

"В Дамаске был один ученик, именем Анания; и Господь в видении сказал ему: Анания! Он сказал: я, Господи. Господь же сказал ему: встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савла; он теперь молится, и видел в видении мужа, именем Ананию, пришедшего к нему и возложившего на него руку, чтобы он прозрел" (Деян.9:10-12).

1. Почему кого-либо из верховных апостолов не призвал и не послал (Господь) для оглашения Павла? Потому что ему следовало быть введену (в Церковь) не людьми, но самим Христом; и этот (Анания) ничему не научил его, а только крестил. По крещении же он (Павел) тотчас получил великую благодать Духа, за ревность и великое усердие. Впрочем, и Анания был из числа весьма известных это видно как из того, что (Господь) явившись говорит ему, так и из того, что он отвечает в словах: "**Господи! я слышал от многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме**" (ст. 13). Если он возражал Господу, то тем более (сделал бы это), если бы (Господь) послал (к нему) ангела. Поэтому и прежде того Филиппу не было открыто будущее, но только является ему ангел, а потом Дух повелевает подойти и пристать к колеснице

(Деян.8:26,29). Здесь же прежде всего (Господь) освобождает от страха, и как бы так говорит: вот, он молится, он слеп, и ты страшишься? Так страшился и Моисей (Исх.3:11); но это слова только боящегося, а не неверующего. Выслушай и сами слова: "**я слышал от многих о сем человеке**". Что ты говоришь? Бог говорит, а ты сомневаешься? Так они еще не знали силы Христовой. "**И здесь имеет от первосвященников власть вязать всех, призывающих имя Твое**" (ст. 14). Откуда это известно? Вероятно, они, находясь в страхе, разузнавали. Говорит это (Анания) не потому, будто Христос не знал того, но потому, что недоумевал, как, при таких обстоятельствах, возможно исполнение (повеления). Так и в другое время ученики говорят: "**кто же может спастись?**" (Мк.10:26) Но посмотри, что сделано, чтобы Павел поверил тому, кто придет (к нему); он видел в видении (мужа, который) предвозвестил ему (об этом). Он молится, говорит (Господь); поэтому не бойся. Для чего же Он не говорит ему о происшедшей перемене (в Павле)? Для того, чтобы научить нас не говорить о наших добродетелях; а более потому, что видит его в страхе. Не сказал и так: тебе он поверит; но что? "**Встань и пойди**". "**И видел в видении мужа, возложившего на него руку**". "**В видении**" потому, что он был слеп. И это великое чудо не убедило ученика: так он страшился! Но, не смотря на то, чрез него Бог возвратил зрение Павлу, бывшему слепым. "**Но Господь сказал ему: иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми. И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое**" (ст. 15, 16). Не только будет верующим, говорит, но и учителем и с великим дерзновением будет говорить "**перед народами и царями**". Так, говорит, возрастет это учение, что и народы, и все цари покорятся ему. "**Анания пошел и вошел в дом и, возложив на него руки, сказал: брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святаго Духа**" (ст. 17). Тотчас же располагает его к себе названием (брата). "**Иисус, явившийся тебе на пути**" говорит. Этого Христос не сказал ему; но он узнал о том от Духа. "**И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился, и, приняв пищи, укрепился**" (ст. 18, 19). Как только возложил на него руки, так тотчас чешуя и отпала от глаз его. Эта (чешуя), говорят некоторые, и была причиною слепоты его. И почему (Господь) не ослепил глаз его? То и было более удивительно, что он не видел с открытыми (глазами); в таком же состоянии он находился под законом, пока не было возложено на него имя Иисусово. И тотчас "**крестился, и, приняв пищи, укрепился**". Он изнемог как от путешествия, так и от страха, а равно от голода и от скорби. И желая усилить эту скорбь его, (Господь) попустил ему оставаться слепым, пока не пришел Анания. А чтобы кто не подумал, будто слепота его была только воображаемая, для того – чешуя. Следовательно, он не имел нужды в каком-либо другом научении; но случившееся было научением. "**И был Савл несколько дней с учениками в Дамаске. И тотчас стал проповедывать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий**" (ст. 19, 20). Смотри, тотчас же он сделался учителем в синагогах; не стыдился перемены, не боялся разрушать то, чем прежде славился; и не просто был учителем, но и в синагогах. Таким сделался человек, в начале причинявший смерть и расположенный к убийству! Видишь ли, какое явное знамение совершилось на нем? Этим самым он и удивлял всех, как показывает (писатель), прибавляя: "**и все слышавшие дивились и говорили: не тот ли это самый, который гнал в Иерусалиме призывающих имя сие? да и сюда за тем пришел, чтобы вязать их и вести к первосвященникам. А Савл более и более укреплялся и приводил в замешательство Иудеев, живущих в Дамаске, доказывая, что Сей есть Христос**" (ст. 21, 22). Как опытный в знании закона, он заграждал им уста и не попускал говорить (противное). Они думали, что, освободившись от Стефана, избавились от подобных состязаний, но встретили другого сильнее Стефана.

2. Но обратимся к вышесказанному об Анании. Не сказал (Господь) ему: побеседуй и наставь его, потому что, если словами: "**он теперь молится, и видел в видении мужа, и**

возложившего на него руку", не убедил, то тем более, если бы сказал это. "**Видел**", говорит, "**в видении**", и потому не будет не верить тебе; не бойся же, но иди. Так и Филиппу не все тогда вдруг было открыто. "**Ибо он есть Мой избранный сосуд**". Этими словами (Господь) совершенно отгоняет страх (Анании) и внушает ему смелость, (представляя), как (Павел) будет предан Ему до того, что и претерпит многое. Словом: "**сосуд**" показывает, что злоба его не была естественная: прибавляет: "**избранный**", чтобы показать, что он благоугоден Ему, так как мы избираем благоугодное. Слыша это, да не подумает кто-либо, что Анания говорит это потому, что не верит сказанному, или полагает, что Христос не ведает правды, – да не будет; но, услышав имя Павла, в страхе и трепете он и не внял сказанному; так страх овладел душою его при имени (Павловом), хотя после того, как он услышал, что (Господь) ослепил его, ему следовало быть смелым. "**И здесь**", говорит, "**имеет от первосвященников власть вязать всех, призывающих имя Твое**". Как бы так говорил: боюсь, чтобы он как-нибудь и меня не отвел в Иерусалим; для чего же Ты ввергаешь меня в пасть льва? Для чего предаешь меня ему? Он страшится и говорит так, чтобы мы вполне узнали добродетель этого мужа. Если это говорилось иудеями, то это нисколько не удивительно; если же и им, и притом с таким страхом, то это служит величайшим свидетельством силы Божией. "**Брат Савл**". Здесь и великий страх и еще большее послушание после страха. Затем, чтобы после слов: "**избранный сосуд**", ты не сказал, что все это – дело Божие, (Господь), удаляя от тебя такую мысль, прибавляет следующее: "**чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми**". Анания услышал то, чего сильно желал, – что (Павел) противостанет и иудеям; поэтому исполняется не только радости, но и дерзновения. "**И Я покажу ему**", говорит (Господь), "**сколько он должен пострадать за имя Мое**". Эти слова и пророчественные, и вместе увещательные: если тот, кто так неистовствовал, готов перенести все, то как этому не хотеть крестить его, "**чтобы он прозрел**"? Хорошо, говорит (Анания), пусть он останется слепым; он ныне кроток, потому что слеп; зачем же Ты повелеваешь мне отверсть очи его? Не для того ли, чтобы он опять связывал (верующих)? Но не убойся того, что будет, (отвечает Господь); прозрением он будет пользоваться не против нас, а за нас; к тому: "**чтобы он прозрел**", надобно прибавить еще и это. Не бойся: он не сделает вам никакого зла, но еще сам пострадает много. И то удивительно, что он прежде пострадает, и тогда пойдет на опасности. "**Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня**". Не сказал: ослепивший, но: "**явившийся тебе**". Так выразился он смиренно, и не сказал чего-нибудь тщеславного. Подобным образом и Петр говорил о хромом: "**что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?** " (Деян.3:12); также и он: "**явившийся тебе на пути**", – говорил это, возложив руки, и сугубая слепота разрешилась. Когда же (писатель) говорит: "**и, приняв пищи, укрепился**", то показывает, что он изнемог от скорби по причине слепоты, и от страха, и от голода. Он не хотел и принимать пищи дотоле, пока не крестится и вместе с тем получит великие дары. Не говорит (Анания): Иисус распятый, Сын Божий, творящий знамения; но что? "**Явившийся тебе на пути**", – то, что Павлу было известно, – подобно тому, как и Христос ничего больше не прибавил и не сказал: Я – распятый, воскресший, но: "**Которого ты гонишь**". Не сказал (Анания): Тот, которого ты гнал, – чтобы не показаться разгневанным и насмехающимся. "**Явившийся тебе**", говорит, "**на пути**". Он сам не был виден, но явился делами. Желая смягчить жесткость этих слов, тотчас прибавил: "**прозрел и исполнился Святаго Духа**". Я пришел говорит, не обличать бывшее, но преподать дар. Мне кажется, что он (Павел), подобно тому как и Корнилий, тотчас по произнесении этих слов сподобился Духа, хотя преподававший и не был из числа двенадцати. Так все касающееся Павла было не человеческим и совершалось не через человека, но сам Бог был совершителем. А вместе с тем (Бог) научает его смирению тем, что не приводит его к верховным апостолам, и показывает, что здесь нет ничего человеческого. Он не сподобился Духа, творящего знамения, чтобы и чрез это явилась вера его, так как он

(тогда) не творил чудес. "**И тотчас**", говорит (писатель), "**стал проповедывать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий**". Не проповедовал, что воскрес, или что Он жив; но что? Весьма точно излагал догмат: "**что Он есть Сын Божий**". Они же, слыша это, остаются в неверии, между тем как надлежало не только веровать, но и ужасаться. И почему они говорят не просто, что он был гонителем, но что он "**который гнал в Иерусалиме призывающих имя сие?**" Они выражают этим крайнее неистовство. И не сказали: Иисуса, не желая по ненависти даже слышать этого имени: так они были ожесточены! "**И сюда за тем пришел**". Не можем сказать, говорят, чтобы он прежде обращался с апостолами.

3. Смотри, сколько свидетельств того, что Павел был из числа врагов (Христовых)! Он же не только не стыдился этого, но и хвалился. "**Савл более и более укреплялся и приводил в замешательство Иудеев**", заграждал им уста, не попускал сказать что-нибудь (противное), доказывая, "**что Сей есть Христос**", и, уча этому, потому что он тотчас же сделался учителем. "**Когда же прошло довольно времени, Иудеи согласились убить его**" (ст. 23). Иудеи опять прибегают к жестокому умыслу; но уже не ищут клеветников, обвинителей и лжесвидетелей, уже не хотят иметь их; а что? Действуют, наконец, сами собою. Они увидели, что дело возрастает; потому не производят и суда. "**Но Савл узнал об этом умысле их. А они день и ночь стерегли у ворот, чтобы убить его**" (стр. 24). Почему? Потому, что это было для них невыносимее всех уже прежде бывших знамений, с пятью тысячами, с тремя тысячами (обращенных ко Христу), и всех вообще. И смотри, теперь он спасается не благодатию, но человеческою мудростью, чтобы ты понял добродетель этого мужа, прославившегося и без чудес. "**Ученики же ночью, взяв его, спустили по стене в корзине**" (ст. 25). Так и следовало, чтобы дело не было замечено. Что же? Избегнув такой опасности, остается ли он (спокойным)? Нет, но уходит туда, где мог еще более возбудить их. Многим еще казалось невероятным, что он точно уверовал. Оттого это и происходило, спустя довольно дней. Что же это значит? Вероятно, он сначала не хотел выходить оттуда, как многие, может быть, просили; когда же узнал (о замысле иудеев), тогда позволил ученикам своим (спустить себя); а он уже имел учеников. На это указывая, он сам говорил: "**в Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна**

по стене и избежал его рук" (2Кор.11:32). И смотри, как евангелист не говорит ничего тщеславного и не восхваляет Павла, но только, что они возбудили к тому царя. Итак, они спустили его одного и с ним никого. Это также не напрасно, так что он сам мог явиться к апостолам в Иерусалиме; или лучше, они спустили его, чтобы он затем искал себе спасения; а он сделал противное, отправившись прямо к неистовствующим. Так он воспламенился, так сильно горел! И посмотри, как он следует (Христу), с первого дня соблюдая заповедь, которую слышали апостолы: "**и кто не берет креста своего и следует**

за Мною" (Мф.10:38). То самое, что он пришел после прочих, делало его ревностнейшим, и на деле здесь исполнилось сказанное: "**кому мало прощается, тот мало любит**" (Лк.7:47), так что чем позже он пришел, тем больше возлюбил. Потому, осуждая прежнюю свою жизнь и часто упрекая себя, он ничего не считал достаточным для заглаждения прежнего. И смотри, они не говорят ему: ты был гонителем, для чего же переменился? Они стыдились (говорить это); вместо того совещались между собою. Иначе он гораздо справедливее сказал бы им: это-то особенно и должно вразумить вас, – как он защищался пред Агриппою (Деян.26:9-20). Будем, увещеваю вас, подражать ему и мы, и будем готовы на все опасности. Как же, скажут, он обратился в бегство? Это он сделал не по трусости, но сохранял себя для проповеди. Если бы он страшился, то не пошел бы в Иерусалим, не стал бы тотчас же учить, оставил бы ревность. Но он действовал не по страху, а по благоразумию. Он научен был страданием Стефана.

Поэтому он не считал великим умереть за проповедь, если это не соединялось с великою пользою. Это – муж, который не хотел даже видеть Христа, Которого теперь более всего желал бы видеть, когда еще не было исполнено служение его людям. Такова должна быть душа христианина!

4. Характер Павла выразился с самого начала и с первого шага его поприща; а лучше сказать – еще и прежде этого. А что он делал не по разуму, то делал, руководствуясь рассуждением человеческим. Если, спустя столько времени, он не хотел разрешиться (от жизни, без пользы для других), то тем более в начале деятельности, когда лишь только вышел из пристани. Христос не избавляет его от опасности, но попускает, потому что желает, чтобы многое совершалось и человеческим благоразумием; с другой стороны, попускает для того, чтобы научить нас, что и они были люди, и что не всегда все совершала благодать. Ведь, если бы этого не было, то можно было бы уподобить их просто деревьям. Поэтому многое и сами они совершали (своими) действиями. Будем так поступать и мы, и также будем пещись о спасении братий. Это - не ниже мученичества, т.е., чтобы не отрицаться ни от каких страданий для спасения многих; ничто так не благоугодно Богу. Опять скажу то, что я часто говорил; скажу, потому что сильно желаю этого. То же делал и Христос, научая прощению (обид); Он говорил: когда вы "**молитесь**", то "**прощай**", если что имеете на кого (Мф.5:23; 6:14; 8:35); и еще, беседуя с Петром, сказал: "**не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз**" (Мф.18:22); и самым делом отпустил все, что было сделано против Него. Так и мы, зная, что в этом цель христианства, непрестанно говорим об этом.

Нет ничего холоднее христианина, который не заботится о спасении других. Здесь ты не можешь извиняться бедностью; положившая две лепты обличит тебя (Лк.21:2); и Петр говорил: "**серебра и золота нет у меня**" (Деян.3:6). А Павел был так беден, что часто голодал и не имел необходимой пищи. Не можешь извиняться незнатностью; и они были незнатны и не от знатных. Не можешь указывать на неученость; и они были неученые. Хотя бы ты был рабом, хотя бы беглецом, – и тогда можешь исполнить свое дело; таков был и Онисим, и, однако, смотри, к чему призывает его (Павел) и в какое возводит достоинство: "**если ты имеешь общение со мною**", говорит, "**в узах моих**" (Фил.1:10,17). Не можешь извиняться немощью; таков был и Тимофей, часто страдавший недугами. А что он был немощен, послушай: "**употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1Тим.5:23). Каждый может быть полезным ближнему, если захочет исполнять, что от него зависит. Не видите ли бесплодных деревьев, как они крепки, как красивы, рослы, гладки и высоки? Но, если бы у нас был сад, то мы захотели бы лучше иметь плодоносные гранатовые или масличные деревья, нежели их, потому что они доставляют (только) удовольствие, а не пользу, хотя, впрочем, бывает и от них некоторая малая польза. Таковы те, которые заботятся только о самих себе, или даже еще хуже; они годны только на сожжение, тогда как те (деревья годны) и на постройку, и для хранения в них вещей. Таковы были те девы, хотя чистые, украшенные и целомудренные, но никому не приносившие пользы; поэтому они и осуждаются на сожжение (Мф.15:1-12). Таковы были не напитавшие Христа; заметь, никто из них не осуждается за собственные грехи: ни за прелюбодеяние, ни за клятвопреступление, вообще ни за что, но за то, что не был полезен другому (Мф.15:41-46). Таков был зарывший талант в землю, безукоризненный по своей жизни, но бесполезный для другого (Мф.25:18-28). И как такой может быть христианином? Скажи мне: если закваска, смешанная с мукою, не сообщает своего свойства всему (смешению), то закваска ли это? Также, если миро не сообщает благовония приближающимся, то можем ли мы его назвать его миром? Не говори: мне невозможно помогать другим; если бы ты был (истинным) христианином, то невозможно было бы этому не быть. Как то, что составляет свойство (вещи), не может быть противно ей, так и здесь, потому что это составляет свойство христианина. Не оскорбляй Бога. Если

бы ты сказал, что солнце не может светить, то оскорбил бы Его; если скажешь, что христианин не может приносить пользу, то (также) оскорбишь Бога и назовешь (Его) лживым, потому что скорее солнце не будет ни греть, ни светить, нежели христианин – не просвещать; скорее свет сделается тьмою, нежели будет это. Не говори же, что невозможно; невозможно противоположное этому. Не оскорбляй Бога. Если мы хорошо исполним, что зависит от нас, то, без сомнения, будет и это, как естественное следствие. Не может утаиться свет христианина; не может сокрыться светильник столь светлый. Не будем же нерадивы. Как от добродетели происходит польза и для нас, и для облагодетельствованных нами, так и от злобы происходит сугубый вред, – и для нас, и для озлобляемых нами. Пусть, например, какой-нибудь человек простой терпит от другого бесчисленное множество зол и никто (за это) пусть не мстит, но даже пусть благодетельствуют ему: какого наставления это не будет сильнее, каких слов, каких увещаний? Какой ярости это не смягчит и не угасит? Итак, зная это, возлюбим добродетель, потому что невозможно спастись иначе, как проводя настоящую жизнь в таких добрых делах, чтобы сподобиться и будущих благ, – по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 21

"Савл прибыл в Иерусалим и старался пристать к ученикам; но все боялись его, не веря, что он ученик. Варнава же, взяв его, пришел к Апостолам и рассказал им, как на пути он видел Господа, и что говорил ему Господь, и как он в Дамаске смело проповедывал во имя Иисуса" (Деян.9:26,27).

1. Здесь справедливо (можно) недоумевать: в послании к Галатам (Павел) говорит: "**и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из Апостолов я не видел никого**" (Гал.1:17-19); а здесь, напротив (говорится), что Варнава привел его к апостолам. Он говорит или то, что он ходил в (Иерусалим) не с тем, чтобы остаться; там именно говорит: "**не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам**" (Гал.1: 16,17); или то, что умысел (против него) в Дамаске случился после пришествия его из Аравии, а потом уже, по возвращении оттуда, последовало путешествие (в Иерусалим). Таким образом, он приходил не к апостолам, но "**старался пристать к ученикам**", как ученик, а не как учитель. Следовательно, приходил не для того, чтобы идти к первейшим его (апостолам), потому что от них он ничему не учился. Или он не упоминает об этом путешествии, но умалчивает, так что дело было так: он отправился в Аравию, потом пришел в Дамаск, потом в Иерусалим, потом в Сирию; или еще так: пришел в Иерусалим, потом был послан в Дамаск, потом в Сирию, потом опять в Дамаск, потом в Кесарию, и затем, спустя четырнадцать лет, может быть (опять пришел в Иерусалим), когда привел братию с Варнавою (Гал.1:1-4). Или, если не так, то здесь речь идет о другом времени. Писатель многое сокращает и соединяет различные времена. Смотри, как он не тщеславится и не распространяется в рассказе об этом видении (Павла), но кратко повествует. А затем опять начинает и говорит так: "**Савл прибыл в Иерусалим и старался пристать к ученикам; но все боялись его, не веря, что он ученик**" (ст. 26). И отсюда опять открывается пламенная (ревность) Павла, не (только) от Анании и тех, которые удивлялись ему там (в Дамаск), но и из случившегося в Иерусалиме, так как это (обращение его) было совершено сверх чаяния человеческого. И смотри: по смирению он приходит не к апостолам, но к ученикам, как ученик, потому что ему еще не верили. "**Варнава же, взяв его, пришел к Апостолам и рассказал им, как на пути он видел Господа**" (ст. 27). Этот Варнава был человек послушный и кроткий; имя

его значит: сын утешения; потому и был любим Павлом. А что он был весьма добр и кроток, это видно как из настоящего обстоятельства, так и из бывшего с Иоанном (Марком, Деян.15:37). Отсюда он не боится, но рассказывает, "**как он**" (Павел) "**в Дамаске смело проповедывал во имя Иисуса**" (ст. 27). Вероятно, он слышал о том, что случилось с ним еще в Дамаске. Потому, когда предварительно это было совершено, тогда (Павел) делами подтвердил сказанное. "**И пребывал он с ними, входя и исходя, в Иерусалиме, и смело проповедывал во имя Господа Иисуса. Говорил также и состязался с Еллинистами**" (ст. 28, 29). Так как ученики боялись его, апостолы же не верили ему, то этим он рассеивает страх их. "**Говорил также и состязался**", говорит (писатель), "**с Еллинистами**". Эллинами называет тех, которые говорили по-эллински; и это (делал Павел) весьма разумно, потому что прочие, закоренелые евреи, и видеть его не хотели. "**А они покушались убить его**", это свидетельствует о силе и совершенной победе (Павла), а также и о том, что они были весьма недовольны случившимся. "**Братия, узнав о сем, отправили его в Кесарию**" (ст. 30). Делают это из опасения. Боясь, чтобы (с ним) не случилось того же, что со Стефаном, отправляют его в Кесарию. "**И препроводили в Тарс**". Отправляют его, как из опасения, так вместе и с тем, чтобы он проповедовал и был в безопасности, находясь в своем отечестве. И заметь, прошу, как не все делается благодатию, но Бог попускает им устроять многое и собственною мудростью, по-человечески. Если так было с ним, то тем более с теми (учениками); попускает же для того, чтобы нерадивые не имели оправдания. "**Церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем; и, при утешении от Святаго Духа, умножались**" (ст. 31). (Писатель) намеревается говорить о Петре и о путешествии его ко святым. Поэтому, чтобы кто не подумал, будто это (сделал Петр) по страху, сначала он повествует о том, в каком состоянии находились церкви, и показывает, что, когда было гонение, то (Петр) находился в Иерусалиме, а когда повсюду Церковь находилась в безопасности, тогда уже он и оставляет Иерусалим. Так он был ревностен и тверд! Он не думал, что, если был мир, то и не нужно его прибытия. Почему же, скажешь, он делает это и идет во время мира и после отшествия Павла? Потому, что на них (апостолов) больше обращали внимания, как часто являвшихся и бывших предметом удивления для народа, а его презирали и против него больше восставали.

2. Видел ли ты, как за бранью следует мир? Или лучше: видел ли ты, что сделала та брань? Она рассеяла творящий мир. В Самарии пристыжен был Симон; в Иудее случилось происшествие с Сапфирою. И тогда, как был мир, дела (их) не были безуспешны, но этот мир был такой, что и (во время его) нужно было утешение. "**Случилось, что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде**" (ст. 32). Он обходил, как бы некоторый военачальник, ряды, наблюдая, какая часть сомкнута, какая во всем вооружении и какая имеет нужду в его присутствии. Посмотри, как он везде успевает быть и является первым. Когда надлежало избрать апостола, он – первый; когда беседовать с иудеями о том, что (апостолы) не были упоены вином, когда исцелить хромого, когда говорить к народу, он – прежде остальных; когда (было дело) с начальниками, когда – с Ананиею, когда совершались исцеления от тени, был он. Где была опасность и где (требовалась) распорядительность, там он; а где все было в мире, там все они вместе: так он не искал себе большей чести. Опять, когда надлежало творить чудеса, он является прежде других, и здесь также он сам подъемлет труд и совершает путешествие. "**Там нашел он одного человека, именем Энея, который восемь уже лет лежал в постели в расслаблении. Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей. И он тотчас встал**" (ст. 33, 34). Почему он не ожидал веры этого человека, и даже не спросил, желает ли он быть исцеленным? Особенно потому, что чудо было совершено и для утешения многих. Послушай, какая (отсюда произошла) польза. "**И видели его все**", продолжает (писатель), "**живущие в Лидде и в Сароне, которые и обратились к Господу**" (ст. 35). Не напрасно он так сказал; Еней был

человек известный; притом он представил и доказательство знамения, взявши одр. (Апостолы) не только исцеляли от болезней, но вместе с здоровьем сообщали еще и силу. С другой стороны, до этого времени они еще не показали своей (чудотворной) силы, и потому справедливо не требовали веры от этого человека, как не потребовали и от хромого. Подобно тому, как Христос, начиная знамения, не требовал веры, так и они. В Иерусалиме справедливо от них требовалась сначала вера; так, по вере некоторые, одержимые болезнями, полагаемы были на дорогах, чтобы хотя тень проходящего Петра осенила кого-либо из них, потому что там совершалось много знамений; а здесь это совершается первое. И одни из знамений совершались для обращения неверовавших, а другие для утешения верующих. "**В Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: "серна"; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь. Случилось в те дни, что она занемогла и умерла. Ее омыли и положили в горнице. А как Лидда была близ Иоппии, то ученики, услышав, что Петр находится там, послали к нему двух человек просить, чтобы он не замедлил придти к ним**" (ст. 36-38). Почему они ждали, пока она умрет? Почему не утруждали Петра и прежде этого? По любомудрию они считали недостойным утруждать учеников ради таких дел и отвлекать от проповеди; поэтому (писатель) и говорит, что (Петр) находился недалеко, чтобы показать, что они просили об этом как бы случайно, – а Тавифа была ученица, – но не нарочито. "**Петр, встав, пошел с ними; и когда он прибыл, ввели его в горницу**" (ст. 39). Не просят, но предоставляют ему, чтобы он по собственному побуждению даровал ей жизнь. Так здесь исполняется сказанное: "**милостыня от смерти избавляет**" (Тов.12:9). "**И все вдовицы со слезами предстали перед ним, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними**" (ст. 39). Приводят Петра, туда, где лежала, умершая, – может быть, думая представить ему (случай) к какому-либо назиданию. Видел ли ты, какое сделано прибавление (к имени этой жены)? Не без цели упоминается и имя ее, но чтобы мы узнали, что она соответствовала этому имени, была так внимательна и деятельна, как серна. Многие имена даются с особенным значением, как мы часто говорили вам. "**Она была**", говорит (писатель), "**исполнена добрых дел и творила много милостынь**". Великая похвала для жены, если те и другие она творила так, что была "**исполнена**" тех и других; и наперед, как видно, она прилагала попечение о первых, а потом о последних. "**Какие делала Серна**", говорит, "**живя с ними**". Великое смиренномудрие! Не так, как мы; но они были все вместе, прилагая великое попечение о милостыне. "**Петр выслал всех вон и, преклонив колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села**" (ст. 40). Для чего он всех высылает вон? Для того, чтобы не смутиться слезами и не потерять спокойствия. "**И, преклонив колени, помолился**". Это – знак напряженной молитвы. "**Подав**", говорит, "**ей руку**". Раздельно показывает здесь, как возвращаема была, жизнь и потом сила, та чрез слово, а эта чрез руку. "**Он, подав ей руку, поднял ее, и, призвав святых и вдовиц, поставил ее перед ними живою**" (ст. 41), одним в утешение, так как они снова получили сестру и увидели чудо, а другим в помощь. "**Это сделалось известным по всей Иоппии, и многие уверовали в Господа. И довольно дней пробыл он в Иоппии у некоторого Симона кожевника**" (ст. 42, 43).

3. Посмотри на смирение и кротость Петра: он имеет пребывание не у ней (Тавифы) и не у кого-либо другого из знатных, но у кожевника, всеми (действиями своими) внушая смиренномудрие, и не попуская ни бедным стыдиться, ни великим превозноситься; он потому и решил обойти (церкви), что веровавшие имели нужду в его наставлении. Но обратимся к вышесказанному. "**И старался**" (Павел), говорит (писатель),

"**пристать к ученикам**". Не с гордостью пришел, но смиренно. Учениками же называет и тех, которые не были в числе двенадцати, потому что тогда все назывались учениками по великой добродетели, которая была явным отличием учеников. "**Но все**", говорит,

"**боялись его**". Смотри, как они избегали опасностей, и как еще был силен страх. "**Варнава же, взяв его, пришел к Апостолам и рассказал им**". Мне кажется, что Варнава и прежде был близок к Павлу; потому и рассказывает все о нем. Сам же он ничего не говорит об этом; думаю, что он не стал бы и после говорить об этом пред прочими, если, бы не представилась ему какая-либо необходимость. "**И пребывал он с ними, входя и исходя, в Иерусалиме, и смело проповедывал во имя Господа Иисуса**". Это и остальным придавало бодрости. Видишь ли, что как там, так и здесь прочие заботятся и устраивают его путешествие, а сам он доселе еще не получал Божественного внушения? Этим также показывается его ревность; и мне кажется, что он совершал путешествие не (только) сушею, но потом и морем. А все это было с благою целью, чтобы он и там проповедовал. Поэтому и покушения против них, и путешествие во Иерусалим были с благою целью, для того, чтобы не оставалось больше сомнения касательно него. "**Говорил также и состязался с Еллинистами. Церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем**" т.е., умножились и имели между собою мир, мир истинный. И хорошо, потому что внешняя брань причинила им много зла. "**И, при утешении от Святаго Духа, умножались**". Дух утешал (всех) их и чудесами, и делами, а также, сверх того, и каждого порознь. "**Случилось, что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде. Там нашел он одного человека, именем Энея, который восемь уже лет лежал в постели в расслаблении. Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос**". Это слово не тщеславия, но убеждения, что так будет. И мне кажется несомненным, что больной поверил этому слову и (потому) стал здоровым. А что (Петр) был чужд гордости, видно и из последующего. Он не сказал: во имя Иисуса; но как бы повествует (только) о самом знамении. "**И видели его все, живущие в Лидде и в Сароне, которые и обратились к Господу**". Следовательно, не напрасно я говорил, что чудеса были совершаемы для убеждения и утешения. "**В Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа. Случилось в те дни, что она занемогла и умерла**". Видел ли ты, как повсюду совершались знамения? Не вдруг умерла Тавифа, но после болезни; а они не приглашали Петра дотоле, пока она умерла. "**А как Лидда была близ Иоппии, то ученики, услышав, что Петр находится там, послали к нему двух человек просить, чтобы он не замедлил придти к ним**". Заметь, чрез других посланных приглашают; но он повинуется и приходит, не считая такого приглашения обидою. Столь великое благо – скорбь; она соединяет наши души. Там (не было) никакого плача, никакого рыдания. "**Ее омыли и положили в горнице**", т.е. сделали все, что (делается) над мертвым. "**Петр, встав, пошел с ними; и когда он прибыл, ввели его в горницу, преклонив колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань**". Не все знамения Бог попускает совершать с одинаковою легкостью. Это было полезно для самих (апостолов). Он промышлял не только о спасении других, но и их самих. Потому-то исцелявший многих (одною) тенью теперь употребляет такое (усилие) для воскрешения. Впрочем, иногда содействовала и вера приступающих. Таким образом, ее первую (Петр) воскрешает из мертвых, называя по имени. Она, как бы пробудившись от сна, сначала открыла глаза; потом, тотчас увидевши Петра, села, и, наконец, прикосновением руки была укреплена. Заметь опять, прошу, какая (отсюда) польза, и как плоды (этого) служили не к (удовлетворению) тщеславия. Поэтому он и высылает всех вон, подражая и в этом Учителю. Где слезы, там невозможно совершаться такому таинству; или лучше: где чудеса, там не должны быть слезы. Послушайте, увещеваю: и над нынешними мертвыми совершается хотя не такое, но также великое таинство. Скажи мне: если бы к нам сидящим (здесь) царь прислал кого-либо звать в свое царское жилище, то неужели следовало бы плакать и рыдать? И здесь присутствуют нисшедшие с небес ангелы, посланные от самого Царя – призвать подобного им раба, а ты плачешь? Или не знаешь, какое здесь происходит таинство, какое страшное и ужасное, но поистине и достойное песнопений и радости?

4. Хочешь ли понять и убедиться, что здесь не время слезам? Это – величайшее таинство Божией премудрости. Душа, как бы покидая какой дом, исходя (из тела) поспешает к своему Владыке; а ты плачешь? Поэтому следовало бы делать тоже и при рождении младенца; ведь и это есть рождение, (только) лучшее того. Она является в другой свет; освобождается как бы из какого заключения; выходит как бы с поприща. Да, скажешь, справедливо так говорить о (людях) добродетельных. Но что тебе из этого, человек, когда ты не поступаешь так и по отношению к добродетельным? Скажи мне, в чем мог бы ты обвинить малого младенца? Для чего же оплакиваешь его? Для чего (оплакиваешь) новопросвещенного? И он находится в таком же состоянии. Зачем же ты плачешь о нем? Разве ты не знаешь, что как солнце восходит чистым, так и душа, оставляющая тело с чистою совестью, сияет светло? Не с таким безмолвием следует взирать на царя, вступающего в город, с каким на душу, оставляющую тело и отходящую с ангелами. Представь, в каком состоянии бывает тогда душа, в каком изумлении, в каком удивлении, в какой радости! Почему же ты плачешь, скажи мне? Ты ведь не над грешниками только делаешь это? О, если бы это было (только над грешниками)! Тогда я не стал бы останавливать слез. О, если бы такова была цель (их)! Это – плач апостольский, это – плач самого Господа. И Иисус плакал об Иерусалиме. Таким правилом я хотел бы различить (разные) роды плача. Когда же, оплакивая (мертвых), произносишь речи, (упоминая) и о привычке, и о попечении (своем), то не о том ты плачешь, а (только) притворяешься. Плачь и рыдай о грешнике, (о нем) и я буду проливать слезы; и я (буду плакать) тем больше, чем большему он подлежит и наказанию; и я буду плакать с этою целью. О таком (умершем) не тебе только следует плакать, но и всему городу и (всем) встречающимся, как (плачут) о ведомых на смерть. Смерть грешников поистине лютая смерть. Но (у нас) все извращено. Такой плач, есть плач исполненный любомудрия и великого назидания, а тот – (знак) малодушия. Если бы все мы плакали таким плачем, то исправляли бы их при жизни. Как если бы ты имел возможность доставить лекарство, не допускающее смерти телесной, то ты сделал бы это, так и теперь, если бы ты оплакивал эту смерть (грешников), то ты не допустил бы ее ни в себе, ни в другом. А теперь, непонятно, что делается: имея возможность не допустить этой смерти постигнуть нас, допускаем; а когда она приключилась, плачем. Поистине достойны слез (грешники); когда они предстанут пред престолом Христовым, какие они услышат слова, какие потерпят мучения! Напрасно жили они; или лучше, не напрасно, а во вред (себе). И о них прилично сказать: "**лучше было бы тому человеку не родиться**" (Мк.14:21). Что, в самом деле, пользы, скажи мне, истратить столько времени во вред себе самому? И если бы только оно было истрачено напрасно, то разве маловажна была бы потеря? Скажи мне: если бы какой-либо наемник потрудился напрасно двадцать лет, то не стал ли бы он плакать и рыдать и считать себя несчастнее всех? А этот всю жизнь трудился напрасно, и ни одного дня не жил для себя, но для удовольствий, для роскоши, для любостяжания, для греха, для диавола. О нем ли не будем плакать, скажи мне? Его ли не постараемся похитить от опасностей? Есть, подлинно есть возможность облегчить его наказание, если пожелаем. Так, если будем совершать за него частые молитвы; если будем подавать милостыню, – то, хотя он сам был и недостоин, Бог услышит нас. Если ради Павла Он спасал других, и ради других милует иных, то не сделает ли того же самого и ради нас? Из собственного его имения, из твоего, из чего хочешь, окажи помощь; возлей (на него) елей, или, по крайней мере, воду. Он не может предъявить собственных дел милосердия? Пусть будут хотя родственные. Не имеет совершонных им самим? Пусть будут (совершённые) за него. Таким образом жена может ходатайствовать за него с дерзновением, представив за него потребное для спасения. Чем в больших он виновен грехах, тем более необходима для него милостыня. И не поэтому только, но и потому, что теперь она уже не имеет такой силы, но гораздо меньше. Не все равно, творит ли ее кто сам, или за него. Итак, чем она менее (по силе), тем более мы должны увеличивать ее по количеству.

Не о памятниках, не о надгробных украшениях будем заботиться. Ты собери вдовиц – вот наилучший памятник! Скажи (им) имя (покойного); пусть все творят за него молитвы и моления. Это преклонит на милость Бога, хотя и не он сам, а другой за него совершает милостыню. Это сообразно с человеколюбием Божиим. Стоящие вокруг и плачущие вдовицы могут спасти если не от настоящей, то от будущей смерти. Многие получили пользу от милостынь, совершаемых за них другими. Если они и не совершенно (помилованы), то, по крайней мере, получили некоторое утешение. В противном же случае, как спасались бы дети, которые сами от себя ничего не представляют, а все – родители? И часто женам даруемы были дети, которые сами от себя ничего не представляли. Много путей ко спасению даровал нам Бог; только бы сами мы не были нерадивыми!

5. Но что, скажешь, если кто беден? Опять скажу, что о достоинстве милостыни судится не только потому, что дается, но и по усердию. Но давай только меньше того, сколько можешь, и исполнишь все. А. если кто, скажешь, одинок, чужой и никого не имеет? А почему он никого не имеет, скажи мне? За то самое он и подвергается наказанию, что не имеет никого, так близкого, так добродетельного. Поэтому, если мы сами не добродетельны, то должны стараться иметь добродетельных товарищей и друзей, жену и сына, для того, чтобы получить какую-нибудь пользу и чрез них, хотя и малую, однако же, пользу. Если постараешься взять за себя не богатую, но благочестивую жену, то будешь иметь это утешение. Равным образом, если постараешься оставить по себе не богатого, но благочестивого сына и честную дочь, то и тогда будешь иметь это утешение. А если будешь заботиться об этом, то и сам будешь таков. Добродетели свойственно иметь таких и друзей, и жену, и детей. Не напрасно бывают приношения за умерших, не напрасно молитвы, не напрасно милостыни. Все это установил Дух, желая, чтобы мы приносили друг другу взаимную пользу. Смотри: тот получает пользу чрез тебя, а ты получаешь пользу ради него. Ты истратил имущество решившись сделать доброе дело, – и ты для него стал виновником спасения, а он для тебя (виновником) милостыни. Не сомневайся, что это принесет добрый плод. Не напрасно диакон возглашает: **о иже о Христе усопших, и о иже памяти о них совершающих**. Не диакон изрекает эти слова, но Дух Святый; разумею дарование (Его). А ты что говоришь? Жертва в руках (священнослужителей) и все предлежит уготованное; предстоят ангелы, архангелы; присутствует Сын Божий; все стоят с таким трепетом; те предстоят, возглашая среди общего молчания; и ты думаешь, что это бывает напрасно? В таком случае и все прочее напрасно: и приношения за Церковь, и за священников и за всех (христиан). Но, да не будет! Напротив, все это совершается с верою. Для чего, думаешь ты, бывают приношения за мучеников, и они призываются в этот час? Хотя они – мученики, хотя это – (приношения) за мучеников, но великая честь быть воспомянутым в присутствии Господа, во время совершения такой смерти, страшной жертвы, неизреченных таинств. Как пред лицом седящего царя всякий может испрашивать, чего хочет, когда же он встанет (с своего места), тогда, что бы ни говорил, будет говорить напрасно, – так и здесь, пока предлежат таинства, то для всех величайшая честь – удостоиться поминовения. Смотри: здесь возвещается то страшное таинство, что Бог предал Себя за вселенную. Вместе с этим тайнодействием благовременно воспоминаются и согрешившие. Подобно тому, как в то время, когда празднуются победы царей, прославляются и те, которые участвовали в победе, и освобождаются те, которые в то время находятся в узах, а когда пройдет это время, то не успевший получить уже не получает ничего, так точно и здесь; это – время победного торжества. "**Ибо всякий раз**", говорит (апостол), "**когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете**" (1Кор.11:26). Не будем же приступать легкомысленно и думать, будто это совершается так, без цели. А вместе будем поминать и мучеников, и, притом, с верою, что Господь не умер; а что Он был мертвым, то это – знак умерщвления смерти. Зная это, будем помнить, какие утешения мы можем

доставить умершим, – вместо слез, вместо рыданий, вместо надгробных памятников милостыни, молитвы, приношения, – чтобы и им и нам сподобиться обещанных благ, по благодати и человеколюбию Единородного Сына, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 22

"В Кесарии был некоторый муж, именем Корнилий, сотник из полка, называемого Италийским, благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу. Он в видении ясно видел около девятого часа дня Ангела Божия, который вошел к нему и сказал ему: Корнилий! Он же, взглянув на него и испугавшись, сказал: что, Господи? Ангел отвечал ему: молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом" (Деян.10:1-4).

1. Корнилий был не иудей и не жил по закону (иудейскому), но уже следовал нашему образу жизни. Обрати внимание на двух уверовавших, которые оба были сановниками, – на евнуха из Газы и этого, – и на то, как велико было об них попечение (Божие). Но не подумай, чтобы это – за их сан. Нет, не за то, – да не будет! – но за благочестие. Для того и замечено о сане, чтобы более явно было их благочестие. Когда кто бывает таким среди богатства и власти, то это более достойно удивления. Великая похвала первому, что он предпринял такое путешествие, что на пути, когда время не благоприятствовало, занимался чтением, что, сидя на колеснице, пригласил к себе Филиппа, и за весьма многое другое; великая (похвала) и последнему, что он творил милостыни и молитвы, и был благочестив при такой начальственной должности. Поэтому естественно (писатель) упоминает и о должности этого мужа, чтобы кто-нибудь не сказал, что повествование Писаний не точно. "**Из полка**", говорит, "**называемого Италийским**". "**Благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим**". Говорит это для того, чтобы ты не подумал, будто случившееся с ним сделано ради (его) сана. Когда нужно было обратить Павла, то является не ангел, но сам Господь; и посылает его не к кому-либо из двенадцати, но к Анании. А здесь, напротив: посылает верховного (апостола), подобно тому, как Филиппа к евнуху, снисходя к их слабости и научая, как должно поступать с такими (людьми). И Христос часто сам приходит к тем, которые страдают тяжко и сами не могут приступить (к Нему). Заметь, прошу, также и здесь новую похвалу милостыне, как там (в сказании) о Тавифе. "**Благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим**" (ст. 2). Да услышат это те из нас, которые не заботятся о домашних. Он же заботился и о воинах и "**творивший много милостыни народу**". Так были благоустроены у него и понятия, и жизнь. "**Он в видении ясно видел около девятого часа дня Ангела Божия, который вошел к нему и сказал ему: Корнилий!**" (ст. 3). Для чего он видит ангела? Это – для удостоверения Петра, или лучше – не его, но остальных слабейших. "**Около девятого часа дня**", когда он был свободен от забот и не был занят делами, и между тем (предавался) молитвам и сокрушению. "**Он же, взглянув на него и испугавшись, сказал**" (ст. 4). Смотри: ангел не тотчас говорит то, что он сказал, но сначала рассевает страх и возносит горе мысли Корнилия. Видение произвело (в нем) страх, но страх умеренный, чтобы только сделать его внимательным. Потом слова (ангела) рассеяли этот страх, или лучше – заключающаяся в них похвала смягчила неприятное (чувство) страха. Послушай же и сами слова. "**Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом. Итак пошли людей в Иоппию и призови Симона, называемого Петром**" (ст. 4, 5). Чтобы они не пришли к другому, для того указывает не только прозвание, но и местопребывание этого мужа. "**Он гостит у некоего Симона кожевника, которого дом находится при море**" (ст. 6). Видел ли, как апостолы, любя уединение и тишину, искали отдаленных мест в городах? Но что, если бы случилось быть и другому Симону и также кожевнику? Для того дан был еще иной признак – жительство близ моря; трем же

(признакам) вместе невозможно было совпасть. Не сказал (ангел), для чего (послать), чтобы не смутить Корнилия, но, возбудив в нем стремление и желание слышать (Петра), так оставил его. "**Когда Ангел, говоривший с Корнилием, отошел, то он, призвав двоих из своих слуг и благочестивого воина из находившихся при нем и, рассказав им все, послал их в Иоппию**" (ст. 7, 8). Видишь ли, что не напрасно (писатель) говорит это, но чтобы показать, что и служившие при Корнилие были таковы же, (как он)? "**И, рассказав им все**". Смотри, как он не горд. Он не сказал: призовите ко мне Петра; но рассказал все, чтобы убедить: так он был благоразумен! Он не хотел своею властью призвать его; потому и рассказывает: так этот муж был кроток, хотя он не мог представить себе ничего высокого о человеке, жившем у кожевника! "**На другой день, когда они шли и приближались к городу, Петр около шестого часа взошел на верх дома помолиться**" (ст. 9). Смотри, как Дух сочетавает времена, и устрояет, что это случилось ни раньше, ни позже. "**Петр около шестого часа взошел на верх дома помолиться**", т.е., в уединении и тишине, в горнем месте. "**И почувствовал он голод, и хотел есть. Между тем, как приготовляли, он пришел в исступление и видит отверстое небо**" (ст. 10, 11). Что такое "**исступление**"? Произошло, говорит, в нем духовное видение; душа, так сказать, отрешилась от тела. "**И видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю; в нем находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные. И был глас к нему: встань, Петр, заколи и ешь. Но Петр сказал: нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого. Тогда в другой раз был глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым. Это было трижды; и сосуд опять поднялся на небо**" (ст. 11-16).

2. Что это значит? Это видение означает всю вселенную. Корнилий был необрезанный и не имел ничего общего с иудеями. Поэтому, имея в виду, что все будут обвинять его, как нарушителя (закона), – а это весьма много значило у них, – (Петр) необходимо располагается сказать: "**никогда не ел**", не сам возбудив в себе такое опасение, – нет! – но, как я сказал, будучи расположен к тому Духом, чтобы иметь ему в оправдание против обвинителей то, что он даже прекословил; а они весьма заботились о соблюдении закона. Он был посылаем к язычникам. Поэтому, как я выше сказал, и совершается это для того, чтобы иудеи не обвиняли его. А чтобы это не показалось каким-либо призраком, он сказал: "**нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого. Тогда в другой раз был глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым**". Это, по-видимому, говорится к нему, но все относится к иудеям. Если учитель получает такое внушение, то тем более они. Итак, плащаница – это земля; находившиеся в ней животные – язычники; слова: "**заколи и ешь**" – что должно обратиться и им; троекратное же повторение знаменует крещение. "**Нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого**". Для чего, скажут, он возражал? Чтобы кто-нибудь не сказал, что Бог искушал его, как Авраама, когда повелевал принести в жертву сына, или как Филиппа, когда Христос спрашивал его: "**сколько у вас хлебов?**" (Мк.6:38), не для того, чтобы узнать это, но искушая его (Ин.6:5). Притом и в законе Моисей раздельно указал чистых и нечистых (животных), как земных, так и морских. Но он, однако, не уразумел этого. "**Когда же Петр недоумевал в себе, что бы значило видение, которое он видел, – вот, мужи, посланные Корнилием, расспросив о доме Симона, остановились у ворот, и, крикнув, спросили: здесь ли Симон, называемый Петром?** " (ст. 17, 18). Когда Петр изумлялся сам в себе и недоумевал, те мужи приходят и благовременно разрешают недоумение; так и Иосифу (Бог) попускает прежде смутиться, а потом посылает архангела (Мф.1:20). Душа, которая прежде была в недоумении, легко принимает разрешение (недоумения). Таким образом, недоумение его продолжалось не долго и (началось) не прежде того, но около времени обеда. "**Между тем, как Петр размышлял о видении, Дух сказал ему: вот, три человека ищут тебя; встань, сойди и иди с ними, нимало не**

сомневаясь; ибо Я послал их" (ст. 19, 20). Это опять служит к оправданию Петра пред учениками, чтобы они поняли, что и он сомневался и затем был научен – нисколько не сомневаться. "**Ибо Я**", говорит, "**послал их**". Смотри, какова власть Духа. Что делает Бог, то называется действием Духа. Не так (говорит) ангел; но, сказав наперед: "**молитвы твои и милостыни твои**", потом говорит: "**пришли**", чтобы показать, что он послан свыше. Дух же, как господственный, (говорит): "**Я послал их**". "**Петр, сойдя к людям, присланным к нему от Корнилия, сказал: я тот, которого вы ищете; за каким делом пришли вы? Они же сказали: Корнилий сотник, муж добродетельный и боящийся Бога, одобряемый всем народом Иудейским, получил от святаго Ангела повеление призвать тебя в дом свой и послушать речей твоих**" (ст. 20-22). Они восхваляют (Корнилия), чтобы уверить, что ангел явился ему. Призвав же их учреди (ст. 23). Видишь ли, с кого начинается (обращение) язычников? С человека благочестивого, явившегося достойным того делами. Если и при этом иудеи, однако, соблазняются, то чего не сказали бы они, если бы было иначе? "**Тогда Петр, пригласив их, угостил**". Смотри, какая в нем уверенность! Чтобы они не потерпели чего-нибудь неприятного, он приглашает их к себе, и потом без всякого опасения вместе с ними принимает пищу. "**А на другой день, встав, пошел с ними, и некоторые из братий Иоппийских пошли с ним. В следующий день пришли они в Кесарию**" (ст. 23, 24). Известный человек был (Корнилий) и жил в известном городе. Потому все это и происходит с ним, и от Иудеи начинается дело (обращения язычников); видение же было ему не тогда, когда он спал, а когда бодрствовал, – во время дня, около девятого часа: так бодрственно он вел себя! Но обратимся к вышесказанному. "**Ангел отвечал ему: молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом**". Отсюда явно, что когда ангел назвал его, тогда он и увидел его, так что, если бы не назвал, то он и не увидел бы так он был углублен в дело, которым занимался! "**И призови Симона, называемого Петром**". Открыл только, что он пригласит Петра на доброе дело; а на какое доброе, этого еще не (открыл). Так и Петр не все высказывает. Повсюду изречения (их) только отчасти (ясны), чтобы возбудить внимание слушателей. Так и Филиппа (ангел) только посылает в пустыню. "**Петр около шестого часа взошел на верх дома помолиться. Он пришел в исступление и видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю**". Заметь, что даже и голод не принудил его приступить к плащанице. А чтобы он не оставался долее в недоумении, слышит голос, говорящий: "**встань, Петр, заколи и ешь**". Может быть, он стоял на коленах, когда созерцал видение, и, кажется мне, видел его для (успеха) проповеди (евангельской). А что это событие было божественное, явно из того, что (Петр) видел сосуд нисходящим свыше, и что он – апостол – находился в исступлении. Также и то, что слышан был оттуда голос, что это повторялось трижды, что небо отверзлось, что (сосуд) был спущен оттуда и опять взят туда, – служит великим доказательством Божественности этого события.

3. Для чего же такое событие? Для последовавших поколений, которым оно имело быть рассказано; да и сам (Петр) слышал (заповедь): "**на путь к язычникам не ходите**" (Мф.10:5). Не удивляйся этому. Если Павел считал нужными обрезание и жертвы, то тем более они казались нужными тогда, в начале проповеди, когда (между верующими) были еще слабейшие. "**Вот, мужи, посланные Корнилием, расспросив о доме Симона, остановились у ворот, и, крикнув, спросили: здесь ли Симон, называемый Петром?**". Как пред бедным домом, они спрашивали внизу (пред вратами его), а не расспрашивали у соседей. "**Между тем, как Петр размышлял о видении, Дух сказал ему: вот, три человека ищут тебя; встань, сойди и иди с ними, нимало не сомневаясь; ибо Я послал их**". Смотри, не сказал: для того тебе и видение явилось, но: "**Я послал их**", внушая, что так должно повиноваться (Богу), не спрашивая о причинах. Для совершенного убеждения достаточно услышать от Него: сделай то-то, скажи то-то, и не

требовать ничего более. "**Петр, сойдя к людям, присланным к нему от Корнилия, сказал: я тот, которого вы ищете**". Почему же он не тотчас принял их, а спрашивает? Он увидел в посетителях воинов: потому не просто спрашивает, но сначала называет себя, а потом разузнает о причине прибытия, чтобы не подумали, будто он спрашивал потому, что желал скрыться. Спрашивает же для того, чтобы, если бы они потребовали, тотчас же и идти вместе с ними; если же нет, то принять их к себе. А почему они говорят: "**призвать тебя в дом свой**"? Потому что так приказал им (Корнилий); а может быть, они, извиняясь за него, говорят как бы так: нисколько не осуди (его), потому что он послал не из пренебрежения (к тебе), но так ему было приказано. "**Корнилий же ожидал их, созвав родственников своих и близких друзей**" (ст. 24). Так и следовало; несправедливо было бы не собрать сродников и друзей; а с другой стороны, присутствуя здесь, они могли более слушать его (Петра).

Видели ли вы, какова сила милостыни, и из прежней беседы, и из настоящей? Там она избавила от смерти временной, здесь – от вечной, и отверзла врата неба. Смотри, как много сделано было для того, чтобы уверовал Корнилий: ангел был послан, Дух действовал, верховный из апостолов был призван, явлено было такое видение, и вообще не было оставлено ничего. Сколько было сотников, тысяченачальников и царей, и никто из них не удостоился того, чего он? Послушайте все вы, принадлежащие к войску, предстоящие царям. Он был "**благочестивый**", говорит (писатель), и "**боящийся Бога**", а что еще более, был таков "**со всем домом своим**". Он так был этому предан и благорасположен, что не только себя вел хорошо, но и домашних своих направлял точно также. Не так, как мы, которые делаем все к тому, чтобы слуги боялись нас, но ничего к тому, чтобы они были благочестивыми. А он не так, но боялся Бога со всем домом своим, будучи как бы общим отцом не только для всех, бывших с ним, но и для воинов, бывших под его властью. Послушай, что еще другое они говорят, – не напрасно ведь прибавлено: "**одобряемый всем народом Иудейским**", но чтобы никто не сказал: что в том, да если он был необрезанный? И те, говорят, свидетельствуют о нем. Итак, нет ничего равного милостыне; или лучше: так велика сила этой добродетели, когда она происходит из чистых сокровищниц! Как происходящее от неправедных (стяжаний) подобно источнику, изливающему нечистоты, так (происходящее) от праведных стяжаний есть как бы прозрачный и чистый поток в саду, приятный на вид, усладительный на вкус, доставляющий свежесть и прохладу во время полудня. Такова милостыня! При этом источнике растут не тополи, не сосны и не кипарисы, но другие, гораздо лучшие этих великие произрастения: любовь Божия, похвала от людей, слава пред Богом, благорасположенность от всех, изглаждение грехов, великое дерзновение, презрение богатства, милосердие, которым питается древо любви. Обыкновенно ничто так не питает любви, как милостыня. Она простирает в высоту свои ветви. Она – источник лучше райского, не разделяющийся на четыре "**реки**" (Быт.2:10), но достигающей до самого неба. Она источает ту "**воду, текущую в жизнь вечную**" (Ин.4:14); смерть, коснувшись ее, исчезает, как искра в источнике: так она, где бы ни источалась, производит великие блага! Она угашает ту реку огненную, как искру; она истребляет того червя, как ничто; кто имеет ее, тот не узнает скрежета зубов (Мф.25:30). От воды ее, если и капля упадает на узы, расторгает их; а если упадает в печи, всецело погашает их.

4. Как райский источник не таков, чтобы то изливать потоки, то иссыхать, – тогда он не был бы и источником, – но течет постоянно, так и наш (источник) пусть всегда изливает очень обильные потоки, особенно для нуждающихся в милостыне, чтобы он оставался источником. Это доставляет радость принимающему; это и есть милостыня, когда изливается поток не только обильный, но и постоянный. Если хочешь, чтобы милость Божия дождила на тебя как бы из источника, то имей и ты у себя источник. Ничто не может сравниться с ним. Если ты откроешь этот источник, то источник Божий

откроется так, что превзойдет всякую бездну. Бог ожидает от нас только повода, чтобы излить блага из Своих сокровищниц. Когда (кто) тратит, когда издерживает, тогда богатеет, тогда изобилует. Велик исток этого источника; чист и прозрачен поток его. Если ты не заградишь его, то не (заградишь) и того (источника Божия). Никакого бесплодного дерева не насаждай при нем, чтобы оно не потребило влаги его. У тебя есть имение? Не насаждай там тополей; такова роскошь: она многое истребляет, но ничего собою не доставляет, а (только) губит плод. Не насаждай ни сосны, ни липы, ни других подобных, требующих многого, но ни к чему не полезных: такова роскошь в одеждах, только приятная на вид, но не полезная ни к чему. Вырасти виноградные лозы, насади всякие деревья плодовитые, какие хочешь, в руках бедных. Нет ничего плодоноснее этой земли. Хотя не велика вместимость руки, однако насаждаемое здесь дерево достигает до самого неба и стоит твердо. Это и значит – насаждать. А насаждаемое на земле, если не теперь, то чрез сто лет погибнет. Для чего же ты насаждаешь деревья, которыми не будешь пользоваться, а прежде, нежели воспользуешься, смерть придет и похитит тебя? А это дерево, когда ты умрешь, тогда принесет тебе плод. Если насаждаешь, то насади не в ненасытной утробе, чтобы плод не был извержен вон; но насади в чреве алчущем, чтобы плод достиг неба. Утешь страждущую душу бедного, чтобы не скорбела твоя утучневшая. Не видишь ли, как деревья, напояемые чрез меру, загнивают с корня, а напояемые умеренно возрастают? Так и ты не напояй чрезмерно своего чрева, чтобы не загнил корень этого дерева; напой (чрево) жаждущее, чтобы оно принесло плод. Напояемое в меру не загнивает от солнца, а неумеренно (напояемое) загнивает: таково естественное действие солнца. Неумеренность везде зло. Поэтому будем воздерживаться от нее, чтобы и нам получить то, о чем просим. Источники, говорят, получают свое начало в местах весьма возвышенных. Сделаемся же и мы возвышенны душою, и тотчас потечет (от нас) милостыня. Невозможно возвышенной душе не быть милостивою, и милостивой – не быть возвышенною. Итак, кто презирает имущество, тот выше "**корня всех зол**" (1Тим.6:10). Источники по большей части находятся в пустынях; и мы изведем душу из (мирской) суеты, и потечет от нас милостыня. Источники чем более очищаются, тем более обильными становятся; так и мы чем более будем раздавать, тем более произрастет благ. Кто имеет источник, тот чужд страха; так и мы, если будем иметь источник – милостыню, не будем страшиться. И для питья, и для орошения, и для постройки зданий – для всего полезен нам этот источник. Нет ничего лучше такого питья: оно не производит опьянения. Лучше иметь такой источник, нежели источники, доставляющие золото. Душа, носящая это золото, лучше всякой земли золотоносной. Оно сопутствует нам не в это царство, но в горнее. Это золото служит украшением Церкви Божией. Из этого золота приготовляется меч духовный (Ефес.6:17), меч, которым посекается змий. Из этого источника происходят драгоценные камни, украшающие голову Царя (Апок.4:3). Не будем же пренебрегать таким богатством, но будем творить милостыню щедро, чтобы нам удостоиться милости Божией, по благодати и щедротам Единородного Сына Его, Которому всякая слава, честь и держава, со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 23

"Тогда Петр, пригласив их, угостил. А на другой день, встав, пошел с ними, и некоторые из братий Иоппийских пошли с ним. В следующий день пришли они в Кесарию. Корнилий же ожидал их, созвав родственников своих и близких друзей" (Деян.10:23,24).

1. Угостив мужей (посланных Корнилием), отправляется (Петр) вместе с ними; и хорошо: сначала он с любовью принимает их, как утомившихся от пути, и располагает к себе, а потом уже отправляется с ними. "**А на другой день, встав, пошел с ними, и некоторые из братий**" (ст. 23). Не один он, но и другие идут с ним; и это с тою предусмотрительностью, чтобы впоследствии были свидетели, когда Петру нужно будет

оправдываться. "**Корнилий же ожидал их, созвав родственников своих и близких друзей**" (ст. 24). Таково свойство друга, таково свойство благочестивого (человека), чтобы, прежде всего, делать участниками таких благ близких друзей. Естественно он созывает тех, кому всегда доверял, особенно рассуждая о таких предметах, о которых еще излишне было говорить с другими. Мне кажется, что и друзья, и родственники им же были назидаемы. "**Когда Петр входил, Корнилий встретил его и поклонился, пав к ногам его. Петр же поднял его, говоря: встань; я тоже человек**" (ст. 25, 26). Делая это, (Корнилий) проявляет свое смирение, научает прочих, благодарит Бога и показывает, что хотя он и получил повеление, однако, и сам в себе имел великое благочестие. Что же Петр? "**Встань; я тоже человек**". Видишь ли, как он, прежде всего, научает их не думать слишком много о самих себе? "**И, беседуя с ним, вошел в дом, и нашел многих собравшихся. И сказал им: вы знаете, что Иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменником**" (ст. 27, 28). Смотри: тотчас же начинает беседовать о человеколюбии Божием, и показывает, что Он даровал им великие блага. Но здесь достойно удивления не только то, что он беседует о таких предметах, но и то, как он говорит о предметах высоких и вместе соблюдает смирение. Не сказал: мы – люди, не удостаивающие никого своего общения, пришли к вам; но что? "**Вы знаете**". Бог, говорит, запретил (нам) входить в общение или обращаться с иноплеменником. Потом, чтобы не показать пристрастия к нему, продолжает: "**но мне Бог открыл, чтобы я не почитал ни одного человека скверным или нечистым**" (ст. 28). Присовокупляет это, чтобы не подумали, что он льстит ему. "**Посему я, будучи позван, и пришел беспрекословно**" (ст. 29). Чтобы не подумали, что хотя дело было и противозаконное, но он послушался потому, что (Корнилий) был начальник, а чтобы все приписывали Богу, для того говорит, что не дозволено не только "**сообщаться**", но даже и "**сближаться**". "**Итак спрашиваю: для какого дела вы призвали меня?**" (ст. 29)? Спрашивает не потому, чтобы не знал. Петр знал все из видения, слышал и от воинов; но он хочет, чтобы сначала они сами исповедали и предрасположили себя к вере. Что же Корнилий? Он не сказал: разве воины не сказали тебе? Но смотри, как кротко и смиренно говорит: "**четвертого дня я постился до теперешнего часа, и в девятом часу молился в своем доме, и вот, стал предо мною муж в светлой одежде, и говорит: Корнилий! услышана молитва твоя, и милостыни твои воспомянулись пред Богом**" (ст. 30, 31). "**И в девятом**", говорит, "**часу молился**". Что это значит? Мне кажется, что у него назначены были часы для благочестивых занятий, и притом в известные дни. Потому он и сказал: "**четвертого дня**". Смотри, как важна молитва! Когда он предался благочестивому занятию, тогда является ему ангел. Это был первый день; когда посланные отправились, еще один; когда возвращались, еще один; а на четвертый (Петр) прибыл, так что это был второй день, в который (Корнилий) предавался молитве. "**Стал предо мною муж в светлой одежде**". Не называет ангелом: так он чужд гордости! "**И говорит: Корнилий! услышана молитва твоя, и милостыни твои воспомянулись пред Богом. Итак пошли в Иоппию и призови Симона, называемого Петром; он гостит в доме кожевника Симона при море; он придет и скажет тебе. Тотчас послал я к тебе, и ты хорошо сделал, что пришел. Теперь все мы предстоим пред Богом, чтобы выслушать все, что повелено тебе от Бога**" (ст. 31-33). Для того (Петр) и сказал: "**для какого дела вы призвали меня?**", чтобы (Корнилий) высказал все эти слова. "**Петр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему**" (ст. 34, 35), т.е., будет ли он необрезанный, или обрезанный. Тоже выражает и Павел, когда говорит: "**нет лицеприятия у Бога**" (Римл.2:11). "**Теперь все мы**", говорит, "**предстоим пред Богом**". Смотри, какая вера, какое благочестие! Он уразумел, что Петр вещал не человеческое учение, когда сказал: "**мне Бог открыл**". Потому и говорит: "**теперь все мы предстоим пред Богом, чтобы выслушать все, что повелено тебе от Бога**". Как? Неужели "**приятен**" Ему и принадлежащей к персам? Если он достоин, то будет "**приятен**" так, что сподобится веры. Потому Он не презрел и евнуха

из Эфиопии. Но что, скажут, думать о людях богобоязненных и между тем оставленных в презрении? Нет; ни один богобоязненный не оставляется в презрении. Не может, никогда не может быть презрен кто-либо из таких (людей). "**Но во всяком народе**", говорит, "**боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему**". Правдою он называет всякую добродетель.

2. Видишь ли, как Он внушает смирение словами: "**во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему**"? Как бы так говорил: Он никого не отвергает, принимает всех верующих. Потом, чтобы они не почли себя в числе отверженных, продолжает: "**Он послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа; Сей есть Господь всех**" (ст. 36). Говорит это для присутствующих, чтобы убедить и их. Для того он расположил и Корнилия – предложить рассказ. "**Слово**", говорит, "**послал сынам Израилевым**". Смотри: сначала им отдает преимущество, а потом и тех приводит в свидетели, и говорит: "**вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном**" (ст. 37). Что это так, подтверждает следующим: "**как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета**" (ст. 38). Не сказал: вы знаете Иисуса, – так как они еще не знали Его, – но излагает деяния Его: "**и Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом**". Указывает здесь на многие недуги и страдания телесные, причиняемые диаволом. "**Потому что Бог был с Ним**" (ст. 38). Снова выражается смиренно; не просто, я думаю, но применительно к понятиям человеческим. "**И мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме**". И вы, говорит, и мы (свидетели). "**И что наконец Его убили, повесив на древе**" (ст. 39). Здесь говорит о страдании (Христовом). "**Сего Бог воскресил в третий день, и дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых**" (ст. 40, 41). Это – величайшее свидетельство воскресения. "**И Он повелел нам проповедывать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых**" (ст. 42). И это много способствует к тому, чтобы они явились достоверными (свидетелями). Но он приводит и (другое) свидетельство – следующее: "**о Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его**" (ст. 43). Это – предсказание будущих последующих событий; для подтверждения его благовременно приводит в свидетели пророков. Но обратимся к вышесказанному о Корнилие. "**Пошли**", говорит (писатель), "**людей в Иоппию и призови Симона, называемого Петром**". Веровал, что он непременно придет; потому и послал. "**Он придет и скажет тебе**". О чем? Беседуя, думаю, о том, что сказано выше. "**И поклонился, пав к ногам его**". Смотри, как слово (его) всегда чуждо лести и исполнено смирения. Чрез это же показал себя достойным и тот евнух; он пригласил Филиппа взойти и сесть на колесницу, хотя и не знал, кто он таков, разве только после изъяснения пророчества. А этот даже пал к ногам. Видел ли ты, как он был чужд гордости? Посмотри же, как Петр показывает божественность своего пришествия, когда говорит: "**вы знаете, что Иудею возбранено**". Почему он не сказал тотчас о плащанице? Потому, что был весьма не тщеславен. О том, что был послан от Бога, он говорит, но как, пока еще нет; а когда открылась нужда, тогда и сказал. "**Вы знаете, что Иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменником**". Так он был далек от тщеславия! "**Вы знаете**". Говоря это, ссылается и на их знание. Что же Корнилий? "**Теперь все мы предстоим пред Богом**", говорит, "**чтобы выслушать все, что повелено тебе от Бога**". Не сказал: пред человеком, но: "**пред Богом**", показывая, что так должно внимать рабам Божиим. Видели ли вы высокую душу его? Видели ли вы, как он был достоин всего этого? "**Петр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен**". Говорил это и для присутствовавших иудеев, в свое оправдание. Так как ему предстояло вести с ними речь, то он наперед представляет как бы оправдание. Что же? Разве прежде этого (Бог) был лицеприятен? Да не будет! Он и прежде был таков же. "**Во всяком народе**", говорит,

"**боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему**". Об этом и Павел пишет так: "**ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают**" (Рим.2:14). Здесь (Петр) преподает и учение, и правила жизни. Если (Бог) не презрел волхвов, и эфиоплянина, и разбойника, и блудницу, то, без сомнения, тем более не презрит делающих правду и желающих (веровать). Почему же бывают люди добрые и кроткие, и, однако, не хотят веровать? Вот сам ты и сказал причину: потому, что не хотят. С другой стороны, добрым он называет здесь не кроткого, но "**поступающего по правде**", т.е., благоугодного (Богу) во всем, каковым человек бывает тогда, когда имеет надлежащий страх Божий; такого знает один Бог. Смотри, как этот был "**приятен**". Как скоро он услышал, то и повиновался. И теперь, скажешь, повиновался бы всякий, кто бы то ни был, если бы явился ангел? Но нынешние знамение гораздо больше тех, и, однако, многие не веруют. Затем (Петр) начинает учение, наблюдая достоинство иудеев. "**Он послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа; Сей есть Господь всех**". Во-первых, говорит о господстве Его, и весьма возвышенно, как и следовало, потому что имел пред собою душу, которая уже сделалась высокою и с горячностью принимала все, им сказанное. Потом, чтобы показать, как Он есть "**Господь всех**", присовокупляет слова: "**послал благовествуя**", т. е., призывая на благое, а, не возвещая суд.

3. Здесь он показывает, что (Христос) был послан от Бога прежде к иудеям. Затем доказывает это тем, что Он совершил во всей Иудее, и говорит: "**вы знаете происходившее по всей Иудее**", и, к удивлению, "**начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном**". Сначала сказал об Его делах, а потом решается сказать об Его отечестве: "**Иисуса из Назарета**". Он знал, что это отечество служило соблазном. "**Как Бог Духом Святым и силою помазал**". Затем снова (приводит) доказательство; чтобы кто не сказал: откуда это видно? – присовокупляет слова: "**и Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом**". Вместе с добрыми делами, которые Он совершил, показывает, что велика была и сила Его; она должна быть могущественна и велика, если побеждает диавола. Приводит и причину: "**потому что Бог был с Ним**". Потому и иудеи говорили так: "**мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог**" (Ин.3:2). Потом, когда доказал, что Он был послан от Бога, тогда уже и говорит, что Он был умерщвлен, чтобы ты не подумал (о Нем) чего-либо недостойного. Видишь ли как они никогда не скрывали о кресте, но, между прочим, упоминали и об образе (распятия)? "**Его убили**", говорит, "**повесив на древе**". "**И дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, нам**". Хотя Он сам избрал их, но и это (Петр) приписывает Богу. "**Предъизбранным**", говорит. Смотри, чем он доказывает воскресение – ядением. Почему же, по воскресении, (Христос) не совершил никакого знамения, а ел и пил? Потому, что воскресение и само по себе было великим знамением; а для доказательства (подлинности) его ничто не может быть больше того, что Он ел и пил. "**Мы свидетели всего**", говорит. Здесь он внушает и страх, чтобы они не могли оправдываться неведением. И не сказал, что Он есть Сын Божий, но, – что особенно могло устрашить их, – "**Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых**". Затем (приводит) сильное доказательство от пророков, потому что они были в великой славе. "**О Нем все пророки свидетельствуют**". Внушив страх, представляет потом прощение (грехов), говоря не от себя, но от лица пророков. Страшное (говорит) от себя, а приятное – от лица пророков. Вы, которые получили это прощение, которые удостоились веры, постарайтесь, умоляю вас, познавши величие дара, не оскорбить Благодетеля. Не для того мы получили прощение, чтобы сделаться худшими, но чтоб быть гораздо лучшими и совершеннейшими.

Итак, пусть никто не говорит, будто Бог есть виновник наших грехов, потому что не подверг нас наказанию и мучению. Скажи мне: если бы какой начальник, имея в руках

своих убийцу, отпустил его, то может ли он считаться виновником последующих убийств? Нисколько. Как же мы сами, дерзая нечестивыми устами своими оскорблять Бога, не боимся и не трепещем? И чего не скажут? Чего не произнесут? Он сам, говорят, попустил им; надлежало наказать их, если они достойны того, не раздавать им почестей, венцов и преимуществ, а подвергнуть наказанию и мучению. Не делая с ними ничего такого, но вместо того удостаивая их почестей, Он и делает их такими. Нет, прошу и умоляю, пусть никто не произносит о нас такого отзыва. Лучше тысячи раз быть зарыту в земле, нежели допустить, чтобы о Боге говорили так из-за нас. Иудеи говорили Ему: "**Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого**"; и еще: "**если Ты Сын Божий, сойди с креста**" (Мф.27:40). Но то богохульнее этого. Итак, чтобы из-за нас не могли называть Его виновником зла и чтобы за это самое богохульство нам не подпасть наказанию, – так как "**ради вас**", говорит Он, "**имя Божие хулится у язычников**" (Рим.2:24). – Постараемся, чтобы говорили противное, проводя жизнь достойно Призывающего и приступая к крещению сыноположения. Поистине велика сила крещения; оно совершенно изменяет сподобившихся этого дара, и люди чрез него перестают быть теми же людьми. Пусть же и эллин уверует, что велика сила Духа, потому что она преобразовала, потому что пересоздала. Зачем ты ожидаешь последнего издыхания, как беглый раб, как злодей, как будто не обязанный жить для Бога? Зачем ведешь себя по отношению к Нему, как бы к какому жестокому и бесчеловечному властителю? Что может быть холоднее, что жалчее принимающих крещение в такое время? Бог сделал тебя другом и удостоил всех благ, чтобы и ты с своей стороны явил дела друга. Скажи мне: если бы ты причинил кому-либо великие обиды и оскорбления, и после множества сделанных ему неприятностей впал в руки обиженного, а он вместо того почтил бы тебя, сделал бы соучастником всех своих (благ), за сами обиды, нанесенные ему, увенчал бы тебя между друзьями своими и сказал бы, что считает тебя за родного сына, и потом внезапно умер, – не почел ли бы ты этого потерею? – не сказал ли бы: я желал бы видеть его живым, чтобы воз- дать ему должное, чтобы возблагодарить его, чтобы не оказаться недостойным пред благодетелем? Так (поступаешь) по отношению к человеку: а по отношению к Богу почему стараешься устроить так, чтобы не воздать Благодетелю за столь великие дары? Нет, ты тогда и приступи, когда можешь воздать Ему с своей стороны. Зачем ты убегаешь? Так, скажешь; я не могу соблюсти (заповедей). Но разве Бог заповедал невозможное? Оттого и извратилось все, оттого и растлилась вселенная, что никто нисколько не заботится жить по Боге. Оглашенные, питая такие мысли, не обнаруживают никакого попечения о благочестивой жизни. Из крещенных одни приняли крещение в детстве; другие в болезни, и так как не имели никакого усердия жить для Бога, то по выздоровлении тоже не прилагают заботы; иные приняли в здоровом состоянии, но и они обнаруживают мало заботы, и они имели пламенное усердие в то время, впоследствии же угасили свой пламень. Разве не позволяется тебе заниматься делами? Разве я отвлекаю тебя от жены? Удерживаю тебя только от прелюбодеяния. Разве от пользования имуществом? От любостяжания только и хищения. Разве принуждаю раздать все? Только немногое, по мере возможности, уделять нуждающимся. "**Ныне ваш избыток**", говорит (апостол), "**в восполнение их недостатка**" (2Кор.8:14). Но и таким образом мы не убеждаем. Разве принуждаем поститься? Запрещаем только предаваться опьянению и пресыщению. Устраняем то, что причиняет тебе бесчестие, что и сам ты еще здесь, прежде геенны, уже признаешь постыдным и ненавистным. Разве (запрещаем) веселиться и радоваться? Только бы (это было) не постыдно и не бесчестно.

4. Чего ты боишься? Чего страшишься? Чего трепещешь? Где брачная жизнь, где доброе употребление имущества, где умеренность в пище, – какой там повод ко греху? Внешние (язычники) повелевают противоположное, и их слушают. Они требуют не по мере возможности, но говорят: столько-то надобно отдать, – и хотя ты ссылаешься на бедность, не отступают и тогда. А Христос не так: дай (говорить) из того, что имеешь, и поставлю

тебя в числе первых. Еще те говорят: если хочешь быть славным, оставь отца, мать, родных, домашних, и будь при царском дворе, перенося труды, испытывая оскорбления, раболепствуя, не имея покоя, претерпевая множество неприятностей. А Христос не так, но – будь в своем доме с женою, с детьми, и устраивай дела свои так, чтобы проводить жизнь спокойную и безопасную. Так, скажешь; но тот обещает богатство? А Он – царство; или лучше: вместе с тем и богатство. Он говорит: "**ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Мф.6:33). Тот (обещает богатство) не в виде прибавления, а Он – еще нечто прежде этого. "**Я был молод**", говорит (Давид), "**и вот, состарился, но не видел праведника оставленным и потомства его просящим хлеба**" (Пс.36:25). Начнем же жизнь добродетельную; положим ей начало; только приступим к ней, и увидишь, сколько в ней благ. Ты не без труда совершаешь те дела; почему же с боязнью смотришь на эти? Да, скажешь, те без труда, а эти с трудом. Нет, не так, не правда. Если следует сказать правду, то те сопряжены с гораздо большими трудностями и совершаются с большим трудом, а эти, если захотим, легко.

Не будем же уклоняться, умоляю вас, от божественных таинств. Не смотри на то, что прежде тебя крещенный сделался худым и лишился своего упования, и не делайся оттого еще нерадивее; и между воинами мы видим одних, отправляющих воинскую службу не как должно, а других отменно ревностных, но обращаем внимание не на ленивых, а подражаем этим – исправным. Так и ты смотри на тех, которые после крещения из людей сделались ангелами. Страшись неизвестности будущего. Смерть приходит, "**как тать ночью**" (2Петр.3: 10), и не просто как тать, но нападает на нас спящих и восхищает не бодрствующих. Для того Бог и оставил будущее неизвестным, чтобы, по неизвестности всегда ожидая, мы проводили жизнь добродетельно. Но Бог, скажешь, человеколюбив. Доколе же мы будем повторять это холодное и возбуждающее смех изречение? Я не только говорю и не перестану говорить, что Бог человеколюбив, но и (скажу), что нет никого человеколюбивее Его и что все в отношении к нам Он устраивает на пользу. Не видишь ли, как многие во всяком возрасте бывают подвержены проказе? Как многие с первого возраста остаются слепыми до старости? Другие подверглись слепоте впоследствии; иные (живут) в бедности; иные в узах; иные в рудокопнях; иные и задавлены там землею; а иные погибли на войне. Дело ли это человеколюбия, скажи мне? Не мог ли бы Он не допустить этого, если бы пожелал? Но Он допускает. Так, скажешь. Скажи же мне, отчего бывают слепые с первого возраста? Я не скажу, пока не дашь мне обещания – креститься и по крещении жить благочестиво. Не следует тебе заниматься разрешением таких вопросов; слово существует не для забавы. И если я разрешу этот вопрос, за ним последует другой; в Писании ведь – бездна вопросов. Поэтому приучайтесь не изыскивать только разрешение вопросов, но и не задавать их, потому что никогда не будет конца нашим вопросам. Вот, если я разрешу этот, то подам повод к бесчисленному множеству других вопросов. Научимся же лучше достигать этого (чтобы не задавать вопросов), нежели искать разрешения их. Если и разрешим, то разрешим не совершенно, а по человеческому разумению. Самое лучшее разрешение таких вопросов есть вера, т.е. убеждение, что Бог устраивает все праведно, человеколюбиво и на пользу, и что причины этого постигнуть невозможно. Вот единственное разрешение, и другого лучше этого нет. В чем, скажи мне, состоит дело разрешения? Конечно, в том, чтобы не искать больше того, что разрешено. Если же ты убедишься, что все управляется Промыслом Божиим, одно попускающим по известной Ему причине, а другое устрояющим, то и не будешь более задавать вопросов и получишь для себя готовое их разрешение. Но возвратимся к предмету. Итак, если ты видишь столь многих претерпевающими страдания, а это все попускает Бог, то воспользуйся здоровьем (своего) тела для здоровья души. Но, скажешь, какая мне нужда подвергаться трудам и лишениям, когда можно очиститься от всего и без труда? Прежде всего (скажу): это неизвестно. Случается не только не очиститься без труда, но и отойти со всеми (грехами). А если бы это и было известно, то не отрадны

такие слова. Привел тебя (Бог) на бранное поприще; предложены золотые оружия; следует взять их и действовать; а ты хочешь спастись без славы и не сделать ничего доброго. Скажи мне: если бы происходила война, и сам царь присутствовал, и ты видел бы, как одни бросаются в ряды неприятелей, поражают и наносят бесчисленные раны, другие вступают в единоборство; одни бегут, другие несутся на конях и получают похвалу от царя, удивление, рукоплескания, венцы; а иные в то же время считают за лучшее не подвергаться никакой опасности, держаться позади всех, и остаются в бездействии; потом, по окончании войны, первые вызываются, награждаются великими дарами и провозглашаются, а последние остаются неизвестными даже по имени, и только лишь сохранение жизни служит им воздаянием за дела, – в числе которых ты пожелал бы находиться? Хотя бы ты был каменным, хотя бы был беспечнее вещей бесчувственных и бездушных, – не пожелал ли бы ты тысячи раз быть в числе первых? Так, прошу и умоляю. Ведь хотя бы надлежало и пасть среди брани, не следует ли с готовностью решиться и на это? Не видишь ли, как светлы падающие в таких войнах, хотя они умирают смертью, после которой не могут получить почестей от царя? А в этой брани совсем не так, но (после нее) ты непременно предстанешь со своими ранами, которые да сподобимся все мы явить, и без гонений, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 24

"Когда Петр еще продолжал эту речь, Дух Святый сошел на всех, слушавших слово. И верующие из обрезанных, пришедшие с Петром, изумились, что дар Святаго Духа излился и на язычников, ибо слышали их говорящих языками и величающих Бога" (Деян.10:44-46).

1. Посмотри на домостроительство Божие. Петр еще не успел окончить речи, и крещение (Корнилия и бывших у него) еще не совершилось по его повелению; но так как они показали чудное расположение души своей, приняли начало учения и уверовали, что в крещении несомненно подается прощение грехов, то и сошел (на них) Дух. Это же совершает Бог с тем намерением, чтобы доставить Петру сильное оправдание. Они не только получают Духа, но и стали говорить языками, что и изумило пришедших с Петром. Зачем же так устраивается это дело? Для иудеев, так как они весьма ненавистно смотрели на это. Так везде все совершается Богом; а Петр почти только присутствует здесь, вразумляясь, что им (апостолам) следует уже обращать язычников, и что это должно чрез них произойти. И не удивляйся! Если после таких событий и в Кесарии, и в Иерусалиме было негодование, то чего не было бы, если бы их не случилось? Поэтому-то они и совершаются чрезвычайным образом. Смотри, как и Петр при этом случае защищается. А что он отвечает после такого случая, о том послушай евангелиста, повествующего так: "**тогда Петр сказал: кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святаго Духа?**" (ст. 47) Видишь ли ты, к чему он склонил дело и как желал совершить это? Так он еще прежде имел это в мыслях. "**Водою**", говорит, "**кто может запретить**"? Он почти как бы опровергает противившихся и утверждавших, что этого делать не должно. Все совершилось, говорит, необходимейшее исполнилось, т.е., то крещение, которым и мы крестились. "**И велел им креститься во имя Иисуса Христа**" (ст. 48). После того, как оправдался, тогда и повелел им креститься, научая их самим делом: настолько ненавистно смотрели (на это) иудеи! Поэтому-то он сначала защищается, хотя дела говорили сами за себя, и потом повелевает. "**Потом они просили его пробыть у них несколько дней**" (ст. 48). После этого он естественно уже не сомневается и остается. "**Услышали Апостолы и братия, бывшие в Иудее, что и язычники приняли слово Божие. И когда Петр пришел в Иерусалим, обрезанные упрекали его, говоря: ты ходил к людям необрезанным и ел с ними**" (Деян.11: 1-3).

После того "**обрезанные упрекали**", а не апостолы. Что значит "**упрекали**"? Не мало соблазнялись, говорит (писатель). И смотри, что они возражают. Не говорят: для чего ты проповедовал им? – но: для чего ты вкушал пищу вместе с ними? Петр же не останавливается на этом холодном (замечании), – и поистине оно было холодное, – но (указывая) на то великое (дело), говорит: если и они получили Духа, то, как можно было не преподать им (крещения)? Почему же не было того с самарянами, но (было) противоположное? И не только не было до крещения, но и после крещения. И (верующие из иудеев) не негодовали на них, но, услышав, послали (Петра и Иоанна) для этого самого (Деян.8:14,15). Впрочем, и здесь они упрекают не за это, так как знали, что это было делом благодати Божией; но для чего, говорят, ты вкушал пищу вместе с ними? С другой стороны, великая и несравненная разница между самарянами и язычниками. Или он подвергся упреку по благоустроению (Божию), чтобы они научились, так как без нужды Петр и не сказал бы. Смотри, как он не горделив и не тщеславен. "**Петр же начал**", говорит (писатель), "**пересказывать им по порядку, говоря: в городе Иоппии я молился**" (ст. 4, 5). Не говорит, для чего или по какому случаю. "**И в исступлении видел видение: сходил некоторый сосуд, как бы большое полотно, за четыре угла спускаемое с неба, и спустилось ко мне. Я посмотрел в него и, рассматривая, увидел четвероногих земных, зверей, пресмыкающихся и птиц небесных. И услышал я голос, говорящий мне: встань, Петр, заколи и ешь**" (ст. 5-7). Что он хочет сказать этим? Одно видение плащаницы, говорит, достаточно было для убеждения в этом; но к тому присоединен был и голос. "**Я же сказал: нет, Господи, ничего скверного или нечистого никогда не входило в уста мои**" (ст. 8). Видишь ли? Я сделал, говорит, свое дело; сказал, что я никогда не ел. Это против того, что говорили те: "**ходил и ел с ними**". Корнилию он не говорит этого, потому что не было нужды. "**И отвечал мне голос вторично с неба: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым. Это было трижды, и опять поднялось всё на небо. И вот, в тот самый час три человека стали перед домом, в котором я был, посланные из Кесарии ко мне**" (ст. 9-11). Говорит то, что было нужно, а о прочем умалчивает; или лучше, первым подтверждает и последнее. И смотри, как он оправдывается: он не хочет пользоваться достоинством учителя, знает, что чем смиреннее будет говорить, тем скорее успокоит их. "**Нечистого никогда**", говорит, "**не входило в уста мои**". Так предусмотрительно было все оправдание (его). "**В тот самый час три человека стали перед домом, в котором я был, посланные из Кесарии ко мне. Дух сказал мне, чтобы я шел с ними, нимало не сомневаясь**".

2. Видишь ли, что законоположение есть (дело) Духа? "**Пошли со мною и сии шесть братьев**". Что может быть смиреннее, когда Петр ссылается при этом и на свидетельство братий? "**Пошли со мною и сии шесть братьев, и мы пришли в дом того человека. Он рассказал нам, как он видел в доме своем Ангела (святого), который стал и сказал ему: пошли в Иоппию людей и призови Симона, называемого Петром; он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой**" (ст. 12-14). Не сказал того, что говорил ангел Корнилию: "**молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом**", чтобы не оскорбить их; но – то, что не заключало в себе ничего великого: "**он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой**". Видишь ли, как он изъясняется поспешно по той причине, о которой я сказал выше? Не говорит ничего и о кротости того мужа. Итак, когда Дух посылал, Бог повелевал, там призывая чрез ангела, здесь побуждая, и разрешая сомнительность дела, тогда что должно было делать? Но он не говорит ничего этого, а указывает на последующее событие, которое и само по себе было несомненным свидетельством. Почему же, скажешь, не одно только оно было? От преизбытка (силы, бывшей) от Бога, чтобы явно было, что и начало (этого дела) не от апостола. Если бы он пошел сам собою, и ничего такого не было, то они весьма вознегодовали бы; поэтому он издалека располагает к себе мысли их и говорит им: "**как и мы, получили Святаго Духа**". И еще: "**сошел на них Дух Святый, как и на нас**

вначале" (ст. 15). Не довольствуется и этим, но напоминает и об изречении Господа: "**тогда вспомнил я слово Господа, как Он говорил: Иоанн крестил водою, а вы будете крещены Духом Святым**" (ст. 16). Таким образом, здесь не случилось ничего нового, но то, о чем Он предсказал. Но, скажешь, не должно было крестить (их), потому что крещение уже совершилось, когда сошел на них Дух? Потому-то он и не говорит: я повелел им наперед креститься; но что? – "**кто может запретить креститься водою**", – показывая этим, что он не сделал ничего сам собою. Итак, они получили то, что имеем и мы. "**Итак**", говорит, "**если Бог дал им такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа, то кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?**" (ст. 17) Чтобы сильнее заградить им уста, для того сказал: "**дал им такой же дар**". Видишь ли, как он утверждает, что внезапно уверовавшие получили не меньше их? "**Бог дал им такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа**"; следовательно, сам очистил их. И не говорит: вам, но: "**нам**", чтобы смягчить и таким образом речь свою. Почему же вы негодуете, когда мы считаем их соучастниками (того же дара)? "**Выслушав это, они успокоились и прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь**" (ст. 18). Видишь ли, как все сделано речью Петра, обстоятельно рассказавшего о случившемся? Потому они и славили Бога, что Он и тем даровал покаяние: так они смирились от этих слов! Тогда-то, наконец, открылась дверь (веры) язычникам. Но обратимся, если угодно, к вышесказанному. Не сказал (писатель), что изумился Петр, но: "**обрезанные**"; он знал, что совершается. И действительно, должно было удивляться тому, как и те уверовали. Они же не вознегодовали, когда услышали, что те уверовали; но когда (услышали, что) Бог даровал им Духа, когда Петр излагал свое видение и говорил: "**Бог открыл, чтобы я не почитал ни одного человека скверным или нечистым**". Так он еще прежде знал это. Поэтому он и приготовляет речь о язычниках, в которой показывает, что они уже не были язычниками, когда явилась (в них) вера. Таким образом, нисколько неудивительно, что они получили Духа прежде крещения; и с нами тоже случилось. Здесь Петр показывает, что они крестились не так, как прочие, но гораздо лучше. Поэтому вполне достигнуто было то, что они не могли ничего более сказать, но должны были признать тех, по крайней мере, в этом отношении себе равными. "**Потом они просили его**", говорит (писатель), "**пробыть у них несколько дней**". Видишь ли, как они недружелюбно приняли его? Видишь ли, какую они имели ревность о законе? Они не устыдились ни достоинства Петра, ни случившихся знамений, ни того великого события, что слово (евангельское) принято (язычниками); но о тех маловажных предметах "**упрекали**". Если бы ничего такого не было, то самого события (для них) было бы недостаточно. Впрочем, Петр оправдывается не так; он был благоразумен; или лучше, это были слова не его благоразумия, но Духа. Он в оправдании своем показывает, что отнюдь не он сам виновник всего, но Бог; и говорит им как бы так: Он сделал, что я пришел в исступление, а я просто "**молился**"; сосуд Он показал, а я возразил; потом опять Он сказал, а я и тогда не послушался; Дух повелел идти, а я, несмотря на то, пошел не поспешно; я сказал (Корнилию), что Бог послал, но и после этого сам не крестил, а опять Бог сделал все. Следовательно, Бог крестил их, а не я. И не сказал: после всего бывшего, не следовало ли, наконец, употребить воду? – но, как бы уже ничего более не оставалось, говорит: "**кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?**" Вот, каково его оправдание! Ведь не сказал: узнав об этом, успокойтесь, – но что? Принимает их нападение и оправдывается против их обвинения: "**кто же я, чтобы мог**", говорит, "**воспрепятствовать Богу?**" Пристыжает и сильно поражает их своим оправданием: я не мог, говорит, воспротивиться. Поэтому они затем, устрашившись, "**успокоились и прославили Бога**".

3. Так и нам должно славить Бога за блага, (получаемые) нашими ближними, а не завидовать, как завидуют многие из новокрещенных, когда видят других, по крещении вскоре отходящих (от этой жизни). Должно славить Бога и за то, что Он не дарует им

продолжения жизни. А ты, если угодно, получил и больший дар; разумею то, что ты получил не только просвещение (крещением), – ведь это общее и для того, и для тебя, – но и потребное время для добрых дел. Тот облекся в одежду и (обновления) – и не успел насладиться ею; тебе даровал Бог большую возможность воспользоваться оружием, как должно, и таким образом испытывать его на деле. Тот отходит, получая награду только за веру свою; ты стоишь на поприще дел, имея возможность получить многие награды и явиться столько светлее его, сколько солнце (светлее) малейшей звезды, сколько военачальник – последнего воина, или лучше, сколько сам царь. Поэтому обвиняй самого себя, или лучше, не обвиняй, но постоянно исправляйся; недостаточно (только) обвинить себя; надобно возбудить себя к борьбе. Ты пал? Ты тяжко пострадал? Восстань, укрепись; ты еще на поприще; зрелище еще продолжается. Не видишь ли, как многие борцы, поверженные, снова возбуждали себя к борьбе? Только не падай добровольно. Ты ублажаешь отшедшего? Гораздо более ублажай себя самого. Тот получил прощение грехов? Но ты, если хочешь, не только омоешь грехи свои, а и будешь иметь добрые дела, что для того невозможно. Мы имеем возможность – восстановлять себя.

Велико врачество покаяния; не отчаивайся. Тот поистине достоин отчаяния, кто сам отчаивается; он уже не имеет надежд спасения. Не столько страшно – впасть в глубину зол, сколько – впавши оставаться в ней; не столько нечестиво – впасть в глубину зол, сколько – впавши оставаться беспечным. Почему же, скажи мне, ты не заботишься о том, о чем особенно должен стараться? Ты пал, получив столько ран? Но нет никакой душевной раны неисцельной; на теле много таких ран, а в душе ни одной; и о тех мы непрестанно заботимся, а об этих нисколько не беспокоимся. Не видишь ли, в какое краткое время исправился разбойник (Лк.23:41)? Не видишь ли, в какое краткое время мученики совершали все? Но теперь уже не время мучений? И теперь – время подвигов, если захотим, о чем я часто говорил. "**Да и все**", говорит (апостол), "**желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы**" (2Тим. 3:12). Живущие благочестиво бывают постоянно гонимы, если не от людей, то от демонов; а это есть тягчайшее гонение. И еще прежде, от самой безопасности особенно терпят гонение (люди) беспечные. Или, думаешь, не великое гонение – быть в безопасности (от гонений)? Это есть тягчайшее из всех (гонений); это хуже самого гонения. Безопасность, как бы поток наводняющий, расслабляет душу; и что зной и холод, тоже гонение и безопасность. Но, чтобы ты полнее убедился, что она – хуже гонения, заметь следующее: она наводит сон на душу, производит великую невнимательность и беспечность, возбуждает всякого рода страсти, вооружает гордость, вооружает сластолюбие, вооружает гнев, зависть, тщеславие, ревность. Во время же гонения ничто подобное не может возмутиться: но страх, приблизившись, как бы каким бичом сильно ударив лающего пса, всем этим страстям не позволяет даже подать голоса. Во время гонения кто может тщеславиться? Кто предаваться сластолюбию? Никто; но (тогда бывает) великий страх и трепет, производящий великую тишину, ведущий к тихой пристани, соделывающий душу благоговейною. Я слыхал некогда от отцов наших, – впрочем, да не будет этого с нами, потому что нам заповедано не искать искушений (Мф.6:13), – они говорили, что во время древних гонений можно было видеть мужей истинно христианских. Никто тогда не заботился об имуществе, никто – о жене, никто – о детях, никто – об отечестве: у всех была одна забота, чтобы спасти душу свою. Одни скрывались в гробницах и пещерах, другие – в пустынях. Не только мужи, но и нежные и слабые жены скрывались тогда, непрестанно претерпевая голод. Представь, могло ли родиться какое-либо желание роскоши или сластолюбия у жены, скрывающейся в пещере, ожидающей служанки, которая должна была принести пищу, боящейся, чтобы не быть пойманною, и лежащей в гробнице, как бы в печи? Даже могла ли она подумать, что есть какая-то роскошь, что вообще существует мир? Видишь ли, что теперь особенно и есть гонение, когда страсти отвсюду нападают на нас, как дикие звери. Теперь – тяжкое гонение, как поэтому, так и

потому, что оно даже не считается гонением. Подлинно, и ту опасность представляет эта брань, что она считается миром, чтобы мы не вооружались против нее, чтобы не восставали; никто не боится (ее), никто не страшится. Если же не верите, то спросите язычников, которые гонят (христиан): когда обязанности христианские (пополнялись) точнее, когда все (были) благочестивыми? Не велико было тогда число их; но велико было богатство добродетели. Скажи мне, какая польза от того, что много сена, когда можно было бы иметь драгоценные камни? Не в многочисленности вся важность, но в превосходстве добродетели. Плия был один; но его не стоил мир (3Цар.19:14). Мир состоит из множества; но и множество не составляет ничего, когда не может сравниться даже с одним. "**Лучше один праведник**" творящий волю Господню, "**нежели тысяча грешников**" (Сир.16:3). Тоже выражает и Премудрый, когда говорит: "**не желай множества негодных детей**" (Сир. 16:1). Такие (люди) подают повод к хуле на Бога более, нежели когда бы они не были христианами. Какая мне нужда во множестве? Только больше пищи для огня. Тоже можешь видеть и на теле: лучше умеренная пища, способствующая здоровью, нежели роскошная, причиняющая вред; та питает гораздо больше этой; та – пища, а эта – болезнь. Тоже может всякий видеть и на войне: лучше десять мужей опытных и храбрых, нежели тысячи неопытных: эти ничего не делают и даже препятствуют делающим. Тоже можно видеть и на корабле: лучше два опытных мореплавателя, нежели бесчисленное множество неопытных, – потому что эти потопят сам корабль.

4. Говорю это не потому, чтобы я был недоволен вашею многочисленностью, но, желая, чтобы все вы были отличными (по добродетелям) и не надеялись на множество. Гораздо многочисленнее идущие в геенну; но царствие (Божие) больше ее, хотя содержит немногих. Народ (израильский) был многочислен, как песок морской, но один спас его. Один был Моисей, а имел силу больше всех (Числ.12:7); один был Иисус, но имел силу больше шести сот тысяч (Исх.12:37). Не о том будем стараться, чтобы только были многие, но более о том, чтобы они были отличны (по добродетелям). Когда последнее будет достигнуто, тогда будет и первое. Никто, строя дом, не желает сделать его наперед просторным, но сначала крепким и благонадежным, а потом – и просторным; никто не полагает основания так, чтобы возбудить против себя насмешки. Сначала постараемся о последнем, а потом и о первом. Если есть последнее, то легко будет и первое; а если нет последнего, то первое, хотя бы и было, (не принесет) никакой пользы. Если есть могущие просиять в Церкви, то скоро будут и многие; если же нет первых, то и множество никогда не будет иметь превосходства.

Сколько, вы думаете, в нашем городе спасаемых? Тяжко то, что я намерен сказать; однако скажу, Из числа столь многих тысяч нельзя найти более ста спасаемых; но и в этих сомневаюсь. Какое, скажи мне, нечестие в юношах? Какое нерадение в старцах? Никто не заботится, как должно, о своем собственном сыне; никто не ревнует при виде старца подражать ему. Образцы для подражания утратились; оттого и юноши нисколько не достойны удивления. Не говори мне того, что мы составляем множество. Это свойственно людям холодным; пред людьми справедливо можно было бы говорить об этом, но пред Богом, Который не имеет нужды в нас, нельзя. А что это слова холодные и для них, послушай. Имеющий множество слуг, но слуг развратных, сколько потерпит неприятностей! Не имеющему у себя ни одного кажется неприятным то, что он остается без слуг; а имеющий негодных (слуг) и самого себя губит вместе с ними, и (терпит) больший вред. Гораздо тяжелее наказывать других и вести с ними ссору, чем служить самому себе. Говорю это для того, чтобы никто не удивлялся Церкви из-за многочисленности, но чтобы мы старались сделать эту многочисленность отличною, чтобы каждый имел попечение о собственном своем члене, не о друзьях, не о родных, – как я всегда говорю, – и не о соседях: но чтобы привлекал (в Церковь) и посторонних.

Например: совершается молитва, сидят холодно все, и юноши, и старцы, скорее изверги, нежели юноши, смеясь, хохоча, разговаривая, – и это ведь я слышал, – насмехаясь друг над другом, когда стоят на коленях; ты стоишь тут, юноша или старец, останови, когда видишь, укори сильнее не слушающего, пригласи диакона, пригрози, сделай свое дело; и если он осмелится сделать что-нибудь против тебя, то, конечно, многие помогут тебе. Кто так неразумен, что, видя, как ты укоряешь за это, а те укоряются, не примет твоей стороны? Тогда ступай (домой), получив награду за молитву. В доме господина мы тех слуг считаем усерднейшими, которые не оставляют ни одного сосуда лежать в беспорядке. Скажи мне: если бы ты увидел дома серебряный сосуд, выброшенный вон, то хотя бы ты и не был обязан к тому, не взял ли бы его и не внес ли бы в дом? Если бы (увидел) одежду, брошенную в беспорядке, то, хотя бы ты не должен был заботиться о ней, хотя бы ты был врагом приставленного (к этому делу), но по расположению к господину не привел ли бы ее в порядок? Так и теперь. Это – сосуды; если видишь их лежащими в беспорядке, приведи в порядок; приди ко мне, я не откажусь; мне скажи, объяви; я не могу сам усмотреть всего; простите. Вы видите, какое зло господствует во вселенной. Не без причины я говорил, что мы – куча сена, беспорядочное море. Не говорю о том, что они делают, но о том, что приходящие (сюда) предаются такому сну, что и не исправляют этого. Опять вижу, как одни разговаривают стоя, когда совершается молитва, а другие, более скромные, не только когда совершается молитва, но и когда священник благословляет. О, дерзость! Когда же будет спасение? Как же мы умилостивим Бога? Если придешь на место игр, то увидишь всех благочинно составляющих хор, и – ничего нестройного. Как на лире, составленной разнообразно и вместе стройно, от благоустройства каждой из составных частей происходит один благозвучный тон, так точно и здесь из всех должно бы составляться одно стройное согласие. Мы составляем одну Церковь, стройно составленные члены одной Главы; все мы – одно тело; если один какой-нибудь (член) будет оставлен в пренебрежении, то все (тело) пренебрегается и растлевается. Так бесчинством одного нарушается благочиние всех. То поистине страшно, что ты приходишь сюда не на место игр или пляски для забавы, и стоишь неблагочинно. Разве ты не знаешь, что стоишь вместе с ангелами? С ними поешь, с ними воссылаешь хвалы, – и стоя смеешься? Не удивительно ли, что удар молнии не ниспадает не только на них, но и нас? Действительно, это достойно удара молнии. Предстоит Царь, смотрит воинство; а ты пред их глазами стоя смеешься, или не удерживаешь смеющегося? Но доколе мы будем обличать? Доколе укорять? Не следовало ли бы таких, как заразу, как развратителей, как злодеев, развращенных и исполненных бесчисленного множества зол, изгнать из Церкви? Когда они станут воздерживаться от смеха, – они, смеющиеся в столь грозный час? Когда удержатся от пустословия разговаривающие во время благословения? Неужели они не стыдятся присутствующих? Неужели не боятся Бога? Для нас недостаточно и душевной невнимательности, не довольно и того, что, молясь, блуждаем (мыслями) повсюду; но мы привносим еще смех и великий хохот. Разве здесь зрелище? Впрочем, я думаю, это производят именно зрелища: они доставляют нам многих непокорных и бесчинных. Что здесь мы созидаем, то там разрушается; и не только этою, но и другими нечистотами они (там) неизбежно наполняются. И происходит тоже, как если бы кто захотел очистить поле, а вверху находящийся источник снова извергал бы на него грязь; одно очистишь, натечет опять другое. Тоже происходит и здесь. Всякий раз, как мы очистим приходящих с зрелищ и приносящих нечистоту, они, отправившись туда снова, получают еще большую нечистоту, как будто нарочито живя для того, чтобы причинять нам беспокойство, и приходят опять с великою грязью в нравах, в движениях, в словах, в смехе, в небрежности, Потом опять мы очищаем снова, как будто нарочито очищая для того, чтобы, отпустив их чистыми, снова увидеть покрытыми грязью. Поэтому предаю вас Богу. И вам, которые здоровы, отныне заповедаю, что на вас будет суд и осуждение, если кто, увидев бесчинствующего или разговаривающего, особенно в такое время, но остановит и не исправит. Это – лучше молитвы. Оставь свою молитву и сделай

ему внушение; тогда и ему принесешь пользу, и сам будешь с прибылью. Таким образом и все мы будем в состоянии спастись и достигнуть царствия небесного, которого да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 25

"Между тем рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, прошли до Финикии и Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слово, кроме Иудеев" (Деян.11:19).

1. Гонение не мало пользы принесло проповеди: "**любящим Бога**", говорит (апостол), "**все содействует ко благу**" (Римл. 8:28). Если бы они (враги) старались нарочито распространить Церковь, то сделали бы не что иное, как это; разумею рассеяние учителей. И смотри, куда простерлась проповедь. "**Прошли**", говорит (писатель), "**до Финикии и Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слово, кроме Иудеев**". Видишь ли, как все касательно Корнилия было сделано предусмотрительно? А это служит и к оправданно Христа, и к обвинению иудеев. Когда Стефан был убит, когда Павел дважды находился в опасности, когда апостолы подверглись бичеванию, когда они часто были изгоняемы, – тогда уже были приняты язычники, тогда – самаряне. Об этом и Павел возвещает, когда говорит: "**тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам**" (Деян.13: 46). Таким образом они путешествовали, беседуя и с язычниками. "**Были же некоторые из них Кипряне и Киринейцы, которые, придя в Антиохию, говорили Еллинам, благовествуя Господа Иисуса. И была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу**" (ст. 20, 21). Смотри, они проповедуют эллинам. Поэтому вероятно, что они умели (говорить) по-эллински, и что в Антиохии было много таких. "**И была**", говорит (писатель), "**рука Господня с ними**", т.е., они творили знамения. Видишь ли, для чего и теперь нужны были знамения? Для того, чтобы они уверовали. "**Дошел слух о сем до церкви Иерусалимской, и поручили Варнаве идти в Антиохию**" (ст. 22). Для чего же в такой город, уже принявший проповедь, не отправились сами (апостолы), а посылают Варнаву? Ради иудеев. Впрочем, с немалою предусмотрительностью это устраивается, и для того, чтобы таким образом прибыл сюда Павел; не напрасно, но по великому устроению (Божию) отвращаются от него (иудеи), чтобы этот голос проповеди, эта труба небесная не ограничилась Иерусалимом. Видел ли ты, как Христос всегда обращал саму злобу их во благо, по Своей воле, и нерасположенность их к Павлу (употребил) к созданию Церкви из язычников? Но обрати также внимание и на этого святого, т.е. Варнаву, как он не заботился о себе, но отправился в Тарс. "**Он, прибыв и увидев благодать Божию, возрадовался и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем; ибо он был муж добрый и исполненный Духа Святаго и веры. И приложилось довольно народа к Господу. Потом Варнава пошел в Тарс искать Савла и, найдя его, привел в Антиохию**" (ст. 23-25). Он был муж весьма добродетельный, кроткий и дружен с Павлом. Потому он и пришел к этому атлету, к этому военачальнику, к этому единоборцу, к этому льву. Не знаю, что еще сказать. Что я ни сказал бы, скажу меньше достоинства Павлова. Пришел к этому ловчему псу, одолевающему львов, к этому крепкому волу (1Кор.9:9; 1Тим.5:18), к этой лампаде светлой, к этим устам, достаточным для всей вселенной. Подлинно потому в Антиохии (верующие) стали называться христианами, что Павел пребыл в ней столько времени. "**Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами**" (ст. 26). Не малая похвала городу. Действительно, можно утверждать пред всеми, что он прежде всех прочих

(городов) столько времени наслаждался теми устами, и оттого в нем прежде всех (верующие) удостоились этого названия. Видишь ли, на какую высоту он вознес, и каким славным сделал этот город? Это – заслуга Павла. Там, где уверовали три тысячи, где – пять тысяч, где – такое множество, не было ничего подобного, но назывались еще только "**последующих**" (Деян.9:2); а здесь стали называться христианами. "**В те дни пришли из Иерусалима в Антиохию пророки**" (ст. 27). Так как здесь надлежало произрасти и плоду милостыни, то с пользою устрояется, что (сюда) пришли пророки. Но заметь, прошу: и здесь никто из известнейших (апостолов) не был учителем; они имели учителями кипрян и киринейцев и Павла, – хотя он и превосходил их, – подобно как Павел (имел учителями) Варнаву и Ананию, и, однако, оттого он нисколько не был меньше их, к тому же у него был (учителем) сам Христос. "**И один из них, по имени Агав, встав, предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, который и был при кесаре Клавдии**" (ст. 28). Не напрасно здесь предвещается, что будет великий голод, который и случился, как о нем было предсказано. Чтобы некоторые не подумали, будто голод был потому, что появилось христианство, что отступили демоны, Дух Святый предсказывает, что имело случиться, подобно тому, как и Христос предсказал многое, чтои случилось.

Таким образом не потому это случилось, что так должно было случиться от начала, но за то зло, которое сделано было апостолам; когда начали делать его, то Бог долготерпел; а когда стали упорствовать, то наступает голод, угрожавший иудеям будущими бедствиями. Но, если он был для них, то для прочих ему и по наступлении надлежало прекратиться. Какое, в самом деле, зло сделали эллины, чтобы и им, не сделавшим никакого зла (апостолам), подвергаться тем же бедствиями? Если же не для иудеев, то и сами (христиане) могли еще более явить свои добродетели, потому что (иудеи) делали свое дело – убивали, терзали, мучили, повсюду гнали (их). И смотри, – когда наступает голод: когда уже приняты были и язычники.

2. Но, скажешь, если (голод был) за злодеяния (иудеев), то христианам следовало бы быть изъятыми от него? Почему же, скажи мне? Не сказал ли еще прежде им Христос: "**в мире будете иметь скорбь**" (Ин.16:33)? А ты, говоря это, может быть и то прибавишь, что им не следовало и подвергаться бичеванию? Но посмотри: для них и голод послужил во спасение, подал повод к милостыне, сделался виновником многих благ, как он был бы и для вас, если бы вы захотели: но вы не хотели. Предсказывается о нем для того, чтобы они приготовились к милостыне, потому что бывшие в Иерусалиме тяжко страдали; а до того времени у них не было голода. И посылаются Варнава и Павел – послужить им. "**Тогда ученики положили, каждый по достатку своему**" (ст. 29). Видишь ли, как они, лишь только уверовали, уже приносят и плоды, не для своих только, но и для отдаленных? Здесь, кажется мне, говорится о том же, о чем в другом месте Павел говорит так: "**подали мне и Варнаве руку общения, только чтобы мы помнили нищих**" (Гал.2: 9, 10). Такую-то пользу принес голод! И смотри: они и при этой скорби не предаются плачу и слезам, как мы, но принимаются за великое и доброе дело; они продолжали проповедовать слово еще с большей смелостью. И не сказали: мы, киринейцы и кипряне, пришли в такой славный и великий город; но, надеясь на благодать Божию, эти приступили к учению, а те не возгнушались чему-нибудь научиться от них. Смотри, как все совершается мало-помалу, проповедь распространяется, находящееся в Иерусалиме заботятся одинаково о всех, как бы считая всю вселенную одним домом. Услышали они, что Самария приняла слово, и послали туда Петра и Иоанна; услышали о происходившем в Антиохии, и посылают туда Варнаву. Велико было расстояние (от Иерусалима), и апостолам еще не следовало отлучаться оттуда, чтобы не сочли их за беглецов, убегающих от своих. Отлучаются же (они оттуда) по необходимости уже тогда, когда, наконец, иудеи оказались неисцельными, когда уже настала война и можно было погибнуть, когда произнесен был приговор (на Иерусалим); а доколе Павел не прибыл в Рим, дотоле они

были там. Впрочем, они удаляются не потому, чтобы боялись войны; как (могли бояться этого) те, которые шли к (людям), имевшим вести с ними брань? Притом, война началась уже по смерти апостолов. и исполнилось сказанное об иудеях: "**но приближается на них гнев до конца**" (1Фес.2:16). Так, чем они были уничиженнее, тем более сияла благодать, чрез малых совершая великое! Но обратимся к вышесказанному. "**Убеждал всех**", говорит (писатель), "**держаться Господа: ибо он был муж добрый**" (αγαθός). Мне кажется, "**добрый**" означает здесь простого, непритворного, весьма ревнующего о спасении ближних. И не только он был "**муж добрый**", но и "**исполненный Духа Святаго и веры**". Поэтому он "**и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем**", т.е., с прославлением и хвалою (Господу). И смотри, как этот город, как бы тучная земля, принял слово и явил великий плод. Для чего же Варнава извел Павла из Тарса и привел сюда? Не напрасно, но потому, что здесь были и хорошие надежды, и обширный город, и великое множество (народа). Видел ли ты, как все совершает благодать, а не Павел, – как дело началось с малого, а когда стало известным, тогда они посылают Варнаву? И почему не послали его прежде? Потому что имели великое попечение о своих делах и не хотели, чтобы иудеи обвиняли их за то, что они принимали язычников; ведь когда неизбежно нужно было им соединиться (с язычниками), между ними было некоторое негодование, для предотвращения которого произошло бывшее с Корнилием. Тогда уже и говорят: "**к язычникам, а им к обрезанным**" (Гал.2:9). И смотри, как благовременно нужда от голода произвела общение (чрез милостыню), посланную от язычников к бывшим во Иерусалиме; эти принимают посланное от тех; и те не так, как мы, встречающие несчастья со слезами, – не поступали так, но переносили с великим благодушием, как находившиеся вдали от гонителей и жившие между людьми, не боявшимися иудеев, – что также не мало к тому способствовало. Но отходили и в Кипр, где была большая безопасность и большее спокойствие. "**Никому не проповедуя слово**", говорит (писатель), "**кроме Иудеев**". Делали это не по страху человеческому, который считали за ничто, а желая соблюсти закон и еще снисходя к ним. "**Прошли до Финикии и Кипра и Антиохии**". Эти не слишком заботились об иудеях. "**Придя в Антиохию, говорили Еллинам, благовествуя Господа Иисуса**". Может быть потому, что они не умели (говорить) по-еврейски, называли их эллинами. "**Он** (Варнава), **прибыв**", говорит (писатель), "**и увидев благодать Божию**", а не старание человеческое, "**и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем**". Похвалив и одобрив народ, он, вероятно, обратил этим еще больше. И почему они не пишут к Павлу, а посылают Варнаву? Они еще не знали добродетели этого мужа; потому и устрояется так, что отправляется один только Варнава. А так как (там) было множество народа, и никто не препятствовал, то вера произрастала благоуспешно, а в особенности потому, что там не терпели никакого искушения, и что проповедовал Павел, уже не подвергаясь необходимости обращаться в бегство. Хорошо и то, что не они сами предсказывают о голоде, а пророки, чтобы (иначе) не показаться каким-либо образом тягостными. И достойно удивления, как антиохийцы не негодовали на то, что были как бы презрены (апостолами), но довольствовались своими учи- телями. Так все они пламенели к слову (евангельскому)! Они даже не ожидали, чтобы наступил голод, но прежде него послали, "**каждый по достатку своему**".

3. И смотри: от апостолов другим вверяется это (попечение о бедных), а здесь – Павлу и Варнаве. Не с малою предусмотрительностью сделано было и это; тогда было начало (Церкви христианской) и притом нужно было остерегаться соблазна. А теперь никто не делает этого, хотя и теперь голод – тяжелее тогдашнего. Не все ведь равно – переносить несчастье всем вместе, или, между тем как все живут в изобилии, беднейшим терпеть голод. Тогда был только голод, и сами подававшие (были) бедны, – "**ученики положили, каждый по достатку своему**", говорит (писатель), – а теперь сугубый голод, хотя и изобилие сугубое, голод тяжкий, голод не слышания слова Господня, но насыщения посредством милостыни. Тогда получали утешение и иудейские бедные, и антиохийцы,

подавшие помощь, и последние больше первых; а теперь и мы, и бедные терпим голод, они – нуждаясь в необходимой пище, а мы – лишаясь милости Божией. Не может быть ничего необходимее такого насыщения. Здесь не бывает зла, происходящего от пресыщения; здесь избыток пищи не выходит вон. Нет ничего прекраснее, нет ничего здоровее души, питаемой таким образом; она выше всякой болезни, всякого голода, всякого нездоровья и недуга; никто не может коснуться ее, но как адамантовому телу не может повредить ни железо, ни что другое, так и души, огражденной милостынью, совершенно ничто не может коснуться. Скажи мне, что может когда-либо овладеть ею? Бедность ли? Нет; (милостыня) хранится в царской сокровищнице. Вор и разбойник? Но под ее стены никто не может подкопаться. Червь? Но это сокровище выше и такого зла. Зависть и ненависть? Но не овладевается и ими. Клеветы и наветы? Не могут и они, потому что это сокровище неприступно. Но несправедливо было бы показать только эти свойства милостыни, и не (показать) противоположных. Она не только свободна от зависти, но и сопровождается великим благословением даже от не испытавших ее благодеяний. Как жестокие и бесчеловечные бывают ненавистны не только тем, которые обижены ими, но и тем, которые ничего не потерпели от них, а только сострадают обиженным и осуждают обижающих, так и сделавших много прекрасного хвалят не только те, которые облагодетельствованы ими, но и те, которые ничего не получили от них. Но что я говорю: свободна от зависти, клеветников, воров и разбойников? Не это только в ней хорошо, но еще и то, что она не уменьшается сама в себе, а всегда возрастает и умножается. Что было гнуснее Навуходоносора? Что безобразнее, что преступнее его? Он был человек нечестивый; видел множество знамений и чудес и не захотел раскаяться, но вверг в печь рабов Божиих, хотя после того и поклонился (Богу). А что говорит ему пророк? **Царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой**" (Дан.4:24). Сказал так не потому, чтобы сомневался, – он ведь был совершенно уверен в том, – но, желая возбудить в нем больший страх и сильнее (показать) необходимость сделать это. Если бы он сказал утвердительно, то тот сделался бы еще более нерадивым. Так и мы тогда скорее всего побуждаем кого-нибудь, когда говорим: попроси такого-то, и не прибавляем, что он непременно выслушает, но говорим: может быть, он выслушает; большее опасение, происходящее от сомнения, производит и большее побуждение. Поэтому и пророк не высказал этого ясно. Но что ты говоришь? Неужели таким преступлениям будет прощение? Да.

Нет греха, которого бы не могла очистить, которого бы не могла истребить милостыня; всякий грех ниже ее; она есть врачество, пригодное ко всякой ране. Что хуже мытаря? Он способен на всякое нечестие; но и это все нечестие Закхей очистил (Лк.19:8,9). Смотри, как и Христос внушает это тем, что установил: "**имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали**" (Ин.12:6). И Павел говорит: "**только чтобы мы помнили нищих**" (Гал.2:10). И везде в Писаниях много говорится об этом предмете. Так, (Премудрый) говорит: "**богатством своим человек выкупает жизнь свою**" (Прит.13:8). И Христос: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и приходи и следуй за Мною**" (Мф.19:21). В этом, подлинно, состоит совершенство. Милостыня же совершается не только деньгами, но и делами. Так, например, можно ходатайствовать, можно подать руку помощи; часто в делах ходатайство помогало даже больше денег.

4. Итак, приведем в действие в настоящем случае все роды милостыни. Можешь деньгами? Не медли. Можешь ходатайством? Не говори, что у тебя нет денег; это ничего; и то значит весьма много, будь так расположен, как бы ты подавал деньги. Можешь услугою? Сделай и это. Например: ты врач по званию? Позаботься о больных; и это много значит. Можешь советом? Это – гораздо важнее всего; совет тем лучше и выше всего, чем

большую он приносит пользу: им ты избавляешь не от голода, но от лютой смерти. Им и апостолы были особенно богаты; поэтому раздачу денег они вверили низшим, а сами пребывали в служении слову (Деян.6:1-4). Или, думаешь ты, не велика будет милостыня, если душу, предавшуюся унынию, находящуюся в крайней опасности, одержимую пламенем (страсти), можешь освободить от этой болезни? Например, ты видишь друга одержимого сребролюбием? Окажи милость этому человеку. Он хочет удавиться? Угаси пламень его. А что если он не послушается? Ты делай свое дело и не ленись. Видишь его связанного узами (сребролюбие ведь – поистине узы)? Приди к нему, посети его, утешь, постарайся освободить от уз. Если он не согласится, сам будет виноват. Видишь нагого и странника (поистине наг и странник для небес не пекущийся о добродетельной жизни)? Возьми его в дом свой, одень в одежды добродетели, сделай гражданином неба. А что, скажешь, если я сам наг? Одень наперед себя самого; если знаешь, что ты наг, то, конечно, знаешь и то, что ты должен одеться. Если только ты знаешь свойства этой наготы, то легко можешь узнать и свойственное ей одеяние. Как многие женщины носят шелковые одежды, и поистине обнажены от одежд добродетели! Таких пусть одевают мужья. Но они не принимают этих одежд, а хотят тех? Сделай сначала так: возбуди в них желание этих одежд, покажи, что они наги, беседуй о будущем суде, скажи, что там нужны будут нам другие (одежды), а не те (шелковые). Если позволите мне, то и я покажу эту наготу. Нагой, во время стужи, цепенеет, дрожит, стоит скорчившись и поджавши руки, а во время жара не делает этого. Если теперь я покажу, что и богатые мужи и богатые жены тем более бывают наги, чем более одеваются, то не гневайтесь. Скажи мне: когда мы рассуждаем о геенне и тех мучениях, не больше ли цепенеют и дрожат эти, нежели те – нагие? Не вздыхают ли они тяжко и не осуждают ли самих себя? Когда они приходят к кому-нибудь и говорят: помолись обо мне, не то же ли самое говорят они, что и те? Впрочем, теперь, что бы мы ни говорили, эта нагота не будет видна вполне; она будет видна там. Как и каким образом? Когда эти шелковые одежды и драгоценные камни погибнут и в одних только одеждах добродетели и порока явятся все; когда бедные будут облечены великою славою, а богатые в наготе и безобразии будут влечены на мучения. Кто был изнеженнее того богача, облекавшегося в порфиру? Кто беднее Лазаря? А кто из них говорил подобно нищим? И кто наслаждался блаженством (Лк.16:19-25)? Скажи мне: если бы кто украсил дом свой множеством покрывал, а сам сидел внутри его нагим, какая была бы польза? Так бывает и с женами. Дом души, т.е. тело, одевают множеством украшений; а госпожа дома сидит внутри нагая. Откройте, прошу, душевные очи, и я покажу вам душевную наготу. Что такое одежда души? Ясно, что – добродетель. А что нагота? Порок. Как если обнажить кого-нибудь из свободных, то он стыдится, стесняется и убегает, так точно и душа, не имеющая этой одежды, когда мы хотим взглянуть на нее, стыдится. И теперь, думаешь, многие не стыдятся ли и не удаляются ли в самую глубину, как бы ища какого покрывала и занавеса, чтобы не слышать этих слов? А другие, ничего не сознавая за собою, веселятся, радуются, утешаются и восхищаются сказанным. Послушай о блаженной Фекле. Она для того, чтобы увидеть Павла, отдала свое золото; а ты не отдаешь и обола, чтобы увидеть Христа; удивляешься поступкам ее, но не подражаешь ей. Не слышишь ли, как слово (Божие) ублажает милостивых? "**Блаженны милостивые**", говорит, "**ибо они помилованы будут**" (Мф.5:7). Какая польза от драгоценных одежд? Доколе мы будем пристрастны к этому украшению? Будем одеваться славою Христовою, будем облекаться тою красотою, чтобы нам и здесь получить похвалу, и там сподобиться вечных благ, – по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 26

"В то время царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло, и убил Иакова, брата Иоаннова, мечом. Видя же, что это приятно Иудеям, вслед за тем взял и Петра, – тогда были дни опресноков" (Деян.12:1-3).

1. О каком времени говорит (писатель)? Конечно, о последующем. Здесь так (надобно разуметь), а в других местах иначе. Когда Матфей говорит: "**в те дни приходит Иоанн Креститель**", то означает не последующие дни, а те, в которые происходило повествуемое (Мф.3:1). В Писании обыкновенно употребляется такой образ (речи), что иногда события непосредственно следующие излагаются по порядку, а иногда об имеющем случиться гораздо позже повествуется, как о непосредственно следующем. Прекрасно говорит: "**царь Ирод**", так как это был не тот, который жил при Христе. Вот и другое искушение. И смотри, – о чем еще в начале я сказал, – как дела устраиваются, как все составляется из радостей и скорбей. Уже не иудеи и не синедрион, но царь поднимает руки, чтобы "**сделать им зло**". Здесь – высшая власть, тягчайшая брань, тем более, что происходила в угодность иудеям. "**Убил Иакова, брата Иоаннова, мечом**". Без причины и без разбора. Если же кто спросит: зачем Бог попустил это? – то мы скажем: ради них же самих: во-первых, чтобы убедить их, что (верующие), и, будучи убиваемы, побеждают, как было со Стефаном; во-вторых, чтобы дать им насытить ярость свою и потом удержаться от неистовства; в - третьих, чтобы показать, что это происходило по Его попущению. "**Видя же, что это приятно Иудеям, вслед за тем взял и Петра**". О, великое нечестие! Тем ли угождал им, что совершал убийства без причины и напрасно? "**Тогда были дни опресноков**". Опять (видна) излишняя разборчивость иудеев (во днях); впрочем, убивать они не препятствовали, но и в такое время делали это. "**И, задержав его, посадил в темницу, и приказал четырем четверицам воинов стеречь его**" (ст. 4). Это происходило от гнева и от страха. "**Убил**", говорит (писатель), "**Иакова, брата Иоаннова, мечом**". Видишь ли мужество их (апостолов)? Чтобы кто-нибудь не говорил, будто они потому смело и бесстрашно идут на смерть, что Бог избавляет их от нее, для этого Он попускает им быть убиваемыми, и особенно верховным, научая тем самих убивающих, что даже и это не останавливает их и не препятствует им. "**Итак Петра**

стерегли в темнице, между тем церковь прилежно молилась о нем Богу" (ст. 5). Они находились теперь в самом опасном положении. Их устрашало и то, что тот убит, и то, что этот посажен в темницу. "**Когда же Ирод хотел вывести его, в ту ночь Петр спал между двумя воинами, скованный двумя цепями, и стражи у дверей стерегли темницу. И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его**" (ст. 6, 7). Смотри, в эту самую ночь избавил его. "**И свет осиял темницу**", чтобы он не подумал, что это – привидение; а света никто не видал, кроме него. Если и при этом он думал, что видит привидение, по причине неожиданности, то тем более (подумал бы), если бы этого не случилось: так он был готов на смерть! А это происходило оттого, что он оставался там много дней, не получая избавления. Почему же, скажут, (Бог) не попустил ему впасть в руки Ирода, чтобы тогда и избавить? Потому, что это привело бы их в ужас; а это происходило и для них. Подумали бы, что (апостолы) не люди, если бы Он все совершал божественно. Чего Он не сделал со Стефаном? Не явил ли им (лицо его) "**как лицо Ангела**" (Деян.6:15)? Чего же, вообще, недоставало и здесь? "**И сказал ему Ангел: опояшься и обуйся**" (ст. 8). Здесь (писатель) снова показывает, что это сделано не со злым умыслом; кто спешит и намеревается выйти украдкою, тот не делает таких приготовлений, чтобы и обуться и опоясаться. "**Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною. Петр вышел и следовал за ним, не зная, что делаемое Ангелом было действительно, а думая, что видит видение. Пройдя первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им:** " (ст. 8-10). Вот и второе знамение. Когда ангела не стало с ним,

тогда Петр уразумел (виденное). "**Они вышли, и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним. Тогда Петр, придя в себя, сказал: теперь я вижу воистину, что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ Иудейский**" (ст. 10-11). Теперь, говорит, я уразумел, а не прежде. Для чего это делается, и почему Петр не разумеет происходящего, хотя он уже был столь свободен после того, как все (цепи) были сняты с него? Для того, чтобы он получил избавление внезапно и чтобы тогда уже, по избавлении, почувствовал это. А что цепи спали с рук его, это явный знак, что он не убежал. "**И, осмотревшись, пришел к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком, где многие собрались и молились. Когда же Петр постучался у ворот, то вышла послушать служанка, именем Рода, и, узнав голос Петра, от радости не отворила ворот**" (ст. 12-14). Смотри: Петр не тотчас удаляется (из Иерусалима), но наперед сообщает радостную весть своим. "**Вбежав, объявила, что Петр стоит у ворот. А те сказали ей: в своем ли ты уме? Но она утверждала свое**" (ст. 14, 15).

2. Смотри, как и служанки были исполнены благочестия. От радости она не отворила сеней; но они и после этого не верили. "**Но она**", говорил (писатель), "**утверждала свое. Они же говорили: это Ангел его. Между тем Петр продолжал стучать. Когда же отворили, то увидели его и изумились. Он же, дав знак рукою, чтобы молчали, рассказал им, как Господь вывел его из темницы, и сказал: уведомьте о сем Иакова и братьев. Потом, выйдя, пошел в другое место**" (ст. 15-17). Но обратимся к вышесказанному по порядку. "**В то время**", говорит (писатель), "**царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви**". Как дикий зверь, он нападал на всех без причины и без разбора. Здесь исполняется то, что сказал Христос: "**чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься**" (Мк.10:39). "**Убил**", говорит, "**Иакова, брата Иоаннова, мечом**". А почему, скажут, он не убил Петра тогда же? Причину привел писатель: "**тогда**", говорит, "**были дни опресноков**", и он хотел совершить убиение его с большею торжественностью. Сами (иудеи) по совету Гамалиила теперь воздерживались от убийств, и притом не находили причин к тому, а чрез других совершали то же самое. Так как был другой Иаков, брат Господень, то он означил это, сказав: "**брата Иоаннова**". Видишь ли, что эти три (апостола) были главные, особенно же Петр и Иаков? Это служит к большему осуждению иудеев. Ведь уже явно было, что проповедь их не человеческая, и поистине исполнялось сказанное: "**считают за овец закалаемых**" (Пс.43:23). "**Видя же**", говорит, "**что это приятно Иудеям, вслед за тем взял и Петра**". Приятно было убийство, и притом убийство несправедливое. Велико безумие Ирода; он служил нечестивым страстям их. Надлежало бы делать противное и удерживать их неистовство; а он возбуждал и был как бы какой палач недугующих, а не врач их, хотя имел много примеров – и деда и отца Ирода, из которых первый за убиение младенцев потерпел множество бедствий (Мф.2: 16), а второй, убивший Иоанна Крестителя (Мф.14:10), вел жестокую войну. "**И, задержав его**", говорит, "**посадил в темницу**". Он боялся, чтобы от страха (по случаю убиения) Иакова Петр не скрылся, и чтобы вернее иметь его в своих руках, посадил его в темницу. Чем тщательнее было стережение, тем удивительнее событие. Это послужило Петру – сделаться еще более славным и показать свое мужество. "**Между тем церковь**", говорит, "**прилежно молилась**". Эта молитва – знак любви. Все молились об отце, кротком отце. "**Прилежно**", говорит, "**молилась о нем**". Послушайте, как они были расположены к учителям. Они не возмущались, не производили смут, но обратились к молитве, прибегли к этой непреоборимой поборнице. Не говорили: я не велик и напрасно стал бы молиться о нем; они делали по любви и потому ничего такого не помышляли. Хочешь ли знать, что сделали (иудеи) против своей воли? Тех сделали славнейшими, а этих усерднейшими. И смотри: искушения постигают их в праздник, чтобы они явились славнейшими. "**Когда же Ирод хотел вывести его**", говорит (писатель), "**в ту ночь Петр спал**". Видишь: Петр

спит, не предается ни унынию, ни страху. В ту самую ночь, когда хотели вести его (на смерть), он спал, предав все Богу. Спал не просто, но посреди воинов и связанный. "**Между двумя воинами**", говорит, "**скованный двумя цепями**". Видишь ли, как тщательно стерегли его? "**И вот**", говорит, "**Ангел Господень предстал и сказал: встань скорее**". Стражи также спали, и оттого ничего случившегося не слыхали. "**И свет осиял темницу**", для того, чтобы Петр увидел и услышал, и не подумал, что это – привидение. А чтобы он не замедлил, то и "**толкнув**" его "**в бок**". И не просто сказал: "**встань**", но прибавил: "**скорее**", – так он крепко спал! "**Думая, что видит видение**", говорит (писатель). "**Пройдя первую и вторую стражу**". Где теперь еретики? Пусть они скажут нам: как он прошел? Но они не могли бы (сказать). Между тем (ангел) для того повелевает ему опоясаться и обуться, чтобы и этим внушить ему, что это – не привидение, чтобы он воспрянул от сна и убедился, что это – истина; для того тотчас же и цепи упали с рук его, и сказано было: "**встань скорее**". Это – слова не смущающего, но убеждающего не медлить. "**Не зная**", говорит, "**что делаемое Ангелом было действительно, а думая, что видит видение**".

Конечно, по чрезвычайности события.

3. Видишь ли, как чрезвычайно знамение? Как оно изумляет видящего? Как представляется невероятным? Если Петр думал, что видит привидение, в такое время, когда сам был опоясан и обут, то чего не случилось бы со всяким другим? "**Пройдя**", говорит (писатель), "**первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им: они вышли, и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним**". Происходившее внутри было более чудесно; а это последующее – более обыкновенно. Когда уже не было никакого препятствия, тогда ангела не стало с ним. Петр (один) не прошел бы при столь многих препятствиях; ведь это было изумительно, по истине изумительно. "**Теперь**", говорит, "**я вижу воистину**, **что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ Иудейский**". Ныне, а не тогда, когда я был в узах. "**И, осмотревшись, пришел к дому Марии, матери Иоанна**". Что значит: "**осмотревшись**"? Размыслив, где он находится. Или об этом он размышлял, или о том, что не должно просто удалиться, но воздать благодетелю; размышляя о том, он и пришел к дому Марии. Кто этот Иоанн? Может быть тот, который всегда был с ними; потому (писатель) присовокупил и прозвание его.

Смотри, какое благо – скорбь, какой успех имела молитва их во время ночи, как они были бдительны. Видишь ли, какие плоды от убиения Стефана? Видишь ли, какая польза от этой темницы? Подлинно Бог не для отмщения гонителей их являет величие евангельской проповеди, но для самих гонителей, хотя они и не терпят ничего неприятного, показывает, как велики скорби сами по себе, чтобы и мы не старались всячески избавляться от них или мстить за них. Заметь, как и служанки их были равночестны им. "**От радости**", говорит, "**не отворила**". Хорошо это сделано и в том отношении, чтобы они, увидев его вдруг, не устрашились и не стали сомневаться, но чтобы мысли их были подготовлены. И как обыкновенно делается у нас, так теперь и она сделала: она поспешила сама принести радостную весть, – и в самом деле это была радостная весть. "**А те сказали ей: в своем ли ты уме? Но она утверждала свое. Они же говорили: это Ангел его**". Отсюда (очевидна) истина, что у каждого из нас есть ангел. А как они пришли тогда к мысли, что это – ангел? По времени рассудили так. Между тем Петр "**продолжал стучать**", говорит (писатель), "**когда же отворили, то увидели его и изумились**". Он же "**дав знак рукою**" водворил великую тишину, чтобы они выслушали его. Как он был теперь вожделенен для учеников, не только потому, что избавился (из темницы), но и потому, что тотчас же пришел и предстал пред ними! Затем ясно узнают все и свои, узнали бы и чужие, если бы захотели

веровать; но они не захотели. Так было и при Христе (Ин.7:12,31). "**Уведомьте о сем**", говорит, "**Иакова и братьев**". Смотри, как он не тщеславен. Он не сказал: сделайте это известным повсюду; но: "**братьев**". "**Потом, выйдя, пошел в другое место**". Не искушал Бога и не подвергал сам себя опасностям; это они делали только тогда, когда им было повелеваемо. Так, им было сказано: "**идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни**": они выслушали это и тотчас же повиновались (Деян.5: 20, 21). Но того ангел не сказал ему, а только, отступив в молчании и выведши ночью, доставил ему возможность удалиться. Это также происходит для того, чтобы мы научились, что многое совершалось тогда и по-человечески, и чтобы он опять не подвергся опасности. А чтобы те не сказали по отшествии его, что это – ангел его, для этого они высказывают наперед, а потом видят его самого, в опровержение такой мысли. Если бы это был ангел, то он не толкал бы в дверь и не удалился бы "**в другое место**". В этом уверяет их и то, что это было не днем. Таким образом свободные от уз пребывали в молитве, а связанный – во сне; если бы он принимал происходившее за действительность, то устрашился бы и не помнил бы (случившегося); а теперь, как бы видя сновидение, он оставался невозмутимым. "**Пришли**", говорит (писатель), "**к железным воротам**". Смотри, как они были крепки. "**Пройдя**",говорит, "**первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам**". И почему, скажут, это совершается не чрез самих (апостолов)? Почему? Потому что Бог и тем оказывает им честь, что избавляет их чрез ангелов. Почему же с Павлом не так было? Там с тою целью, чтобы темничный страж уверовал, а здесь надлежало избавиться только одному апостолу; а с другой стороны и потому, что Бог устрояет все разнообразно. Там Павел воспевал хвалы, а здесь Петр спал (Деян.16:25). Поэтому не будем скрывать чудес Божиих, но будем стараться, чтобы они делались известными и для нашей пользы и для назидания других. В самом деле, если (Петр) удивителен, когда восхотел быть связанным, то он еще удивительнее, когда не прежде удалился, как возвестив наперед обо всем своим. "**И сказал**", говорит: "**уведомьте о сем Иакова и братьев**". Для чего повелевает возвестить? Для того, чтобы они возрадовались, чтобы не скорбели, чтобы те узнали от этих, а не эти от тех: так он заботился о нижайших членах! Подлинно, нет ничего лучше умеренной скорби. Какова, думаешь, была тогда душа их? Какой исполнена радости? Где теперь жены, спящие во всю ночь? Где мужи, не хотящие даже поворотиться на ложе? Видишь ли бодрственную душу? С женами и детьми и служанками они воспевали, от скорби соделавшись чище неба. А ныне мы, едва увидим малую опасность, падаем (духом). Нет ничего светлее тогдашней Церкви. Будем же подражать, будем соревновать. Не для того дана ночь, чтобы мы во всю ее спали и бездействовали. Свидетели тому ремесленники, погонщики мулов, торговцы, Церковь Божия, восстающая среди ночи. Восстань и ты, посмотри на хор звезд, на глубокую тишину, на великое безмолвие, и удивляйся делам Владыки твоего. Тогда душа бывает чище, легче и бодрее, бывает особенно способна воспарять и возвышаться; сам мрак и совершенное безмолвие много располагают к умилению. Если взглянешь на небо, испещренное звёздами, как бы бесчисленным множеством глаз, то получишь совершенное удовольствие, помыслив тотчас о Создателе. Если представишь, что те, которые в течение дня шумят, смеются, играют, скачут, обижают, лихоимствуют, досаждают, делают бесчисленное множество зол, теперь нисколько не отличаются от мертвых, то познаешь все ничтожество человеческого самолюбия. Сон пришел и показал природу, как она есть; он – образ смерти; он – образ кончины (мира). Если взглянешь на улицу, не услышишь ни одного голоса; если посмотришь в доме, увидишь всех лежащими как бы во гробе. Все это может возбудить душу и привести на мысль кончину мира.

4. Слово мое – к мужам и женам. Преклони колена, воздыхай, моли Господа твоего быть милостивым к тебе; Он особенно преклоняется (на милость) ночными молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача. Вспомни о царе, как он говорил: "**утрудился я от воздыханий моих, каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими**

орошаю постель мою" (Пс.6:7). Какие бы ты ни имел удовольствия, не будешь иметь более его; как бы ты ни был богат, не будешь богаче Давида. Но он же в другом месте говорит: "**в полночь я вставал славить Тебя за праведные суды Твои**" (Пс.118:62). Тогда не беспокоит тщеславие; да и как (может беспокоить), когда все спят и не видят? Тогда не нападают леность и беспечность; да и как (могут напасть), когда столь многое возбуждает душу? После таких всенощных бдений бывают и сон приятный и видения чудные. Это делай и ты, муж, а не одна только жена. Пусть дом соделается Церковью, составленною из мужей и жен. Не считай препятствием этому то, что ты муж только один и что она жена только одна. "**Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них**" (Мф.18:20). А где присутствует Христос, там великое множество; где Христос, там необходимо бывают и ангелы, и архангелы, и прочие силы. Поэтому вы – не одни, когда с вами Владыка всех. И еще послушай, что говорит пророк: "**лучше один праведник, нежели тысяча грешников**" (Сир.16:3). Нет ничего бессильнее многих грешников, и ничего сильнее одного, живущего по закону Божию. Если у тебя есть дети, то подними и детей, и пусть во время ночи весь дом сделается Церковью; если же они малолетни и не могут переносить бодрствования, то (пусть выслушают) по крайней мере, одну молитву или две, и успокоятся; только ты встань, только ты обрати себе это в навык. Нет ничего прекраснее жилища, в котором совершаются такие молитвы. Послушай, что говорит пророк: "**вспоминал я о Тебе на постели моей, в утренние часы размышлял о Тебе**" (Пс.62:7). Но, скажешь, я очень утомился в продолжение дня, и не могу. Это – отговорка и предлог; сколько бы ты ни трудился, не потрудишься более ковача меди, который опускает столь тяжелый молот с великой высоты, брызжет искрами, по всему телу пропитывается дымом, и однако проводит в этом большую часть ночи. И вы, жены, знаете, когда вам бывает нужно идти в поле, или придти в ночное собрание, – что там проводят целую ночь без сна. Так и у тебя пусть будет духовная кузница, чтобы устроять не котлы и сковороды, но душу твою, которая гораздо лучше всякого произведения из меди и золота. Ее, устаревшую от грехов, ввергни в горнило покаяния; ударяй ее с великой высоты молотом, т.е. исповеданием грехов; воспламени огонь Духа. Твое искусство гораздо лучше. Ты устрояешь не золотые сосуды, по душу, драгоценнее всякого золота, подобно тому, как ковач меди свое изделие. Ты не вещественный приготовляешь сосуд, но освобождаешь душу от всякого житейского попечения. Пусть предстоит пред тобою светильник, не этот сгорающий, но тот, который имел у себя пророк, когда он говорит: "**светильник ногам моим - закон Твой**" (Пс.118:105). Воспламени душу молитвою; если увидишь, что она имеет довольно (огня), то вынь ее (из этого горнила) и устрой ее, как хочешь. Поверь мне, не столько огонь истребляет ржавчину (металла), сколько ночная молитва ржавчину грехов наших. Устыдимся, если не кого другого, то хотя ночных стражей. Они, повинуясь человеческому закону, обходят во время стужи, громко крича и проходя по улицам, часто под дождем и цепенея (от холода), для тебя, для твоей безопасности и для охранения твоего имущества. Тот о твоем имуществе оказывает такое попечение; а ты не (оказываешь) даже о душе своей. И притом я не заставляю тебя ходить, подобно ему, под открытым небом, ни громко кричать и надрываться; но, находясь в том же самом жилище, в той же самой спальне, преклони колена, обратись с молитвою к Господу. Для чего сам Христос на горе пробыл всю ночь (Лк.16:12)? Не для того ли, чтобы подать нам Собою пример? Тогда растения восстановляют свои силы, т.е. во время ночи; тогда особенно и душа еще более их принимает в себя росу. Что днем попаляется солнцем, то освежается ночью Ночные слезы лучше всякой росы нисходят и на пожелания и на всякое пламенное разжжение, и не попускают потерпеть ничего вредного. Если она не будет питаться этою росою, то будет сожигаться во время дня. Впрочем, да не подвергнется никто из вас сожжению от того огня, но пребывая в прохладе и под покровом человеколюбия Божия, да сподобимся все мы освободиться от бремени грехов, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 27

"По наступлении дня между воинами сделалась большая тревога о том, что сделалось с Петром. Ирод же, поискав его и не найдя, судил стражей и велел казнить их. Потом он отправился из Иудеи в Кесарию и там оставался" (Деян.12:18,19).

1. Многие недоумевают, как Бог попустил некогда умертвить младенцев за Него (Мф.2:16), и теперь еще воинов за Петра, хотя Он мог избавить и их вместе с Петром. Но если бы ангел вывел и воинов вместе с Петром то это было бы принято за бегство. Почему же, скажут, Он, не устроил иначе? Теперь между тем какое произошло зло! Если мы вспомним, что пострадавшие несправедливо и напрасно не терпят никакого зла, то не будем делать таких вопросов. Отчего же ты не спрашиваешь об Иакове – почему Он и его не избавил (Дян.12:2)? Притом тогда было еще не время суда, чтобы воздавать каждому по достоинству. И не Петр же предал их в руки Ирода. А он оскорбился особенно тем, что обманулся, подобно как дед его остался обманутым от волхвов; это особенно раздражало его и делало смешным. Но следует выслушать слова самого писателя: "**по наступлении дня**", говорит он, "**между воинами сделалась большая тревога о том, что сделалось с Петром. Ирод же, поискав его и не найдя, судил стражей и велел казнить их**", хотя слышал от них, – ведь "**судил стражей и велел казнить их**", – что цепи были оставлены, что обувь (Петр) взял и что он находился с ними до самой той ночи. Что же они скрыли? И почему сами не убежали? Подлинно, это должно было удивить его, должно было поразить его. После того смерть их пред всеми обнаруживает и чудо Божие и нечестие Ирода. И смотри, как писатель не скрывает этого, но повествует об историческом событии, чтобы научить нас. Он говорит далее: "**потом он отправился из Иудеи в Кесарию и там оставался. Ирод был раздражен на Тирян и Сидонян; они же, согласившись, пришли к нему и, склонив на свою сторону Власта, постельника царского, просили мира, потому что область их питалась от области царской. В назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним; а народ восклицал: это голос Бога, а не человека. Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер. Слово же Божие росло и распространялось**" (ст. 19-24). И это не маловажно. Тотчас же постигло его наказание, если не за Петра, то за надменную речь его. Но, скажут, если те возглашали, то чем он виновен? Тем, что принял такое возглашение, что считал себя достойным такой лести. Это особенно служит к научению самих безрассудных льстецов. И смотри: и те и он достойны наказания, а наказывается он, потому что теперь не время суда, но кто боле виновен, того (Бог) и наказывает, чтобы те получили от этого пользу. "**Слово же Божие**", говорит (писатель), "**росло и распространялось**", т.е. когда это происходило. Видишь ли домостроительство Божие? "**А Варнава и Савл, по исполнении поручения, возвратились из Иерусалима (в Антиохию), взяв с собою и Иоанна, прозванного Марком. В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учители: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринеянин, и Манаил, совоспитанник Ирода четвертовластника, и Савл**" (Деян.12: 25: Деян.13:1). Варнаву поставляет пока на первом месте, потому что Павел еще не был славен, еще не совершил никакого знамения. "**Когда они служили Господу и постились, Дух Святый сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их**" (ст. 2, 3). Что значит: "**служили**"? Когда они проповедовали. "**Отделите Мне**", говорит, "**Варнаву и Савла**". Что значит: "**отделите Мне**"? На дело, на апостольство. Смотри еще, кем они рукополагаются: Лукием Киринеянином и Манаилом, и особенно – Духом. Чем уничиженнее лица, тем яснее открывается благодать Божия. Таким образом (Павел) рукополагается на апостольство, чтобы проповедовать со властью. Как же он сам говорит: "**не человеками и не через человека**" (Гал.1:1)? Словами: "**не**

человеками" он показывает, что не человек призвал или привел его; а словами: "**не через человека**" – что он послан не кем-либо другим, но Духом. Потому (писатель) и присовокупил следующее: "**сии, быв посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр**" (ст. 4). Но обратимся к вышесказанному. "**По наступлении дня**", говорит, "**между воинами сделалась большая тревога**" из-за Петра, "**судил стражей и велел казнить их**". Он так был бесчувствен, что даже решился наказать несправедливо. Вот я скажу в их защиту. Узы были; стражи находились внутри; темница была заперта; стена нигде не подкопана; все согласно говорили одно и тоже; узник не был похищен: за что же ты осуждаешь их? Если бы они хотели выпустить его, то или выпустили бы прежде, или ушли бы вместе с ним. Они быть может взяли деньги? Но как мог дать им тот, кто был не в состоянии дать нищему? Цепи не были ни разорваны, ни развязаны. Можно было видеть, что это дело Божие, а не человеческое. Затем, повествуя об историческом событии, (писатель) приводит и имена, чтобы видно было, что обо всем он говорит правду. "**Склонив на свою сторону Власта**", говорит, "**постельника царского, просили мира**". Делают это потому, что был голод. "**В назначенный день**", говорит, "**Ирод сел на возвышенном месте и говорил к ним. Но вдруг Ангел Господень поразил его, и он, быв изъеден червями, умер**".

2. Также и Иосиф (Флавий) говорит, что он впал в продолжительную болезнь (Иуд. древ. кн 19. гл. 8). Народ не знал этого, но апостол повествует об этом. Впрочем, и самое незнание было полезно, потому что случившееся с Иродом приписывали ему за убиение апостола и умерщвление воинов. Смотри: когда он убил апостола, то ничего такого не делал, и когда этих (умертвил), то ничего не говорил. Таким образом, как бы недоумевал и стыдясь, он отправился из Иудеи в Кесарию. Мне кажется, что он, желая привлечь тех (тирян и сидонян), прибыл защищать этих (иудеев): он гневался на тех, тогда как этим столько угождал. Смотри, как этот человек был тщеславен. Намереваясь даровать им (мир), он говорил речь. Иосиф же повествует, что он был одет в блестящую одежду, истканную из серебра. Смотри, как и те были льстивы, и как мудры апостолы. Кому угождал весь народ, того они ставили ни во что. Но теперь они получили великое облегчение, и множество благ произошло от его наказания. Если же он подвергся такому наказанию, когда выслушал слова: "**это голос Бога, а не человека**", хотя сам ничего такого не говорил, то тем более Христос, если бы Он не был Богом, (подвергся бы) за то, что Он постоянно говорил: "**слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя**" (Ин.14:10), и еще: "**служители Мои подвизались бы**" (Ин.18:36), и тому подобное. Между тем тот постыдным и жалким образом окончил жизнь, и уже нет его. И заметь, что его склоняет к миру Власт: так легко этот жалкий человек предавался гневу и опять успокаивался, будучи всегда рабом народа и не имея в себе ничего самостоятельного! Заметь и власть Святого Духа. "**Когда они служили Господу**", говорит (писатель), "**и постились, Дух Святый сказал: отделите Мне Варнаву и Савла**". Кто бы осмелился, не имея на то власти, сказать это? А делается это для того, чтобы они не оставались вместе. Он знал, что они имеют великие совершенства и могут быть полезными многим. Как же Он сказал им? Вероятно, чрез пророков. Потому-то (писатель) предварительно и заметил, что там были пророки и пребывали в посте и служении, чтобы ты уразумел, что нужна была великая бдительность. Рукополагается (Павел) в Антиохии, где и проповедовал. Почему же (Дух) не сказал: отделите Господу, но: "**Мне**"? Этим Он показывает, что у Него единая (с Богом) власть и сила.

Видишь ли, насколько великое дело – пост? Замечено, что Дух совершал все; но великое благо – и пост. Он не ограничивается пределом (времени); когда нужно было рукополагать, тогда они постятся: "**и постились, Дух Святый сказал**". Пост же состоит не только в воздержании от пищи, но и воздержание от сластолюбия есть вид поста. Это-то в особенности я заповедаю: воздерживайтесь не от пищи, а от сластолюбия. Пища нам

нужна, а не растление; пища нам нужна, а не причина болезней, болезней и душевных и телесных; пища нам нужна, доставляющая сладость, а не сластолюбие, исполненное горечи; то полезно, а это вредно; то приятно, а это неприятно; то естественно, а это противоестественно. Скажи мне: если бы кто-нибудь дал тебе напиться яду, не было ли бы это противоестественно? Если бы кто (подал) дрова и камни, разве не отвратился бы ты? Конечно, – потому что это противоестественно. Таково и сластолюбие. Как в осажденном городе бывает великое беспокойство и смятение, когда вторгаются в него неприятели, так бывает и в душе, когда нападает на нее пьянство и сластолюбие. "**У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза? У тех, которые долго сидят за вином, которые приходят отыскивать вина приправленного**" (Прит.23:29,30). Но, что бы мы ни говорили, мы не удержим людей, преданных сластолюбию, если не восстанем против другой страсти. И во-первых, к женам обращу мое слово. Нет ничего срамнее жены сластолюбивой, нет ничего отвратительнее жены, преданной пьянству; цвет лица ее увядает, ясность и кротость глаз помрачаются, как бы от какого облака, закрывающего лучи солнечные. Это – дело, свойственное не свободному человеку, но рабу, и крайне неблагородное. Как неприятна жена, дышащая зловонным и испортившимся вином, отрыгающая испарения гнилого мяса, отягченная так, что не может встать, раскрасневшаяся больше надлежащего, беспрестанно зевающая и дремлющая! Не такова жена, воздерживающаяся от сластолюбия: она почтенна, целомудренна и благообразна, так как доброе расположение души придает много красоты и телу. Не думай, что красота зависит только от телесного благообразия. Представь девицу благообразную, но нескромную, болтливую, сварливую, склонную к пьянству и расточительности: не безобразнее ли она всякой некрасивой. Если же она будет скромна, молчалива и стыдлива, если привыкнет говорить благопристойно и соблюдать пост, то красота ее сугуба, благообразие больше, лицо привлекательнее, исполнено целомудрия и прелести. Хочешь ли, я скажу теперь и о мужах? Что отвратительнее пьяного? Он смешон для рабов, смешон для врагов, жалок для друзей, достоин всякого осуждения, более зверь, нежели человек, так как пресыщаться свойственно тигру, льву или медведю. Им это свойственно, потому что они не имеют разумной души. Впрочем и они, когда насыщаются больше надлежащего и больше меры, назначенной им природою, то расстраивают все свое тело: не тем ли более мы? Для того-то Бог дал нам небольшой желудок, для того назначил нам малую меру пищи, чтобы научить нас заботиться о душе.

3. Посмотрим на самое устройство нашего тела, и мы увидим, что одна только малая часть у нас имеет такое назначение (для питания). Уста наши и язык назначены для песнопений, гортань для издавания голоса. Потому естественная необходимость заставляет нас невольно воздерживаться от пресыщения. Если бы сластолюбие не сопровождалось неприятностями, недугами и болезнями, то оно не было бы противно; но теперь от природы тебе назначены пределы, чтобы ты не мог, хотя бы и желал, преступить их. Не наслаждений ли ищешь ты, возлюбленный? Найдешь их в жизни воздержной. Не здравия ли? И это здесь. Не спокойствия ли? И это здесь. Не свободы ли? Не крепости ли и стройности тела? Не бодрости ли и деятельности души? Все эти блага здесь; а в том (пресыщении) напротив, неприятность, нездоровье, болезнь, стеснение, излишние издержки. Почему же, скажут, все мы предаемся ему? По болезни. Скажи мне: почему больной желает того, что вредно? Это самое не есть ли признак болезни? Почему хромой не ходит прямо? А все это от нерадения и от того, что не хотят придти к врачу. Из вещей одни доставляют временное удовольствие, и вечное мучение; другие напротив – временное страдание, и вечное блаженство. Потому кто так сластолюбив и беспечен, что не презирает настоящих удовольствий для достижения будущих, тот скоро обманывается. Скажи мне: почему обманулся Исав, почему он предпочел настоящее удовольствие будущей чести? По сластолюбию и невоздержанно (Быт.25:34). А это самое, скажут, откуда происходит? От нас самих, как видно из следующего: когда мы захотим, то

сдерживаем себя и бываем терпеливы; если встретится какая-нибудь нужда, а часто даже только из соревнования, мы избираем полезное.

Итак, когда будет возбуждаться сластолюбие, то представь кратковременность этого удовольствия, вред, – а поистине вредно делать такие издержки к собственной погибели, – недуги, болезни, и отвергни сластолюбие. Хочешь ли, я перечислю тебе, сколь многие тяжко пострадали от сластолюбия? Ной "**выпил вина, и опьянел, и лежал обнаженным**", и, вспомни, сколько зла произошло от того (Быт.9:21-29). Исав по невоздержанию продал свое первенство и решался на братоубийство (Быт.25:31-34). Израильтяне сели "**есть и пить, а после встал играть**" (Исх.32:6). Потому и сказано им: "**берегись, чтобы не обольстилось сердце твое и не забыл ты Господа**" (Втор.6:12). Предавшиеся сластолюбию стоят на скользком пути. "**Вдовица**", говорит (Писание), "**сластолюбивая заживо умерла**" (1Тим. 5:6); и еще: "**утучнел, отолстел и разжирел**" (Втор. 32:15): также апостол говорит: "**попечения о плоти не превращайте в похоти**" (Рим.13:14). Я уже не предписываю поста, – этого никто не стал бы слушать, – но запрещаю невоздержание, возбраняю сластолюбие, для вашей же пользы. Сластолюбие, подобно бурному потоку, истребляет все; его не удерживает никакое препятствие; оно отлучает от царствия. Что еще? Ты желаешь наслаждений? Подай бедным, призови Христа (в лице их), и будешь наслаждаться даже по окончании трапезы. Теперь ты не можешь этого по тому самому, что настоящие блага непостоянны; а тогда сможешь. Ты желаешь наслаждений? Питай свою душу, предложи ей пищу, какая ей свойственна, не томи ее голодом. Теперь время борьбы, время подвигов: а ты сидишь и пресыщаешься? Разве не знаешь, что и сами скиптроносцы в походах во время войны живут скудно? "**Наша брань не против крови и плоти**" (Ефес.6:12), а ты утучняешь себя, приготовляясь на брань? Супостат стоит, скрежеща своими зубами (1Петр.5: 8), а ты предаешься неге и занимаешься трапезою? Знаю, что я говорю это напрасно, но не для всех. "**Кто имеет уши слышать, да слышит**" (Лк.8:8). Христос истощается от голода, а ты расторгаешься от пресыщения: сугубая неумеренность! И какого зла не производит сластолюбие? Оно заключает противоречие в самом себе; не знаю даже, почему оно получило такое название; разве подобно тому, как слава (земная), которая есть бесчестие, и богатство (земное), которое есть бедность, получили свои названия, так и сластолюбие, хотя оно само в себе есть горечи. Не готовимся ли мы заклаться в жертву, что так утучняем себя? Для чего ты приготовляешь червям роскошную трапезу? Для чего увеличиваешь количество жира? Для чего умножаешь источники пота и зловония? Для чего делаешь себя негодным ни к чему? Хочешь ли, чтобы глаз твой был исправен? Сделай все тело благоустроенным. Из струн та, которая жирна и не очищена, бывает неспособна издавать приятные звуки, а которая совершенно очищена, та бывает стройна и благозвучна. Для чего зарываешь душу? Для чего ограду ее делаешь толще? Для чего (наводишь на нее) великий дым и облако, когда испарения, как бы какая мгла, поднимаются отвсюду? Если не кто другой, то пусть, по крайней мере, борцы научат тебя, что тело менее тучное бывает более сильным. Так и любомудрая душа бывает благоустроеннее, подобно тому, как бывает с возницею и конем. Надобно видеть, как неудобоподвижны люди, преданные сластолюбию и утучнившие свое тело, подобно тому, как неподвижны тучные кони, причиняющие вознице так много хлопот. Тот, у кого конь послушный и быстрый, легко может получить победную награду; а когда возница принужден тащить его, беспрестанно падающего, и не может даже ударами поднять его, то хотя бы он был человек весьма опытный, не одержит победы. Не будем же нерадеть о душе своей, подавляемой телом, но соделаем взор ее более светлым, крылья ее – более легкими, узы – боле сносными; будем питать ее беседами, при воздержной жизни, так чтобы тело было только здраво и крепко, чтобы она радовалась и не скорбела, чтобы, таким образом благоустроив себя, мы могли достигнуть высшей степени добродетели и сподобиться вечных благ, благодатию и

человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 28

"Сии, быв посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр; и, быв в Саламине, проповедывали слово Божие в синагогах Иудейских; имели же при себе и Иоанна для служения" (Деян.13:4,5).

1. Приняв вместе рукоположение, (Варнава и Павел) вышли (из Антиохии) и отплыли в Кипр, где не было гонения и слово (Божие) уже было посеяно. В Антиохии находилось довольно (учителей), и Финикия была не далеко от Палестины, Кипр же далеко. Впрочем, не спрашивай, почему (они отплыли туда), когда они были движимы Духом; ведь они не только рукоположены, но и посланы были Духом. "**И быв в Саламине, проповедывали слово Божие в синагогах Иудейских**". Видишь ли, как они всячески стараются возвещать слово наперед иудеям, чтобы не возбудить их негодования? Как те не проповедовали никому, "**кроме Иудеев**" (Деян.11:19), так и эти входили в синагоги. "**Пройдя весь остров до Пафа, нашли они некоторого волхва, лжепророка, Иудеянина, именем Вариисуса, который находился с проконсулом Сергием Павлом, мужем разумным. Сей, призвав Варнаву и Савла, пожелал услышать слово Божие. А Елима волхв (ибо то значит имя его) противился им, стараясь отвратить проконсула от веры**" (ст. 6-8). Опять волхв, иудеянин, подобно Симону. И смотри: когда они проповедовали другим, то он не слишком беспокоился; но когда пришли к проконсулу, тогда он (восстал). В проконсуле же достойно удивления то, что он, хотя и был под влиянием магии того (волхва), однако захотел слушать апостолов. Так поступили и самаряне; а из сравнения является победа, так как магия одолевается. Везде тщеславие и властолюбие бывают причиною зол. "**Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святаго и устремив на него взор, сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени**" (ст. 9-11). Здесь с рукоположением переменяется его имя; тоже было и с Петром. И смотри: действие (Павла) есть не обида, но поражение; так и следует поражать дерзких и бесстыдных. "**О, исполненный всякого коварства**", говорит, "**и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды!**". Здесь он открывает то, что было в мыслях (волхва), под видом спасения губившего проконсула. "**Перестанешь ли ты**", говорит, "**совращать с прямых путей Господних?**" Конечно, говорит, ты не с нами ведешь войну и брань, но развращаешь пути Господни прямые, и – с похвалою. "**И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп**". Посредством того же знамения, каким сам был обращен, захотел обратить и его. Выражение: "**до времени**" было словом не наказывающего, а обращающего, потому что если бы оно было (словом) наказывающего, то он сделал бы его слепым навсегда; теперь же не так, а "**до времени**", чтобы приобресть и проконсула. "**И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого. Тогда проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь учению Господню**" (ст. 11, 12). И справедливо, потому что находившегося под влиянием магии такое наказание должно было вразумить. Так и египетские волхвы некогда были вразумлены скнипами (Исх.8:16-19). И смотри: они не медлят здесь, после того, как проконсул уверовал, и не бездействуют, и не разнеживаются от лести и чести, но тотчас же принимаются за дело и отправляются в страну, лежащую по ту сторону (моря). "**Отплыв из Пафа, Павел и бывшие при нем прибыли в Пергию,в Памфилии. Но Иоанн, отделившись от них, возвратился в Иерусалим. Они же, проходя от Пергии, прибыли в Антиохию Писидийскую и, войдя в синагогу в день субботний, сели**" (ст.

13, 14). Опять они входили в синагоги по обычаю иудеев, чтобы не подвергнуться нападению и изгнанию; так они и все делали. "**После чтения закона и пророков, начальники синагоги послали сказать им: мужи братия! если у вас есть слово наставления к народу, говорите**" (ст. 15). Здесь мы узнаем о том, что касается Павла, узнав не мало о Петре из сказанного прежде. Но рассмотрим вышесказанное. "**И, быв**", говорит (писатель), "**в Саламине, проповедывали слово Божие**" – в главном городе Кипра. Они провели год в Антиохии; надлежало выйти оттуда, а не оставаться там навсегда; (верующие) имели нужду в больших учителях. Смотри, как и в Селевкии они не медлят, зная, что (ее жители) могли получать великую пользу от соседнего города, но спешат и оттуда на дела нужнейшие. Пришедши в главный город острова, они спешат обратить проконсула. А что не из лести сказано: "**с проконсулом Сергием Павлом, мужем разумным**", можешь усмотреть из самого дела, как он не нуждался во многих убеждениях, но сам хотел слышать их. Имена городов перечисляет (писатель), чтобы показать, что так как они недавно приняли слово (Божие), то надлежало утвердить их, чтоб они оставались в вере; потому-то (апостолы) часто посещали их. Смотри: (Павел) ничего не говорил волхву, пока тот не подал повода; но они возвещали только слово Господне. А тот, видя других внимающих (Павлу), заботился только о том, чтобы (проконсул) не уверовал. И почему (Павел) не сотворил другого знамения? Потому что всего лучше было – уловить врага.

2. И смотри, он прежде обличает, а потом поражает. Что тот справедливо пострадал, это он означает словами: "**исполненный всякого коварства**", т.е. не имеющий ничего свободного от обмана. И хорошо сказал: "**всякого коварства**", – потому что тот лицемерил. "**Сын диавола**", – потому что совершал его дело. "**Враг всякой правды**", – потому что здесь поистине была всякая правда. Мне кажется, что этими словами он обличает и его жизнь. А чтобы показать, что это сказано не по гневу, для этого (писатель) предварительно заметил: "**исполнившись Духа Святаго**", т.е. силы (Его). "**И ныне вот, рука Господня на тебя**". Это было не наказание, но врачество. Он как бы так сказал: не я действую, но рука Божия. Видишь, как он чужд гордости. "**Ты будешь слеп и**

не увидишь солнца до времени". Говорит это, чтобы дать ему время для покаяния. Они (апостолы) никогда не хотели являться слишком строгими, хотя бы это было бы и в отношении к врагам. В отношении к своим это было сообразно, а в отношении к чужим – нет, чтобы (известное) дело не показалось следствием принуждения и страха. Признак слепоты – искание вожатого. Затем проконсул видит слепоту и тотчас верует, и не просто, но "**дивясь**", – он увидел, что здесь не слова и не обман. Смотри, какую питал он любовь к учению, имея такую власть. Не сказал (Павел) волхву: не перестанешь ли развращать проконсула, но – "**совращать с прямых путей Господних?** ", что гораздо важнее, чтобы не показаться льстецом. Почему же Иоанн отстает от них? "**Но Иоанн**", говорит (писатель), "**отделившись от них, возвратился в Иерусалим**". Потому что они отправлялись в дальнейший путь, – и хотя он был их слугою, но они сами взяли на себя этот труд. Посетив опять Пергию, они проходят мимо других городов, потому что спешили в главный город – Антиохию. И смотри, как кратко повествует писатель. Сидели, говорит, в сонмище и в день субботний, чтобы приготовить путь слову. Они говорят не прежде других, но будучи вызваны, когда их, как гостей, пригласили к тому. Если бы они не находились там, то не было бы и слова. Здесь Павел проповедует первый. И посмотри на мудрость его: он проходит мимо тех мест, где уже было посеяно слово (Божие); а где еще не был никто (из проповедников), там останавливается, как и сам он пишет: "**я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово**" (Рим.15: 20). И это было свойством его великого мужества. Подлинно, с самого начала он был муж удивительный; распявшись (для мира, Гал.6:14), вооружившись (духовно), он знал, какая была в нем благодать; соразмерную тому оказывал и ревность. Он не разгневался на

Иоанна, – это не было ему свойственно, – но принялся за дело; не убоялся, не устрашился, подвергаясь опасностям среди народа. Смотри, как хорошо устрояется, что Павел не проповедует в Иерусалиме; (там) довольно было только слышать, что он уверовал, а проповеди его не стали бы слушать по ненависти к нему; потому он и отправляется далеко, где не знали его. Во-первых, он обличает волхва, каков тот был; а что он действительно был таков, доказало знамение. Оно было знаком его душевной слепоты; он страдает до времени для того, чтобы покаялся. Хорошо они вошли в синагогу в субботу, когда все были собраны. "**После чтения закона и пророков**", говорит (писатель), "**начальники синагоги послали сказать им: мужи братия! если у вас есть слово наставления к народу, говорите**". Смотри: тогда они сделали это без зависти, а после не так. Если вы сами хотели этого, то тем более надлежало увещевать. Но, о, властолюбие! О, тщеславие! Как оно низвращает и губит все! Оно побуждает восставать против спасения своего и других. Оно уродует и ослепляет, так что приходится искать вожатых. И, о, если бы так, если бы они искали вожатых! Но даже и этого не хотят делать, полагаясь во всем на самих себя. Оно не дает им видеть ничего; окружает их, как бы какая мгла и мрак, не позволяя прозреть.

Какое будем иметь оправдание мы, которые побеждаем страсть страстью, а не страхом Божиим? Например, многие, будучи сластолюбивы и сребролюбивы, обуздывали сластолюбие из-за сбережения денег; другие, напротив, для удовольствий пренебрегали деньгами; иные, увлекаясь тщеславием, презрели и то и другое, издерживая деньги беспощадно и соблюдая целомудрие всуе; а иные, будучи крайне тщеславны, пренебрегли этой страстью, совершив много постыдного, как из-за плотских удовольствий, так и из-за денег; еще иные, чтобы удовлетворить своему гневу, решаются на бесчисленные издержки и не заботятся ни о чем, кроме того, чтобы только сделать по своему желанию. Так, что может сделать страсть, того у нас не делает страх Божий. И что я говорю: страсть? Что может сделать стыд человеческий, того не делает страх Божий. Много хорошего мы делаем, много и грешим, стыдясь людей, а Бога не боимся. Как многие расточили свое имущество из стыда! Как многие тщетно домогались почестей, услуживая друзьям своим во зле! Как многие и как много согрешили в угодность дружбе!

3. Итак, если страсть и стыд пред людьми могут побуждать нас и ко грехам и к делам добрым, то мы напрасно говорим, что не можем (обуздывать страсти); мы можем, если пожелаем; а желать должны все. Скажи мне, почему ты не можешь преодолеть тщеславия, когда другие преодолевают, имея такую же душу, такое же тело, такой же внешний вид, живя такою же жизнью? Помысли о Боге, помысли о высшей славе, противопоставь ей настоящее, и ты скоро отстанешь от него (тщеславия). Если ты непременно желаешь славы, то ищи славы истинной. Какая это слава, если она приносит бесчестие? Какая это слава, если она заставляет искать чести от низших и имеет в ней нужду? Честь состоит в том, чтобы пользоваться славою от высших. Если ты непременно желаешь славы, то ищи лучше славы от Бога. Возлюбив эту, ты будешь пренебрегать тою, увидишь, как она бесчестна; а пока не узнаешь этой, дотоле не увидишь, как та постыдна, как смешна. Подобно тому, как те, которые пленились какою-нибудь женою злою, безобразною и бесстыдною, пока питают к ней любовь, не могут видеть ее безобразия, потому что страсть помрачает рассудок, так и здесь, пока обладает нами эта страсть, мы не можем видеть, каково это зло. Но каким же образом, скажешь, мы можем освободиться от нее? Вспомни о тех, которые расточили множество имущества и не получили от того никакой пользы; вспомни об умерших, какой они наслаждались славой, и она оказалась непрочною, исчезла и рассеялась; пойми, что она есть одно только имя и не имеет в себе ничего существенного. В самом деле, скажи мне, что такое слава? Сделай какое-нибудь определение. Быть для всех, скажешь, предметом удивления? По праву или не по праву? Если не по праву, то это будет не удивление, а порицание, лесть, клевета. Если по праву,

то это невозможно, потому что народ не имеет правильных суждений, а удивляется тем, которые угождают его желаниям. Если угодно, посмотрите на тех, которые дарят свое имущество блудницам, наездникам и плясунам. Но, скажешь, мы не о них говорим, а о честных, справедливых, могущих делать много доброго. Точно, если бы захотели, то скоро делали бы много доброго; но ныне ничего такого не делают. Кто ныне, скажи мне, хвалит честного и справедливого? Противное тому (делается). И что отвратительнее такого праведника, если он, совершая какое-нибудь доброе дело, ожидает славы от толпы? Он делает тоже, как если бы какой-нибудь отличный живописец, рисуя портрет царя, ожидал похвал от неопытных. С другой стороны, кто домогается славы от людей, тот скоро оставит дела добродетельные. Кто ожидает похвал, тот делает то, чего желают другие, а не то, чего он сам. Что же делать я советовал бы вам? Внимать Богу, довольствоваться похвалами от Него, делать все благоугодное Ему, и совершать добрые дела, не прилепляться ни к чему человеческому. Это (пристрастие к земной славе) вредит и посту и молитве и милостыне, и делает тщетными все наши добрые дела. Потому, чтобы не потерпеть этого, будем убегать этой страсти; будем иметь в виду только одно, – похвалу от Бога, одобрение от Него, прославление от нашего общего Владыки, чтобы, прожив добродетельно настоящую жизнь, нам сподобиться обетованных благ, с любящими Его, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 29

"Павел, встав и дав знак рукою, сказал: мужи Израильтяне и боящиеся Бога! послушайте. Бог народа сего избрал отцов наших и возвысил сей народ во время пребывания в земле Египетской, и мышцею вознесенною вывел их из нее" (Деян.13:16,17).

1. Смотри, Варнава предоставляет (говорить) Павлу, подобно как Иоанн всегда – Петру. Он привел его из Дамаска, хотя тот был славнее его. Но они имели в виду общую пользу. "**Встав**", говорит (писатель), "**и дав знак рукою**". Таков был обычай у иудеев; потому и он так же обращается к ним с речью. Смотри, какое он делает вступление к слову: наперед похвалив их и показав великое промышление о них (Божие) словами: "**боящиеся Бога**", потом и начинает речь. Не сказал: пришельцы, потому что это название указывает на бедствия. "**Бог народа сего избрал отцов наших**". Смотри, как и он, подобно Стефану, общего людей Бога называет собственно их Богом и изображает древние великие благодеяния Его. Они делают это для того, чтобы научить их, что и ныне (Бог) по тому же благоволению послал Сына Своего. Как и Христос сказал о винограднике (Лк.20:13), так говорит и он. "**Возвысил сей народ во время пребывания в земле Египетской, и мышцею вознесенною вывел их из нее**". Было и противное; но они умножились; для них совершались чудеса. Об этих (чудесах), бывших в Египте, и пророки всегда вспоминают. И смотри, как он проходит молчанием времена бедствий и нигде не поставляет на вид преступлений, но человеколюбие Божие, предоставляя о том помыслить им самим. "**И около сорока лет времени питал их в пустыне**" (ст. 18). Потом говорит о поселении их. "**И, истребив семь народов в земле Ханаанской, разделил им в наследие землю их**" (ст. 19). Затем (прошло) много времени, – четыреста пятьдесят лет. "**И после сего, около четырехсот пятидесяти лет, давал им судей до пророка Самуила**" (ст. 20). Здесь он показал, что (Бог) различным образом промышлял о них. "**Потом просили они царя**" (ст. 21). Не говорит о неблагодарности их, но везде о человеколюбии Божием. "**И Бог дал им Саула, сына Кисова, мужа из колена Вениаминова. Так прошло лет сорок. Отринув его, поставил им царем Давида, о котором и сказал, свидетельствуя: нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева, который исполнит все хотения Мои**" (ст. 21, 22). Не маловажно то, что Христос происходит от Давида. Потом приводит и

свидетельство Иоанна в следующих словах: "**из его-то потомства Бог по обетованию воздвиг Израилю Спасителя Иисуса. Перед самым явлением Его Иоанн проповедывал крещение покаяния всему народу Израильскому. При окончании же поприща своего, Иоанн говорил: за кого почитаете вы меня? я не тот; но вот, идет за мною, у Которого я недостоин развязать обувь на ногах**" (ст. 23-25). Иоанн свидетельствует не просто, но, отстраняя от себя честь, хотя ее все воздавали ему. А не одно и тоже – отказываться от чести, когда никто не предлагает, или – когда многие воздают ее, и притом не просто, но с таким уничижением. "**Мужи братия, дети рода Авраамова, и боящиеся Бога между вами! вам послано слово спасения сего. Ибо жители Иерусалима и начальники их, не узнав Его и осудив, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу, и, не найдя в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его**" (ст. 26-28). Везде (апостолы) стараются показать, что это служит к собственному благу их (иудеев), чтобы они, слушая о том, как бы о чуждом, не удалялись по той причине, что они же распяли Его. "**Его**", говорит, "**не узнав**"; итак, это был грех неведения. Смотри, как он слегка оправдывает их; и не только это (говорит), но прибавляет еще, что так и надлежало быть. А чтобы кто-нибудь не сказал: откуда известно, что (Христос) воскрес? – он говорит: "**ныне суть свидетели Его**" (ст. 31). Потом опять приводит свидетельства из Писаний: "**Когда же исполнили всё написанное о Нем, то, сняв с древа, положили Его во гроб. Но Бог воскресил Его из мертвых. Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим и которые ныне суть свидетели Его перед народом. И мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса, как и во втором псалме написано: Ты Сын Мой: Я ныне родил Тебя. А что воскресил Его из мертвых, так что Он уже не обратится в тление, о сем сказал так: Я дам вам милости, обещанные Давиду, верно. Посему и в другом месте говорит: не дашь Святому Твоему увидеть тление. Давид, в свое время послужив изволению Божию, почил и приложился к отцам своим, и увидел тление; а Тот, Которого Бог воскресил, не увидел тления**" (ст. 29-37). Смотри, с какою силою говорит он; этого Петр никогда не говорил. "**Итак, да будет известно вам, мужи братия, что ради Него возвещается вам прощение грехов; и во всем, в чем вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им всякий верующий**" (ст. 38, 39). Потом (присовокупляет) и грозные слова: "**берегитесь же, чтобы не пришло на вас сказанное у пророков: смотрите, презрители, подивитесь и исчезните; ибо Я делаю дело во дни ваши, дело, которому не поверили бы вы, если бы кто рассказывал вам**" (ст. 40, 41).

2. Смотри, как он сплетает речь из настоящих событий, и пророков, и обетованного семени. Но обратимся к вышесказанному. "**Мужи братия, дети рода Авраамова**". Называет их по праотцу. "**Вам послано слово спасения сего**". Здесь словом: "**вам**" он не выражает, что это одни только иудеи, но дает им возможность отделить себя от совершивших убийство, как это видно из следующего. "**Ибо жители**", говорит, "**Иерусалима, не узнав Его, и осудив, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу**". Великая вина, если они, постоянно слушая, не внимали. И это нисколько не удивительно: сказанное о Египте и пустыне достаточно показывает неблагодарность их. Но как они не уразумели, скажешь, когда Иоанн говорит им? Что удивительного, когда (они не слушали) и пророков, часто говоривших им? Потом и другая вина: "**и, не найдя в Нем никакой вины, достойной смерти**". Это уже не было делом неведения, – положим, что они не почитали Его за Христа, но почему притом убили Его? "**Просили**", говорит, "**Пилата убить Его. Когда же исполнили всё написанное о Нем, то, сняв с древа, положили Его во гроб**". Смотри, как тщательно они делали это. Говорит об образе смерти Его и упоминает о Пилате, как для того, чтобы страдание Его было очевиднее из (производившегося над Ним) суда, так и для того, чтобы сильнее

обличить их, предавших Его иноплеменнику. И не сказал: обвиняли Его, но: "**и, не найдя в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его**", чтобы показать, что он сделал это в угодность им, и в противность собственному желанию, – что яснее выражает Петр: "**отреклись перед лицом Пилата**" (Деян.3:13). Павел весьма любил их; и, однако, смотри, не останавливается на неблагодарности отцов их, но возбуждает страх в них самих. Стефан по справедливости делает это, когда готовится умереть, и притом не предлагая учения показывает, что закон уже прекращается; а он еще не (говорит этого), но только высказывает угрозы и возбуждает страх. "**Но Бог воскресил Его из мертвых. Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим**". Смотри, как он, движимый самим Духом, непрестанно проповедует о страдании и погребении (Христовом). "**И мы благовествуем вам**", говорит, "**что обетование, данное отцам**", т.е. отцы получили обетование, а вы – самое дело. Приведши в свидетели Иоанна, и сказав: "**из его-то потомства Бог по обетованию воздвиг Израилю Спасителя. Перед самым явлением Его Иоанн проповедывал крещение покаяния всему народу Израильскому**", он потом опять приводит слова его: "**за кого почитаете вы меня? я не тот**". Затем приводит и апостолов в свидетели воскресения и говорит: "**и которые ныне суть свидетели Его перед народом**". Далее – Давида, свидетельствующего о том же самом в следующих словах: "**не дашь Святому Твоему увидеть тление**" (Пс.15:10). В виду того, что ни древние (свидетельства) сами по себе не были бы столь сильными, ни эти (новые) без тех, он и подтверждает свою речь теми и другими. И так как они были одержимы страхом, как убившие Его, и совесть осуждала их, то (апостолы) говорят им, не как христоубийцам, и преподают им (учение), не как чуждое благо, но как их собственное. Для них (иудеев) было весьма вожделенно имя Давида, потому (Павел) и приводит его, чтобы они, по крайней мере, таким образом признали Его (Христа); он как бы так говорил: Сын его будет царствовать над вами; потому не отвергайте власти Его. Что значит: "**дам вам милости, обещанные Давиду, верно**"? Т.е. твердыня, никогда не погибающая. Не останавливается и на этом, – потому что речь уже была доказана, – но угрожает наказанием, переходит к вожделенному для них, показывая, что закон прекращается, и распространяется о полезном, о том, что великие блага ожидают послушных и великие бедствия постигнут непокорных. Потом опять говорит о Давиде, и притом с похвалою. "**Давид**", говорит, "**в свое время послужив изволению Божию, почил и приложился к отцам своим**"; подобно как Петр, упоминая о нем, говорит: "**да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде**" (Деян.2:29). Не говорит, что он умер, но: "**приложился к отцам своим**", что было благоприличнее. И смотри: он нигде не касается добрых дел их, но тех, которые достойны осуждения. Именно, то самое, чего они просили (убить Христа) и получили, служит к величайшему их осуждению. Потом исчисляет благодеяния Божии. Избрал, возвысил, питал – эти похвалы относятся не к ним, но к Богу. Восхваляет только Давида, потому что от него – Христос. Явлением, о котором он говорит в словах: перед самым явлением Его, Иоанн (Креститель) называет воплощение Христово, явление Его во плоти. Подобным образом и Иоанн евангелист часто указывает на него, – потому что имя его было славно по всей вселенной. И смотри: (писатель) не говорит о том от себя, но приводит самое свидетельство его.

3. Видишь ли, как тщательно он показал настоящее дело домостроительства? Но послушаем, что внушали апостолы, говоря, что (Христос) был распят. Что невероятнее того, что Он погребен теми, которым обещал спасение, что будучи погребен Он отпускает грехи, и притом более закона? Потому (Павел) и не сказал: в чем вы не хотели, но: "**и во всем, в чем вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им всякий верующий**", показывая тем бессилие закона. Прекрасно он прибавил: "**всякий**", чтобы показать, что (оправдывается) всякий, кто только верует. Во всем том не было бы никакой пользы, если бы не было какого-либо благодеяния. Потому он и говорит наконец

о "**прощении**" (грехов), выводя из предыдущего важнейшее и показывая, что чего не в состоянии был сделать закон, то совершившим своею смертью является Пострадавший. Итак, он хорошо сказал: "**свидетели Его перед народом**", т.е. к убившим Его; но они не были бы свидетелями, если бы не были укрепляемы божественною силою, не свидетельствовали бы этого пред людьми, готовыми на убийство пред самими убийцами. Слова: "**Я ныне родил Тебя**" он привел, имея в виду то, что за ними следует (Пс.2:7). Но почему он не присовокупил свидетельства, из которого они должны были убедиться, что отпущение (грехов) совершается чрез Христа? Потому что он хотел наперед доказать, что (Христос) воскрес; а как скоро это будет принято, то отсюда уже становится несомненным и то, что отпущение грехов совершается чрез Него. С другой стороны он хотел возбудить в них желание этого великого (блага). Таким образом смерть Его была не лишением, но исполнением пророчеств. Об исторических событиях он упоминает потому, что, не разумея их, (иудеи) потерпели множество зол. На это он и указывает в заключение, когда говорит: "**берегитесь**". И смотри, как смягчает строгость самого этого (увещания). "**Чтобы не пришло**", говорит, "**на вас сказанное**" другим: "**ибо Я делаю дело во дни ваши, дело, которому не поверили бы вы, если бы кто рассказывал вам**". Не удивляйтесь потому (только), что оно кажется невероятным, как о том сказано выше. Это и к нам можно было бы по справедливости сказать: "**берегитесь**", касательно тех, которые не веруют воскресению. Дела Церкви находятся в весьма худом состоянии, хотя вы и думаете, что она в мире. То тяжело, что, находясь среди множества зол, мы даже не знаем, что находимся во зле.

Что ты говоришь (скажете вы)? Мы содержим церкви, у нас имущество, все прочее, бывают собрания, ежедневно приходит народ, и – мы нерадивы? Но не это надобно ставить в похвалу Церкви. Что же, скажешь? То, если есть в ней благочестие, если мы уходим домой каждый день с пользою, собрав более или менее плодов, а, не исполняя только закон или показывая вид благочестия. Сделался ли кто лучше, бывая в собрании в продолжение целого месяца? Вот о чем надобно спросить. То самое, что кажется добрым делом, не есть дело доброе, если по совершении его ничего больше от него не происходит. И о, если бы ничего больше! Но ныне происходит еще худшее. Какую пользу получаете вы от собраний? Если бы была для вас какая-нибудь польза, то вам всем уже давно следовало бы вести жизнь любомудрую, после того как с вами беседуют дважды в неделю столько пророков, столько апостолов, евангелистов и все они предлагают спасительные догматы и с великою ревностью представляют вам убеждения к исправлению ваших нравов. Воин, приходя на место учения, становится искуснее в военном дел; атлет, приходя на ристалище, делается опытнее в борьбе; изучающий врачебное искусство, приходя к учителю, становится более сведущим, более узнает и большему научается; а ты какую приобрел пользу? Не говорю о тех, которые в продолжение одного года, но о тех, которые с юного возраста приходят в (церковные) собрания. Или то вы считаете благочестием, что часто бываете в собраниях? Это не значит ничего, если мы не получаем никакой пользы; если (здесь) не собираем никаких плодов, то лучше оставаться дома. Предки построили нам церкви, конечно, не для того, чтобы мы, собираясь из своих домов, показывали себя друг другу, – это можно было бы делать и на площади, и в банях, и на празднествах, – но чтобы собирались вместе ученики и учители, и первые делались лучшими при помощи последних. Наши (собрания) стали просто обычаем и видом благочестия, остальное дело – привычкой. Наступает пасха; (здесь) большой шум, большая сутолока, не скажу – толпа людей, так как это не свойственно людям. Прошел праздник; шум прекращается, но это безмолвие опять бесплодно. Сколько (бывает) всенощных бдений, сколько священных песнопений! А что из этого? Еще хуже: многие даже делают это из тщеславия. Как, думаете вы, я сокрушаюсь внутренно, когда вижу, что все это протекает, как бы сквозь дырявую бочку? Но вы, без сомнения, скажете мне: мы знаем Писания. А что из этого? Если бы вы

показывали это делами, то было бы приобретение, была бы польза. Церковь – это красильня; если вы всегда уходите, не получив никакой окраски, то какая польза от того, что вы часто сюда ходите? Только больший вред. Кто-нибудь (из вас) прибавил ли что-либо к обычаям, которые наследовал от предков? Например: кто-нибудь имеет обыкновение поминать мать, жену или сына; он делает это, – слышал ли о том от нас, или не слышал, – руководствуясь обычаем и совестью. Так на это ты негодуешь, скажут? Да не будет! Напротив, я весьма радуюсь этому; но желал бы, чтобы он получил какую-нибудь пользу и от нашей беседы и, что сделала привычка, то произошло бы и от нас, чтобы образовалась и другая привычка. Иначе для чего мне напрасно трудиться и пустословить, если вы намерены оставаться при одном и том же, если наши собрания не производят в вас ничего доброго?

4. Но, скажут, мы молимся. А что из того, если это бывает без дел? Послушай, что говорит Христос: "**не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного**" (Мф.7:21). Часто я решался замолчать, видя, что от моих слов в вас не происходит никакого преуспения; а может быть и происходит, только я по чрезмерности своих требований и желаний уподобляюсь тем, которые слишком пристрастны к деньгам. Как они, сколько ни собирают, всегда думают, что ничего не имеют, так и я, сильно желая вашего спасения, пока не увижу вашего преуспения, думаю, что ничего не сделал, потому что я весьма желаю, чтобы вы достигли самой высшей степени. Я желал бы, чтобы это было так, чтобы это происходило от моего недовольства, а не от вашего нерадения; но боюсь, что мой намек окажется верным. Ведь вы должны согласиться, что если бы была какая-нибудь польза в продолжение такого времени, то нам уже следовало бы прекратить свои беседы; и вам не нужны были бы наши слова, когда их сказано так довольно, что вы могли бы научить и других, если бы вы сколько-нибудь заботились о пользе отсутствующих. Но вы непрестанно имеете нужду в поучениях, и это показывает не что иное, как то, что вы не очень в хорошем состоянии.

Что же делать? Не обличать же только? Прошу и умоляю, старайтесь не о том только, чтобы приходить в церковь, но чтобы уходить и домой, получив какое-нибудь врачество против своих страстей, чтобы если не от нас, то от Писаний заимствовать соответственные врачества. Например, предается ли кто гневу? Пусть внимает чтениям Писаний, и непременно найдет (врачество) или в повествованиях, или в поучениях; в поучениях, когда говорится: "**движение гнева есть падение для человека**" (Сир.1:22), и: "**муж гневливый не благовиден**" (Притч.11:25), и тому подобное; и еще: "**человек злоязычный не исправится**" (Пс.139: 12). Также Христос (говорит): "**гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду**" (Мф.5:22), и пророк: "**гневаясь, не согрешайте**" (Пс.4: 5), и еще: "**проклят гнев их, ибо жесток**" (Быт.49:7). В повествованиях, какие например слышишь о фараоне, исполнившемся великого гнева (Исх.14:5), и о (царе) ассирийском (4Цар.19:35), которые потому и погибли. Одержим ли кто сребролюбием? Пусть послушает, что нет ничего беззаконнее лихоимца, что и самую душу свою он отдает за имущество (Сир.14:1-10); и Христос говорит: "**не можете служить Богу и маммоне**" (Мф.6:24), и апостол: "**корень всех зол есть сребролюбие**" (1Тим.6:10), и пророк: "**если богатство притекает, не прилагайте (к нему) сердца**" (Пс.61:11), и много тому подобного. В повествованиях (слышишь) о Гиезие, Иуде, старейшинах книжников, и что "**дары ослепляют глаза мудрых**" (Втор.16:19). Гордится ли кто? Пусть послушает, что "**если над кощунниками Он посмевается, то смиренным дает благодать**" (Прит.3:34), и: "**начало гордости – удаление человека от Господа**" (Сир.10:14), и: "**мерзость пред Господом всякий надменный сердцем**" (Притч.16:5); а из повествований (знаешь) о диаволе и всех других. Вообще, – невозможно ведь перечислить всего, – пусть каждый избирает из божественных Писаний врачества для своих ран; если не все вдруг, то часть сегодня, часть завтра, и таким образом очистите все. И касательно покаяния, и

исповедания (грехов), и милостыни, и кротости, и целомудрия, и касательно всего найдешь (там) много примеров. "**Все, что писано было прежде, написано нам в наставление**", говорится (Рим.15:4). Если же в них все – для нашего наставления, то станем внимать им, как следует внимать. Для чего мы понапрасну обманываем себя самих? Боюсь, чтобы и о нас кто-нибудь не сказал: "**и проходили дни их в суете и лета их поспешно**" (Пс.77:33). Кто, слушая нас, отстал от зрелищ, кто отстал от любостяжания, кто стал усерднее к милостыне? Я желал бы узнать это, не из тщеславия, но чтобы сделаться ревностнее, видя прекрасный плод трудов своих. Ныне же, как я примусь за дело, видя, что дождь учения нисходил в таком количестве, а нивы наши остаются в том же состоянии и растения нисколько не делаются выше? Уже наступило время жатвы, (готова) веятельная лопата; боюсь, чтобы все не оказалось плевелами; боюсь, чтобы всем нам не быть ввержеными в печь (Мф.3:12). Прошло лето, пришла зима, а мы сидим, и юноши и старцы, одержимые своими страстями. Не говори мне: я не блудодействую. Какая польза, что ты не блудодействуешь, когда ты сребролюбив? Если воробей хотя не всем телом, а только за ногу будет удержан, то он погиб и остался в западне, и уже нисколько не помогут крылья, когда удержана нога: так и ты не пленен блудодеянием, но пленен сребролюбием, а все же пленен. Дело не в том, как ты пленен, но в том, что ты пленен. Не говори ты, юноша: я не сребролюбив; может быть, ты предаешься прелюбодеянию. И оттого опять, какая польза? Невозможно же, чтобы все страсти овладевали нами в одном возрасте; но они разделены, и это по человеколюбию Божию, чтобы, напав на нас вместе, они не сделались неодолимыми, и борьба с ними не была для нас слишком трудною. Какое неразумие – быть не в состоянии побеждать и раздельные страсти, но покоряться им во всякое время, и еще гордиться тем, что укрощается не нашим старанием, но самим возрастом! Не видите ли, какое старание, и упражнение, и труды прилагают возницы, употребляя и хлеб и все другое, чтобы не быть сброшенными с колесниц и влачимыми (по земле)? Видишь, сколько здесь искусства? Часто человек взрослый не может справиться с одним конем; а мальчик, с искусством взявши двух коней легко ведет и управляет ими. У индийцев, говорят, великий зверь и страшный – слон с великою покорностью повинуется пятнадцатилетнему отроку. Для чего я говорю все это? Для того, что если мы при старании укрощаем слонов и диких коней, то тем более (можем укрощать) наши страсти. Почему же мы так нерадивы во всю жизнь? Мы никогда не старались приобрести это искусство; никогда в свободное время, когда нет борьбы, не беседовали друг с другом о чем-нибудь полезном. Нас тогда можно видеть стоящими на колеснице, когда борьба началась, потому-то мы и бываем достойны осмеяния. Не говорил ли я часто: будем упражняться на домашних своих прежде искушения? Мы часто сердимся дома на детей; удержим здесь гнев, чтобы нам легко было обуздывать его пред друзьями. Если бы так мы упражнялись и во всем другом, то во время борьбы не подвергались бы осмеянию. Для других искусств и подвигов ныне есть и оружие, и упражнение, и старание; для добродетели же ничего. Земледелец не осмелится прикоснуться к винограду прежде, нежели хорошо научится земледелию; и кормчий не станет на корме, пока не сделается сведущим в этом деле; а мы, будучи совершенно неопытными, желаем получить первенство. Надлежало бы молчать, надлежало бы ни с кем не иметь общения ни делом, ни словом, пока не укротим зверя, находящегося в нас самих. Не свирепее ли всякого зверя нападают на нас гнев и вожделение? Не выходи на площадь с этими зверями, пока не наложишь хорошо узду на них, пока не укротишь их, пока не сделаешь ручными. Не видишь ли тех, которые водят укрощенных львов по площади, какую они получают прибыль и как им удивляются, что они в бессловесном животном произвели такую кротость? Но если бы внезапно этот зверь рассвирепел, то он разогнал бы всех, находящихся на площади, и сам водящий его подвергся бы опасности и сделался бы виновником погибели других. Так и ты наперед укроти льва, и потом води его с собою, не для того, чтобы собирать серебро, но чтобы получить прибыль, которой нет ничего равного. И действительно нет ничего равного кротости, которая приносит

великую пользу и тем, кто имеет ее, и тем на кого она действует. Будем же достигать ее, чтобы, совершив надлежащим образом путь добродетели, нам сподобиться вечных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 30

"При выходе их из Иудейской синагоги язычники просили их говорить о том же в следующую субботу" (Деян.13:42).

1. Видишь ли мудрость Павла? Он не только привел в удивление (слушавших его) тогда, но и возбудил в них желание – слушать его в другой раз, посеял некоторые семена, но не докончил и не заключил речи, чтобы привлечь и расположить их к себе и чтобы не утомить их сообщением душам их всего вдруг. Он сказал: "**ради Него возвещается вам прощение грехов**" (Деян.13:38); а каким образом, – не показал. После того (писатель) поставляет его на первом месте (ст. 43, 50). Видишь ли, какое (возбудилось в них) усердие? "**Последовали**", говорит, за ними (ст. 43). Почему он не крестил их тотчас же? Еще не пришло время. Надобно было убедить, чтобы они оставались твердыми. "**Когда же собрание было распущено, то многие Иудеи и чтители Бога, обращенные из язычников, последовали за Павлом и Варнавою, которые, беседуя с ними, убеждали их пребывать в благодати Божией. В следующую субботу почти весь город собрался слушать слово Божие. Но Иудеи, увидев народ, исполнились зависти и, противореча и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел**" (ст. 43-45). Смотри, как злоба поражается, когда хочет поразить других. Противоречие тех (иудеев) послужило еще к большей славе этих (апостолов). А прежде те сами просили их (говорить). "**Противореча и злословя**". О, бесстыдство! В чем надобно было с ними согласиться, они тому противоречат. "**Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам**" (ст. 46). Видишь ли, как по причине любопрения (иудеев) они простерли далее свою проповедь, и еще более обратились к язычникам, оправдав и сделав себя свободными от обвинений пред своими (единоплеменниками)? И не сказали: вы недостойны; но – "**сами себя делаете недостойными**", чтобы смягчить речь свою. "**Мы обращаемся к язычникам. Ибо так заповедал нам Господь: Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли**" (ст. 46-47). Чтобы язычники, слыша это, не опечалились, что в случае готовности иудеев они не получили бы этих благ, он приводит следующее пророчество: "**положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли**". "**Язычники, слыша**". Это и самих (апостолов) делало ревностнейшими, когда тем, чем должны были слушая пользоваться иудеи, пользовались язычники, иудеев же более огорчало. "**Язычники, слыша это**", говорит (писатель), "**радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предуставлены к вечной жизни**", т. е. были предъизбраны Богом (ст. 48). Смотри, как скоро, по сказанию его, это принесло пользу: "**и слово Господне распространялось по всей стране**" (ст. 49), т.е. распространялось; как бы так сказал: они не ограничились одною ревностью, но присоединили и дела. Посмотри опять, как они, будучи гонимы, совершают другие великие дела по ревности; они стали действовать решительнее и обратились к язычникам; и послушай, как "**тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам**". Таким образом они намеревались идти к язычникам. Но, смотри, и в этой решимости соблюдалась мера, как и следовало. Если Петр оправдывался, то тем более для них нужно было оправдание, потому что их никто не приглашал туда. Словом: "**первым**" он выразил,

что и тем надлежало (проповедовать); а словом: "**надлежало**" показал, что и им необходимо было. "**Но как вы отвергаете его**", – не сказал: горе вам, или: вы будете наказаны, – но: "**мы обращаемся к язычникам**". Видишь ли, какой великой кротости исполнена эта решимость? "**Но Иудеи, подстрекнув набожных и почетных женщин и первых в городе людей, воздвигли гонение на Павла и Варнаву и изгнали их из своих пределов**" (ст. 50). Видишь ли, что сделали противившиеся проповеди, до какого бесстыдства довели их (женщин)? "**Они же, отрясши на них прах от ног своих, пошли в Иконию**" (ст. 51). Здесь они, наконец, исполнили ту грозную заповедь, которую дал Христос: "**если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших**" (Мф.10:14). Впрочем, они сделали это не вдруг, но когда уже были изгнаны ими. Но и это не повредило ученикам; напротив, они еще более утвердились в слове (Божием), что (писатель) и показывает, присовокупляя: "**а ученики исполнялись радости и Духа Святаго**" (ст. 52). Страдания учителя не останавливают усердия ученика, но делают его еще ревностнейшим. "**В Иконии они вошли вместе в Иудейскую синагогу и говорили так, что уверовало великое множество Иудеев и Еллинов**" (Деян.14:1). Опять входят в синагоги. Смотри, как они не сделались боязливее, после того, как сказали: "**мы обращаемся к язычникам**". Уже тем, что здесь было великое множество (уверовавших), лишают их оправдания. "**Уверовало**" говорит (писатель), "**великое множество Иудеев и Еллинов**". Вероятно, они проповедовали и эллинам. "**А неверующие Иудеи возбудили и раздражили против братьев сердца язычников**" (ст. 2). Возбудили вместе и язычников, как будто недовольно было их одних. Почему же (апостолы) не вышли оттуда? Потому что их не изгоняли, а только притесняли. "**Впрочем они пробыли здесь довольно времени, смело действуя о Господе, Который, во свидетельство слову благодати Своей, творил руками их знамения и чудеса**" (ст. 3). Это придавало им дерзновения, или лучше, их усердие придавало им дерзновения. Потому-то они долгое время нигде не совершали знамений. Самое то, что слушающие веровали, было из числа знамений. Этому содействовало и их дерзновение. "**Между тем народ в городе разделился: и одни были на стороне Иудеев, а другие на стороне Апостолов**" (ст. 4). Не мало служит к осуждению тех и это самое разделение. Здесь происходило то, что сказал Христос: "**не мир пришел Я принести, но меч**" (Мф.10:34). "**Когда же язычники и Иудеи со своими начальниками устремились на них, чтобы посрамить и побить их камнями, они, узнав о сем, удалились в Ликаонские города Листру и Дервию и в окрестности их, и там благовествовали**" (ст. 5-7).

2. Опять, как бы нарочито желая распространить проповедь, когда она получила успех, тогда и изгоняют их (апостолов). Смотри: везде гонения производят великие блага, и гонители остаются побежденными, а гонимые являются славными. Придя в Листру, (Павел) совершает великое чудо, воздвигает хромого и притом громким голосом; а как, послушай. "**В Листре некоторый муж**", говорит (писатель), "**не владевший ногами, сидел, будучи хром от чрева матери своей, и никогда не ходил. Он слушал говорившего Павла, который, взглянув на него и увидев, что он имеет веру для получения исцеления, сказал громким голосом: тебе говорю во имя Господа Иисуса Христа: стань на ноги твои прямо. И он тотчас вскочил и стал ходить**" (ст. 8-10). Для чего громким голосом? Для того, чтобы народ уверовал. И смотри, с каким усердием он внимал словам Павла; это, именно, означается словом: "**слушал**". Видишь ли его любомудрие? Хромота нисколько не препятствовала его усердию – слушать. "**Взглянув на него и увидев, что он имеет веру для получения исцеления**". Он уже обратился внутренне; между тем с другими происходило противное. Наперед исцелялись тела их, а потом уже врачевались их души; этот же не так. Мне кажется, что Павел проникал в самую душу его. "**Вскочил**", говорит, "**и стал ходить**". Знаком совершенного исцеления

было то, что он вскочил. "**Народ же, увидев, что сделал Павел, возвысил свой голос, говоря по-ликаонски: боги в образе человеческом сошли к нам. И называли Варнаву**

Зевсом, а Павла Ермием, потому что он начальствовал в слове. Жрец же идола Зевса, находившегося перед их городом, приведя к воротам волов и принеся венки, хотел вместе с народом совершить жертвоприношение" (ст. 11-13). Но этого доселе нельзя было знать, потому что они говорили на собственном наречии: "**боги в образе человеческом сошли к нам**". Потому (апостолы) ничего не говорили им; но когда увидели венцы, то бросившись разодрали одежды свои. "**Но Апостолы Варнава и Павел, услышав о сем, разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громогласно говорили: мужи! что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки**" (ст. 14, 15). Смотри, как они всегда чуждались славы, и не только не искали ее, но отклоняли и тогда, когда им предлагали ее. Так и Петр говорил: "**что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?**" (Деян.3:12) Также и они говорят. Иосиф говорил о сновидениях: "**не от Бога ли истолкования?**" (Быт.40:8) Подобным образом и Даниил: "**мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих**" (Дан.2:30). И Павел всегда тоже говорил, как например: "**кто способен к сему?**" (2Кор.2:16); и еще: "**не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога**" (2Кор.3:5). Но обратимся к вышесказанному. Народ не просто следовал за апостолами, но как? – просил, чтобы они опять проповедали о том же, и усердие свое показывал на деле. И они, смотри, постоянно вразумляли, а не просто принимали и не льстили. Потому (писатель) и сказал: "**беседуя с ними, убеждали их пребывать в благодати Божией**". А почему (иудеи) прежде не противоречили? Потому что проповедники дотоле молчали. Видишь ли, как они всегда руководились страстью? И не только противоречили, но еще злословили: так злоба никогда не знает пределов! Но посмотри и на решимость (апостолов). "**Вам**", говорится, "**первым надлежало быть проповедану слову Божию,**

но как вы отвергаете его". Ничего оскорбительного (не сказано). Также поступали (иудеи) и с пророками: "**не согласился послушаться**", говорили они, "**мы не слушаем от тебя**" (1Цар.8:19; Иер.44:16). "**Но как вы отвергаете его**", говорится, а не нас, – потому что не к нам относится ваше оскорбление. А чтобы кто не подумал, что они из благоговения "**сами себя делаете недостойными**", для того (Павел) сказал наперед: "**отвергаете его**", и потом: "**обращаемся к язычникам**". Эти слова исполнены великой кротости. Не сказал: мы оставляем вас, – чтобы показать, что можно было опять возвратиться сюда: и это (удаление) делается не вследствие вашего оскорбления, но так нам заповедано. Язычникам надлежит услышать (слово Божие), но то не от нас, а от вас зависит, что они должны будут (услышать) прежде вас. "**Ибо так заповедал нам Господь: Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение**", т.е. в познание спасения, и не просто "**язычникам**", но всем; это, именно, означают слова: "**были предуставлены к вечной жизни**". А это служит признаком, что они приняты по воле Божией. Сказал: "**предуставлены**", чтобы показать, что не по принуждению. "**Кого Он предузнал**", говорит, "**тем и предопределил**" (Рим.8:29). И не только в городе они проповедовали, но и во (всей) стране. Язычники, услышав о том, вскоре и сами стали приходить. "**Но Иудеи**", говорит (писатель), "**подстрекнув набожных женщин, воздвигли гонение**". Смотри: они же были виновниками и сделанного женами. "**И изгнали их**", говорит, "**из своих пределов**", не только из города, но и из всей страны. Потом говорит еще более страшное: "**а ученики исполнялись радости и Духа Святаго**". Учители были гонимы, а они радовались. Видишь ли свойство евангельской проповеди, какую великую она имеет силу? "**Возбудили и раздражили**", говорит, "**против братьев сердца язычников**", т.е. клеветали на апостолов, во многом обвиняли их, их – простосердечных представляли коварными.

3. И смотри, как всегда (писатель) все приписывает Богу. "**Впрочем они пробыли здесь довольно времени**", говорит, "**смело действуя о Господе, Который, во свидетельство слову благодати Своей**". Не подумай, что это служит к унижению их. Когда они проповедовали, – подобно как (о Христе апостол) говорит: "**засвидетельствовал пред Понтием Пилатом**" (1Тим.6:13), – то выражалось их дерзновение; здесь же он говорит по отношению к народу. Потом, увидев нападение, они не медлили: "**удалились в Ликаонские города Листру и Дервию и в окрестности их**", где уже не могла действовать ярость (иудеев), и ходили не только по городам, но и по окрестным странам. Посмотри на простоту язычников и на злобу иудеев. Те делами показали, что они были достойны слушать (апостолов); такую честь они оказывали им только за знамения. Те почитали их за богов, а эти изгоняли их, как людей вредных; те не только не препятствовали проповеди, но и говорили: "**боги в образе человеческом сошли к нам**". А иудеи соблазнялись. "**И называли**", говорит (писатель), "**Варнаву**" "**Варнаву Зевсом, а Павла Ермием**". Мне кажется, что Варнава имел и вид достопочтенный. Не малое было это искушение от излишнего усердия; но апостолы и здесь явили добродетель свою. И смотри, как всегда они все относят к Богу. Будем подражать им и мы; не будем считать ничего своим, так как и сама вера не есть наша собственность. А что она принадлежит не нам, но более Богу, послушай Павла, который говорит: "**и сие не от вас, Божий дар**" (Еф.2:8). Потому не будем высокомудрствовать и превозноситься мы – люди, земля и пепел, дым и тень. Скажи мне, в самом деле, чем ты превозносишься? Тем ли, что ты подал милостыню и раздал имущество? Но что из этого? Подумай, что было бы, если бы Бог не восхотел сделать тебя богатым; подумай о бедных, или лучше – вспомни, сколь многие пожертвовали притом и самим телом своим и многим другим, и пожертвовав считали себя ничего не сделавшими. Ты подал для себя, а Христос (предал Себя) для тебя; ты отдал должное, а Христос не был тебе должен. Вспомни о неизвестности будущего и не высокомудрствуй, но страшись; не унижай добродетели гордостью. Хочешь ли поистине сделать что-либо великое? Никогда не считай своих добрых дел великими. Но ты пребываешь девственником? И те были девами (Мф.25:3), но не получили никакой пользы от девства по своей жестокости и бесчеловечию.

Нет ничего равного смиренномудрию: оно – источник, корень, питатель, основание и союз всего доброго; без него мы жалки, скверны и нечисты. Представь, если хочешь, что кто-нибудь воскрешает мертвых, исцеляет хромых, очищает прокаженных, но с гордостью: ничего не может быть хуже, нечестивее и виновнее его. Не считай ничего своим. Обладаешь ли словом и даром учительства? Не думай, что ты чрез это имеешь что-нибудь больше других. Потому в особенности ты и должен смиряться, что удостоился больших даров. Кому больше "**прощается**", тот должен больше "**возлюбить**" (Лк.7:47). Потому тебе и должно смиряться, что Бог, минуя других, призрел тебя. Поэтому страшись, так как это часто служит и к твоей погибели, если не бываешь внимательным.

Чем ты превозносишься? Тем ли, что учишь посредством слов? Но любомудрствовать на словах легко; научи меня своею жизнью, – вот самый лучший способ учения. Ты говоришь, что надобно быть умеренным, ведешь об этом длинную речь и витийствуешь, разглагольствуя неудержимо. Но гораздо лучше тебя тот, – все скажут, – кто учит меня этому делами. Обыкновенно не столько внедряются в душу наставления словами, сколько делами: и если ты не имеешь дел, то разглагольствуя не только не приносишь пользы, но больше причиняешь вред; лучше бы молчать. Почему? Потому что предлагаешь мне дело невозможное. Если ты, который говоришь так много, – рассуждаю я, – не исполняешь этого, то тем больше я достоин извинения, который ничего не говорю. Потому-то и сказал пророк: "**грешнику же сказал Бог: зачем ты проповедуешь уставы Мои**" (Пс.49:16)? Гораздо больше вреда в том, когда кто, хорошо поучая словами, опровергает свое учение делами. Это стало виною множества зол в церквах. Потому простите, прошу вас, если

речь наша долее остановится на этой страсти. Многие делают многое для того, чтобы, ставши на средине говорить продолжительно; если они удостоятся рукоплесканий от народа, то бывает с ними тоже, как бы получили они царство; если же окончание их речи сопровождается молчанием, то это молчаливое уныние бывает для них мучительнее самой геенны. Это так низвратило церкви, что и вы ищете слышать слово не обличительное, но могущее услаждать вас и произношением и составом речи, как будто вы слушаете певцов и музыкантов, и мы холодным и жалким образом стараемся угождать вашим желаниям, которые следовало бы отвергать.

4. И бывает тоже, как если бы какой отец своему слишком нежному и притом больному сыну давал пирожное, прохладительное и все, что только услаждает, а полезного ничего не предлагал и потом на замечания врачей стал бы говорить в свое оправдание: "что же делать? Я не могу видеть плачущего сына". Несчастный, жалкий, предатель! – ведь я не назову такого отцом - не гораздо ли лучше было бы, причинив кратковременную скорбь возвратить ему совершенное здоровье, нежели временное услаждение сделать причиною всегдашней скорби? Тоже бывает и с нами, когда мы заботимся о красоте выражений, о составе и благозвучии речи, чтобы доставить удовольствие, а не принести пользу, чтобы возбудить удивление, а не научить, чтобы усладить, а не обличить, чтобы получить рукоплескания и отойти с похвалами, а не исправить нравы.

Поверьте мне, – не без причины говорю, – когда слова мои сопровождаются рукоплесканиями, в то время я чувствую нечто человеческое (почему не сказать правды?), радуюсь и услаждаюсь; но когда, возвратившись домой, подумаю, что рукоплескавшие не получили никакой пользы, а если чем и должны были воспользоваться, то потеряли от рукоплесканий и похвал, тогда скорблю, жалею и плачу, думаю, что все я говорил напрасно, и говорю сам себе: какая польза от моих трудов, когда слушатели не хотят получить никакой пользы от слов моих? Неоднократно я думал постановить правило, запрещающее рукоплескания и приглашающее вас слушать в молчании и с должной благопристойностью. Воздержитесь же, прошу вас, послушайте меня и, если угодно, постановим теперь же такое правило, что никому из слушателей не дозволяется рукоплескать в продолжение чьей-либо речи; если кто желает удивляться, то пусть удивляется в молчании; никто этому не препятствует; но все внимание и старание пусть обратится на то, чтобы усвоить сказанное. Но вот, для чего вы рукоплещете? Против этого-то я полагаю правило; а вы не имеете терпения выслушать. Оно будет виною многих благ и училищем любомудрия. Когда внешние (языческие) философы говорили, никогда никто не рукоплескал им; когда и апостолы проповедовали, никогда не случалось, чтобы среди речи их слушатели прерывали говорившего рукоплесканиями. Оно принесет нам великую пользу. Итак, постановим следующее: пусть все слушают в молчании, чтобы мы досказывали все. Ведь если мы после рукоплесканий отойдем, удерживая слышанное, то и тогда эта похвала совершенно бесполезна (но я впрочем не стану строго разбирать, чтобы кто не упрекнул меня в неучтивости); если же в этом нет никакой пользы, но еще вред, то удалим препятствие, прекратим восхищения, оставим душевные восторги. Христос проповедовал на горе; но никто ничего не говорил, пока Он не окончил речь (Мф.5:1;7:28). Я не лишаю возможности рукоплескать тех, которые хотят этого; но еще более поддерживаю их восторг. Гораздо лучше, выслушав в молчании и припоминая (сказанное), рукоплескать во всякое время, и дома и на площади, нежели, растеряв все, возвратиться домой ни с чем, не имея и предмета для рукоплесканий. Не будет ли достоин осмеяния слушатель, не сочтут ли его льстецом и насмешником, если он рассказывает, что учитель говорил хорошо, а что именно говорил, сказать не может? Это свойственно лести. Кто слушал музыкантов и певцов, тому было бы простительно, если бы он не мог передать слышанного подобно им; а здесь не музыка и не пение, но сила суждений и любомудрия, что легко всякому пересказать и передать: как же не признать достойным

осуждения того, кто не может объяснить, почему он хвалит говорившего? Церкви всего более прилично молчание, благочиние. Шум уместен на зрелищах, в банях, на торжествах и площадях; а где преподаются такие догматы, там должно быть спокойствие, тишина, любомудрие и совершенная пристань. Это знайте все, прошу и умоляю. Я изыскиваю все способы, которыми бы мог сделать полезное для ваших душ. Не маловажным мне кажется и этот способ; он может принести пользу не только вам, но и нам. Он не попустить чваниться и домогаться похвал и славы, говорить приятное, вместо полезного, ежеминутно заниматься составом и красотою выражений, вместо силы мыслей. Войди в мастерскую живописца, и найдешь там великую тишину. Так (пусть будет) и здесь. И здесь мы пишем изображения царские, а не простых людей, красками добродетели. Что это? Опять вы рукоплещете? Дело кажется не легким; но это не по свойству (его), а оттого, что вследствие сильной привычки вы еще не научились исполнять его. Кисть наша здесь – язык, а художник – Дух Святый. Скажи мне, при совершении таинств бывает ли шум, бывает ли смятение? Когда мы совершаем крещение или что-либо подобное, не тишина ли и безмолвие объемлет все? Это украшение рассеяно на небе. За то осуждают нас и эллины, что мы все делаем как бы на показ и из честолюбия. Но когда прекратится это, тогда погаснет и страсть – к передним местам. А кто любит похвалы, для того достаточно получить их после слушания, когда он станет собирать плоды. Да, прошу вас, постановим это правило, чтобы исполняя все, как благоугодно Богу, нам сподобиться Его человеколюбия, благодатию и щедротами Единородного Его, Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 31

"Но Апостолы Варнава и Павел, услышав о сем, разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громогласно говорили: мужи! что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу Живому, Который сотворил небо и землю, и море, и все, что в них" (Деян.14:14,15).

1. Смотри, с какою силою апостолы все делают. Они разорвали одежды, бросились, стали взывать громко, и все это – по расположению души, по отвращению к случившемуся и в знак своей скорби. И действительно прискорбно было, поистине неутешной было скорбью то, что их приняли за богов, как будто они вводили идолослужение, которое пришли разрушить. А подстроено это было диаволом. Они же не остаются безмолвными, но что? "**И мы**", говорят, "**подобные вам человеки**". Тотчас же остановили зло в самом начале. Не сказали просто: "**человеки**", но: подобные вам. Потом, чтобы не подумали, что и они почитают богов, послушай, что присовокупляют: "**благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу Живому, Который сотворил небо и землю, и море, и все, что в них**". Смотри: они не упоминают о пророках, и не говорят, для чего (Бог), будучи Создателем всего, попустил язычникам жить по своим законам. "**Который в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями**" (ст. 16). О том, что (Бог) попустил, (Павел) говорит, а для чего попустил, еще не (говорит); останавливается пока на самом нужном, не упоминая и о имени Христа. "**Хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищею и веселием сердца наши**" (ст. 17). Смотри: он не хочет увеличивать вины их, но научает их лучше относить все к Богу. (Апостолы) знали, что не столько должно заботиться о том, чтобы сказать что-либо достойное о Боге, сколько о том, чтобы сказать полезное слушателям. Заметь, как прикровенно он указывает и на вину их. Ведь если (Бог) столько делал для них, то они достойны наказания за то, что, наслаждаясь такими благами, не познали своего Питателя. Но он не говорит этого явственно, а только намекает, говоря: "**подавая нам с неба дожди**". Так и Давид говорил:

"**обогатились от плода пшеницы, вина и елея**" (Пс.4:8); и во многих других местах, когда рассуждает о творении, указывает на это. Иеремия также говорит сначала о творении, а потом о промышлении, являющемся (в ниспослании) дождей. Ими и он руководствуется в своей речи. "**Исполняя**", говорит, "**пищею и веселием сердца наши**". Пища (подается) в изобилии, а не только в довольстве и соответственно нужде. "**И, говоря сие, они едва убедили народ не приносить им жертвы**" (ст. 18). Поэтому они еще более достойны были удивления. Видишь ли, что они о том и заботились, чтобы остановить это безумие? "**Из Антиохии и Иконии пришли некоторые Иудеи и, когда Апостолы смело проповедывали, убедили народ отстать от них, говоря: они не говорят ничего истинного, а все лгут. И, возбудив народ, побили Павла камнями и вытащили за город, почитая его умершим**" (ст. 19). Подлинно сыны диавола! Не только в своих городах, но и вне их они поступают так и употребляют столько же усилий ко вреду проповеди, сколько апостолы к ее утверждению. "**И, возбудив народ**", говорит, "**побили Павла камнями и вытащили за город**". Здесь исполняется сказанное: "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2Кор.12:9). Это больше, нежели воздвигнуть хромого. Язычники приняли их за богов, а иудеи "**убедили, и, возбудив народ**": не всем же было обычно удивление относительно их (апостолов). И смотри, в том же самом городе, в котором столько удивлялись им, они претерпевают страдания; и это было полезно для видевших. А что (Бог) для этого попустил им страдать, послушай, как (сам апостол) указывает на то, когда говорит: "**я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит**" (2Кор.12:6).

"**Когда же ученики собрались около него, он встал и пошел в город**" (ст. 20). Видишь ли его ревность? Видишь ли горячее и пламенное усердие? Он вошел опять в тот же самый город, и отсюда делается явным, что если он (потом) и удалился, то потому, что хотел сеять слово (в других местах) и что не нужно было раздражать ярость их. Это не менее чудес прославляло их и еще более радовало. Нигде не говорится, чтобы они возвратились, радуясь о том, что сотворили знамения, но – что удостоились принять бесчестие за имя Его. Этому научились они от Христа, Который сказал: "**не радуйтесь, что духи вам повинуются**" (Лк.10:20). Истинная и чистая радость – потерпеть что-либо за Христа. Потом они посетили все те города, в которых подвергались опасностям. "**А на другой день удалился с Варнавою в Дервию. Проповедав Евангелие сему городу и приобретя довольно учеников, они обратно проходили Листру, Иконию и Антиохию, утверждая души учеников, увещевая пребывать в вере и поучая, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие**" (ст. 21, 22).

2. Так они говорили, так убеждали. "**Утверждая**", говорит (писатель), "**души учеников**". Таким образом они были утверждаемы и еще более присоединялись. Предсказывали им (страдания), чтобы те не соблазнились, так как следовало одному и тому же быть не только с апостолами, но и с учениками, чтобы они тотчас же с самого начала познали и силу проповеди, и то, что и им надлежит страдать, и чтобы стояли мужественно, не удивляясь только знамениям, но еще более (укрепляясь) против искушений. Потому и сам он сказал: "**таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите**" (Флп.1: 30). Гонения следовали за гонениями, повсюду были брани, преследования, побивание камнями: каково утешение? Как они убеждали, в самом начале беседуя о страданиях? Но вот и другое утешение. "**Рукоположив же им пресвитеров к каждой церкви, они помолились с постом и предали их Господу, в Которого уверовали**" (ст. 23). Видишь ли ревность Павла? "**Помолились**", говорит, "**с постом и предали их Господу**". Вот рукоположение с постом; опять пост, очищение душ наших. "**Потом, пройдя через Писидию, пришли в Памфилию, и, проповедав слово Господне в Пергии, сошли в Атталию**" (ст. 24, 25). Чтобы ученики не пали духом оттого, что принятые за богов

претерпевают такие страдания, – они пришли к ним и беседовали. И заметь: наперед отходят в Дервию, чтобы дать им успокоиться от ярости; а потом опять в Листру, Иконию и Антиохию, уступая им, когда они были раздражены, и опять обращаясь к ним, когда они успокоились. Видишь ли, как они не все совершали благодатию, но иное и собственным тщанием? "**А оттуда отплыли в Антиохию, откуда были преданы благодати Божией на дело, которое и исполнили**" (ст. 26). Для чего приходят опять в Антиохию? Чтобы возвестить о случившемся там. Кроме того, чрез это устрояется и великое дело: надлежало наконец открыто проповедовать язычникам; потому они и приходят возвестить, чтобы те могли знать об этом, – а случилось, что тогда же пришли и возбранявшие беседовать с язычниками, – и чтобы они, получив потом подтверждение из Иерусалима, шли (к язычникам) открыто. Или иначе: из этого обнаруживается их не надменный нрав. Пришедши, они показывают и свое дерзновение, так как они и без тех (апостолов) возвещали язычникам, и послушание, так как извещают их об этом: совершив такие дела, они не возгордились. "**Откуда были преданы**", говорит (писатель), "**благодати Божией**". Дух повелел тогда; но известно, что принадлежащее Духу принадлежит и Сыну, потому что одна у Них власть, как одна природа Сына и Духа. "**Прибыв туда и собрав церковь, они рассказали всё, что сотворил Бог с ними и как Он отверз дверь веры язычникам. И пребывали там немалое время с учениками**" (ст. 27, 28). И следовало, потому что город был большой и имел нужду в учителях. Но обратимся к вышесказанному. Они поразили их самым видом своим, разодравши одежды. Тоже сделал и Иисус Навин после поражения народа (израильского – Нав.7:6). Не подумай, что это недостойно их и их благоповедения: иначе они не остановили бы такого порыва, иначе не угасили бы этого пламени. Так и мы да не оставляем делать то, что бывает нужно. Если и таким образом они едва убедили их, то чего не было бы, если бы они не поступили так? Если бы они не сделали этого, то можно было бы подумать, что они не смиренномудры и более заботятся о собственной чести. И обрати внимание на речь, умеренную в упреке, исполненную вместе удивления и упрека. Это-то особенно и остановило тех, т.е. слово: "**и мы – подобные вам человеки, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу Живому**". Как бы так сказали: хотя мы – люди, но больше этих (богов), потому что они мертвы. Смотри, как они не только останавливают, но и научают, и ничего не говорят о предметах невидимых. "**Который сотворил**", говорит, "**небо и землю, и море, и все, что в них**". Свидетелями называет сами времена. О, неистовство иудеев! Они осмелились придти к народу, столько почтившему апостолов, и побить камнями Павла. Извлекли его за город, может быть боясь народа. "**Они помолились**", говорит (писатель), "**с постом и предали их Господу**". Учили поститься среди искушений. Не говорили о том, что они сами сделали, но "**что сотворил Бог с ними**". Мне кажется, что они говорили об искушениях. Пришли сюда не напрасно и не с тем, чтобы успокоиться, но предусмотрительно будучи руководимы Духом, чтобы более утвердилась проповедь между язычниками. Но почему, скажешь, они не поставили пресвитеров в Кипре и в Самарии? Потому что последняя была недалеко от апостолов, а первый – от Антиохии, отчего слово (там) и поддерживалось; здесь же имели нужду в большем утешении, особенно верующие из язычников, которых надлежало много научать. Они пришли научать, потому что были истинно рукоположены Духом. И посмотри на ревность Павла. Он не спрашивает, должно ли проповедовать язычникам, но тотчас же проповедует; потому он и говорил о себе: "**не стал тогда же советоваться с плотью и кровью**" (Гал.1:16).

3. Подлинно, скорбь – великое благо и украшение великой и благородной души. Как многие уверовали после этого, и никто столько не прославился! Так и нам всегда нужна ревность, великая горячность души и готовность ее к смерти. Невозможно ведь получить царствие иначе, как чрез крест. Не будем же обольщать себя. Если во время войны невозможно спастись, предаваясь неге, заботясь об имуществе, занимаясь торговлею и

оставаясь в беспечности, то тем более во время этой брани. Или вы думаете, что эта брань не жесточе всех других? "**Наша брань**", говорит (апостол), "**не против крови и плоти**" (Еф.7:12). Обедаем ли мы, ходим ли, моемся ли, – враг всегда стоит подле нас. Он не знает времени отдыха, разве только во время сна; но часто и тогда нападает, влагая нечистые помыслы и возбуждая наши страсти сновидениями. А мы, считая маловажным то, из-за чего он нападает, не бодрствуем, не трезвимся, не взираем на множество враждебных нам сил, не думаем, что это самое и есть величайшее бедствие, но среди столь многих браней предаемся неге, как будто среди мира. Поверьте мне, и теперь можно терпеть страдания лютее тех, какие претерпел Павел. Тогда побивали его камнями, а теперь можно быть побиваему словами тяжелее камней. Что же надобно делать? То, что он делал. Он не возненавидел побивающих его, но после того, как извлекли его вон, опять вошел в город, чтобы благодетельствовать столько оскорбившим его. Если и ты перенес оскорбление от обидчика, поступившего с тобою несправедливо, то и ты как бы побиваем был камнями. Не говори: я не сделал ничего худого. А Павел что сделал такое, за что бы побивать его камнями? Он проповедовал о царствии, отклонял от заблуждения, приводил к Богу: это достойно венцов, достойно славы, достойно неисчислимых наград, а не камней, – и, однако, он потерпел противное. Но это и есть блистательная победа. "**И вытащили**", говорит (писатель). И тебя часто влекут. Но ты не гневайся, а проповедуй слово (Божие), посредством кротости. Оскорбил ли тебя кто? Молчи, благословляй, если можешь: таким образом и ты возвестишь слово (Божие), научишь кротости, внушишь смирение. Я знаю многих, которые не столько страдают от ран, сколько от оскорбления словами, потому что рана касается тела, а это – души. Но не будем огорчаться, или лучше, когда мы оскорблены, будем терпеть. Не видите ли, как борцы, будучи ранены в голову, потеряв зубы, спокойно переносят боли? Но здесь не нужно скрежетать, не нужно кусать зубами. Вспомни о твоем Владыке, и это воспоминание тотчас соделается для тебя врачеством; вспомни о Павле; рассуди, что ты, получая рану, остаешься победителем, а тот, нанося рану, побежденным, и этим уврачуешь все. Не увлекайся в (первую) минуту, и ты тотчас исправишь все; не поддавайся (первому) движению, и угасишь все. Великое утешение – потерпеть что-либо за Христа. Если ты не возвещаешь слова веры, то возвещаешь слово любомудрия. Но, скажешь, чем более (обидчик) видит кротости, тем более нападает. Неужели же ты огорчаешься тем, что он умножает для тебя награды? Но, скажут, он делается неукротимым. Это предлог твоего малодушия; напротив, тогда он делается неукротимым, когда ты мстишь. Если бы Бог знал, что вследствие немстительности оскорбители делаются неукротимыми, то не заповедал бы ее, а сказал бы: мсти за себя; но Он знает, что она приносит более пользы.

Не полагай законов, противных Богу; Ему повинуйся; ты не лучше Сотворившего нас. Он сказал: переноси оскорбления; а ты говоришь: я отомщу оскорбителю, чтобы он не сделался неукротимым. Так ты более (Бога) печешься о нем? Это – слова страсти, строптивости, гордости, противления заповедям Божиим. Если бы даже он потерпел от того вред, то не следует ли повиноваться? Когда Бог повелевает что-нибудь, мы не должны полагать законов, противных Ему. "**Кроткий ответ**", говорит (Премудрый), "**отвращает гнев**" (Притч.15:1). Вот, что делает (ответ) смиренный, а не противоречивый. Если это полезно для тебя, то полезно и для него; если же вредно для тебя, который думаешь исправить его, то тем более для него. "**Врач! исцели Самого Себя**" (Лк.4:23). Сказал ли он худо (о тебе)? Ты похвали (его). Поносил ли? Ты превозноси. Замышлял ли зло? Ты окажи благодеяние. Воздай ему противным, если точно печешься о его спасении, а не старайся удовлетворить своей страсти мщения. Но, скажешь, неоднократно испытав мое долготерпение, он сделался хуже. Это касается не тебя, а его. Хочешь ли узнать, что претерпел Бог? Жертвенники Его разрушили, пророков убили (Рим.11:3), а Он перенес все. Не мог ли Он ниспослать молнии свыше? Но после того, как посланных Им пророков убили, Он послал Сына. Когда они обнаруживали большое нечестие, тогда Он оказывал

благодеяния. Так и ты, когда видишь (гневливого) ожесточившимся, тогда тем более уступи, потому что самое ожесточение его имеет нужду в большем послаблении. Чем сильнее он оскорбляет, тем в большей кротости имеет нужду. Подобно тому как горячка, когда особенно усиливается, тогда требует спокойствия, так и ожесточившийся. Когда зверь слишком рассвирепеет, тогда мы все убегаем от него, – так и от гневного. Не подумай, что это честь для него: разве мы хотим почтить зверя или беснующихся, когда убегаем от них? Нисколько. Это – бесчестие и укоризна; или лучше, не бесчестие и укоризна, но снисхождение и человеколюбие. Не видишь ли, как мореплаватели, когда поднимается сильный ветер, спускают паруса, чтобы не потопить корабля? И всадник, когда кони понесут его, дает им волю и не удерживает, чтобы напрасно не истощить (своей) силы.

4. Так поступай и ты. Гнев – это огонь, это сильный пламень, требующий (горючего) вещества; не давай пищи огню, и скоро прекратишь зло. Гнев не имеет силы сам по себе, если кто-либо другой не будет поддерживать его. Ничто не может оправдать тебя. Тот одержим неистовством, и не знает, что делает; а если ты, взирая на него, впадаешь в тоже и не умудряешься его примером, то можешь ли получить прощение? Если бы кто, находясь на пиршестве, увидел другого в преддверии в пьяном и безобразном виде, а потом и сам впал в то же, не будет ли это непростительно тем более, что он упился после того? Так и здесь. Не будем думать, будто можно сказать в оправдание: не я начал; это служит к нашему же обвинению, что мы, видя его, не умудрились; это подобно тому, как если бы кто сказал: убил не я первый. Потому-то ты и достоин наказания, что, видя и пример, не удержал себя.

Если бы ты видел, как пьяный блюет, мучится, терзается, выпучивает глаза, наполняет стол нечистотою, и все убегают от него, а потом сам впал в то же, то не тем ли более ты был бы отвратителен? Таков и гневающийся. Он напрягает жилы более блюющего, распаляет глаза, терзается внутренностями, изрыгает слова гораздо сквернее той пищи, говорит все как бы непереваренное и ничего дельного, – потому что гнев препятствует, – и как там часто избыток мокрот, раздражая желудок, совершенно истощает его, так и здесь избыток жара, возмущая душу, не позволяет скрывать того, о чем лучше бы молчать, и гневающийся говорит все, что следует и чего не следует, посрамляя не слушающих, но самого себя. И как мы убегаем от блюющих, так и от гневающихся. Что мы делаем тогда? Посыплем пепел на их блевотину, тихонько подзовем псов, чтобы они съели изблеванное. Знаю, что вы слушаете с отвращением; но мне хочется, чтобы вы чувствовали то же, когда видите и то состояние, а не услаждались им. Гневливый нечистее пса, возвращающегося на свою блевотину (2Петр.2:22): если бы он, изблевав однажды, перестал, то не был бы подобен ему; если же опять изблевывает тоже, то очевидно, что он пожрал изблеванное. Но что сквернее этого? Что нечистее уст, пожирающих такую пищу? Притом первое есть дело природы, а последнее – нет; или лучше, и то и другое противно природе. Как? Так; гневаться всуе (Мф.5:22) несвойственно природе, но противно ей; потому он и не говорит ничего, как человек, но иное как зверь, иное как беснующийся. Как телесная болезнь противна природе, так и это. А то, что это противно природе, (видно из того), что, если он долго останется в таком состоянии, то мало-помалу погибнет; а оставаясь долго в том, что свойственно природе, не погибнет. Я желал бы лучше разделять трапезу с человеком, питающимся грязью, нежели с произносящим такие слова. Не видите ли, как свиньи пожирают кал? Так и эти. Что в самом деле срамнее слов, которые произносят гневливые? Они как бы стараются не сказать ничего здравого, ничего чистого, но что только есть постыдного, что только есть безобразного, то и стараются сказать и сделать; и что всего хуже, посрамляя более самих себя, думают, будто посрамляют других; а что они посрамляют самих себя, видно из вышесказанного. Не возражай мне, что они говорят ложь. Пусть например отъявленная

блудница, или кто другой из действующих на зрелищах ведет с кем-нибудь ссору; пусть этот скажет ему такие слова, а он этому точно также: кто из них будет более оскорблен такими словами? Тот слышит то, что в нем есть, а этот, чего в нем нет; таким образом в том ничего не прибыло к стыду его, а у этого многое прибавилось к стыду его. Но пусть действительно будут какие-либо дела, о которых знает один только гневливый, и пусть он, молчавши прежде, обнаружит их во время гнева; и в таком случае он более вредит самому себе. Каким образом? Соделываясь провозвестником зла, заслуживая славу бессовестного и неверного; он увидит, как все тотчас будут порицать его и везде говорить так: если бы он знал даже об убийстве, скажут, то и это все высказал бы. Все будут отвращаться от него, как от нечеловека, ненавидеть его, называть свирепым и диким зверем, и скорее простят тому, нежели ему. Мы не столько отвращаемся от тех, которые имеют раны сколько от тех, которые стараются обнажить и показать их. Так и он оскорбляет не того только, но и самого себя и слушающих и всю вообще природу человеческую; он поразил слушателя, но ничего доброго не сделал! Потому Павел и говорит: "**дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования**" (Еф.6:19). Будем же иметь язык, изрекающий доброе, чтобы снискать любовь и благорасположенность. Но зло дошло до того, что многие хвалятся тем, чего надлежало бы стыдиться. Многие произносят такую угрозу: ты не устоишь, говорят, против языка моего. Такие слова свойственны женщине пьяной и беспорядочной, старухе непотребной, которую преследуют на торжище. Нет ничего постыднее этих слов; нет ничего недостойнее мужа, ничего женоподобнее, как в языке полагать свою силу и хвалиться злословием, подобно действующим на зрелищах, подобно шутам, тунеядцам и льстецам. Боле свиньи, нежели люди, – те, которые этим хвалятся. Тебе надлежало бы скрыть это от самого себя, и если бы кто другой сказал тебе об этом, надлежало бы бежать от слов его, как враждебных и недостойных мужа; а ты сам делаешься провозвестником укоризн. Но ты нисколько не повредишь слушающему от тебя злое. Потому, увещеваю, уразумев, как велико это зло, которым многие даже хвалятся, опомнимся, исправим преданных этому безумию, изгоним из города такие общества, благоустроим наш язык и воздержим его от всякого злословия, чтобы, очистившись от грехов, мы могли приобрести благоволение свыше и сподобиться человеколюбия Божия, благодатию и щедротами Единородного Его, с Которым Отцу, со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 32

"И пребывали там немалое время с учениками. Некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись" (Деян.14:28; 15:1).

1. Смотри, как везде (иудеи) сами подают повод и вынуждают (апостолов) обращаться к язычникам. Прежде, будучи порицаем, (Павел) оправдывался и в свое оправдание сказал все, что делало слово его удобоприемлемым; а затем, когда иудеи отвратились, пошел к язычникам. Теперь опять, видя новое затруднение, он поставляет закон. Так как они (Павел и Варнава), как наученные Богом, говорили без различия всем, то это и возбудило ревность в тех из иудеев, которые учили не только обрезанию, но и тому, что (без него) "**не можете спастись**". Благовременно было сказать напротив: "**если обрежетесь, не можете спастись**". Видишь ли беспрестанные искушения извнутри и извне? Хорошо, что это происходит в присутствии Павла, который мог сделать возражение. Но Павел не сказал: что же? Неужели я не заслуживаю доверия после таких знамений? — а поступил кротко для них же. И смотри: все после этого узнают о случившемся с язычниками, даже и самаряне, и радуются. "**Когда же произошло разногласие и немалое состязание у Павла и Варнавы с ними, то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к Апостолам и пресвитерам в Иерусалим. Итак, быв**

провожены церковью, они проходили Финикию и Самарию, рассказывая об обращении язычников, и производили радость великую во всех братиях. По прибытии же в Иерусалим они были приняты церковью, Апостолами и пресвитерами, и возвестили всё, что Бог сотворил с ними и как отверз дверь веры язычникам" (ст. 2-4). Смотри, как это благоустрояется. "**Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезывать язычников и заповедывать соблюдать закон Моисеев. Апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения сего дела. По долгом рассуждении Петр, встав, сказал им: мужи братия! вы знаете, что Бог от дней первых избрал из нас меня, чтобы из уст моих язычники услышали слово Евангелия и уверовали**" (ст. 5-7). Смотри, как Петр доселе сообщается с иудеями, будучи давно уже отделен от этого (общения). "**Вы знаете**", говорит. Вероятно, здесь были и обвинявшие его прежде за Корнилия, и входившие вместе с ним (в дом Корнилия — Деян.11:12); потому он приводит их в свидетели. "**Бог от дней первых из нас избрал**". Что значить: "**из нас**"? Т.е., говорит, в Палестине, или — в присутствии вашем. "**Из уст моих**". Смотри, как он показывает, что Бог говорит чрез него, а не что-либо человеческое. "**И Сердцеведец Бог дал им свидетельство**". Указывает им на свидетельство Духа. "**Даровав им Духа Святаго, как и нам**" (ст. 8). Смотри, как везде он равняет язычников (с иудеями). "**И не положил никакого различия между нами и ими, верою очистив сердца их**" (ст. 9). По вере одной, говорит, они получили тоже самое. Это служит к стыду иудеев, или лучше, может и их научить, что нужна одна вера, а не дела (закона) и не обрезание. Говоря это, (апостолы) желают не оправдать только язычников, но научить и иудеев — оставить закон. Впрочем они еще не выражают этого. "**Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они**" (ст. 10. 11). Что значит: "**искушаете Бога**"? Что не веруете, говорит, Богу? Что искушаете Его, как будто Он не может спасти верою? Следовательно, держаться закона есть (знак) неверия. Затем показывает, что они и сами не получают от того никакой пользы, но все слагает на закон, а не на них, и таким образом смягчает обличение. "**Которого**", говорит, "**не могли понести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они**". Какой силы исполнены эти слова! Он говорит тоже, о чем пространнее сказал Павел в послании к Римлянам: "**если Авраам оправдался делами**", говорит он, "**он имеет похвалу, но не пред Богом**" (Рим.4:2). Видишь ли, что это служит более к научению (иудеев), нежели к оправданию язычников? Если бы он говорил об этом без особенного повода, то может быть не выразил бы такого замечания; но получив тогда повод, он уже говорит безбоязненно. И смотри, как везде действия врагов обращаются в пользу апостолов. Если бы они не подали повода, то не было бы изречено ни это, ни то, что следует за этим. А отсюда они научаются, что хотя бы язычники и не захотели обратиться, и тогда не следует презирать их. Но обратимся к вышесказанному. В вас, говорит, "**избрал**", и "**от**

дней первых". Этими словами показывает, что (это было) давно, а не теперь. Не маловажно и то, что это относится к верующим иудеям. Двумя обстоятельствами подтверждается сказанное: временем и местом. Хорошо также сказано: "**избрал**", не сказал: благоволил как бы к ним, но: "**избрал**". Откуда это известно? От Духа, говорит. Потом показывает, что не о благодати только, но и о добродетели их свидетельствует то, что им дано нисколько не менее. "**По долгом рассуждении**", говорит, "**между нами и ими**". Следовательно везде должно исследовать сердца. Благовременно сказал: "**Сердцеведец Бог дал им свидетельство**", подобно как в том месте: "**Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи**" (Деян.1:24). А что это угодно (Богу), смотри, что присовокупляет: "**по долгом рассуждении между нами и ими**". Сказав о свидетельстве касательно них, потом изрекает великую истину, которую возвещает Павел: "**ни обрезание, ни необрезание**" (Гал.5:6), и еще: "**создать в Себе Самом**" (Еф.2: 15). Семена

всего этого заключаются в речи Петра. Не сказал: между обрезанными, но: "**между нами**", т.е. апостолами. Потом, чтобы не огорчить словом: "**никакого**", прибавляет: "**верою очистив сердца их**", и таким образом разрешает недоумение. Сначала он изъяснил предмет речи, а потом показывает, что не закон худ, но они сами слабы.

2. Смотри, как он устрашает в конце речи. Он ничего не говорит им из пророков, но (ссылается) на настоящие события, которых они сами были свидетелями. Вероятно, и они потом свидетельствуют и подтверждают речь его событиями. И заметь, (Петр) дает сначала произойти рассуждению в Церкви, и потом говорит. Так как он говорил не об обрезанных, а о язычниках (одно, постепенно подтверждаясь, делалось более доказательным, а другое было свойственно испытующему, можно ли спастись при законе), то смотри, что он делает: он показывает, что они сами в опасности, если закон не мог сделать того, что сделала вера; если же недостает веры, то неизбежно им угрожает погибель. Не сказал: вы не веруете, что было бы слишком тягостно, когда притом самое дело доказывало это. В Иерусалиме не было язычников, а в Антиохии они, конечно, были; потому (Павел и Варнава) и отправляются туда и пребывают там немалое время. Восстали же некоторые из фарисеев, еще страдавшие любоначалием и желавшие подчинить себе верующих из язычников. Павел также был научен в законе, но не страдал этим недугом; по прибытии же его (из Иерусалима) учение стало более точным, так как если находящиеся в Иерусалиме не заповедуют ничего такого, то тем более (не должны заповедовать) они. Видишь ли, как они не страдают любоначалием, радуются о вире? Таким образом рассказы их были не из честолюбия и не из тщеславия, но для оправдания проповеди к язычникам; потому они и не говорят ничего о случившемся с иудеями. Велико упорство фарисеев, после веры налагающих закон и не повинующихся апостолам! Но посмотри, как эти беседуют кротко и без самолюбия; такие беседы приятны и сильнее напечатлеваются. Видишь ли, как они никогда не заботятся о красноречии, но доказывают делами и Духом? И при таких доказательствах они беседуют кротко. И смотри: они не идут порицать бывших в Антиохии, но отсюда опять берут повод (к своим распоряжениям). Таким образом заботились о любоначалии те, которые были осуждены и без намерения апостолов. Впрочем, ничего такого они не произносили; но когда уже решили дело, тогда и написали с большею силою. Так кротость всегда есть великое благо; кротость, говорю, а не холодность; кротость, а не лесть, — потому что эти свойства весьма различны между собою.

Ничто не раздражало Павла, ничто — Петра. Если ты имеешь доказательства, то для чего гневаешься? Не для того ли, чтобы сделать и их недействительными? Никогда не может убедить гневающийся. Вчера мы рассуждали о гневе; ничто не препятствует говорить (о том же) и сегодня; частое повторение, может быть, и сделает что-нибудь. И лекарство, имеющее силу исцелить рану, если не будет прилагаемо часто, испортит все. Не подумайте же, будто от невнимания к вам мы часто говорим об одном и том же; если бы мы не обращали внимания, то и не говорили бы; но мы потому теперь говорим это, что надеемся принести вам великую пользу. О, если бы мы постоянно говорили об одном и том же! О, если бы у нас не было ни другого предмета разговоров, ни другой заботы, кроме того, как бы обуздать наши страсти! Не странно ли, — тогда как у царей, живущих в изобилии и такой чести, нет другого разговора ни за столом, ни в иное время, кроме того, как бы победить врагов, для чего они и делают каждый день совещания, собирают военачальников и воинов, требуют податей и в гражданских делах считают необходимыми иметь в виду эти два обстоятельства, как бы победить врагов и устроить в мире своих, мы не хотим даже во сне рассуждать о таких предметах? О том, как бы купить поле, как (приобрести) рабов и увеличить имущество, мы рассуждаем каждый день и не знаем сытости; а о наших, поистине наших делах не хотим ни сами говорить, ни других говорящих о том слушать. О чем же, скажи мне, желаешь ты беседовать? Об обеде? Но об

этом говорить свойственно поварам. О деньгах? Но это — (дело) купцов и торговцев. О строениях? Но это — архитекторов и домостроителей. О земле? Но это — земледельцев. Наше же дело не иное какое, а то, как бы стяжать богатство для души. Потому да не будет вам противно наше слово. Отчего никто не осуждает врача, постоянно рассуждающего о врачебном искусстве, ни других художников, рассуждающих о своих художествах? Если бы наши страсти были так укрощены, что не нужно было бы и напоминать о них, то справедливо могли бы нас упрекать в честолюбии и тщеславии. Впрочем и тогда не (могли бы). Если бы они и были укрощены, и тогда нужно было бы говорить, чтобы не впасть в них снова. И врачи беседуют не только с больными, но и с здоровыми; есть у них и книги такого содержания, чтобы одних исцелять от болезни, а другим сохранять здоровье. Так и нам, хотя бы мы и были здоровы, не следует уклоняться, но делать все, чтобы сохранить свое здоровье.

3. Если же мы больны, то для нас вдвойне нужны эти беседы: во-первых, чтобы исцелиться от болезни; во-вторых, чтобы исцелившись не впасть в нее снова. Итак, мы будем беседовать ныне по способу врачебному, а не по такому, какой приличен в здоровом состоянии. Каким же образом можно исторгнуть эту злую страсть? Как утолить эту сильную горячку? Посмотрим, откуда она произошла, и уничтожим причину. Откуда же она обыкновенно происходит? От надменности и великой гордости. Уничтожим эту причину, и вместе уничтожится болезнь. А что такое надменность? Откуда она происходит? Может быть, мы находимся в опасности найти еще другое начало. Таким образом, какую (причину) укажет нам слово, на ту и устремимся, чтобы исторгнуть зло в основании и с корнем. Откуда же надменность? От того, что мы не испытуем себя самих; о свойствах земли, хотя мы и не земледельцы, стараемся узнать, также о свойствах растений, о свойствах золота, хотя мы и не торговцы, об одеждах и обо всем, а относительно нас самих и нашей природы не стараемся этого делать. Но кто же, скажешь, не знает собственной природы? Многие, и может быть все, кроме немногих. Если угодно, отсюда я и начну обличение. Скажи мне: что такое человек? Если кого спросить: чем он отличается от бессловесных, как он сроден существам небесным, что может сделаться из человека, — мог ли бы он отвечать правильно? Не думаю. Как о какой-нибудь вещи, так и о человеке (можно сказать): человек есть существо; но он может сделаться и ангелом и зверем. Не странными ли кажутся вам эти слова? Но вы часто слышали их в Писаниях; там о некоторых людях говорится, что "**он вестник Господа Саваофа**"; "**и закона**", говорит, "**ищут от уст его**" (Мал.2:7); и еще: "**Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною**" (Мал.3:1); О некоторых же, что они - змеи, "**порождения ехиднины**" (Мф.12:34). Так, по собственному настроению, он может быть всем, и ангелом, и человеком. Что я говорю ангелом? И сыном Божиим: "**Я сказал**", говорит (Писание), "**вы - боги и все - сыны Вышнего**" (Пс.81:6). А еще важнее то, что он сам имеет власть делаться и богом, и ангелом, и сыном Божиим. Человек даже созидает ангела. Может быть вас изумляют эти слова? Но послушайте, что говорит Христос: "**в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы**" (Мф.22:30), и еще: "**кто может вместить, да вместит**" (Мф.19:12). Вообще ангелами делает добродетель, а добродетель в нашей власти; следовательно, мы можем созидать ангелов, если не по естеству, то по произволению. Без добродетели нет никакой пользы быть ангелом по естеству; это доказывает диавол, бывший таким прежде; а с нею нет никакого вреда быть человеком по естеству; это доказывают Иоанн, бывший человеком, и Илия, восшедший на небо, и все, имеющие отойти туда. Им и тело не воспрепятствовало обитать на небе; а те, будучи бес-телесными, не могли остаться на небе. Потому пусть никто не скорбит и не жалуется на свою природу, как бы она препятствовала, но на свое произволение. Тот лев сделался из бестелесного: се, говорит (апостол), "**противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить**" (1Петр.5:8); а мы (делаемся) ангелами из телесных. Подобно тому, как кто-либо, нашедши драгоценное вещество,

напр., жемчуг, или перл, или другое что подобное, и пренебрегши им, как не сведущий в таких вещах, понес бы великую потерю, так и мы, если не будем знать своей природы, то совершенно пренебрежем ею; если же познаем ее, то окажем великое попечение и получим величайшую пользу, потому что из нее бывает царская одежда, из нее — царское жилище, из нее — царские члены, (из нее) — все царское. Не будем же злоупотреблять ко вреду своему собственною природою. "**Ты умалил его малым чем пред Ангелами**" (Пс.8:6), т.е. смертью; но и это мы получили на малое время. Итак, ничто не препятствует нам приблизиться к ангелам, если мы захотим. Да будет же, да будет в нас это желание, чтобы нам, совершив свой подвиг, воссылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 33

"После же того, как они умолкли, начал речь Иаков и сказал: мужи братия! послушайте меня. Симон изъяснил, как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое. И с сим согласны слова пророков, как написано" (Деян.15:13-15).

1. (Иаков) был епископом иерусалимской Церкви, – потому он и говорит последний. Здесь исполняется сказанное: "**устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово**" (Мф.18:16). Посмотри и на благоразумие его: он подтверждает свое слово новыми (учителями) и древними пророками, так как он не мог указать на какое-либо событие, подобно Петру или Павлу. И хорошо устрояется, что это произошло чрез тех, которые не намеревались остаться в Иерусалиме, а этот (Иаков) поучающий их, не был подчинен им, хотя и не отделялся от их мнения. Что же он говорит? "**Мужи братия! послушайте меня. Симон изъяснил**". Некоторые говорят, что этот (Иаков) есть тот самый, о котором упоминает Лука (Лк.5:10); иные (разумеют) другого, соименного ему. Тот ли он или другой, нет нужды исследовать; а только следует принять, как необходимое, то, что сказано им. "**Мужи братия**", говорит он. Велико смирение этого мужа и совершенна эта речь; она полагает конец делу. "**Как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое. И с сим согласны слова пророков**". Хотя он издавна был известен, но как не был непререкаем, не будучи древним, то присовокупляет древнее пророчество и говорит: "**как написано: потом обращусь и воссоздам скинию Давидову падшую, и то, что в ней разрушено, воссоздам, и исправлю ее, чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы, между которыми возвестится имя Мое, говорит Господь, творящий все сие**" (ст. 15-17). Как? Разве Иерусалим не был возобновлен и после опять не был разрушен? Но не об этом он говорит здесь. О каком же, скажешь, он говорит возобновлении? О том, которое было после (плена) Вавилонского. "**Ведомы Богу от вечности все дела Его**" (ст. 18). Непререкаемы слова его; здесь (говорит) нет чего-либо нового, но все предъизображено от начала. Затем следует его мнение. "**Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от осквернения идолами, от блуда, удавленины и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе. Ибо закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и читается в синагогах каждую субботу**" (ст. 19-21). Так как они еще не слыхали из закона (об этом предмете), то он прилично приводит изречение из закона, чтобы не показалось, что он нарушается. Но, смотри, он не допускает их выслушать это от закона, но от себя самого: "**Посему я полагаю**", т.е. выслушав от меня самого, не от закона. Потом постановляется общее решение. "**Тогда Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили, избрав из среды себя мужей, послать их в Антиохию с Павлом и Варнавою, именно: Иуду, прозываемого Варсавою, и Силу, мужей, начальствующих между братиями**" (ст. 22). Смотри: они не просто постановляют это, но чтобы решение было достоверно и чтобы прибывшие с Павлом не подверглись подозрению, посылают тех от себя. И смотри, как

сильно они укоряют (противников) в своем послании: "**написав и вручив им следующее: "Апостолы и пресвитеры и братия – находящимся в Антиохии, Сирии и Киликии братиям из язычников: радоваться. Поелику мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон, чего мы им не поручали**" (ст. 23, 24). Обличение, достаточное для неразумия тех и достойное кротости апостолов, которые не сказали ничего более. "**То мы, собравшись, единодушно рассудили, избрав мужей, послать их к вам с возлюбленными нашими Варнавою и Павлом, человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа**" (ст. 25. 26). Чтобы показать, что не самовластно, что это всеми "**единодушно**", что они пишут это с рассуждением, он сказал: "**избрав**" от нас "**мужей**". А чтобы не показалось порицанием Павла и Варнавы то, что посылают тех, смотри похвалу им: "**человеками**", говорит, "**предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа. Итак мы послали Иуду и Силу, которые изъяснят вам то же и словесно**" (ст. 27, 28). Следовательно, это не человеческое (учение), если "**Святому Духу**" так "**угодно**". "**И нам не возлагать на вас никакого бремени**" (ст. 28). Опять закон называют бременем. Потом делают оговорку касательно следующего: "**более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите**" (ст. 29). Новый (закон) этого не предписывал: Христос нигде не говорит об этом; но они заимствуют это из закона. "**И удавленины**", говорит. Здесь запрещается убийство. "**Итак, отправленные пришли в Антиохию и, собрав людей, вручили письмо. Они же, прочитав, возрадовались о сем наставлении**" (ст. 30, 31). Потом, чтобы показать, что и те утешали их, (писатель) присовокупил: "**Иуда и Сила, будучи также пророками, обильным словом преподали наставление братиям и утвердили их. Пробыв там некоторое время, они с миром отпущены были братиями к Апостолам**" (ст. 32, 33).

2. Прекратились несогласия и распри, – потому, утвердив их, они и отошли с миром. С Павлом у них были состязания, но Павел и после того учит. Так, в Церкви не было никакой надменности, но великое благочиние. И смотри: после Петра говорит Павел, и никто не останавливает его; Иаков ожидает и не выступает вперед, хотя ему предоставлено было первенство. Ничего не говорит здесь Иоанн, ничего и прочие апостолы, и хотя молчат, но не огорчаются: так душа их была чужда тщеславия! Но обратимся к вышесказанному. "**После же того, как они умолкли**", говорит (писатель), "**начал речь Иаков и сказал: Симон изъяснил, как Бог первоначально призрел**". Сначала говорил Петр сильнее, а потом этот кротче. Так всегда нужно поступать тому, кто имеет большую власть, укоризны предоставлять другим, а самому говорить с большею кротостью. Хорошо он сказал: "**Симон изъяснил**", как бы и тот выражал мнение других. Смотри, насколько древним он представляет это дело. "**Призрел**", говорит, "**на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое**". Не просто "**призрел**", но "**во имя Свое**", т.е. во славу Свою. Не стыдится называть славою имени Его принятие язычников, так как это большая слава. Здесь он указывает на нечто великое. На что же? На то, что они, говорит, (приняты) "**первоначально**". "**Потом**", говорит, "**обращусь и воссоздам скинию Давидову падшую**". Кто рассмотрит внимательно, тот найдет, что царство Давида стоит и теперь. Если царствует Потомок его, то, конечно, существует и его царство. Какая польза от зданий и города, когда нет подданных? И какой вред от разрушения города, когда все готовы отдать за него души свои? Таким образом, оно не только стоит, но еще сделалось знаменитее всех, потому что прославляется теперь по всей вселенной. Исполнилось одно; должно исполниться и другое. Сказав: "**и воссоздам**", присовокупляет и причину, для чего это, именно: "**чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы**". Если город восстановлен для того, кто (произошел) от них, то очевидно, что причиною создания города было призвание язычников. Кто эти "**прочие**"?

Те, которые остались тогда (не принятыми). Но, смотри, он соблюдает порядок и поставляет их на втором месте. "**Говорит Господь**", говорит, "**творящий все сие**". Не только глаголет, но и творит. Следовательно, призвание язычников есть дело Божие. Впрочем, дело шло о другом, – как выразил ясно и Петр, – о том, что не должно обрезываться язычникам. Для чего же ты говоришь это? Они не то говорили, что не должно принимать их, когда они веруют, но то, что (должно принимать) с соблюдением закона. Петр хорошо объяснил и это; но так как это более всего смущало слушателей, то Иаков опять обращает на это внимание. И смотри: то, что нужно положить за правило – не соблюдать закона, дока-зал Петр; а о том, что свойственно нам и давно было принято, говорит (Иаков) и особенно останавливается на том, о чем ничего не было писано, чтобы, уврачевав ум их напоминанием о допущенном, удобно доказать и это. "**Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу**", т.е. не отвращать их. Если Бог призвал, а соблюдение закона отвращает их, то (в этом случае) мы воюем против Бога. Хорошо он сказал: "**из язычников**", показывая тем и Божие о них смотрение свыше, и их покорность и готовность к призванию. Что значит: "**я полагаю**"? Иначе сказать: со властью говорю, что это так. "**А написать им**", говорит, "**чтобы они воздерживались от осквернённого идолами, от блуда, удавленины и крови**". Хотя это касается предметов телесных, но необходимо воздерживаться от них, потому что они производили великое зло. А чтобы кто-нибудь не возразил: почему мы не предписываем того же иудеям? он присовокупил: "**ибо закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его**", т.е. Моисей непрестанно говорит им об этом, – что и означают слова: "**и читается в синагогах каждую субботу**". Смотри, какое снисхождение! В чем (закон) не причинял вреда, в том (апостол) оставил (его) им наставником, и между тем даровал благодать ни в чем не стесняющую, повелев иудеям повиноваться ему во всем и не подчиняя (ему) верующих из язычников. Таким образом, чем по-видимому почтил его и удержал власть его над своими, тем самым устранил от него язычников. Почему же они (иудеи) не научаются от него? По своему непокорству. Отсюда он показывает, что и им ничего более не следует соблюдать (из закона). Если же им не предписывается об этом, то не потому, чтобы они должны были соблюдать что-нибудь более, но потому, что они имеют учителя. Не сказал: не соблазнять их, или: "**превратить**", как сказал Павел к Галатам (1:7), но: "**не затруднять**", чем означается не иное какое-либо действие, как только отягощение. Таким образом он разрешил все. По-видимому, он заповедует соблюдать закон, потому что из него заимствует эти (предписания), но (в действительности) он отрешил от него, заимствуя только это. Часто было говорено им об этом, но (говорит и он), чтобы показать, что он уважает закон, и притом говорит не от лица Моисея, а от лица апостолов, и, для исполнения многих заповедей, избрал одну. Это особенно и успокоило их. Итак самое разногласие произошло по смотрению (Божию), чтобы после разногласия учение сделалось более твердым. "**Тогда**", говорит (писатель), "**Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили, избрав из среды себя мужей**". Не каких-нибудь, но "**избрав из среды себя**" посылают, после избрания. "**Послать их в Антиохию**" говорит, где народилась болезнь.

3. Смотри, как они не говорят против тех ничего оскорбительного, но заботятся только об одном, чтобы исправить случившееся: это и расположило тамошних возмутителей принять решение. Не сказали: вы прельстители, губители, и тому подобное. Когда нужно было, то Павел поступал так, наприм., когда он говорит: "**о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства**" (Деян.13:10); но здесь, когда дело было уже исправлено, не было в этом нужды. И смотри: не говорят: "**что некоторые, вышедшие от нас**" повелели вам соблюдать закон, но: "**смутили вас своими речами**". Невозможно выразиться точнее; никто не сказал бы так (хорошо). "**Души**", говорит, уже утвержденные, "**поколебали**", как бы в здании перелагая уже положенное другими. "**Чего мы им**", говорят, "**не поручали**". "**То мы, собравшись, единодушно рассудили, избрав мужей,**

послать их к вам с возлюбленными". Если они **возлюбленные**, то не пренебрегут ими; если "**предавшими души свои**", то они достойны доверия. "**Итак**", говорит, "**мы послали Иуду и Силу, которые изъяснят вам то же и словесно**". И следовало явиться не одному только посланию, чтобы не сказали, что сократили (определение), сказали одно вместо другого. Похвала, приписанная Павлу, заградила им уста. Потому и отправляются не один только Павел, или Варнава, но и другие от Церкви, чтобы не смотрели на него с подозрением, так как он держался того же учения, и не одни только посланные из Иерусалима. Показывает, как они достойны доверия; они не превозносятся, говорит, не столь неразумны; потому и прибавил: "**человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа**". А почему сказано: "**ибо угодно Святому Духу и нам**", тогда как достаточно было бы сказать: "**Святому Духу**"? "**Святому Духу**" – сказано для того, чтобы не подумали, что это человеческое (учение), а "**нам**" – для того, чтобы внушить, что и они сами принимают это, хотя и принадлежат к обрезанным. "**Не возлагать на вас**", говорит, "**никакого бремени**". Говорят это потому, что обращают речь к людям немощным и находившимся в страхе; потому и прибавляют это. Но в то же время показывает, что определение является не по снисхождению, не потому будто щадили их, как немощных, – напротив, великое было тогда уважение к учителям, – но потому, что это было бы излишним бременем. Смотри, как кратко послание и не заключает в себе ничего лишнего, ни хитросплетений, ни умозаключений, но только определение: оно было законоположением Духа. Бременем же называют (закон) в разных местах. И опять: "**собрав людей, вручили письмо**". По (прочтении) послания и сами обратились (к ним) со словом; а это нужно было, чтобы освободиться от всякого подозрения. "**Иуда и Сила**", говорит (писатель), "**будучи также пророками, обильным словом преподали наставление братиям и утвердили их**" (ст. 32). Показывает, как они были достойны доверия. Мог (сделать это) и Павел; но следовало и им. "**Пробыв там некоторое время, они с миром отпущены**" (ст. 33). Уже нет распри, нет разногласия! Тогда, мне кажется, они приняли десницы (апостолов), как сам Павел говорит: "**подали мне и Варнаве руку общения**" (Гал.2:9). Говорит также: "**не возложили на меня ничего более**" (ст. 6), потому что они приняли его мнение и с уважением одобрили. Показывает, что и по человеческому соображению, а не только от Духа, можно видеть, что (язычники) совершали грехи неудобоисправимые; это не требует (вразумления) Духа. Показывает также, что прочее не необходимо и даже излишне, если только это необходимо. "**Соблюдая сие**", говорят, "**хорошо сделаете**". Выражает, что этого достаточно для них и ничего более ненужно. Можно было (заповедать) и без послания; но, чтобы закон был заключен в письмени, они пишут послание. И опять, чтобы было это повиновение закону, и они тем говорили, и те исполняли, и "**с миром**". Да не соблазняют и нас еретики. Смотри, сколько было соблазнов в начале (евангельской) проповеди; не говорю о внешних, – эти ничего не значили, – но о внутренних. И, во-первых, Анания, потом ропот, затем Симон волхв, потом негодование на Петра за Корнилия, затем голод, и, наконец, это самое главное из зол.

Действительно, как скоро является какое-либо добро, то невозможно, чтобы не примешалось и зло. Не будем же смущаться, если некоторые соблазняются, но и за них будем благодарить Бога, что Он делает нас более опытными. Не скорби только, но и сами искушения делают нас более славными. Держащийся истины, если никто не совращает его, не был бы крепким любителем истины; а когда многие совращают его, тогда он делается славным. Что же? Не для этого ли и бывают соблазны? Не говорю, что будто бы Бог производит их, – да не будет! – но Он и чрез это зло благодетельствует нам, хотя сам отнюдь не желает его. Дай им, говорит Он, "**да будут все едино**" (Ин.17:21). Если же бывают соблазны, то и они нисколько не вредят им, но приносят пользу. Как мученикам невольно приносят пользу те, которые влекут их на мучение, а Бог отнюдь не побуждает их к тому, так и здесь. Не будем же взирать на то, что (многие) соблазняются. То самое и

служит знаком превосходства нашего учения, что многие притворно подражают ему; ведь если бы оно не было хорошо, то они не представлялись бы подражающими. Раскрою это вам яснее.

4. Благовонные масла имеют подделывателей, как например, лист амома. Так как они редки и нужны, то и бывает много поддельных. Никто не станет подделывать что-нибудь другое из вещей дешевых. Так и чистая жизнь имеет многих подделывателей; никто не решится казаться пребывающим в нечистоте, но пребывающим в иночестве. Что же мы будем отвечать эллинам? Вот приходит эллин, и говорит: я хочу быть христианином, но не знаю, к кому присоединиться, – у вас много несогласий и распрей, и великое смятение. Какое мне избрать учение? Какое предпочесть? Каждый говорит: я содержу истину. Кому верить, когда я совершенно ничего не знаю в Писаниях? И те (еретики) представляют тоже самое. Точно, это бывает между нами. Но если бы мы говорили, что нужно верить умствованиям, то ты справедливо мог бы смущаться; если же мы говорим, что (нужно) веровать Писаниям, которые просты и истинны, то тебе легко (найти) требуемое. Кто согласен с (Писаниями), тот христианин; а кто не согласен с ними, тот далек от этого правила. А что, если он придет и скажет: Писание говорит так, а ты говоришь другое, и вы изъясняете Писания иначе, извращал смысл их? Но, скажи мне, разве ты не имеешь ума и рассудка? Как я, скажет, могу судить, не зная ничего вашего? Я хочу быть учеником, а ты уже делаешь меня учителем. Если он так скажет, то, говоришь, что мы будем отвечать? Как убедим его? Спросим: не притворство ли это и предлог? Спросим: осуждает ли он эллинов? Во всяком случае, он скажет что-нибудь, потому что, не осуждая их, не пришел бы к нам. Спросим о причине, почему он осуждает, потому что не напрасно же осуждает. Он скажет, как известно: потому что (боги их) суть твари, а не Бог несозданный. Хорошо. После этого, если он найдет тоже в иных ересях, а у нас противное, то нужно ли и говорить более? Все мы исповедуем, что Христос есть Бог. Посмотрим же, кто с этим согласен, и кто не согласен. Мы, называя Его Богом, и говорим о Нем достойное Бога, что Он имеет власть, что Он не есть раб, но свободен, что Он творит все сам Собою; а еретик – напротив. Опять спрошу: когда ты хочешь научиться врачебному искусству, то, скажи мне, просто ли и как случилось принимаешь пре- подаваемое? У врачей много мнений. Если просто будешь принимать все, что ни услышишь, то это не достойно мужа; если же с умом и рассуждением, то без сомнения научишься доброму. Мы называем Его Сыном, и точно так признаем, как говорим, а еретики называют так, но не исповедуют. Сказать яснее: они имеют некоторых (людей), по имени которых называются, т.е. по имени своего ересеначальника, – такова каждая ересь, – а у нас не человек какой-нибудь дал нам название, но сама вера. Итак с твоей стороны это – притворство и предлог. Скажи мне, почему ты, когда хочешь купить одежду, то хотя и не знаешь ткацкого искусства, не говоришь таких слов: я не умею купить, меня обманывают; но употребляешь все, чтобы сделаться сведущим? Когда хочешь купить и другое что-нибудь, то всячески стараешься получить верные сведения; а здесь говоришь это. Судя по этим словам, – ты вовсе не хочешь принимать ничего. Пусть тот, кто не имеет никакого учения, говорит то, что ты говоришь о христианах: "так много их и столько различных содержат учений: один – эллин, другой – иудей, иной – христианин; не нужно принимать ни одного учения, потому что они противоречат друг другу; я ученик, не хочу быть судьей и не могу осуждать ни одного учения". Но у тебя такой предлог не имеет места. Если ты был в состоянии отвергнуть ложное, то будешь в состоянии, пришедши сюда, оценить и истинное. Кто не осуждает никакого учения, тот легко скажет это; но осудивший какое-нибудь, хотя он еще не избрал ничего другого, с течением времени может узнать нужное. Не станем же притворствовать и изобретать предлоги: все легко. Если хочешь, я покажу тебе, что это только предлог. Ты знаешь, что должно делать и чего не должно? Почему же делаешь не то, что должно, а чего не должно? Делай, что должно, и с правыми мыслями проси от Бога, и Он, конечно, откроет тебе. "**Бог нелицеприятен**", говорит (Писание), "**но во**

всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему" (Деян.10:34,35). Кто слушает без предрассудка, тот не может не убедиться. Как в том случае, когда есть какое-либо мерило, по которому можно определять все, не требуется больших рассуждений, а легко обличить измеряющего неверно, так и теперь. Отчего же не видят? Много содействуют тому предрассудки и человеческие побуждения. Но, скажешь, тоже самое и они об нас говорят? Как? Разве мы отделились от Церкви? Разве мы имеем ересеначальников? Разве мы называемся по имени людей? Разве есть у нас какой-нибудь предводитель, подобно как у них, у того Маркион, у другого Манихей, у иного Арий, а у иного еще какой-нибудь начальник ереси? Хотя и мы имеем известное название, но не (имеем) начальников ереси, а предстоятелей наших и правителей Церкви. Мы не имеем учителей на земле, – да не будет! – а имеем "**Который на небесах**" (Мф.23:9,10). И они, скажешь, утверждают то же? Но у них есть название, осуждающее их и заграждающее им уста. Много было эллинов, и никто не предлагал таких вопросов; и у философов было тоже, но это не препятствовало никому из тех, кто имел здравое учение. Потому и об иудеях не говорили, – когда они занимались этим, – что между ними есть такие-то и такие: кому из них нам следует верить? Но верили, как должно. Будем же и мы покоряться законам Божиим и во всем делать угодное Ему и поступать по воле Его, доколе продолжаем настоящую жизнь, чтобы, прожив добродетельно остальное время нашей жизни, мы могли получить блага, обетованные любящим Его, и сподобились чести с угодившими Ему, благодатию и человеколюбием единородного Сына Его и Всесвятого и животворящего Духа, единого и истинного Божества, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 34

"Павел же и Варнава жили в Антиохии, уча и благовествуя, вместе с другими многими, слово Господне. По некотором времени Павел сказал Варнаве: пойдем опять, посетим братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне, как они живут" (Деян.15:35,36).

1. Посмотри опять на их смирение, как они преподают слово вместе с другими. Лука изобразил нам нравы и прочих апостолов и показал, что один из них был более мягкосерд и снисходителен, другой более суров и строг. Различные бывают дарования; а это, как известно, есть также дарование. Одно потребно по отношению к людям с одними нравами, а другое с другими, так что, если бы переменить их, то они сделались бы бесполезными. По-видимому (между Павлом и Варнавою) произошло некоторое разногласие; но все это происходит по устроению (Божию), чтобы каждый из них занял соответственное себе место. С другой стороны нужно, чтобы не все были в равной чести, но один начальствовал, а другой подчинялся; и это по устроению (Божию). Притом кипряне ничего такого не показали, что бывшие в Антиохии и другие; для одних нужен был нрав мягкосердый, а для других напротив. "**Варнава хотел взять с собою Иоанна, называемого Марком. Но Павел полагал не брать отставшего от них в Памфилии и не шедшего с ними на дело, на которое они были посланы. Отсюда произошло огорчение, так что они разлучились друг с другом; и Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр; а Павел, избрав себе Силу, отправился, быв поручен братиями благодати Божией**" (ст. 37-40). И в пророках мы видим различные характеры и различные нравы; например, Илия строг, Моисей кроток. Так и здесь – Павел более тверд. Но смотри при этом и на его кротость. Он просил, говорит (писатель), "**не брать отставшего от них в Памфилии**". Как военачальник не желал бы иметь при себе оруженосца постоянно небрежного, так (не желал) и апостол. Это и других вразумляло, и того самого исправляло. Итак, скажешь, Варнава был не хорошего нрава? Отнюдь нет; думать так о нем весьма нелепо. В самом деле, не нелепо ли считать его дурным за такое маловажное

дело? И смотри, во-первых, от того не произошло никакого зла, что они разлучились друг с другом, сделавшись, таким образом, достаточными для всех язычников, а напротив – великое благо; во-вторых, если бы этого не случилось, то они не легко решились бы отделиться друг от друга. Подивись лучше тому, что (писатель) не умолчал об этом. Ты скажешь: если следовало разделиться, то можно было и без распри? Но здесь особенно и обнаружились человеческие (свойства их). Если этому следовало быть во Христе, то тем более в них. С другой стороны, распря не была бы предосудительна, когда каждый препирался бы о таких предметах и с такою справедливостью. Если бы кто из них огорчался, домогаясь собственной пользы и собственной чести, то действительно (было бы неодобрительно); если же каждый из них, желая учить и наставлять, отправляется один одним, а другой другим путем, что здесь предосудительного? Многое они делали и по человеческому рассуждению: не были ведь они камнями или деревами. И смотри, Павел выражает неудовольствие (на Марка), но приводит и причину. Он уважал Варнаву за великое его смирение, за то, что он находился при нем и разделял с ним столько трудов; но уважал не так, чтобы пренебрегать долгом. Кто из них советовал лучше, не наше дело исследовать; по крайней мере, великое было смотрение (Божие), что одни (из верующих) должны были удостоиться вторичного их посещения, а другие ни одного. В Антиохии они не просто пребывали, но учили. Чему учили? Что проповедовали? Что (нужно было) как для верующих, так и еще не верующих. Было множество соблазнов, и потому присутствие их было необходимо. А что касается их распри, то должно смотреть не на то, в чем они были не согласны, а на то, в чем они согласились между собою. Разделение их послужило к большому благу, которое произошло по этому поводу. Что же? Врагами ли они расстались? Нисколько. И после того ты видишь, как Павел в посланиях своих упоминает о Варнаве с великими похвалами (2Кор.8:18). "**Произошло огорчение**", говорит (писатель), но не вражда, не раздор. Распря сделала то, что они разделились; и хорошо, так как что после каждый из них порознь предпринял полезного, того не сделал бы по тому самому, что были бы вместе.

2. Мне кажется даже, что и разделение произошло у них по согласию, и что они сказали друг другу: так как я не желаю этого, а ты желаешь, то, чтобы нам не ссориться, разделимся по разным местам. Таким образом они сделали это, совершенно уступая друг другу. Варнава хотел, чтобы оставалось мнение Павла, и потому отделился; также и Павел хотел, чтобы оставалось мнение (Варнавы), и потому делает тоже и отделяется. О, если бы и мы разделялись друг от друга таким же образом и для того, чтобы идти на проповедь! "**Павел**", говорит (писатель), "**избрав себе Силу, отправился, быв поручен братиями благодати Божией**". Удивителен и весьма велик этот муж! А Марку эта распря принесла большую пользу. Строгость Павла вразумила его, а доброта Варнавы сделала, что он не остался: так распря, бывшая между ними, достигает одной цели – пользы. Видя, что Павел решается оставить его, (Марк) весьма устрашился и осудил себя; а видя, что Варнава столько расположен к нему, он весьма возлюбил его; таким образом, распря учителей исправила ученика: так он далек был от того, чтобы соблазняться ею. Если бы они делали это для собственной чести, то конечно (он мог бы соблазниться); но так как они препирались для его спасения и единственно для того, чтобы показать, как премудры советы (Бога), удостоившего его такой чести, то что здесь предосудительного?

3. Посмотри на мудрость Павла: он не прежде отправляется в другие города, как посетив уже принявшие слово. "**И проходил Сирию и Киликию, утверждая церкви**" (ст. 41). "**Дошел он до Дервии и Листры**" (Деян.16:1). Не благоразумно было бы ходить напрасно. Будем также поступать и мы: будем наставлять наперед прежних, чтобы они не послужили препятствием для последующих. "**Посетим**", говорит, "**братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне, как они живут**". Он не знал об этом, как следует, и потому пошел посетить братию. Видишь, как он постоянно

бодрствует, заботится, не остается на одном месте, хотя подвергался множеству опасностей. Видишь ли, что и прибытие его в Антиохию было не от страха? Как врач, он пошел к болящим и необходимость посещения изъяснил в словах: "**в которых мы проповедали слово Господне**". Варнава отделился и уже более не сопутствовал ему. "**Избрав себе Силу**", говорит (писатель), "**быв поручен братиями благодати Божией**". Что это значит? Т.е. молились, просили Бога. Смотри, как всегда много может молитва братий. И затем пошел пешком, желая на пути принести пользу видевшим его; и благоразумно. Когда они спешили, то плыли; а теперь не так. "**И вот, там был некоторый ученик, именем Тимофей, которого мать была Иудеянка уверовавшая, а отец Еллин, и о котором свидетельствовали братия, находившиеся в Листре и Иконии. Его пожелал Павел взять с собою; и, взяв, обрезал его ради Иудеев, находившихся в тех местах; ибо все знали об отце его, что он был Еллин**" (Деян.16:1-3).

Достойна удивления мудрость Павла! Он, столько восставший против обрезания, употреблявший все меры и успокоившийся не прежде, как достигнув цели, тогда, когда это учение было утверждено, обрезывает ученика. Не только другим не возбраняет, но и сам делает это. Нет никого мудрее Павла. Он во всем смотрел на пользу, не делал ничего просто, по предубеждению. "**Его пожелал Павел**", говорит (писатель), "**взять с собою**". Удивительно, что он даже привел его с собою. "**Ради Иудеев**", говорит, "**находившихся в тех местах**". Это – причина обрезания; они не стали бы слушать слово от необрезанного. Но что? Посмотри на самое дело: он обрезал, чтобы прекратить обрезание, потому что проповедовал определения апостолов. Видишь ли борьбу и чрез борьбу созидание? Не от других побуждаемые, но и сами делая противное, они таким образом устрояли Церковь. Они внесли определение не обрезывать, а он обрезывает. "**И ежедневно**", говорит (писатель), "**увеличивались числом**" (ст. 5). Видишь ли пользу от этого обрезания? Затем он более не остается у них, как пришедший посетить их, но что? Идет дальше. "**И церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом. Пройдя через Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Асии. Дойдя до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их**" (ст. 5-7). Почему они "**не были допущены**", не говорит (писатель), но только говорит, что они "**не были допущены**", научая нас этим покоряться и не исследовать причин, и показывая, что многое они делали и по-человечески. "**Миновав же Мисию, сошли они в Троаду. И было ночью видение Павлу: предстал некий муж, Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам**" (ст. 8-9). Для чего было видение, а не сам Дух Святый повелел? Он желал привлечь их и таким образом. И (другим) святым бывали видения, и сам (Павел) вначале видел в видении мужа, пришедшего и возложившего на него руку (Деян.6:12). Для того побуждает его идти туда, чтобы проповедь распространилась. Также и по следующей причине возбраняется ему оставаться в других городах, когда побуждает его Христос (идти туда). Эти имели слушать Иоанна, и притом долгое время, и может быть не слишком имели в том нужду, а туда нужно было придти. Потом он и уходит, отправившись на ту сторону (моря). "**После сего видения, тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там. Итак, отправившись из Троады, мы прямо прибыли в Самофракию, а на другой день в Неаполь, оттуда же в Филиппы: это первый город в той части Македонии, колония. В этом городе мы пробыли несколько дней**" (ст. 10-12). Так, ему является и сам Христос, говоря: "**тебе должно предстать пред кесаря**" (Деян.27:24). Потом (писатель), как повествующий историю, говорит о местах и показывает, где (Павел) останавливался, именно в больших городах, а другие проходил. Быть колонией составляет достоинство города. Но обратимся к вышесказанному. (Павел) представляет Варнаве необходимость путешествия, когда говорит: "**пойдем опять, посетим братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне,**

как они живут". Но ему не подобало просить того, когда намеревался обличать впоследствии.

4. Тоже было между Богом и Моисеем. Один просит, а другой гневается; так например, когда говорит: "**если бы отец ее** (Мариамы) **плюнул ей в лице**" (Числ.12:14), и еще: "**итак оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их**" (Исх. 32:10), и когда Самуил оплакивал Саула (1Цар.15:35). Но от того и другого произошло великое благо. Так и здесь один гневается, а другой нет. Тоже бывает и между нами. Распря была не напрасно, но чтобы вразумить того (Марка), и чтобы дело (проповеди) не показалось шуткою. Иначе уступил бы и теперь (Варнава), уступавший всегда и столько любивший Павла, что еще прежде отыскал его в Тарсе (Деян.11:25), привел его к апостолам, вместе с ним доставлял милостыню и вместе с ним принял согласное с определением (апостолов). Не из-за такого дела произошло между ними огорчение; но они отделяются друг от друга для того, чтобы раздельно учить и усовершать нуждавшихся в их учении. Так и в другом месте (Павел) говорит: "**вы же, братия, не унывайте, делая добро**" (2Фес.3:13), и хотя укоряет некоторых, но заповедует делать добро всем. Так обыкновенно мы и поступаем. Мне кажется, что здесь вместе с Павлом и другие были недовольны; он же, обращаясь к каждому из них особо, делает все, увещевает, вразумляет. Много может (делать) согласие, много – любовь. Хотя бы ты просил о слишком многом, хотя бы даже был недостоин, будешь услышан за доброе намерение; не бойся. "**Проходя**", говорит (писатель), города. "**И вот, там был некоторый ученик, именем Тимофей, о котором свидетельствовали братия, находившиеся в Листре и Иконии**". Велика вера Тимофея, если свидетельствуется всеми. Когда отделился Варнава, Павел находит равного ему, о чем сам говорит: "**вспоминая о слезах твоих**", нелицемерную веру твою, "**которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике**" (2Тим.1:4,5). "**И, взяв**", говорит (писатель), "**обрезал его**"; а для чего, показывает, прибавляя: "**ради Иудеев, находившихся в тех местах**". Итак, поэтому (Тимофей) обрезывается, или и ради отца, который был эллин и следовательно не был обрезан. Смотри, как закон уже отрешался. Иные же думают, что он родился после оглашения его (отца) проповедью; но, может быть, это не справедливо, так как "**ты из детства**", говорит (Павел), "**знаешь священные писания**" (2Тим.3:15). Потому надобно принять первое; если же не так, то потому, что (Павел) намеревался сделать его епископом и ему не следовало оставаться необрезанным. Язычникам же не нужно было соблюдать ничего такого; и это было немаловажно, так как столь долгое время они соблазнялись этим. Начало отменения (закона) было положено тем, что язычники не соблюдали его и не терпели никакого вреда и ничего не лишались по отношению к вере; потому они охотно и оставили его. Так как он намеревался проповедовать, то чтобы вдвойне не поразить иудеев, обрезывает его, хотя он был двоякого происхождения – от отца эллина и от матери верующей. И хотя дело касательно язычников было важно, но он, не смотря на это, сам обрезал его, потому что проповедь должна была распространяться. И смотри: от действия противного (определению апостолов) здесь происходит великое благо. "**И ежедневно увеличивались числом**", говорит (писатель). Видишь ли, что обрезание не только не повредило, но и принесло великую пользу? "**После сего видения**", говорит, "**тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там**". Заметь, не чрез ангела, как Филиппу, или Корнилию, но как? – в видении является ему (Господь), только человеческим образом, а не Божественным. Где легко было убедить, там (Он является) более человеческим образом, а где с большею трудностью, там более Божественным. Так, когда он привлекался только проповедовать, для этого было ему сновидение, а когда нужно было удержать от проповедания, это открывает Дух Святый. Так было и с Петром (когда Дух сказал ему): "**встань, сойди**" (Деян.10:20). Легких дел не совершал Дух, но для этого достаточно было и сновидения. Так и Иосифу, когда легко было убедить его, было сновидение, а другим видение (Мф.2:13). Так и Корнилию и

самому (Павлу). И вот, говорит (писатель), "**предстал некий муж, Македонянин, прося его и говоря**". Не сказал: повелевая, но: "**прося**", о тех, которые нуждались во врачевании. Что значит: "**заключая**"? Значит: догадываясь. И из того, что видение было Павлу, а не кому другому, и из того, что они были удержаны Духом, и из того, что находились у пределов (Македонии), – из всего этого они делали такое заключение. С другой стороны и самое плавание указывало на это, – потому что в течение короткого времени они достигли самого корня Македонии. Таким образом устрояется, что распря послужила на пользу. И если бы Дух Святый не явил Своего действия, Македония не приняла бы слова. А такое преуспеяние – знак, что случившееся не есть дело человеческое. Не сказано, что Варнава огорчился, но что между ними "**произошло огорчение**". Если же не огорчался он, то также и Павел.

5. Зная это, будем не просто читать Писания, но изучать и назидаться. Ведь (ничего) не написано напрасно. Великое зло не знать Писания. От чего бы следовало получать пользу, от того мы получаем вред. Так часто и лекарства, имеющие по природе целительную силу, когда употребляющее их не умеют хорошо пользоваться ими, приносят вред и расстройство; и оружие, которым можно защищаться, для того, кто не умеет обращаться с ним, служит во вред. А причиною то, что мы всего прочего ищем больше, нежели пользы душевной, и больше смотрим на постороннее, нежели на свою (истинную) пользу. О прочности дома мы часто заботимся и не потерпели бы видеть, как он ветшает, обрушивается и повреждается от бурь; о душе же нисколько не заботимся, но хотя и видим, что основание ее и самое здание и кровля разрушаются, не прилагаем никакого попечения. Также, если имеем скот, то стараемся об удобствах для него, нанимаем и конюхов, и коновалов, и все силы напрягаем: заботимся о помещениях, внушаем приставникам, чтобы они не гоняли его без нужды и как попало, не клали на него излишней тяжести, не выпускали безвременно среди ночи, довольствовали пищею, и много установляем правил касательно ухода за бессловесными животными; а о душе нисколько не печемся. Но что я говорю о животных, полезных для нас? Многие держат маленьких птиц, которые не приносят никакой пользы, а только забавляют; и касательно их есть у нас много правил и ничего не опущено и не забыто; обо всем мы заботимся больше, нежели о самих себе. Так мы сделались малоценнее всего. Если кто в обиду назовет нас псом, то мы оскорбляемся; а сами бесславя себя не словом, но делом, и не прилагая попечения о душе даже столько, сколько о псах, не чувствуем никакого огорчения. Видите ли, как все (у нас) покрыто мраком? Как многие заботятся о псах, чтобы они не были накормлены более надлежащего, чтобы они были быстры и пригодны к охоте, побуждаемые голодом и жаждой, а о себе самих не заботятся и не стараются обуздать своего сластолюбия; бессловесных научают любомудрию, а себя допускают нисходить до дикости животных! Это кажется загадкою. Где, скажешь, эти любомудрые бессловесные? Но разве не великое любомудрие, когда пес, побуждаемый голодом, схвативши добычу, удерживается от попавшей ему пищи, и, видя пред собою готовую еду, томимый голодом, дожидается господина? Устыдитесь самих себя; научите ваши чрева быть также любомудрыми. Вам нет никакого оправдания. Если ты можешь сообщить такое любомудрие животному, от природы не умеющему ни говорить, ни мыслить, то тем более мог бы сообщить себе. Это ведь дело человеческого старания, а не природы; иначе все псы были бы таковыми. Итак, будьте (в данном случае) подобны псам. Вы сами вынуждаете меня заимствовать пример отсюда; следовало бы от предметов небесных, но если я начну говорить о каком-нибудь из этих предметов, вы говорите, что это слишком высоко; потому я и не говорю уже о предметах небесных. Если приведу в пример Павла, вы говорите, что он был апостол; потому я не говорю уже о Павле. Если приведу в пример какого-либо другого человека, вы говорите, что он мог (делать это); потому я и не указываю на человека, но на животное, и животное, получившее такие свойства не от природы, чтобы вы не сказали, что оно делает это по природе, а не по

доброй воле, и, что еще удивительнее, не по собственной воле, а по твоему старанию. Оно не рассуждает, что устало, что утомилось от бега, что поймало добычу собственными своими трудами, но, оставив все это в стороне, исполняет волю господина и становится выше чрева. Да оно, скажешь, ожидает одобрения, надеется получить обильнейшую пищу. Скажи и ты самому себе: пес в надежде будущего довольства пренебрегает настоящим, а ты не хочешь в надежде будущих благ пренебрегать настоящими. Но он (скажешь) знает, что если неблаговременно и против воли господина вкусит пищи, то лишится не только этой, но и обыкновенно назначаемой ему пищи, и даже вместо пищи получит побои. А ты и этого не можешь знать, и того, что он умеет делать по привычке, ты не исполняешь по разуму. Будем подражать хотя псам. Говорят, что делают тоже и ястребы и орлы; что те делают с зайцами и сернами, то эти с птицами, и также по научению человеческому. Все это может обличить нас, все это может осудить нас. Скажу еще. Взяв диких и свирепых коней, которые и бьют ногами и кусаются, опытные люди в короткое время образовывают их так, что севший на них всадник наслаждается их стройною походкою; а когда душа поступает беспорядочно, никто об этом не заботится; она и скачет, и бьется, и бросается на землю, как дитя, и делает множество бесчинств, но никто не налагает на нее ни аркана, ни пут, ни узды, и не сажает опытного всадника, т.е. Христа. Таким образом все низвратилось. Если ты заставляешь псов владеть желудком, укрощаешь ярость льва и свирепость коней и научаешь говорить птиц, то не странно ли неразумным существам сообщать свойства разумных, а в разумных допускать неразумный страсти? Нет, нет нам никакого оправдания. Нас обвинят все делающие должное, и верные и неверные, – ведь и неверные делают должное, – и не только люди, но и звери, и псы; осудим себя и мы сами, которые делаем доброе, когда хотим, а когда бываем беспечны, увлекаемся на злое. Часто и многие из самых порочных людей, когда захотели, исправлялись. А причиною то, как я сказал, что мы всячески ищем пользы посторонней, а не нашей собственно. Построил ли ты великолепный дом, – ты позаботился о благоустройстве дома, а не твоем собственном; получил ли хорошую одежду, – (ты позаботился) о теле, а не о самом себе; если хорошую лошадь, – также. Никто не заботится, чтобы душа была добра, тогда как при доброте души нет никакой нужды в тех благах, а без нее нет никакой пользы и от них. Как для невесты, хотя бы ее брачный чертог был убран золотыми покровами, хотя бы окружали ее сонмы благовиднейших и прекрасных женщин, розы и венцы, хотя бы и жених был прекрасен, и служанки и подруги и все были благовидны, нет от того никакой пользы, если она сама крайне безобразна; если же она прекрасна, то и без всего этого нет для ней никакого вреда, а напротив (польза), потому что безобразная при этом будет казаться еще безобразнее, а прекрасная без этого будет еще прекраснее, – так точно и душа, если она добра, не только в этом не нуждается, но даже помрачает этим свою красоту. Человек любомудрый, как мы увидим, блистает не столько в богатстве, сколько в бедности; в первом случае многие приписывают любомудрие его богатству и тому, что он не имеет нужды в деньгах; если же он живет в бедности, и между тем отличается всеми (добродетелями) и не допускает себя делать что-либо постыдное, тогда уже никто другой не разделяет с ним венца, который стяжал он любомудрием.

Итак, будем украшать душу, если хотим быть богатыми. Что пользы, если лошаки твои белы, тучны и красивы, а ты, сидящий на них, и худ, и нечист, и безобразен? Что пользы, если ковры твои мягки и красивы и искусно испещрены различными цветами, а душа одета в рубище, или совершенно обнажена и безобразна? Что пользы, если конь выступает плавно, или походит более на пляшущего, нежели на идущего, и украшен как бы для брачного пира, а сидящий на нем хромает (душою) более хромых и расстроен в руках и ногах более пьяных и расслабленных? Скажи мне, если бы кто дал тебе хорошего коня, а телу твоему нанес бы вред, какая от того польза? А теперь у тебя повреждена душа, и ты нисколько не заботишься. Позаботимся же когда-нибудь, увещеваю вас, о самих себе. Не будем считать самих себя малоценнее всего. Когда кто оскорбляет нас

словами, мы досадуем и огорчаемся, а сами, унижая себя делами, не исправляемся. Вразумимся же хотя поздно, чтобы, приложив ревностное попечение о душе своей и возлюбив добродетель, могли мы сподобиться вечных благ благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 35

"В день же субботний мы вышли за город к реке, где, по обыкновению, был молитвенный дом, и, сев, разговаривали с собравшимися там женщинами. И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багряницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел" (Деян.16:13,14).

1. Смотри, как опять Павел иудействует, и в отношении времени и обычая. "**Чтущая**", говорит (писатель), "**Бога**". Иудеи молились не только там, где была синагога, но и вне ее, назначая для этого особое место, как люди плотские. "**В день же субботний**", – когда обыкновенно собирается и народ. "**И, сев, разговаривали с собравшимися там женщинами. И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багряницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел**". Посмотри опять, как он чужд гордости. И она была женщина и притом незнатная, как видно из ремесла ее; но смотри, какое в ней любомудрие! Во-первых, сказано, что она почитала Бога; потом – что пригласила к себе апостолов. "**Когда же крестилась она и домашние ее, то просила нас, говоря: если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите у меня. И убедила нас**" (ст. 15). "**Когда же крестилась**", говорит (писатель), "**она и домашние ее**". Заметь, как она убедила всех (домашних), потом посмотри на благоразумие ее, как она умоляет апостолов, какого смирения, какой мудрости исполнены слова ее! "**Если вы признали меня**", говорит, "**верною Господу**". Ничто не могло быть более убедительным. Кого не тронули бы эти слова? Не просто просила и приглашала, не предоставила им поступить, как им угодно, но сильно понуждала их; это именно означают слова: "**и убедила нас**", т.е. теми словами. Смотри, как она тотчас же приносит плод и считает это посещение великим для себя одолжением. А что вы (говорит) признали меня верною, очевидно из того, что вверили мне такие тайны, которых не вверили бы, если бы не считали меня такою. И не осмелилась пригласить их прежде, но когда уже крестилась, показывая этим, что иначе и не убедила бы их. Почему же бывшие с Павлом сначала не хотели идти, но отказывались, так что нужно было понуждать их? Или потому, что вызывали ее к большему усердию, ила потому, что Христос сказал: "**в какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь**" (Мф.10:11). Так предусмотрительно они делали все. "**Случилось, что, когда мы шли в молитвенный дом, встретилась нам одна служанка, одержимая духом прорицательным, которая через прорицание доставляла большой доход господам своим. Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: сии человеки – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения**" (ст. 16, 17). Почему бес говорил это, а Павел запретил ему? Тот делал злонамеренно, а этот (поступил) мудро: он хотел, чтобы к тому не имели доверия. Если бы Павел принял свидетельство его, то он, как одобренный им, прельстил бы многих и из верующих; потому он и решился возвещать об их делах, чтобы устроить свои, и снисходительностью (Павла) самому воспользоваться для погибели (других). Сначала Павел только не принимал и не обращал внимания, не желая тотчас же прибегать к знамениям; но когда тот продолжал делать это "**много дней**" и касался дела их, говоря: "**сии человеки – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения**", тогда повелел ему "**выйти**". "**Это она делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух**

вышел в тот же час. Тогда господа ее, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам. И, приведя их к воеводам, сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять" (ст. 18-21). Корыстолюбие везде причиняет зло. О, эллинское бесчеловечие! Они хотели бы оставить отроковицу одержимою бесом, чтобы самим обогащаться. "**И, приведя их к воеводам**", говорит (писатель), "**сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город**". Что же они сделали? Почему вы не брали их прежде? "**Будучи Иудеями**", говорят: так было позорно это имя! "**И проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять**". Обратили дело в государственное преступление. "**Народ также восстал на них**" (ст. 22). О, безумие! Не исследовали дела, не дали отвечать им, между тем как после такого чуда следовало бы почтить их, следовало бы принять как спасителей и благодетелей. Если вы желали имущества, то почему, нашедши такое богатство, не прибегли к нему? Иметь силу изгонять бесов гораздо славнее, нежели повиноваться им. Вот и знамения, но корыстолюбие преодолело. "**А воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками и, дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их**" (ст. 22, 23). Павел делал все, и творил чудеса и учил, а опасности разделяет с ним и Сила. Что значит: "**Павел, вознегодовав**"? Значит: видя злонамеренность беса, – как в другом месте он сам говорит: "**чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы**" (2Кор.2:11). А почему те не сказали, что они изгнали беса, что оказались нечестивыми к Богу, но обратили дело в государственное преступление? Тогда они повредили бы сами себе. Так и о Христе говорили: "**нет у нас царя, кроме кесаря. Всякий, делающий себя царем, противник кесарю**" (Ин.19:12,15). И "**ввергли**" их, говорит (писатель), "**в темницу**". Великое неистовство! "**Получив такое приказание, он ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду**" (ст. 24). Смотри: посадил их во внутреннюю темницу; и это по устроению (Божию). Так как должно было совершиться великое чудо, то назначается место удобное для слушания его, вне города, вдали от искушений и опасностей. Смотри, как писатель истории не стыдится рассказывать о занятиях (жителей). А когда было время свободное от занятий, тогда они более слушали поучения: город же филиппийцев был не велик. Зная это, и мы не будем стыдиться никого. Петр живет у кожевника, Павел у порфиропродавщицы: есть ли здесь гордость? Будем просить Бога, чтобы Он отверз наше сердце; отверзает же Он сердца, желающие этого; а бывают и поврежденные сердца. Но обратимся к вышесказанному. "**И одна женщина**", говорит (писатель), "**торговавшая багряницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел**". Отверзать есть дело Бога, а внимать – дело ее: так это дело было и Божеское и человеческое. "**Когда же крестилась**", говорит, "**если вы признали меня, то войдите в дом мой и живите у меня**". Смотри, и крещается и принимает апостолов с такою покорностью, с большею, нежели покорность Авраамова. Не указала на какое-нибудь другое свое достоинство, но на то, за которое была спасена. Не сказала: "**если вы признали меня**" великою или благочестивою женщиною, но что? "**Верною Господу**". Если верна Господу, то тем более вам, если только вы не сомневаетесь. И не сказала: пребудите у меня, но: "**в дом мой**", чтобы показать, что сделала это с великим усердием. Поистине верная жена! А скажи мне, какой это был бес? Писатель говорит: бог Пифон, от места так называемый (Πυθὼ – собственное имя города, иначе называемого Дельфами и посвященного Аполлону). Видишь ли, что и Аполлон есть бес? Желая подвергнуть (апостолов) искушениям и более раздражить (народ), он побуждал (отроковицу) произносить (сказанные слова).

2. О, лукавый и прелукавый! Если ты знал, что они "**возвещают нам путь спасения**", то почему ты не вышел добровольно? Но он хотел того же, чего домогался Симон, когда говорил: "**дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа**

Святаго" (Деян.8:19). Так и этот делает. Видя, что они пользуются славою, он и теперь притворяется, надеясь, что таким образом останется в теле (отроковицы), когда будет возвещать тоже. Но если от человека "**неприятна похвала в устах грешника**" (Сир.15:9), то тем более от беса. Если Христос не принимает свидетельства от людей и даже от Иоанна, то тем более от беса. Ведь проповедь не от людей, но от Духа Святого. Итак, (обвинители) неистово кричали, и, думая подействовать криком, говорили: "**сии люди возмущают наш город**". Что ты говоришь? Ты веришь бесу: почему же не веришь ему теперь? Он говорит, что они – "**рабы Бога Всевышнего**", а ты говоришь: "**возмущают наш город**"; он говорит: "**возвещают нам путь спасения**", а ты говоришь: "**проповедуют обычаи, которых нам не следует ни принимать**". Смотри, они не внемлют и бесу, а имеют в виду одно любостяжание. "**И повлекли**" их, говорит (писатель), "**на площадь к начальникам: народ также восстал на них**". А они, смотри, ничего не отвечают и не защищаются, чтобы явиться достойными еще большего удивления. "**Ибо**", говорит (Павел), "**когда я немощен, тогда силен**" (2Кор.12:10); "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2Кор.12:9). Так, они были удивительны и кротостью. Чем строже заключение, тем славнее чудо. Начальники сделали это, может быть, для того, чтобы прекратить смятение; они видели, что народ волновался, и, подвергая ударам (апостолов), хотели укротить неистовство его, а сажая их в темницу и приказывая крепко стеречь, желали выслушать дело. И "**забил**", говорит (писатель), "**в колоду**"; иначе сказать: в кандалы. Каких же слез достойно то, что делается теперь? (Апостолы) столько страдали, а мы в роскоши, мы на зрелищах. Потому мы и гибнем и подвергаемся опасностям, ища везде удовольствий и не желая для Христа перенести ни малейшего оскорбления даже словом. Будем, увещеваю вас, непрестанно вспоминать, сколько страдали они, сколько терпели, и не возмущались, не соблазнялись. Они совершали дело Божие и столько терпели; не говорили: мы проповедуем, – почему же Бог не защищает нас? Но и это приносило им пользу, и без помощи сами страдания делали их более твердыми, более крепкими и неустрашимыми. "**От скорби**", говорит (Павел), "**происходит терпение**" (Рим.5:3).

Не будем же искать жизни роскошной и изнеженной. Как там бывает двоякое благо: делаются крепкими и удостаиваются великих наград, – так здесь двоякое зло: делаются слабыми и негодными ни на что, разве только на зло. Нет ничего бесполезнее человека, который проводит все время в бездействии и роскоши. Муж неиспытанный, говорит (Писание), неискусен (ср. Сир.37:30); неискусен не только в этих подвигах, но и во всем прочем. Бездействие бесполезно, и в самих удовольствиях всего труднее получать удовольствие, так как они производят пресыщение. Удовольствие от кушаний и от бездействия отнюдь не таково (как кажется), но все это кратковременно и скоропреходяще. Не будем же заботиться о такой жизни. Если мы посмотрим, кто приятнее проводит время, трудящийся ли и живущий в бедности, или предающийся роскоши, то найдем, что первый. Во-первых, самое тело последнего изнежено и расслаблено; потом, телесные чувства его не в здравом состоянии, но слабы и безжизненны; а без этого нет и приятного ощущения здоровья. Какой конь бывает полезнее, утучняемый в бездействии, или употребляемый на работу? Какой корабль – плавающий, или стоящий без движения? Какая вода – текучая, или стоячая. Какое железо – употребляемое в дело, или не употребляемое? То блестит и уподобляется серебру, а это покрывается ржавчиной и остается бесполезным и даже теряет часть вещества своего. Нечто подобное происходит и в празднолюбивой душе: как бы ржавчина покрывает ее и истребляет ее светлость и все прочее. Чем же можно уничтожить эту ржавчину? Оселком скорбей; они делают душу полезною и способною на все. Скажи мне, может ли она посекать страсти, когда острие ее притупилось и гнется, как олово? Может ли наносить раны диаволу? И кому может быть приятен человек, утучняющий плоть свою и движущийся на подобие тюленя?

3. Говорю это не о тех, которые таковы по природе, но о тех, которые утучняют тело свое роскошью, будучи по природе не тучны. Взошло солнце, разлило повсюду светлые лучи свои, пробудило всех на дела их; земледелец выходит, взяв заступ, ковач меди берет молот, каждый ремесленник – свойственное ему орудие, и все принимаются за свое дело; жена берет пряжу или ткань; а он, как свинья, с раннего утра заботится, о насыщении своего чрева, думая, как бы приготовить роскошную трапезу. Подлинно, насыщаться с раннего утра свойственно только бессловесным животным, которые ни к чему негодны, как только на заклание. Но и из них служащие к переноске тяжестей и способные к труду после ночи также принимаются за дело. А он, восставши с ложа, когда солнце уже озарило всю площадь и когда все уже довольно потрудились над своими делами, поднимается потягиваясь, поистине как откормленная свинья, потеряв лучшую часть дня во мраке (сна). Потом долгое время сидит на постели, часто будучи не в состоянии держаться от вчерашнего опьянения, и проводит в этом большую часть (утра). Затем украшает себя и выходит – воплощенное безобразие, не имея в себе ничего человеческого, но совершенный зверь в образе человека: глаза заплыли, уста издают зловоние вина, а бедная душа, как бы поверженная на одр болезни от неумеренно принятого множества яств, влачит бремя плоти, как слон. После того, дошедши до места, садится и начинает говорить и делать так, что лучше бы ему еще спать, нежели бодрствовать. Если ему скажут что-нибудь неприятное, то он бывает чувствительнее всякой девицы; если же – приятное, то легкомысленнее всякого дитяти; между тем лицо его беспрестанно искажается зевотою. Он готов подчиниться всем, желающим сделать зло, если не людям, то страстям; им легко овладевает и гнев, и похоть, и зависть, и все. Все ему льстят, все услуживают, еще более расслабляя его душу; и каждый день он получает какое-либо приращение своей болезни. Если он впадает в затруднительные обстоятельства, то обращается в прах и пепел, и шелковые одежды не приносят ему никакой пользы. Это сказано нами не напрасно, но с целью научить, чтобы никто не жил в праздности и бездействии. Праздность и роскошь негодны ни к чему, а только служат для тщеславия и удовольствия. Как всем не презирать такого человека, и домашним, и друзьям, и родным. Не справедливо ли кто-либо скажет, что он бремя земли и напрасно родился в мир, или лучше – не напрасно, но на свою голову, на погибель свою и ко вреду других? И посмотрим, что приятного в (такой жизни), где стремятся к праздности и недеятельности? Что может быть неприятнее человека, не знающего, что делать? Что постыднее его? Что жалче? Не хуже ли тысячи уз – постоянно звать, сидя на площади и взирая на проходящих? Душа по природе своей имеет нужду в движении и не терпит спокойствия. Бог сотворил ее существом деятельным и потому деятельность свойственна ее природе, а бездействие противно ее природе. Не будем указывать на больных, но возьмем в доказательство сам опыт. Нет ничего постыднее праздности и бездействия; потому Бог и поставил нас в необходимость – трудиться. Бездействие вредит всему и даже телесным членам. Если глаз, или уста, или желудок и какой угодно член не исполняет своего дела, то впадает в крайнюю болезнь; но ничто так не терпит от этого, как душа. Впрочем, как праздность есть зло, так и не надлежащая деятельность. Подобно тому, как если-6ы кто не стал есть ничего, то повредил бы свои зубы, и если бы стал есть не надлежащее, то произвел бы в них оскомину, – так точно и здесь: если не делает ничего или делает, чего не должно, то теряет свою силу. Потому постараемся избегать того и другого, и праздности и такой деятельности, которая хуже праздности. Какая же это деятельность? Любостяжание, гнев, зависть и прочие страсти. Относительно таковых будем стремиться к бездействию, чтобы нам получить обетованные нам блага, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 36

"Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их. Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели" (Деян.16:25,26).

1. Что может сравниться с душами (Павла и Силы)? Они претерпели удары, получили множество ран, вынесли оскорбления, находились в крайней опасности, были в кандалах, содержались во внутренней темнице; но и при этом не дозволили себе спать, а бодрствовали в течение всей ночи. Смотрите, какое благо – скорбь. А мы и на мягких постелях, и без всякой опасности, спим во всю ночь. Может быть и потому бодрствовали, что находились в таких обстоятельствах. Ни сила сна не одолела их, ни страдания не изнурили, ни страх не привел в уныние; но все это еще более возбуждало их и исполняло великой радости. "**Около полуночи**", говорит (писатель), "**воспевали Бога; узники же слушали их**". Узникам казалось это странным и необычайным. "**Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели**". Землетрясение было такое, что и (сторож) проснулся; двери отворились так, что нельзя было не удивиться случившемуся; но узники не видели этого; иначе они все разбежались бы. "**Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали. Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь**" (ст. 27, 28). Он особенно дивился человеколюбию Павла, изумлялся и его мужеству, как он, имея возможность убежать, не убежал, и его удержал от самоубийства. "**Он потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе, и, выведя их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись?**" (ст. 29, 30) Видишь ли, как чудо поразило его? "**Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой. И проповедали слово Господне ему и всем, бывшим в доме его**" (ст. 31, 32). Вступив немедленно в беседу с ним, они показали свое к нему человеколюбие. "**И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его. И, приведя их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога**" (ст. 33, 34). Омыл их, воздавая этим благодарность и оказывая им честь. "**Когда же настал день, воеводы послали городских служителей сказать: отпусти тех людей**" (ст. 35). Начальники, может быть, узнали о случившемся и не смели сами (придти) отпустить их. "**Темничный страж объявил о сем Павлу: воеводы прислали отпустить вас; итак выйдите теперь и идите с миром. Но Павел сказал к ним: нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? нет, пусть придут и сами выведут нас. Городские служители пересказали эти слова воеводам, и те испугались, услышав, что это Римские граждане. И, придя, извинились перед ними и, выведя, просили удалиться из города. Они же, выйдя из темницы, пришли к Лидии и, увидев братьев, поучали их, и отправились**" (ст. 36-40). И после того как начальники объявили, Павел не выходит, может быть ради Лидии и других братий, или желая устрашить начальников, чтобы кто не подумал, будто они отпущены по своей просьбе, и чтобы внушить смелость другим (христианам). Троякая, возлюбленные, была вина их, именно: они посадили в темницу римских граждан, без суда, и всенародно. Видишь, как апостолы делали многое и по-человечески. Сравним с этою ночью наши ночи, которые проводятся в пиршествах, пьянстве и бесчинии, в которые бывает сон ничем не отличающийся от смерти, или бодрствование хуже сна. Одни спят бесчувственно, другие бодрствуют к сожалению и несчастию, составляя козни, заботясь о деньгах, придумывая, как бы отомстить обидевшим их, питая вражду, припоминая оскорбительные слова, сказанные днем, и таким образом воспламеняют огонь гнева и совершают непростительные дела. Посмотри, как спал Петр; с ним это было по смотрению (Божию), потому что надлежало придти ангелу и никому не должно было видеть случившегося (Деян.12:6). Хорошо и то, что сторож не допущен был до

самоубийства. Почему было это, а не другое какое-либо знамение? Потому что оно особенно могло вразумить и убедить его, а если бы этого не было, то он подвергся бы опасности, так как не столько чудеса вразумляют нас, сколько то, что относится к нашему спасению. А чтобы не показалось, что землетрясение произошло само собою, во свидетельство чуда и случилось последующее. Оно совершается ночью, потому что (апостолы) ничего не делали из тщеславия, но все для спасения. Темничный страж не был злой; он заключил их во внутреннюю темницу, потому что получил такое приказание, а не сам от себя. Почему же Павел не вдруг воззвал к нему? Потому что он был исполнен страха и смятения и не внял бы. Потому, когда Павел увидел, что он намеревается умертвить себя, то предупреждает и громко говорит ему: "**все мы здесь**". После этого он "**потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе**". Сторож пал к ногам узника! Изводит их вон и говорит: "**государи мои! что мне делать, чтобы спастись?**" Что же они сказали? Заметь: он не потому возлюбил их, что сам избавился от опасности, но потому, что поражен был силою (Божиею).

2. Видишь ли, что было там и что здесь? Там отроковица избавлена от духа – и ввергли (апостолов) в темницу за то, что они избавили ее от беса; здесь только показали они отверстыми двери – и (у сторожа) отверзлись двери сердца, разрешились сугубые узы и воссиял свет; ведь свет воссиял и в его сердце. "**Вбежал**" и "**припал**", и не спрашивает: что случилось, как это случилось? – но тотчас же говорит: "**что мне делать, чтобы спастись?**" Что же Павел? "**Веруй**", говорит, "**в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой**". Много действует на людей и то, что спасется и дом их. "**И проповедали слово Господне ему и всем, бывшим в доме его**". Он омыл их, и сам омылся; омыл их от ран, а сам омылся от грехов; напитал их, и сам напитался. "**И возрадовался**", говорит (писатель), хотя не получил ничего, кроме собеседования и благой надежды. Доказательством его веры служит то, что он оставил все (худое). Что хуже темничного сторожа? Что жесточе, что суровее его? Но он принял их с великою честью. "**Возрадовался**", не потому, что избавился от опасности, но "**уверовал в Бога**". "**Веруй**", говорил Павел, "**в Господа**"; потому и прибавил (писатель): "**уверовал в Бога**", чтобы не показалось, что спасается человек осужденный и грешный. "**Без суда всенародно били и бросили в темницу**", – чтобы это дело не было только действием благодати, но и их самих. Смотри, как разнообразно действует благодать, как вышел (Петр) и как (Павел), хотя они оба были апостолы. "**Испугались**", говорит (писатель). Боятся потому, что они "**Римские граждане**", а не потому, что несправедливо заключили их. "**Просили удалиться из города**". Просили этого, как милости. Они же, пришедши к Лидии и утешив ее, тогда и "**отправились**". Не следовало гостеприимную жену оставлять в скорби и недоумении. "**Отправились**", не потому, что повиновались начальникам, но, поспешая на проповедь, так как этот город уже довольно получил пользы от чуда. Долее оставаться здесь не следовало; чудо является большим, когда уходят совершившие его; тогда и оно само взывает громче. Вера темничного сторожа была здесь вместо проповеди. Что может сравниться с этим? Связывается (Павел) и связанный разрешает, разрешает сугубые узы, разрешает связавшего чрез то самое, что был связан. Поистине это – дело благодати. "**Итак**", говорит, "**выйдите теперь и идите с миром**", т.е. безопасно, не боясь ничего. С другой стороны они желают, чтобы и он оставался в безопасности, чтобы и после того не подвергался обвинению. Не говорят: "**били и бросили в темницу**", совершивших чудеса, так как на это не обратили бы внимания, но, что особенно могло подействовать на душу их, говорят: "**нас, Римских граждан, без суда всенародно**". Будем и мы всегда помнить об этом узнике, а не (только) о чуде. Что в том, скажут эллины, что он, будучи узником, вразумил темничного сторожа? Кого, скажут, и можно было убедить, как не человека грубого, жалкого, не отличавшегося умом, преисполненного пороков, удобоубеждаемого? К этому прибавляют: вообще, кто веровал, кроме кожевника, порфиропродавщицы, евнуха, темничного сторожа, рабов и женщин?

Но что они скажут, если мы укажем на сановников, на сотника, проконсула и других с того времени доныне, даже на властителей и царей? Впрочем, скажу нечто другое, большее этого; посмотрим на тех же простых людей. Что же, скажут, здесь удивительного? Это и удивительно; если бы кто убедился в предметах обыкновенных, то это было бы нисколько не удивительно; но когда о воскресении, о царствии небесном, о жизни любомудрой говорят людям простым и убеждают их, это гораздо удивительнее, нежели убедить мудрецов. Если нет никакой опасности и кто-либо убеждает, то указывают на неразумие (верующих); но когда говорят, например, рабу: если ты поверишь мне, то будешь в опасности, все будут твоими врагами, тебе должно будет умереть и претерпеть множество бед, и при всем том уловляют душу его, то это уже не от безумия. Если бы учение (христианское) служило для удовольствия, то справедливо можно было бы сказать это; если же раб научается тому, чего не захотели бы принять философы, то это – высшее чудо. Представим, если угодно, того кожевника и посмотрим, о чем беседовал с ним Петр, или, если хочешь, того самого темничного сторожа. О чем говорил ему Павел? Говорил о том, что Христос воскрес, что есть воскресение мертвых, что есть царствие (небесное), и скоро убедил этого, удобоубеждаемого человека. Что же? Не говорил ли ему также о жизни, о том, что нужно быть целомудренным, удерживаться от любостяжания, не быть жестоким и уделять другим из своего имущества? Убедиться и в этом, поистине, свойственно не безумной, но великой душе. Положим, что они принимали учение более по неразумию; но усвоить себе жизнь столь любомудрую – может ли это быть от неразумия? Таким образом, чем неразумнее убеждаемый и однако убеждается в том, в чем философы не могли убедить философов, тем большее здесь чудо, особенно, когда убеждаются и женщины и рабы, и делами показывают то, в чем Платоны и все другие (философы) не могли убедить никого. Что я говорю: никого? Даже и себя самих. Платон внушал, что не нужно презирать богатства, внушал тем, что собрал столько имущества, такое множество денег, золотых перстней и чаш. Что не нужно презирать славы мирской, внушал сам Сократ, хотя и много философствовал об этом, – внушал тем, что все делал из тщеславия. Если бы вы были знакомы с его учением, то я более распространился бы об этом и показал бы, как много в них лицемерия, и как у самого Сократа, – если верить тому, что говорит ученик его, – все учение проникнуто тщеславием.

3. Но оставим их и обратим речь к самим себе. К вышесказанному можно прибавить и то, что они убеждались в этом среди опасностей. Итак, не будем бесстыдны, но подумаем о той ночи, о кандалах, о песнопении, и постараемся сами поступать также; тогда и мы отверзем себе не темницу, а небо. Если будем молиться, то можем отверзть самое небо. Илия ж заключал и отверзал небо молитвою. И на небе есть темница. "**Что вы свяжете на земле**", говорит (Христос), "**то будет связано на небе**" (Мф.18:18). Будем молиться во время ночи и разрешим эти узы. А что молитва разрешает грехи, в этом может убедить нас вдовица (Лк.18:3), может убедить друг, который в полночь стоял у дверей и толкал (Лк.11:5), может убедить Корнилий, которому (ангел) сказал: "**молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом**" (Деян.10:4), может убедить Павел, который говорит: "**истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь**" (1Тим.5:5). Если он говорит это о вдовице, жене слабой, то тем более (можно сказать) о мужах. Я уже и говорил вам об этом, и теперь скажу: будем вставать во время ночи; если не прочитаешь многих молитв, то прочитай одну со вниманием, и этого довольно; ничего более не требую; если не среди ночи, то хотя около утра. Покажи, что ночь не для одного тела, но и для души; не попускай проходить ей в бездействии, но воздай это воздаяние Господу, или лучше, оно опять к тебе же возвратится. Скажи мне: когда мы впадаем в затруднительное положение, то кого тогда не просим? И если скоро получаем просимое, то чувствуем облегчение. Где ты найдешь, чтобы тот, кого ты просишь, готов был благодарить тебя за то, что ты просишь? Где ты найдешь, чтобы не нужно было ходить и искать, кого бы попросить, но иметь его

всегда в готовности? Или не нуждаться в других, чтобы просить чрез них? Что может быть больше этого? Он тогда особенно и исполняет (наши просьбы), когда мы не прибегаем к другим, подобно тому, как искренний друг тогда особенно упрекает нас в недоверчивости к его дружбе, когда просим его чрез других. Так поступаем и мы с просящими нас; тогда особенно бываем к ним благосклонны, когда они сами обращаются к нам, а не чрез других. Но что, скажешь, если я оскорбил Его? Перестань оскорблять, со слезами приступи к Нему, и Он скоро помилует тебя за прежние дела. Скажи только, что оскорбил Его, скажи от души и из глубины сердца, и во всем получишь прощение. Не столько ты желаешь, чтобы прощены были тебе грехи, сколько Он желает простить грехи твои. А что ты мало желаешь этого, пойми из того, что ты не хочешь ни бодрствовать, ни уделять из имущества своего; а Он, чтобы оставить нам грехи наши, не пощадил единородного, истинного и сопрестольного Сына Своего. Видишь ли, что Он гораздо более тебя желает простить грехи твои? Не будем же нерадивы и не станем откладывать это дело. Он человеколюбив и благ; подадим Ему только повод; и даже этого (Он требует) только для того, чтобы мы не оставались непотребными; а иначе Он помиловал бы нас и без этого. Подобно тому, как мы для блага рабов своих изобретаем и употребляем тысячи средств, так и Он печется о нашем спасении. "**Предстанем пред лицем Его во исповедании**", что Он благ и милосерд (Пс.94:2). Если ты не будешь призывать Его во истине, и не станешь взывать от сердца: прости мне, а одними только устами, то что Он сделает? Что же значит: призывать во истине? С добрым расположением, с усердием, от чистого сердца. Подобно тому, как о мире говорят, что оно истинное, когда к нему ничего не примешано, так точно и здесь. Истинно призывающий Его и истинно просящий Его просит непрестанно и не отходит дотоле, пока не получит; а кто делает это лицемерно и желает только исполнить закон, тот не призывает Его во истине. Всякий, кто бы то ни был, не говори только: я грешник, но и старайся избавить себя от этой славы; не говори только, но и сокрушайся. Если ты сокрушаешься, то прилагаешь старание; если не стараешься, то и не сокрушаешься; если же не сокрушаешься, то издеваешься. Кто, сознавая, что он болен, не делает всего к тому, чтобы избавиться от болезни? Молитва – великое оружие. "**Если вы**", говорит (Христос), "**умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный**" (Лк.11:13). Почему же ты не хочешь прибегнуть к Нему? Он любит тебя; может сделать больше всех; и желает и может: что же тебе препятствует? Ничто. Итак, будем приступать к Нему с верою, приступать принося угодные Ему дары: непамятозлобие, снисходительность, кротость. Хотя бы ты был грешник, с дерзновением проси у Него прощения грехов, если можешь представить с своей стороны это доброе дело; и хотя бы ты был праведник, но если не имеешь непамятозлобия, то не получишь никакой пользы. Человек, простивший своему ближнему, не может не получить совершенного прощения (от Бога), потому что Бог несравненно человеколюбивее нас; это известно каждому. Что же ты говоришь? Если можешь сказать (пред Богом): я был обижен, но обуздал гнев, преодолел бурный порыв его по заповеди Твоей, то не простит ли и Он тебе? Без сомнения, простит. Очистим же душу свою от памятозлобия; этого довольно будет, чтобы и нам быть услышанными; будем молиться со вниманием и великим усердием, чтобы нам, удостоившись великого человеколюбия Его, сподобиться обетованных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 37

"Пройдя через Амфиполь и Аполлонию, они пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога. Павел, по своему обыкновению, вошел к ним и три субботы говорил с ними из Писаний, открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, Которого я проповедую вам" (Деян.17:1-3).

1. Опять они проходят малые города, но поспешают в большие, из которых, как бы из какого источника, слово могло распространяться в соседние города. По обычаю своему Павел вошел в синагогу иудейскую. Хотя он сказал: "**мы обращаемся к язычникам**" (Деян.13:46), но не оставил и тех, потому что питал к ним великую любовь. Послушай, в самом деле, что он говорит: "**Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение**" (Рим.10:1), и: "**я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих**" (Рим.9:3). Он делал это как ради обетования Божия и славы Его, так и для того, чтобы в противном случае не соблазнились эллины. "**Три субботы говорил с ними из Писаний, открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, Которого я проповедую вам**". Видишь, как он, прежде всего, проповедует о страдании; так, (апостолы) не стыдились этого, но были уверены, что это спасительно. "**И некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу и Силе, как из Еллинов, чтущих Бога, великое множество, так и из знатных женщин немало**" (ст. 4). Только сущность беседы изложил (писатель); так он не многоречив и не везде излагает целые речи Павла. "**Но неуверовавшие Иудеи, возревновав и взяв с площади некоторых негодных людей, собрались толпою и возмущали город и, приступив к дому Иасона, домогались вывести их к народу. Не найдя же их, повлекли Иасона и некоторых братьев к городским начальникам, крича, что эти всесветные возмутители пришли и сюда, а Иасон принял их, и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса**" (ст. 5-7). О, клевета! Опять обвиняют их в государственном преступлении. "**Все они поступают против повелений кесаря**", говорят, "**почитая другого царем, Иисуса**".

"**И встревожили народ и городских начальников, слушавших это. Но сии, получив удостоверение от Иасона и прочих, отпустили их**" (ст. 8-9). Удивителен этот муж, подвергший опасности себя и спасший их. "**Братия же немедленно ночью отправили Павла и Силу в Верию, куда они прибыв, пошли в синагогу Иудейскую. Здешние были благомысленнее Фессалоникских: они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так**" (ст. 10-11). "**Благомысленнее**", т.е. более послушные. И смотри, они не просто, но тщательно исследовали Писания (это именно означает – "**разбирая**"), желая из них более удостовериться касательно страдания (Христова), так как они уже веровали. "**И многие из них уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало. Но когда Фессалоникские Иудеи узнали, что и в Верии проповедано Павлом слово Божие, то пришли и туда, возбуждая и возмущая народ. Тогда братия тотчас отпустили Павла, как будто идущего к морю; а Сила и Тимофей остались там**" (ст. 12-14). Смотри, как он и отступает и опять наступает, и многое делает по-человечески. "**Сопровождавшие Павла проводили его до Афин и, получив приказание к Силе и Тимофею, чтобы они скорее пришли к нему, отправились**" (ст. 15). Но обратимся к вышесказанному. "**Три субботы**", говорит (писатель), "**говорил с ними из Писаний**". И хорошо, потому что тогда они не были заняты. Тоже делал и Христос, поучая часто из Писаний, а не всегда посредством знамений. Так как они противились ему и клеветали на него, как бы на обольстителя и развратителя, то он и беседует с ними из Писаний. Кто старается убедить посредством одних только знамений, тот легко навлекает на себя подозрение; а кто убеждает из Писаний, тот не подвергается такому подозрению. И мы видим, что он часто убеждал посредством учения; в Антиохии, когда он учил, собрался к нему весь город; и это – великое дело, и также знамение, и притом не малое, но весьма большое. А чтобы (апостолы) не думали, что они сами собою совершали все, для того Бог попускает им быть гонимыми. Отсюда происходило два блага: они не высокомудрствовали, как бы преодолевая все сами собою, и с другой стороны не страшились, как бы виновные в чем-нибудь; так по устроению (Божию) было и то, что они призывались (с места на место). "**Уверовали**", говорит (писатель), от честивых еллин множество много "**и из знатных**

женщин немало" (ст. 12). А (иудеи) противились. Почему же тот, кто говорил: "**нам идти к язычникам, а им к обрезанным**" (Гал.2:9), беседовал с иудеями? Он делал это от избытка (ревности). Если же нужно было беседовать и с иудеями, то почему он опять говорил: "**ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников**" (ст. 8)? Как те (апостолы) беседовали и с язычниками, хотя были посланы к обрезанным, так и он более беседовал с (язычниками), но не оставлял и (иудеев), чтобы не показалось, что они разделились.

2. Почему же, скажешь, он наперед входил в синагоги? Он убеждал язычников через иудеев, тем, о чем беседовал с иудеями. Он знал, что это особенно располагало язычников к вере. Потому он говорил: "**Апостол язычников**" (Рим.11:13); и все послания его направлены против иудеев. "**Что Христу**", говорит, "**надлежало пострадать**". Если надлежало пострадать, то и воскреснуть; первое гораздо удивительнее последнего. Если (Бог) ни в чем невиновного (Христа) предал на смерть, то тем более справедливо, что Он воскресил Его. "**Но неуверовавшие Иудеи**", говорит (писатель), "**возревновав и взяв с площади некоторых негодных людей, собрались толпою и возмущали город**". Следовательно, здесь было больше эллинов. "**И**", принимают "**некоторых**", потому что иудеи считали себя недостаточными для возмущения (народа) и не имели основательной к тому причины. Они всегда производили это с шумом и при помощи негодных людей. "**Не найдя же их**", говорит, "**повлекли Иасона**". О, насилие! Повлекли их прямо из домов их. "**Все они**", говорят, "**поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса**". Так как они не говорили ничего противного законам и не возмущали города, то обвиняют их в другом, государственном, преступлении. Но чего вы страшитесь, если (Христос) умер? Смотри, как гонения везде служат к распространению проповеди. "**Здешние были**", говорит (писатель), "**благомысленнее Фессалоникских**", т.е., никакого зла (апостолам) не делали; они уверовали, а те поступают напротив, производя возмущение. "**И многие из них**", говорит, "**уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало**". Опять здесь веруют эллины. Заметь, что они удалились по предусмотрительности, а не по страху; иначе они перестали бы проповедовать и тех раздражали бы еще более. А теперь произошло два блага: и неистовство тех прекратилось и проповедь распространилась. Достойно бесчиния иудеев выразился (писатель), сказав, что они "**пришли и туда, возбуждая и возмущая народ**", и тем изобразив их неукротимое неистовство. "**Тогда**", говорит, "**братия тотчас отпустили Павла, как будто идущего к морю**". Здесь они отпускают одного Павла, потому что за него опасались, чтобы он не потерпел чего-нибудь, так как он был их главою. Так, не везде действовала благодать, но оставляла им действовать и самим по-человечески, возбуждая их и располагая к бодрствованию и вниманию. Смотри: она избавляла их (от опасностей) до Филипп, а от этого места уже нет. "**И, получив**", говорит (писатель), "**приказание к Силе и Тимофею, чтобы они скорее пришли к нему, отправились**". Так и следовало; где был Павел, там нужно было быть и им. Хорошо, что они приведены были Богом в Македонию, так как Греция была уже славною. Притом (Павел) делал иное с избытком. Христос повелел (проповедникам) жить от благовестия, а он не делал этого (1Кор.9: 14,15), Христос не посылал его крестить (1Кор.1:17), а он крестил. Видишь, как он был равно способен на все. Петр (пошел) к обрезанным, а он к язычникам, к многочисленнейшей части. "**Но сии, получив**", говорит, "**удостоверение от Иасона и прочих, отпустили их**". Смотри, как Иассон, дав "**удостоверение**", избавил Павла и таким образом положил за него душу свою. "**Здешние были**", говорит, "**благомысленнее Фессалоникских**", т.е., были такими по добродетели и вере в Бога. "**Они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так**", – не просто, по увлечению или соревнованию.

Город был большой и в нем были негодные люди. Нет ничего удивительного, что в большом городе были худые люди; весьма естественно быть худым людям в большом городе, где так много случаев к бесчинствам. Как в теле, когда болезнь делается сильнее, то находит себе более материала и пищи, – так и здесь было тоже, что и в Иконии, что бывает и теперь. Павел удаляется, чтобы они (иудеи) остались виновными в погибели других (необращенных). Почему Павел и говорил: "**препятствуют нам говорить язычникам**" (1Фес. 2:16). А почему, скажешь, они не остались здесь? Почему не совершили знамений? Если (Павел) оставался довольно времени там, где был побиваем камнями, то тем более (мог остаться) здесь. Почему? Богу не было угодно, чтобы они постоянно совершали знамения; и если гонимые побеждают без знамений, то это есть не меньшее знамение, как и совершать знамения. Как теперь (Бог) побеждает без знамений, так точно Он часто благоволил побеждать и тогда. Апостолы не прибегали к знамениям, как и Павел говорит: "**мы проповедуем Христа распятого**" (1Кор.1:23); ищущим знамений и премудрости мы сообщаем то, в чем иной не мог бы убедить и при помощи знамений, и убеждаем. Это и есть великое знамение. Когда же проповедь распространялась, то, смотри, как часто они прибегают к знамениям. Для верующих следовало совершать больше знамений, нежели для прочих; потому они и совершаются; впрочем (апостолы) совершали их тогда, когда уходили и приходили. "**Отпустили**", говорит (писатель), "**Павла, как будто идущего к морю**". Для чего? Чтобы (иудеям) не легко было взять его. Таким образом (отпустившие Павла) сами по себе могли сделать нечто великое, а с ним сделали бы и успели бы еще более: но они хотели пока избавить его от опасности.

3. Смотри, какую заботливость проявляли все ученики о верховных (апостолах), не так как мы теперь, мы, которые отделились друг от друга, разделились на великих и малых; одни превозносимся, другие завидуем; эти завидуют потому, что мы надмеваемся и не хотим равняться с ними. В теле нашем есть согласие, потому что (между членами его) нет надменности; а нет надменности потому, что все члены по необходимости имеют нужду один в другом; голова имеет нужду в ногах, а ноги – в голове. И между нами Бог устроил тоже самое, но не смотря на то мы не хотим (равняться с другими), хотя и без этого следовало бы иметь любовь между собою. Не слышите ли, как и внешние (язычники) осуждают нас, когда говорят: дружба полезна? Миряне имеют нужду в нас, а мы существуем для них. Так, не было бы ни учителя, ни начальника, если бы не было учащихся и подчиненных, и не явили бы они дел своих, потому что не могли бы. Как земля имеет нужду в земледельце и земледелец в земле, так и здесь. Какое воздаяние получит учитель, если он не может показать наученных им? Какое – и учащиеся, если они не пользовались добрым учением? Таким образом, мы равно имеем нужду друг в друге, начальники в подчиненных, настоятель в послушниках; начальники существуют для других многих. Никто ни в каком деле не может ограничиться самим собою, нужно ли будет рукополагать, или давать советы и мнения, но получает большую честь от собрания и множества. Например, бедные имеют нужду в подающих, а подающие в приемлющих. "**Будем внимательны друг ко другу**", говорить (апостол), "**поощряя к любви и добрым делам**" (Евр.10:24). Потому много может общение с Церковью, и кто не может сделать чего-либо сам собою, то сделает вместе с другими. Потому-то здесь особенно совершаются потребные молитвы о вселенной, о Церкви во всех пределах, о мире, о находящихся в опасностях. И Павел выражает это, когда говорит: "**дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас**" (2Кор.1:11), т.е., чтобы воздана была благодарность многим. И часто он испрашивает себе молитв их. Посмотри, что и Бог говорит о ниневитянах: "**Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек**" (Ион.4:11)? "**Где двое или трое**", говорит (Христос), "**собраны во имя Мое, там Я посреди них**" (Мф.18:20). Если же двое могут сделать много, то не тем ли более многие? Положим, что ты и один имеешь силу, но не

столько (как с другими). И почему ты один? Почему не собираешь многих? Почему не делаешься виновником любви? Почему не устрояешь дружбы? Ты не имеешь величайшей славы добродетели. Как зло, сделанное по согласию с другими, более оскорбляет Бога, так и добро, сделанное по согласию с другими, более приятно Ему. "**Не следуй**", говорит (Писание), "**за большинством на зло**" (Исх.23:2). "**Все уклонились, все стали совершенно негодны**" (Пс.13:3) и сделались подобны ликующим в злобе своей. Позаботься приобрести себе друзей прежде домашних своих, прежде всего прочего. Если "**миротворцы**" есть "**сыны Божии**" (Мф.5:9), то не тем ли более приобретающий друзей? Если только примиряющий называется сыном Божиим, то делающий примиряющихся друзьями чего не удостоится? Будем совершать эту куплю, враждующих между собою делать друзьями, соединять тех, которые ни враги, ни друзья между собою, а прежде всех – нас самих. Как тот, кто допустил вражду в своем доме и живет не в согласии с своею женою, не будет иметь доверия, когда станет примирять других, но услышит слова: "**врач! исцели Самого Себя**" (Лк.4:23), так точно и мы услышим здесь. Какая же вражда у нас? Вражда души с телом, порока с добродетелью. Прекратим эту вражду, уничтожим эту брань; тогда и других будем вразумлять с миром и с великим дерзновением, без упреков совести. Гнев противится кротости, любостяжание противится презрению богатства, зависть противится доброжелательству. Прекратим эту брань, низложим этих врагов, поставим эти трофеи, устроим мир в нашем городе. У нас ведь есть свой город и управление, граждане и множество пришельцев. Изгоним пришельцев, чтобы не развратились наши граждане. Да не входит к нам никакое чуждое и нездравое учение, никакое плотское мудрование. Не видим ли мы, что если кто-нибудь из неприятелей будет пойман в городе, то судится, как соглядатай? Изгоним же пришельцев, или лучше, не пришельцев только, но и врагов. Если заметим какой-нибудь помысл, враждебный нам, но прикрывающийся одеждой гражданина, предадим его начальнику – уму. Много у нас таких помыслов, враждебных по существу своему, но прикрывающихся овечьей кожею. Как персы, сняв свою тиару, шаровары и обувь, и надев другую одежду, употребляемую у нас, остригшись догола и говоря на здешнем языке, под этим внешним видом скрывают свою вражду, а если подвергнешь их пытке, то откроешь скрываемое, так и здесь: подвергни тысяче пыток этот помысл, и тотчас увидишь враждебное мудрование. Но, чтобы показать вам пример этих соглядатаев, которых диавол посылает подсматривать за нами, разоблачим хотя одного из них и тщательно допросим пред судилищем; и, если угодно, представим некоторых из обличенных Павлом: "**это имеет только вид мудрости**", говорит он, "**в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти**" (Кол.2:23). Так, например, диавол хотел ввести ересь жидовствующих. Если бы он стал прямо вводить ее, то никого не убедил бы. Смотри же, как он сделал это: не нужно, говорит, щадить своей плоти. Не прилепляться к пище, но воздерживаться, вот это – любомудрие, это – смиренномудрие. И ныне еще он вместе с еретиками хотел низвести нас до почитания твари. Смотри же, как он устроил свой коварный замысл. Если бы он сказал: покланяйся твари, то был бы обличен; но что? Бог, говорит, сотворен. Обличим же его пред судом судей, (разумеющих) смысл апостольских писаний; к ним приведем его; они распознают, что проповедь и что пустословие. Многие собирают имущества, будто бы для того, чтобы иметь, что подать бедным, собирают неправедно; и это также злой помысл. Отвергнем его, обличим, чтобы нам не быть уловленными, но чтобы, избегая всех козней диавола и верно содержа здравое учение, нам безопасно пройти настоящую жизнь и сподобиться обетованных благ, блогодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 38

"В ожидании их в Афинах Павел возмутился духом при виде этого города, полного идолов. Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога, и ежедневно на площади со встречающимися" (Деян.17:16,17).

1. Смотри, как он терпел от иудеев гораздо более искушений, нежели от эллинов. В Афинах даже он не потерпел ничего такого, но все кончилось смехом, и еще убедил (некоторых); от иудеев же много пострадал: так сильно они были вооружены против него! Потому и говорит (писатель): "**в ожидании их в Афинах Павел возмутился духом при виде этого города, полного идолов**". Справедливо он огорчался, потому что нигде нельзя было видеть столько идолов. "**Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога, и ежедневно на площади со встречающимися**". Смотри, как он опять беседует с иудеями, и чрез это заграждает уста тем, которые утверждают, будто он оставил их, обратившись к язычникам. Удивительно, что философы горделиво не посмеялись ему тотчас же, как он стал говорить, и не отвергли его учения, сказав: оно далеко от философии. Это потому, что он не имеет надменности; или, с другой стороны, потому, что они не понимали и не разумели ничего из сказанного. В самом деле, могли ли (уразуметь его) те, из которых одни почитали Бога существом телесным, другие удовольствие считали блаженством? "**Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: "что хочет сказать этот суеслов?", а другие: "кажется, он проповедует о чужих божествах", потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение**" (ст. 18). Они думали, что воскресение (ανάςασις) есть какое-нибудь божество, так как имели обычай почитать и женщин. "**И, взяв его, привели в ареопаг и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему хотим знать, что это такое?**" (ст. 19, 20). Повели его в ареопаг не для того, чтобы научиться, но чтобы наказать его, так как там судились уголовные преступления. Смотри, как они, под видом желания научиться, во всем обнаруживают свою страсть к новостям. Город их был город пустословов. "**Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое. И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано "неведомому Богу". Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам**" (ст. 21-23). Как бы похваляя их, он, по-видимому, не говорит им ничего неприятного. "**Вижу я**", говорит, "**что вы как бы особенно набожны**". "**На котором написано: неведомому Богу**". Что это значит? Афиняне, принимавшие в разные времена разных богов и даже иноземных, например, богиню Минерву, Пана и других из других стран, боясь, чтобы не нашелся еще какой-нибудь бог, неведомый им, но почитаемый в другом каком-нибудь месте, для большей безопасности поставили жертвенник и ему; и так как этот бог был неизвестен, то и написали: неведомому Богу. Этот-то Бог, говорит Павел, и есть Иисус Христос, или лучше, Бог всех. "**Сего-то, Которого вы, не зная, чтите**", говорит, "**я проповедую вам**". Смотри, как он доказывает, что они и прежде принимали Его. Ничего странного, говорит, ничего нового я не предлагаю. Они твердили ему: "**можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши**". По- тому он немедленно уничтожает их предубеждение и говорит: "**Бог, сотворивший мир и всё, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли**" (ст. 24). Потом, чтобы они не думали, что Он есть один из многих (богов), в исправление этого присовокупляет: "**не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду**" (ст. 25). Видишь ли, как он мало-помалу научает любомудрию? Как посмеивается языческому заблуждению? "**Сам дая всему жизнь и дыхание и всё. От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли**" (ст. 26). Это свойственно Богу. Но, заметь, это может быть сказано и о Сыне. "**Он, будучи Господом**",

говорит, "**неба и земли**", – неба и земли, которые они считали богами. Объясняет им сотворение мира и людей. "**Назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: мы Его и род**" (ст. 27, 28). Это сказал поэт Арат. Смотри, как он заимствует доказательства и из того, что ими самими сделано и сказано. "**Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого**" (ст. 29). Но поэтому-то, скажут, и должны? Отнюдь нет; ни мы, ни наши души не (совершенно) подобны (Богу). Почему же он не стал прямо научать любомудрию и не сказал: Бог безтелесен по существу, невидим, неизобразим? Потому, что излишне было бы говорить это людям, которые еще не знали, что Бог один. Потому, не говоря об этом, он останавливается на боле близком предмете и говорит: "**итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых**" (ст. 30, 31). Смотри: тронув их душу словами: "**назначил день**", и устрашив, он потом благовременно присовокупляет: "**воскресив Его из мертвых**". Но обратимся к вышесказанному. "**В ожидании их в Афинах Павел возмутился**", говорит (писатель), "**духом**". Не гнев или негодование означает здесь раздражение, но горячность души и ревность, как и в другом месте, где говорится: "**произошло огорчение**" между ними (Деян.15:39).

2. Смотри, как это устрояется, тогда как он невольно остался здесь, ожидая своих спутников. Что значит: "**возмутился**"? Иначе сказать: возревновал; этот дар далек от гнева и негодования. Он не мог снести и скорбел духом. "**Итак он рассуждал**", говорит (писатель), "**в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога**". Смотри: он опять беседует с иудеями. "**Чтущими Бога**", же называются здесь прозелиты, иудеи со времени пришествия Христова рассеялись повсюду, как потому, что с того времени закон потерял силу, так и для того, чтобы научать людей благочестию. Но сами они не получали никакой пользы, а только уверялись в своих бедствиях. "**Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним**". Афиняне тогда уже не управлялись своими законами, как подвластные римлянам. А отчего философы стали состязаться с ним? Они видели, что другие беседуют с ним и что этот человек пользуется славою. И смотри, как обидно они тотчас же (выражаются), – "**душевный человек не принимает того, что от Духа Божия**" (1Кор.2:14): "**кажется**", говорят, "**он проповедует о чужих божествах**". Демонами они называли своих богов; а города их были наполнены идолами. "**И, взяв его, привели в ареопаг и говорили**". Для чего повели его в ареопаг? Чтобы устрашить его, так как там судились уголовные преступления. "**Можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему хотим знать, что это такое? Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое**". Здесь указывается на то, что хотя они постоянно проводили время в том, чтобы говорить или слушать, но и для них казалось странным это (учение Павла), которого они еще не слыхали. "**И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник**". Не сказал прямо: идолов, но для предисловия к речи сказал: "**вижу я, что вы как бы особенно набожны**", по причине упомянутого жертвенника. "**Бог**", говорит, "**сотворивший мир и всё, что в нем**". Произнес одно слово, которым ниспроверг все учения философов. Эпикурейцы утверждали, что все произошло само собою и составилось из атомов; стоики, – что все телесно и (составилось) из огнеобразного вещества; а он говорит, что "**мир и всё, что в нем**" – дело Божие. Видишь ли, какая краткость и в краткости какая ясность? И смотри, что им казалось странным. То,

что Бог сотворил мир. Что теперь всякий знает, того не знали афиняне и мудрейшие из афинян. Если же Он сотворил, то очевидно, что Он есть Господь. Заметь, какое, по словам его, отличительное свойство Божества: творчество, которое принадлежит и Сыну. И пророки везде говорят, что творить свойственно Богу, – не так, как эти (еретики), которые признают творцом иное существо, а не Господа, предполагая несозданное вещество. Здесь он высказал и подтвердил свою мысль, но некоторым образом ниспроверг учение и этих (еретиков). "**Не в рукотворенных**", говорит, "**храмах живет** ". (Бог) обитает и в храмах, но не в таких, а в душе человеческой. Смотри, как он ниспровергает чувственное служение (Богу). Как? Разве Бог не обитал в храме Иерусалимском? Нет, но только действовал. Разве Он не принимал служения от рук человеческих у иудеев? Не от рук, но от души, и этого требовал не потому, чтобы имел в том нужду. "**Ужели Я**", говорит Он, "**ем мясо волов и пью кровь козлов?**" (Пс.49:13). Затем, сказав: "**и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду**", – не довольно ведь того, что Он ни в чем не нуждается, как сказано, хотя и это есть божеское свойство, но надлежит быть еще и другому, – он присовокупляет: "**Сам дая всему жизнь и дыхание и всё**". Указывает два отличительных свойства Божества: ни в чем не нуждаться и всем подавать все. Сравни с этим то, что говорили о Боге Платон или Эпикур, и все в сравнении с этим окажется пустословием. "**Дая**", говорит, "**всему жизнь и дыхание**". Вот и по отношению к душе, утверждает он, Бог есть творец ее, а не родитель. Посмотри еще, как он опровергает учение о веществе. "**От одной крови**", говорит, "**Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли**". Это гораздо лучше их (учения) и ниспровергает и атомы и (несозданное) вещество. Здесь он показывает, что и душа человеческая неделима, и что быть Творцом не то значит, что они говорят. А словами, что Бог "**не требует служения рук человеческих**", выражает то, что Он принимает служение душой и умом. "**Он**", говорит, "**будучи Господом неба и земли**", – следовательно не частные боги. "**Бог, сотворивший мир и всё, что в нем**". Сказав наперед, как произошло небо, он потом изъяснил, что Бог живет не в рукотворенных (храмах) и как бы так сказал: если Он – Бог, то очевидно сотворил все; если же не сотворил, то Он и не Бог. Боги, говорит, которые не сотворили неба и земли, должны быть отвергнуты. Таким образом, он преподал учение гораздо выше философов (хотя и не сказал еще о важнейшем, так как еще не пришло время, а он говорил с ними, как с детьми) – учение о творении, господстве (Бога), о том, что Он не нуждается ни в чем.

3. Сказав, что (Бог) "**от одной крови Он произвел весь род человеческий**", он указал причину всех благ. Что может сравниться с этим величием? Удивительно – сотворить от одного столь многих; но еще удивительнее – обладать всеми. "**Сам дая всему**", говорит, "**жизнь и дыхание**". Что значит: "**назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли**"? Никому, говорит, не нужно было ходить и искать Бога; или, если не так, то: определил искать Бога, но определил не навсегда, а на "**предопределенные времена**". Этими словами он выражает, что и теперь искавшие не нашли Его, хотя Он был так явен для ищущих, как бы находящийся пред нами осязаемый предмет. Не таково это небо, чтобы в одном месте оно было, а в другом – нет, чтобы в одно время было, а в другое – нет; но во всякое время и на всяком месте можно найти его. Так устроил (Бог), что ищущим Его не препятствует ни место, ни время. Это самое и им много послужило бы во благо, если бы они захотели, т.е. что это небо находится везде, существует во всякое время. Потому он и сказал: "**хотя Он и недалеко от каждого из нас**", но находящегося близ всех. Это значит, что Бог не только дал нам жизнь и дыхание и все, но, что важнее всего, открыл путь к познанию Его, даровал то, чрез что мы можем найти и достигнуть Его. Но мы не захотели искать Его, хотя Он близ нас. "**Недалеко**", говорит, "**от каждого из нас**". Так, близок ко всем, говорит, находящимся повсюду во вселенной. Что может быть больше этого? Смотри, как он ниспровергает частных (богов). Что я говорю: "**недалеко**"? Он так близок, что без Него

невозможно и жить. "**Ибо мы Им живем и движемся и существуем**". Как бы указывает на вещественный пример в таком роде: как невозможно не знать воздуха, который разлит повсюду и находится недалеко от каждого из нас, или лучше, находится и в нас самих, так точно – и Творца всего. Смотри, как (Павел) приписывает Ему все – и промышление и сохранение, бытие, действие и продолжение (всего). Не сказал: чрез Него, но, что означает большую близость: "**Им**". Ничего подобного не сказал тот поэт, который выразился: "**мы Его и род**". Тот сказал о Юпитере, а он относит это к Творцу, разумея не то самое существо, которое тот (разумел), – да не будет! – но применяя к Нему то, что собственно сказано о другом; равно как и жертвенник он приписал Ему, а не тому, которого они почитали. Говорилось и делалось нечто, относящееся к Нему, но эллины не знали, что это относится к Нему, а относили к другому. Скажи мне, о ком, собственно, можно было сказать: "**неведомому Богу**" – о Творце, или о демоне? Очевидно, что о Творце, хотя они не знали Его, а того знали. Как те слова, что все со-творил (Бог), надобно относить собственно к Богу, а не к Юпитеру, какому-то человеку порочному, нечестивцу и чародею, так точно и слова: "**мы Его и род**", Павел сказал не в одинаковом (с поэтом), но в другом смысле. "**Итак мы**", говорит, "**будучи родом Божиим**", т.е., родственные и ближайшие, или, так сказать, приближенные и соседственные. А чтобы они опять не сказали: "**что-то странное ты влагаешь в уши наши**" (ничто ведь так мало не соответствует людям, как это), – он ссылается на поэта. И не сказал: вы, нечестивые и пренечестивые, не должны думать, что Божество подобно золоту или серебру; но смиренно говорит: "**не должны думать**" это, но гораздо выше этого. Что же выше этого? Бог. Но и этого (не сказал), – потому что это имя означает (положительную) деятельность, – а говорит пока отрицательно: Божество не подобно этому; кто может сказать это? Смотри, как он доводит до понятия о бестелесном. Когда ум представляет тело, то вместе с тем представляет и пространство. "**Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать**", говорит, "**что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого**". Но кто-нибудь мог сказать: мы и не думаем этого; для чего же он говорит это? Он обращал речь свою ко многим; и хорошо сказал так. Если мы по душе не подобны этим (вещам), то тем более Бог. Таким образом, он отклоняет их от этой мысли. И не только Божество не подобно искусственному изображению, но не подобно и другому какому-либо "**вымыслу человеческому**", так как (все) изобретается или искусством или умом. Потому он и сказал: если Бог есть то, что изобретается искусством человеческим или умом, то и в камне было бы существо Божие. Если же мы живем Им, то как не находим Его? Вдвойне он осуждает их, и за то, что они не нашли Его, и за то, что изобрели тех (богов). Ум сам по себе никогда не бывает достоверным. Когда он тронул их душу, показав, что они безответны, то, смотри, что присовокупляет: "**оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться**". Как? Разве никто из них не будет наказан? Никто из тех, которые желают покаяться. Об этих он говорит; не о скончавшихся, а о тех, которым проповедует. (Бог) не требует, говорит, отчета от вас. Не сказал: Он оставил без внимания, или попустил, но: вы находились в неведении. Презирал, т.е. не подвергает наказанию достойных наказания. Вы находились в неведении; не говорит: вы делали зло добровольно, так как это видно из вышесказанного. "**Повсюду покаяться**": этими словами указывает на всю вселенную.

4. Смотри, как он отклоняет их от мысли о частных (богах). "**Ибо Он назначил**", говорит, "**день, в который будет праведно судить вселенную**". Смотри: опять указывает на вселенную, разумея здесь людей. "**Посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых**". Смотри, как он, упомянув о воскресении, опять указал на страдание (Христово). А что этот суд праведен, видно из воскресения, так как одно другим подтверждается; и что все это он сказал справедливо, видно из того же, что (Христос) воскрес. Так и всем (апостолы) проповедовали веру (во

Христа), удостоверяя, что Он воскрес; впрочем, это известно. Все это сказано афинянам; но благовременно сказать и нам, что "**всем повсюду**" должно "**покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную**". Смотри, как (Павел) представляет Его и судиею и промыслителем мира, человеколюбивым и милостивым, всемогущим и премудрым, и вообще со всеми свойствами, принадлежащими Творцу. Сказанное он привел в доказательство того, что Он (Христос) воскрес из мертвых. Итак, покаемся, потому что нам должно быть судимыми. Если бы Христос не воскрес, то мы не были бы судимы; если же Он воскрес, то мы непременно будем судимы: "**ибо Христос**", говорит (Писание), "**для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми**" (Рим.14:9); и еще: "**все мы предстанем на суд Христов**" (Рим.14:10), "**всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал**" (2Кор.5: 10). Не думайте, что это одни только слова. Здесь он предлагает учение и о воскресении всех; иначе вселенная не может быть, судима. Слова: "**воскресив Его из мертвых**" относятся к телу (Христову); оно было мертво, оно подвергалось смерти. Эллины отвергают учение как о творении, так и о суде, утверждая, что это – выдумка детей и людей пьяных. Но мы, зная об этом верно, будем делать все на пользу нашу и постараемся примириться со Христом. Доколе мы будем враждовать против Него? Доколе будем питать к Нему чувство неприязни? Да не будет! говорят; к чему ты говоришь это? Не стал бы я говорить, если бы вы не делали этого; а теперь какая польза от того, что словами не выражаете этого, когда дела вопиют с такою ясностью? Как же нам возлюбить Его? Говорил я об этом тысячу тысяч раз; но скажем и теперь. Я нашел, кажется, один способ весьма важный и чудный. Размыслив о благодеяниях Божиих, касающихся всех вообще, и столь обильных, что невозможно и исчислить их, и за все это воздав Ему благодарность, будем все представлять то, что Он сделал для каждого из нас, и размышлять о том каждый день. Это имеет великую силу. Потому каждый из нас пусть помыслит сам в себе и тщательно припомнит, когда он, подвергшись опасности, избег от рук врагов, и пусть содержит благодеяния Божии как бы написанными в книге; например: не отправлялся ли он когда-нибудь в путь неблаговременно, и избегнул опасности; не имел ли когда-нибудь дела с негодными людьми, и вышел победителем; не впадал ли когда-нибудь в болезнь, и сверх всякого чаяния выздоравливал. Это много содействует к примирению нас с Богом. Если Мардохею добрые дела его, когда они были воспомянуты царем, столько принесли пользы, что он опять достиг прежнего величия (Есф.6:1-12), то тем более (получим пользы) мы, если будем припоминать и тщательно наблюдать, в чем мы согрешили против Бога и какие блага Он даровал нам; тогда мы и будем благодарны и оставим все (греховное). Но никто не воспоминает ни о чем подобном, а как о грехах мы говорим, что мы грешны, не исследуя, в чем именно, так и о благодеяниях Божиих говорим, что Он благодетельствует нам, не исследуя, где именно, в чем и в какое время. Отныне же будем более внимательны. Если кто может припомнить и давние (благодеяния Божии), пусть тщательно размышляет о всем, и найдет в этом великое сокровище. Это полезно нам и для того, чтобы не впадать в отчаяние. Если мы увидим, что Он многократно благодетельствовал нам, то не станем отчаиваться и считать себя отверженными, но будем иметь великий залог попечения Его о нас, при мысли, что и согрешая мы не подвергаемся наказанию, но еще пользуемся Его благодеяниями.

5. Скажу нечто, слышанное мною от одного человека. Был один отрок, и случилось ему быть вместе с матерью за городом, когда ему еще не было пятнадцати лет. В это время сделалась дурная погода, и они оба заболели горячкою, а была осень. Мать поспешила отправиться в город, а отрок, которому врачи предписали остаться там, чувствуя жар от горячки, начал полоскать рот, рассуждая и думая, что он, таким образом, скорее уничтожит горячку, нежели если не будет употреблять ничего. Рассудив, как отрок, он по неблаговременному упрямству не переставал (делать это). Когда же прибыл в город, то у

него отнялся язык, долго он не говорил и не мог произносить ничего раздельно; впрочем, читал и долгое время ходил к учителям, но напрасно и без успеха. Не оставалось никакой надежды; мать была исполнена горести; многое придумывали врачи, многое придумывали и другие, но никто не помог, пока человеколюбивый Бог не разрешил уз языка его, и тогда он выздоровел и получил прежний дар слова и ясность голоса. Также рассказывала мать его, что он, будучи еще младенцем, имел в носу болезнь, называемую полипом. Врачи также отчаялись; мать молилась, чтобы он умер, и отец (тогда он был еще жив) желал ему того же; состояние его было совершенно безнадежное. Но вдруг он чихнул; при этом стремительным течением воздуха изверг из ноздрей означенное животное, и все страдания прекратились. Когда же прошла эта болезнь, то сделалось сильное гноевидное течение из глаз и, продолжаясь непрерывно, производило столь густое нагноение, что закрывало зрачок, как бы пеленою, и, к несчастью, угрожало слепотою, чего все и ожидали. Но, по благодати Божией, вскоре он избавился и от этой болезни.

Это я слышал; а теперь расскажу вам, что сам знаю. Однажды правители возимели подозрение на наш город, (тогда я был еще юношею) и, окружив его извне воинами, искали, не попадутся ли где чародейские и волшебные книги. Один, написавший такую книгу и бросивший ее недоконченною в реку, был пойман; так как по требованию он не мог представить ее, то был связан и водим по всему городу, и когда подозрения на него увеличились, то был казнен. В то время я, желая пройти в храм мучеников, шел чрез сады подле реки с одним человеком. Он увидел плывшую по поверхности книгу и сначала подумал, что это полотно; но когда приблизился, то увидел, что это – книга, и, спустившись, взял ее. Я еще смеялся и спорил с ним, чтобы находка была общею. Но посмотрим, сказал он, что это такое. Развертывает часть страницы и видит, что это – волшебная книга. Случилось, что в то же самое время проходил воин. Тогда тот скрыл ее и пошел, цепенея от страха. Кто мог поверить, что мы, вынув из реки, хотели истребить ее, тогда как и самые неподозрительные люди были задерживаемы? Бросить ее мы не смели, чтобы не быть замеченными; также страшно было разделить ее между собою. Но Бог устроил так, что мы и бросили ее и избавились от крайней опасности. Много такого я мог бы рассказать вам, если бы захотел перечислять все. И это рассказал я для вас, чтобы каждый, зная если не такие, то какие-нибудь другие (случаи), постоянно помнил об них. Например, не случалось ли, что камень, брошенный и могший упасть на тебя, не попадал в тебя; содержи это всегда в памяти. Это много содействует нам питать любовь к Богу. Если мы, вспоминая о людях, избавивших нас от чего-нибудь, сильно сокрушаемся, когда не можем возблагодарить их, то тем более (должны быть благодарны) к Богу. Это полезно и в другом отношении. Хотим ли мы не унывать в несчастье, будем говорить: "**неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?**" (Иов.2:10) И Павел для того говорил о своем избавлении от опасностей, чтобы вспомнить (о благодетелях). Смотри, как Иаков содержал все в уме своем; потому и говорил: "**Ангел, избавляющий меня от всякого зла**" от юности моей (Быт.48: 16). И не только то будем помнить, что (Господь) избавлял нас, но и то, как и в каком случае. Вот и (Иаков) помнил самые частности благодеяний. "**Ибо я с посохом моим**", говорит, "**перешел этот Иордан**" (Быт.32:10). Иудеи всегда помнили даже благодеяния, оказанные предкам их, повторяя бывшее в Египте; тем более мы (должны помнить) о своих обстоятельствах и о случившемся с нами самими, о том, как часто мы впадали в затруднения и несчастия, и если бы (Бог) не подавал нам руку помощи, то мы давно бы погибли. Зная это и повторяя каждый день, будем все мы постоянно благодарить Бога и все вместе воссылать Ему хвалу и непрестанно славить Его, чтобы за благодарность свою получить нам великое воздаяние, благодатию и щедротами Единородного Его Сына, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 39

"Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время. Итак Павел вышел из среды их" (Деян.17:32,33).

1. Почему Павел, успевший так убедить афинян, что они говорили: "**об этом послушаем тебя в другое время**", и тогда как не было опасностей, спешил оставить Афины? Вероятно, он не ожидал здесь большой пользы; а с другой стороны, он был веден Духом в Коринф. "**Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними. После сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф; и, найдя некоторого Иудея, именем Акилу, родом Понтянина, недавно пришедшего из Италии, и Прискиллу, жену его, – потому что Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима, – пришел к ним; и, по одинаковости ремесла, остался у них и работал; ибо ремеслом их было делание палаток**" (Деян.17:34; Деян.18: 1-3). Точно, как я сказал, он был веден Духом в Коринф, где должен был остаться. Афиняне, хотя и любили слушать новости, но не были внимательны (к проповеди); они не показывали никакого усердия, а старались только о том, чтобы постоянно иметь какой-нибудь предмет для разговора; это и было причиною, что они отступили (от Павла). Но если у них был такой нрав, то почему они обвиняют его, что он "**проповедует о чужих божествах**" (Деян.17:18)? Потому что это (учение) для них было весьма непонятно. Впрочем, он убедил Дионисия Ареопагита и некоторых других. Те, которые заботились о благоустроении своей жизни, скоро приняли слово; а прочие нет. Павлу казалось достаточным, что он посеял по крайней мере семена; а тогда протекла уже большая часть его жизни, так как он скончался при Нероне. Между тем воздвигнуто было Клавдием гонение на иудеев, хотя и издалека, но не напрасно, чтобы, хотя таким образом вразумить их: из Рима они были изгнаны, как люди вредные.

Потому по устроению (Божию) случилось то, что (Павел) отведен был туда, как узник, не затем, чтобы быть изгнанным оттуда, как иудей, но чтобы остаться там и действовать под стражею. "**Остался**", говорит (писатель), "**у них**". Так, какое нашел он оправдание – жить с ними? Здесь особенно требовалось, чтобы он не брал (содержания от Церкви), как он сам говорит: "**дабы они, чем хвалятся, в том оказались такими же, как и мы**" (2Кор.11:12); потому и устрояется, что он живет здесь. "**Во всякую же субботу он говорил в синагоге и убеждал Иудеев и Еллинов. А когда пришли из Македонии Сила и Тимофей, то Павел понуждаем был духом свидетельствовать Иудеям, что Иисус есть Христос**" (ст. 4, 5). Т.е. они оскорбляли его, нападали на него. Так они (делали); а что Павел? Он оставляет их, и притом с великою угрозою. Уже не говорит: "**вам первым надлежало быть проповедану слову Божию**" (Деян.13:46), но и с внешним знаком обращается к ним: "**но как они противились и злословили, то он, отрясши одежды свои, сказал к ним: кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам. И пошел оттуда, и пришел к некоторому чтущему Бога, именем Иусту, которого дом был подле синагоги. Крисп же, начальник синагоги, уверовал в Господа со всем домом своим, и многие из Коринфян, слушая, уверовали и крестились**" (ст. 6-8). Смотри, как опять, сказав: "**отныне**", он однако не перестает пещись о них; и следовательно сказал это для того, чтобы возбудить их. И затем пошел к Иусту, которого дом был подле синагоги. Поселился в соседнем доме, чтобы это самое соседство возбудило в них ревность, если бы они захотели. "**Крисп же**", говорит (писатель), "**начальник синагоги, уверовал в Господа со всем домом своим**". И это весьма много могло содействовать к их обращению. "**Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе**" (ст. 9, 10). Смотри, каким образом Он убеждает его и как потом говорит ему то, что особенно ободряло его: "**много людей в этом городе**". Как же, скажет кто-нибудь, они все вместе напали да него? Но они ничего не сделали ему, а только привели его к проконсулу. "**И он оставался там год и**

шесть месяцев, поучая их слову Божию. Между тем, во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали Иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилище, говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону" (ст. 11-13). Видишь ли, для чего они всегда представляли свои обвинения всенародно? Но, смотри, когда они сказали, что "**он учит людей чтить Бога не по закону**", проконсул нисколько не обращает на это внимания, а напротив еще защищает Павла. Послушай, как он отвечает: "**если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас**" (ст. 14). Он был, кажется мне, человек кроткий; это видно из его благоразумного ответа. "**Когда же Павел хотел открыть уста, Галлион сказал Иудеям: Иудеи! если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас, но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьею в этом. И прогнал их от судилища. А все Еллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем; и Галлион нимало не беспокоился о том**" (ст. 14-17). И отсюда опять видна кротость этого мужа. Когда того били, он не почел этого для себя оскорблением: так дерзки были иудеи!

2. Но рассмотрим прочитанное выше. "**Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время**". Слыша так много великого и высокого, они не обращали внимания, но смеялись; а смялись они (над учением) о воскресении: "**душевный человек не принимает того, что от Духа Божия**" (1Кор. 2:14). "**Итак**", говорит (писатель), "**Павел вышел из среды их**". "**Итак**". Как? Убедивши одних, осмеянный другими. "**После сего Павел**", говорит, "**оставив Афины, пришел в Коринф; и, найдя некоторого Иудея, именем Акилу, родом Понтянина, недавно пришедшего из Италии, остался у них и работал**". Смотри, как закон начинает уже терять силу. Будучи иудеем, он остригся впоследствии в Кенхреях и отправился с Павлом в Сирию. Будучи понтянином, он поспешил идти не в Иерусалим или ближе к нему, но дальше. У него и пребывает (Павел) и пребывать не стыдится; но потому и пребывает, что находит здесь убежище удобное, гораздо удобнее для него царских чертогов. Не смейся, слыша это, возлюбленный! Ведь, как для борца более полезна палестра (школа, в которой упражнялись в борьбе), нежели мягкое ложе, так и для воина – меч железный, а не золотой. "**И работал**" проповедуя. Устыдимся мы, которые и не проповедуя живем праздно. "**Во всякую же субботу он говорил в синагоге**", говорит, "**и убеждал Иудеев и Еллинов**". "**Но как они противились и злословили**", отступил: отступил, надеясь, таким образом, скорее обратить их. Для чего, в самом деле, он, оставив тот дом, поселился ближе к синагоге? Не для этого ли? Он не видел опасности и там. "**Свидетельствовать**", говорит, им. Уже не учит, но свидетельствует. "**Но как они противились**", говорит, "**и злословили, то он, отрясши одежды свои, сказал к ним: кровь ваша на главах ваших**". Делает это для того, чтобы не только словом, но и делом устрашить их; и говорит им с большею силою, как уже убедивший многих. "**Я**", говорит, "**чист**". "**Отныне иду к язычникам**". Так и мы виновны в крови тех, которые вверены нам, если нерадим о них. Подобным образом, когда он говорит: "**впрочем никто не отягощай меня**" (Гал.6: 17), говорит для того, чтобы устрашить, так как не столько могло устрашить их наказание, сколько эта (угроза). "**И пошел оттуда, и пришел к некоторому чтущему Бога, именем Иусту**". Переходит, желая внушить им, что он отошел к язычникам. "**Крисп же, начальник синагоги**", говорит (писатель), "**уверовал в Господа со всем домом своим**". Смотри, как тогда верные делали это целыми семействами. Затем вскоре и многие другие веровали и крестились. Начальником синагоги здесь называется тот самый Крисп, о котором (Павел) говорит в послании: "**я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия**" (1Кор.1:14). А этот, мне кажется, называется и Сосфеном, так как этот муж был столько верен, что и был бит и всегда находился при Павле. "**Господь же в видении ночью сказал Павлу:**", говорит (писатель), "**не бойся, но говори и не умолкай**". Потому он и оставался там долгое время; хотя побуждало его к этому и

множество (верующих), но благоволение Христово – более. А предстояла большая опасность, когда уверовали многие и даже сам начальник синагоги. "**Не бойся**", говорит. Этого достаточно было, чтобы ободрить его; он обличается в боязни, или лучше, не обличается, но ободряется, чтобы этого с ним не случилось. (Бог) не попускал апостолам постоянно терпеть бедствия, чтобы они не изнемогли. Павла же ничто столько не огорчало, как неверующие, как противившиеся; это было для него тяжелее самих опасностей. "**И не умолкай**", говорит, "**потому что у Меня много людей в этом городе**". Может быть, поэтому и является ему Христос. "**Между тем**", говорит (писатель), "**во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали Иудеи единодушно на Павла**". Смотри, как они нападают спустя год и шесть месяцев, когда уже не имели права пользоваться своими законами. Коринфян особенно ободряло то убеждение, что правитель не унизит себя, так как не все равно было, победить ли посредством словопрения, или внушить, что об этом деле он нисколько не заботится. И посмотри, как он был благоразумен. В ответе своем он не сказал прямо: это не мое дело; но что? "**Иудеи! если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас, но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьею в этом**". Блестящая победа! "**А все Еллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем; и Галлион нимало не беспокоился о том**". О, какой стыд они испытали! "**И Галлион**", говорит, "**нимало не беспокоился о том**", хотя все было сделано для его оскорбления; а они, как бы власть какую имея, бьют (начальника), постыдно совершают дело безумной ярости! Почему же он не бил их со своей стороны, хотя имел власть над ними? Чтобы они научились любомудрию. Он не бьет их со своей стороны, что бы судия узнал, кто из них более кроток. Это не мало принесло пользы и присутствующим. Кротость одних и дерзость других показывали, что для всего этого нужен судебный приговор; но они все делали беспорядочно. И не сказал: не должно, – чтобы они в другой раз не стали бить его, – но: не хочу. "**Я не хочу быть судьею**". Так кроток был этот муж! Подобным образом и Пилат говорил о Христе: "**возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его**" (Ин. 18:31). Он хотел, чтобы они судили по закону; а они поступали, как пьяные и беснующиеся. Потому Павел прибыл из Афин (в Коринф), что здесь было "**много людей**". Он был бит, и ничего не говорил.

3. Будем и мы подражать ему. Бьющим нас будем воздавать кротостью, молчанием, долготерпением. Это – раны более тяжкие, удар более сильный и действительный, так как тяжко поражение не тела, а души. Мы многим наносим удары; но если это делается по дружбе, то даже нравится; если же ты будешь бить кого-нибудь с гневом, то касаешься его сердца и потому причиняешь ему великое огорчение, – так мы поражаем более сердце их. Докажем же, по возможности, что кротость поражает более, нежели сопротивление. Яснейшее доказательство этого было бы из дел и из опыта; но, если угодно, объясним это и словом, хотя мы уже многократно делали это. При оскорблениях мы ничем столько не огорчаемся, как мнением присутствующих; не все равно – получать ли оскорбление при всех, или наедине; мы переносим легко те оскорбления, которые наносятся нам наедине, когда нет свидетелей, и никто не знает о том. Следовательно, не самое оскорбление огорчает нас, но то, что оно наносится при всех, так что, если бы кто-нибудь при всех хвалил нас, а наедине поносил, то мы еще были бы ему благодарны. Значит, огорчение зависит не от самого оскорбления, но от мнения присутствующих, пред которыми (мы не хотим) казаться достойными презрения. Теперь: что, если мнение их будет в нашу пользу? Не больше ли потерпит. сам оскорбитель, если они подадут голос за нас? Кого же, скажи мне, осуждают посторонние свидетели: того ли, кто наносит оскорбление, или того, кто подвергается ему и молчит? Гнев увлекает нас в то время, когда наносится оскорбление; посмотрим же теперь, когда мы свободны от этой страсти, чтобы нам не увлекаться и тогда. Кого все мы осуждаем? Без сомнения того, кто наносит оскорбление; если он ниже

нас, мы говорим, что он беснуется; если равен, говорим: он безумствует; если выше – и тогда не одобряем. Кто, скажи мне, достоин одобрении? Тот ли, кто возмущается, неистовствует, свирепствует, как дикий зверь, восставая против имеющих одинаковую с ним природу, или тот, кто пребывает в спокойствии, как в пристани, и сохраняет великое любомудрие? Последний не уподобляется ли ангелу, а тот похож ли и на человека? Тот и собственного зла сдержать не может, а этот удерживает и чужое; тот и самим собою владеть не может, а этот обуздывает и другого; тот терпит кораблекрушение, а этот плывет безопасно на своем корабле при попутном ветре; он именно не позволяет ветру гнева устремляться в паруса и потопляет мысленную ладью его, но легкий и приятный ветер – дыхание незлобия – веет ему и с великим спокойствием приводит его в пристань любомудрия. Как во время крушения корабля, плывущие на нем не знают, что они выбрасывают в море, свою ли собственность или вверенное им достояние других, но бросают без разбора все, в нем находящееся, и драгоценное и недрагоценное; когда же буря прекратится, то, размышляя о том, что бросили, плачут и не радуются тихой погоде, по причине потери выброшенного, – так точно и здесь. Когда свирепствует гнев и поднимается эта буря, не думают, что нужно выбросить и чего нет; когда же гнев прекратится, тогда, размышляя о том, что выбросили, видят только вред и не радуются самому спокойствию, вспоминая, какими словами осрамили себя и какой великий ущерб понесли не в деньгах, но в отношении к смирению и кротости. Подлинно, гнев есть тьма. "**Сказал**", говорит (Писание), "**безумный в сердце своем: нет Бога**" (Пс.13:1). Можно, кажется, и о гневающемся сказать: "**сказал**" гневающийся: "**нет Бога**". Он по множеству гнева своего не взыщет, говорит (Писание – Пс.9:25). Если же является помысл благочестивый, то все (другие помыслы) он устраняет, отгоняет и ниспровергает. Если ты не чувствуешь, как ты терпишь вред более оскорбляемого, то оскорбляй; если не будет никого, кто стал бы осуждать тебя, то суд совести, постигнув тебя наедине, накажет в тысячу раз более. В самом деле, когда ты слышишь, что оскорбленный тобою не сказал ни одного обидного слова, не скорбишь ли ты более его? Как, скажи мне, человека тихого, смиренного и кроткого ты осыпал тысячью укоризн? Так говорим мы часто, но не видим, чтобы тоже было соблюдаемо на деле. Как ты – человек – оскорбляешь человека? Раб – подобного себе раба? Но что дивиться этому, когда многие оскорбляют самого Бога?

4. Да будет это утешением для вас, которые терпите оскорбления. Вас оскорбляют? Бывает оскорбляем и Бог. Вас поносят? Бывает поносим и Бог. Вас подвергают оплеванию? Тоже (терпел) и Господь наш. В этом Он имеет общее с нами, а в противном этому – нет. Он никогда несправедливо не оскорблял, – да не будет, – не поносил, не обижал. Следовательно мы (оскорбляемые) имеем с Ним общее, а не вы (оскорбляющее). Переносить оскорбления свойственно Богу, а оскорблять напрасно – диаволу. Вот две противные стороны. "**Бес в Тебе**" (Ин.8:48), – такие слова выслушал Христос; Его по ланите ударил раб архиереев (Ин.18: 22). На сторону этих людей и становятся оскорбляющие несправедливо. Действительно так. Если Петр был назван сатаною за одно только слово (Мф.16:23), то тем более такие люди могут быть названы иудеями, когда творят дела иудеев, а эти (названы) сынами диавола, потому что творили дела диавола (Ин.8:44). Ты оскорбляешь (другого): но, скажи мне, кто ты? Или лучше, потому ты и оскорбляешь, что сам ты – ничто. Человеку не свойственно наносить оскорбления. При столкновении говорят: ты кто? Напротив следовало бы говорить: оскорбляй, ведь ты ничто. Теперь, когда мы говорим оскорбителю: ты кто? – слышим в ответ: во всех отношениях лучше тебя. Между тем следовало бы говорить противное. Но как мы дурно предлагаем вопрос, то и они дурной дают ответ. Значит, виноваты мы сами. Мы обращаемся к оскорбителям как бы к каким великим людям, когда говорим: ты кто, что оскорбляешь? Поэтому они так и отвечают. А следовало бы говорить напротив: ты оскорбляешь? – оскорбляй; ведь ты – ничто. Скорее к тем, которые не наносят оскорблений, следовало бы говорить: ты кто, что не оскорбляешь? Ты выше естества

человеческого. В том и благородство, в том и свобода, чтобы никому не говорить ничего унизительного, хотя бы иной и был достоин того. Скажи мне: сколько есть людей, достойных смерти? И, однако, судья сам собою не осуждает их, но допрашивает и притом не сам лично. Если же не принято, чтобы судья сам говорил с дурным человеком, но для этого нужен какой-нибудь посредник, то тем более мы не должны оскорблять людей равных нам. Мы не столько получим пользы от оскорбления других, сколько от убеждения, что в таком случае мы унижаем самих себя. Итак, дурных людей не должно оскорблять по этой причине, а добрых – еще по другой: потому, что они не заслуживают того. Есть еще и третья – та, что не должно быть оскорбителем. А теперь, посмотри, что происходит: человек оскорбляется и унижается, а с ним вместе и оскорбляющий и все наблюдающие это. Что же? Не привести ли зверей к ним, чтобы решить дело? Остается это (одно средство). Если люди рады наносить друг другу оскорбления, то остается – предоставить зверям примирение. Как в доме, когда ссорятся господа, примирения их остается ожидать от слуг (этого требует самое существо дела, хотя, может быть, этого и не бывает), – так и здесь. Ты оскорбляешь? Не удивительно; ведь ты – не человек. Оскорбление кажется каким-то великим делом и почитается приличным людям великим; но это скорее прилично рабам, а свободным приличны добрые речи. Как делать зло свойственно первым, так терпеть зло свойственно последним. Например, служанка, намеревающаяся украсть, тайно похищает добро господина своего; так бывает и с оскорблением: как вор, – скажем, – вошедши осторожно, озирается кругом, ища похитить что-нибудь, так и этот высматривает все, чтобы выдать что-нибудь другим. Изобразим его еще другим примером: как тот, кто похитил из дому нечистые сосуды и вынес их перед всеми, не столько стыдится дела похищения, сколько самого себя, видя, что он похитил и вынес такие сосуды, так и этот, высказав перед всеми сквернословные речи, срамит этими словами не других, а себя, высказав их и осквернив ими свой язык и разум. Когда мы ссоримся с дурными людьми, то бывает тоже, что с человеком, который бьет другого лежащего в грязи; он пачкает себя самого, касаясь грязи своими руками. Помня все это, – увещеваю вас, – будем избегать этого зла, будем иметь благоречивый язык, чтобы, соблюдая себя чистыми от всякой укоризны, мы могли безопасно провести настоящую жизнь и сподобиться благ, обетованных любящим Бога, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 40

"Павел, пробыв еще довольно дней, простился с братиями и отплыл в Сирию, – и с ним Акила и Прискилла, – остригши голову в Кенхреях, по обету" (Деян.18:18).

1. Смотри, как закон потерял силу; смотри, как они стеснялись совестью. Острижение головы по обету было иудейским обычаем; следовало при этом принести и жертву, которая не была (принесена) после того, как били Сосфена. (Павлу) надлежало удалиться, потому он и поспешает. Не смотря на просьбу "**побыть у них**" в Ефесе, не соглашается (ст. 20). Для чего же он опять идет в Антиохию? "**Побывав в Кесарии**", говорит (писатель), "**он приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошел в Антиохию**" (ст. 22). Он питал к этому городу особенную любовь – это человеческое чувство, потому что здесь ученики стали называться христианами; здесь он был предан благодати Божией; здесь он успешно окончил дело касательно учения (об обрезании). Сам отправился в Сирию, а спутников своих оставил в Ефесе, вероятно, для того, чтобы они здесь учили, так как, находясь при нем столько времени, они многому научились, – только от иудейского обычая он еще не отклонил их. Итак, вот и жена действует и учит подобно мужам. Идти в Азию он затруднялся, думаю, по каким-нибудь настоятельным нуждам. Смотри, как он, не смотря на просьбу – остаться здесь, не согласился, потому что спешил

отправиться (в Иерусалим). Впрочем оставил их не просто, но с обещанием, а как именно, послушай. "**Достигнув**", говорит (писатель), "**Ефеса, оставил их там, а сам вошел в синагогу и рассуждал с Иудеями. Когда же они просили его побыть у них долее, он не согласился, а простился с ними, сказав: мне нужно непременно провести приближающийся праздник в Иерусалиме; к вам же возвращусь опять, если будет угодно Богу. И отправился из Ефеса. (Акила же и Прискилла остались в Ефесе). Побывав в Кесарии, он приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошел в Антиохию. И, проведя там несколько времени, вышел, и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников**" (ст. 19-23). Смотри, опять идет в те места, по которым проходил прежде. "**Некто Иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес**" (ст. 24). Вот и ученые мужи начинают проповедовать, и ученики, наконец, предпринимают путешествия. Видишь ли успех проповеди? "**Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново. Он начал смело говорить в синагоге. Услышав его, Акила и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь Господень**" (ст. 25, 26). Если он знал только Иоанново крещение, то как он "**горел духом**"? Дух не сообщался при этом (крещении); и если оставшиеся после него (ученики) имели нужду в крещении Христовом, то тем более он должен был иметь в нем нужду. Что же сказать на это? Не напрасно писатель поместил одно вслед за другим. Мне кажется, что он был один из тех ста двадцати лиц, которые вместе с апостолами крещены (Духом Святым, Деян.1:5,16); если же нет, то с ним было тоже, что с Корнилием. Он не крещается, пока те подробнее не изложили ему (учения Господня). Но мне кажется истинным то, что и ему надлежало креститься, так как прочие двенадцать (вместо οἱ δώδεκα - двенадцать, Migne предполагает здесь οἱ ἑκατὸν εἴκοι - сто двадцать) не имели точных познаний даже об Иисусе. Вероятно, он и был крещен. По крайней мере, если и ученики Иоанновы, после своего крещения, опять крестились, то и этим ученикам следовало сделать тоже. "**А когда он вознамерился идти в Ахаию, то братия послали к тамошним ученикам, располагая их принять его; и он, прибыв туда, много содействовал уверовавшим благодатью, ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос. Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел, пройдя верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святый, и они стали говорить иными языками и пророчествовать. Всех их было человек около двенадцати**" (Деян.18:27,28; 19:1-7). Много отличались от того (Аполлоса) эти мужи, незнавшие даже, есть ли Дух Святый. А его посылают и пишут о нем те, которые подробнее изложили ему путь Господень. Впрочем, он и сам хотел идти в Ахаию; но не пошел прежде, нежели братия отправили его и дали ему послание. "**Прибыв туда**", говорит (писатель), "**много содействовал уверовавшим благодатью, ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос**". Отсюда видно, как сведущ был Аполлос в Писаниях. Он сильно заграждал уста иудеям, – это и значит: "**опровергал**", – а верующих ободрял и укреплял в вере. "**Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел**", говорит, "**пройдя верхние страны, прибыл в Ефес**". Это – страны, лежащие близ Кесарии и далее. "**И, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав?**" Они не веровали и во Христа, как видно из слов: "**чтобы веровали в Грядущего по нем**". Не сказал: крещение Иоанново есть ничто, но назвал его несовершенным; и это присовокупил не без причины, но чтобы научить и убедить их креститься во имя Иисуса, что они и делают и получают

Духа Святого чрез возложение рук Павловых. "**Когда Павел возложил**", говорит, "**на них руки, нисшел на них Дух Святый**". Таким образом, на кого он возлагал руки, те получали Духа. Можно было иметь Духа и не обнаруживать этого, но они обнаруживали это действием, – тем, что говорили (иными) языками.

2. Но рассмотрим выше прочитанное. Павел "**отплыл в Сирию**", говорит (писатель), "**и с ним Акила и Прискилла**", которых, пришедши в Ефес, он там и оставил. Оставил или потому, что не хотел взять с собою, или лучше для того, чтобы они были учителями для жителей Ефеса. Впоследствии же времени они жили в Коринфе; о них он превосходно отзывается и приветствует их в послании к Римлянам (16:3,4).

Потому мне кажется, что они впоследствии отбыли в Рим, так как любили жить в этих местах, из которых были изгнаны при Нероне. "**Побывав в Кесарии**", говорит, "**он приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошел в Антиохию. И, проведя там несколько времени, вышел, и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию**". Мне кажется, что верующие там собирались (к нему); он не тотчас оставляет их. И смотри, как он спешит к ним. Прочие же страны проходит, чтобы своим посещением утвердить учеников. "**Некто Иудей**", говорит (писатель), "**именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес**". Он был муж ревностный; потому и предпринимает путешествие. "**И он, прибыв туда (в Ахаию)**", говорит, "**сильно опровергал Иудеев всенародно**". О нем говорил (Павел) в послании: "**а что до брата Аполлоса**" (1Кор.16:12). В том, что он обличал "**всенародно**", являлась его смелость; в том, что – "**сильно**", открывалась сила; а в том, что "**доказывая**" из божественных "**Писаний**", выражалась опытность, так как и смелость сама по себе нисколько не приносит пользы, если нет силы, и сила – без смелости. Итак, не напрасно Павел оставил Акилу в Ефесе, но, может быть, для Аполлоса Дух устроил это, чтобы он явился в Коринф с большею силою. Но почему против него ничего не делали, а на Павла нападали? Они знали, что этот муж был главою, или – что велико было имя его. "**Услышав его**", говорит (писатель), "**Акила и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь**" Божий. Смотри, как все (тогда) совершалось с верою; не было ни зависти, ни ненависти. Акила учит, но большему и сам научается. Пробывши некоторое время с (Павлом), они так научились, что стали способными учить и других. "**А когда он вознамерился**", говорит, "**идти в Ахаию, то братия послали к тамошним ученикам, располагая их принять его**". Объясняет, для чего они пишут послание; для того, говорит, чтобы приняли его.

Далее, откуда видно, что бывшие в Ефесе (ученики) имели крещение Иоанново? Из того, что на вопрос: "**во что же вы крестились?**" они отвечали: "**во Иоанново крещение**". Может быть, они ходили в Иерусалим и возвратились оттуда крестившись; но и крестившись, не знали Иисуса. Не говорит им: веруете ли во Иисуса, но что? – "**приняли ли вы Святаго Духа, уверовав?**" Знал, что они не имели Его, но хочет, чтобы они сказали это, чтобы, узнав, чего недостает им, сами просили о том. "**И, когда Павел возложил**", говорит, "**на них руки, нисшел на них Дух Святый, и они стали говорить**

иными языками и пророчествовать". С самого крещения пророчествуют. Этого не сообщало крещение Иоанново; потому оно и было несовершенно. Оно только приготовляло к получению таких (благ), так как Иоанн, крещая, хотел, чтобы веровали в Грядущего по нем. Отсюда открывается великая истина, что крещающиеся (во имя Христово) совершенно очищаются от грехов. Если бы не очищались, то эти люди не получили бы Духа и не сподобились бы тотчас же даров Его. И смотри, дар был двоякий: языки и пророчества. Хорошо он назвал крещение Иоанново крещением покаяния, а не отпущения, возводя их к тому убеждению, что оно не сообщало последнего, так как

отпущение есть дело крещения, после данного. Почему же они, получив Духа, не учили, тогда как Аполлос и не получив Его (учил)? Потому, что они не были столько ревностны и столько научены; а он был и научен и весьма ревностен. Мне кажется, что этот муж имел и великое дерзновение. Впрочем, хотя он и правильно учил "**что Иисус есть Христос**", однако имел нужду еще в подробнейшем научении. Таким образом, хотя он и не знал всего, но за свое усердие сподобился Святого Духа, подобно тому как бывшие с Корнилием. Может быть, многие желают, чтобы и теперь было крещение Иоанново. Но в таком случае многие не стали бы заботиться о добродетельной жизни, или можно было бы подумать, что каждый для этого, а не для царствия небесного, заботится о добродетели. Кроме того, было бы много лжепророков, не часто являлись бы "**искусные**" (1Кор.11:19), не ублажались бы принимающие веру просто. Ведь как блаженны "**невидевшие и уверовавшие**" (Ин.20:29), так и верующие без знамений. Не в укоризну ли, скажи мне, Христос сказал иудеям: "**не уверуете, если не увидите знамений**" (Ин.4:48)? Итак мы ничего не потеряли, если только захотим быть внимательными. Главные блага мы получаем в крещении: отпущение грехов, освящение, причастие Духа, усыновление, вечную жизнь. Чего же еще хотите? Знамений? Но они упразднились. Ты имеешь веру, надежду, любовь, которые пребывают; их ищи; они больше знамений. Ничто не может сравниться с любовью: "**но любовь из них больше**", говорит апостол (1Кор.13:13). Ныне же любовь оскудевает; осталось только имя ее, а на деле ее нет, но разделились мы между собою.

3. Что делать, чтобы соединиться. Ведь легко обличать, но это только половина дела: нужно еще показать, как устроить общение; нужно о том позаботиться, как нам соединить разделившиеся члены. Не о том только нужно заботиться, чтобы нам принадлежать к единой Церкви или (содержать) один и тот же догмат; но не хорошо то, что, имея общение друг с другом во всем прочем, мы не имеем его в необходимом, и (по-видимому) находясь в мире со всеми, не соблюдаем мира между собою. Не на то смотри, что мы не ссоримся между собою каждый день, но на то, что у нас нет истинной и искренней любви. Нам нужны обвязание и елей (Лк.10:34). Вспомним, что любовь есть признак учеников Христовых (Ин.13:35), что без нее все прочее не значит ничего, что она есть дело не трудное, если захотим (иметь ее). Да, скажут, мы знаем это; но как достигнуть этого? Что нужно, чтобы она была у нас? Как сделать, чтобы мы любили друг друга? Наперед устраним то, что противно любви; тогда приобретем и ее. Пусть никто не помнит зла, не завидует, не радуется о зле. Это препятствует любви, а другое способствует ей. Недостаточно — уничтожить препятствия; нужно иметь и то, что способствует. Действия, нарушающие любовь, а не созидающие, исчисляет Сирах, именно: "**поношение, гордость, обнаружение тайны и коварное злодейство**" (Сир.22:25). Для тех (иудеев), как людей плотских, этого было достаточно; для нас же нет; не этому только учим вас, но и другому. Для нас – без любви все бесполезно. Пусть будут у тебя бесчисленные блага, – какая в том польза? Пусть будет богатство, роскошь, но без любящих тебя, – какая в том польза? Нет блага прекраснее этого даже в житейском отношении, и напротив нет ничего хуже вражды. "**Любовь покрывает множество грехов**" (1Петр.4:8); а вражда напротив подозревает и то, чего нет. Недостаточно – только не быть врагом; нужно еще питать и любовь. Вспомни, что так повелел Христос, и этого довольно. Сама скорбь содействует любви и укрепляет ее. Но что же, скажут, теперь, когда нет скорби. Объясни, как нам стать друзьями? Но, скажи мне, разве у вас нет каких-нибудь друзей? Как вы стали друзьями? Как остаетесь ими? По крайней мере, пусть никто не враждует против другого; и это не маловажно; пусть никто не завидует; не завидующий не может быть и клеветником. Все мы живем в одной вселенной, питаемся одними и теми же плодами. Этого мало; мы сподобляемся одних и тех же таинств, одной и той же духовной пищи. Вот побуждения к любви! Но как, скажут, нам сохранить теплоту любви? А что возбуждает любовь плотскую? Телесная красота. Соделаем же и души наши прекрасными,

и будем питать любовь друг к другу; ведь нужно не любить только, но и быть любимыми. Сделаем сперва это, т.е. чтобы нас любили; тогда легко будет и то. Как же сделать, чтобы нас любили? Будем добрыми, и мы достигнем, что всегда будут любящие нас. Пусть каждый заботится не столько о приобретении имущества, или рабов, или домов, сколько о том, чтобы быть любимым, чтобы иметь доброе имя. "**Доброе имя лучше большого богатства**" (Прит.22:1). То постоянно, а это скоропреходяще; это можно приобресть, а того нельзя. Кто заслужил недоброе имя, тому трудно освободиться от него; а бедный с именем добрым скоро может сделаться богатым. Пусть один имеет тысячи талантов, а другой сто друзей: последний богаче первого. Будем же делать это не просто, но как бы совершал куплю. Как же это? "**Сладкие уста умножат друзей, и доброречивый язык умножит приязнь**" (Сир.6:5). Будем иметь уста, исполненные хвалы, и нравы чистые. С такими свойствами нельзя скрыться.

4. Посмотри, какие узы любви придумали внешние (язычники): кумовство, соседство, родство. Но у нас есть нечто больше всего этого. Это – священнейшая трапеза. Между тем многие из нас, приступающих к ней, даже не знаем друг друга. Это происходит, скажут, от многочисленности. Нет, от нашего нерадения. Три тысячи и пять тысяч верующих было (в начале), и все они имели "**душу едину**" (Деян.4:32); а теперь и не знают друг друга, и не стыдятся этого, ссылаясь на многочисленность. Кто имеет много любящих его, тот непреборим ни от кого, тот сильнее всякого властителя: не столько оруженосцы охраняют последнего, сколько первого – любящие его. Он и славнее того: один охраняется своими рабами, а другой людьми равными ему; одного охраняют не по своей воле и из страха, другого добровольно и без страха. Чудное бывает здесь явление: единство во множестве и множество в единстве. Как в игре на гуслях, хотя звуки различны, но симфония одна, один и музыкант играющий на гуслях, так и здесь: гусли, это – любовь; звуки, это – происходящие от любви дружеские речи, производящие все вместе одну и ту же гармонию и симфонию; музыкант, это – сила любви; она издает сладостное пение. Я хотел бы, – если это возможно, – ввести тебя в такой город, где была бы одна душа; ты увидел бы, какое там согласие, сладостнейшее всяких гуслей и всякой свирели, не издающее ни одного нестройного звука. Это согласие доставляет радость ангелам и самому Господу ангелов, служит приятным предметом зрелища для всех сил небесных, укрощает ярость демонов, обуздывает порывы страстей. Это согласие не только укрощает страсти, но не попускает и восставать им, и производит великое молчание. Как на зрелище все в молчании слушают хор играющих, и не производят ни малейшего шума, так и у любящих друг друга, когда любовь поет песнь свою, все страсти усмиряются и успокаиваются, как звери обузданные и укрощенные; а где вражда, там все напротив. Но не станем говорить теперь о вражде; будем говорить только о любви. Скажешь ли что-нибудь опрометчиво, никто не осуждает, но все извиняют; сделаешь ли что-нибудь, никто не имеет подозрения, но оказывает великое снисхождение. Все готовы подать падающему руку помощи, все охотно стараются поднять его.

Поистине, любовь есть крепкая стена, неприступная не только для людей, но и для диавола. Кто окружен множеством любящих его, тот не может впасть в опасность; нет у него поводов к гневу, но всегда он чувствует сердечное спокойствие, радость и веселие; нет поводов к зависти; нет случаев к памятозлобию. Посмотри, как легко исполняет он и духовные и житейские дела свои. Что может сравниться с ним? Он – как бы город, отвсюду огражденный стенами; а тот (не имеющий любви) – как бы город, ничем не огражденный. Быть виновником любви, это – великая мудрость. Уничтожь любовь, и разрушишь все, ниспровергнешь все. Если же подобие любви имеет такую силу, то какова должна быть сама истинная (любовь)? Итак, увещеваю вас, будем стараться, чтоб были любящие нас; пусть каждый упражняется в этом искусстве. Но вот, я, скажут, забочусь об этом, а тот не заботится. За то и большая награда ожидает тебя. Так, скажешь, но это

трудно. Отчего, скажи мне? А я говорю и уверяю, что если только десять человек из вас соединится и вы приметесь за это дело, подобно тому, как апостолы за дело проповеди, или пророки за дело учения, если так и вы будете приобретать друзей, – то получится великая награда. Устроим себе изображения царя; это – признать учеников. И не делаем ли мы более, чем если бы вложили в них силу воскрешать мертвых? Диадема и порфира – отличия царя: без них, хотя бы на нем были золотые одежды, он еще не является царем. Так и ты усвой себе этот признак, и приобретешь любящих и для себя и для других. Никто, будучи любим, не станет ненавидеть. Изучим же эти краски, какими пишется, из каких составляется это изображение. Будем приветливы, не станем ожидать этого со стороны ближних. Не говори: если я вижу, что другой выжидает, то (сделав это) я унижаюсь пред ним; напротив, если видишь его в таком состоянии, то сам предупреди и угаси страсть его. Ты видишь больного; для чего же усиливаешь болезнь его? О том особенно и больше всего будем стараться, чтобы честью быть "**братолюбивы друг к другу**" (Рим. 12:10). Не думай, что отдавать предпочтение другому значит унижать самого себя. Предпочитая другого, ты отдаешь честь самому себе, делаясь достойным большей чести. Будем же всегда уступать первенство другим. Не будем помнить сделанного нам зла, но – только добро. Ничто так не приобретает нам любви других, как язык, исполненный благодарности, уста, готовые на похвалу, душа негорделивая, отсутствие тщеславия, презрение к почестям. Если будем исполнять это, то соделаемся неуловимыми для сетей диавола, и, тщательно упражняясь в добродетели, сподобимся благ, уготованных любящим Бога, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 41

"Придя в синагогу, он небоязненно проповедывал три месяца, беседуя и удостоверяя о Царствии Божием" (Деян.19:8).

1. Смотри, как (Павел) везде сам входит в синагоги и потом выходит; он везде хотел начинать с них, как я и прежде говорил. Язычники с ревностью и усердием принимали его; и иудеи, когда язычники принимали, приходили в раскаяние. Он хотел отделить оттуда учеников и начать с них, так чтобы они не собирались вместе с теми, и делал это не без причины. Потому он часто беседовал с ними, что убеждал (их). Слыша о дерзновении (Павла), не прими это за упорство. Он беседовал о предметах полезных, о царствии (Божием): кто же не стал бы слушать этого? "**Но как некоторые ожесточились и не верили, злословя путь Господень перед народом, то он, оставив их, отделил учеников, и ежедневно проповедывал в училище некоего Тиранна. Это продолжалось до двух лет, так что все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины**" (ст. 9, 10). "**Путем**" они справедливо называли проповедь; она действительно была путем, ведущим в царствие небесное. "**В училище**", говорит (писатель), "**некоего Тиранна. Это продолжалось до двух лет, так что все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины**". Видишь ли, сколько пользы принесла неутомимая ревность? Слушали и иудеи и язычники. "**Бог же творил немало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них**" (ст. 11, 12). Не касались только, принося (к больным), но, взявши, возлагали на них. Потому, я думаю, не попустил ему Христос идти в Азию, что имел в виду это время. "**Даже некоторые из скитающихся Иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует**" (ст. 13). Так все они делали по любостяжанию. Смотри: веровать не хотели, а изгонять бесов этим именем захотели. Да, так велико было имя

Павла! "**Это делали какие-то семь сынов Иудейского первосвященника Скевы. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома. Это сделалось известно всем живущим в Ефесе Иудеям и Еллинам, и напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса**" (ст. 14-17). Они делали это тайно, но потом бессилие их делается весьма явным. "**И напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса. Многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои**" (ст. 17, 18). Так как они имели такую силу, что и чрез бесов делали такие дела, то и следовало быть этому. "**А из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми, и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм. С такою силою возрастало и возмогало слово Господне**" (ст. 19, 20). Видя, что нет им никакой пользы, они сожигают книги, когда и сами бесы делают такие дела. Таким образом, имя не делает ничего, когда будет произносимо без веры. Прикровенно указывая на это, премудро сказал (Христос): "**верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин.14:12). Смотри, как они пользовались этим оружием против себя самих. И стязашеся, говорит (писатель), "**в училище некоего Тиранна. Это продолжалось до двух лет**", – там, где были верные, и весьма верные. Те (заклинатели) не считали Иисуса великим, если присоединяли к имени Его имя Павла, почитая этого за нечто великое. Здесь достойно удивления то, почему бес не содействовав обману заклинателей, но обличил их и обнаружил притворство их. Мне кажется, что он весьма озлобился, подобно тому, кто, находясь в крайней опасности и будучи оскорбляем кем-нибудь из людей маловажных и незначительных, пожелал бы изливать на него всю свою злобу. Чтобы не показалось, что он пренебрегает именем Иисуса, он сначала исповедует Его и потом показывает свою силу. А что не имя Его было бессильно, но все произошло от их обмана (видно из того), что с Павлом этого не случилось. "**И бросился**", говорит (писатель), "**на них человек**". Может быть, разорвал им одежды и разбил им головы. Это выражается словом: "**бросился**", т.е. стремительно бросившись на них, так что мог сделать это. Что значит: "**оставив их, отделил учеников**"? Отклонил их злословие. Он делает это и отделяется, потому что не хотел разжигать их зависть и возбуждать большую распрю. А словом: "**небоязненно**" выражается, что он был готов и на опасности и говорил явно, не прикрывая учения. Отсюда мы научаемся не иметь общения с злословящими, но уклоняться от них. Слыша злословие, он сам не злословил, но беседовал ежедневно, и еще более привлекал к себе тем, что и слыша злословие не отступал и не отделялся. И смотри: когда кончилось искушение от внешних (людей), началось от бесов.

Видишь ли слепоту иудеев? Они, увидевши, что одежды его чудодействуют, ему не внимали. Что может быть больше этого? А им и это послужило к противному. Если кто из эллинов не верует, то видя, как тень производит (чудеса), пусть уверует. Таким образом, чрез отделение от них злословящих и порицающих учение, – оно именно здесь названо "**путем**", – побеждаются; а он отделяется так, что и учеников не оставил и тех не привел в ярость, показывая, что он всегда имел в виду спасение. Он и здесь не оправдывается пред ними, потому что язычники везде уже веровали. И "**проповедывал**" не просто в каком-нибудь месте, но там, где было училище, как в месте удобнейшем для собрания.

2. Вот, какова сила верующих: и у других является способность совершать то же самое! Какое же ослепление в тех, которые и после явления такой силы оставались в неверии! Как Симон домогался благодати Духа для прибытка, так и эти делали то же для того же самого. Какое ослепление! А почему Павел не запрещает им? Потому что это показалось бы делом зависти: поэтому-то так и устрояется. Это было и при Христе, но тогда не оказывается препятствия (потому что тогда было начало дела). Так, Иуда, будучи вором, не встречает препятствия, Анания же и Сапфира были лишены жизни. И многие из

иудеев, оказывая сопротивление, ничего не терпели, а Елима был ослеплен, потому что "**не послал**", говорит (Христос), "**Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него**" (Ин.3:17). Посмотри на их нечестие: оставаясь иудеями, они захотели воспользоваться именем (Иисуса), – потому что делали все из тщеславия и корыстолюбия. Смотри, как везде люди обращаются не столько помощью полезного (внушения), сколько страхом. По случаю смерти Сапфиры страх объял Церковь и "**из посторонних же никто не смел пристать к ним**" (Дян.5:11,13); здесь брали платки и полотенца – и исцелялись, и после этого "**исповедуя и открывая**" грехи свои. Из того, что бесноватый бросился на них, видно, как велика сила бесов в отношении к неверующим. Почему же злой дух не сказал, кто это Иисус, а высказал слова, не принесшие пользы? Он боялся, чтобы самому не потерпеть наказания, так как знал, что наказать этих обманщиков ему попущено было силою того же самого имени. Почему и эти несчастные не сказали: веруем (в Него)? Они боялись Павла, хотя им было бы гораздо более славы, если бы они сказали это и признали владычество Его. Притом у них было в памяти случившееся в Филиппах (Деян.16:18). Заметь, как краток наш писатель, как он только пишет историю, а никого не осуждает. Это делало апостолов достойными удивления. Впрочем упоминает, чьи были дети (заклинатели), имя их и число, и этим сообщает признак достоверности написанному. Для чего они "**скитались**" по селениям? Для прибытка, а не для проповеди? Но хорошо, что они и после бегали, проповедуя о том, что терпели. Указывая на это, и (писатель) говорит: "**это сделалось известно всем живущим в Ефесе Иудеям и Еллинам**". Не должно ли было это, скажи мне, обратить и самих упорствующих? Но не обратило. И не удивляйся; злобу ничто не убеждает. Но посмотрим, какой великой злобы было дело заклинателей. Почему не было того же при Христе, это мы рассмотрим в другое время, а не теперь; заметим только, что здесь было сделано хорошо и полезно. Мне кажется, что они это делали издеваясь, потому и наказываются, чтобы после никто уж не дерзал произносить это имя как попало. Это многих из уверовавших привело к исповеданию, произвело в них страх и было величайшим доказательством того, что Бог знает все. Прежде, чем они были обличены бесами, они обвинили сами себя, боясь чтобы не потерпеть того же. И справедливо. Если покровительствовавшие им бесы стали их обвинителями, а не помощниками, то какая оставалась надежда, кроме исповедания делами? Смотри, как скоро, после таких знамений, является зло. Такова человеческая природа: она скоро забывает благодеяния.

Не припомните ли, что тоже самое произошло и в наше время? Скажи мне, в прошлом году, не поразил ли Бог землетрясением весь город? И что же? Не все ли приняли крещение? Блудники и люди, преданные роскоши и сластолюбию, оставив те жилища и места, в которых проводили время, не исправлялись ли, не делались ли благоговейными? А едва прошло три дня, как они опять обратились к свойственному (им) пороку. Отчего это происходит? От великого нерадения. И что удивительного, если это происходит по прошествии событий, когда бывает тоже и там, где образы (событий) остаются постоянно? Событие, бывшее в Содоме, скажи мне, не остается ли навсегда? А что? Живущие близ него сделались ли оттого лучшими? Нисколько. А что сын Ноев? Не был ли он таков? Не остался ли он злым, хотя и видел своими глазами такое запустение? Не будем же удивляться, что при таких событиях иные не веровали, если часто самое вероучение обращают к противному – ко злу, если, например, и о Сыне Божием говорят, что "**бес в Тебе**" (Ин.8:48). Не видите ли и ныне то же самое, как многие люди, неверные и неблагодарные, уподобляются ехиднам, – будучи облагодетельствованы и призрены другими, огорчают потом своих благодетелей? Это сказано нами для того, чтобы никто не удивлялся, что и при таких знамениях не все обратились.

3. Вот и в наше время были события с блаженным Вавилою, события в Иерусалиме, события при разрушении храмов, и однако не все обратились. К чему говорить о древнем? Я сказал уже, что было в прошлом году, и никто не обратил внимания, но мало-помалу опять стали предаваться распутству и грехопадению. Небо постоянно взывает, что есть Господь, что все это (разумею мир) есть дело некоего Художника, а некоторые говорят, что нет. Случившееся с Феодором в прошлом году кого не поразило? И однако больше ничего не произошло, но сделавшись на время благоговейными, потом возвратились к тому же состоянию, из которого перешли к благоговению. Тоже было некогда с евреями. Потому и сказал пророк: "**когда Он умерщвлял их, они искали Его и скоро обращались к Богу**" (Пс.77:34). И вообще что надобно сказать? Как многие, впадая в болезни, обещались по выздоровлении совершенно исправиться, и однако оставались такими же! В этом особенно и открывается нам произволение и свобода пашей природы, – во внезапной перемене. Если бы зло было нам естественно, то не было бы этой перемены; что естественно и необходимо, в том измениться мы не можем. И однако, скажешь, изменяемся. Не видим ли мы, как некоторые, имея от природы зрение, от страха становятся слепыми? Это оттого, что нашей природе свойственно сокращаться, когда приходит другое естественное действие; так и терять зрение от страха нам естественно, и с другой стороны также естественно, что при большем страхе другой (меньший) исчезает. Что же? Если, скажешь, любомудрие свойственно природе, то как же страх, овладевая ею, изгоняет его? А что, если я докажу тебе, что некоторые и в это время не бывают любомудрыми, а даже среди самого страха остаются смелыми? Это уже неестественно. О древнем ли говорить или о новом? Сколько было людей, которые и во время страха оставались смеющимися, издевающимися, и не испытывали ничего такого (подобного страху)? Так фараон, скажи мне, не тотчас ли (после наказания) переменялся и возвращался к прежнему нечестию? Так и здесь заклинатели, хотя сами знали (о ком говорят), над бесноватыми говорили просто: "**заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует**". Из того, что они говорят в подтверждение, видно что они знали. Говорят только: "**Иисусом**", между тем как следовало сказать: Спасителем вселенной, воскресшим (из мертвых). Они не хотели исповедать славу Его; потому бес, бросившись на них, обличил их и сказал: "**Иисуса знаю, и Павел мне известен**"; как бы так сказал: вы не веруете, но говорите это, злоупотребляя именем; и потому, говорит, храм (ваш) пуст, оружие не крепко, вы – не проповедники, но принадлежите мне. Велика ярость беса! Апостолы могли бы сделать с ними тоже, но не делали; повелевая теми, которые делали это, они тем более сами могли бы сделать тоже. Отсюда открывается кротость их, т.е. когда гонимые так поступают, а бесы, которым люди служили, делают противное, "**Иисуса**", говорит, "**знаю**", стыдитесь же вы, которые не знаете (Его). "**И Павел мне известен**". Хорошо и это сказано; признает его проповедником Божиим. Потом бросается на них и раздирает им одежды, и этими действиями как бы выражает: не подумайте, что я делаю это из презрения к тем (апостолам). Велик страх бесовский! А почему он не разорвал одежды их без всяких слов? Этим он выразил свою ярость и остановил их обман. Он боялся, как я сказал, неприступной силы (Христовой), и не преодолел бы таким образом, если бы не сказал этого. Смотри, как везде бесы оказываются благоразумнее иудеев и не смеют ни противоречить, ни порицать апостолов или Христа. Там они говорят: знаем Тебя, кто Ты; и: "**пришел Ты сюда прежде времени мучить нас**"; и еще: "**знаю Тебя**", Сыне "**Божий**" (Мф.8:29. Мк.1:24). А здесь: "**сии человеки – рабы Бога Всевышнего**" (Деян.16:17); и опять: "**Иисуса знаю, и Павел мне известен**". Они весьма боялись и страшились тех святых. Может быть и из вас иной, слыша это, желает иметь такую же власть, чтобы бесы не могли взирать на него, и называет тех святых блаженными потому, что они имели такую силу. Такой пусть послушает, что сказал Христос: "**не радуйтесь, что духи вам повинуются**" (Лк.10:20), так как Он знал, что все люди стали бы особенно радоваться этому из тщеславия. Если ты ищешь угодного Богу и полезного обществу, то к этому есть другой лучший путь. Не так важно – изгнать беса, как

– освободиться от греха. Бес не препятствует достигнуть царствия небесного, а еще содействует, – хотя невольно, но содействует, делая одержимого им более любомудрым; а грех удаляет (от царствия).

4. Может быть, кто-нибудь скажет: я не желал бы достигать такого любомудрия. И я не желаю этого, но желаю другого – того, чтобы делать все из любви ко Христу. Если же и то случится, – чего да не будет! – и об этом должно молиться. Итак, если (бес) не удаляет (от царствия небесного), а грех удаляет, то избавление от последнего есть большее благо. Потому будем стараться освобождать от него ближних наших, а прежде ближних – нас самих. Будем пещись, чтобы нам не сделаться одержимыми бесом, будем тщательно смотреть за собою. Но лютее беса грех, так как тот еще делает людей смиренными. Не видите ли, как бесноватые, когда они получают облегчение от этой болезни, бывают печальны и кротки, какая стыдливость выражается в лице их, как они боятся даже смотреть вокруг себя? Посмотри же, какая выходит несообразность: те стыдятся своих страданий, а мы не стыдимся своих дел; те стыдятся, претерпевая зло, а мы не стыдимся, совершая зло; их положение достойно не стыда, но сострадания, человеколюбия, снисхождения, великого удивления и тысячи похвал, если только они, противодействуя бесу, переносят все с благодарностью; а наше положение достойно посмеяния, стыда, осуждения, наказания, мучения, крайних бедствий и самой геенны, и не заслуживает никакого снисхождения. Видишь ли, как грех лютее беса? Те от своих страданий получают двоякую пользу: во-первых, вразумляются и делаются более любомудрыми; во-вторых, потерпев здесь наказание за свои грехи, отходят к Господу чистыми. Мы часто говорили об этом и учили, что наказываемые здесь, если терпят благодушно, могут избавиться от множества грехов. От грехов же бывает двоякое зло: первое – то, что претыкаемся, второе – то, что становимся худшими. Обратите внимание на слова мои. Не только то зло мы терпим от греха, что грешим, но еще и то, что душа приобретает дурной навык, подобно как бывает с телом. Сказанное будет яснее на примере. Как одержимый горячкою не только то терпит зло, что находится в болезни, но и то, что после болезни становится слабее, хотя бы он уже и выздоровел от продолжительной болезни, так и по совершении греха, хотя бы мы и исцелели, мы еще имеем нужду в большей силе. Представь человека, который нанес кому-нибудь обиду и не получил наказания: не потому только он достоин слез, что не потерпел наказания за обиду, но и по другой причине. По какой? Потому, что душа его стала бесстыднее. От каждого греха, как скоро он сделан и окончен, в душе нашей остается некоторый яд. Не слышишь ли, как некоторые, исцелившись от известной болезни, говорят: "я еще не осмеливаюсь пить воды?" Хотя он и выздоровел, но болезнь причинила и это зло. Те, тяжко страдая, благодарят; а мы и при благосостоянии хулим Бога и ропщем на Него; и подлинно, ты найдешь делающих это больше в здоровье и богатстве, чем в бедности и слабости. Бес стоит (пред ними), как истинный палач с сильными угрозами, или как учитель с поднятою плетью, не дозволяющий никакой отрады. Если же некоторые и при этом не делаются любомудрыми, то, по крайней мере, они претерпевают наказание. И это не маловажно. Как от безумных, как от сумасшедших, как от детей не требуют отчета в их действиях, так и от них; и нет человека, столь жестокого, чтоб наказывать за то, что сделано по неведению. Таким образом мы – согрешающие – оказываемся гораздо хуже беснующихся. Но мы не извергаем пены, не извращаем глаз и рук? О, если бы мы делали это с телом и не делали с душою! Хочешь ли, я покажу тебе, как душа извергает нечистую пену и извращает умственные очи? Посмотри на гневающихся и неистовствующих от ярости, не извергают ли они слов, которые нечистее всякой пены? Подлинно они как бы источают смрадную слюну. И как те не узнают никого из присутствующих, так и эти. При своем помраченном уме и извращенных очах они не различают ни друга, ни врага, ни почтенного человека, ни презренного, но на всех смотрят (просто). Можешь видеть, как они и трясутся, также как те. Но они не падают на землю? За то душа их падает низко и

лежит в трепете; если бы она стояла прямо, то с нею не было бы того, что бывает тогда. Подлинно не низкой ли и потерявшей самосознание душе свойственно то, что делают и говорят неистовствующие от ярости? Но есть и другой вид неистовства, еще худший. Какой? Тот, когда не хотят оставить гнева, но питают в себе памятозлобие, как какого домашнего палача. Самих же их первых мучит памятозлобие еще и здесь, не говоря о будущем. Подумай, какое терпит мучение человек, возмущенный душою, каждый день помышляя о том, как бы отомстить врагу? Прежде всего он мучит сам себя и томится, раздражаясь, досадуя на самого себя, разгорячаясь. Точно огонь постоянно горит в тебе, и, когда горячка усиливается до такой степени, ты не ослабляешь ее, думаешь, как бы причинить какое зло другому; а между тем терзаешь самого себя, постоянно нося в себе сильный пламень, не давая успокоиться душе своей, постоянно свирепея, и содержа ум свой в тревоге и смятении.

5. Что хуже этого неистовства – всегда мучиться, раздражаться и воспламеняться? А таковы души злопамятных. Они, как скоро увидят того, кому хотят отомстить, тотчас же выходят из себя; услышат ли голос его, падают и дрожать; лежат ли на постели, придумывают тысячи мучений, как бы поразить и растерзать своего врага; а если при этом увидят его благоденствующим, о, какое для них наказание! Прости же другому проступок его и избавь себя от мучения. Для чего ты непрестанно мучишь себя, чтобы однажды поразить и наказать его? Для чего причиняешь самому себе изнурительную болезнь? Для чего продолжаешь гнев свой, когда он готов прекратиться? Да не продолжится (гнев ваш) даже "**до вечера**", говорит Павел (Еф.4:26); он, как бы какая тля и моль, подъедает корень нашей души. Для чего удерживать внутри себя этого дикого зверя? Лучше положить змея или ехидну на сердце, нежели гнев и памятозлобие; от тех скоро можно было бы нам освободиться, а этот остается постоянно, вонзая свои зубы, впуская свой яд, возбуждая злые помыслы. Я делаю это, скажешь, для того, чтобы тот не стал смеяться надо мною, не стал презирать меня? Жалкий и безрассудный человек! Ты не хочешь быть посмешищем для подобного тебе раба, а подвергаешься неблаговолению своего Владыки? Не хочешь быть в презрении у равного тебе раба, а сам презираешь Владыку? Не можешь снести презрения (от человека), а не подумаешь, что ты прогневляешь Бога, посмеваешься над Ним, пренебрегаешь Им, не оказывая Ему повиновения? А то, что он не будет смеяться над тобою, это очевидно. Если станешь мстить, то будет великий смех, великое презрение, так как это – дело малодушия; если же простишь, то – великое удивление, так как это – дело великодушия. Но тот, скажешь, не узнает этого? Пусть узнает Бог, чтобы ты имел за то большую награду. "**Взаймы давайте**", говорит Он, "**не ожидая ничего**" (Лк.6:35).

Будем благодетельствовать тем, которые не чувствуют, что им благодетельствуют, чтобы они, воздавая нам похвалы или что другое, тем не уменьшили нашей награды. Если ничего не получим от людей, то тем больше получим от Бога. Что смешнее, что грубее души, непрестанно гневающейся и желающей мщения? Это – женское и детское желание. Как та (гневливая жена) гневается и на бездушные вещи и, пока хотя не топнет об пол, не оставляет своего гнева, так и эти (злопамятные) желают отомстить своим оскорбителям и делаются сами достойными смеха, потому что увлекаться гневом свойственно детскому уму, а преодолевать его возмужалому. Итак, не мы будем в посмеянии, когда окажем любомудрие, и они (оскорбители). Не покоряться страсти – дело людей не презренных; а презренным свойственно бояться смеха других до такой степени, чтобы из-за этого решиться – покоряться собственной страсти, оскорблять Бога и мстить за себя. Это, поистине, достойно смеха. Будем же избегать этого. Пусть тот говорит, что он причинил нам тысячу зол, а сам ничего не потерпел (от нас), пусть говорит, что если он и еще поругается над нами, так же не потерпит ничего. Если бы он захотел хвалить нас, то не иначе стал бы проповедовать о нашей добродетели, не иные стал бы употреблять слова, как именно эти, которыми он думает унизить нас. О, если бы все говорили обо мне, что

"это – человек холодный и жалкий; все оскорбляют его, а он терпит; все нападают на него, а он не мстит за себя"! О, если бы прибавили еще, что "он даже и не может сделать этого, хотя бы и хотел", – мне похвала была бы от Бога, а не от людей! Пусть говорят что мы не мстим по трусости. Это нисколько не вредит нам; Бог видит и уготовляет нам большее сокровище. Если бы мы стали смотреть на тех людей, то лишились бы всего. Будем же смотреть не на то, что о нас говорят, а на то, что нам должно делать. Некоторые говорят: пусть не смеется надо мною, пусть не издевается. О, безумие! Никто оскорбивший меня, говоришь ты, не смеялся надо мною, т.е., я отомстил. Но потому ты и достоин посмеяния, что отомстил. Откуда явились эти слова – постыдные и гибельные, низвращающие нашу жизнь и общество? Не отголосок ли сопротивления Богу. Что делает равным Богу, т.е. немстительность, то почитаешь ты смешным. Не в праве ли смеяться над нами и мы сами, и эллины, когда так говорим мы вопреки Богу?

Хочу рассказать нечто, бывшее в древности, касающееся не гнева, но имущества. У одного человека было поле, в котором было скрыто сокровище, о чем господин ничего не знал. Это поле он продал. Купивший, раскапывая землю, чтобы разработать и насадить ее, нашел скрытое сокровище. Продавший, узнав об этом, пришел к купившему и стал насильно требовать себе сокровища: я, говорит, продал поле, а не сокровище. Тот отказал ему, сказавши, что он купил поле вместе с сокровищем и ничего более знать не хочет. Начали тяжбу, один надеясь получить, а другой, стараясь не отдать. Нашедши какого-то человека, они обратились к нему с этим делом и спросили его: кому должно принадлежать сокровище? Он не дал ответа, но сказал, что разрешит тяжбу их: пусть он будет господином (сокровища). Взявши его себе с их согласия, он испытал впоследствии много зла от этого сокровища и на деле убедился, что не напрасно они отступились от него. Подобным образом должно поступать и по отношению к гневу, – мы должны стараться не мстить, а оскорбившие – признавать себя виновными. Но, может быть, это кажется смешным. Когда слишком усиливается это безумие, то люди благоразумные смеются, и среди множества неистовствующих непричастный их неистовству также кажется неистовствующим. Потому, увещеваю вас, будем терпеливы и не станем выходить из себя, чтобы, очистившись от этой гибельной страсти, мы могли сподобиться царствия небесного, благодатию и щедротами Единородного Сына Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 42

"Когда же это совершилось, Павел положил в духе, пройдя Македонию и Ахаию, идти в Иерусалим, сказав: побывав там, я должен видеть и Рим. И, послав в Македонию двоих из служивших ему, Тимофея и Ераста, сам остался на время в Асии. В то время произошел немалый мятеж против пути Господня" (Деян.19:21-23).

1. Пробывши довольно времени в городе (Ефесе), (Павел) опять хочет идти в другое место. Потому посылает Тимофея и Ераста в Македонию, а сам остается в Ефесе. Как же он, прежде вознамерившись отправиться в Сирию (Деян.18:18), опять возвращается в Македонию? Это – с целью показать, что он делал все не собственною силою. Вместе с тем предсказывает и будущее: "**я должен**", говорит, "**видеть и Рим**". Это сказал он, может быть, желая утешить (учеников) известием, что он не останется (в Иерусалиме), но опять придет к ним, и таким предсказанием ободрить души их. Отсюда я заключаю, что он в Ефесе написал послание к коринфянам, в котором говорит: "**мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии**" (2Кор.1:8). Он обещал прибыть в Коринф, и потому извиняется в своем замедлении и указывает на искушение, разумея поступок Димитрия. На этот же поступок указывает и (писатель) в словах: "**в то время произошел немалый мятеж против пути Господня**". Опять опасность, опять

смятение. Видишь ли превосходство (Павла)? Совершились двойные знамения, а они противоречили. Так чрез все сплетаются события. "**Ибо некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль, собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья! вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше; между тем вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти во всей Асии этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги. А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и испровергнется величие той, которую почитает вся Асия и вселенная**" (ст. 24-27). "**Делавший**", говорит, "**серебряные храмы Артемиды**". Неужели у них были серебряные храмы? Вероятно, это были небольшие кивории (подобия храма). В Ефесе Артемида была в большой чести, так что когда храм ее был сожжен, то (жители) до того огорчились, что запретили даже произносить имя виновника этого пожара. Смотри, как идолослужение везде поддерживается корыстью. И те из корысти (восставали на Павла, Деян.16:16), и этот из корысти; не потому, что их богопочтению угрожала опасность, но потому, что они лишались возможности прибытка. Посмотри и на злобу этого человека: он был богат, и для него не было бы от того большого вреда; более могли потерять прочие, которые были бедны и содержались дневными трудами, и, однако, они не говорят ничего, а только – он. Сообщников своих по ремеслу он делает сообщниками возмущения. Преувеличивает опасность: "**это нам угрожает тем**", говорит, "**что не только ремесло наше придет в презрение**". Это значит почти тоже, что: нам, при нашем ремесле, угрожает опасность умереть с голоду. Сами слова его могли бы обратить их к благочестию, но они, как люди низкие и невежественные, тотчас возмущаются, не думая, что если этот человек (Павел) столь силен, что всех обращает и самому почитанию богов угрожает опасностью, то как велик должен быть Бог его. Он может даровать нам гораздо более того, за что мы опасаемся. К этому он мог предрасположить души их словами: "**не суть боги, делаемые руками человеческими**". Заметь, чем огорчаются эллины: тем, что было сказано: "**делаемые руками человеческими не суть боги**". Он постоянно склоняет речь к своему ремеслу. Потом, чтобы еще более раздражить их, говорит; "**не только ремесло наше придет в презрение**", – т.е., не говоря уже о прочем, – "**но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить**". А чтобы показать, будто он говорит это не из корысти, смотри, что прибавляет: "**которую почитает вся Асия и вселенная**". Видишь ли, как он свидетельствует о превосходстве силы Павла, как слабы и ничтожны все прочие, если человек гонимый и занимавшийся скинотворством мог сделать так много? Так, сами враги свидетельствовали в пользу апостолов. Там они говорили: "**наполнили Иерусалим учением вашим**" (Деян.5:28); здесь: "**и испровергнется величие**" Артемиды. Прежде говорили: "**эти всесветные возмутители пришли и сюда**" (Деян.17:6); а теперь: "**ремесло наше придет в презрение**". Так и иудеи говорили о Христе: "**весь мир идет за Ним**" (Ин.12:19), и "**придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом**" (Ин.11:48). "**Выслушав это, они исполнились ярости**". Когда произошла ярость? Когда услышали об Артемиде и о прибытке. Таково свойство простого народа: он увлекается и раздражается случившимся. Потому (с ним) надобно поступать во всем осмотрительно. Заметь, как они были легкомысленны, так что готовы склоняться на все. "**Выслушав это, они исполнились ярости**", говорит, "**и стали кричать, говоря: велика Артемида Ефесская! И весь город наполнился смятением. Схватив Македонян Гаия и Аристарха, спутников Павловых, они единодушно устремились на зрелище**" (ст. 28, 29).

2. Опять нападают без причины, подобно как иудеи на Иасона (Деян.17:6), и готовы на все: так мало они думали о благородстве и чести! "**Когда же Павел хотел войти в народ, ученики не допустили его. Также и некоторые из Асийских начальников, будучи**

друзьями его, послав к нему, просили не показываться на зрелище" (ст. 30, 31). Просили потому, что там было собрание людей беспорядочных, готовых решиться на все по безумному увлечению. И Павел повинуется: он не был ни тщеславен, ни честолюбив. "**Между тем одни кричали одно, а другие другое, ибо собрание было беспорядочное, и большая часть собравшихся не знали, зачем собрались**" (ст. 32). Такова толпа: устремляется на все без рассуждения, подобно огню, устремляющемуся на дрова. "**По предложению Иудеев, из народа вызван был Александр. Дав знак рукою, Александр хотел говорить к народу**" (ст. 33). Иудеи вмешались в дело по смотрению (Божию), чтобы после они не могли ничего сказать против этого. Вызывается (Александр) и говорит, а что – послушай. "**Дав знак рукою, Александр хотел говорить к народу. Когда же узнали, что он Иудей, то закричали все в один голос, и около двух часов кричали: велика Артемида Ефесская!** " (ст. 34). Подлинно, детский у них ум! Как бы опасаясь, чтобы не истощилось их благочестие, они кричат непрестанно. Два года пробыл там (Павел), и, смотри, сколько еще было эллинов. "**Блюститель же порядка, утишив народ, сказал: мужи Ефесские! какой человек не знает, что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Диопета?**" (ст. 35). Таким предисловием он утешил их ярость. "**И Диопета**". Говорит это, как будто дело не было ясно само по себе. Диопетом назывался другой храм, или Диопетом они называли изображение Артемиды, как будто эта глина ниспала от Юпитера, а не сделана людьми, или так называлось у них другое какое-нибудь украшение. "**Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными и не поступать опрометчиво. А вы привели этих мужей, которые ни храма Артемидина не обокрали, ни богини вашей не хулили**" (ст. 36, 37).

Следовательно, все (сказанное против апостолов) ложно; он говорит это к народу, чтобы успокоить его. "**Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания и есть проконсулы: пусть жалуются друг на друга. А если вы ищете чего-нибудь другого, то это будет решено в законном собрании. Ибо мы находимся в опасности – за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое сборище. Сказав это, он распустил собрание**" (ст. 38-40). Говорит о законном собрании; по закону их, в каждый месяц происходили три собрания, а это было незаконное. Потом устрашает их, говоря: "**быть обвиненными в возмущении**". Но обратимся к вышесказанному. "**Когда же это совершилось**", говорит (писатель), "**Павел положил в Духе, пройдя Македонию и Ахаию, идти в Иерусалим**". Делает это не по человеческому усмотрению, но "**в Духе**", по внушению которого и решается идти. Это означает слово: "**положил**"; оно имеет именно такой смысл. А почему он посылает Тимофея и Ераста, об этом не говорится; но мне кажется, что и об этом надобно сказать: "**в Духе**". "**И потому, не терпя более**" (говорит Павел), "**мы восхотели остаться в Афинах одни**" (1Фес.3:1). И, смотри, посылает двоих из служащих ему, чтобы они возвестили о его прибытии и сделали (тех) более готовыми. А сам долее всех остается в Азии; и справедливо, – потому что там было многочисленное общество философов. Пришедши туда, он опять беседовал с ними, потому что там было великое суеверие. "**Некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль, собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья! вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше; между тем вы видите и слышите**", – так это было общеизвестно! – "**этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей**". Не насилием (он действовал), если "**убеждениями**". Так и должно убеждать город. Потом говорит о том, что касается их: "**что делаемые руками человеческими не суть боги**". Что это значит? Он уничтожает, говорит, наше ремесло. А чтобы они не подумали и не сказали, что один человек делает такие дела, и что если он имеет такую силу, то должно повиноваться ему, прибавляет: "**которую почитает вся Асия и вселенная**". Они думали, что крик их может воспрепятствовать Духу Божию: настоящие дети были эллины! "**А это нам угрожает**

тем", говорит, "**что не только ремесло наше придет в презрение**". Если же от этого занятия зависит ваше благо-состояние, то как мог убедить человек незнатный? Как он мог преодолеть такой обычай? Какими делами, или какими словами? Поистине это – дело не Павла, не человека. И достаточно было сказать, "**не суть боги**". Если же так легко было ниспровергнуть это нечестие, то давно следовало отказаться от него; а если бы оно было сильно, то невозможно было бы так скоро ниспровергнуть его. "**Не только**", говорит, "**ремесло наше придет в презрение**". Прибавляет это, как бы намереваясь сказать нечто более важное. "**Выслушав это, они исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Артемида Ефесская!**". А у них в каждом городе были свои боги. Они были в таком состоянии, как будто криком своим хотели восстановить ее почитание и уничтожить все, сделанное (Павлом).

3. Такова беспорядочная толпа! "**Когда же Павел**", говорит (писатель), "**хотел войти в народ, ученики не допустили его**". Павел хотел идти и говорить речь; он и самыми смятениями пользовался, как случаями к научению; но ученики не допустили его. Смотри, какое они везде имели о нем попечение. И прежде они удаляли его, чтобы ему не было нанесено смертельного удара, (Деян.17:15), и теперь удержали, хотя и слышали, что ему еще должно видеть Рим. Предусмотрительно он предсказал им об этом, чтобы они не смущались такими событиями. Но они не хотели, чтобы он потерпел что-нибудь. "**Также и некоторые**", говорит (писатель), "**из Асийских начальников, будучи друзьями его, послав к нему, просили не показываться на зрелище**". Зная его ревность, они умоляли: так любили его все верные! Для чего, скажешь, Александр хотел говорить речь? Разве и он был обвиняем? Для того, чтобы найти случай все рассеять и угасить ярость народа. Видишь ли, как велико было неистовство? Хорошо и вразумительно говорит книжник: "**какой человек не знает**" Ефесский град? Говорит о том, за что они опасались; как бы так говорит: разве вы не почитаете этой богини? Не сказал: кто не знает Артемиды? – но: "**город Ефес**", желая угодить им. "**Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными и не поступать опрометчиво**". Здесь уже укоряет их и как бы так говорит: чего вы ищете, как будто это неизвестно? Очевидно, что оскорбление касается богини. Благочестие они желали сделать предлогом для своей выгоды. Потому он незаметным образом укоряет их и показывает, что они собрались безрассудно. "**И не поступать**", говорит, "**опрометчиво**". Этими словами выражает, что они поступили необдуманно. "**Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть**

судебные собрания и есть проконсулы". И здесь укоряет их и показывает, что из-за частных несогласий не следовало делать общего собрания. "**Ибо мы находимся в опасности**", говорит, "**за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении**". Этим приводит их в великое недоумение. "**Так как нет никакой причины**", говорит, "**которою**

мы могли бы оправдать такое сборище". Смотри, как благоразумно, как мудро говорят неверные. Таким образом, он укротил ярость их; как легко она возбуждается, так легко и укрощается. "**Сказав это, он распустил собрание**", говорит (писатель). Видишь ли, как Бог попускает искушения, чтобы ими возбудить и пробудить учеников Своих и сделать их более твердыми? Итак, не будем падать духом во время искушений; Он сам подаст и облегчение, чтобы мы могли их перенесть.

Ничто так не содействует любви и общению, как скорбь: ничто так не соединяет и не связывает души верующих; ничто столько не способствует нам – учителям, чтобы слова наши выслушивались со вниманием. Слушатель благоденствующий бывает беспечен и нерадив и считает за беспокойство для себя слушать поучающего; а удрученный скорбью и страданием с великим усердием предается слушанию. У кого душа отягчена скорбью, тот везде ищет себе утешения от скорби, а слово доставляет не малое утешение. А что же,

скажешь, иудеи? Почему они, претерпевая бедствия, малодушествовали и не слушали? Потому, что они были иудеи, всегда слабые и жалкие; притом их скорбь была очень велика, а мы говорим об умеренной. Смотри, они надеялись освободиться от угнетавших их бедствий и впадали в бедствия еще более тяжкие и бесчисленные; а это не мало поражает душу. Скорби удерживают нас от пристрастия к настоящему миру; мы благодушно ожидаем смерти и не бываем привязаны к благам телесным; а в том и состоит важнейшая часть любомудрия, чтобы не быть привязанным и пристрастным к настоящей жизни. Душа, удрученная скорбью, не заботится о многом; она желает только спокойствия и тишины; она хотела бы освободиться от настоящих (бедствий), и более ничего. Как тело утомленное и изнуренное не способно ни предаваться наслаждениям, ни пресыщаться, но имеет нужду в отдохновении и спокойствии, так и душа, удрученная множеством бедствий, ищет отдохновения и спокойствия. Душа, чуждая скорби, волнуется, мятется, надмевается; напротив душа, чуждая удовольствий и ничем не расслабляемая, вся сосредоточивается в самой себе и не надмевается; эта бывает мужественною, а та детски-слабою, эта – основательною, а та – легкомысленною. Как что-нибудь легкое, упавши в воду, колеблется волнами, так и душа, предавшаяся великой радости. От множества удовольствий у нас бывает и множество грехов, что может видеть всякий. Представим, если угодно, два дома, один наполненный отправляющими брачное пиршество, и другой – сетующими. Войдем мысленно в тот и другой и посмотрим, который из них лучше. Дом сетования окажется исполненным любомудрия, а дом брака – бесчиния; смотри, здесь в самом деле: нескромные речи, беспорядочный смех, еще более беспорядочные движения, одежда и походка, исполненные бесстыдства, действия, отличающиеся безумием и непристойностью; вообще здесь нет ничего, кроме смешного и достойного осмеяния. Говорю не о браке, – да не будет! – но о том, что бывает на браке. Здесь низвращается природа человеческая; присутствующие обращаются из людей в бессловесных животных; одни ржут, подобно коням, другие бьют ногами, подобно ослам, все в беспорядке, все в смятении; нет ничего благопристойного, ничего благородного; здесь великое торжество для диавола, – кимвалы, флейты, песни, исполненные прелюбодеяния и разврата. Не так бывает в жилище сетования, – все там бывает благопристойно; там глубокое молчание, совершенная тишина, великое сокрушение; нет ничего непристойного, ничего бесчинного. Если же кто станет говорить, то все слова его звучат, как исполненные любомудрия; и, что достойно удивления, в таком случае бывают любомудрыми не только мужи, но и слуги и жены. Таково свойство скорби. Стараются утешить сетующего, высказывают множество мыслей, исполненных любомудрия. Тотчас начинаются молитвы, чтобы скорбь не выходила из пределов; с готовностью утешают страждущих; исчисляют множество примеров подобных же сетующих. Ведь, что такое человек? Исследую нашу природу.

4. Что такое человек? При этом раскрываю его жизнь и ничтожество, вспоминаю о будущем, о суде. Каждый отходит домой – с брака прискорбным, потому что сам он бывает в растроенном состоянии, а с сетования – радостным, потому что видит себя свободным от подобного бедствия и возвращается с душою, успокоившеюся от всякого неумеренного пожелания. Но что? Хочешь ли, сравним между собою темницы и зрелища, (эти места) одно – сетования, другое – удовольствия? Посмотрим, что происходит в каждом из них. Там (в темнице) великое любомудрие, потому что где скорбь, там непременно и любомудрие. Там человек, прежде богатый и надменный, не чуждается беседовать со всяким, кто к нему обращается; страх и скорбь, как бы какой сильнейший огонь, проникая его душу, смягчает ее грубость. Там он делается кротким и смиренным; там он постигает превратность жизни и терпеливо переносит все. На зрелище же все напротив: здесь смех, бесстыдство, бесовское веселие, бесчиние, потеря времени, бесполезное употребление целых дней, возбуждение нечистых пожеланий, упражнение порочных похотей, школа прелюбодеяния, училище разврата, поощрение безнравственности, побуждения к смехотворству, примеры непристойности. Не такова

темница; там смирение, вразумление, упражнение в любомудрии, презрение житейских благ. Все (земное) попрано и презрено, и страх бодрствует над человеком, как пестун над дитятей, направляя его ко всему должному. Но, если хочешь, посмотрим на те же места с другой стороны. Я желал бы, чтобы ты встретился с человеком, который идет со зрелища, и с другим, который выходит из темницы: ты увидел бы, как душа первого возмущена, не спокойна, поистине точно связана, и как душа последнего спокойна, свободна, возвышенна. Тот идет со зрелища ослепленный видом тамошних женщин, несет на себе оковы, которые тяжелее всяких железных, оковы тех мест, слов, действий. А выходящий из темницы, будучи свободен от всего этого, не чувствует и ничего прискорбного, сравнивая свое положение с положением других. Он будет считать за счастье, что свободен от уз, пренебрежет человеческими делами, видя, как многие богатые впадают в несчастия и, будучи прежде в великой чести и силе, содержатся там, в заключении; если он испытывает какую-либо несправедливость, то он перенесет это терпеливо, потому что там много примеров и этого; будет вспоминать о будущем суде и содрогаться, видя настоящие места (заключения). И как заключенный в здешней темнице становится кротким ко всем, так и те, еще прежде суда, еще прежде будущего дня, станут кроткими и к жене и к детям, и к слугам. Но не так (возвращающийся) со зрелища: он с неудовольствием будет смотреть на жену, будет жестоко обращаться с слугами, гневаться на детей, будет свирепым ко всем. Много зла причиняют городам зрелища, зла великого, мы даже и не знаем, насколько великого. Если вы не утомились, посмотрим еще на места смеха, разумею пиршества, где – тунеядцы, льстецы и великое невоздержание, и на другие места, где – хромые и слепые. Там пьянство, объядение, разврат; здесь все напротив. Посмотри и на наше тело: когда оно тучно и изнежено, то скоро впадает в болезнь; а когда истощено, то не так (скоро заболевает). Но чтобы сделать для вас яснее слова мои, представим тело многокровное, тучное и переполненное; оно даже и от легкой пищи может впасть в горячку, если будет оставаться в бездействии. Представим другое, которое издавна подвергалось голоду и изнеможению; болезнь не скоро может его постигнуть и преодолеть. В нас часто и здоровая кровь порождает болезни, если ее слишком много; а если ее будет не много, то, хотя бы она была не в здоровом состоянии, легко может быть излечена. Так и с душою: если она предана роскоши и удовольствиям, то легко склоняется на грех; она близка и к гордости, и невоздержанию, и тщеславию, и зависти, и коварству, и клевете. Не такова душа, живущая в скорби и воздержании, – она далека от всего этого. Вот и наш город велик. Откуда же происходит зло? Не от богатых ли? Не от радующихся ли? Кто влечет (других) в судилища? Кто расхищает имущество? Те ли, которые живут в бедности и угнетении, или те, которые надмеваются и радуются? От души, угнетенной скорбью, не может произойти какое-либо зло. Павел знает пользу от нее, потому говорит: **"от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает"** (Рим.5: 3-5). Не будем же падать духом во время скорбей, но за все благодарить (Бога), чтобы получить великую пользу, чтобы заслужить благоволение от Бога, Который попускает скорби. Великое благо – скорбь; это мы можем видеть и на детях своих; ничему полезному они не могут научиться без скорби. Но мы еще более, нежели они, имеем нужду в скорби. Если они цветут тогда, когда их страсти бывают укрощаемы, то тем более (это нужно) нам, которые подвержены столь многим и столь великим (страстям). Мы более, нежели они, имеем нужду в пестунах, так как проступки детей не могут быть велики, а наши бывают весьма велики. Наш пестун – скорбь. Итак, не навлекая ее сами на себя, когда она постигает нас, будем переносить ее благодушно, как виновницу множества благ, чтобы нам сподобиться благоволения Божия и благ, уготованных любящим Его, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 43

"По прекращении мятежа Павел, призвав учеников и дав им наставления и простившись с ними, вышел и пошел в Македонию"(Деян.20:1).

1. Нужно было великое утешение после такого возмущения. Это и делает (Павел). Чтобы утешить учеников, он отправляется в Македонию и потом в Элладу. А как много он утешал их, послушай. "**Пройдя же те места и преподав верующим обильные наставления, пришел в Елладу. Там пробыл он три месяца. Когда же, по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями, он хотел отправиться в Сирию, то пришло ему на мысль возвратиться через Македонию. Его сопровождали до Асии Сосипатр Пирров, Вериянин, и из Фессалоникийцев Аристарх и Секунд, и Гаий Дервянин и Тимофей, и Асийцы Тихик и Трофим. Они, пойдя вперед, ожидали нас в Троаде**" (ст. 2-5). Опять терпит гонение от иудеев и возвращается в Македонию. Но что это; (писатель) как будто называет Тимофея фессалоникийцем? Он не говорит этого. Они, говорит, "**пойдя вперед**", прежде него прибыли в Троаду. "**А мы, после дней опресночных, отплыли из Филипп и дней в пять прибыли к ним в Троаду, где пробыли семь дней**" (ст. 6). Мне кажется, что он старался проводить праздники в больших городах. Отплывает из Филипп, где случилось событие в темнице (Деян.16:16-32). Теперь уже в третий раз он был в Македонии; филиппийцы заслужили особенное, его внимание; потому он и останавливается там. "**В первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжил слово до полуночи**" (ст. 7). Посмотри, как они все почитали маловажнее проповеди. Тогда была пятидесятница и день недельный, а он продолжает поучение до полуночи; он до того заботился о спасении учеников, что не умолкал и ночью, но тогда в особенности и беседовал, когда было спокойно. И смотри, как долго он беседует и притом после времени вечерней трапезы. Но диавол возмутил, хотя и безуспешно, это празднество, погрузив в сон одного слушателя и свергнув его вниз. А как это случилось, (писатель) повествует далее. "**В горнице, где мы собрались, было довольно светильников. Во время продолжительной беседы Павловой один юноша, именем Евтих, сидевший на окне, погрузился в глубокий сон и, пошатнувшись, сонный упал вниз с третьего жилья, и поднят мертвым. Павел, сойдя, пал на него и, обняв его, сказал: не тревожьтесь, ибо душа его в нем. Взойдя же и преломив хлеб и вкусив, беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел. Между тем отрока привели живого, и немало утешились**" (ст. 8-12). Смотри, каково представленное здесь зрелище: ученики, говорит, "**где мы собрались**"; и каково знамение: "**сидевший**", говорит, "**на окне**" и притом в самую глубокую ночь. Такова (у них) была ревность к слушанию. Устыдимся же мы, которые не делаем этого и днем. Но тогда, скажешь, беседовал Павел, Что ты говоришь? И ныне беседует Павел, или лучше, и тогда, и теперь не Павел, а сам Христос, – и никто не слушает. Не на окне (мы сидим) теперь, ни голод, ни сон, ни теснота и ничто подобное не беспокоит нас, и, не смотря на то, не слушаем. Достойно удивленья, как он будучи юношею был не ленив, чувствуя наклонность ко сну не ушел, и видя опасность упасть не устрашился. А что он уснувши упал, не удивляйся этому; он уснул не по лености, а по естественной необходимости. Заметь, как пламенно они были усердны: они собирались в третьем этаже, так как церкви еще не было. "**Не тревожьтесь**", говорит, "**ибо душа его в нем**". Не сказал: он воскреснет, я воскрешу его, – но что? "**Не тревожьтесь**". Видишь, как он был не тщеславен, как готов доставить утешение. "**Взойдя же**", говорит, "**и преломив хлеб и вкусив**". Это прервало беседу, но не повредило. Видишь ли, как не роскошен их ужин? "**И вкусив**", говорит, "**беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел**". Видишь ли, как они бодрствовали во всю ночь? Трапезы их были таковы, что и после них они оставались слушателями бодрыми и готовыми к слушанию. А мы чем отличаемся от псов? Видите ли, какое различие (между нами и ими)? "**Между тем отрока привели живого, и немало утешились**". Были весьма утешены как тем, что получили живым отрока, так и тем, что было знамение. "**Мы пошли**

вперед на корабль и поплыли в Асс, чтобы взять оттуда Павла; ибо он так приказал нам, намереваясь сам идти пешком. Когда же он сошелся с нами в Ассе, то, взяв его, мы прибыли в Митилину" (ст. 13, 14). Павел часто разлучался с учениками. Так и теперь сам идет сухим путем, а они отправляются на корабле; легчайшее предоставляет им, а труднейшее избирает для себя; идет пешком, как для того, чтобы многое устроить (на пути), так и для того, чтобы они не отстали от него. "**И, отплыв оттуда, в следующий день мы остановились против Хиоса, а на другой пристали к Самосу и, побывав в Трогиллии, в следующий день прибыли в Милит**" (ст. 15). Смотри, как они поспешно отправляются за Павлом, не останавливаются, но проходят мимо островов. "**Ибо Павлу рассудилось миновать Ефес, чтобы не замедлить ему в Асии; потому что он поспешал, если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме**" (ст. 16).

2. Для чего такая поспешность? Не для праздника, но для народа; он и тем хотел обратить иудеев, что уважал их праздники; и врагов хотел привлечь, а вместе с тем не оставлял и возвещать слово. Потому, посмотри, какая произошла польза, когда собрались все. Чтобы в то же время не оставить неустроенными дел в Ефесе, он распорядился иным образом. Но обратимся к вышесказанному. "**Призвав учеников и дав им наставления и простившись с ними**", говорит (писатель), "**вышел и пошел в Македонию. Пройдя же те места и преподав верующим обильные наставления, пришел в Елладу**". И здесь опять преподал назидание, доставив великое утешение. Смотри, как он везде действует словом, а не знамениями. "**Он хотел**", говорит, "**отправиться в Сирию**" Часто (писатель) представляет нам его отправляющимся в Сирию. Причиною были тамошняя церковь и Иерусалим: так сильно он желал устроить все и там. Троада была небольшой город; почему же они проводят в нем семь дней? Вероятно, он был велик по числу верующих. Пробывши семь дней, ночь на следующий день (Павел) посвятил на поучение: так тяжело было разлучиться ему с ними и им с ним! "**Собрались**", говорит, "**для преломления хлеба**". В то время, когда нужно было принимать пищу, (а было еще не поздно), он начал говорить и долго продолжал поучение. Таким образом, хотя они собрались собственно не для поучения, а для преломления хлеба, но он начал речь и продолжал ее. Смотри, как все участвовали в трапезе Павловой. Мне кажется, что он, и сидя за столом, занимался беседою, научая нас почитать все прочее маловажным. Представьте этот дом, где были свечи и множество народа, а Павел посреди всех говорил речь, где многие заняли сами окна, чтобы слышать эту трубу и видеть это благолепное лицо. Каковы должны быть поучаемые, и какое они получали удовольствие? Но почему он беседовал ночью? Потому, что ему предстояло отправиться и уже более не видеть их. Впрочем он не говорил этого им, как более слабым, а другим сказал. Притом совершившееся знамение сделало для них этот вечер навсегда памятным. Велико было удовольствие слушателей, если и, будучи прервано оно, потом опять продолжалось, так что этот случай послужил к чести учителя. С другой стороны отрок, умерший из желания слушать Павла, должен был послужить упреком для всех нерадивых. Для чего, скажешь, (писатель) излагает подробно, куда они прибыли и откуда отправились, где (Павел) останавливался и какие места проходил мимо? Чтобы показать, что он шел довольно медленно и проходил (некоторые места) по человеческому соображению. "**Павлу рассудилось миновать Ефес, чтобы не замедлить ему в Асии**". И хорошо: прибывши туда, он не мог бы не замедлить, потому что не захотел бы огорчить (учеников), которые стали бы просить его остаться. Или по этой причине, или потому, что спешил: "**потому что он поспешал**", говорит (писатель), "**если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме**"; следовательно и поэтому он не мог оставаться (в Ефесе). Смотри, как и он руководится человеческими соображениями, и желает, и спешит, и часто не получает желаемого. Это для того, чтобы мы не подумали, будто он был выше человеческой природы. Святые и великие мужи имели одну и ту же с нами природу, но не одинаковое произволение; потому они и сподоблялись великой благодати. Смотри, как многое они делали и сами собою. Потому он и говорил: "**мы**

никому ни в чем не полагаем претыкания", и еще: "**чтобы не было порицаемо служение**" (2Кор.6:3). Вот и беспорочная жизнь, и великое снисхождение. Это и называется благоустроением (себя), чтобы стоять на высшей степени высокой добродетели и смиренномудрого снисхождения. Послушай, как тот, кто стоял выше заповедей Христовых, был и смиреннее всех. "**Для всех я сделался всем**", говорит он, "**чтобы спасти по крайней мере некоторых**" (1Кор.9:22). Он сам подвергал себя опасностям, как говорит в другом месте: "**в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах**" (2Кор.6:4,5). Велика была любовь его ко Христу. Если бы ее не было, то все было бы напрасно – и распорядительность, и беспорочная жизнь, и преодоление опасностей. "**Кто изнемогает**", говорит он, "**с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2Кор.11:29).

3. Будем и мы, увещеваю вас, подражать этим словам и подвергать себя опасностям за наших братий. Предстоит ли огонь, или меч, – бросься на них, возлюбленный, чтобы спасти твоего сочлена; бросься, не бойся. Ты ученик Христа, положившего душу Свою за братий, – соученик Павла, восхотевшего потерпеть тысячу бедствий за своих врагов и гонителей; исполнись ревности, подражай Моисею. Он увидел обижаемого и отомстил, презрел царскую роскошь, для угнетенных сделался беглецом и скитальцем, лишился родных и своего дома, провел столько времени в чужой стране, и не упрекал себя, не говорил: что это? – я пренебрег царство, такую честь и славу; решился отомстить за угнетаемых, а Бог не призрел на это и не только не возвратил меня к прежней чести, но сорок лет я проживаю в стране чуждой. И было бы правильно, – потому что не получил награды. Но ничего такого он не сказал и не подумал. Так и ты, когда, делая добро, потерпишь какое-нибудь зло, хотя бы на долгое время, не соблазняйся и не смущайся; тебе непременно воздаст Бог. Чем долее медлить это воздаяние, тем большее будет приращение. Итак, будем иметь душу сострадательную, будем иметь сердце способное сочувствовать страждущим; не будем жестокими и бесчеловечными. Хотя бы ты не мог оказать никакой помощи, – плачь, скорби, сетуй о случившемся, – и это не останется бесполезным для тебя. Если мы должны сострадать тем, которые праведно наказываются Богом, то тем более тем, которые несправедливо терпят от людей. "**Не объявляйте об этом в Гефе**", говорит (пророк), "**не плачьте там громко; но в селении Офра покрой себя пеплом. Переселяйтесь, жительницы Шафира, срамно обнаженные; не убежит и живущая в Цаане; плач в селении Ецель не даст вам остановиться в нем**" (Мих.1:10,11) [чтение этого места у св. И. Златоуста весьма значительно отличается от чтения в церковнославянском]. Иезекииль упрекает в том, что они не были сострадательны. Что говоришь ты, пророк? Бог наказывает, а я должен сострадать наказываемым? Да; этого желает наказывающий; Он и сам не радуется, когда наказывает, но также весьма скорбит. Если же и сам наказывающий не радуется, то не радуйся и ты. Но, скажешь, когда наказываются справедливо, то конечно не должно скорбеть? Должно скорбеть о том, что они сделались достойными наказания. Скажи мне: когда ты видишь, как сыну твоему делают прижигание или отсечение, неужели ты не скорбишь? Конечно скорбишь и не говоришь сам себе: что это? – отсечение послужит к излечению, прижигание к выздоровлению; но, услышав его рыдания от нестерпимой боли, ты скорбишь, и надежда на выздоровление не может преодолеть естественного сострадания. Так и здесь, хотя бы наказывались для исправления, мы должны оказывать им братское расположение и отеческую любовь. Наказания Божии – это как бы отсечения и прижигания; но потому мы и должны плакать, что они заболели, что имеют нужду в таком врачевании. Когда кто страдает для венцов, тогда не скорби, как напр. Павел или Петр; но когда кто терпит достойное наказание, тогда плачь, тогда скорби. Так поступали и пророки. Потому один из них и сказал: "**о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля**" (Иез.9:8)! Мы часто видим наказываемых убийц и других

преступников, и сожалеем и скорбим. Не будем рассудительны чрез меру; но будем милостивы, чтобы и нам быть помилованными. Ничто не может сравняться с этим благом, ничто так не выражает наших человеческих свойств, как милосердие, как человеколюбие. Потому и законы предоставляют всякое (наказание) палачам, обязывая судию только произнести приговор к наказанию, а самое исполнение возлагая на них. Так, хотя бы наказание было справедливо, наказывать не свойственно душе любомудрой, но для этого требуется кто-нибудь другой. Потому и Бог наказывает не сам, но чрез ангелов. Следовательно ангелы – палачи? Да не будет! – я не говорю этого; но они – силы, служащие и для исполнения наказания. Когда был разрушаем Содом, все совершено чрез ангелов; когда Египет, – чрез них же. "**Ярость и гнев и скорбь, низведенные чрез ангелов (посылающих) бедствия**" (Пс.77:49). Но когда нужно было спасти, тогда действует Он сам; так Он послал Сына Своего для спасения рода. И опять: "**пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих**": соберите "**делающих беззаконие**" (Мф.13:41,42). А касательно праведников не так, но: "**кто принимает вас, принимает Меня**" (Мф.10:40). И еще: "**связав ему**", говорит, "**руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю**" (Мф.22:13). Смотри, здесь действуют слуги. А когда нужно наградить, сам награждает, сам говорит: "**приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф.25:34). Когда нужно было беседовать с Авраамом, то приходит сам; а когда – идти в Содом, то посылает служителей, подобно тому, как судия поставляет исполнителей казни. И еще: "**хорошо, добрый и верный раб**", говорит, "**в малом ты был верен, над многим тебя поставлю**". Этого восхваляет сам, а раба лукавого не сам, но слуги связывают (Мф.25:21-30). Зная это, не будем радоваться о тех, кого постигают наказания; но будем жалеть их, будем скорбеть, будем плакать о них, чтобы и за это получить нам воздаяние. Ныне многие радуются даже о тех, которые терпят зло несправедливо. Но мы не будем так поступать; напротив будем оказывать им всякое сострадание, чтобы и нам сподобиться человеколюбия Божия, благодатию и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 44

"Из Милита же послав в Ефес, он призвал пресвитеров церкви, и, когда они пришли к нему, он сказал им: вы знаете, как я с первого дня, в который пришел в Асию, все время был с вами, работая Господу со всяким смиренномудрием и многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлениям Иудеев; как я не пропустил ничего полезного, о чем вам не проповедывал бы и чему не учил бы вас всенародно и по домам, возвещая Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа. И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией. И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие. Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех, ибо я не упускал возвещать вам всю волю Божию" (Деян.20:17-27).

1. Смотри, как (Павел) спешит отправиться и вместе не оставляет ничего без внимания, но благоустрояет все. Он призвал к себе предстоятелей (Церкви) и излагает пред ними вышесказанное. Достойно удивления, как он, будучи поставлен в необходимость сказать о себе что-либо великое, старается сохранить смирение. Подобно этому Самуил, намереваясь передать власть Саулу, говорил пред иудеями: "**свидетель на вас Господь, и свидетель помазанник Его в сей день, что вы не нашли ничего за мною. И сказали:**

свидетель" (1Цар.7:5); и Давид, когда ему не доверяли, говорил: на пастбище я пас овец отца своего и "**приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я гнался за ним и нападал на него и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы и поражал его и умерщвлял его**" (1Цар.17:35); и сам Павел в послании к Коринфянам говорит: "**дошел до неразумия, хвалясь; вы меня к сему принудили**" (2Кор. 12:11). Также поступает и Бог; не без причины говорит о самом Себе, но когда не веруют Ему, тогда и исчисляет Свои благодеяния (Иез.16:6). Смотри, что и здесь делает (Павел): во-первых, он ссылается на их свидетельство, чтобы ты не подумал, что он хвалит сам себя, называет слушателей свидетелями сказанного, в удостоверение того, что он не лжет пред ними. Вот доблесть учителя, – когда он может представить учеников свидетелями добрых дел своих! И то удивительно, что он провел в таких делах не один день и не два, но много лет. "**Вы знаете**", говорит, "**все время был с вами**". Хочет убедить их, чтобы они мужественно переносили все, и разлучение с ним и предстоящие опасности, подобно как было при Моисее и Иисусе (Навине). И смотри, что он далее прибавляет. "**Все время был с вами, работая Господу со всяким смиренномудрием**". Смотри, что особенно свойственно начальствующим, именно: ненавидеть гордость; это особенно нужно начальствующим, потому что самые обстоятельства располагают предаваться гордости. Это есть основание доброго, как и Христос говорит: "**блаженны нищие духом**" (Мф.5:3). Сказал не просто: "**со смиренномудрием**", но: "**со всяким**". Ведь есть много видов смиренномудрия; смиренномудрие можно видеть в слове и в деле, в отношении к начальникам и в отношении к подчиненным. Хотите ли, я представлю вам образцы смиренномудрия? Иные бывают смиренны со смиренными и надменны с надменными; это – не смиренномудрие. Другие бывают не таковы, но относительно каждого лица в разное время наблюдают и смирение и важность; это преимущественно и есть смиренномудрие. Желая научить их этому, он наперед полагает основание для устранения подозрения, чтобы не подумали, что он гордится. Если, говорит, я жил "**со всяким смиренномудрием**", то не по гордости говорю то, что говорю. Вместе с тем (выражает) кротость свою: "**с вами**", говорит, "**работая Господу**", представляя их сообщниками своими в этом добром деле. Так, общение всегда есть благо. Представляет добрые дела свои общими и не приписывает себе никакого преимущества. Неужели же, скажешь, он мог гордиться пред Богом? Есть много людей, которые гордятся и пред Ним; но он не гордился даже и пред учениками своими. Вот достоинство учителя: назидать учеников собственными добродетелями! Далее говорит о своем мужестве, но также смиренно: "**многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлениям Иудеев**". Видишь ли, как он скорбит о случившемся? Здесь он, по-видимому, выражает свое сострадание; он страдал за погибающих, за самих виновников (напастей), а о случившемся с ним самим радовался; он был из лика тех, которые радовались, "**радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие**" (Деян.5:41). И в другом месте он говорит: "**ныне радуюсь в страданиях моих за вас**" (Кол.1,24); и еще: "**кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу**" (2Кор.4:17). Это говорил по смирению; а здесь показывает свое мужество, и не столько мужество, сколько терпение, и как бы так говорит: я тяжко страдал, но с вами, и, что особенно тяжело, от иудеев. Заметь, какие здесь он означает свойства учительства: любовь и мужество. "**Как я**", говорит, "**не пропустил ничего**". Этим выражает, как он был чужд зависти и лености. "**Полезного**". Хорошо и это сказано, иному ведь и не следовало учиться. Как скрывать что-нибудь есть признак зависти, так и говорить все есть знак безумия. Потому и присовокупил: "**полезного**", и изъяснил, что он не говорил только, но и "**учил**", – я, говорит, делал это не небрежно. А что здесь именно такой смысл, послушай далее; далее он говорит: "**всенародно и по домам**", и этим выражает свое продолжительное старание, великое усердие и неутомимость. "**Возвещая Иудеям и Еллинам**". Не вам только, говорит, но и эллинам. Здесь (показывает) свое дерзновение и то, что мы должны говорить, хотя бы и не видели никакой пользы; это и

значит свидетельствовать, если мы говорим пред людьми, не внимающими нам; слово: "**возвещая**" по большой части имеет такой смысл. "**То свидетельствуюсь**", говорит Моисей, "**небом и землею**" (Втор.4:26). Так и здесь: "**возвещая**", говорит, "**Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом**".

2. Что ты свидетельствовал? Чтобы имели попечение о жизни, чтобы покаялись и пришли к Богу. И иудеи не знали Его, потому что не знали Сына и не имели (добрых) дел и веры в Господа Иисуса. Для чего же ты говоришь это? Для чего напоминаешь об этом? Не случилось ли чего-нибудь? Не находишь ли нужным – в чем-нибудь упрекнуть их? Тронув наперед ум их, он потом продолжает: "**и вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией**" (ст. 22-24). Для чего он говорит это? Для того, чтобы научить их быть готовыми на опасности, и явные и тайные, и во всем повиноваться Духу. Также изъясняет, что его ожидает нечто великое. "**Только**", говорит, "**Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря**". Чтобы показать, что он отправляется добровольно, и чтобы ты не думал об узах или необходимости, говорит: "**по всем городам**". Потом присовокупляет: "**но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса**". Видишь ли, что это слова не плачущего, но смиренно рассуждающего, поучающего других и сострадущего случившемуся? Не сказал: мы скорбим, а нужно терпеть, но: я и не думаю о том. Этими словами опять он не превозносит себя самого, а научает их, как прежде смиренномудрию, так теперь мужеству, дерзновению, и как бы так говорит: я не предпочитаю первое последнему, но более всего думаю о том, чтобы "**совершить поприще мое и служение**". Не сказал: проповедать или научить, но: "**проповедать Евангелие благодати Божией**". Далее намеревается сказать нечто более поразительное, именно: "**чист я от крови всех**"; потому предуготовляет их и показывает, что более ничего не остается. Намереваясь возложить на них все бремя и всю ношу, он наперед трогает их душу словами: "**и ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы**" (ст. 25), И потом произносит: "**чист я от крови всех**" (ст. 26). Сугубая скорбь оттого, что "**лица его**" они уже не увидят, и оттого, что они "**все**" (не увидят): "**вот, я знаю**", говорит, "**что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие**". Потому я не напрасно свидетельствую пред вами, как уже навсегда отсутствующий. "**чист я от крови всех, ибо я не упускал возвещать вам всю волю Божию**" (ст. 27). Видишь ли, как он устрашает и поражает удрученные скорбью души их? И хорошо, потому что это было необходимо. "**Не упускал**", говорит, "**возвещать вам всю волю Божию**". Следовательно, не возвещающий виновен в крови, т.е. в убийстве. Ничего не может быть ужаснее этого. Он показывает, что и они, если не делают этого, то виновны в крови. По-видимому, он защищает себя, но вместе и устрашает их. "**Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею**" (ст. 28). Видишь ли, что он дает две заповеди? Бесполезно как исправлять только других, – боюсь, говорит он же, "**дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1Кор.9:27), – так и заботиться только о самом себе. Последнее свойственно самолюбцу, который ищет только полезного для него самого и подобен человеку, закопавшему талант в землю. Говорит об этом (Павел) не потому, будто наше спасение важнее (спасения) стада, но потому что, когда мы внимаем себе, тогда получает пользу и стадо. "**В котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога**". Смотри, сколько побуждений. Вы, говорит, получили рукоположение от Духа; это означает слово: "**поставил**". Вот первое побуждение. Потом: "**пасти Церковь Господа и Бога**", вот

второе. А третье заключается в том, что говорит далее: "**которую Он приобрел Себе Кровию Своею**". Много убеждения в словах, которые показывают драгоценность предмета, и не малой мы подвергаемся опасности, если Господь для Церкви не пощадил собственной крови, а мы не имеем никакого попечения о спасении братий. Он пролил кровь Свою, чтобы примирить врагов; а ты не можешь поддерживать любовь даже с друзьями? "**Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада**" (ст. 29). Представляет им новое побуждение, указывая на будущее, подобно как и в другом месте говорит: "**наша брань не против крови и плоти**" (Еф.6:12). "**По отшествии моем**", говорит, "**войдут к вам лютые волки, не щадящие стада**". Двоякое бедствие: и его не будет, и другие станут нападать. Для чего же ты отходишь, если предвидишь это? Дух, говорит, влечет меня.

3. Смотри, не просто сказал: "**волки**", но прибавил: "**лютые**", желая выразить их силу и свирепость; а что всего тяжелее, эти волки, говорит, "**и из вас самих восстанут люди**": это особенно тяжко, когда бывает междоусобная брань. Хорошо сказал: "**бодрствуйте**", показав этим, что предмет заслуживает особенного внимания, – это именно Церковь, – что угрожает великая опасность, – так как (Господь) искупил ее кровию, – и что брань будет великая и сугубая. Это он выразил словами: "**и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою**" (ст. 30). Далее, после того, как устрашил их словами: "**лютые волки**" и: "**и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно**", как бы отвечая на чей-нибудь вопрос: что же будет, кто станет охранять нас? – говорит: "**посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас**" (ст. 31). Смотри, как чрезвычайны были дела его: "**день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас**". Он не тогда только оказывал попечение, когда видел многих, но не оставлял делать все это и для одной души. Таким образом, он и соединил их. А сами слова означают следующее: довольно сделано с моей стороны; я три года оставался (с здешними верующими), довольно они утверждены, довольно укоренены. "**Со слезами**", говорит. Видишь ли, что для этого (он проливал) слезы? Так будем поступать и мы. Если нечестивый не скорбит, скорби ты: тогда, может быть, станет скорбеть и он. Подобно как больной, когда видит врача принимающим пищу, чувствует и сам расположение к тому же, так будет и здесь: если он увидит тебя плачущим, то смягчится, сделается человеком добрым и кротким. "**Не зная**", говорит, "**что там встретится со мною**". Что? Не потому ли ты и отходишь? Нет; напротив, я очень знаю, "**узы и скорби ждут меня**". Я знаю, что меня ожидают искушения, но какие, не знаю; а это еще тяжелее. Впрочем, не подумайте, что я, говоря это, сокрушаюсь: я "**не дорожу своею жизнью**". Говорит это для того, чтобы ободрить их ум и научить не только не убегать (от опасностей), но и мужественно переносить их. Потому и называет дело свое "**поприще**" и "**служение**", течением означая блеск его, а службою – обязанность. Я служитель, говорит, и ничего более. Утешив их, чтобы они не скорбели о страданиях его, сказав, что он переносит их "**с радостью**", и, показав (происходящие от того) плоды, он потом и высказывает мысль прискорбную. Делает это для того, чтобы не слишком отягчить ум их. Какая же это мысль? Следующая: "**и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно**". Как, скажет кто-нибудь, – ты думаешь о себе так много, что если отойдешь, то и мы лишимся жизни? Нет, говорит, не то я говорю, чтобы мое отсутствие имело такие последствия, – но что? "**И из вас самих восстанут люди**" некоторые. Не сказал: по причине отшествия моего, но: "**по отшествии моем**", т.е. после отправления, как это уже и случалось; если же случалось доселе, то тем более случится после. Далее (показывается) цель: "**дабы увлечь учеников за собою**". Так, ереси бывают не для чего иного, как для этого. Вместе с тем и утешение: "**которую Он приобрел Себе**", говорит, "**Кровию Своею**". Если Он приобрел ее кровию моею, то, конечно, защитит ее. "**День и ночь**", говорит, "**непрестанно со слезами учил**". Это справедливо можно было бы сказать и нам. Слова его по-видимому относятся собственно

к учителям, но вместе с тем они относятся и к ученикам. Для чего я говорю, увещеваю, плачу день и ночь, если ученик не слушает? Потому, чтобы кто не подумал в свое оправдание, что достаточно только быть учеником, хотя и без послушания, (Павел) сказавши: "**свидетельствую**", присовокупил: не упускал возвещать вам. Дело учителя – только возвещать, проповедовать, научать, не умолкать, увещевать день и ночь; если же при всем этом не будет никакого успеха, то сами знаете, что следует. Тогда будет другое оправдание: "**что чист я от крови всех**". Не думайте, что это сказано только в отношении к нам; эти слова относятся и к вам, чтобы вы были внимательны к тому, что говорится, чтобы не уклонялись от слушания.

Что мне делать? Вот я каждый день, сколько есть у меня силы, взываю: отстаньте от зрелищ, – а многие смеются над нами; отстаньте от клятвы, от любостяжания, и множество мы предлагаем увещаний, – и никто не слушает. Но я не беседую ночью? Желал бы я делать это и ночью и при ваших трапезах, если бы было возможно разделиться мне на тысячи частей, придти к вам и беседовать; но если и теперь, когда мы призываем вас однажды в неделю, вы ленитесь, и одни вовсе не приходите, а другие пришедши отходите, не получив никакой пользы, то чего вы не сделали бы, если бы мы совершали это постоянно? Что же нам делать? Многие, я знаю, даже поносят нас за то, что мы всегда говорим об одном и том же: так мы надоели им! Но виною этому не мы, а сами слушатели. Кто исправился, тот радуется, слыша одно и тоже, – потому что слышит как бы похвалы себе; а кто не хочет исправиться, тот тяготится и, услышав о чем-нибудь только дважды, воображает, что слышит это много раз. "**Чист я**", говорит, "**от крови всех**".

4. Это сказать прилично было Павлу; а мы не смеем сказать этого, сознавал за собою многое. Ему, который постоянно бодрствовал и действовал, который терпел все для спасения поучаемых, прилично было сказать это; а мы скажем слова Моисея: разгневался "**Господь**" на меня "**за вас**", потому что вы вводите и нас в грехи многие (Втор.3:26). Когда мы с прискорбием видим, что вы не делаете успехов, то не ослабеваем ли и мы в своих силах? В самом деле, скажи мне, есть ли какой-нибудь успех? Вот и мы, по благодати Божией, провели уже три года, не поучая "**день и ночь**", но часто делая это в течение трех и даже семи дней. А что сделано? Мы увещеваем, обличаем, плачем, скорбим, если не явно, то в сердце. Те (явные) слезы гораздо легче этих; те приносят сетующим некоторое утешение, а эти усиливают (скорбь) и стесняют сердце. Так, когда кто-нибудь страдает и не может обнаружить своей скорби, чтобы не показаться тщеславным, то он страдает гораздо больше, нежели когда бы обнаружил ее. Если бы никто не стал подозревать меня в излишнем честолюбии, то вы увидели бы меня каждый день источающим потоки слез; их знает моя хижина и мое уединение. Поверьте мне, я забываю о собственном спасении, заботясь о вашем, и не имею времени оплакивать свои грехи. Так вы для меня – все. Когда вижу, что вы преуспеваете в добродетелях, то не чувствую собственных бед от радости; а когда вижу, что вы не преуспеваете, то от скорби опять занимаюсь своим: так я радуюсь вашему благу, хотя бы сам терпел множество бед, и скорблю о ваших недостатках, хотя бы сам имел множество совершенств. Какая надежда учителю, если его паства предана порокам? Какая жизнь? Какое утешение? С каким дерзновением он предстанет пред Богом? Что скажет? Положим, что он не заслуживает осуждения и не подлежит наказанию, но "**чист я от крови всех**", – и тогда он будет терпеть неисцельную скорбь; ведь и отцы, даже когда не подвергаются осуждению за своих детей, и тогда скорбят и страдают.

Неужели, скажете, им (учителям) не приносит пользы и не помогает то, что они "**неусыпно пекутся о душах ваших**". Но они "**неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет**" (Евр.13:17). Некоторым это кажется страшным; но мне до того

нет никакой заботы после вашей погибели. Дам ли я отчет или не дам, мне нет никакой пользы. Дай Бог, чтобы вы спаслись, хотя бы мне пришлось дать ответ за вас, чтобы вы спаслись, хотя бы я был осужден, как не исполнивший своих обязанностей. Я не о том забочусь, чтобы вы спаслись чрез меня, но чтобы только спаслись чрез кого бы то ни было. Знаете ли муки духовного рождения, как испытывающий это рождение желал бы лучше расторгнуться на тысячу частей, нежели видеть хотя одного из рожденных погибающим и развращенным? Чем же мы будем вразумлять вас? Не иным чем-нибудь, но тем, что будем излагать все, что касается вас. И мы можем сказать, что мы не опустили ничего с нашей стороны, и, однако, мы скорбим; а что скорбим, видно из того, что употребляем столько мер и столько усилий. Хотя я мог бы сказать и вам: какая мне забота? – я сделал свое дело: "**чист я от крови всех**", но это недостаточно для утешения. Если бы можно было исторгнуть и показать мое сердце, то вы увидели бы, как не тесно помещаетесь в нем все вы – и жены, и дети, и мужи. Такова сила любви: она делает душу пространнее неба. "**Вместите нас**", говорил Павел, "**мы никого не обидели: вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно**" (2Кор.6:12; 6:2). Тоже скажем теперь и мы: "**вместите нас**". Весь Коринф он вмещал в своем сердце и говорил: "**вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно**" (2Кор.6:12). Но я не скажу этого, так как хорошо знаю, что и вы любите нас и вмещаете (в своем сердце). Но что пользы от моей любви и от вашей, если по отношению к Богу мы не оказываем успехов? Она послужит только к большему огорчению, подаст повод к тягчайшей скорби. Отнюдь не думаю упрекать вас; напротив "**свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне**" (Гал.4:15); и мы с своей стороны не только евангелие, но и душу свою отдали бы вам. Вы любите нас и мы любим вас; но не в этом дело. Возлюбим прежде всего Христа; "**возлюби Господа Бога вот первая заповедь: вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя**" (Мф.22:37-39; Мк.12:30). Второе есть у нас; первого недостает у нас; первое крайне нужно и мне и вам. Мы исполняем и первую (заповедь), но не так, как должно. Будем же любить Его; вы знаете, какая награда ожидает любящих Христа; возлюбим Его со всею горячностью души, чтобы, заслужив благоволение Его, мы могли избегнуть напастей настоящей жизни и сподобиться благ, обетованных любящим Его, благодатию и человеколюбием Единородного Сына Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 45

"И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными" (Деян.20:32).

1. Как в посланиях, так же поступает (Павел) и в беседах: оканчивает увещание молитвою. Он привел слушателей в великий страх словами: "**войдут к вам лютые волки**" (Деян.20:29); потому, чтобы не поразить и не погубить ума их, предлагает утешение. "**И ныне**", говорит. Этим словом выражает мысль: так же, как и всегда. "**Предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его**", т.е. благодати Его. Хорошо сказал; он знал, что спасает благодать. Он часто напоминает им о благодати, желая сделать их более усердными, как (следует) людям одолженным, и внушая дерзновение. "**Могущему назидать вас**". Не сказал: создать, но: "**назидать**", выражая, что они уже созданы. Потом напоминает о надежде в будущем и говорит: "**и дать вам наследие со всеми освященными**". Затем опять (предлагает) увещание. "**Ни серебра**", говорит, "**ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал**" (ст. 33). Исторгает корень зол – сребролюбие. "**Ни серебра**", говорит, "**ни золота**". Не сказал: я не брал, но: "**не пожелал**". Это еще не важно, но следующее весьма важно. "**Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно**

поддерживать слабых" (ст. 34, 35). Смотри, как он сам занимался работою, и не легко, а "**трудясь**". "**Нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии**". Это (говорит) для назидания; и смотри, с каким достоинством. Не сказал: надобно быть выше денег, – но что? "**Надобно поддерживать слабых**". Не всех вообще, но немощных. "**Памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: блаженнее давать, нежели принимать**" (ст. 35). Чтобы кто не подумал, что это сказано тем (апостолам), и (чтобы показать), что он подает им пример, подобно как в другом месте говорит: "**подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас**" (Фил.3:17), присовокупляет изречение Христово: "**блаженнее давать, нежели принимать**". Самою молитвою он назидал их; а потом показывает тоже примером. "**Сказав это, он преклонил колени свои и со всеми ими помолился**" (ст. 36). Помолился не просто, но с великим умилением. Великое утешение! И словами: "**предаю вас, братия, Богу**" он также утешал их. "**Тогда немалый плач был у всех, и, падая на выю Павла, целовали его, скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до корабля**" (ст. 37, 38). Он сказал, что "**войдут к вам лютые волки**", сказал, что "**чист я от крови всех**"; то и другое было страшно и достаточно для того, чтобы предаться скорби; но всего более причинило им скорбь известие, что они уже более не увидят его; это им тяжело было преодолеть. "**И провожали**", говорит (писатель), "**его до корабля**"; так они любили его, так были расположены к нему! "**Когда же мы, расставшись с ними, отплыли, то прямо пришли в Кос, на другой день в Родос и оттуда в Патару, и, найдя корабль, идущий в Финикию, взошли на него и отплыли. Быв в виду Кипра и оставив его слева, мы плыли в Сирию, и пристали в Тире, ибо тут надлежало сложить груз с корабля**" (Деян.21:1-3). Смотри: он прибыл в Ликию и, отправившись в Финикию и миновавши Кипр, пристал в Тире, "**ибо тут надлежало сложить груз с корабля**". Это было причиною отбытия в Тир. "**И, найдя учеников, пробыли там семь дней. Они, по внушению Духа, говорили Павлу, чтобы он не ходил в Иерусалим**" (ст. 4). Смотри, и эти предсказывают ему скорби. По устроению (Божию) они тоже говорят, чтобы кто не подумал, что Павел говорил об этом просто из тщеславия. Здесь опять помолившись, они разлучаются друг от друга. "**Проведя эти дни, мы вышли и пошли, и нас провожали все с женами и детьми даже за город; а на берегу, преклонив колени, помолились. И, простившись друг с другом, мы вошли в корабль, а они возвратились домой. Мы же, совершив плавание, прибыли из Тира в Птолемаиду, где, приветствовав братьев, пробыли у них один день. А на другой день Павел и мы, бывшие с ним, выйдя, пришли в Кесарию и, войдя в дом Филиппа благовестника, одного из семи диаконов, остались у него**" (ст. 5-8). Прибывши, говорит, в Кесарию, остались у Филиппа, одного из семи (диаконов). "**У него были четыре дочери девицы, пророчествующие**" (ст. 9). Впрочем, не они предсказывают Павлу, хотя они и пророчествовали, но Агав; а каким образом, послушай. "**Между тем как мы пребывали у них многие дни, пришел из Иудеи некто пророк, именем Агав, и, войдя к нам, взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святый: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников**" (ст. 10, 11). Он некогда предсказал голод; он же и теперь говорит: "**мужа, чей этот пояс, так свяжут**". Пророки изображали будущее видимыми знаками, когда предсказывали о пленении, напр., Иезекииль; тоже сделал и он. То тяжко, что "**предадут в руки язычников**". "**Когда же мы услышали это, то и мы и тамошние просили, чтобы он не ходил в Иерусалим**" (ст. 12). Многие просили, чтобы он не ходил, но он не послушал их. "**Но Павел в ответ сказал: что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое? я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса. Когда же мы не могли уговорить его, то успокоились, сказав: да будет воля Господня!** " (ст. 13, 14).

2. Видишь ли? Это предсказывается для того, чтобы ты, услышав слова: "**по влечению Духа иду**", не подумал, будто он идет по необходимости или подвергся (страданиям), сам о том не зная? Те плакали, а он утешал, скорбя об их же слезах. "**Что вы делаете?**", говорит, "**что плачете и сокрушаете сердце мое?**" Никто (не был) любвеобильнее Павла; он огорчался, видя их плачущими, а о собственных страданиях не скорбел. Вы, говорит, обижаете меня, делая это; я разве скорблю? Тогда уже они перестали, когда он сказал: "**что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое?**" О вас, говорит, я плачу, а не о своих страданиях; а что касается до них, то я готов умереть. Но обратимся к вышесказанному. "**Ни серебра, ни золота, ни одежды**", говорит, "**я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии**". Следовательно, не в Коринфе только делали это люди, развращавшие учеников, но и в Азии. Впрочем, в послании к Ефесеям он нигде не упрекает их в этом. Почему? Потому что он не терпел нужды. И в послании к Коринфянам говорит: "**похвала сия не отнимется у меня в странах Ахаии**" (2Кор.11:10). Не сказал: вы не давали мне, но: "**ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал**", чтобы не показалось, будто от них зависело не давать. И не сказал, что он не пожелал чего-нибудь из вещей необходимых, чтобы опять это не показалось упреком для них, но выражает то, что он по справедливости мог не брать (от них), если еще сам содержал других. Смотри, как ревностно трудился этот человек, беседуя "**день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас**". "**Во всем**", говорит, "**показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых**". Этими словами опять привел их в страх; а сказанное значит следующее: вы не можете ссылаться на неведение; я показал вам на деле, как надобно трудиться и действовать. Не сказал, что брать – худое дело, но что лучше не брать: "**и памятовать**", говорит, "**слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: "блаженнее давать, нежели принимать**". Где же (Господь) сказал это? Может быть, апостолы предали это без письмени, или можно было вывести это чрез умозаключение, так как Он внушал мужество в опасностях, снисхождение к подчиненным, дерзновение в учении, смиренномудрие, нестяжательность. Впрочем, это выше и нестяжательности. Если сказано: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим**" (Мф.19:21), то не брать ничего и еще питать других – равно ли этому? Таким образом, первая степень, это – отвергать свое, вторая – самому удовлетворять себе, третья – давать и другим, четвертая – не брать, проповедуя и имея власть брать; последнее гораздо выше нестяжательности. Хорошо сказал: "**так трудясь, надобно поддерживать слабых**" Давать из приобретенного собственными трудами, это – дело сострадания к немощным; а давать из приобретенного чужими трудами – дело не только не доброе, но и неодобрительное. "**И, падая на выю Павла**", говорит (писатель), плакали. Этим выражается расположение их к нему. Поверглись на выю, обнявшись последним объятием, как вполне восчувствовавшие после речи его любовь и дружбу. Если мы при простом разлучении между собою скорбим, хотя и знаем, что увидимся друг с другом, то, как они могли тогда расставаться с Павлом без горести? Я думаю, что и Павел плакал. "**Расставшись**", говорит (писатель). Этими словами выражает особенное усилие. "**Расставшись с ними**"; и не напрасно, – иначе им не выйти бы в море. Что значит: "**прямо пришли в Кос**"? Значит: никуда не заезжали и не останавливались в других местах. "**На другой день**", говорит, "**в Родос**". Смотри, как он спешил. "**И, найдя корабль, идущий в Финикию**". Может быть, он стоял там; они сели на него, потому что не нашли другого, который бы отправлялся в Кесарию. "**Быв в виду Кипра и оставив его слева**". Это сказано не без причины, но чтобы показать, что они не хотели и приближаться к нему, а плыли прямо в Сирию: так они спешили "**И пристали**", говорит, "**в Тире: и, найдя учеников, пробыли**". Когда уже приблизились к Иерусалиму, то не спешат, а остаются у братий "**семь дней**". Исчислим все дни. После дней опресночных они прибыли в Троаду в пять дней; потом пробыли там семь, всего двенадцать; потом до Асса, Митилины, Хиоса, Трогиллии, Самоса и Милета, всего восемнадцать дней; затем до Коса,

Родоса и Патары – двадцать один; оттуда в пять дней до Тира – двадцать шесть; там пробыли семь, – тридцать три; потом в Птолемаиде один, – тридцать четыре: затем в Кесарии остается больше прочих дней; и оттуда, наконец, ведет их пророк. Таким образом исполняется пятидесятница, которую (Павел) там и проводит. Смотри, когда Дух не воспрещал ему, тогда он слушался (других). Так говорили ему: "**не показываться на зрелище**", он и не показывался (Деян.19:31), часто выводили его, и он повиновался; опять – бежал чрез окно (Деян.9:25). А теперь, так сказать, целые тысячи просят его и в Тире и в Кесарии, плачут, предсказывают множество бедствий, и не смотря на то, он не соглашается; и притом предсказывали не просто, а по внушению Духа. Если же это повелевал Дух, то почему воспротивились? Потому что не знали, что благоугодно было Духу; а с другой стороны потому, что сами не получили внушения от Духа. Ведь те не просто предсказывали Павлу бедствия, но говорили, что не следует ходить, щадя его. "**Проведя эти дни**", говорит (писатель), т.е. по исполнении их, – говорит об определенном числе дней, – "**и нас провожали все с женами и детьми**".

3. Смотри, каково было утешение: опять молятся, и таким образом расстаются. В Птолемаиде они остаются один день, а в Кесарии – несколько. Когда (Павел) услышал, что его ожидает множество бедствий, тогда и отправляется поспешно, не сам себя ввергая в опасности, но почитая это повелением Духа. "**После сих дней**", говорит (писатель), "**приготовившись, пошли мы в Иерусалим**" (ст. 15), т.е., взяв необходимое для пути. "**С нами шли и некоторые ученики из Кесарии, провожая нас к некоему давнему ученику, Мнасону Кипрянину, у которого можно было бы нам жить. По прибытии нашем в Иерусалим братия радушно приняли нас**" (ст. 16, 17). Смотри: Агав не сказал, что свяжут Павла, чтобы не показалось, будто он говорит по соглашению (с врагами), но: "**мужа, чей этот пояс**". Следовательно, у него был пояс. Не могши уговорить его, они плакали, а потом успокоились. Видишь ли их любомудрие? Видишь ли горячность любви? "**Успокоились**", говорит, "**сказав: да будет воля Господня!**". Следовательно, не в церкви. В то время, когда приходили для (рассуждения) о догматах, они приняты были церковью (Деян.15:4); а теперь (жили) у одного старого ученика. Здесь (писатель) говорит о продолжительном времени проповедания; потому, мне кажется, он в Деяниях сокращает здесь несколько лет, повествуя только более нужное. Что значит: "**да будет воля Господня**"? Господь, говорит, сам сотворит благоугодное Ему. Они успокаиваются и не принуждают, может быть, зная, что была на то воля Божия, и заключая об этом из поспешности Павла; иначе Павел не спешил бы, не попустил бы и Бог, всегда избавлявший его от опасностей. Так они не хотели быть в тягость церкви, когда другой мог принять их, и так они не домогались почестей! "**Братия**", говорит, "**радушно приняли нас**". У иудеев было тогда мирное время, и не было войны, как прежде. "**Провожая нас**", говорит, "**к некоему давнему ученику**". Этот (ученик) оказал гостеприимство Павлу.

Может быть, кто-нибудь из вас скажет: если бы и ко мне кто-нибудь привел Павла, то и я с охотою и великим усердием сделал бы тоже. Но вот, ты можешь оказать гостеприимство Владыке Павла, и не хочешь. "**И кто примет одно такое дитя**", говорит (Господь), "**тот Меня принимает**" (Мф.18: 5,6). Чем менее брат, тем более в лице его приходит Христос. Принимающий великого человека часто делает это из тщеславия, а принимающий малого – чисто для Христа. Можешь ты принять и Отца Христова, и не хочешь. "**Был странником**", говорит Он, "**и вы приняли Меня**" (Мф.25:35), и еще: "**так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне**" (ст. 40). Если он – верный и брат, то, хотя он не Павел, хотя бы был самый малый, в лице его приходит Христос. Отвори дом свой, прими его. "**Кто принимает пророка**", сказано, "**получит награду пророка**" (Мф.10:41). Следовательно, и принимающий Христа получит награду, как принимающий Христа. Не сомневайся в истине слов Его, но веруй; Он сам сказал, что

в лице их приходит Он; и, чтобы ты не сомневался в этом, Он определил наказания для непринимающих и почести для принимающих, чего не сделал бы, если бы Он не был сам и почитаемый и оскорбляемый. Ты принял Меня, говорит Он, в жилище свое, Я приму тебя в царствие Отца Моего; ты избавил Меня от голода, Я избавлю тебя от грехов: ты воззрел на Меня связанного, Я покажу тебя разрешенным; ты призрел Меня странника, Я сделаю тебя гражданином неба; ты подал Мне хлеба, Я дам тебе царствие всецело, в наследие и обладание твое. "**Приидите**", говорит Он, "**наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф.25:34). Не сказал: примите, но: "**наследуйте**", что означает полное обладание, как, напр., когда мы говорим: я наследовал то-то. Ты сделал для Меня тайно, Я возвещу явно; сделанное тобою Я считаю милостию, а Мое – долгом. Ты начал, говорит, а Я делаю после тебя и вслед за тобою; не стыжусь исповедать оказанные Мне благодеяния и то, от чего ты избавил Меня, голод, наготу, странничество. Ты воззрел на Меня связанного, и сам не увидишь огня геенского; ты призрел Меня болящего, и сам не испытаешь ни мытарств, ни наказаний. О, поистине благословенны руки, совершающие такие благодеяния, удостоившиеся послужить Христу! Легко пройдут чрез огонь ноги, ходившие в темницы для Христа: не испытают тяжести уз руки, касавшиеся Его связанного. Ты одел (Его) в одежду, и облечешься в одежду спасения: ты был с Ним в темнице, и будешь с Ним в царствии. Он исповедует это не стыдясь, но признавая, что ты призрел Его. Патриарх (Авраам) не знал, что принимает ангелов, и принял их. Устыдимся, увещеваю вас. Он сидел во время полудня, будучи в стране чужой, не имея у себя и пяди земли, будучи странником, и не смотря на то, странник принял странников. Он был гражданином неба; потому он и на земле стал не странником. А мы, не принимая странников, делаемся сами странниками более, чем этот странник. Он не имел дома, шатер служил ему жилищем; но, смотри, как был щедр: он заколол тельца и приготовил печенья; послушай, как был усерден: он сделал это сам и вместе с женою; посмотри и на смирение его: он кланялся и умолял (посетить его, Быт. гл.18).

4. Все это надобно иметь принимающему странников: усердие, радушие, щедрость. Душа странника совестится и стыдится; если не окажут ему крайнего радушия, то он уходит как бы отверженный, и такой прием бывает гораздо хуже, нежели прямой отказ. Поэтому (Авраам) кланяется, приветствует словом, предлагает седалище. Кто мог бы усомниться (в его радушии), видя, как он делал это? Но мы, скажете, не на земле чужой? Если захотим, то можем подражать ему (и здесь). Сколько из наших братий бывает странников? Есть у нас общее церковное жилище, которое мы называем странноприимницею; покажите усердие и вы, сядьте при дверях, принимайте приходящих; если вы не хотите (делать этого) в ваших домах, то помогайте нуждам их иным образом. Но, скажете, разве Церковь не имеет средств? Имеет, но что вам до этого? Когда они питаются от общих церковных имуществ, вам это разве может принести пользу? Когда кто-нибудь другой молится, ты разве не должен молиться? Отчего ты не говоришь: священники молятся, – для чего же молиться мне? Но я, скажешь, подаю тому, кто не может идти туда. Подавай хотя этому, о том мы и заботимся, чтобы только ты подавал. Послушай, что говорит Павел: "**должны их довольствовать и не обременять Церкви**" (1Тим.5:16). Делай это, как хочешь, только делай. А я не скажу: "**не обременять Церкви**", но: да не тяготишься ты, потому что своими рассуждениями ты ничего не сделаешь, все предоставляя ей. Потому и учреждено Церковию общее жилище (для странников), чтобы ты не говорил этого. Но, скажешь, Церковь имеет средства, имеет деньги и доходы. Скажи мне: разве она не имеет и издержек? Разве она не имеет ежедневных расходов? Точно так, скажешь. Почему же ты не помогаешь ее скудости? Стыжусь говорить это; впрочем, отнюдь и не принуждаю. Если кто думает, что это говорится для прибытка, то пусть устроит странноприимницу у себя в доме; пусть поставит там постель, трапезу и свечу. Не странно ли: когда приходят воины, то вы имеете для них особые помещения, оказываете великое усердие, доставляете им все, потому что они защищают вас на войне чувственной; а для странников не имеете

места, где бы они остановились? Превзойди Церковь. Хочешь ли пристыдить нас? Сделай это; превзойди щедростью; устрой жилище, куда бы приходил Христос; скажи: это – келлия Христова, этот дом назначен для Него. Хотя бы это жилище было и не богато, Он не гнушается. Христос ходит в виде обнаженного и странника, имея нужду только в покрове; доставь Ему хотя это; не будь жесток и бесчеловечен; ты так пламенен в делах житейских, не будь же холоден в делах духовных. Поручи это вернейшему слуге, и пусть он приводит убогих, бедных и бескровных. Говорю это, чтобы пристыдить вас. Следовало бы принимать их в верхней части дома; но, если не хочешь этого, то хотя внизу примите Христа, хотя там, где помещаются мулы, где слуги. Может быть, вы содрогаетесь, слыша это? Но как быть, если вы и этого не делаете? Я увещеваю, я говорю: позаботьтесь об этом. И опять вы не хотите? Сделайте же иначе. Есть много бедных мужей и жен; поставьте правилом, чтобы всегда хотя кто-нибудь из них был у вас; пусть хотя стражем дома будет бедный; пусть он будет для вас стеною и оградою, щитом и копьем. Где милостыня, туда не смеет войти диавол и никакое другое зло. Не будем же оставлять без внимания это благо. Теперь для колесницы назначено место, и для носилок – другое, а для странника-Христа – ни одного. Авраам, где жил сам, там же и принимал странников; и жена его стояла в виде служанки, тогда как они сидели подобно господам. Он не знал, что принимал Христа, не знал, что принимал ангелов; если бы знал, то отдал бы им все. А мы знаем, что принимаем Христа, и не смотря на то не оказываем такого же усердия, какое он, думая, что принимает людей. Но, скажешь, из них есть много обманщиков и неблагодарных. Тем большая будет тебе награда, если примешь их во имя Христово. Если ты уверен, что они обманщики, то не принимай в свой дом; если же не уверен, то для чего осуждаешь без разбора? Потому, скажешь, я и отсылаю их в странноприимницу. Но какое мы имеем оправдание, если и тех, кого не знаем, мы не принимаем, но запираем двери для всех Пусть будет дом наш Христовым пристанищем для всех; будем просить у них награды, не серебра, но того, чтобы они сделали дом наш пристанищем Христовым; будем ходить повсюду, привлекать к себе, гоняться, как за добычею; здесь мы, скорее сами получаем, нежели оказываем благодеяния. Не повелеваю заколоть тельца; дай хлеб алчущему, одежду обнаженному, покров страннику. А чтобы ты в оправдание свое не говорил, что есть общее жилище церковное, то (скажу): внеси туда, и чрез это ты как бы примешь (бедных) сам; ведь и он (Авраам) получил награду и за то, что было сделано его слугами (Быт.14:14). Так были научены и слуги его; они бегали, и не роптали, как наши, потому что он сделал их благочестивыми. Он водил их на войну, и они не роптали: так они были любомудры! Обо всех он заботился так же, как о самом себе, и как бы говорил, подобно Иову: "**я образован также из брения**" (Иов.33:6).

Итак, и мы будем пещись о своем спасении, и о слугах своих будем иметь великое попечение, чтобы и они были добрыми и усердными; пусть и слуга наш будет научен, что нужно делать для Бога. Если мы таким образом устроим их, тогда не будет для нас трудна добродетель. Как на вой- не, если воины благоустроены, то военачальник удобно ведет борьбу, а если этого нет, то бывает напротив; и как на корабле, когда все служащие действуют согласно, то кормчий легко управляет кормилом, – так и здесь, если слуги твои научены добру, то и ты не скоро будешь раздражаться, не будешь огорчаться, гневаться и осуждать. Иногда и сам устыдишься слуг, если они будут достойны, иногда они и помогут тебе и похвалят добрые дела твои. Таким образом всеми ими будет совершаться все благоугодное Богу, весь дом исполнится благословения, и, совершая благоугодное Богу, мы сами получим великую помощь свыше, которой да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 46

"На другой день Павел пришел с нами к Иакову; пришли и все пресвитеры. Приветствовав их, Павел рассказывал подробно, что сотворил Бог у язычников служением его" (Деян.21:18,19).

1. Этот (Иаков) был брат Господень и епископ Иерусалимский, муж великий и дивный. К нему-то приходит Павел, подобно как и прежде он был послан к нему же; а каким образом, послушай. "**На другой день**", говорит (писатель), "**Павел пришел с нами к Иакову**". Смотри, как он чужд гордости. "**Пришли и все пресвитеры. Приветствовав их, Павел рассказывал подробно, что сотворил Бог у язычников служением его**". Опять рассказывает им случившееся у язычников, не из тщеславия, – да не будет! – но чтобы показать Божие человеколюбие и исполнить их великой радости. "**Они же**", смотри, "**выслушав, прославили Бога**"; не стали превозносить Павла и удивляться ему, но прославили Бога, потому что рассказывая он все приписывал (Богу). "**Они же, выслушав, прославили Бога и сказали ему: видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона. А о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям**" (ст. 20, 21). Смотри, как скромно и они говорят. Не (Иаков) говорит, как епископ, со властью; но самого (Павла) они делают участником совещания, и тотчас же, с самого начала, как бы извиняются тем, что им не хотелось бы (видеть его обвиняемым). Видишь ли необходимость этого дела. "**Видишь, брат**", говорят, "**сколько тысяч уверовавших Иудеев**"? Не говорят: сколько тысяч мы обратили, но: "**уверовавших**". "**И все они**", говорят, "**ревнители закона**". Две причины: множество (уверовавших из иудеев) и образ их мыслей. Если бы их было немного, то и тогда не следовало бы пренебрегать ими; если же их много, – хотя и не все держались закона, – то это – дело важное. Далее и третья причина. "**А о тебе наслышались они**", говорят, "**что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям**". Не сказали: они слышали, но: "**наслышались**", т.е. убеждены и поверили, "**что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям**". Сказав это, продолжают: "**Итак что же? Верно соберется народ; ибо услышат, что ты пришел. Сделай же, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет**" (ст. 22, 23). Говорят это, как советующие, а не как приказывающие. "**Есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет. Взяв их, очистись с ними, и возьми на себя издержки на жертву за них, чтобы остригли себе голову, и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон**" (ст. 24). Советуют ему оправдаться не словами, а делом: "**чтобы остригли себе голову**", говорят, "**и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон**". Не сказали: ты учишь, но: "**слышанное ими о тебе несправедливо**", опять выражая, что они убеждены в том; "**что и сам ты продолжаешь**", т.е. что сверх того ты и сам хранишь (закон). Не то только нужно было знать, учит ли он других, но и то, соблюдает ли сам. А что, скажешь, если язычники узнают об этом, – не соблазнятся ли они? Как (они могут соблазнится), когда мы – иудейские учители – отправили к ним послание? "**А об уверовавших язычниках мы писали, положив, чтобы они ничего такого не наблюдали, а только хранили себя от идоложертвенного, от крови, от удавленины и от блуда**" (ст. 25). Этого достаточно для опровержения. Слова их означают следующее: как мы заповедали им это, хотя проповедуем иудеям, так и ты, хотя проповедуешь язычникам, поступай здесь согласно с нами. Павел же, смотри, не сказал: я могу представить Тимофея, которого я обрезал, могу убедить словом; но послушался их и сделал все, – потому что так нужно было. Не то было бы, если бы он стал оправдывать себя, или сделал это так, чтобы никто не знал о том. К устранению подозрения могло служить и то, что он принял на себя

издержки. "**Тогда Павел, взяв тех мужей и очистившись с ними, в следующий день вошел в храм и объявил окончание дней очищения, когда должно быть принесено за каждого из них приношение**" (ст. 26). "**Объявив**"; так он сам сделал это известным. "**Когда же семь дней оканчивались**" (ст. 27).

2. Смотри, как много времени он посвящает на это! "**Тогда Асийские Иудеи, увидев его в храме, возмутили весь народ и наложили на него руки, крича: мужи Израильские, помогите! этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и Еллинов ввел в храм и осквернил святое место сие**" (ст. 27, 28). Заметь, как они всегда склонны к мятежу: без стыда кричат среди (храма)! "**Ибо перед тем они видели с ним в городе Трофима Ефесянина и думали, что Павел его ввел в храм. Весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; и, схватив Павла, повлекли его вон из храма, и тотчас заперты были двери**" (ст. 29, 30). "**Мужи**", говорят, "**Израильские, помогите! этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего**". Что особенно смущало их, именно храм и закон, на то и указываюсь. Между тем Павел, претерпевая все это, не упрекал апостолов, что они были виновниками случившегося с ним: так был он великодушен! "**Схватив Павла, повлекли**", говорит (писатель), "**его вон из храма, и тотчас заперты были двери**". Они намеревались убить его, и потому извлекли вон, чтобы сделать это с большею свободою. "**Когда же они хотели убить его, до тысяченачальника полка дошла весть, что весь Иерусалим возмутился. Он, тотчас взяв воинов и сотников, устремился на них; они же, увидев тысяченачальника и воинов, перестали бить Павла. Тогда тысяченачальник, приблизившись, взял его и велел сковать двумя цепями, и спрашивал: кто он, и что сделал**" (ст. 31-33). Для чего он, намереваясь допросить Павла, приказал связать его двумя цепями? Для того, чтобы укротить ярость народа. "**В народе одни кричали одно, а другие другое. Он же, не могши по причине смятения узнать ничего верного, повелел вести его в крепость. Когда же он был на лестнице, то воинам пришлось нести его по причине стеснения от народа, ибо множество народа следовало и кричало: смерть ему!** (в ц.сл.: возьми его)" (ст. 34-36). Что значит: "**смерть ему** (возьми его)"? У иудеев был обычай – говорить это против тех, кого они обвиняли; так и о Христе они говорили: "**смерть ему**", т.е. истреби Его из среды живых. А иные думают, что выражение: возьми его значит то же, что у нас по римскому обычаю: посади его под арест. "**При входе в крепость Павел сказал тысяченачальнику: можно ли мне сказать тебе нечто?**" (ст. 37) Когда несли его по ступеням, он просит дозволения сказать нечто тысяченачальнику, и смотри, как кротко: "**можно ли**", говорит, "**мне сказать тебе нечто?**" "**А тот сказал: ты знаешь по-гречески? Так не ты ли тот Египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?**" (ст. 38)? Этот египтянин был нововводитель и мятежник. Павел оправдывает себя и ответом своим отстраняет это подозрение. Но обратимся к вышесказанному. "**Есть у нас**", говорят (пресвитеры), "**четыре человека, имеющие на себе обет. Взяв их, очистись с ними**". Павел не противится этому, но повинуется. Отсюда ясно, что не непременно следовало сделать это (потому они и убеждают его), – а что это было делом предусмотрительности и снисхождения. Это не было препятствием проповеди, потому что они же дали заповедь (касательно язычников). Потому и сам (Павел), устрояя таковое дело, впоследствии укоряет Петра, и делает это не без причины, так как, что сделал он здесь, то Петр там, таясь и держась своего мнения (Гал.2:11-14). Не сказали, что не нужно учить (иудеев) подобно язычникам, или что можно им и не проповедовать, но что должно сделать нечто большее, чтобы они удостоверились, что ты соблюдаешь закон. Это – дело снисхождения, не бойся. И смотри, не прежде убедили его, как изъяснив наперед, что (этого требует) предусмотрительность и польза. В Иерусалиме, говорят, сделать это позволительно. Сделай же это здесь, чтобы тебе можно было делать то и вне (Иерусалима). "**Тогда Павел**", говорит (писатель), "**взяв тех мужей в**

следующий день"; не медлит, но, показывая свое послушание на деле, тотчас берет тех, с которыми намеревался совершить очищение: так пламенно он разделял эту предусмотрительность! Но как, скажут, азийские иудеи увидели его во храме? Им позволялось быть там в некоторые дни. Смотри, как все это сделалось по смотрению (Божию). Когда (одни) иудеи убедились, тогда нападают (другие); а иначе и те напали бы на него. "**Помогите**", говорят, "**мужи Израильские**"; как будто в их руках кто-нибудь такой, кого трудно уловить и удержать, – кричат: "**помогите! этот человек всех повсюду учит**"; не здесь только, говорят, но "**повсюду**". Усиливают обвинение из соприкосновенных обстоятельств: "**притом**", говорят, "**и Еллинов ввел в храм и осквернил святое место**". При Христе и они приходили туда для поклонения (Ин.12:20); но здесь говорится, что они пришли не для поклонения. "**И, схватив Павла**", говорит (писатель), "**повлекли его вон**". Смотри, как они извлекают его вон из храма; они не думали о законах или судилищах, и потому сами стали бить его: так они во всем являются дерзкими и бесстыдными! В это время (Павел) не оправдывался, а после; и хорошо, – потому что тогда они не послушали бы. Для чего они кричали: возьми его? Опасались, чтобы он не убежал. Между тем, смотри, с каким смирением Павел говорит тысяченачальнику. Что же он говорит? "**Можно ли мне сказать тебе нечто?**" Так он был кроток, так смиренно вел себя везде. "**Так не ты ли**", спрашивает (тысяченачальник), "**тот Египтянин**"?

3. Посмотри на злоухищрение диавола. Этот египтянин был обманщик и обольститель; (диавол) и надеялся, прикрываясь им, представить Христа и апостолов участниками в приписываемых ему преступлениях. Но нисколько не успел в этом; напротив, истина стала еще светлее и воссияла блистательнее, не потерпев ничего от козней диавола. Если бы не было обманщиков, и (апостолы) одержали бы победу, тогда иной, может быть, стал бы подозревать. Но если и те являлись, а эти одержали победу, то нельзя не удивляться. Для того и попускается являться тем, чтобы более прославились эти, как и сам (Павел) говорит в другом месте: "**дабы открылись между вами искусные**" (1Кор.11:19). Подобным образом и Гамалиил говорил: "**незадолго перед сим явился Февда**" (Деян.5:36). Касательно разбойников (сикарей) одни говорят, что это был род разбойников, получивших такое название от того, что они носили мечи, называемые у римлян сиками (sica). Другие (говорят, что они принадлежали) к одной из еврейских сект.

У (евреев) три главные секты: фарисеи, саддукеи и ессеи, которые называются праведными за чистоту жизни (οσιοι, – отсюда имя ессеев), – и сикариями, потому что они были ревнители (ζηλωταί). Итак, не будем скорбеть о том, что бывают ереси; бывали и лжехристы и злоумышляли против Христа, и прежде этого и после, желая затмить (Его). Но истина не затмевается и сияет везде. Тоже было и при пророках: являлись лжепророки, но (пророки) от сравнения с ними делались более светлыми. Так болезнь уясняет здоровье, тьма – свет, буря – тишину. Эллины не могут сказать, что (апостолы) были обманщики и обольстители, потому что такие люди бывали обличаемы. Тоже было и при Моисее: Бог попустил (действовать) волхвам, чтобы Моисей не был принят также за волхва; по Его попущению они показали всем, до чего может простираться искусство волхвования, а далее обольщать не могли, но сами признали себя побежденными. Обольстители не причиняют нам никакого вреда, но еще делают более совершенными тех, кто захочет быть внимательным. Но, скажете, разве они не разделяют с нами славы? Не у нас, а у людей нерассудительных. Не будем слишком заботиться о славе от людей и пещись о ней больше надлежащего. Мы живем для Бога, а не для людей; наше гражданство на небе, а не на земле; там уготованы награды и воздаяния за наши труды, оттуда ожидаем почестей, оттуда – венцов. О людях же мы должны заботиться столько, чтобы только не ввести их в искушение и не подать им повода (к осуждению). Если же тогда, как мы не подаем повода, они станут без причины и напрасно осуждать нас, то мы

должны смеяться, а не плакать. Ты старайся делать добро пред Богом и людьми; если же, при твоем старании делать добро, другой будет издеваться над тобою, нисколько о том не заботься. Примеры тому есть в Писаниях. "**У людей ли я ныне**", говорит (Павел), "**ищу благоволения, или у Бога?**" (Гал.1:10); и еще: "**зная страх Господень, мы вразумляем людей, Богу же мы открыты**" (2Кор.5:11). И Христос о соблазняющихся сказал так: "**оставьте их: они – слепые вожди слепых**" (Мф.15:14); и еще: "**горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо**" (Лк.6:26); и еще: "**да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф.5:16). Если в другом месте Он говорит: "**кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской**" (Мф.18:6), то не удивляйся этому; здесь нет противоречия, но напротив, то и другое совершенно согласно между собою. Если (соблазн) зависит от нас, то горе нам; если же не от нас, то ничего. И еще (говорится): горе вам: "**имя Божие хулится**" (Рим.2:24). Что же будет, скажешь, если я исполняю должное, а другой произносит хулу? Тебе ничего, а ему (горе), потому что хула произнесена им. Но как можно, делая должное, подавать другим повод (к осуждению)? Я представлю вам на это примеры, – но откуда хотите, из настоящего или из прошедшего? В доказательство того, что мы не должны бояться молвы, хотите ли, я укажу на то самое, что мы исследуем теперь? Павел поступал по-иудейски в Иерусалиме, а в Антиохии – нет; он поступал по-иудейски, а другие соблазнялись, но соблазнялись несправедливо. Говорят, что он приветствовал виночерпия и наложницу Нерона. Чего, думаете, не говорили о нем по этому поводу? Но несправедливо. Если бы он склонял их к порокам или к дурным делам, то можно было бы (осуждать); а если к праведной жизни, то за что? Расскажу нечто, случившееся с одним из моих знакомых. Однажды, когда постиг нас гнев Божий, и когда тот был еще весьма молод, и только в сане диакона, во время отсутствия епископа и по беспечности пресвитеров, случилось, что многие тысячи вдруг в одну ночь принимали крещение и были крещаемы все без разбора и ничему не научившись; он вздумал брать этих людей к себе человек по сто и по двести и беседовал с ними не о чем другом, а только о таинствах, что невозможно приступать к ним непосвященным. Когда он делал это, многие думали, что чрез это он домогается власти. Но он не заботился об их мнении; впрочем, более не продолжал делать это, а тотчас перестал. Что же? Он ли был виною соблазна? Не думаю. Если бы он делал это без всякой причины, и притом стал бы продолжать, то я справедливо приписал бы ему такую вину. Когда из-за того, что другой соблазняется, может остановиться дело благоугодное Богу, тогда не должно обращать на него внимания; напротив, когда чрез него мы не поставляемся в необходимость оскорбить Бога, тогда следует позаботиться. Скажи мне: когда мы беседуем и обличаем предающихся пьянству, а кто-нибудь соблазнился этим, неужели я должен перестать говорить? Послушай, что говорит Христос: "**не хотите ли и вы отойти?**" (Ин.6:67)? Таким образом не следует ни пренебрегать, ни слишком заботиться о слабости других. Не видим ли мы, как поступают врачи? Когда можно, они угождают больным; а когда это угождение может принести вред, то уж не делают послабления. Во всем хорошо соблюдать меру. Многие соблазнялись по случаю оглашения одной благообразной отроковицы, которая и осталась девою, клеветали на нее, поносили и оглашающих. Что же? Неужели из-за этого им следовало прекратить (оглашение)? Нет, потому что они совершали дело отнюдь не противное, но весьма благоугодное Богу. Потому, когда некоторые соблазняются, то мы должны смотреть только на то, справедливо ли это и не послужит ли к нашему вреду. "**Если пища соблазняет брата моего**", говорит (Павел), "**не буду есть мяса вовек**" (1Кор.8:13). И справедливо, когда воздержание от ядения нисколько не вредит; если же соблазняются и тем, что я отказываюсь, то уже не следует обращать на него внимания. Кого же, скажешь, может соблазнять это? Многих, как я знаю. Итак, воздержание имеет место тогда, когда оно бывает безразлично; если мы станем смотреть только на одно это (мнение других), то

должны будем удерживаться от многого; и напротив, если не станем обращать на них внимания, то погубим многих. Так и Павел обращал внимание на соблазн других; а каким образом, послушай: "**остерегаясь, чтобы нам не подвергнуться от кого нареканию при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению**" (2Кор.8:20): отклонить дурное мнение других не было вредно. Но когда мы поставляемся в необходимость допустить великое зло из-за того, что другой соблазняется, то мы не должны обращать на него внимания. Он сам, а не мы виновны, потому что угодить ему невозможно без вреда. Многие соблазнялись тем, что некоторые верные были погребаемы в храмах, (утверждая), что погребать (здесь) не должно; но несправедливо, потому что от этого нет никакого вреда. Соблазнялись (иудеи), что Петр ел с язычниками; он и угождал им, а тот (Павел) – нет (Гал.2:12). Во всем следует нам, соблюдая заповеди Божии, всячески стараться, чтобы не подать повода к соблазну, чтобы и самим нам не оказаться виновными и сподобиться человеколюбия Божия, благодатию и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 47

"Павел же сказал: я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города; прошу тебя, позволь мне говорить к народу. Когда же тот позволил, Павел, стоя на лестнице, дал знак рукою народу; и, когда сделалось глубокое молчание, начал говорить на еврейском языке так" (Деян.21:39,40).

1. Смотри, как (Павел), когда обращает речь к внешним (язычникам), не отказывается пользоваться и их законами. Здесь он указывает на свой город. Подобным образом и прежде он говорил: "**нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу**" (Деян.16: 37). На вопрос: "**не ты ли тот Египтянин**"? он отвечает: "**я Иудеянин**". Этими словами он тотчас отстранил такое подозрение. Чтобы не подумали, что он только родом иудей, он указывает (этим словом) и на свое вероисповедание, хотя в другом месте называет себя "**но подзаконен Христу**" (1Кор.9:21). Что же это значит? Неужели Павел говорит ложь? Нет. Что же? Не отвергается ли (Христа)? Да не будет! Он был и иудей и христианин, соблюдая все, что должно было. И веруя во Христа, он более всех повиновался закону; потому и в беседе с Петром говорит: "**мы по природе Иудеи**" (Гал.2: 15). "**Прошу тебя, позволь мне говорить к народу**". Это – доказательство истины слов его, что он всех приводит в свидетели. Смотри, с какою опять кротостью он беседует. И это также величайшее доказательство его невинности, что он так готов оправдывать себя и решается противостать словом толпе иудеев.

Посмотри на благоразумие этого мужа; посмотри на домостроительство (Божие): если бы тысяченачальник не пришел, если бы не связал Павла, то он не мог бы говорить в свое оправдание, не водворил бы такого безмолвия. "**Когда же тот позволил, Павел, стоя на лестнице**". Весьма благоприятствовало ему и место, так как он говорил с высоты, и то, что он был связан. Что может сравниться с этим зрелищем, когда Павел говорил, связанный двумя цепями? Как он не смутился, как не смешался, видя столько восставшего против него народа и предстоявшего начальника? Но он наперед дал утихнуть их ярости, а потом начал говорить; и смотри, как мудро. Как он сделал в послании к Евреям, так и здесь. Прежде всего, располагает их к себе родным их языком, потом своею кротостью. На это и указывает (писатель), присовокупляя: "**когда сделалось глубокое молчание, начал говорить на еврейском языке так: Мужи братия и отцы! выслушайте теперь мое оправдание перед вами**" (Деян.22: 1). Смотри, как слова его чужды лести и исполнены кротости. Не сказал: господа, или владыки, но: "**братия**", что в особенности могло нравиться им; как бы так сказал: я не чужой вам и не против вас. "**Мужи братия**", говорит, "**и отцы**"; последним словом (выражает) почтение, а первым – близость.

"**Выслушайте теперь мое оправдание перед вами**". Не сказал: поучение, или речь, но: "**оправдание**"; представляет себя в виде подсудимого. "**Услышав же, что он заговорил с ними на еврейском языке, они еще более утихли**" (ст. 2). Видишь ли, какое действие произвел на них родной язык? Они питали уважение к этому языку. Смотри, как он предрасполагает их к слушанию следующим предисловием: "**я Иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне**" (ст. 3). "**Я**", говорит, "**Иудеянин**"; слышать это было им всего приятнее. "**Родившийся в Тарсе Киликийском**". А чтобы не почли его иноплеменником, прибавляет, какой он был веры: "**воспитанный в сем городе**". Он показывает свое великое усердие к вере, если, оставив такое и так далеко отстоящее отечество, решился воспитываться здесь для (изучения) закона. Смотри, как он издавна был предан закону. Говорит это не для оправдания только себя пред ними, но чтобы показать, что он не по человеческому рассуждению обратился к проповеди, но силою Божиею, так как, будучи подобным образом наставлен (в законе), он сам не мог бы вдруг перемениться. Если бы он был один из обыкновенных людей, то можно было бы так думать; но если он принадлежит к числу людей, наиболее преданных закону, то невозможно допустить, что он переменился просто, без какой-нибудь сильной побудительной причины. Но, может быть, иной сказал бы: это не важно, что ты воспитывался здесь; разве ты не мог быть здесь по делам торговым, или по какой-либо другой причине? Потому, чтобы не подумали этого, он и присовокупляет: "**при ногах Гамалиила**". Не просто сказал: у Гамалиила, но: "**при ногах**", выражая свое постоянство, старание, усердие к слушанию и великое уважение к этому мужу. "**Тщательно наставленный в отеческом законе**"; не просто закону, но присовокупляет: "**в отеческом**", выражая, что он издавна был таков и не поверхностно знал закон. Это, по-видимому, сказано в их пользу, но было против них, если он, зная закон, оставил его. Потом, чтобы еще кто-нибудь не возразил: какая польза, что ты в точности знаешь закон, если не защищаешь и не уважаешь его? – говорит: "**ревнитель**", т.е. не просто знал, но и весьма ревновал по нем. Сказав многое о себе, он потом обобщает свою речь, присовокупляя: "**как и все вы ныне**". Этим показывает, что они действовали не по человеческому рассуждению, но по божественной ревности. Говорит это для того, чтобы приобрести их расположение, предуготовить их ум и удержать на том, в чем не было еще никакого вреда. Затем приводит и доказательства: "**я даже**", говорит, "**до смерти гнал последователей сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин и женщин, как засвидетельствует о мне первосвященник и все старейшины**" (ст. 4, 5). Чтобы кто не спросил: откуда это известно? – приводит в свидетели самого первосвященника и старейшин. Смягчает свою речь: "**ревнитель по Боге, как и все вы ныне**", т.е. равный вам; но делами своими показывает, что он был выше их. Я, говорит, не ожидал, пока (можно) взять, но сам побуждал священников и предпринимал путешествия, нападал не на мужей только как вы, но и на жен, всех связывая и ввергая в темницы. Такое свидетельство несомненно, а что касается иудеев, то они безответны. Смотри, сколько свидетелей он приводит: старейшин и первосвященника, которые находились в городе.

2. Посмотри на его оправдание: в нем нет страха, но более назидания и поучения. Если бы слушатели не уподоблялись камням, то вняли бы словам его. Сказанному доселе они сами были свидетелями, а последующему – нет. "**От которых и письма взяв к братиям, живущим в Дамаске, я шел, чтобы тамошних привести в оковах в Иерусалим на истязание. Когда же я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба. Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Я отвечал: кто Ты, Господи? Он сказал мне: Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь**" (ст. 5-8). И это должно быть достоверно после предшествовавшего; иначе он не переменился бы. Но, скажут, не хвалится ли он? Отнюдь нет. И для чего, скажи мне, он вдруг оставил такую ревность? Не для чести ли? Но он

потерпел противное. Не для покоя ли? Не было и этого. Не для другого ли чего-нибудь? Но ничего и придумать невозможно. Предоставив им делать свои заключения, он повествует о событиях: "**когда же я был в пути**", говорит, "**и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба. Я упал на землю**". Заметь, какое было обилие света. А что я не хвалюсь, свидетелями тому присутствовавшие со мною, ведшие меня за руку, видевшие этот свет. "**Бывшие же со мною свет видели, и пришли в страх; но голоса Говорившего мне не слыхали**" (ст. 9). Не изумляйся, что здесь (писатель) говорит так, а в другом месте иначе, именно: "**люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя**" (Деян.9:7). Здесь нет противоречия. Два было голоса: Павлов и Господень; там он говорит о голосе Павловом, а здесь присовокупляет: "**но голоса Говорившего мне не слыхали**". Таким образом, слова: "**а никого не видя**" означают не то, чтобы они не видели, но что они не слышали (голоса Господня); он не сказал, что они не видели света, но: "**стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя**", т.е. говорящего. И это случилось не без причины; ему (одному) надлежало удостоиться этого голоса; если бы слышали и они, то чудо не было бы так велико. Так как люди грубые убеждаются более видением, то они видели только свет, которого впрочем, достаточно было для их убеждения; потому они и "**пришли в страх**". Притом этот свет подействовал на них не так, как на него; его он ослепил, побуждая случившимся с ним и их прозреть, если бы они захотели. По смотрению (Божию), кажется мне, произошло то, что они не уверовали, – для того, чтобы они были достоверными свидетелями. "**Он сказал мне**", говорит, "**Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь**". Прекрасно присовокупляет и название города, чтобы они узнали. Так и апостолы говорили: "**Иисуса, сына Иосифова, из Назарета**" (Ин.1:45). Смотри, и сам (Господь) свидетельствует, что Он был гоним (Павлом). "**Тогда я сказал: Господи! что мне делать? Господь же сказал мне: встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет всё, что назначено тебе делать. А как я от славы света того лишился зрения, то бывшие со мною за руку привели меня в Дамаск. Некто Анания, муж благочестивый по закону, одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске, пришел ко мне и, подойдя, сказал мне: брат Савл! прозри. И я тотчас увидел его**" (ст. 10-13). "**Иди**", говорит, в город, "**и там тебе сказано будет всё, что назначено тебе делать**". Вот и еще свидетель. И смотри, как достоверным представляет его: "**Некто Анания**", говорит, "**муж благочестивый по закону, одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске, пришел ко мне и, подойдя, сказал мне: брат Савл! прозри**". Так ничего не сказано напрасно. "**И я тотчас увидел его**". Затем (следует) свидетельство от дел. Смотри, как приводятся во свидетельство и лица и дела, лица близкие и посторонние. Лица эти – священники, старейшины, спутники; дела, – что он совершил, что потерпел; и дела свидетельствуют о делах, не только лица. Кроме того, Анания, человек посторонний; затем событие – прозрение; потом великое пророчество. "**Он же**", говорит, "**сказал мне: Бог отцов наших предъизбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника**" (ст. 14). Хорошо сказал: "**отцов**"; этим выразил, что они не иудеи, но чужды закону, и действуют по зависти, а не по ревности. "**Чтобы ты познал**", говорит, "**волю Его, увидел Праведника**". Следовательно такова была воля Его. Смотри, как в самом повествовании заключается назидание. "**И услышал глас из уст Его, потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал**" (ст. 15). "**Увидел**", говорит, "**Праведника**"; как бы так говорит: если Он праведник, то они виновны. "**И услышал глас из уст Его**". Смотри, как высоким представляет это событие: "**что ты будешь**", говорит, "**Ему свидетелем**". Потому не изменяй своему зрению и слуху, тому, "**что ты видел и слышал**". Уверяет его обоими чувствами. "**Итак, что ты медлишь? Встань, крестись и омой грехи твои, призвав имя Господа Иисуса**" (ст. 16).

3. Здесь он выразил нечто великое. Не сказал: крестись во имя Его, но: "**призвав имя Господа Иисуса**". Этим показал, что Христос есть Бог, так как призывать никого другого

не следует, кроме Бога. Не был принуждаем к тому (Павел), как он сам говорит в следующих словах: "**Господь же сказал мне: встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет всё, что назначено тебе делать**". Не оставляет ничего не засвидетельствованным; но приводит во свидетели целый город, который видел, как вели его за руку. Смотри, как исполнилось пророчество, которое он слышал, что он будет свидетелем Господним. Подлинно он явился свидетелем и свидетелем таким, каким должно, и на делах и на словах. Такими свидетелями следует быть и нам, и не изменять тому, во что мы веруем; разумею не только догматы, но и жизнь. Смотри, он свидетельствовал перед всеми людьми о том, что видел и что слышал, и ничто не удержало его. И мы слышали, что будет воскресение и уготованы (у Бога) бесчисленные блага; это мы и должны свидетельствовать перед всеми людьми. Но, скажете, мы свидетельствуем и веруем. Как? Почему же делаем противное? Скажи мне: если бы кто называл себя христианином, но, отрекшись, мудрствовал по-иудейски, то свидетельство его разве было бы достаточно? Нет, потому что стали бы искать свидетельства от дел. Так и мы, когда говорим, что есть воскресение и бесчисленные блага, а сами пренебрегаем ими и предпочитаем блага здешние, то кто поверит нам? Все обращают внимание не на то, что мы говорим, а на то, что делаем. "**Будешь**", говорит (Анания), "**свидетелем пред всеми людьми**", не пред своими только, но и пред неверными, так как дело свидетелей убеждать не (только) знающих, но и незнающих. Будем же свидетелями достоверными. А каким образом мы можем сделаться достоверными? Жизнью. На Павла нападали иудеи; на нас нападают страсти, побуждающие отречься от свидетельства. Не будем покоряться им; мы – свидетели, посланные Богом. О Боге некоторые люди думают, что Он не есть Бог; Бог послал нас свидетельствовать о Нем. Будем же свидетельствовать и убеждать думающих так; если не станем свидетельствовать, то сами будем виновными в их заблуждении. Если же на судилище, где исследуются дела житейские, не принимается свидетель, исполненный многочисленных злодеяний, то тем более здесь, где идет дело о предметах настолько высоких. Мы говорим, что мы слышали Христа и веруем Его обетованиям; а они скажут: покажите это делами; жизнь ваша, напротив, свидетельствует, что вы не веруете.

Желаете ли, мы рассмотрим тех, которые заботятся о прибытках, похищают (чужое), предаются корыстолюбию, плачут, сокрушаются, занимаются всякими делами, постройкой домов, как будто бы они и не умрут? Если же вы не веруете тому, что вы умрете, делу столь известному и очевидному, то как поверим вашему свидетельству? Есть, действительно есть много людей, которые ведут себя, как будто им не должно умереть; в глубокой старости начинают заниматься постройками и земледелием; когда же им подумать о смерти? Не малое наказание постигнет нас, которые призваны для свидетельства, но не можем свидетельствовать о том, что мы видели. И мы видели ангелов, и притом яснее, чем видевшие их (телесными очами). Будем свидетельствовать о Христе, ведь свидетели не они только (апостолы), но и мы. Они называются свидетелями потому, что, будучи принуждаемы отречься, претерпели все для исповедания истины; так и мы, когда страсти побуждают нас отречься, не будем покоряться им. Золото говорит: скажи, что Христос не есть Христос; но ты не слушай его, как (должен слушать Бога), но презирай его веления. Порочные пожелания говорят тоже, но ты не внимай им и мужественно противостань, чтобы и об нас не сказали: "**говорят, что знают Бога, а делами отрекаются**" (Тит.1:16). Это уже не свойственно свидетелям, а противное тому. Не удивительно, если отрекаются другие; если же мы, которые избраны свидетельствовать, станем отрекаться, это тяжко и невыносимо. Это скорее всего может погубить нас. "**Будет же это вам для свидетельства**", говорит (Христос, – Лк.21:13), но тогда, когда мы не отступим, когда мы будем стоять твердо. Если бы все мы стали свидетельствовать о Христе, то скоро вразумили бы множество эллинов.

4. Великое дело – жизнь, возлюбленные; как бы кто ни был груб, хотя бы не хотел явно согласиться с учением, но и он склонится на вашу сторону, похвалит и подивится. А каким образом, скажете, достигнуть превосходной жизни? Не иначе, как силою Божиею. Что же, когда и эллины бывают такими? Если и бывают такими, то одни по природе, другие из тщеславия. Хотите ли знать, как важна жизнь, и какую она заключает в себе силу убеждения? Многие из еретиков, хотя содержали самое развращенное учение, имели такую силу, что многие люди из благоговения к их жизни даже и не исследовали их учения; а другие, и осуждая их учение, уважали их за жизнь; это не хорошо, но так было. То и ослабляет важность нашей веры, то и низвращает все, что никто нисколько не думает о жизни; это унижает веру. Мы говорим, что Христос есть Бог, предлагаем множество и других догматов, между прочим, говорим и то, что Он заповедал всем жить праведно; но на самом деле это у немногих. Порочная жизнь унижает догматы о воскресении, о бессмертии души, о суде, и принимает много противного, судьбу, необходимость, неверие в Промысл. Душа, погрязшая в многочисленных пороках, старается изобретать для себя подобного рода утешения, чтобы не скорбеть при мысли, что есть суд, и что нас ожидает воздаяние за добро и зло.

Такая жизнь производит бесчисленное множество зол, делает людей зверями и даже бессмысленнее зверей; что есть в каждой породе зверей порознь, то она часто соединяет в одном человеке и низвращает все. Для того диавол ввел судьбу, для того внушил, что мир существует без Промысла, для того предположил, что существа бывают добры или злы по природе и что есть зло безначальное и вещественное, для того он делает все, чтобы развратить нашу жизнь. Кто таков именно по жизни, тот не может ни отказаться от развращенного учения, ни пребывать в здравой вере, но принимает все это по большой необходимости. Я не думаю, чтобы можно было из живущих порочно найти хотя одного человека, который бы не держался какой-либо из многочисленных сатанинских мыслей, что есть судьба, что все происходит случайно и устрояется без порядка и рассуждения. Потому, увещеваю вас, будем пещись о добродетельной жизни, чтобы не принять дурного учения. Каин в наказание должен был стенать и трястись (Быт.4: 12). Таковы все люди порочные, сознающие за собою множество зол: они часто пробуждаются от сна, с беспокойными мыслями, с смущенными глазами; все возбуждает в них подозрение, все приводит их в ужас, душа их исполнена тяжкого предчувствия и боязни, смущается и изнывает от страха и ужаса. Ничего не может быть бессильнее, ничего безумнее такой души; как беснующиеся неспособны владеть собою, так и она собою не владеет. Как она может придти в сознание, подвергшись такому омрачению? Между тем, если бы она любила тишину и спокойствие, то могла бы познать свое благородство. Но когда ее возмущает и устрашает все, и сновидения и слова, и действительные явления и подозрения, то как она может придти в самосознание, находясь в таком неспокойном и расстроенном состоянии? Отвергнем же этот страх, расторгнем эти узы. Если бы и не было (в будущем) никакого наказания, то не хуже ли это всякого наказания – постоянно находиться в страхе, никогда не иметь дерзновения, никогда не чувствовать отрады? Помня все это, будем верно сохранять спокойствие и пещись о добродетели, чтобы, имея здравое учение и правый образ жизни, нам неуклонно провести настоящую жизнь и сподобиться благ, обетованных любящим Его, благодатию и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу со Святым Его Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 48

"Когда же я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришел я в исступление, и увидел Его, и Он сказал мне: поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне. Я сказал: Господи! им известно, что я верующих в

Тебя заключал в темницы и бил в синагогах, и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убиение его и стерег одежды побивавших его" (Деян.22:17-20).

1. Смотри, как (Павел) сам себя подвергает опасностям: "**когда же я**", говорит, "**возвратился в Иерусалим**", т.е. после того видения я опять прибыл в Иерусалим. "**И молился в храме, пришел я в исступление, и увидел Его, и Он сказал мне: поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне**". Смотри, и это не осталось без свидетельства, которое заключается в самом событии. Сказал (Господь): "**не примут твоего свидетельства**", и действительно не приняли. По всем соображениям надобно было ожидать, что они примут: "**им известно**", говорит, "**что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил**"; поэтому самому им следовало принять; и, однако, они не приняли. Потому и было открыто ему "**в исступление**", что они не примут (свидетельства). Здесь он изъясняет два предмета: то, что они безответны, так как преследовали его несправедливо и неразумно; и то, что Христос есть Бог, так как Он предсказывает неожиданное, не взирая на прошедшее, но предвидя будущее. Как же (Господь) говорил, что (Павел) пронесет "**имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми**" (Деян.9:15)? "**Возвещать**", сказал Он, а не убедит непременно; в других местах иудеи убеждались, а здесь нет. Где преимущественно должны были бы убеждаться, зная прежнюю его ревность, там и не убеждались. "**И когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убиение его и стерег одежды побивавших его**". Смотри, чем он оканчивает речь свою: самым сильным доводом; говорит, что сам он был гонителем (христиан), и не только гнал, но тысячью рук убивал Стефана. Здесь он напомнил им о самом бесчеловечном убийстве. Тогда они уже не вытерпели, после такого обличения их и исполнения пророчества. Велика ревность, сильно обличение, дерзновенна речь свидетелей Христовой истины! Иудеи уже не могли дослушать всей речи, но, воспламенившись гневом, громко закричали. "**И Он сказал мне: иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам. До этого слова слушали его; а за сим подняли крик, говоря: истреби от земли такого! ибо ему не должно жить. Между тем как они кричали, метали одежды и бросали пыль на воздух, тысяченачальник повелел ввести его в крепость, приказав бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него**" (ст. 21-24). Тысяченачальнику следовало узнать, в чем дело, и притом от них самих; а он, не сделав ничего такого, приказывает бить его. "**Тысяченачальник повелел ввести его в крепость, приказав бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него**". Ему следовало спросить самих кричавших, что из сказанного (Павлом) они находили преступным; а он просто пользуется своею властью и действует в угодность им: не о том он заботился, чтобы поступить справедливо, но о том, как бы утолить гнев их, совершенно несправедливый. "**Но когда растянули его ремнями, Павел сказал стоявшему сотнику: разве вам позволено бичевать Римского гражданина, да и без суда?**" (ст. 25) Не ложь сказал Павел, назвав себя римлянином, – да не будет, – он действительно был римлянин. Потому тысяченачальник и устрашился, услышав это. Чего же, скажут, он устрашился? "**Разве вам позволено**": из-за другого он боялся, чтобы самого не схватили и не подвергли еще большему наказанию. И, смотри, не просто говорит, но: "**разве вам позволено?**" Две вины: (наказывают) без суда и притом римлянина. Удостоившиеся называться этим именем пользовались тогда великими преимуществами; и не все удостаивались его. Со времен Адриана, говорят, все (римские подданные) стали называться римлянами; а прежде было не так. Он назвал себя римлянином для того, чтобы избежать бичевания, так как если бы его бичевали, то он подвергся бы презрению; а, сказавши это, он привел их в великий страх. Если бы бичевали его, то дело приняло бы другой оборот, и даже убили бы его; а теперь вышло не так. Смотри, как Бог попускает совершаться многому и человеческими средствами, как в этом случае, так и в других. Тысяченачальник своим

ответом: "**я за большие деньги приобрел это гражданство**" показывает, что он подозревал, не есть ли это один предлог со стороны Павла, называющего себя римлянином; может быть, он заключал так по наружной простоте Павла. "**Услышав это, сотник подошел и донес тысяченачальнику, говоря: смотри, что ты хочешь делать? этот человек – Римский гражданин. Тогда тысяченачальник, подойдя к нему, сказал: скажи мне, ты Римский гражданин? Он сказал: да. Тысяченачальник отвечал: я за большие деньги приобрел это гражданство. Павел же сказал: а я и родился в нем. Тогда тотчас отступили от него хотевшие пытать его. А тысяченачальник, узнав, что он Римский гражданин, испугался, что связал его**" (ст. 26-29). "**А я и родился в нем**", говорит Павел; следовательно, и отец его был римлянин. Что же произошло от этого? Сняв с него оковы, тысяченачальник отвел его к иудеям. Итак, не ложь сказал он, назвав себя римлянином; он и пользу получил от этого, освободился от уз; а каким образом, послушай. "**На другой день, желая достоверно узнать, в чем обвиняют его Иудеи, освободил его от оков и повелел собраться первосвященникам и всему синедриону и, выведя Павла, поставил его перед ними**" (ст. 30). Уже не пред тысяченачальником только, но пред собранием и всем народом говорит речь. Что же он говорит? "**Павел, устремив взор на синедрион, сказал: мужи братия! я всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня**" (Деян.23:1); т.е. я не сознаю за собою ничего, чем бы оскорбил вас, или сделал бы что-нибудь, достойное этих уз. Что же первосвященник? Ему следовало пожалеть, что в угодность им (Павел) был несправедливо заключен в оковы; а он еще более ожесточается и приказывает бить его, как видно из следующего: "**первосвященник же Анания стоявшим перед ним приказал бить его по устам**" (ст. 2). Хорош поступок, кроткий архиерей! "**Тогда Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня. Предстоящие же сказали: первосвященника Божия поносишь? Павел сказал: я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе твоем не злословь**" (ст. 3-5).

2. Некоторые говорят, что он, зная, сказал такую укоризну; но мне кажется, он вовсе не знал, что это – первосвященник; иначе почтил бы его. Потому он и оправдывается, как виновный, и говорит: "**начальствующего в народе твоем не злословь**". Что же? – скажут. Если бы это был даже не начальник, то разве можно было просто оскорблять другого? Нет, напротив, терпеть, когда наносят оскорбление. Достойно внимания, почему тот, кто в другом месте говорит: "**злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим**" (1Кор.4:12), здесь поступает напротив, и не только укоряет, но и угрожает. Нет, ни того, ни другого он не сделал. Кто тщательно рассмотрит, тот увидит, что это более слова дерзновения, нежели гнева. С другой стороны он не хотел подвергнуться презрению тысяченачальника. Если этот не осмелился бичевать его и хотел предать иудеям, то, когда слуги стали бить его, тогда он явил еще большее дерзновение; обратился не к слуге, но к самому повелевшему. Сказав: "**стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону**", он как бы так сказал: ты виновен и достоин тысячи ран. Смотри, как народ был поражен его дерзновением. Им следовало бы прекратить все; а они еще более неистовствуют. Он приводит слова закона, желая показать, что не из страха и не потому, что он не был достоин такого повеления, он выразился так, но повинуясь и в этом случае закону. Я совершенно убежден, что он не знал, что это – первосвященник; он возвратился сюда после долгого отсутствия, не часто обращался с иудеями и видел его среди множества других; между многими другими разными людьми первосвященник мог быть не замечен. И самым ответом своим, мне кажется, он показывает, что он повинуется закону и потому оправдывается. Но обратимся к вышесказанному. "**Молился в храме**", говорит (Павел), "**пришел я в исступление**". Чтобы показать, что это не был призрак воображения, прибавляет: "**молился**". "**Поспеши и выйди скорее из Иерусалима**", говорит (Господь), "**потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне**". Отсюда

видно, что он удалился не из страха по причине опасностей, но потому, что не приняли свидетельства его. Для чего же он сказал: "**им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы**"? Этим он не противоречил Христу, – да не будет, – но хотел получить наставление в столь чудном деле. "**Иди**", говорит (Господь), "**Я пошлю тебя далеко к язычникам**". Смотри: Христос не дал ему наставления, что должен он делать, но только повелел идти, и он повинуется: так он был послушлив! "**А за сим подняли крик, говоря**", говорит (писатель), "**истреби от земли такого! ибо ему не должно жить**". О, дерзость! Скорее вам не должно жить, а не ему, который во всем повинуется Богу. О, нечестивцы и человекоубийцы! "**Метали одежды**", говорит, "**и бросали пыль на воздух**": делают это для того, чтобы произвести большее смятение, или для того, чтобы устрашить начальника. И смотри: они не указывают вины его, потому что ничего сказать не могли, но думают подействовать криком, между тем как следовало бы спросить обвинителей. "**А тысяченачальник испугался**", говорит, "**узнав, что он Римский гражданин**". Следовательно, не ложь сказал Павел, назвав себя римлянином. "**Освободил его от оков**", говорит, "**и, выведя Павла, поставил его перед ними**". Это следовало сделать в самом начале, не связывать и не приказывать бичевать, но оставить его, как не сделавшего ничего такого, за что бы связывать. "**И, выведя Павла, поставил его перед ними**". Это привело иудеев в великое недоумение. "**Павел, устремив взор на синедрион, сказал**", говорит, "**мужи братия**". Здесь выражается его дерзновение и неустрашимость. Но, смотри, какова их злоба. "**Первосвященник же Анания**", продолжает (писатель), "**стоявшим перед ним приказал бить его по устам**". За что бьешь его? Что оскорбительного сказал он? О, бесстыдство, о, дерзость! "**Тогда**", говорит, "**Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стена подбеленная**". Вот дерзновение: обличает его в лицемерии и беззаконии; после того он и смиряется. В недоумении первосвященник не осмеливается ничего сказать, но бывшие при нем не вынесли дерзновения (Павла), видели его готовым идти на смерть, и не вынесли. "**Я не знал**", говорит, "**что он первосвященник**". Следовательно, укоризна произошла от неведения. Если бы это было не так, то тысяченачальник, взяв его, удалился бы, не промолчал бы, или предал бы его им.

3. Отсюда видно, что он добровольно терпит все, что терпит; и оправдывается пред ними из повиновения закону, а не из желания показать им свои достоинства; потому он сильно и укорил их. Таким образом он оправдывается для закона, а не для народа; и справедливо, – ведь бить человека, не сделавшего никакого оскорбления и притом невинного, беззаконно. Сказанное им не есть оскорбление; иначе иной назвал бы оскорблением и слова Христа, когда Он говорит: "**горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам**" (Мф.23: 27). Да, скажете, если бы он сказал это прежде, нежели потерпел битье, то слова его были бы не от гнева, но от дерзновения. Но я показал причину: он не хотел подвергнуться презрению. Так и Христос нередко укорял иудеев, когда был оскорбляем, например, когда говорил: "**не думайте, что Я буду обвинять вас**" (Ин.5:45). Но это не оскорбление – да не будет. Смотри, с какою кротостью (Павел) обращается к ним: "**я не знал**", говорит, "**что он первосвященник**". Сказав это, он не остановился, но, желал показать, что говорит без насмешки, присовокупляет: "**начальствующего в народе твоем не злословь**" (ср. Исх.22:28). Видишь ли, как он еще признает его начальником?

Будем и мы учиться его кротости, чтобы в том и другом нам быть совершенными. Великое нужно старание, чтобы знать, в чем состоит первая и в чем последнее; старание необходимо потому, что с этими добродетелями смешиваются пороки, с дерзновением – дерзость, с кротостью – малодушие. Каждому должно смотреть, чтобы, предаваясь пороку, не приписывать себе добродетели, подобно тому, как если бы кто, имея общение с служанкою, по неведению воображал бы, что он имеет общение с госпожою. Итак, что

такое кротость и что малодушие? Когда мы, видя других оскорбляемыми, не защищаем их, а молчим, это – малодушие; когда же, сами получая оскорбления, терпим, это – кротость. Что такое дерзновение? Опять тоже самое, т.е. когда мы ратоборствуем за других. А что дерзость? Когда мы стараемся мстить за самих себя. Таким образом, великодушие и дерзновение на одной стороне, а дерзость и малодушие на другой. Кто не щадит себя, тот едва ли будет сожалеть о других; и кто не мстит за себя, тот едва ли оставит без защиты других. Когда наш нрав свободен от страсти, то он способен и к добродетели. Как тело, освободившись от горячки, укрепляется в силах, так и душа, если не предана страстям, делается сильною. Кротость есть признак великой силы; чтобы быть кротким, для этого нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу. Неужели ты думаешь, что мало нужно (силы душевной), чтобы получать оскорбления и не возмущаться? Не погрешит тот, кто назовет такое расположение к ближним даже мужеством; кто был столько силен, что преодолел эту страсть, тот, конечно, будет в состоянии преодолеть и другую; т.е. здесь две страсти: страх и гнев; если ты победишь гнев, то, без сомнения, (преодолеешь) и страх; гнев же ты победишь, если будешь кроток, а если преодолеешь страх, то окажешь мужество. Наоборот, если не победишь гнева, то окажешься дерзким; а не победив его, не будешь в состоянии преодолеть и страх, и, следовательно, окажешься малодушным, и будет с тобою тоже, что, например, с телом, которое так бессильно и расслаблено, что не может вынести никакого труда: оно скоро изнуряется и от холода и от жара; таково свойство тела расслабленного, а крепкое выдерживает все. Еще, с великодушием, которое есть добродетель, смешивается расточительность; также бережливость есть добродетель, но с нею смешиваются корыстолюбие и скупость. Сравним их между собою.

Расточительный не есть человек великодушный. Почему? Потому что, кто предан тысяче страстей, тот может ли быть велик душою? Он таков не оттого, что презирает деньги, но оттого, что покоряется другим страстям, подобно как человек, принужденный разбойниками повиноваться им, не может быть свободным. Не от презрения к деньгам происходит расточительность, но от неумения распоряжаться ими; если бы можно было и удержать их и предаваться удовольствиям, то он, конечно, пожелал бы этого. Кто употребляет деньги, на что следует, тот великодушен; поистине та душа велика, которая и не раболепствует страсти и почитает деньги за ничто. Также бережливость есть добродетель; весьма бережливым был бы тот, кто употреблял бы деньги, на что следует, а не просто без разбора. Скупость же – не то же самое. Тот (бережливый) издерживает все на нужное, а этот (скупой) и при самой настоятельной нужде не касается своего имущества. Бережливый – брат великодушного. Таким образом, поставим вместе великодушного с бережливым, а расточительного со скупым; последние оба страдают малодушием, а первые оба отличаются великодушием. Подлинно, великодушным мы должны назвать не того, кто тратит деньги безрассудно, но кто употребляет их на нужное; равно как скупым и сребролюбивым – не бережливого, но того, кто не употребляет денег и на нужное. Сколько имущества расточал богач, облачавшийся в порфиру и виссон? Но он не был великодушен, потому что душа его была одержима жестокостью и тысячами вожделений; а такая душа может ли быть великою? Великодушен был Авраам, который употреблял свое имущество на принятие странников, закалал тельцов и, когда нужно было, не щадил не только имущества, но и самой души своей. Итак, если мы видим, что кто-нибудь приготовляет роскошную трапезу, насыщает блудниц и тунеядцев, то не будем называть его великодушным, но весьма малодушным. Смотри, в самом деле, скольким сам он служит и раболепствует страстям, – чревоугодию, безмерному сластолюбию, самоуслаждению; а кто одержим столь многими страстями и не может освободиться ни от одной из них, того можно ли назвать великодушным? Следовательно, тогда в особенности и надобно назвать его малодушным, когда он много тратит; чем больше он тратит, тем больше показывает владычество над ним страстей; если бы они не столько имели над ним

силы, то он не столько бы и тратил. Напротив, если мы видим, что кто-нибудь никому из подобных людей ничего не уделяет, но питает бедных и помогает нуждающимся, и сам довольствуется трапезою не роскошною, того мы должны назвать весьма великодушным; поистине великой душе свойственно не думать о собственном удовольствии, а заботиться о (спокойствии) других. Скажи мне: если бы ты увидел кого-нибудь, кто бы, презирая всех тиранов и вменяя ни во что их повеления, облегчал страдания притесняемых ими, не признал ли бы ты это делом великим? Так точно мы должны рассуждать и здесь. Страсти – это тираны. Если мы будем презирать их, то сделаемся великими; если будем освобождать от них и других, то – еще более великими. Это и справедливо. Кто делает добро не себе только, но и другим, тот выше не делающих ни того, ни другого. Если бы кто, из угождения тирану, одного из подчиненных его стал бить, другого притеснять, третьего оскорблять, – неужели мы назовем это великодушием? Отнюдь нет, и тем менее, чем он был бы важнее. Так точно и здесь. У нас есть душа благородная и свободная; расточительный предает ее на битье страстям; назовем ли же великодушным того, кто терзает самого себя? Отнюдь нет. Итак, будем помнить, что такое великодушие и расточительность, что бережливость и скупость, что кротость и малодушие, что дерзновение и дерзость, чтобы, различая их друг от друга, мы могли благоугождая Господу провести настоящую жизнь и сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 49

"Узнав же Павел, что тут одна часть саддукеев, а другая фарисеев, возгласил в синедрионе: мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят. Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось. Ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа; а фарисеи признают и то и другое" (Деян.23:6-8).

1. Опять (Павел) говорит по-человечески; он не всегда руководится благодатию, но позволяет себе привносить нечто и от себя. Это он и делает как теперь, так и после, и в оправдании своем намеревается разделить злобно соединившуюся против него толпу. Не ложь говорит он и здесь, называя себя фарисеем; по предкам своим он действительно был фарисей. Потому так и оправдывается: "**я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят**". Они не хотели сказать, за что судят его; потому он находит нужным сам объяснить это. "**А фарисеи**", говорит (писатель), "**признают и то и другое**". Здесь три предмета; почему же он говорит: "**и то и другое**"? Или потому, что дух и ангел – одно, или потому, что это выражение употребляется не только о двух, но и о трех. Следовательно, оно сказано по употреблению, а не по собственному значению. Смотри: когда он стал между ними, тогда они принимают его сторону. "**Сделался**", говорит (писатель), "**большой крик**". "**И, встав, книжники фарисейской стороны спорили, говоря: ничего худого мы не находим в этом человеке; если же дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу**" (ст. 9). А почему они не защищали его прежде? Потому что он не принадлежал к ним, и до этого оправдания еще не было известно, что он прежде был фарисей. Видишь ли, как открывается истина, когда умолкают страсти? Слова же их означают следующее: что за вина, если это сказал ему ангел или дух, и по его внушению он учит так о воскресении? Потому оставим его, чтобы, восставая против него, нам не сделаться противниками Богу. Смотри, как благоразумно они защищают Павла, хотя он не подал им никакого к тому повода. "**Но как раздор увеличился, то тысяченачальник, опасаясь, чтобы они не растерзали Павла, повелел воинам сойти взять его из среды их и отвести в крепость**" (ст. 10). Тысяченачальник боится, чтобы не растерзали Павла, когда он сказал, что он римлянин: следовательно это

было не безопасно. Видишь ли, что он справедливо назвал себя римлянином? Иначе (тысяченачальник) и теперь не пришел бы в страх. Но воины уводят его. Видя, что все безуспешно, эти злодеи начинают действовать сами, как они хотели и прежде, но встретили препятствия. Так злоба никогда не успокаивается, не смотря ни на какие препятствия. Между тем сколько здесь обстоятельств располагало их и утолить гнев свой и образумиться! Тем не менее они упорствуют. Даже достаточно было для вразумления их и того, что человек, которого они хотели растерзать, отнимается у них и избегает таких опасностей. "**В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме. С наступлением дня некоторые Иудеи сделали умысел, и заклялись не есть и не пить, доколе не убьют Павла. Было же более сорока сделавших такое заклятие**" (ст. 11-13). "**И заклялись**", говорит. Видишь ли, как они мстительны и упорны в злобе? Что значит: "**заклялись**"? Иначе сказать: они оставят веру в Бога, если не исполнят своего намерения в отношении к Павлу. Следовательно, они остались заклятыми навсегда, потому что не убили Павла. Сошлись вместе сорок человек; такой был это народ, что когда надлежало согласиться на добро, то не сходилось и двух человек, а когда на зло, то сошлась целая толпа. Они делают своими сообщниками и начальников, на что, указывая (писатель) продолжает: "**Они, придя к первосвященникам и старейшинам, сказали: мы клятвою заклялись не есть ничего, пока не убьем Павла. Итак ныне же вы с синедрионом дайте знать тысяченачальнику, чтобы он завтра вывел его к вам, как будто вы хотите точнее рассмотреть дело о нем; мы же, прежде нежели он приблизится, готовы убить его. Услышав о сем умысле, сын сестры Павловой пришел и, войдя в крепость, уведомил Павла. Павел же, призвав одного из сотников, сказал: отведи этого юношу к тысяченачальнику, ибо он имеет нечто сказать ему. Тот, взяв его, привел к тысяченачальнику и сказал: узник Павел, призвав меня, просил отвести к тебе этого юношу, который имеет нечто сказать тебе**" (ст. 14-18). Опять он спасается человеческим содействием. Посмотри: Павел не открывает этого никому, даже и сотнику, чтобы это не сделалось известным. Сотник пошел и донес тысяченачальнику так: "**тысяченачальник, взяв его за руку и отойдя с ним в сторону, спрашивал: что такое имеешь ты сказать мне? Он отвечал, что Иудеи согласились просить тебя, чтобы ты завтра вывел Павла пред синедрион, как будто они хотят точнее исследовать дело о нем. Но ты не слушай их; ибо его подстерегают более сорока человек из них, которые заклялись не есть и не пить, доколе не убьют его; и они теперь готовы, ожидая твоего распоряжения. Тогда тысяченачальник отпустил юношу, сказав: никому не говори, что ты объявил мне это**" (ст. 19-22).

2. Хорошо (сделал) тысячник, приказав скрыть это, чтобы не сделалось известным. Потом дает повеление сотникам, когда следовало, и посылает (Павла) в Кесарию, чтобы он и там говорил при большем числе зрителей и среди торжественнейшего собрания слушателей. После этого иудеи не могут сказать: если бы мы видели Павла, или слышали его учение, то уверовали бы. И этого оправдания они лишаются. И "**в следующую ночь Господь, явившись ему, сказал**", говорит (писатель), "**дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме**". Смотри, и после этого явления Господь попускает ему спастись опять по-человечески. Достойно удивления, как Павел не смутился и не сказал: что же это значит? Не обманут ли я Христом? Нет, он не думал и не чувствовал ничего такого, а только веровал. Впрочем. веруя, он не дремал, не приминул сделать то, что можно было при помощи человеческой мудрости. Смотри, как те связали себя заклятием, как бы какою необходимостью. Вот и пост – отец мужеубийства! Как Ирод связал себя клятвою, как бы какою необходимостью, так и они. Таково коварство диавола: под видом набожности он расставляет сети. Нужно было придти, обвинять, собирать судилище: это дело не священников, а разбойников, не начальников, а злодеев. И смотри, какая крайняя злоба: не

довольствуются тем, что склоняют ко злу друг друга, но решаются вместе с собою склонить к тому же и правителя. Потому (Господь) и устроил, что он узнал об их умысле. А они не только тем, что ничего не могли сказать (против Павла), но и тем, что сделали умысел тайно, обличили сами себя и показали, что они – ничто. После отправления (Павла) первосвященники, вероятно, приходили с просьбою (к тысяченачальнику) и возвратились со стыдом без успеха. А тысяченачальник поступил справедливо; он не решился ни отпустить (Павла), ни согласиться (с ними). Но как он, скажешь, поверил, что сказанное юношею было справедливо? Он из прежнего заключал, что они могут сделать это. И смотри, какое коварство: сами первосвященники были, как бы поставлены в необходимость. Не удивляйся: ведь если те решались на такое дело и принимали на себя всю опасность, то эти еще более могли сделать тоже. Видишь ли, как (Павел) оказывается невинным пред судом внешних (язычников), подобно как Христос пред судом Пилата? Смотри, как злоба вредит сама себе: они предали Павла, чтобы осудить и убить его; а выходит противное; он спасается и оказывается невинным; если бы было не так, то растерзали бы его; если бы было не так, то погубили бы, осудили бы его. Но тысяченачальник не только избавляет его от этого умысла, но и способствует ему безопасно отправиться в сопровождении такого отряда, – а каким образом, послушай. "**И, призвав**", продолжает (писатель), "**двух сотников, сказал: приготовьте мне воинов пеших двести, конных семьдесят и стрелков двести, чтобы с третьего часа ночи шли в Кесарию. Приготовьте также ослов, чтобы, посадив Павла, препроводить его к правителю Феликсу. Написал и письмо следующего содержания: "Клавдий Лисий достопочтенному правителю Феликсу – радоваться. Сего человека Иудеи схватили и готовы были убить; я, придя с воинами, отнял его, узнав, что он Римский гражданин. Потом, желая узнать, в чем обвиняли его, привел его в синедрион их и нашел, что его обвиняют в спорных мнениях, касающихся закона их, но что нет в нем никакой вины, достойной смерти или оков. А как до меня дошло, что Иудеи злоумышляют на этого человека, то я немедленно послал его к тебе, приказав и обвинителям говорить на него перед тобою. Будь здоров"**" (ст. 23-30). Вот и письмо, заключающее в себе оправдание Павла, "**нет в нем**", говорит, "**никакой вины, достойной смерти или оков**", – служащее к осуждению более их, нежели его: так они домогались убить его! И прежде, говорит, "**сего человека Иудеи схватили и готовы были убить**"; потом "**привел его в синедрион**"; но и тогда они не могли ни в чем обвинить его, и хотя после первого покушения им следовало успокоиться и устыдиться, но они опять замышляют убить его: так ясно эти слова говорят опять в его пользу! А для чего он посылает туда обвинителей? Для того, чтобы и в том судилище, где дело имело рассматриваться обстоятельнее, он оказался невинным. Но обратимся к вышесказанному. "**Я фарисей**". Это сказал (Павел) для того, чтобы расположить их к себе; а чтобы не показаться льстецом, присовокупляет: "**за чаяние воскресения мертвых меня судят**"; защищает себя от их обвинения и клеветы. Саддукеи утверждают, что нет ни ангела, ни духа; они не признают ничего бестелесного, может быть даже и Бога, по своей грубости; потому они не хотят верить и воскресению. "**И, встав**", говорит (писатель), "**книжники фарисейской стороны спорили, говоря: ничего худого мы не находим в этом человеке**".

3. Смотри: тысяченачальник слышит, что фарисеи признают его невинным, и принимает его сторону, уводит его с великим дерзновением. Сказанное Павлу также исполнено любомудрия. "**В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме**". Смотри, какое утешение. Сперва (Господь) восхваляет его, потом внушает, чтобы он не боялся отправления в Рим, которое еще не было известно, и как бы так говорит: ты не только отправишься туда, но и покажешь великое дерзновение. Этим выражается не то, что он будет спасен, но что он будет свидетельствовать с великою

славою в великом городе. А почему (Господь) явился ему не прежде, как когда он подвергся опасности? Потому, что Бог всегда утешает в скорбях (когда Он бывает более вожделенным) и научает нас среди опасностей. Иначе сказать: когда он был свободен от уз, тогда оставался спокойным, а теперь его ожидали бедствия. "**И заклялись**", говорят, "**не есть и не пить**". Какое неистовство! Сами себя безрассудно подвергают проклятию. "**Дайте знать тысяченачальнику**", говорят, "**чтобы он завтра вывел его к вам, как будто вы хотите точнее рассмотреть дело о нем**". Что ты говоришь? Не в другой ли уже раз он говорил пред вами? Не назвал ли себя фарисеем? Чего же еще более? Так они не боялись ничего, ни судилищ, ни законов; так они были дерзки на все: и внушают (коварную) мысль и обещают действовать. "**Услышав о сем умысле, сын сестры Павловой**". Промысл Божий устроил, что они не знали, что тот подслушает.

Что же Павел? Он не смутился, но уразумел, что это – дело Божие, и все, возложив на Него, чрез это самое получил спасение. Смотри, как Бог устроил все ко благу. Юноша объявил об умысле, ему поверили, и таким образом Павел спасся. Но, скажешь, если он был признан невинным, то для чего были посланы туда обвинители? Для того, чтобы дело было исследовано точнее, и чтобы этот муж явился тем более чистым. Божие домостроительство таково, что чем нам вредят, то самое служит к нашей пользе. Так Иосиф был оклеветан госпожою; она думала, что вредит ему, но своею клеветою доставила ему безопасность; темница была гораздо покойнее дома, где воспитывался этот зверь. Находясь там, он, хотя и служил, но был в непрестанном страхе, как бы не напала на него госпожа, и этот страх беспокоил его более темницы. Напротив, подвергшись обвинению, он стал жить безбоязненно и спокойно, избавившись от этого зверя, от бесстыдства и клеветы. Ему лучше было находиться вместе с несчастными людьми, нежели с неистовою госпожою. Здесь он находил себе утешение в том, что посажен сюда за целомудрие; а там боялся, как бы не принять язвы на душу. Для юноши нет ничего тяжелее, мучительнее и несноснее любящей женщины, когда он ее не хочет: это хуже всяких уз. Таким образом, он не ввержен был в темницу, но освободился из темницы; она вооружила против него господина, но сохранила его в мире с Богом, приблизила его к действительному, истинному Владыке; лишила власти в своем доме, но усвоила Господу. Также и братья продали его, но тем избавили его от домашних врагов, от великой злобы и зависти, от ежедневных клевет, удалили от ненавидевших его. Что, в самом деле, может быть хуже, как быть принуждену жить вместе с завистливыми братьями, находиться в подозрении, подвергаться клеветам? Итак, одно делали и та и эти, а другое и великое устроял (Бог) для праведника. Когда он был в чести, тогда находился в опасности; а когда испытывал бесчестие, тогда был в безопасности. Евнухи не вспомнили о нем, – и хорошо: освобождение его устроилось славнее, так что надобно было приписать все не человеческой милости, а Божию домостроительству; он был освобожден благовременно, когда была нужда, так что фараон извел его из темницы, не как благодетель, а как получающий благодеяние. Надлежало не рабу получить дар, а царю испытать нужду; надлежало открыться его мудрости. Потому забывает его евнух, чтобы не забыл Египет, чтобы не остался в неведении о нем царь. Если бы он изведен был прежде, то может быть захотел бы возвратиться в свою землю; потому он и удерживается тысячью необходимостей, во-первых – властью, во-вторых – темницею, в-третьих – (распоряжениями) в царстве, чтобы все это так устроилось. Как благородного коня, стремящегося ускакать к своим, Бог удерживал его там для славных целей. А что он желал увидеть отца и облегчить скорбь его, видно из того, что он призвал его туда.

4. Хотите ли, мы рассмотрим и другие случаи коварства, как они служат к нашей пользе, не только тем, что уготовляют нам награду, но и тем, что в то же самое время устрояют наше благосостояние? Строил ковы отцу (Иосифа) дядя его и изгнал его из отечества. Что же? Сам поставил его вдали от опасности, потому что (Иаков) нашел там безопасность;

подал ему повод сделаться более любомудренным и увидеть сон. Но он был рабом в чужой стране? Однако он нашел своих, взял невесту и явился тестю достойным зятем. Но (тесть) обманул его? Однако и это обратилось во благо: он сделался отцом многих детей. Но (тесть) имел против него злой умысел? Однако и из этого вышло добро: он возвратился в свою землю; если бы он благоденствовал, то не пожелал бы идти в свое отечество. Но его лишили награды? Он получил награду большую. Так всегда, против кого больше злоумышляли, те больших удостаивались благ. Если бы Иаков не взял за себя старшей сестры, то не сделался бы отцом столь многих детей, но провел бы много времени в бесчадии и плакал бы, как (другая) жена его. Она справедливо плакала, пока не сделалась матерью; а он имел утешение; потому и укорял ее. Опять, если бы не лишили его награды, он не пожелал бы видеть своего отечества, не открылось бы любомудрие этого мужа, не прилепились бы к нему так (жены его). Смотри, что они говорят: "**он продал нас и съел даже серебро наше**" (Быт. 31:15): так это усилило любовь их! Они сделались ему вместо жен рабынями и любили его, что выше всякого сокровища, так как нет, поистине нет ничего драгоценнее, как быть столь любимым женою и любить. "**Жена и муж, согласно живущие между собою**", говорит Премудрый, поставляя это в числе блаженств (Сир.25:2); в этом все богатство, все счастье жизни, а без этого все прочее бесполезно, все неустроенно и исполнено неприятностей и огорчений. Потому будем и мы искать этого, прежде всего. Кто ищет денег, тот не ищет этого. Будем искать того, что может быть твердо.

Не будем искать брачного союза с богатыми, чтобы множество богатства не породило в жене высокомерия, чтобы высокомерие не было причиною развращения. Не видишь ли, что сотворил Бог, как Он подчинил (жену мужу)? Почему же ты невнимателен? Для чего бесчувствен? Что даровал Он тебе по природе, в том не нарушай сам (Его) содействия. Надобно искать не богатой жены, а того, чтобы иметь в ней сообщницу жизни для рождения детей. Не для того Бог даровал человеку жену, чтобы она принесла деньги, но чтобы была ему помощницею. Жена, приносящая деньги, бывает коварна, (становится госпожою, вместо жены, или лучше, зверем, а не женою), предаваясь высокомерию из-за своего богатства. Нет ничего презреннее мужа, желающего обогатиться таким образом; если вообще обогащение исполнено искушений, то, что будет обогащение таким способом? Не смотри на то, что иной получил необыкновенно много, случайно и неожиданно; и в других делах нужно обращать внимание не на то, чем иные владеют и как неожиданно получают, но благоразумно вникать, не сопровождается ли это дело бесчисленными неприятностями. И не сам один ты чрез это подвергнешься бесславию, но навлечешь стыд и на детей, которых оставишь в бедности, если случится тебе умереть прежде, и жене подашь множество поводов – выйти за муж за другого. Не видишь ли, как для многих жен предлогом ко второму браку служило то, что они обращали на себя внимание, искали распорядителей для своего имущества? Не будем же допускать столько зла ради денег, но, оставив все, будем искать (в жене) доброй души, чтобы найти в ней и любовь. В этом великое богатство, в этом высокое сокровище, в этом бесчисленное множество благ, которых да насладимся все мы, живя как должно и согласно с законами божественными, чтобы нам сподобиться и благ будущих, блогодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 50

"Итак воины, по данному им приказанию, взяв Павла, повели ночью в Антипатриду. А на другой день, предоставив конным идти с ним, возвратились в крепость. А те, придя в Кесарию и отдав письмо правителю, представили ему и Павла" (Деян.23:31-33).

1. Как бы какого царя, (Павла) сопровождали оруженосцы в таком множестве, и притом ночью, опасаясь нападения буйного народа. Выведши его за город, они оставили его. Тысяченачальник не отправил бы его под такою сильною стражею, если бы сам не признавал его невинным и не видел решимости (иудеев) на убийство. "**Правитель, прочитав письмо, спросил, из какой он области, и, узнав, что из Киликии, сказал: я выслушаю тебя, когда явятся твои обвинители. И повелел ему быть под стражею в Иродовой претории**" (ст. 34, 35). Лисий уже написал в его защиту; но, не смотря на то, иудеи снова нападают, стараются склонить слушателя на свою сторону, (Павел) снова ввергается в оковы; а каким образом, послушай: "**через пять дней пришел первосвященник Анания со старейшинами и с некоторым ритором Тертуллом, которые жаловались правителю на Павла**" (Деян.24:1). Смотри, как они не отстают, но, не смотря на бесчисленные препятствия, приходят, чтобы посрамиться и здесь. "**Когда же он был призван, то Тертулл начал обвинять его, говоря: всегда и везде со всякою благодарностью признаём мы, что тебе, достопочтенный Феликс, обязаны мы многим миром, и твоему попечению благоустроением сего народа. Но, чтобы много не утруждать тебя, прошу тебя выслушать нас кратко, со свойственным тебе снисхождением**" (ст. 2-4). Если вы сами намерены действовать, то для чего вам ритор? Смотри, как он в самом начале представляет (Павла) нововводителем и возмутителем, а похвалами склоняет судию на свою сторону. Потом, как бы имея говорить многое и как бы умалчивая о прочем, говорит: "**чтобы много не утруждать тебя**". Смотри, как он склоняет судию к наказанию (Павла), как будто нужно было обуздать развратителя целой вселенной, и как будто они совещаются о деле великом. "**Найдя сего человека язвою общества, возбудителем мятежа между иудеями, живущими по вселенной, и представителем Назорейской ереси, который отважился даже осквернить храм, мы взяли его и хотели судить его по нашему закону. Но тысяченачальник Лисий, придя, с великим насилием взял его из рук наших и послал к тебе, повелев и нам, обвинителям его, идти к тебе. Ты можешь сам, разобрав, узнать от него о всем том, в чем мы обвиняем его**" (ст. 5-8). "**Возбудителем мятежа**", говорит, "**между иудеями, живущими по вселенной**". Обвиняют его как язву и общего врага народа, и как начальника (ереси) назореев (название назореев считалось поносным); потому они и прибавили это, поставляя и это ему в укоризну, так как Назарет был маловажный (город). "**Взяли**", говорят. Смотри, как коварно представляют его беглецом, и как будто лишь только взяли его, между тем как он провел в храме семь дней. "**Мы взяли его и хотели судить его по нашему закону**". Смотри, как оскорбляют и закон, как будто он предписывал бить, умерщвлять и строить ковы. Затем обвиняют и Лисия. "**Лисий, придя, с великим насилием взял его из рук наших**". Ему не следовало, говорят, делать это; но он сделал. "**Ты можешь сам, разобрав, узнать от него о всем том, в чем мы обвиняем его. И Иудеи подтвердили, сказав, что это так**" (ст. 8-9). Что же Павел? Молчит ли при этом? Нет, он опять смело отвечает, и притом по желанию игемона. "**Павел же**", продолжает (писатель), "**когда правитель дал ему знак говорить, отвечал: зная, что ты многие годы справедливо судишь народ сей, я тем свободнее буду защищать мое дело. Ты можешь узнать, что не более двенадцати дней тому, как я пришел в Иерусалим для поклонения. И ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу они не находили меня с кем-либо спорящим или производящим народное возмущение, и не могут доказать того, в чем теперь обвиняют меня**" (ст. 10-13). Свидетельствовать пред судиею правду – это не слова лести; таковы, напротив, слова: "**многие годы справедливо судишь**". Для чего же вы восстаете несправедливо? Смотри: они домогались несправедливого, а он искал правды; потому и сказал: "**тем свободнее буду защищать мое дело**". Заимствует доказательство и от времени: "**многие годы**", говорит, "**справедливо судишь**". А какую силу имело это доказательство? Великую: этим он показывает, что судия сам знает, что он не сделал ничего такого, в чем обвиняют его. Если бы он производил когда-нибудь возмущение, то судия знал бы и это от него не укрылось

бы. Обвинитель, не в состоянии будучи указать ни на что (из действий Павла) во Иерусалиме, смотри, что говорит: "**между иудеями, живущими по вселенной**"; прилагает ложь ко лжи. Потому Павел, в опровержение этого, говорит: "**пришел для поклонения**", и как бы так оправдывает себя: я слишком далек от того, чтобы производить возмущение. На этом справедливом положении, которое было так сильно, он останавливается, прибавляя: "**ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу**", что и было справедливо. Тот называет (Павла) "**возбудителем мятежа**", как бы на сражении или в мятеже; а он, смотри, как кротко отвечает: "**но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов моих, веруя всему, написанному в законе и пророках, имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают**" (ст. 14, 15).

2. Смотри: те представляли его противником (закону), а он в своем оправдании показывает себя преданным закону, и подтверждая сказанное присовокупляет: "**посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми. После многих лет я пришел, чтобы доставить милостыню народу моему и приношения. При сем нашли меня, очистившегося в храме не с народом и не с шумом.** " (ст. 16-18). Для чего ты возвратился? Для чего пришел? Помолиться, говорит, "**чтобы доставить милостыню**". Это дело не возмутителя. Потом указывает на их личность, и, не обращая на нее внимания, говорит: "**это были некоторые Асийские Иудеи, которым надлежало бы предстать пред тебя и обвинять меня, если что имеют против меня. Или пусть сии самые скажут, какую нашли они во мне неправду, когда я стоял перед синедрионом, разве только то одно слово, которое громко произнес я, стоя между ними, что за учение о воскресении мертвых я ныне судим вами**" (ст. 19-21). Тем особенно и сильно оправдание, чтобы не убегать от обвинителей, но быть готову отвечать всем. "**О воскресении мертвых**", говорит, "**я ныне судим вами**". Не сказал ничего такого, о чем мог бы сказать по справедливости, т.е. что они клеветали, задержали его, строили ему ковы (все это говорится о них [писателем], а сам Павел, не смотря и на опасность, не говорит); но умалчивает, и только оправдывается, хотя мог бы сказать многое.

А что он пришел со столь большим отрядом, это сделало его известным и в Кесарии. "**Нашли меня**", говорит, "**очистившегося в храме**". Как же он осквернил ее? Невозможно было одному и тому же очищаться и молиться, и в то же время придти и осквернить. И то служит доказательством его справедливости, что он не многословен; это нравится и судии; мне кажется, что для него он и сокращает свои оправдания. Но обратимся к вышесказанному. Наперед долго говорил Тертулл; заметив, что он сокращает речь, он не сказал: послушай, как было дело, но: "**чтобы много не утруждать тебя, прошу тебя выслушать нас кратко, со свойственным тебе снисхождением**". Употребляет такое выражение, вероятно, из лести; впрочем, действительно, это знак скромности, когда кто, имея сказать многое, но не желая беспокоить (другого), говорит немного. "**Найдя сего человека язвою общества, возбудителем мятежа**", говорит, "**который отважился даже осквернить храм**" (в ц. сл. - пытался). Следовательно, не осквернил. Но не сделал ли он этого в другом месте? Нет; иначе (обвинитель) сказал бы; между тем он говорит только: "**который отважился даже**", а каким образом, не прибавляет. Так он преувеличивает все, что относилось к Павлу; а что касалось их, смотри, как уменьшает. "**Мы взяли его**", говорит, "**и хотели судить его по нашему закону. Но тысяченачальник Лисий, придя, с великим насилием взял его из рук наших**". Этим выражает, что им прискорбно было идти в чужое судилище и что они не беспокоили бы его, если бы тысяченачальник не принудил их к тому и не отнял у них этого мужа, что не следовало ему делать; обида была нанесена, говорит, нам; потому и суд

над ним должен был производиться у нас. А что это так, видно из следующего: "**с великим насилием**". "**Ты можешь сам, разобрав, узнать от него о всем**". Не смеет прямо обвинить, потому что (Феликс) был человек снисходительный; но и не без цели делает такой переход. Желая опять показать, что он не лжет, предоставляет обвинять себя самому Павлу. "**От него**", говорит, "**ты можешь сам, разобрав, узнать**". Затем выступают и свидетели сказанного. "**И Иудеи подтвердили, сказав, что это так**". Обвинители сами и свидетельствуют и обвиняют. Но Павел отвечает: "**зная, что ты многие годы справедливо судишь**". Следовательно, он не иностранец, не чужой, не нововводитель, если уже много лет знает судию. Не напрасно прибавляет: "**справедливо**", но чтобы тот не смотрел ни на первосвященника, ни на народ, ни на обвинителя. Смотри, как он воздерживается от укоризны, хотя она и нужна была. "**Веруя**", говорит, "**всему, написанному в законе**". Этим выражает, что ни один человек, верующий в будущее воскресение, которое и они сами принимают, никогда не может сделать того (в чем обвиняют его). Не сказал, что они веруют в писания пророков (потому что они не веровали), но что он верует всему, а не они. Как же так? Долго было бы теперь говорить об этом. Столько высказал Павел, и не упомянул о Христе. Но словом: "**веруя**" он указывает и на Христа, а останавливается более на учении о воскресении, которое также и ими было принимаемо и отклоняло от него подозрения во всяком возмущении. Затем следует причина его прибытия. "**Я пришел**", говорит, "**чтобы доставить милостыню народу моему и приношения**", и притом, "**после многих лет**". Как же он мог возмущать тех, кому желая доставить милостыню совершил столь далекий путь? "**Не с народом**", говорит, "**и не с шумом**". Везде опровергает мысль о возмущении. Хорошо ссылается и на обвинителей из Азии, говоря: "**это были некоторые Асийские Иудеи, которым надлежало бы предстать пред тебя и обвинять меня, если что имеют против меня**". Так он был уверен в своей чистоте от возводимых на него обвинений, что сам вызывает обвинителей. Не отвергает обвинителей не только азийских, но и Иерусалимских; вызывает и этих, прибавляя: "**или пусть сии самые скажут**". С самого начала они восстали на него за то, что он проповедовал воскресение. Потому хорошо он указывает на это; доказав это, он легко мог перейти к учению и о Христе, о том, что Он воскрес. "**Какую**", говорит, "**нашли они во мне неправду, когда я стоял перед синедрионом**". "**Перед синедрионом**", говорит, выражая, что они ничего не нашли в нем, допрашивая его не наедине, но в большом собрании, и при тщательном исследовании.

3. А что это справедливо, свидетелями тому служат сами обвинители. Потому он и говорит: "**посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми**". Совершенная добродетель бывает тогда, когда мы и людям не подаем повода (ко греху) и пред Богом стараемся быть безукоризненными. "**Громко произнес я**", говорит, "**стоя между ними**". Словом: "**громко**" показывает их насилие, и как бы так говорит: они не могут сказать: ты делал это под предлогом милостыни, – потому что я делал это "**не с народом и не с шумом**"; притом и при исследовании дела ничего более не найдено. Видишь ли кротость его в опасностях? Видишь ли язык благоглаголивый? Он старается оправданием своим только защитить себя, а не обвинять их, если не вынужден к тому необходимостью, подобно как и Христос говорил: "**во Мне беса нет; но Я чту Отца Моего, а вы бесчестите Меня**" (Ин.8:49). Будем не подражать ему и мы, так как и он подражал Христу. Если он не говорил ничего оскорбительного тем, которые хотели погубить и умертвить его, то какого прощения достойны будем мы, которые во вражде и ссорах бываем подобны диким зверям, называем врагов наших злодеями, проклятыми? Простительно ли даже, что мы имеем врагов? Разве ты не знаешь, что воздающий честь (другому) воздает честь самому себе? А мы бесчестим самих себя. Ты обвиняешь другого, что он оскорбил тебя; но для чего сам подпадаешь обвинению? Для чего сам наносишь себе рану? Будь бесстрастен, будь неуязвим, – желая уязвить другого, не причиняй зла самому себе. Не довольно нам других душевных тревог, возбуждающихся без всякой

причины, как-то: неуместных пожеланий, огорчений, сетований и тому подобного; надобно еще умножить их новыми. Но как можно, скажешь, терпеть, когда меня оскорбляют? А как невозможно, скажи мне? Разве слова наносят нам раны? Или (делают) шрамы на теле? Какой же нам от них вред? Нет, если захотим, мы можем терпеть. Положим себе законом не оскорбляться, и перенесем. Скажем самим себе: это происходит не от вражды, а от слабости; и точно это происходит от слабости: когда нет мысли о вражде или злонамеренности, тогда оскорбляемый, хотя бы потерпел тысячи оскорблений, имеет желание удержаться. Если мы будем представлять только это, т.е. что это происходит от слабости, то перенесем все, оскорбителю простим и сами постараемся не предаваться тому же. После этого я спрошу всех вас присутствующих: можете ли вы, если захотите, быть так любомудрыми, чтобы терпеть оскорбления? Думаю, что скажете: да. Так, оскорбляющий наносит тебе оскорбления невольно и не по своему желанию, но по принуждению страсти; удержись же. Не видишь ли беснующихся? Как он (беснующийся) подвергается этому не столько от вражды, сколько от слабости, так и в нас огорчение происходит не столько от свойства оскорблений, сколько от нас самих. Почему, в самом деле, мы переносим те же самые оскорбления от беснующихся? Мы переносим также, когда оскорбляющее или наши друзья, или высшие. Не безрассудно ли в этих трех случаях, т.е. от друзей, от беснующихся и от высших переносить оскорбления, а от равных и низших не переносить? Я многократно говорил, что это лишь мгновенный порыв: воздержимся немного, и пройдет все. Чем более кто оскорбляет, тем более он слаб. Знаешь ли, когда надобно оскорбляться? Когда оскорбляемый нами молчит; тогда он силен, а мы слабы. Если же бывает напротив, то нужно даже радоваться; тогда ты достоин венца, достоин провозглашения. Не выходя на место борьбы, не подвергаясь неприятным действиям солнца, жара и пыли, не сходясь и не схватываясь с противником, но только пожелав, сидя или стоя, ты можешь получить великий венец, и не просто великий, но гораздо больший, чем те (борцы): не все ведь равно – низвергнуть противоборствующего врага, или притупить стрелы гнева. Ты победил не схватываясь с противником, низложил возбуждавшуюся в тебе страсть, умертвив свирепого зверя, обуздал неистовый порыв, как доблестный пастырь, тогда как предстояла тебе внутренняя брань, домашняя война. Как враги, обложившие город и осаждающие его извне, когда возбуждают в нем междоусобную брань, тогда и одерживают победу. Так и оскорбляющий, если не возбудит в нас самих страсти, не в состоянии будет преодолеть нас; если мы сами не воспламенимся, то он не будет иметь никакой силы. Пусть же искра гнева хранится в нас и воспламеняется лишь благовременно, не против нас самих, не для того, чтобы причинить нам множество зол. Не видите ли, как в домах огонь содержится в определенном месте, а не разбрасывается всюду, ни на сено, ни на одежды, и куда случится, чтобы он не воспламенился от дуновения ветра. Когда или служанка зажигает светильник, или повар разводит огонь, то строго им внушается, чтобы делали это не на ветру, не близ деревянных вещей и не в темноте; а когда наступает ночь, то мы тушим огонь, опасаясь, чтобы во время нашего сна, когда некому смотреть за ним, он как-нибудь не разгорелся и не сжег всех. Точно также будем поступать и с гневом: пусть он не сопровождает все наши помыслы, но хранится в глубине души, чтобы не возбуждал его ветер от слов противника, но чтобы это возбуждение он получал от нас, а мы умели бы возбуждать его умеренно и безопасно. Когда он возбуждается извне, то не знает меры и может пожечь все; он часто может возбуждаться и во время нашего сна и пожечь все. Будем же воспламенять его в нас только для того, чтобы он светил, – ведь гнев издает свет, если он возбуждается, когда следует, – будем употреблять этот светильник против тех, которые обижают других, и против диавола. Пусть не везде полагается и не везде разбрасывается эта искра, но хранится у нас под пеплом; будем содержать ее в помыслах смиренных. Не всегда она бывает нам нужна, – только тогда, когда надобно что-нибудь исправить и умягчить, когда надобно преодолеть упорство, или вразумить чью-либо душу.

4. Сколько зла происходит от раздражения и гнева! И, что особенно тяжело, – когда мы находимся во вражде, то не хотим сами положить начало примирению, но ожидаем других; каждый стыдится придти к другому и примириться. Смотри, разойтись и разделиться не стыдится, напротив, сам полагает начало этому злу; а придти и соединить разделившееся стыдится, подобно тому, как если бы кто отрезать член не усумнился, а срастить его стыдился. Что скажешь на это, человек? Не сам ли ты нанес великую обиду и был причиною вражды? Справедливость требует, чтобы сам же ты первый пришел и примирился, как бывший причиною вражды. Но если (другой) обидел, и тот был причиною вражды? И в этом случае следует (начать примирение) тебе, чтобы тебе больше удивлялись, чтобы тебе иметь первенство как в одном, так и в другом: как не ты был причиною вражды, так не тебе быть и причиною ее продолжения; может быть и тот, сознав вину свою, устыдится и вразумится. Но он высокомерен? Тем более ты не медли придти к нему; он страдает двумя болезнями: гордостью и гневом. Сам ты высказал причину, почему ты первый должен придти к нему: ты здоров, ты можешь видеть, а он во тьме; таковы, именно, – гнев и гордость. Ты свободен от них и здоров; приди же к нему, как врач к больному. Говорит ли кто-нибудь из врачей: такой-то болен, поэтому я не пойду к нему? Напротив, тогда врачи и идут к больному, когда видят, что он сам не может к ним придти; о тех, которые могут (придти сами), они менее заботятся, как о больных неопасно, о лежащих же напротив. А не тяжелее ли всякой болезни гордость и гнев? Не подобны ли этот сильной горячке, а та – развившейся опухоли? Представь, каково страдать горячкою и опухолью. Иди же, угаси его огонь; ты можешь сделать это при помощи Божией; останови его опухоль, как бы примочкою. Но что, скажешь, если оттого самого он еще более возгордится? Тебе нет до этого нужды; ты сделаешь свое дело, а он пусть отвечает сам за себя; только бы нас не упрекала совесть, что это произошло от опущения с нашей стороны чего-нибудь должного. "**Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья**" (Рим.12:20). Впрочем, и при этом оно повелевает идти, примириться и благотворить врагу, не с тем, чтобы собрать на него горящие уголья, но чтобы он, зная это, исправился, чтобы трепетал и боялся этих благодеяний больше, чем вражды, и этих знаков любви больше, чем обид. Для враждующего не столько опасен враг, причиняющий ему зло, сколько благодетель, делающий ему добро, потому что злопамятный вредит хотя немного и себе и ему, а благодеющий собирает уголья огненные на главу его. Поэтому, скажешь, и не должно делать ему добра, чтобы не собрать на него угольев? Но разве ты хочешь собрать их на собственную голову? Это и происходит от памятозлобия. А что если я еще более усилю (вражду)? Нет; в этом виновен будешь не ты, а он, если он подобен зверю; если и тогда, как ты благодетельствуешь, оказываешь ему честь и желание примириться, он упорно будет продолжать вражду, то он сам на себя собирает огонь, сам сожигает свою голову; а ты нисколько не виновен. Не представляй себя человеколюбивее Бога; иначе испытаешь множество зол; или лучше, хотя бы ты и захотел, ты не можешь (достигнуть этого) нисколько. Как же? "**Как небо выше земли**", говорит (Господь), "**так и мысли Мои выше мыслей ваших**" (Ис.55: 9); и еще: "**если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него**" (Мф.7:11). Нет, это отговорка и предлог. Не будем же перетолковывать заповедей Божиих. А как, скажешь, мы перетолковываем их? Он сказал: "**делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья**"; а ты говоришь: боюсь за врага, который жестоко оскорбил меня. Не так ли говоришь ты? Но для чего ты приобрел себе врага? Почему ты за оскорбителя боишься, а за себя не боишься? О, если бы ты заботился о самом себе! Не делай (добра врагу) с этою целью; или лучше, делай хотя с этою целью. Но ты не делаешь. Скажу тебе не то только, что соберешь на него горящие уголья, но и нечто другое большее, – только делай. Павел говорит все это только для того, чтобы побудить тебя прекратить вражду хотя надеждою на наказание (врага). Мы так жестоки, что не иначе хотели бы примириться с врагом, как в надежде (навлечь на него)

какое-нибудь наказание; потому он и дает нам, как бы какому зверю, эту приманку. Но апостолам (Господь) не сказал этого, а что? "**Да будете сынами Отца вашего Небесного**" (Мф.5:45). С другой стороны и невозможно, чтобы благодетельствующий и получающий благодеяния остались врагами: потому (апостол) и дал такую заповедь. Для чего ты, любомудрствуя на словах, не соблюдаешь должного на деле? Хорошо, положим, что ты не насыщаешь (врага) для того, чтобы не собрать на него горящих угольев; следовательно, ты щадишь его? – любишь его? – благодетельствуешь с этою целью? Бог знает, точно ли с этою целью, как говоришь ты; может быть ты хитришь пред нами и играешь словами. Ты заботишься о враге? Боишься, чтобы он не подвергся наказанию? Следовательно, ты погасил свой гнев; кто питает такую любовь, что презирает собственную пользу для блага другого, тот не имеет вражды. Так мог бы ты сказать. Но доколе мы будем шутить в предметах нешуточных и непростительных? Потому увещеваю братство наше, возлюбленные Господом Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом, прошу и умоляю вас, оставив эти предлоги, не будем невнимательными к законам Божиим (и непослушными Его заповедям), чтобы мы могли благоугодно Господу провести настоящую жизнь и получить обетованные блага, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 51

"Выслушав это, Феликс отсрочил дело их, сказав: рассмотрю ваше дело, когда придет тысяченачальник Лисий, и я обстоятельно узнаю об этом учении. А Павла приказал сотнику стеречь, но не стеснять его и не запрещать никому из его близких служить ему или приходить к нему" (Деян.24:22,23).

1. Смотри, какое искушение постигает (Павла), во-первых, от многих, а во-вторых, в течение долгого времени. Нельзя сказать, чтобы суд производился скоро. После того, как ритор упомянул о Лисие, сказав, что он силою взял (Павла), благовременно приведены (писателем) слова Феликса, о котором говорится: "**Феликс отсрочил дело их, когда придет тысяченачальник Лисий, и я обстоятельно узнаю об этом учении**", т.е. нарочито отложил дело, не имея нужды в исследовании, а только желая удалить иудеев. Отпустить (Павла) он не хотел из угождения им, а наказать его было невозможно, потому что было бы бессовестно. Потому он и отложил дело, сказав: "**когда придет тысяченачальник Лисий, и я обстоятельно узнаю об этом учении. А Павла приказал сотнику стеречь, но не стеснять его и не запрещать никому из его близких служить ему или приходить к нему**". "**Не стеснять**", говорит. Так и он находил его невинным. Почему же, находя его невинным, задерживает? Желая угодить (иудеям), а также надеясь взять деньги. Для того он и призывает к себе Павла. А что именно для этого он призывал его, видно из дальнейших слов писателя, который говорит: "**через несколько дней Феликс, придя с Друзиллою, женою своею, Иудеянкою, призвал Павла, и слушал его о вере во Христа Иисуса. И как он говорил о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришел в страх и отвечал: теперь пойди, а когда найду время, позову тебя. Притом же надеялся он, что Павел даст ему денег, чтобы отпустил его: посему часто призывал его и беседовал с ним**" (ст. 24-26). Смотри, как писатель держится истины. Феликс часто призывал его не потому, что удивлялся ему, или одобрял речи его, или хотел уверовать, но почему? "**Надеялся он**", говорит, "**что Павел даст ему денег**". Смотри, как он не скрывает здесь намерения судии; а этот, если бы признавал (Павла) виновным, не поступал бы так, не захотел бы слушать человека виновного и преступного. Между тем Павел, хотя говорил с начальником, но не сказал ничего такого, чем бы можно было преклонить его душу, но говорил то, что устрашило и потрясло его ум; беседовал с ним, говорит, "**о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришел в страх**".

Такова сила слов Павловых, что приводит правителя в страх. Затем он получает себе преемника, а Павла оставляет в узах, хотя и не следовало, а надлежало окончить дело; но он оставляет его так из угождения (иудеям). А эти были так настойчивы, что снова стали нападать, как не нападали ни на кого другого из апостолов, но, напав на них, потом отступали. Так (Богом) устроено было, чтобы Павел, имея дело с такими зверями, удалился из Иерусалима, куда, впрочем, они опять просят привести его на суд. Но и здесь Бог устроил так, что не дозволил этого правителю. Он, как недавно принявший власть, мог бы решиться угодить иудеям; но Бог не попустил. Прибыв (в Кесарию), иудеи стали бесстыдно возводить на него еще большие обвинения и, так как не могли обвинить его в делах против закона, то опять прибегают к своему обычному средству, указывают на кесаря, как они делали и в отношении ко Христу. Это видно из того, что Павел оправдывается в возводимых на него преступлениях против кесаря, как изъясняет (писатель), продолжая: "**Но по прошествии двух лет на место Феликса поступил Порций Фест. Желая доставить удовольствие Иудеям, Феликс оставил Павла в узах. Фест, прибыв в область, через три дня отправился из Кесарии в Иерусалим. Тогда первосвященник и знатнейшие из Иудеев явились к нему с жалобою на Павла и убеждали его, прося, чтобы он сделал милость, вызвал его в Иерусалим; и злоумышляли убить его на дороге. Но Фест отвечал, что Павел содержится в Кесарии под стражею и что он сам скоро отправится туда. Итак, сказал он, которые из вас могут, пусть пойдут со мною, и если есть что-нибудь за этим человеком, пусть обвиняют его. Пробыв же у них не больше восьми или десяти дней, возвратился в Кесарию, и на другой день, сев на судейское место, повелел привести Павла. Когда он явился, стали кругом пришедшие из Иерусалима Иудеи, принося на Павла многие и тяжкие обвинения, которых не могли доказать. Он же в оправдание свое сказал: я не сделал никакого преступления ни против закона Иудейского, ни против храма, ни против кесаря. Фест, желая сделать угождение Иудеям, сказал в ответ Павлу: хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом?**" (Деян.24:27; Деян.25: 1-9). Смотри, как и он угождает иудеям, всему народу и городу. Потому (Павел) и его приводит в страх, употребляя человеческое средство; а какое, послушай. "**Павел сказал: я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму. Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь. Ибо, если я неправ и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им. Требую суда кесарева**" (ст. 10, 11). Но, может быть, кто скажет при этом: ему сказано было: "**надлежит тебе свидетельствовать и в Риме**" (Деян.13:11); почему же он так поступает теперь, как бы не веруя (этим словам)? Нет, напротив, он крепко веровал. Скорее значило бы искушать (Бога), если бы он, полагаясь на это предсказание, стал сам подвергать себя бесчисленным опасностям и говорить: посмотрим, может ли Бог избавить меня от них? Но Павел не делает этого, а, всецело вверяя себя Богу, принимает все меры и с своей стороны. Притом таким оправданием он некоторым образом касается и правителя, и только так говорит: если я сделал неправду, то справедливо; а если я прав, то почему ты выдаешь меня? "**Никто**", говорит, "**не может выдать меня**". Не только (правителя) привел в страх, так что он, если бы и хотел, не мог выдать, но таким оборотом дела защитил себя и от иудеев. "**Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься**" (ст. 12).

2. Смотри, (о Павле) сообщается Агриппе, чтобы и другие послушали его, и царь, и войско, и Вереника. Потом опять (следует) оправдание. "**Через несколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли в Кесарию поздравить Феста. И как они провели там много дней, то Фест предложил царю дело Павлово, говоря: здесь есть человек, оставленный Феликсом в узах, на которого, в бытность мою в Иерусалиме, с жалобою явились первосвященники и старейшины Иудейские, требуя осуждения**

его. Я отвечал им, что у Римлян нет обыкновения выдавать какого-нибудь человека на смерть, прежде нежели обвиняемый будет иметь обвинителей налицо и получит свободу защищаться против обвинения. Когда же они пришли сюда, то, без всякого отлагательства, на другой же день сел я на судейское место и повелел привести того человека. Обступив его, обвинители не представили ни одного из обвинений, какие я предполагал; но они имели некоторые споры с ним об их Богопочитании и о каком-то Иисусе умершем, о Котором Павел утверждал, что Он жив. Затрудняясь в решении этого вопроса, я сказал: хочет ли он идти в Иерусалим и там быть судимым в этом? Но как Павел потребовал, чтобы он оставлен был на рассмотрение Августово, то я велел содержать его под стражею до тех пор, как пошлю его к кесарю. Агриппа же сказал Фесту: хотел бы и я послушать этого человека. Завтра же, отвечал тот, услышишь его" (ст. 13-22). Смотри, как опять иудеи осуждаются не Павлом, а правителем. "**Явились**", говорит, "**первосвященники и старейшины Иудейские, требуя осуждения его. Я отвечал им:**".Смотри, что отвечает он к их посрамлению: "**у Римлян нет обыкновения выдавать какого-нибудь человека на смерть**", т.е. прежде, нежели дано будет ему говорить в свою защиту, невозможно просто выдать его. А поступив по этому обычаю, он не нашел в нем вины; потому и пришел в недоумение, как видно из следующих слов: "**обвинители не представили ни одного из обвинений, какие я предполагал**". Так сказал он, желая прикрыть собственный грех. Он прикрывает себя, но Агриппа желает видеть самого (Павла). Смотри, как правители всегда уклонялись от вражды иудеев, часто бывали вынуждены поступать вопреки справедливости, и искали предлогов к промедлению; так Фест отложил дело не по неведению, а сознательно. Агриппа же не только не уклоняется, но и сам желает выслушать. Достойно удивления, откуда родилось у него желание видеть человека, хотя и несправедливо, однако обвиняемого? Так, и это было по устроению (Божию). Потому и жена его слушает вместе с ним и не отказывается от слушания; и притом слушает не просто, но и с великою честью. Так сильно было их желание; если бы он не желал, то и не стал бы слушать; не допустил бы и жену принять участие в слушании, если бы не высоко думал о Павле; и она, мне кажется, сама желала этого. Павел же, смотри, тотчас начинает говорить не только о вере и отпущении грехов, но и о том, что надобно делать. Но обратимся к вышесказанному. "**Теперь пойди**", говорит (Феликс), "**а когда найду время, позову тебя**". Смотри, какое ослепление. Слушая столь великое (учение), он надеялся взять с него деньги; и не только это тяжело, но и то, что после беседы с Павлом не отпустил его, но, видя конец своего правления, оставил его узником, чтобы угодить иудеям; следовательно любил не только деньги, но и славу. Как, преступный, ты ищешь денег от человека, проповедующего противное? А что он не получил их, видно из того, что оставил Павла связанным; получив их, разрешил бы его. Тот говорил о воздержании; а он от человека, рассуждавшего об этом, ожидал получить деньги. Требовать их не осмелился, – таков-то бывает порок: он боязлив и во всем подозрителен, – но ожидал. Не без причины он угождал (иудеям), как управлявший ими столь долгое время. Когда же вступил в управление Фест, "**явились к нему**", говорит (писатель), "**первосвященник и знатнейшие из Иудеев с жалобою на Павла**". Тотчас и в самом начале приступили к нему священники; они не поленились бы отправиться и в Кесарию, если бы он не успел взойти (в Иерусалим), где они, как только он прибыл, и являются. "**Пробыв же у них не больше восьми или десяти дней, возвратился в Кесарию**". Может быть, я думаю, он проживал у тех, которые хотели развратить его; а Павел находился в темнице. "**Прося**", говорит, "**чтобы он сделал милость, вызвал его в Иерусалим**". Просили, как милости; а для чего, если Павлу надлежало по справедливости умереть? Но злоумышление их и для него было так очевидно, что он сказал: "**которые из вас могут, пусть пойдут со мною, и если есть что-нибудь за этим человеком, пусть обвиняют его**". Словом: "**Убеждали его, прося**" выражает, что они просили у него этой милости и хотели, чтобы он произнес о нем приговор, боясь слова Павлова. Чего же вы боитесь? Чего опасаетесь? Ясно сказано,

"**содержится в Кесарии под стражею**"; следовательно может ли он убежать? "**И если есть что-нибудь за этим человеком**", говорит, "**пусть обвиняют его**". Затем обвинители опять в Кесарии, и Павел опять выводится. "**На другой день**", говорит (писатель), "**сев на судейское место**".

3. Смотри: возвратившись, тотчас же "**сев на судейское место**": так нетерпеливо они побуждали его, так спешили! А он, пока еще не знал иудеев и не испытал от них почестей, то отвечал справедливо; а когда побывал во Иерусалиме, то также стал угождать им, и не просто угождает, а делает это с обманом, – а как, послушай: "**хочешь ли**", говорит, "**идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом?**" Как бы так говорит: я не выдаю тебя им, но сам буду судиею. Говоря это, он делает господином дела (Павла), чтобы такою честью склонить его, так как, если бы он произнес приказание, то было бы бесстыдно отвести туда человека, который здесь ни в чем не обличен.

Павел не сказал: не хочу, – чтобы не раздражить судии; но смело говорит: "**я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму**". Великое дерзновение! И смотри, как он поражает их умозаключением; как бы так говорит в свое оправдание: они уже однажды изгнали меня и думают судить меня за то, будто я совершил преступление против кесаря; потому я хочу быть судимым от того, кто мною оскорблен. Сказав это, прибавляет: "**иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь**". Коснулся и его, угождавшего иудеям; коснувшись же этого, опять смягчает речь, присовокупляя: "**ибо, если я неправ и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть**". Я произношу, говорит, приговор против самого себя. Это – слова не самоубийства, но великого дерзновения; ведь и правда должна быть соединена с дерзновением, чтобы действовать сильнее. "**А если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им**". Если бы и захотел, говорит, не может. Не сказал: я не повинен смерти или достоин освобождения, но – готов судиться пред кесарем; при этом он вспомнил сновидение, и говорил тем с большим дерзновением. Не сказал: ты, но: "**никто**", присовокупив: "**требую суда кесарева**", чтобы не оскорбить его. "**Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься**". Видишь ли, как он угождает (иудеям)? Сноситься с обвинителями, – это угождение, это признак мнения развращенного и извращающего порядок (дела). Смотри, как суд (над Павлом) опять откладывается, и как коварство подает повод к проповеди. Так устрояется (Промыслом), что он прибыл в Иерусалим удобно и с охранною стражею, без злоумышленья от кого-либо. И подлинно; не все равно – прибыть просто, или прибыть по такому делу. Это и заставило иудеев собраться сюда. И в Иерусалиме он был долгое время, чтобы ты видел, что и в течение долгого времени злой умысел не мог ничего сделать ему, когда не попускал Бог. "**Через несколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли в Кесарию**". Этот Агриппа, он же и Ирод, мне кажется, был иной, и именно четвертый после того, который был при Иакове (Деян.12:1,2). Смотря, как сами враги невольно способствуют делу. Чтобы слушателей было больше, сам Агриппа пожелал слушать (Павла), и слушает не просто, но с пышностью. Смотри, каково оправдание (Павла), высказанное правителем: "**он сам потребовал суда у Августа: я не имею ничего верного написать о нем государю**". Так пишет Фест, и обнаруживается жестокость иудеев; а правителя, когда он говорит это, подозревать нельзя. Он говорит так, что и от него иудеи подвергаются осуждению. А когда все осудили их, тогда наказывает и Бог. Смотри: их осудил Лисий, осудил Феликс, осудил Фест, хотя и угождали им, осудил Агриппа, и даже что? Осудили их и фарисеи. А как он осудил, послушай из его слов: "**он не сделал ничего, достойного смерти**". Они и взносили, но не обличили; клевета и дерзость взносили на него подозрения, а исследование ничего не показало.

"**О каком-то**", говорит, "**Иисусе умершем**". Справедливо сказал: "**о каком-то**", как человек, хотя и бывший правителем, но не заботившийся об этом. По той же причине он сказал: "**нерассудительно послать узника и не показать обвинений на него**"; рассмотрение таких дел действительно превышало разум такого судии. Если же ты недоумеваешь, то для чего влечешь его в Иерусалим? Потому и Павел, не желая судиться у него, требует суда у кесаря и говорит: "**требую суда кесарева**". В этом именно обвиняли его. Слышишь ли, как переносится дело? Слышишь ли о злом умысле иудеев? Слышишь ли о возмущении?

4. Все это возбудило в Агриппе желание слышать (Павла). Фест доставляет ему это удовольствие, и Павел является еще более славным. Все это, как я сказал, произвели козни (иудеев). Если бы их не было, то никто из правителей не захотел бы слушать его, и никто не слушал бы с таким безмолвием и вниманием. Он, по-видимому, вразумляет и защищается, но вместе с тем и проповедует с великим достоинством. Не будем же считать козни чем-нибудь бедственным. Если мы не будем действовать сами против себя, то никто не в состоянии уловить нас в свои козни; или лучше, строить козни против нас могут, но не могут причинить нам вреда; напротив, даже принесут нам величайшую пользу, так как мы сами бываем виновниками, что терпим зло или не терпим. Да, я свидетельствую открыто и громче трубы возвещаю, и, если бы можно было, не отказался бы взойти на какое-нибудь возвышенное место и провозгласить, что христианину никто из людей живущих на земле не может вредить. Что я говорю: из людей? Не может и демон, мучитель, диавол, если (христианин) сам не причинит зла самому себе; и кто бы ни захотел причинить нам зло, напрасно будет стараться. Как ангелу, находящемуся на земле, никакой человек вредить не может, так и человек (такому) человеку. И сам он не может вредить другому, пока он добр. Что же может сравниться с таким человеком, который не может ни терпеть вреда, ни сам вредить другому? Последнее, т.е. чтобы не желать причинять вреда другому, не меньше первого. Это – как бы ангел и подобен Богу, потому что таков и Бог. Но Он таков по природе, а тот – по произволению. Итак, (христианин) не может ни терпеть вреда, ни вредить другому. Впрочем, слова: **не может** не принимай за бессилие (потому что бессилие означает противное этому), – я разумею здесь нерасположение. Он, по природе своей, бывает нерасположен ни терпеть вреда, ни делать зло другому; и последнее есть также вред. Мы вредим себе и тогда, когда делаем зло другому, и большая часть грехов наших происходит именно от того, что мы не желаем добра самим себе. Таким образом, христианин и потому не может терпеть вред, что не может вредить другому. А каким образом, причиняя вред другим, мы вредим самим себе, – объясним это частными примерами. Пусть кто-нибудь обижает другого, оскорбляет, лихоимствует. Кому он причинил вред? Не прежде ли всего – самому себе? Совершенно так; обиженный понес ущерб в деньгах, а обидевший – в душе, так как его душа подвергается погибели и наказанию. Опять пусть кто-нибудь ненавидит. Кому он сделал зло? Не самому ли себе? Таково, именно, свойство причиняемого зла, что оно прежде тяжко вредит тому, кто сделал его, а другому мало, или лучше – ни мало не вредит, а приносит пользу. Но я сказал нечто невероятное? Положим, например (а в этом преимущественно и все заключается), что какой-нибудь бедняк имеет мало денег и едва достает себе необходимую пищу; а другой богат, живет в изобилии и имеет великую силу; пусть последний возьмет имущество бедного, лишить его одежды и оставить в голоде, а сам за счет неправедно отнятого будет роскошествовать. Он не только не причинил вреда бедному, но и принес пользу; а себе не только не принес пользы, но и повредил. Как? Во-первых, он мучится за свое зло и ежедневно угрызается со-вестью и бывает осуждаем всеми, а затем на суде будущем. Так, скажешь, отсюда видно, что этот терпит вред; но скажи, как тот получает пользу? Он терпит зло и переносит его великодушно; а это есть великое приобретение; терпение зла заслуживает отпущения грехов, есть подвиг любомудрия, есть училище добродетели. Посмотрим же: кто из них во зле – тот или этот?

Тот, если он любомудр, переносит великодушно; а этот ежедневно мучится страхом и подозрением. Кто же получает вред – тот или этот? Это, басни, скажешь ты; у кого нечего есть, кто принужден скорбеть и бороться с бедствиями, или идет просить милостыни и не получает, тот не страдает ли душою и телом? Нет; ты говоришь басни, а я говорю дело. В самом деле, скажи мне, разве из богатых никто не скорбит? Что же? Бедность ли служит причиною этого? Но он не терпит голода? Что ж из этого? Тем хуже, что с ним случается это при богатстве. Богатство не делает великодушным, и бедность – малодушным; иначе никто из живущих богато не испытывал бы в жизни скорбей, и никто из бедных не проклинал бы своей бедности. А что сказанное вами – действительно басни, объясню следующим образом. Скажи мне: Павел в бедности ли жил или в богатстве? Терпел голод, или нет? Сам он говорит: "**в голоде и жажде**" (2Кор.11:27). Пророки терпели голод, или нет? И они терпели бедствия. Но, скажешь, ты опять представляешь мне Павла, опять пророков, десять или двадцать человек. Но кого же ты хочешь? Представь мне, говоришь, кого-нибудь из народа, кто бы мужественно переносил (бедствия). Но такие люди всегда редки, отличных немного. Если же хочешь, исследуем дело само по себе. Посмотрим, чьи заботы больше и мучительнее, и чьи легче? Не правда ли, что один заботится только о необходимой пище, а другой при множестве дел забывает (и о пище)? Богатый не боится голода, но боится за многое другое, часто за самое свое спасение. Бедный не может не заботиться о пище, но не имеет других забот, наслаждается безопасностью, спокойствием, бесстрашием.

5. С другой стороны, если оскорблять других не есть зло, а добро, то почему мы стыдимся? Почему скрываемся? Почему, будучи поносимы за это, негодуем и огорчаемся? Если быть оскорбляемому не есть добро, то почему мы делаем это известным, хвалимся и оправдываем себя? Хочешь ли видеть, чем последнее лучше первого? Посмотри на людей в том и в другом состоянии. Для чего законы? Для чего судилища? Для чего наказания? Не для первых ли, как бы больных и страждущих? Но, скажешь, это – великое удовольствие. Не будем говорить о будущем, посмотрим на настоящее. Что хуже человека, находящегося в таком подозрении? Что безнадежнее, что жалче его? Не в постоянном ли он волнении? Хотя бы он сделал что-нибудь и справедливое, ему не верят; все осуждают его за его притеснения; все живущие с ним – его обвинители; он не может наслаждаться дружбою; никто не решится быть другом человека, о котором идет такая молва, – чтобы и на себя не навлечь такого же мнения. От человека несправедливого все удаляются, как от зверя, как от губителя, врага, человекоубийцы, восстающего против природы. Если он подвергается суду, то не нужен против него обвинитель; вместо всякого обвинителя обвиняет его молва. Но не так бывает с человеком, претерпевающим оскорбления; напротив, все покровительствуют ему, сожалеют о нем, подают ему руку помощи; он находится в безопасности. Если оскорблять – дело доброе и безопасное, то пусть признается кто-нибудь, что он – оскорбитель. Если же не осмеливается на это, то почему продолжает (причинять оскорбления), как нечто доброе? Посмотрим, сколько зла происходит и в нас самих, когда бывает в нас нечто подобное. Если что-нибудь из находящегося в нас преступить свою меру на счет другого, если, напр., печень, не довольствуясь своим местом, захочет занять и чужое вместе с своим, то, скажи мне, не болезнь ли это? Опять, если влага, образующая находящиеся в нас соки, наполнит все тело, то не болезнь ли это водяная? Вместе с этим желчь должна распространиться, и кровь разлиться повсюду. И в душе гнев, пожелание и другое тому подобное, превышая меру, не причиняют ли вреда самому (человеку)? Так и пища, если будет принята в большем количестве, нежели какое может перевариться, то подвергает тело болезням. Да и откуда подагры? Откуда параличи и дрожание тела? Не от неумеренности ли в пище? Также, если бы глаз захотел принять более надлежащего, т.е. если бы захотел видеть более, нежели сколько ему назначено, или принять света более надлежащего, то этот избыток скорее повредил бы ему, нежели принес пользу. Если же,

тогда как свет есть добро, глаз, желая видеть больше и яснее, находит погибель, то подумай, что бывает со злом. Если слух воспримет громкий звук, то ум бывает поражен; если ум станет мыслить о предмете, превышающем его силы, то изумляется, а если будет усиливаться больше надлежащего, то совершенно теряется. Любостяжание в том и состоит, чтобы желать иметь больше надлежащего. Так бывает и с имуществом: когда мы хотим собрать его больше и больше, то, сами не замечая, питаем в себе дикого зверя; имея многое, нуждаемся во многом, навлекаем на себя бесчисленные заботы и представляем диаволу множество поводов. Потому над богатыми диаволу нет нужды много трудиться; богатство делает их совершенно готовыми к падению. Не так бывает с людьми, живущими в бедности, – совершенно напротив. Так (эти) вещи сами по себе пагубны. Потому увещеваю вас воздерживаться от таких пожеланий, чтобы избежать сетей лукавого и, возлюбив добродетель, сподобиться вечных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 52

"На другой день, когда Агриппа и Вереника пришли с великою пышностью и вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами, по приказанию Феста приведен был Павел" (Деян.25:23).

1. Смотри, какое общество собирается слушать Павла: "**знатнейшими**", говорит (писатель), "**гражданами**". Правитель и царь при- ходят со всеми оруженосцами, а с ними приходят и тысяченачальники и первые люди города, которых он и называет "**знатнейшими**". Потом приводится и Павел, и смотри, как Фест говорит о нем: не только представляет его невинным, но и защищает. Что же говорит он? "**И сказал Фест: царь Агриппа и все присутствующие с нами мужи! вы видите того, против которого всё множество Иудеев приступали ко мне в Иерусалиме и здесь и кричали, что ему не должно более жить. Но я нашел, что он не сделал ничего, достойного смерти; и как он сам потребовал суда у Августа, то я решился послать его к нему. Я не имею ничего верного написать о нем государю; посему привел его пред вас, и особенно пред тебя, царь Агриппа, дабы, по рассмотрении, было мне что написать. Ибо, мне кажется, нерассудительно послать узника и не показать обвинений на него**" (ст. 24-27). Смотри, как тех (иудеев) он обвиняет, а его оправдывает. Какое обилие оправданий! После многократного исследования правитель не находит, в чем обвинить его, а те говорили, что он достоин смерти. Потому он сказал: "**я нашел**", говорит, "**что он не сделал ничего, достойного смерти**"; и прибавляет: "**я не имею ничего верного написать о нем государю**". И это служит доказательством невинности Павла, что судия не имеет ничего сказать о нем. "**Посему**", говорит, "**привел его пред вас. Мне кажется, нерассудительно послать узника и не показать обвинений на него**". Смотри, в какое великое затруднение ставили иудеи своих правителей. Что же Агриппа? Желая узнать что-нибудь о деле, он "**сказал Павлу: позволяется тебе говорить за себя**" (Деян.26: 1). Царь повелевает ему говорить, сильно желая послушать его. Затем Павел с дерзновением начинает говорить и называет себя счастливым, не из лести, но потому, что говорит пред человеком, которому все известно; а что именно поэтому, послушай, что он говорит далее. "**Тогда Павел, простерши руку, стал говорить в свою защиту: царь Агриппа! почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи, тем более, что ты знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев. Посему прошу тебя выслушать меня великодушно**" (ст. 1-3). Если бы он сознавал что-нибудь за собою, то, конечно, пришел бы в страх, выходя на суд пред человека, которому известно все; но совесть его чиста, – потому он и не отрекается явиться пред судию, хорошо знающего дело, а еще радуется и считает себя счастливым.

Потом говорит: "**прошу тебя выслушать меня великодушно**". Так как он намеревался сказать речь продолжительную и говорить о себе, то предварительно высказывает эту просьбу и затем говорит: "**жизнь мою от юности моей, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи; они издавна знают обо мне, если захотят свидетельствовать, что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению**" (ст. 4, 5), т.е. как я мог сделаться возмутителем, будучи еще так молод и пользуясь свидетельством от всех? Далее подтверждает слова свои, указывая на свою секту: "**я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению**". И, так как опять иной мог бы сказать: хотя секта достойна уважения, но ты не хорош, – смотри, как он предупреждает такое возражение: призывает во свидетели всех иудеев, знающих его жизнь и обращение. "**И ныне я стою перед судом**", говорит, "**за надежду на обетование, данное от Бога нашим отцам, которого исполнение надеются увидеть наши двенадцать колен, усердно служа Богу день и ночь. За сию-то надежду, царь Агриппа, обвиняют меня Иудеи. Что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?**" (ст. 6-8). Он предлагает два доказательства воскресения: одно от пророков, хотя не приводит пророчества, а мнение об этом иудеев; другое, и сильнейшее, от дел. Какое же это? То, что с ним беседовал Христос, воскресший из мертвых. Последнее из доказательств подтверждает, рассказывая подробно о своем прежнем заблуждении; об иудеях же отзывается с похвалою: "**усердно служа Богу день и ночь**". Следовательно, (говорит), если бы я был и небезукоризненной жизни, то меня не следовало бы судить за это, царь Агриппа. Затем и еще доказательство: "**что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?**" Если бы (у иудеев) не было такого мнения, если бы они не были воспитаны в этих учениях и только теперь они были вводимы, то иной мог бы не принять этого учения. Далее говорит, как он гнал (христиан), – и это служит к подтверждению сказанного, – приводя во свидетели первосвященников и чужие города, и как он слышал слова: "**трудно тебе идти против рожна**" (ст. 14). Потом показывает человеколюбие Божие, как (Господь) явился ему, будучи гоним от него; и не меня только, говорит, облагодетельствовал, но послал меня учить и других.

2. Указывает и на пророчество, которое он слышал: "**ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя** " (ст. 16, 17). Указывая на все это, он сказал: "**правда, и я думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея. Это я и делал в Иерусалиме: получив власть от первосвященников, я многих святых заключал в темницы, и, когда убивали их, я подавал на то голос; и по всем синагогам я многократно мучил их и принуждал хулить Иисуса и, в чрезмерной против них ярости, преследовал даже и в чужих городах. Для сего, идя в Дамаск со властью и поручением от первосвященников, среди дня на дороге я увидел, государь, с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною. Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна. Я сказал: кто Ты, Господи? Он сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными**" (ст. 9-18). Смотри, как кротко он беседует; Бог, говорит, сказал мне: "**ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя открыть**

глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов". Как бы так говорит: этим я убедился, этим явлением. Он обратил меня и убедил так, что я не мог противиться. "**Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному видению, но сперва жителям Дамаска и Иерусалима, потом всей земле Иудейской и язычникам проповедывал, чтобы они покаялись и обратились к Богу, делая дела, достойные покаяния**" (ст. 19, 20). Если же я и других учу добродетельной жизни, то как, говорит, сам могу быть виновником возмущения и смятения? "**За это схватили меня Иудеи в храме и покушались растерзать. Но, получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, то есть что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам**" (ст. 21-23). Смотри, как речь его чужда лести и как он все приписывает Богу; потом, сколько дерзновения: "**я до сего дня стою**", и твердости: "**свидетельствуя**" пророками, "**что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам**". Как бы так сказал: "**Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает**" (Рим.6:9), как видно из того, что он всем проповедует это и что они сами с готовностью внимают. Потом Фест, видя, с каким дерзновением он говорит царю, а не обращается к нему, как бы потерпев какую-нибудь обиду, сказал: "**безумствуешь ты, Павел**"? Что он, обидевшись, сказал это, послушай следующее: "**когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия**" (ст. 24). Что же Павел? Он кротко отвечает: "**нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла**" (ст. 25). Потом объясняет причину, почему он обращал свою речь к царю. "**Ибо знает об этом царь, перед которым и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего скрыто; ибо это не в углу происходило. Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь**" (ст. 26, 27). Этими словами он как бы укоряет (иудеев) и говорит им: знаю, что он все знает хорошо, между тем как вам первым следовало бы знать это, – что и выражает замечание: "**ибо это не в углу происходило**", – но вы не хотели. "**Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь. Агриппа сказал Павлу: ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином. Павел сказал: молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз**" (ст. 28, 29). Смотри, как он молится: "**молил бы я Бога**", говорит, "**Бога**" не "**мало**", т.е. чтобы не было этого "**мало**"; не просто молится, но усильно: "**не только ты**", говорит, "**но и все**", не тебе только, но и всем, "**сделались такими, как я**". Потом прибавляет: "**кроме этих уз**"; сказал так не потому, что он тяготился узами или стыдился их (напротив, он вменял их себе в славу не менее, чем что-либо другое), но применительно к их понятию; поэтому он прибавил: "**кроме этих уз**". Но обратимся к вышепрочитанному. "**На другой день**", говорит (писатель), "**когда Агриппа и Вереника пришли с великою пышностью и вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами, по приказанию Феста приведен был Павел**". Иудеи отступили от него, когда он перенес дело (на суд кесаря), и тогда представляется ему блистательное зрелище: царь с великою пышностью и множество иудеев присутствовали здесь, присутствовали и те и другие. "**Всё множество Иудеев**", говорил (Фест), "**приступали ко мне в Иерусалиме и здесь и кричали, что ему не должно более жить**".

3. Посмотри на их неистовство: они кричали, что ему должно умереть. Отсюда видно, что Павел справедливо перенес дело к кесарю. Если и тогда, как нельзя было сказать против него ничего предосудительного, иудеи неистовствовали, то следовало обратиться к нему. "**Я не имею ничего верного написать о нем государю**", говорит (Фест). Видишь ли, как много раз дело подвергается исследованию? Иудеи были виновниками этого оправдания,

которое должно было сделаться известным и находящимся в Риме. "**Царь Агриппа! почитаю себя счастливым**", говорит (Павел), "**что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи**". Смотри, как они делаются невольными проповедниками и собственной злобы и Павловой добродетели, и притом пред самим царем. Теперь Павел отправлялся (в Рим) славнее, нежели если бы был свободен от уз. После того, как столько судей признали его невинным, он отправлялся уже не как обманщик и кудесник. Таким образом, раскрыв все, где он родился и как воспитан, он отправляется в Рим не просто, но уже чистым от всякого подозрения. Не говорил он: что это? – я уже перенес дело к кесарю, и меня столько раз судят; доколе это будет? Но что? Он опять был готов дать ответ и пред тем, кто наилучшим образом знал дела иудеев. Он защищается теперь с большим дерзновением, так как судьи его не были властны над ним; впрочем, хотя они не были властны над ним и прежнее решение: "**к кесарю и отправишься**" оставалось в своей силе, но он дает ответ и подробное объяснение на все, а не так, чтобы на одно отвечал, на другое же, нет. А в ответе своем он как бы так говорит: меня обвиняют в возмущении, обвиняют в ереси и в том, будто я осквернил храм; я могу оправдаться во всем; мою жизнь от юности знают все иудеи; не в моих нравах – производить возмущения; свидетели этому – сами обвинители. Что прежде говорил он: "**ревнителем отеческих моих преданий**" (Деян.22:3; Гал.1:14), на тоже указывает и здесь словами: "**от юности моей**". Когда присутствовал весь народ, тогда он и призывает их в свидетели. Так он поступает не только на суде у Лисия, но и у Феста, и здесь, где находилось еще более народа; только там не было надобности в продолжительном оправдании, потому что послание Лисия освобождало его от этого. "**Знают**", говорит, "**все Иудеи; они издавна знают обо мне**". Не говорит, какова его жизнь, но предоставляет это их совести, и только указывает на секту, выражая, что он не избрал бы ее, если бы был предан порокам и нечестию. Итак "**жил фарисеем**", говорит, "**стою перед судом**". Она уважается и у них, по ней они молятся и просят Бога, чтобы надежды на нее исполнились; эту надежду и я возвещаю и за нее меня обвиняют. Не безумно ли всячески стараться, чтобы она исполнилась, и гнать того, кто в нее верует? Я и сам, говорит, "**думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея**", т.е., думал поступать так потому, что был не из числа учеников Христовых, но из врагов Его. Тем достовернее этот свидетель, который употреблял тысячи средств против верующих, внушал злословить их, вооружал (против них) все, – и города и начальников, – и сам делая это, так внезапно переменился. Потом опять свидетели - спутники его. Далее он показывает себя справедливо уверовавшим, что доказывается и явлением света, и пророками, и событиями, и тем, что теперь происходит. "**Среди дня на дороге я увидел**", говорит, "**с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною**". Видишь, как он убеждает их и пророками и самыми событиями. Не желал показаться нововводителем, и между тем имея сказать нечто великое, он опять обращается к пророкам и приводит их предсказания. Хотя события были достовернее, как ныне происходившие, но так как он один видел их, то опять ссылается на пророков. И смотри: он не одинаково говорит в собрании (иудеев) и в судилище; там он говорил: "**вы убили**" (Христа, Деян.13:28); а здесь ничего такого не говорит, чтобы еще более не воспламенить гнева их, но указывает на тоже самое словами: "**Христос имел пострадать**"; так он не касается вины их! То, что я возвещаю, говорит, т.е., что Христос первый восстал из мертвых, подтверждаю пророками: и пророки возвещают это. Потому примите это учение, как согласное с пророческим. Сказав о видении, он далее безбоязненно говорит и о делах, О каких? "**Открыть глаза им**", говорит, "**чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу**". "**Ибо Я для того и явился тебе**", т.е. не для того, чтобы наказать тебя, но чтобы сделать апостолом.

Смотри, он указывает на то зло, которое обдержит неверующих: на сатану и мрак, и на блага верующих, которые суть: свет, Бог, наследие святых. Увещевает не просто

покаяться, но и показать жизнь достойную удивления. И, смотри, везде в речи он упоминает о язычниках, потому что между присутствующими были язычники. "**Свидетельствуя**", говорит, "**малому и великому**", т.е. и знатному и незнатному. Это он сказал в отношении к воинам. Здесь оставив оправдание, он принимает на себя дело учителя. Потому Фест и сказал ему: "**безумствуешь**". Но, чтобы показать, что не он сам учит, указывает на пророков, на Моисея: "**что Христос**", говорит, "**имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам**". На это "**Фест громким голосом сказал**". Так, это был голос негодования и гнева.

4. Что же Павел? "**Нет**", говорит, "**ибо это не в углу происходило**". Здесь он говорит о кресте, о воскресении, говорит, что это учение известно по всей вселенной. "**Веришь ли, царь Агриппа**", – не сказал: воскресению, но: "**пророкам?**" И предупреждая его, продолжает: "**знаю, что веришь**". Агриппа же отвечает ему: "**ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином**". По недоразумению, слово: скоро (ενολίψ) Павел принял за слово: "**немного не**" ('εξολίγου); потому отвечает и на это; так он был прямодушен! Он не сказал: я не хочу этого, но: "**молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все**", – так слова его чужды лести! – "**молил бы я Бога, чтобы слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз**". Смотри: тот, кто хвалился узами и выставлял их, как золотую цепь, теперь молится, чтобы не было их. Но не удивляйся этому: слушатели были еще весьма слабы, и речь его была применительна к ним. А что он ценил узы высоко, послушай, как он везде в посланиях ставит их выше всего прочего. Так он говорит: "**я, Павел, сделался узником Иисуса Христа**" (Еф.3:1); и еще: "**обложен я этими узами, но для слова Божия нет уз**" (Деян.28:20; 2Тим.2:9); и еще: "**даже до уз, как злодей**" (2Тим. 2:9). Смотри: не только "**до уз**", говорит, но и прибавляет: "**как злодей**", возвышая этим славу уз. Сугубое страдание, и оттого, что был связан, и оттого, что – как злодей! Если бы он был связан за доброе дело, то это доставляло бы некоторое утешение; а теперь связан, как злодей и как уличенный в тяжких преступлениях; но, не смотря на то, он нисколько не заботился об этом. Такова душа, окрыленная небесною любовью! Если питающие в себе постыдную любовь не считают ничего важным и ценным, но у них признается славным и ценным только то, что служит к удовлетворению их страсти, и предмет их любви составляет для них все, то тем более объятые этою любовью ничего не считают ценнее. Не удивительно, если мы не понимаем этих слов: мы так еще неопытны в любомудрии! Подлинно, кто объят огнем Христовым, тот делается таким, каким был бы человек, если бы он жил один только на земле: так мало он заботится о славе и бесславии! Как человек, живущий один только на земле, не заботился бы ни о чем, так и он не заботится ни о чем. Искушения, наказания, узы он презирает так, как бы претерпевал их в чужом теле, или как бы имел тело адамантовое; а удовольствиям жизни посмевается и бывает так к ним нечувствителен, как мы к телам мертвых, или сами будучи мертвыми. Он так далек от того, чтобы предаться какой-нибудь страсти, как очищенное огнем золото бывает непричастно грязи: как мухи отлетают от огня, чтобы не попасть в него, так и к нему страсти не смеют даже и приблизиться. Хотел бы я привести на это примеры из среды нас самих; но так как мы не в состоянии представить их, то необходимо обратиться к тому же Павлу. Смотри, каков он был в отношении ко всему миру. "**Для меня мир распят**", говорит он, "**и я для мира**" (Гал.6:14), т.е. я мертв для мира, и он мертв для меня. И еще: "**и уже не я живу, но живет во мне Христос**" (Гал.2:20). Это мог сказать один только Павел; а мы, которые отстоим от него, как земля от неба, должны сокрыться, не смеем и открыть уст своих. Послушай, как он говорит, что он жил как бы в пустыне и так смотрел на все настоящее: "**мы смотрим не на видимое, но на невидимое**" (2Кор.4:18). Что ты говоришь? Не бывает ли на деле противное тому, что ты говоришь? Ведь мы не видим невидимого, а видимое видим. Но у тебя были очи, даруемые Христом. Как наши видят только видимое, а невидимого не видят, так те напротив. Кто видит невидимое, тот не смотрит на видимое; а кто смотрит на

видимое, тот не видит невидимого. Не бывает ли нечто подобное и у нас? Так, когда мы, сосредоточив ум, размышляем о чем-нибудь невидимом, тогда глаза наши бывают выше внешних впечатлений. Будем же презирать славу; пожелаем лучше, чтобы над нами смеялись, нежели хвалили нас. Тот, над кем смеются, не терпит никакого зла; а кого хвалят, тот терпит великий вред. Не будем высоко думать о тех, которые наводят на людей страх, но будем поступать в данном случае, как с детьми. Когда мы видим, что кто-нибудь стращает детей, мы нисколько не удивляемся ему. Он устрашаеттолько детей, а никакого мужа устрашить не может. И как устрашающие детей делают это, или поднимая вверх брови, или как-нибудь иначе извращая лицо, а сохраняя взгляд обыкновенный и кроткий, не могли бы сделать этого, – так и те совершают свое действие, извращая мысленную часть души своей. Человека кроткого и доброго душою не страшится никто; напротив, все мы уважаем его, почитаем и любим. А кто наводит на других страх, тот не видите ли, как бывает ненавистен и отвратителен для всех нас? Не отвращаемся ли мы всего, что только может устрашать нас, будут ли это звери, звуки, взгляды, места, воздух или тьма?

5. Не будем же превозноситься, если люди боятся нас. Во-первых, ни один муж бояться нас не будет; а во-вторых, не великое дело, если и боятся нас. Великое благо – добродетель; и смотри, насколько великое. Обстоятельства, среди которых она приобретается, мы почитаем бедствиями, а ей самой удивляемся и ублажаем ее. И кто не будет ублажать человека любомудрого, хотя бедность и тому подобное почитаются бедствиями? Если же (добродетель) сияет, среди того, что почитается бедствием, то смотри на ее превосходство. Человек, ты превозносишься властью? Но какая власть, скажи мне, дана тебе? От людей ты получил власть; доставь же себе власть внутренне, в самом себе. Начальник не тот, кто так называется, а кто таков на самом деле. Как врачом или ритором не может сделать и царь, так и начальником, потому что не грамота и не название делают человека начальником. Пусть, если угодно, кто-нибудь построит лечебницу, соберет учеников, приобретет и инструменты и лекарства, и будет посещать больных: достаточно ли этого, чтоб быть врачом? Нет; нужно еще искусство, а без него все это не только не приносит никакой пользы, но приносит даже вред. Кто сам не врач, тому лучше и не иметь у себя лекарств, так как кто не имеет их, тот не может ни излечить, ни повредить; а кто имеет, но не умеет пользоваться ими, тот может повредить. Лечение зависит не только от свойства лекарств, но и от искусства, предписывающего их: когда нет его, тогда все извращено. Так и начальник; положим, что он имеет инструменты, т.е. голос, гнев, палачей, ссылки, почести, подарки, похвалы, имеет лекарства – законы, имеет больных – людей (слуг), имеет мастерскую – судилище, имеет учеников – воинов; но если он не знает науки врачевания, то все это не принесет никакой пользы. Судья есть врач душ, а не тел; если же врачевание тела требует такого попечения, то тем более врачевание души, потому что душа важнее тела. Таким образом, носить имя начальника еще не значит быть начальником. Некоторые называются великими именами, как-то: Павлом, Петром, Иаковом, Иоанном; но от этих имен они не делаются тем, чем называются; например, я сам: я ношу одно имя с тем блаженным (апостолом), но я не тоже, что он; я не Иоанн, а только называюсь так. Так и те – не начальники, а только называются так. Бывают начальники и без этого названия, подобно как врач, хотя бы и не прилагал к делу своего искусства, а имел его в душе, есть врач. Начальники – те, которые умеют управлять сами собою. К душе имеют отношение следующие три предмета: дом, город и вселенная; во всем есть постепенность. Кто хочет быть начальником дома и хорошо управлять им, тот прежде всего должен устроить свою собственную душу, потому что она – ближайший его дом. Если же он не в состоянии управлять самим собою, там, где одна душа, где сам он господин, где он всегда сам у себя, то как он будет управлять другими? Кто мог устроить свою душу и одно в ней сделать господствующим, а другое подчиненным, тот будет в состоянии управлять и домом; кто домом, тот и городом, а кто городом, тот и

вселенной. Если же кто не в состоянии управлять своею душою, то как он может править вселенной? Все это сказано мною для того, чтобы мы не превозносились властью, чтобы знали, что такое власть. Иначе это не власть, а посмешище, рабство, и тысячами других подобных наименований можно бы назвать это. Скажи мне, в самом деле, что свойственно начальнику? Не приносит ли пользу и благодетельствовать подчиненным? Что же, если этого не будет? Как может принести другим пользу тот, кто не сделал добра самому себе? У кого в душе господствуют бесчисленные страсти, тот как обуздает их в других? Точно также и наслаждение не в том состоит (в чем обыкновенно полагают), но в другом. Как начальником оказывается не тот (кто так называется), а другой, так и наслаждающийся – не тот, кто предается наслаждениям, а некто другой. Думают, будто наслаждение состоит в том, чтобы предаваться удовольствиям и угождать чреву; но не в этом оно состоит, а, напротив, в том, чтобы иметь удивительную душу и быть довольным. Пусть кто-нибудь ест, пьет, роскошествует, а потом испытывает уныние и скорбь: можно ли сказать, что он наслаждается? Следовательно, наслаждение состоит не в том, чтобы есть и пить, но в том, чтобы чувствовать довольство. Пусть другой кто-нибудь не имеет ничего, кроме сухого хлеба, но питается им с радостью: не удовольствие ли это, и, следовательно, не наслаждение ли? Посмотрим же, кому оно доступно – богатым, или небогатым? Ни тем прямо, ни другим; но тем, которые так устроят свою душу, чтобы не иметь поводов к недовольству. Какая же это жизнь, может быть, спросит кто-нибудь? Вижу, как все вы обратили внимание и желаете услышать, что это за жизнь, свободная от неудовольствий? Пусть же прежде всего каждый из вас убедится, что в том состоит удовольствие, в том наслаждение, когда недовольство не возмущает меня, когда оно не требует от меня ни мяса, ни вина, ни изысканных яств, ни шелковых одежд, ни роскошного стола. Но если я покажу таковую жизнь, чуждую всего этого, то возлюби это удовольствие, такую жизнь. Подлинно, множество скорбей происходит у нас оттого, что мы не рассуждаем об этом, как должно. Кто же более имеет скорбей – тот ли, кто не заботится ни о чем подобном, или кто заботится? Кто боится случайных перемен, или кто не боится? Кто в опасности от зависти, ненависти, клеветы, вражды, недоброжелательства, или кто свободен от всего этого? Кто нуждается во многом, или кто не нуждается ни в чем? Кто раболепствует тысячам, или кто – никому? Кто подчиняется тысячам, или кто независим? Кто боится одного господина, или кто – бесчисленного их множества? Итак, вот в чем состоит высшее удовольствие. Будем же стремиться к этому и не будем пристрастны к благам настоящим; будем презирать все суетное величие настоящей жизни и во всем соблюдать умеренность, чтобы нам беспечально провести эту жизнь и сподобиться обетованных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 53

"Когда он сказал это, царь и правитель, Вереника и сидевшие с ними встали; и, отойдя в сторону, говорили между собою, что этот человек ничего, достойного смерти или уз, не делает. И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря. Посему и решился правитель послать его к кесарю" (Деян.26:30-32).

1. Смотри, какой приговор опять произносят. И после того, как было сказано: "**безумствуешь ты**", признают его свободным не только от смерти, но и от уз, и совершенно отпустили бы его, если бы он не потребовал суда у кесаря. Но это случилось по смотрению (Божию), и не только это, но и то, что он отправился в узах. Потому он и сказал: "**даже до уз, как злодей**" (2Тим.2:9). Если Господь его "**и к злодеям причтен**" (Мк.15:28), то тем более мог он; и как Господь не сделался оттого причастным их бесчестию, так и он: то и кажется удивительным, что, приобщившись им, не потерпел от

них никакого вреда. "**Когда решено было плыть нам в Италию, то отдали Павла и некоторых других узников сотнику Августова полка, именем Юлию. Мы взошли на Адрамитский корабль и отправились, намереваясь плыть около Асийских мест. С нами был Аристарх, Македонянин из Фессалоники. На другой день пристали к Сидону. Юлий, поступая с Павлом человеколюбиво, позволил ему сходить к друзьям и воспользоваться их усердием**" (Деян.27:1-3). Смотри, до какого места Аристарх сопровождает Павла. Ко благу и к пользе случился здесь Аристарх; он мог рассказать обо всем в Македонии. "**Юлий, поступая с Павлом человеколюбиво, позволил ему сходить к друзьям и воспользоваться их усердием. Отправившись оттуда, мы приплыли в Кипр, по причине противных ветров**" (ст. 3, 4). "**Юлий**", говорит, "**поступая с Павлом человеколюбиво**". Хорошо он поступает, дозволяя (Павлу) сходить к знакомым и получить пособие; вероятно, (Павел) нуждался в этом после многих бедствий от уз, от страха, от беспрестанной перемены мест. Смотри, как (писатель) не скрывает и того, что он желал получить пособие. Затем опять искушения, опять противные ветры. Смотри, так всегда бывает в жизни святых: избавились из судилища, и подвергаются кораблекрушению и буре. Указывая на это, (писатель) продолжает: "**и, переплыв море против Киликии и Памфилии, прибыли в Миры Ликийские. Там сотник нашел Александрийский корабль, плывущий в Италию, и посадил нас на него**" (ст. 5, 6). "**Нашел**", говорит, "**Александрийский корабль**". Хорошо это случилось, так что одни могли уведомить о Павле в Азии, а другие в Ликии. Смотри, как Бог не творит здесь ничего особенного и ничего не изменяет, попускает плыть при ветрах противных, но и чрез это совершает чудо. А чтобы они плыли безопасно, Он не попустил им выйти в море, но они постоянно держались берегов. "**Медленно плавая многие дни и едва поравнявшись с Книдом, по причине неблагоприятного нам ветра, мы подплыли к Криту при Салмоне. Пробравшись же с трудом мимо него, прибыли к одному месту, называемому Хорошие Пристани, близ которого был город Ласея. Но как прошло довольно времени, и плавание было уже опасно, потому что и пост уже прошел, то Павел советовал, говоря им: мужи! я вижу, что плавание будет с затруднениями и с большим вредом не только для груза и корабля, но и для нашей жизни. Но сотник более доверял кормчему и начальнику корабля, нежели словам Павла**" (ст. 7-11). О посте говорится здесь, я думаю, иудейском. Ведь они отплыли спустя долгое время после пятидесятницы, и потому к Криту могли прибыть около самой зимы. Не маловажное чудо, что ради Павла были спасены и прочие. "**Мужи!**", говорит, "**я вижу, что плавание будет с затруднениями и с большим вредом не только для груза и корабля, но и для нашей жизни**". Таким образом Павел приказывал им остановиться и предсказывал будущее; но они, спеша и видя неудобство местности, хотели перезимовать в Финикии.

2. И смотри домостроительство: сначала они пустили корабль и отплыли; потом, когда поднялся ветер, предались его течению и едва спаслись. "**А как пристань не была приспособлена к зимовке, то многие давали совет отправиться оттуда, чтобы, если можно, дойти до Финика, пристани Критской, лежащей против юго-западного и северо-западного ветра, и там перезимовать. Подул южный ветер, и они, подумав, что уже получили желаемое, отправились, и поплыли поблизости Крита. Но скоро поднялся против него ветер бурный, называемый эвроклидон. Корабль схватило так, что он не мог противиться ветру, и мы носились, отдавшись волнам. И, набежав**

на один островок, называемый Клавдой, мы едва могли удержать лодку. Подняв ее, стали употреблять пособия и обвязывать корабль; боясь же, чтобы не сесть на мель, спустили парус и таким образом носились. На другой день, по причине сильного обуревания, начали выбрасывать груз, а на третий мы своими руками побросали с корабля вещи. Но как многие дни не видно было ни солнца, ни звезд и продолжалась немалая буря, то наконец исчезала всякая надежда к нашему спасению. И как долго

не ели, то Павел, став посреди них, сказал: мужи! надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда" (ст. 12-21). Смотри, после такой бури, он беседует с ними не для того, чтобы упрекнуть их, но, желая, чтобы они хотя на будущее время верили ему. Потому случившееся он приводит во свидетельство истины того, что намеревается сказать. Предсказывает два обстоятельства: то, что они должны будут выйти на остров, и то, что корабль погибнет, а плывущие на нем спасутся (это было не предположение, а пророчество), и что ему надлежало предстать пред кесарем. Слова: "**Бог даровал тебе всех**" сказал он не из тщеславия, но, желая обратить плывших, сказал не для того, чтобы они благодарили его, но чтобы верили словам его. "**Бог даровал тебе всех**" было сказано Павлу; этим выражается как бы следующее: они достойны смерти, потому что ослушались; но только по твоей милости происходит это. "**И как долго не ели, то Павел**", говорит (писатель), "**став посреди них, сказал: мужи! надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда. Теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль. Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь и сказал: "не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою". Посему ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано. Нам должно быть выброшенными на какой-нибудь остров. В четырнадцатую ночь, как мы носимы были в Адриатическом море, около полуночи корабельщики стали догадываться, что приближаются к какой-то земле, и, вымерив глубину, нашли двадцать сажен; потом на небольшом расстоянии, вымерив опять, нашли пятнадцать сажен. Опасаясь, чтобы не попасть на каменистые места, бросили с кормы четыре якоря, и ожидали дня. Когда же корабельщики хотели бежать с корабля и спускали на море лодку, делая вид, будто хотят бросить якоря с носа, Павел сказал сотнику и воинам: если они не останутся на корабле, то вы не можете спастись. Тогда воины отсекли веревки у лодки, и она упала**" (ст. 21-32). Здесь (писатель) показывает, что корабельщики хотели бежать, не веря сказанному; но сотник с воинами верил; потому Павел и говорит ему: если они убегут, то "**вы не можете спастись**", – говорит для того, чтобы удержать их, чтобы предсказание не осталось тщетным. Смотри, как Павел научает их любомудрию, как бы в Церкви, и спасает среди самих опасностей. По смотрению (Божию) они сначала не верили Павлу, чтобы самые события научили их верить, – что и случилось. Затем он убеждает их принять пищу, и они соглашаются; сам принимает первый, внушая не только словом, но и делом, что буря нисколько не повредила им, но еще принесла пользу душам их. "**Перед наступлением дня Павел уговаривал всех принять пищу, говоря: сегодня четырнадцатый день, как вы, в ожидании, остаетесь без пищи, не вкушая ничего. Потому прошу вас принять пищу: это послужит к сохранению вашей жизни; ибо ни у кого из вас не пропадет волос с головы. Сказав это и взяв хлеб, он возблагодарил Бога перед всеми и, разломив, начал есть. Тогда все ободрились и также приняли пищу. Было же всех нас на корабле двести семьдесят шесть душ. Насытившись же пищею, стали облегчать корабль, выкидывая пшеницу в море. Когда настал день, земли не узнавали, а усмотрели только некоторый залив, имеющий отлогий берег, к которому и решились, если можно, пристать с кораблем. И, подняв якоря, пошли по морю и, развязав рули и подняв малый парус по ветру, держали к берегу. Попали на косу, и корабль сел на мель. Нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн**" (ст. 33-41).

3. Опять диавол покушается воспрепятствовать исполнению пророчества: воины хотели убить некоторых, но сотник удержал их, чтобы спасти Павла: так он был уже привязан к нему! "**Воины согласились было умертвить узников, чтобы кто-нибудь, выплыв, не убежал. Но сотник, желая спасти Павла, удержал их от сего намерения, и велел умеющим плавать первым броситься и выйти на землю, прочим же спасаться кому**

на досках, а кому на чем-нибудь от корабля; и таким образом все спаслись на землю" (ст. 42-44). "**Спасшись же, бывшие с Павлом узнали, что остров называется Мелит**" (Деян.28:1). Видишь ли, какое благо произошло от бури? Следовательно, буря была не вследствие оставления (Божия). Но как, скажут, они переносили ее без пищи, ничего не вкушая? Страх овладел ими и не давал им чувствовать потребности в пище, так как они находились в крайней опасности. Случившееся произошло от времени года; но здесь тем большее чудо, что в такое время спаслись от грозившей опасности как сам (Павел), так чрез него и прочие. "**Подняв малый парус по ветру**". Это сказал (писатель), желая показать силу бури, которую они испытали, потому что часто делается не так. Они спустили ветрило, то есть, паруса (это делают тогда, когда бывает сильный ветер) для того, чтобы уменьшить напор ветра. Они потерпели бурю в Адриатическом море, где спастись трудно. "**Было же всех нас на корабле двести семьдесят шесть душ**". Откуда было известно, что плыло столько человек? Вероятно, их расспрашивали, зачем кто плывет, и узнали все. Они не ели ничего, потому что им было не до пищи среди столь великой опасности. И смотри, как для Павла не были бесплодны ни медленность, ни бедствия плавания: он сделал это время временем учения; а не маловажное дело, если все эти (люди) уверовали. Но обратимся к вышесказанному. "**Но как прошло довольно времени, и плавание было уже опасно, потому что и пост уже прошел, то Павел советовал, говоря им: мужи! я вижу, что плавание будет с затруднениями и с большим вредом не только для груза и корабля, но и для нашей жизни**". Смотри, как он чужд гордости. Чтобы не заметно было, что он пророчествует, а как бы говорит по предположению, сказал: "**вижу**"; они не поверили бы (пророчеству), если бы он прямо высказал его. И прежде, нежели стал пророчествовать, говорит: Бог, "**Которому служу**", – чтобы приготовить их. Неужели же душам надлежало погибнуть? Погибли бы, если бы не спас Бог. По естественному порядку вещей они могли погибнуть, но Бог не попустил этого. "**Но сотник**", говорит (писатель), "**более доверял кормчему и начальнику корабля, нежели словам Павла**". Чтобы очевидно было, что (Павел) говорил не по предположению, кормчий, опытный в деле, говорит противное; следовательно, слова (Павловы) были сказаны не по предположению. "**А как пристань не была приспособлена**". Смотри, и местность показывает, что он говорил не по предположению: она была неудобна; скорее те говорили по предположению, которые советовали плыть далее; но никакой пользы оттого не произошло; напротив, они подверглись буре и выбросили груз корабля. На это и указывает (писатель), прибавляя: "**боясь же, чтобы не сесть на мель, спустили парус**". Все это попускается для того, чтобы после они не оставались в неверии: поднимается сильная буря, делается великая темнота, а для спасения от погибели выбрасывается и пшеница и все; это именно означают слова: "**боясь же, чтобы не сесть на мель, спустили парус. Надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда**". Видишь ли, как много содействовали внушению его и буря и темнота? И смотри, как послушен делается сотник: он отсекает лодку и бросает ее. А что корабельщики еще не верили, но поверили только после, не удивляйся этому; они – народ грубый и нескорый на послушание. Заметь, как и здесь мудро действует Павел; он не укоряет их и не раздражается, но говорит кротко: "**надлежало послушаться**". Он знал, что кто укоряет во время самого бедствия, того не скоро послушают, а когда большая часть бедствия пройдет, тогда скорее послушают. Потому он начинает опять говорить, когда исчезла всякая надежда на спасение; тогда он и предсказывает доброе. "**В четырнадцатую ночь**", говорит (писатель), "**опасаясь… ожидали дня**". Чтобы кто не сказал, что ничего такого не было, он прибавил эти слова, показывая, что все это было. И страх их доказывает, что это было: молились, говорит, ожидали дня, опасаясь. И место было опасное: это случилось в Адриатическом море; и продолжительный был голод: "**сегодня четырнадцатый день, как вы, в ожидании, остаетесь без пищи, не вкушая ничего**". Из всего видно, что они были при смерти. Потому он и продолжает: "**прошу вас принять пищу: это послужит к**

сохранению вашей жизни", т.е. чтобы вам не умереть с голода, примите пищу. "**И взяв хлеб**", говорит (писатель), "**он возблагодарил Бога**".

4. Смотри, как благодарность, возданная им (Богу) за случившееся, не только укрепила их, но и ободрила. "**Было же всех нас на корабле**", говорит, "**двести семьдесят шесть душ**". О них и сказал Павел: "**ни одна душа из вас не погибнет**". Нужно было иметь совершенную уверенность, чтобы сказать, что они спасутся. "**Насытившись же пищею, стали облегчать корабль, выкидывая пшеницу в море**". Видишь ли: их убеждали только принять пищу, а они во всем так положились на Павла, что выбросили и пшеницу? Впрочем, принимают и человеческие меры (к спасению), и Павел не препятствует тому. "**Когда настал день**", говорит (писатель), "**развязав рули и подняв малый парус по ветру, держали к берегу**". Корабль разрушается днем, чтобы они не умерли от страха, чтобы и ты видел исполнение пророчества. "**Воины согласились было умертвить узников**". Видишь ли, как и за это они обязаны благодарностью Павлу. Для него сотник не позволил им умертвить узников. Мне кажется, что здесь были отъявленные злодеи, если (воины) намеревались умертвить их; но так как они были удержаны от исполнения намерения, то этого и не случилось, но одни из них поплыли, другие понеслись на досках, и таким образом все спаслись и пророчество исполнилось, хотя и не чрезвычайное по времени, потому что Павел предсказал это не за несколько лет прежде, но при самом естественном ходе вещей. Когда уже не оставалось никакой надежды, тогда, получив спасение, они и узнали, кто был Павел. Но, скажет кто-нибудь, почему не был спасен и корабль? Чтобы они знали, какой избежали опасности, и как все это было делом не человеческой помощи, но десницы Божией, спасающей и без корабля. Так праведники, хотя бы подвергались буре, хотя бы находились среди моря или пучины, не терпят никакого бедствия, но спасают вместе с собою и других. Если с корабля, бывшего в опасности и потерпевшего крушение, узники спаслись чрез Павла, то представь, что значит иметь святого мужа в своем доме. Много бурь постигает и нас, и притом гораздо более жестоких, нежели те (на море); но и нас Бог может спасти, если только мы будем слушаться святых, как те (спутники Павла), если будем делать то, что они повелевают. И те спаслись не просто, но когда привнесли свою веру. Святой, хотя бы был узником, совершает более, чем не узники. И смотри, что здесь случилось: несвязанный сотник имел нужду в связанном (Павле); искусный кормчий получил помощь от некормчего, или лучше – от истинного кормчего. Ведь и Павел управлял не такою ладьей, но церковью вселенной, будучи научен от самого Владыки моря не искусству человеческому, но мудрости духовной. С этим кораблем случается также много крушений, много треволнений, духов лукавства, "**отвне – нападения, внутри – страхи**" (2Кор.7:5). Потому он поистине был кормчий. Посмотри и на всю нашу жизнь: не такова ли она? То мы пользуемся милостью Божиею, то испытываем бурю, то по собственному неразумию, то по нерадению подвергаемся бесчисленным бедствиям, особенно же потому, что не слушаем Павла, спешим идти туда, куда он не повелевает. Так, он и теперь плывет вместе с нами, только не в узах, как тогда; и теперь внушает и говорит плывущим по этому морю: "**внимайте себе; по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада**" (Деян.22:28,29); и еще: "**знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны**" (2Тим.3:1,2). Это опаснее всех бурь.

5. Будем же пребывать там, где он повелевает, в вере, этой безопасной пристани; будем слушать более его, нежели нашего кормчего, т.е. разума; будем делать не то, что внушает этот кормчий, но что предлагает Павел, прошедший тысячи бурь. Не будем ожидать назидания от опыта, но раньше опыта избегать и огорчений и вреда. Послушай, что говорит он: "**желающие обогащаться впадают в искушение**" (1Тим.6:9). Будем верить

ему: ведь видите, что потерпели неверившие ему. Еще в другом месте он внушает, какие бывают кораблекрушения: "**некоторые**", говорит, "**отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере**" (1Тим.1:19): "**ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен**" (2Тим.3:14). Будем слушаться Павла; слушаясь его, мы, хотя бы подверглись буре, непременно избавимся от опасности хотя бы четырнадцать дней оставались без пищи, хотя бы потеряли надежду спасения, хотя бы окружены были совершенным мраком, избавимся от опасностей. Представим, что вся вселенная - это корабль; в нем есть преступники, сделавшие множество зол, есть и начальники и стражи, есть праведники, как Павел, и узники, связанные грехами. Если будем слушаться Павла, то и в узах не погибнем, но избавимся от них: Бог вверит ему и нас. Разве, ты думаешь, не тяжкие узы – грехи и страсти? Ими связываются не только руки, но весь человек. Скажи мне в самом деле, когда кто-нибудь, собравши множество имущества, не издерживает и не употребляет его на дело, но хранит у себя, не связан ли он хуже всякого узника нерасторжимыми узами корыстолюбия? Также, кто предает себя судьбе, не связан ли и он узами другого рода? Также, когда верят в приметы, или волшебные значки, когда предаются неразумной похоти и сладострастию, – разве это не хуже всяких уз? Кто же расторгнет эти наши узы? Необходима помощь Божия, чтобы расторгнуть их. И одно что-нибудь из этого может подвергнуть нас опасности; а когда и узы и буря вместе, то представь, сколько здесь опасностей. Подлинно, что не может погубить нас? Голод, буря, злоба спутников, неблагоприятность времени? Но против всего этого устоял славный Павел. Так и мы будем иметь общение со святыми, и не потерпим бури, или лучше, когда и случится буря, у нас будет ведро, тишина и безопасность. Та вдова была в дружбе со святым, и сын ее разрешен от смерти, и она опять получила сына своего живым (4Цар.4). Где ступают ноги святых, там не будет ничего прискорбного; а если это и случится, то для испытания и к большей славе Божией. Пусть учащают попирать помост дома твоего ноги их, и диавол не войдет в него. Это верно. Как там, где благовоние, зловоние не имеет места, так и там, где миро святости, демон существовать не может; там веселие присутствующих, удовольствие и наслаждение душевное. Где терние, там дикие звери; а где странноприимство, там нет терний: оказанное милосердие острее всякого серпа, сильнее всякого огня уничтожает терние. Не бойся; диавол страшится следов святых, как лисицы – львов. "**Праведник**", говорит (Премудрый), "**смел, как лев**" (Притч. 28:1). Введем этих львов в дом свой и все звери обратятся в бегство, хотя они не будут взывать громко, но говорить просто. Не так рычание льва обращает в бегство диких зверей, как молитва праведника прогоняет демонов: лишь только произнес он слово, они уже исчезли. Где же скажешь, эти мужи? Везде, если будем верить, если будем искать, если будем домогаться. Где ты искал их, скажи мне? Когда ты занимался этим делом? Когда заботился об этом? Если же не ищешь, то не удивляйся, что и не находишь, – потому что "**ищущий находит**" (Мф.7:8), а не тот, кто не ищет. Послушай о живущих в пустынях; снеси туда золота и серебра; они по всей вселенной. Если ты не принимаешь святого в своем доме, поди сам к нему, побудь вместе с ним, посети его жилище, чтобы найти его и получить от него благословение. Великое дело благословение святых! Постараемся же получить его, чтобы, при помощи молитв их, нам сподобиться милости от укрепляющего их Бога, благодатию и человеколюбием Единородного Сына Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 54

"Иноплеменники оказали нам немалое человеколюбие, ибо они, по причине бывшего дождя и холода, разложили огонь и приняли всех нас. Когда же Павел набрал множество хвороста и клал на огонь, тогда ехидна, выйдя от жара, повисла на руке его" (Дян.28:2,3).

1. Объясняется, какое человеколюбие оказали иноплеменники. "**Разложили огонь**", говорит (писатель), "**и приняли всех нас**". Так как не было никакого другого средства к спасению, потому что холод угрожал им смертью, то они разлагают огонь. Потом Павел, набрав хворосту, положил его в огонь, как говорит (писатель) далее: "**Павел набрал множество хвороста**". Смотри, как он трудится, и чудеса творит везде не просто, но по необходимости: во время бури он пророчествовал, когда представилась причина, а не просто; и здесь опять, собирая хворост и бросая его. Видишь, как он делает все не из тщеславия и не напрасно, а для того, чтобы они спаслись, несколько согревшись. При этом ехидна, вышедши от жару, повисла на руке его; а что она повисла, видно из следующего: "**иноплеменники, когда увидели висящую на руке его змею, говорили друг другу: верно этот человек – убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить**" (ст. 4). Не напрасно попустил (Бог) варварам видеть и говорить это, но для того, чтобы они не отвергли чуда, когда оно совершится. Смотри, какое выражают иноплеменники естественное суждение, как почтительно говорят между собою и не осуждают без всякого основания. Они видят это теперь, чтобы больше удивлялись после. "**Но он, стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда. Они ожидали было, что у него будет воспаление, или он внезапно упадет мертвым; но, ожидая долго и видя, что не случилось с ним никакой беды, переменили мысли и говорили, что он Бог**" (ст. 5, 6). Те самые, которые думали, что "**у него будет воспаление**", т.е. погибнет от воспаления, видя, что с ним не произошло ничегохудого, говорят, что он Бог. Опять воздают ему излишнюю честь, подобно как жители Ликаонии. "**Около того места были поместья начальника острова, именем Публия; он принял нас и три дня дружелюбно угощал**" (ст. 7). Вот и еще странноприимец, Публий, человек богатый и весьма радушный. Он не видел ничего, но единственно из сострадания к их несчастью, принял их и оказал им услугу. "**Отец Публия лежал, страдая горячкою и болью в животе; Павел вошел к нему, помолился и, возложив на него руки свои, исцелил его**" (ст. 8). Он достоин был благодеяния; потому Павел и исцеляет его, воздавая тем ему за оказанный им прием. "**После сего события и прочие на острове, имевшие болезни, приходили и были исцеляемы, и оказывали нам много почести и при отъезде снабдили нужным**" (ст. 9, 10), т.е. дали необходимое для дороги и нам и прочим. Смотри, как они и после избавления от бури не остались беззащитными, но нашли радушный прием из-за Павла; три месяца все они получали там содержание. А что они пробыли там столько времени, послушай, как он объясняет это далее: "**через три месяца мы отплыли на Александрийском корабле, называемом Диоскуры, зимовавшем на том острове, и, приплыв в Сиракузы, пробыли там три дня. Оттуда отплыв, прибыли в Ригию; и как через день подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол, где нашли братьев, и были упрошены пробыть у них семь дней, а потом пошли в Рим. Тамошние братья, услышав о нас, вышли нам навстречу до Аппиевой площади и трех гостиниц. Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился**" (ст. 11-15). Смотри, как все это делается для Павла, и потому какое доверие к нему имели узники, воины, сотник. И подлинно, хотя бы они были каменными, и тогда, слушая советы и предсказания, видя его чудотворения и получая чрез него содержание, они должны были иметь о нем высокое понятие. Заметь, как и он без прекословия принимает правильные суждения и благоразумные мнения, когда они искренни и не происходят от какой-нибудь страсти. Таким образом, проповедь достигла уже Сицилии, достигла и Путеол, где они нашли несколько братьев и останавливались у них. Потом другие братья, услышав о них, выходят к ним навстречу; таково было усердие братий, что и узы Павловы не смутили их, но они пошли к нему навстречу. Смотри, как и он испытал при этом некоторое человеческое чувство: "**увидев**" братию, "**ободрился**". Тот, кто совершил столько чудес, при виде братий ободрился. Отсюда мы видим, что он по-человечески получал и утешения и огорчения. "**Когда же пришли мы в Рим, то сотник передал узников военачальнику, а Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его**" (ст. 16).

Видишь ли: ему позволено было жить особо? И это не маловажное доказательство того, как много удивлялись ему; его не ставили: в числе прочих. "**Через три дня Павел созвал знатнейших из Иудеев и, когда они сошлись, говорил им: мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян**" (ст. 17). Чрез три дня он созвал знатнейших из иудеев, чтобы они не были предубеждены против него по слухам. Что же общего было у него с ними, тогда как не они готовились обвинять его? Но он не заботился об этом, а желал только научить их и не оставить в неведении о том, что им сказано.

2. Так, иудеи, видевшие столько чудес, гнали, преследовали, а иноплеменники, не видевшие ничего такого, из одного сострадания к несчастью оказали человеколюбие. "**Верно**", говорят они, "**этот человек – убийца**". Не прямо утверждают, но говорят: "**верно**", т.е. сколько можно видеть; и "**суд**", говорят, "**Божий не оставляет жить**". Следовательно, они имели понятие о Промысле, и варвары оказались гораздо любомудрее философов. Эти не допускают, чтобы все под луною было управляемо Промыслом, а те думают, что Бог присутствует везде, и что, хотя бы кто-нибудь (из виновных) избег многого, он не избегнет совершенно наказания. И смотри, они не нападают на него решительно, но оказывают сострадание к несчастью, и не провозглашают в слух всех, а говорят "**друг ко другу**"; узы внушали им подозрение, потому что те были узники. Да устыдятся те, которые говорят: не благодетельствуй находящимся в темницах! Устыдимся этих иноплеменников; они не знали, кто таковы были узники, а, только, сострадая несчастью, помнили, что они люди, и потому оказали им человеколюбие. "**Они ожидали было**", говорит (писатель), т.е. они долго ждали, что он умрет. А он стряхнул животное в огонь и показал ничем невредимую руку. Увидев это, они удивились и изумились. Чудо совершилось не тотчас, но некоторое время они ждали, чтобы оно не было принято за призрак; следовательно, это не был обман или призрак. "**Около того места были поместья начальника острова, именем Публия; он принял нас и три дня дружелюбно угощал**". Хорошо это сказано, потому что угостить двести семьдесят душ – знак великой любви. Смотри, какая польза от странноприимства: не по какой-нибудь необходимости и не против воли, но почитал (странноприимство) драгоценным благом, он угощал их "**три дня**"; потому справедливо и получает воздаяние, и притом гораздо большее, нежели сколько дал: (Павел) исцеляет отца его, тяжко страдавшего болью в животе, и не только ему, но и многим другим больным доставляет исцеление; а они, в благодарность за это, воздают ему почести и приносят дары. Это выражает (писатель) в следующих словах: "**и оказывали нам много почести и при отъезде снабдили нужным**". Не награду он взял, – да не будет, – но здесь исполнилось написанное: "**трудящийся достоин пропитания**" (Мф.10:10). Очевидно, что те, которые так приняли их, приняли и проповедь; он не стал бы беседовать с ними три месяца, если бы они действительно не уверовали и не явили плодов (веры); это служит ясным доказательством, что здесь было много веровавших. "**И отплыли на Александрийском корабле, называемом Диоскуры, зимовавшем на том острове**". Это, вероятно, было написано на нем; так они были преданы идолопоклонству! Смотри, как плывущие то останавливаются, то опять спешат. "**Павлу позволено жить особо**". Павел пользовался уже таким уважением, что ему позволено было жить особо; и не удивительно: если и прежде принимали его благосклонно, то тем более теперь. "**Подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол, где нашли братьев, и были упрошены пробыть у них семь дней, а потом пошли в Рим. Тамошние братья, услышав о нас, вышли нам навстречу до Аппиевой площади и трех гостиниц**". Они вышли по какому-нибудь опасению, но сами обстоятельства достаточно успокаивают их. Смотри, как спутники Павла во время столь продолжительного плавания не приставали ни к какому городу, но только к острову, где и провели целую зиму; это для того, как я сказал, чтобы они обратились к вере. "**Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его**". Конечно для того, чтобы невозможно было строить против него какие-

нибудь козни; там уже нельзя было производить возмущения. Потому воин не столько стерег его, сколько смотрел, чтобы не причинили ему чего-нибудь неприятного; в таком городе, где был царь, и когда дело перенесено было на суд его, не следовало быть беспорядку. Так всегда то, что, по-видимому, против нас, служит к нашему благу. Воин был стражем Павла. "**Через три дня Павел созвал знатнейших из Иудеев и, когда они сошлись, говорил им**"; они же не соглашаются с ним и, услышав от него укоризну, удаляются, не смея сказать ничего, так как здесь уже не позволялось им сделать что-нибудь против него. Удивительно, как все – не только то, что, по-видимому, служит к нашей безопасности, но и противное тому – обращается нам во благо. Чтобы убедиться в этом, выслушай следующее. Фараон повелел бросать младенцев в реку (Исх.1:22). Если бы младенцы не были бросаемы, если бы не было такого повеления фараонова, то Моисей не был бы сохранен и воспитан в царских чертогах. Когда он был скрываем, то не был в чести; а когда был положен (в реку), тогда стал в чести. Это сделал Бог, чтобы явить Свое могущество и мудрость, иудеянин с угрозою говорил Моисею: "**не думаешь ли убить меня**" (Исх.2:14); но и это принесло ему пользу, случилось по устроению (Божию) для того, чтобы он удостоился видения в пустыне, чтобы исполнилось надлежащее время, чтобы он любомудрствовал в уединении и жил в безопасности. И при всех огорчениях, причиненных ему иудеями, было тоже: он делался еще славнее, подобно как было и с Ааароном. На него восстали, но чрез это сделали его более славным. После того он украшается священническою одеждою, на него возлагается кидар и прочие принадлежности одеяния, так что посвящение его становится несомненным, и после того он делается предметом удивления по своей медной дщице. Впрочем, вы знаете эту историю; потому я более и не распространяюсь. Если хотите, обратимся еще выше. Каин убил брата, но тем самым принес ему более пользы. Послушай, что говорит Бог: "**голос крови брата твоего вопиет ко Мне**" (Быт.4:10); и в другом месте говорится: "**к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева**" (Евр.12:24). Он избавил его от будущей неизвестности, доставил ему большую награду, и все мы узнали, какую любовь имел к нему Бог. Что он потерял, будучи преждевременно предан смерти? Ничего. А что, скажи мне, приобретают те, которые умирают позже? Ничего. Не в том состоит благоденствие, чтобы жить много лет или мало, а в том, чтобы пользоваться жизнью, как должно. Три отрока ввержены были в печь, но чрез это сделались более славными; Даниил был ввержен в ров, но чрез это сделался более знаменитым.

3. Видишь ли, как искушения всегда служат к великому благу и здесь, а не только там? В несчастье бывает подобное тому, как если бы кто-нибудь стал тростью сражаться с огнем; по-видимому он поражает огонь, но делает его еще светлее и изнуряет самого себя. Так и несчастье бывает для добродетели причиною и поводом к ее прославлению. Когда при несправедливости (других) мы вверяемся управлению Божию, как следует, тогда наши достоинства сияют яснее. Также, когда действует диавол, то подвергающиеся его действию становятся светлее. Почему же, скажешь, с Адамом не случилось этого, а напротив, он подвергся унижению? Ему-то в особенности Бог и устроял все на пользу; если же он пострадал, то сам причинил зло самому себе; и все, что причиняется нам другими, служит к великому нашему благу, а что происходит от нас самих, то не таково. Когда нам. причиняют зло другие, то мы скорбим, а когда сами себе, то нет; потому Бог и внушает нам, что претерпевающий несправедливость от другого получает пользу, а претерпевающий от самого себя получает вред, и конечно для того, чтоб мы первое мужественно переносили, а последнего избегали. Но с Адамом, скажешь, было совершенно не так. Для чего же он послушался жены? Почему не отверг совета противного (заповеди Божией)? Ты (Адам) сам был виновен; потому что, если бы виною этого был диавол, то все искушаемые непременно погибали бы: если же они не погибают, то виною (погибели) бываем мы сами. Но в таком случае, скажешь, или все искушаемые не должны уклоняться с правого пути, или, если виною бываем мы сами, должно было

погибать и без диавола? Так и бывает; многие погибают и без диавола; не все делает он, а многое бывает и от одного нашего неразумия; и в том, чему он бывает виною, мы подаем ему повод. Скажи мне, когда диавол овладел Иудою? Когда, скажешь, вошел в него сатана. Но вот, что причиною: "**не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор**" (Ин.12:6). Он сам открыл ему широкий вход. Следовательно, не диавол полагает начало, а мы сами призываем и принимаем его. Но, скажешь, если бы не он, то зло не было бы так велико? Тогда неминуемо постигало бы нас и наказание; а теперь, возлюбленный, наказания наши легче; если же все злое происходило бы от нас самих, то нас постигало бы наказание невыносимое. Скажи мне, если бы так, как согрешил Адам, он согрешил без постороннего совета, то кто избавил бы его от бед? Но, скажешь, он не согрешил бы. Почему ты говоришь это? Нет, кто был так слаб, неосторожен и удобопреклонен, что принял такой совет, тот легко мог поступить также и без этого. Какой диавол побуждал братьев Иосифа к ненависти? Итак, возлюбленные, если мы сами будем бодрствовать, то диавол соделается виновником нашей славы. Какой вред, например, причинили все козни его Иову? Не говори об этом, скажешь ты; человеку слабому он причиняет вред. Но слабый падает и без диавола. А при его содействии, скажешь, он падает тяжелее? Но легче и наказывается, если он грешит при содействии диавола; не для всех ведь грехов одинаковы наказания. Не будем же обманывать себя; диавол не причиняет нам зла, если мы сами бодрствуем; чаще он пробуждает нас, возбуждает нас. Скажи мне (обратим внимание пока на это): если бы не было диких зверей и непостоянства ветров, ни болезней, ни печалей, ни скорбей и ничего подобного, то чем сделался бы человек? Мне кажется, не подвергаясь ничему такому, он уподобился бы более свинье, чем человеку, стал бы предаваться объядению и пьянству. А теперь заботы и беспокойства – для него упражнение и училище любомудрия, средства доброго воспитания. Еще: представь, что кто-нибудь воспитывается в царских чертогах, не зная ни скорбей, ни забот, ни беспокойств, не имея случаев ни к гневу, ни к недовольству; пусть делается и исполняется все, чего бы он ни пожелал, и пусть все готовы служить ему: не может ли такой человек сделаться неразумнее всякого животного?

А теперь несчастья и огорчения – как бы оселок, изощряющий нас. Потому-то бедные по большей части бывают умнее богатых, подобно как обуреваемые и поражаемые сильными волнами. Тело, остающееся в праздности и бездействии, бывает болезненно и безобразно, а движущееся, трудящееся и переносящее тяжести бывает благообразнее и здоровее; тоже бывает и с душою. Железо, когда лежит, ржавеет, а когда находится в деле, то бывает блестящим; так и душа, – когда она действует; а к действию возбуждают ее несчастья. И способности погибают, если душа остается без действия; а действует она тогда, когда не все готово к ее услугам, потому что она возбуждается к действию противным ей. Если бы не было противного, то не было бы и деятельности; например, если бы все было отделано прекрасно, то искусство не имело бы над чем трудиться; так и (душа, если бы все шло по нашему желанию, не находила бы деятельности), если бы все нам удавалось, была бы бесчувственна. Не видишь ли, как мы приказываем кормилицам не всегда носить детей на руках, чтобы это не обратилось им в привычку, и они не сделались слабыми? Потому-то дети, воспитывающиеся на глазах родителей, бывают слабее, так как неблаговременная и неумеренная нежность вредит их здоровью. И умеренная скорбь – благо, и заботы – благо, и бедность – благо; крепкими делают нас и добро и зло; но то и другое обращается нам во вред, когда бывает не в меру; первое расслабляет, а последнее поражает. Не видишь ли, что тоже внушал и Христос ученикам Своим (Ин.16:33)? Если же они имели в этом нужду, тотем более мы. Если же мы имеем в этом нужду, то не будем роптать, но радоваться в скорбях. Все это – лекарства, соответствующие нашим ранам, одни горькие, другие сладкие; но те и другие сами по себе, отдельно, были бы бесполезны. Будем же за все это благодарить Бога; Он попускает это не напрасно, но для блага наших душ. В чувстве признательности будем благодарить и прославлять Его, будем мужественно

бороться (с бедствиями), помня, что они временны и обращая мысли свои к будущему, чтобы мы могли легко переносить и настоящее, и удостоиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 55

"Через три дня Павел созвал знатнейших из Иудеев и, когда они сошлись, говорил им: мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян. Они, судив меня, хотели освободить, потому что нет во мне никакой вины, достойной смерти; но так как Иудеи противоречили, то я принужден был потребовать суда у кесаря, впрочем не с тем, чтобы обвинить в чем-либо мой народ. По этой причине я и призвал вас, чтобы увидеться и поговорить с вами, ибо за надежду Израилеву обложен я этими узами" (Деян.28:17-20).

1. Хорошо и прилично поступает, приглашая знатнейших из иудеев для беседы. Он хотел оправдать и себя и других: себя – чтобы они не обвиняли его, что могло повредить им самим, а тех – чтобы кто не подумал, что все (случившееся) было их делом. Конечно, распространилась молва, что он предан иудеями; а это могло тронуть их. Потому он немедленно обращает на это внимание и кротко говорит в свое оправдание. И смотри, какими словами он выражает свое оправдание: "**мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян**". После этого, так как некоторые из слушателей, вероятно, сказали бы: чем доказать, что ты предан без вины? – он присовокупляет: "**они, судив меня, хотели освободить**", и как бы так говорит: свидетели тому римские начальники, которые судили и хотели освободить меня. Почему же не освободили? "**Но так как Иудеи противоречили**", говорит. Видишь ли, как он смягчает их вины? Если бы он хотел преувеличить, то мог бы сказать гораздо сильнее. Затем присовокупляет: "**то я принужден был потребовать суда у кесаря**"; все это заслуживает одобрения. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: что же? не для обвинения ли их ты сделал это? – он отклоняет такое предположение, прибавляя: "**впрочем не с тем, чтобы обвинить в чем-либо мой народ**", т.е. я потребовал суда у кесаря не для того, чтобы обвинять вас, но чтобы избежать опасности. Для вас я "**обложен я этими узами**". Я так далек, говорит, от вражды к вам, что даже обложен (для вас) цепями. Что же они? Они были так увлечены его речью, что стали оправдывать не только себя, но и единоплеменников своих, как показывает (писатель), продолжая: "**они же сказали ему: мы ни писем не получали о тебе из Иудеи, ни из приходящих братьев никто не известил о тебе и не сказал чего-либо худого. Впрочем желательно нам слышать от тебя, как ты мыслишь; ибо известно нам, что об этом учении везде спорят**" (ст. 21, 22). Как бы так говорят: ни чрез письмо, ни чрез людей не сообщили нам о тебе ничего худого; впрочем мы желали бы послушать тебя. А вместе с тем уже наперед высказывают свое мнение, прибавляя: "**ибо известно нам, что об этом учении везде спорят**". Не сказали: мы противоречим, но: "**везде спорят**", – чтобы отклонить от себя осуждение. "**И, назначив ему день, очень многие пришли к нему в гостиницу; и он от утра до вечера излагал им учение о Царствии Божием, приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе из закона Моисеева и пророков. Одни убеждались словами его, а другие не верили**" (ст. 23, 24). Видел ли ты, как он не тотчас отвечает им, но назначает день, в который им придти и слушать; и когда они пришли, говорит из закона Моисеева и пророков. "**Будучи же не согласны между собою, они уходили, когда Павел сказал следующие слова: хорошо Дух Святый сказал отцам нашим через пророка Исаию: пойди к народу сему и скажи: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите. Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем,**

и не обратятся, чтобы Я исцелил их" (ст. 25-27). Когда они уходили, не согласившись между собою, тогда он приводит слова Исаии, не для того, чтобы укорить этих (не веровавших), но чтобы утвердить (уверовавших). Какие слова? "**Слухом услышите, и не уразумеете**". Видишь ли, как он показывает, что они не достойны прощения, если, имея и пророка, издревле предвозвестившего это, не обратились? А словом: "**хорошо**" выражает, что они справедливо и отвергнуты; язычникам же дано познание этой тайны. Потому нисколько не удивительно, что они противоречили; это предсказано издревле. Потом снова возбуждает в них соревнование, указывая на язычников следующими словами: "**итак да будет вам известно, что спасение Божие послано язычникам: они и услышат. Когда он сказал это, Иудеи ушли, много споря между собою. И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно**" (ст. 28-31). Здесь (писатель) показывает, как Павел был наконец свободен; в Риме он проповедует невозбранно, между тем как в иудеи встречал препятствия, и оставался там учить в продолжение двух лет.

2. Но обратимся к вышесказанному. "**По этой причине**", говорит (Павел), "**я и призвал вас, чтобы увидеться и поговорить с вами**", т.е. для того я хотел этого, чтобы никто не мог обвинять меня и по собственному соображению говорит, будто я, избегши рук иудеев, прибыл сюда для их обвинения; я прибыл не с тем, чтобы сделать зло другим, но чтобы самому избавиться от зла. "**Желательно нам слышать от тебя, как ты мыслишь**". Смотри, как и они выражаются кротко: "**желательно нам слышать**", говорят; а вместе хотят оправдывать и тех; потому и пришли в назначенный день. Это доказывает, что они считали себя не совсем правыми и чувствовали робость; если бы они не чувствовали робости, то сошлись бы и тотчас напали бы на него; а теперь, не смея сделать этого, они приходили не вдруг; также и частый приход их доказывает, что они чувствовали робость. "**Одни**", говорит (писатель), "**убеждались словами его, а другие не верили. Будучи же не согласны между собою, они уходили**", т.е. уходили те, которые не веровали. Смотри: теперь они не замышляют против него козней, подобно как в иудеи, где они как бы господствовали. Для чего же (Бог) устроил, чтобы он удалился туда, и сказал ему: "**поспеши и выйди скорее из Иерусалима**" (Деян.22:18)? Для того, чтобы обнаружилась и злоба (иудеев), и истина пророчества Христова о том, что они не примут свидетельства, и чтобы все увидели, как он был готов страдать, равно и для того, чтобы и находившиеся в Иудеи получили от того утешение; ведь и там он претерпел много бедствий. Если он претерпел это, когда возвещал учение иудейское, то чего они не сделали бы, если бы он проповедовал славу Христову? Если тогда, когда принимал очищение, был для них несносен, то как они потерпели бы его, если бы он предлагал проповедь? В чем вы обвиняете его? Что вы слышали от него? Ничего такого он не сказал: только явился, и все восстали на него. Потому справедливо спасение передано язычникам, справедливо он послан далеко, чтобы там говорить язычникам. Но, смотри, и здесь он наперед призывает иудеев, и объяснив им дело, потом уже обращается к язычникам. Выражение: "**Дух сказал**" нисколько не удивительно; (иногда) и ангелу приписывается то, что сказал Господь. "**Хорошо сказал**", говорит, "**Дух Святый**"; здесь так, а в другом месте иначе. Иногда и о словах ангела не говорят: хорошо сказал ангел, но: хорошо сказал Господь. "**Хорошо Дух Святый сказал**": как бы так говорит: не мне вы не веруете, но Духу; Бог издревле предвидел это. "**Они, судив меня**", говорит, "**хотели освободить**"; т.е. не нашедши во мне ничего достойного осуждения, хотели освободить меня; тогда как иудеям следовало отпустить меня, они предали меня в руки римлян, и такова была дерзость их, что даже и эти, хотя не могли ни в чем обвинить меня, оставили меня связанным. "**Я принужден был**", говорит, "**потребовать суда у кесаря, впрочем не с тем, чтобы обвинить в чем-либо мой народ**", т.е. я сделал это не для того, чтобы другим причинить зло, но чтобы себя избавить от зла, и не по своей воле, но, будучи вынужден. Смотри,

какой любви исполнены слова его: не считает себя чужим, но близким к ним, говоря: "**мой народ**"; опять внушает учение (любви). Не сказал: не клевещу, но: "**не с тем, чтобы обвинить**", хотя потерпел от них столько худого. Не напоминает им ни о чем подобном, чтобы не сделать слов своих тягостными для них; впрочем и не льстит им, и потому не (прямо) говорит, но только намеком и мимоходом, так как главным образом он хотел выразить то, что иудеи предали его римлянам, как узника. Им следовало осудить тех (иудеев), следовало обвинить; а они оправдывают их, но оправданием своим обвиняют самих себя. "**Ибо известно нам**", говорит, "**что об этом учении везде спорят**". Правда, бывает и это, но также и принимаете веру повсюду. "**Приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе**", говорит (писатель), "**из закона Моисеева и пророков**". Смотри, как он опять заграждает им уста не знамениями, но словами из закона и пророков, как он делал везде; хотя он мог сотворить знамения, но и тогда они не поверили бы; а и то великое знамение – говорит из закона и пророков. Затем, чтобы не показалось странным, что они остались неверующими, он присовокупляет и пророчество: "**слухом услышите**", говорит, "**и не уразумеете**", – еще более теперь, нежели тогда, – "**и очами**

смотреть будете, и не увидите", – еще более теперь, нежели тогда. Это сказано к неверовавшим, и не укорять он хотел, а предотвратить соблазн. "**Да будет вам известно**", говорит, "**что спасение Божие послано язычникам: они и услышат**". Для чего же ты говоришь нам? Разве ты не знал этого? Знал; но я говорю в свое оправдание, чтобы убедились и никто не имел предлога (к обвинению меня). "**И жил Павел целых два года**", говорит (писатель), "**проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно**". Прекрасно он прибавил это, потому что можно учить с дерзновением, но и с препятствиями; а Павлову дерзновению ничто не препятствовало; он говорил невозбранно. "**И жил Павел**", говорит, "**целых два года на своем иждивении**": так он был умерен, или лучше, так во всем подражал своему Учителю, что имел и жилище не на чужой счет, но на счет того, что сам зарабатывал; это именно означают слова: "**на своем иждивении**". А что Господь не имел и жилища, послушай, как Он сам в ответ сказавшему необдуманно: "**я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел**", говорит: "**лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Мф.8:19,20). Так собственным примером Он учил не искать ничего и не слишком прилепляться к предметам житейским. "**И принимал всех**", говорит, "**приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие**". Смотри: он не говорил ничего о настоящем, но все о царствии Божием. Видишь ли благоустроение Божие? Этим писатель оканчивает свое повествование и оставляет жаждущего слушателя, чтобы остальное он дополнил собственным умозаключением. Так делают и внешние (языческие) писатели, потому что знание всего может располагать к лености и небрежности. Так и он делает, не говорит о последующем, считая это излишним для тех, которые внимательно читают написанное и из сказанного научаются дополнять остальное. Конечно, каково было прежнее, таково же было и последующее. Впрочем, послушай, что сам (Павел) говорит о последующем в послании к Римлянам: "**как только предприму путь в Испанию, приду к вам**" (15:24).

3. Видишь ли, как все предвидела эта святая и божественная глава, этот муж, высший небес, имеющий душу способную обнимать все, первоверховный Павел? Одного имени его знающим достаточно для того, чтобы возбудить душу к бодрствованию, чтобы прогнать всякий сон. Рим принял его связанного, прибывшего по морю, спасшегося от кораблекрушения, и – избавился от треволнений заблуждения. Как бы какой царь, бывший в морском сражении и победивший, он вошел в царственный город. Об этом он говорит в послании: "**приду к вам, то приду с полным благословением: придти к вам и успокоиться с вами**" (Рим. 15:29,32); и опять: "**теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым**" (Рим.15:25); это тоже, что говорил прежде: "**я пришел, чтобы**

доставить милостыню народу моему" (Деян.24:17). Он был уже близок к венцу; Рим видел его связанным, и (потом) увидел увенчанным и прославленным. То он говорил: "**успокоиться с вами**"; то: "**я иду в Иерусалим, чтобы послужить**". Последнее было началом нового течения; неутомимый, он прилагал трофеи к трофеям. Коринф имел его у себя два года, Азия – три, этот (Рим) – теперь два, а потом он пришел туда во второй раз, когда и скончался. "**При первом моем ответе**", говорит он, "**никого не было со мною**" (2Тим. 4:16). Таким образом, теперь он не подвергся смерти, а потом, когда наполнил проповедью всю вселенную, разрешился от жизни. Ты хотел бы знать последующее? Оно таково же, каково и предыдущее: узы, страдания, борьба, темничное заключение, козни, клеветы, ежедневная смерть. Ты видел малую часть (дел) его? Представь такою же и остальную. Как небо, в какой бы мере ты ни видел его, все точно таково же, увидев одну часть неба, куда бы ты ни пошел, увидишь его таким же везде; или как по лучам солнца, хотя бы ты видел их отчасти, можешь заключать о том, каково солнце, – так и в отношении к Павлу. Ты видел дела его отчасти; все они таковы же, исполнены бедствий. Этот муж – небо, вмещавшее в себе Солнце правды, а не это солнце; потому и сам он выше неба. Разве этого мало? Не думаю. Когда ты называешь апостола, все тотчас разумеют его, подобно как при имени Крестителя тотчас (разумеют) Иоанна. Чему можно уподобить слова его: морю или даже океану? Ничто не может сравняться с ними. Потоки их гораздо обильнее, чище и глубже моря, так что не погрешил бы, кто назвал бы сердце Павлово и морем и небом, небом по чистоте, морем по глубине. Это – море, не из города в город переселяющее плывущих по нему, но от земли на небо. Кто плывет по этому морю, тот будет плыть при попутном ветре. На этом море не ветры, но вместо ветров Святый Дух Божий сопровождает плывущие души. Здесь нет волн, нет подводных камней, нет зверей, здесь все тихо. Это – море, спокойнейшее и безопаснейшее всякой пристани, не имеющее ничего горького, но заключающее в себе источник чистый и источающий сладчайшие потоки, прозрачнейший и светлейший солнца; море, содержащее в себе не драгоценные камни и не пурпур, но сокровища гораздо лучшие. Кто хочет погрузиться в это море, тому не нужны ни орудия плавания, ни елей, но любомудрие, и тот найдет в нем все блага царствия небесного; тот может сделаться царем, приобресть весь мир и быть в величайшей чести. Кто плывет по этому морю, тот никогда не подвергнется кораблекрушению, но будет хорошо распознавать все. Но как неопытные утопают в обыкновенном море, так и здесь, – что и случается с еретиками, покушающимися на то, что выше сил их. Потому нужно знать эту глубину, или не дерзать (погружаться в нее). Если мы хотим плыть по этому морю, то должны быть крепко препоясаны. "**И я не мог**", говорит он, "**говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими**" (1Кор.3:1). Никто, не способный к терпению, пусть не плывет по этой глубине. Приготовим себе корабли, т.е. усердие, ревность, молитвы, чтобы безопасно пройти эту глубину; ведь эта вода есть вода живая. Как имеющий у себя закаленную сталь, так и знающий Павла бывает силен; как владеющий острым мечом, так и этот бывает неприступен. Но чтобы уразуметь Павла, для этого нужна чистая жизнь; потому он и говорил: "**для вас нужно молоко: потому что вы сделались неспособны слушать**" (Евр.5:11,12). Бывает, подлинно бывает и немощь слуха. Как желудок не может принимать здоровой и твердой пищи, когда он слаб, так и душа надменная и раздражительная, делаясь бессильною и расслабленною, не может принимать духовного слова. Послушай, что говорили ученики: "**какие странные слова! кто может это слушать?**" (Ин.6:60) А когда она здорова и крепка, тогда все для нее легко, все удобно; делаясь возвышенною и легкою, она более и более устремляется горе и достигает высоты. Зная это, будем сохранять душу свою здоровою, будем соревновать Павлу, будем подражать этой доблестной и адамантовой душе, чтобы, шествуя по следам его жизни, мы могли проплыть море настоящей жизни, достигнуть безмятежной пристани и сподобиться благ, обетованных живущим достойно Христа, благодатию и человеколюбием Господа нашего

Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.